

Р823

Русские в Коми-Пермяцком округе:
обрядность и фольклор.
Материалы и исследования

Пермский государственный педагогический университет
Центр этнолингвистики народов Прикамья

А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных

**Русские в Коми-Пермяцком округе:
обрядность и фольклор.
Материалы и исследования**

Пермь 2008

Т5
УДК 390(=82)
ББК 63.521(=411)
Р 892

Авторский коллектив:

А.А. Бахматов, директор Юрлинского историко-краеведческого музея;

Т.Г. Голева, кандидат исторических наук, преподаватель Пермского краевого института повышения квалификации работников образования,

И.А. Подюков, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета;

А.В. Черных, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского отдела Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук.

Научный редактор:

И.А. Подюков, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета.

Рецензенты:

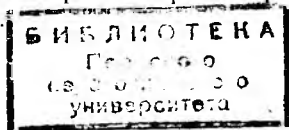
К.Э. Шумов, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного университета;

С.С. Шляхова, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета.

Издание описывает духовную культуру одного из специфических в культурно-языковом отношении регионов Прикамья – русских территорий Коми-пермяцкого округа. Основанное на полевых материалах, оно прежде всего характеризует локальные разновидности местной фольклорной и обрядовой традиции (семейная, календарная, хозяйственная обрядность, верования и магия; сказочная, заговорная, песенная традиция), выявляет следы взаимодействия русской и коми-пермяцкой народной культуры.

Книга предназначена для историков, этнографов, фольклористов и диалектологов, представляя интерес для краеведов. Издание может быть использовано как пособие при подготовке историков и филологов, в преподавании предметов регионального цикла в образовательных учреждениях Коми-Пермяцкого округа и Пермского края.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 06-04-82408а/У («Русские в Коми-пермяцком автономном округе»), Гранта РГНФ – регион «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края» (№08-04-82408а/У). Издание монографии осуществлено на средства Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края и Пермского государственного педагогического университета.

© А.А. Бахматов, Т.Г. Голева,
И.А. Подюков, А.В. Черных, 2008
© Издательство «ОТДО», 2008

Оглавление

От авторов	4
I. СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА	11
Родинный обряд и детство	11
Проводы в армию	23
Свадебный обряд русских Коми-Пермяцкого округа	27
Похоронно-поминальная обрядность	83
II. КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ	119
Весенние праздники и обряды	120
Летние праздники	142
Праздники и обряды осеннего периода	149
Зимняя обрядность	159
Межэтническое взаимодействие как фактор формирования специфики календарной обрядности региона	182
III. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ, НАРОДНАЯ МАГИЯ И МИСТИКА	189
Хозяйственная обрядность	189
Народная медицина	203
Колдовство, порча, сглаз	218
Демонологические представления	219
IV. ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ КРАЯ	253
Народная проза	253
Заговоры и обереги	270
Былички	282
Малые жанры	289
Детский фольклор	300
Песенный фольклор	303

От авторов

Русская народная культура Прикамья, как известно, формировалась на основе переселенческих традиций, поскольку основу русских края составили выходцы из других регионов России – с территорий Русского Севера, а позднее и Поволжья. Последующее её саморазвитие происходило во взаимодействии культурных традиций различных переселенческих потоков и при адаптации обрядовых и фольклорных традиций к местным условиям. Большую роль при этом играло взаимодействие с иноэтничным – прежде всего, финно-угорским населением Прикамья. Это привело к формированию ярких региональных особенностей народной культуры русских в Коми-пермяцком округе, к консервации многих её архаичных форм и к восприятию ею ряда финно-угорских элементов.

Русские на территории Коми-пермяцкого округа расселены достаточно неоднородно¹. В наиболее целостном и развитом виде культурная традиция русских представлена на основной территории – в Юрле. Юрлинский район – это 12 сельских администраций с доминирующим русским населением (более 12 тысяч человек). Соседние с ним районы населены в основном коми-пермяками (с севера – Кочевский, с юга – Кудымкарский, с востока – Косинский районы, с запада – Афанасьевский район Кировской области с зюдинской группой коми-пермяков). Таким образом, Юрла считается своеобразным русским островом, территорией, основу формирования которой, по мнению большинства историков, составили русские переселенцы из других регионов России (край начал осваиваться русскими с XVII в.). Первыми на этих землях обосновались русские крестьяне, выходцы из соседней Вятской губернии (второй поток миграции в Юрлинский край, как считается, приходится на первую половину XVIII в. и связан прежде всего с расселением старообрядцев из Поволжья и с других территорий Прикамья). При этом в формировании юрлинской группы русских участвовали и коми-пермяки – пришедшие русские часто женились на коми-пермячках. В последующем в Юрлинском крае идут процессы консолидации различных переселенческих групп в единую этнокультурную общность.

Из других территорий компактного расселения русских на территории Коми-Пермяцкого округа следует назвать особую культурно-языковую зону – Гайнский район. Здесь, в непосредственном контакте с северными коми-пермяками, русское население закрепляется уже с XVI века. В состав гайнской группы русских входит несколько групп русских деревень (наиболее крупный ареал сложился по р. Кама у бывшего села Монастырь – это одна из самых ранних освоенных русскими территорий верхнего Прикамья).

¹ См. об истории формирования в крае основных групп русских, характеристике их этнолингвистических особенностей в издании «Словарь русских говоров Коми-пермяцкого округа». Пермь, 2006.

Деревня Монастырь, основанная в 1539 г., – исконно русская деревня, в свое время объединявшая большое количество малых деревень, почти не сохранившихся к нашему времени (Пальник, Сосновая, Усть-Чукурья, Бурдаково, Весляна, Кулига, Логиново, Плёсо, Пашня, Гарь, Пономаревка и др.). Старожилы связывают заселение здешних мест со временем распространения в крае христианства: «По реке Голгофе плыл до Перми Великий Степан Пермский на святом камне. Везде его принимали. Увидел он ручеек, это была Кама. И Степан сказал: «Этот ручеек будет кормить людей». Так и вышло. По реке в посёлки муку доставляли, пароходы шли, лес сплавляли. Наша Кама всех кормила». (*Зап. от Лихачёвой С.А., д. Монастырь Гайн.*). Сведений об историческом прошлом края у местного населения немного, преобладают наивные объяснения истории заселения. «Сюда поселились первыми от Екатерины, давно. Кто-то, говорят, из-под Москвы, кто-то из-под Петенбурга. Монастырь почему называется – тут монахи жили, богу молились. Вот нас монашенками и обзывали. В церкву туда все ходили. Церковь там беда давно была, давно, поставили её молиться. Приезжали со всех деревён. Колокола были, звон был – десять верст слышно было. А в деревнях во всех, в каждой, часовенка была» (*Сёйва Гайн.*).

Есть еще один куст русских деревень Гайнского района – Базуевский, включающий деревни Базуева, Щипицино, Тиуново (имеет более позднее формирование). Первые сведения об этих поселениях относятся к началу XIX в. – их определяют как деревни, возникшие «на ключах»¹. По своим корням гайнским считается также русское население Косинского района, которое не представляло в прошлом компактного ареала расселения (русскими здесь считают себя лишь жители деревни Кривцы на р. Кама и деревень Новоселово, Мыс, Каш-Пальник Порошевского сельского совета).

Отдельную и достаточно значительную группу русских южной части территории современного Коми-Пермяцкого округа составляет русское горнозаводское население (п. Пожва и п. Майкор и окрестные с ними деревни Юсьвинского района). Сюда же примыкает незначительное число русских из с. Кува Кудымкарского района – формирование русского населения этих территорий связано со строительством Пожвинского (Пожевского), Никитинского (п. Майкор) и Кувинского заводов. В традиционной культуре и укладе жизни здесь фиксируется немало черт «городского» характера.

Еще одна специфическая группа русских в крае – население коми-пермяцко-русского пограничья (в южной части Юсьвинского и Кудымкарского районов). Наиболее компактно русские деревни располагаются в Полвинском сельском совете Кудымкарского района по р. Кизьва и р. Полва (д. Ракишино, д. Филаева и др.). Компактность расположения русских здесь не препятствует активным, чрезвычайно плотным контактам их с соседним ко-

¹ Кривошеков И.Я. Географическо-статистический словарь Чердынского уезда. Пермь, 1914. С. 196, 247, 788.

ми-пермяцким окружением. Местная русская речь в этой зоне отличается сильной финноугорской окрашенностью.

Специальное изучение традиционной культуры русских на территории Коми-пермяцкого округа началось сравнительно поздно и в основном было ориентировано на Юрлинскую территорию. Исследователь И.Н. Смирнов, считая юрлинцев обрусевшими пермяками, зафиксировал культурное взаимодействие русских и коми-пермяков. В частности, он отмечает, что «во всех трех ... волостях Чердынского уезда (Юмская, Юрлинская, Усть-Зулинская) жители считают себя русскими и говорят, что пермяки живут за Косой»¹. Он же отметил, что нередко русские здесь «говорят дома по-пермяцки». К нашим дням (нач. XXI в.) этнолингвистическая ситуация решительно изменилась – коми-пермяцкий язык здесь практически не известен (при этом в местных говорах немало финноугорских включений – терминология охоты, рыбалки и собирательства, отдельные пласты лексики, связанные с семейным укладом, природная и географическая лексика).

Исследователи и в прошлом не раз фиксировали свое внимание на специфике местной культурной традиции. Так, «Этнографическое описание села Юрлы Чердынского уезда», составленное диаконом В. Славным (вторая половина XIX в.), содержит интересный этнографический материал о быте и культуре юрлинцев. В частности, здесь дано подробное описание поминальной обрядности, храмовых праздников села (эти материалы хранятся в Государственном архиве Пермского края и до сих пор не опубликованы²). Отдельные исторические и этнографические сведения о русских Юрлы содержатся в «Словаре географическом и статистическом Чердынского уезда Пермской губернии» И.Я. Кривошекова. Например, в разделе о с. Юрла автор отмечает: «Из обычаев обращает на себя внимание процесс хождения по селу с берёзкой в Троицын день, украшенной лентами...»³).

В дальнейшем, вплоть до 1970-х гг., мы не находим публикаций, в которых характеризовались бы явления традиционной народной культуры края. К этому времени относится лишь рукопись М.В. Мазунина, хранящаяся в Чердынском районном краеведческом музее. В ней представлены традиции народного календаря и семейной обрядности нескольких деревень Вятчинского сельского совета (рукопись датируется 1941 г., однако автор отмечает, что в ней описываются те явления, которые он наблюдал в конце XIX в.⁴).

Интерес к региону резко возрос к 80-х годам XX в. Пермским отрядом этнографической экспедиции сектора «Русские» Института этнографии АН СССР проводилось полевое историко-этнографическое и фольклористическое изучение Юрлинского района (руководитель И.В. Власова; обследо-

¹ Там же. С.174.

² Государственный архив Пермской области. Ф.973, оп.1, д.288.

³ Кривошеков И.Я. Указ. соч. С.805.

⁴ Чердынский районный краеведческий музей, № 3009: Мазунин М.В. Описание бытовых сторон населения Юрлинского района за время с 1870-х гг. по 1917 г.

ние проводилось в селах Юрла и Юм, деревнях Кукольная, Осинка, Лопва). Помимо истории формирования населения, описания специфики поселений, жилища, костюма, элементов материальной культуры, исследователями был собран значительный материал по семейной обрядности юрлинцев (прежде всего свадебной и похоронно-поминальной обрядности). Большая часть материалов опубликована, по итогам работы участниками экспедиции (И.В. Власовой, Т.А. Листовой, Т.С. Макашиной, И.А. Кремлевой) были подготовлены статьи, в которых нашли отражение история формирования местного населения, традиционный костюм, похоронно-поминальная обрядность¹, особенности традиционной культуры русских в иноэтническом окружении². В дальнейшем собранный материал вошел в коллективную монографию по этнографии русского населения северного Прикамья «На путях из земли Пермской в Сибирь»³. На основе собранного материала и архивных исследований авторам удалось опровергнуть мнение о русских-юрлинцах как об обрусевших коми-пермяках. Авторы показали уникальность региона, назвали его «русским островом», основными факторами складывания которого стали природная, этническая и конфессиональная изоляция; они убедительно доказали, что культура русских Юрлинского района близка к севернорусским традициям.

С конца 1980-х гг. было предпринято исследование русских Юрлинского района московским фольклористом Н.И. Жулановой (в экспедициях этих лет участвовали также студенты и сотрудники пермских и свердловских вузов, Московской консерватории, Екатеринбургского областного Дома фольклора). Н.И. Жуланова выделила ряд явлений в традиционной культуре, которые у русских Юрлы можно связывать с коми-пермяцким влиянием: способы освоения природной среды (пища, способы охоты и рыбной ловли), традиционная магическая практика (представления о лешем, баннике, шишах, способы общения с нечистой силой). Ею же отмечено, что традиция «пиканья» на дудках-пэлянах на Ильин день сохранялась у русских в крае до конца XX в. Заметим, что следы этой традиции были обнаружены в 2004 г. и нами – на территории Юсьвинского района.

С 2002 г. до 2007 г. в крае были проведены фольклорно-этнолингвистические экспедиции, организованные Центром этнолингвистики народов Прикамья Пермского государственного педагогического университета под руководством проф. Подюкова И.А. В этой работе также прини-

¹ Кремлева И.А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. М., 1980. С.21-29.

² Макашина Т. С. К вопросу о судьбе духовной культуры русских, живущих в инонациональном окружении (на примере Латгалии и Северного Прикамья) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995. Вып.6. С.70-76; Макашина Т.С. Традиционный фольклор Пермской области и Коми АССР (по новым экспедиционным материалам) // Традиции и современность в фольклоре М., 1988.

³ На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства. М., 1989

мали участие сотрудники и студенты Пермского государственного университета (этнографическими исследованиями руководил кандидат исторических наук Черных А.В.). В ходе интенсивной полевой работы были обследованы почти все населённые пункты Юрлинского района, основные русские населённые пункты Юсьвинского района, русские территории Гайнского, Косинского, Кочевского, Кудымкарского районов. При этом впервые было предпринято описание системы календарных праздников и обрядов, особенностей народной медицины, хозяйственной обрядности. Сплошное полевое обследование позволило собрать интересный материал по вариативности в крае семейной обрядности (родильные, погребальные и свадебные обряды), народной магии (заговорная традиция, хозяйственная магия). Значительная часть полевого материала по свадебной традиции региона (особенно Юрлинский и Юсьвинский районы) собрана С.В. Хоробрых. Настоящее издание строится на полученных в нач. XXI в. (2000 – 2007 гг.) материалах и предполагает анализ духовной культуры региона.

Собранные материалы позволили выявить особенности традиций русских обследованных территорий. Оторванность от метрополии, иноэтническое окружение, приверженность старообрядчеству, как справедливо отмечают исследователи¹, явились причинами закрепления традиций, устойчивого их единообразия. Старообрядчество сыграло определенную роль и в формировании регионального самосознания. Даже в тех селах и деревнях, которые официально считались православными и население которых осознает свою принадлежность к православной церкви (с. Юм, с. Юрла и их окрестности), до сих пор распространено старообрядческое «двуперстие». В повседневной, бытовой жизни и религиозной практике различий между православными и старообрядцами немного.

Для местной традиции чрезвычайно характерны яркие формы проявления народного православия. Так, ритуал освящения воды в Крещение как в православных, так и старообрядческих деревнях совершается достаточно просто: «А вот воду принесут да святят... Иконы вымоют, вот она святая вода опять» (*Черная Юрл.*). В с. Юрла, чтобы освятить воду, горящую свечу и ладан просто спускали в колодец в ведре: «Утром хозяйка встает, зажигает свечу, освящает колодец, только после этого мы начинаем воду носить... Это уже называется освященная вода». На Пасху и в православных, и старообрядческих деревнях был распространен обычай «гаркать Христа»: «В Паску встанешь, свичку перед иконы ставишь, ладанок пустишь и Христа гаркашь. Молишься, говоришь: «Христос воскресе»! Сам и отвечаешь: «Воистину воскресе»! (*Пож Юрл.*).

Целый пласт явлений народной культуры следует интерпретировать совместным формированием слоев культуры. К таковым можно отнести животноводческую обрядность и связанные с ней мифологические представления, где достаточно сложно развести собственно коми-пермяцкие и русские

¹ Жуланова Н.И. Указ. соч. С.80; На путях из земли... С.265.

традиции, обряды, связанные со способами хозяйствования, многие календарные праздники и обряды. Таковы, в частности, обряды обращения в поисках пропавшего скота к лешему или к «родителям» (к умершим родственникам, на кладбище – Гайнский, Юрлинский районы).

Архаичные формы традиционной культуры (некоторые из них продолжают сохраняться в активной форме до настоящего времени), естественно, претерпевают изменения. В то же время современное состояние традиционной культуры в крае весьма своеобразно и зависит от сложной социально-экономической ситуации, выражающейся в маргинализации населения, в миграции его за пределы района. В ряде мест продолжают функционировать многие архаичные элементы похоронно-поминальной обрядности, до настоящего времени в активном бытовании похоронные и поминальные причеты. Сохраняются традиционные представления, связанные с хозяйственной деятельностью (поиск скота обращением к лешему и т.д.). Учитывая то, что к современности оказались разрушены цикл календарных обрядов, свадьба, живы многие фольклорные жанры (прежде всего в сознании старшего поколения), известны ансамбли, сохраняющие многоголосное пение.

Формирование и становление русских ареалов среди коми-пермяцкого населения происходило с участием финноугорского компонента – вплоть до «опермачивания» русских. Интенсивность межэтнических контактов была обусловлена не только длительностью взаимодействия русских и коми-пермяков, единством природно-климатического ландшафта, общей конфессиональной принадлежностью, дисперсным характером проживания русских. Русские в коми-пермяцкой среде не составляли замкнутых ареалов еще и потому, что характерным явлением для всей территории Коми-Пермяцкого округа были смешанные браки. В результате длительного исторического взаимодействия народов в регионе сложился уникальный этнокультурный комплекс материальной культуры, значительная близость народов в духовной культуре.

Собранный в зонах бытования русских материал позволяет уточнить наши представления о формах культурного взаимодействия русских и коми-пермяков. Представленные в издании материалы призваны дать картину культурно-языкового и исторического своеобразия края, познакомить с системой обрядности, древних верований, хорошо сохранившихся в условиях культурной изоляции. Большое место в них занимает описание системы старинных народных праздников и календарных представлений, тексты, показывающие современное состояние обрядовой традиции (специфика обрядов семейного цикла, хозяйственной обрядности, магической практики, мифологических представлений). Публикуемые материалы раскрывают также локальные особенности здешней фольклорной традиции.

Цель настоящей работы – реконструкция основных культурных комплексов традиции и публикация материалов, иллюстрирующих её своеобразие. В работу в большом количестве включены собственно полевые материа-

лы, живая речь информаторов, их воспоминания и комментарии. Авторы стремились объективно показать всю сложность, многовариантность и своеобразие традиционной духовной культуры русских различных территорий Коми-пермяцкого округа. В издание, помимо собранных в 2005 – 2007 гг., вошли материалы, ранее опубликованные авторами в вышедших крайне малыми тиражами фольклорных сборниках «Юрлинский край» (Кудымкар, 2004) и «Деревня Монастырь на Каме-реке» (Пермь, 2000).

Работа состоит из разделов, посвященных таким явлениям духовной культуры, как семейные обряды и календарные праздники (свадебная, родильная обрядность, обряды проводов в солдаты, похоронно-поминальная обрядность – автор раздела И.А. Подюков, праздники – автор реконструкции А.В. Черных). Представлены также хозяйственная обрядность и бытовая традиция, местная демонология (авторы А.В. Черных, Т.Г. Голева).

В сборнике подробно иллюстрируется и фольклорная традиция края (приведены тексты заговоров, сказок, быличек, свадебных песен, причитаний, календарной поэзии; описаны загадки, пословицы и поговорки и пр.). Активное участие в сборе и обработке материала принимали аспиранты Пермского государственного педагогического университета С.М. Поздеева, Н.В. Жданова, С.В. Хоробрых, студенты филологического факультета ПГПУ Ильина Н.Н., Исаева Н.А., Новосёлова А.И., Окишева М.Г., Недопёкина М.А., Попова В.В., Свалова Е.Н., Светлакова Н.А., Сергеева М.А., Ужегова А.А.

1. СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА

Семейная традиция, представленная в разделе, отражает основные вехи жизни человека. Обрядность в традиционной культуре, как известно, особенно разработана для маркировки тех моментов жизни, которые характеризуются как «стрессовые», наиболее ответственные, ключевые.

Открывает раздел описание родинного обряда и обрядов, направленных на детей, культурной традиции, связанной с миром детства (описание мифологических представлений, связанных с детскими болезнями, детских игр). Дается подробное описание свадебного обряда в его локальном варьировании – в том числе, с указаниями на специфику в обрядовой терминологии, в исполнении ритуалов в разных зонах.

Приведены воспоминания местных жителей о проводах в армию, подробно представлена похоронно-поминальная традиция. Публикуемые материалы убеждают в чрезвычайной развитости в крае обрядов свадьбы и похорон, в сохранности в них целого ряда архаических элементов. Всё описание обрядности сопровождается публикацией фольклорных обрядовых текстов.

РОДИННЫЙ ОБРЯД И ДЕТСТВО

Родинный обряд и в целом особенности мира детства в крае, как показывают собранные материалы, достаточно специфичны. С одной стороны, при общении с маленькими выполнялось множество предупредительных магических действий (чтобы ребенок не заболел, вырос здоровым), с другой – именно маленьких привлекали в обрядовые акции (например, для лечения ряда болезней у взрослых, для проведения хозяйственных обрядов).

В обрядовых действиях обычно принимали участие родившийся последним (*заскрёбыш*) и первенец. «Вот если бешеный кто – его в корыте перерубали. Положат на большое корыто, дадут маленькому топор, он рубит. Первый который родился, он спросит – кого де рубишь, а тот, малинкой, ответит: «Беса де вырубая» (*Юм Юрл.*).

Любопытны рефлексy архaisческих представлений о появлении детей из леса, с поля: «Маленького находят в поле, в борозде» (*Майкор Юсьв.*); «Маленьким как говорили – тебя де с ёлки сняли, в лесу нашли» (*Монастырь Гайн.*). Немало свидетельств того, что детей, умерших маленькими, могли хоронить не на кладбище, а рядом с домом (ср. также у взрослых: нередко умирающий наказывает: «схороните меня так, чтоб отсюда мой дом было видно» – *Чуртан Гайн.*)

В целом бытовавшие в крае нормы семейного уклада соотносятся с севернорусской традицией. Предосудительность рождения ребенка вне брака

выражена в названиях *мироньца* (так называли родившую без мужа), *мирон*, *нажиток* (внебрачный ребенок). «Если была в деревне гулящая девка, позорили её. На воротах тележной мазью писали: «Здесь живёт де такая-то» (*Пож Юрл.*).

Беременность

Если женщина не могла забеременеть, её сбрызгивали святой водой, с «Воскрёсной молитвой». «Хотели, чтобы родился перво мальчик – надо женщину похлестать мужскими штанами» (*Пож Юрл.*). Нежелательного ребёнка в прошлом *выживали*. «Чистотел брали бабы, которые рожать не хотели. Много изопьет отвар, и тогда ребёнка вышибает. Ещё в лесу какая-то трава бесплодная есть, ягоды поганые, их ели, чтобы скинуть» (*Пож Юрл.*). В основном же в старину рожали помногу – до 15, а то и до 20 детей.

Специфичны объяснения ряда запретов для беременной. Повсеместно считается, что «беременной по лесу нельзя ходить одной. Медведь может что-нибудь сделать. Если женщина девочку под сердцем носит, то не тронет. А если мальчика – напугает, потому что парень родится и потом может охотником стать» (*Сёйва Гайн.*). Бытует много рассказов о том, что медведь, встретившись в лесу с женщиной, «*обязательно ее задерёт*» (*Монастырь Гайн.*). «Медведь беременных не любит. Если мальчик у бабы во чреве, то вскрыет брюхо, потому что мальчик же будущий охотник» (*Мухоморка Юрл.*).

«Мёртвого не надо провожать, это вот когда первый год замужем или беременная. Мне мама говорила: «Вот ты, девка, не ходи, не провожай, ребёнок-от бледный будет» (*Таволожанка Юрл.*). Беременной в прошлом не позволялось за девять дней до родин «*ходить на люди*». Появляться среди посторонних роженица могла также не сразу, а лишь спустя сорок дней после родин (*Монастырь Гайн.*). Устойчиво представление у старых людей, что, когда женщина рождает, «Бог на родах стоит, даёт маленькому судьбу: быть ему вором, убийцей или хорошим человеком, сколько лет жить. Потом уж судьбу не сменишь» (*Сёйва Гайн.*).

Беременная, чтобы узнать, кто у нее родится, стряпает пельмени и один пельмень кладет с тестом. Потом едят, и если этот пельмень достанется мужчине – родится парень. «Если женщина с мальчиком ходит, лицо пёстрым делается, темнеет. Если на лице женщина красивая, значит, девка будет, парень красоту у беременных крадёт» (*Мухоморка Юрл.*). «Если у беременной лицо пятнами и смуглое, значит, мальчик; если круглый живот – с девочкой ходит, а узкая, как червячок, и не заметишь, то с парнем» (*Ефремова Юрл.*). «С мальчиком живот, как огурчик. Если с девочкой ходит, то, говорят, живот широкий, с пацаном – острый живот» (*Кукольная Юрл.*). «Девочка если будет, то рвёт мать до половины срока» (*Сергеева Юрл.*).

Роды

Рожали в старину в основном в банях (иногда в хлеву). В ряде случаев (при тяжелых родах) роженица разрешалась от бремени стоя, на *середё*, в доме, держась за *грядку* (полку, разделяющую пространство дома на «мужскую» и «женскую» части). Рожали в прошлом с *бабушками*, т.е. с помощью повитух: «Если неправильно лежит плод, бабка гладит живот по солнышку, и тогда ребёнок поворачивается как надо» (*Пож Юрл.*). «Надо по солнышку гладить, и ребёнок поворачивается. Ребёнок же крутится по солнышку, и родильницу так надо гладить, живот-от» (*Юм Юрл.*). Достаточно экзотично следующее описание трудных родов: «Ребенок не рожатся, дак вверх ногами ставят рожонку да трясут, потом и выйдет» (*Пож Юрл.*). Если у роженицы нет *подтуги*, ее трясли за ноги (*Ефремова Юрл.*). «Тяжелые если роды – под порог встают на коленки, и тогда ребенок вылетит как пробка» (*Пож Юрл.*).

Повсеместно фиксируется запрет на общение женщины перед родами и сразу после родов с соседями. «Вот раньше не давали говорить, если больно. Схватки начинаются, лучше никому не сказывать. Большие муки, говорят, будут, большие боли. Никому не сказывали, выходили и рожали, во дворе прямо – в конюшне» (*Келич Юрл.*).

Достаточно древним является обыкновение новорожденного первым делом подавать отцу («Это чтобы уважал ребенка» – *Пожва Юсьв.*). Устойчива вера в предначертания судьбы родившегося. «Когда родишься, Господь батюшка напишет, сколько лет прожить надо тебе – столько и проживёшь. И ангелы господни тогда пишут, сколько годов прожить, где какой смертью помереть: то ли на воде, то ли в петле, то ли хорошей смертью». Верили, что вместе с рождением младенца появляется и его ангел-хранитель. «Как родился младенец, у его на одном плече сидит ангел, такой же маленький, а на другом плече сидит черт, тоже маленький. Один защищает, другой искушает» (*Пожва Юсьв.*).

Обстоятельства, особенности родов воспринимались символически. «Я родила парня, поводок от пупу вокруг шеи был обернутой у его, и мне сказали, мол, у тебя он де большой задавится. Так и стало» (*Осинка Юрл.*). «Когда ребёнок только родился, «делают» ему голову, затылок, лоб и бока гладишь. Он на животике лежит, ты обе ножки тянешь, за лапочки возьмёшь и тянешь» (*Кукольная Юрл.*).

Пуповину каждого ребенка в семье прибирали и хранили до самой смерти (нередко в особой коробочке – *Юм Юрл.*). «Послед в землю закапывают. Попону, детское место, прятали: в землю, на завалину в голбец закинут. А на улицу нельзя – собакам-то зачем» (*Ефремова Юрл.*). «Пуповину старуха обрезала ножницами. А послед в землю пехали. Выкопашь ямочку да запехашь, и всё. Возле конюшни на улице закопашь, и чтобы собаки не делали, не ходили». (*Зап. от Мельниковой П.Т., 1930 г.р., д. Ракшино Кудымк.*). «Послед на завалину в голбец порой клали. Нельзя было видно на улицу бросать. Старая была запука, мода» (*Пож Юрл.*). «Пуповину младенца

закапывали в голбце – чтоб ребенок не болел» (*Пожва Юсв.*); «Послед, родишь, дак в подпол закапывали» (*Базуева Гайн.*). Послед также обычно закапывали в конюшню, пуповину младенца иногда сохраняли и использовали в знахарстве (например, поили настоем на ней больного эпилепсией – *Плёсо Гайн.*). Послед могли заворачивать в красную или синюю тряпку, затем закапывали поглубже, так, «чтобы мыши не достали» (*Чуртан Гайн.*). Родившийся в рубашке («в попонке») считался в последующем счастливым (*Плёсо Гайн.*).

Особые ритуалы исполнялись при подготовке детской колыбели. Чтобы маленький ребёнок крепче спал, надо дерево на *очен* (жердь, на которую подвешивали колыбель) рубить в лесу с закрытыми глазами (*Гайн.*).

Сохраняются свидетельства магических ритуалов лечения послеродовых осложнений. «Если после родов женщина болела горячкой, ходит, как ничё не понимает, ее заставляли кланяться венику, вот, веник в избе. Она ему поклоны кладёт, ползает, как извинятся» (*Келич Юрл.*).

Каша и крестины

Одно из обязательных обрядовых форм по случаю рождения – каша. «Когда приглашают на кашу по случаю рождения, гости идут всяк со своей бражкой, шаньгами, обязательно несут – или свежую рыбу сырую, или пирог рыбный» (*Осинка Юрл.*). «Самой-то каши не было, шли, когда договорятся, мать ничё не стряпнат, гости на кашу и пирог привозили, и вино, и стряпню» (*Кукольная Юрл.*). «Подаришь родительнице, маленькому чего-то, скажешь: «Вспойть-вскормить да на коня посадить – если парень, вспойть-вскормить да за прялку посадить – девка дак» (*Юм Юрл.*).

До самого праздника каши в ряде мест просто *проведывали* роженицу. «У нас ходят на *обветки*, проведают. Родит кто-нибудь, свои родные ходят. Это не каша, просто сразу, когда еще только родится, а кашу потом делают уже. Кто денежку принесёт, кто что. С голыми руками не ходили. Соберут что-нибудь попить, покушать хозяева» (*Сейва Гайн.*). «Кашу делали – собирались своя родня да и всё. Носили подарки ребёнку, да чё поесть, попить принесут. Пирог несли рыбный. Первый шаг сделал, он ко мне шёл» (*Пожва Юсв.*).

Праздник в честь рождения ребенка назывался также *горячей кашей* («родит женщина, горячую кашу делали» – *Сейва Гайн.*). Когда приходили смотреть новорождённого, приносили с собой кашу, брагу, рыбный пирог, гостинцы, *постряпушки* и говорили: «Дай Бог новорождённому долгих лет жизни». Если это был мальчик, прибавляли: «Вскормить-вспойть, на коня посадить», если девочка – «Дай Бог вскормить-вспойть, красну девку сохранить». Все, кто в первый раз смотрели на младенца, должны были в зубах держать соломинку (*Монастырь Гайн.*).

Одно из обязательных правил – крещение новорожденного сразу после родов. «Ребенок непутной, если некрещёный. Некрещёный — он как чертё-

нок. Хотя вовсе малинкой умер, без имени не хороняют» (*Юм Юрл.*). «Когда ребёнка крестят, будущий крестник дарит матерьял, это который примат ребёночка-то» (*Юм Юрл.*). Любопытна местная традиция имяназачения. «Имя как давали – вот ребёнок родился, узнали, тут слушают, какое первое имя в разговоре будет, такое и дадут маленькому». (*Зап. от Копытовой Д.Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.*).

«Маленьких крестили бабушки. Ни церкви, ничё не было. Наливают воду в ванну ли в чё, омывают, купают в этой воде, молитву протворят. Передают его крёстному ли, крёстной. Крёстна уж всегда яйцо крестнику на Паску дарит. Если крестник уже такой взрослый, он сам бежит. У меня у мужа крестник был жених, здоровый такой детина, он всегда сам ходил: «Крёстный, я иду по яйцо» (*Монастырь Гайн.*). Во время крещения младенца бабушка-повитуха передавала ребёнка матери через стол, после чего они называли друг друга *кумушками* (*Сергеева Юрл.*). «Меня крестили домашние бабушки. Уже церковь не была. Как мама мне рассказывала – придёшь, говорит: «Будешь крестница моей дочери»? Она говорит: «Буду». В тазике, говорит, крестили. Крестик оденут, вот тебе и крещёный. Какую-то молитву сотворят, потом обмыли ребёнка, и готово» (*Сейва Гайн.*). Особой честью считалось, если человека приглашали креститься с младенцем («покреститься с маленьким – это великая милость, это святое, благое дело» – *Сейва Гайн.*).

При воспитании самого маленького соблюдали ряд запретов и предписаний. «С маленьким играешь, до потолка подбрасываешь, он *кивкает* (смеется) – «Кив-кив». А так-ту дети бояться будут. Стучать не надо при маленьком, дрова занёс, кидашь об пол не шумно, чтобы не испугать» (*Мухоморка Юрл.*). Маленького ребёнка нельзя подносить к зеркалу: «Если ребёнок сам себя видит в зеркало, он сам себя урочит. Нельзя до года стричь волосы, ногти – мать зубами откусывает. Год ребёнку будет, тогда можно стричь» (*Мухоморка Юрл.*).

«Если ребёнок родился недоношенным и неразвитым, его завертывали в одеяло, в теплое место ложили на печку, или в шубу – как допаривали» (*Ефремова Юрл.*). «Если болеет ребёнок и ничего нельзя сделать – под корыто ложат. Потом по корыту рубят: «Жить – так жить, а не жить – так умрёт». Рубят сечкой, топором. Это болезнь-то рубят, по корыту-ту тпают». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

«Недокуменный робёнок бывает родится, год большой, а ничё не сообщают. Это дьявол над ним. Корытом тогда заложат ребёнка и по корыту тюкают топором». (*Зап. от Сакулиной К.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.*). «Худоба если маленького бьёт врождённая, поят его овечьим молоком» (*Юм Юрл.*). Известны и другие рецепты лечения маленьких. «Худоба бьёт маленького, *тянет* его – надо лечить вересовой серой. Серу разводят в горячем молоке, этой серой надо поить больного» (*Булдыри Юрл.*).

Особенно опасным для младенцев считалось время цветения гороха «Как горох зацветает, у ребят понос будет. По пять, по шесть ребёнков в деревне умирали раньше в эту пору» (*Пожва Юсьв.*). В этом представлении отразилось древнее мистическое восприятие времени цветения бобовых. Время цветения бобов (примерно середина июля) соотносится с началом цветения злаков в целом, а время цветения растений в традиционной культуре осмыслялось как момент активизации нечистой силы. Подобное восприятие этого времени фиксируется и на других территориях Прикамья (в частности, в Кунгурском районе).

Детские болезни

Самостоятельный фрагмент обрядов детства связан с лечением детских болезней, которые воспринимались сугубо мифологически. В этом случае большую роль играли обереговые обряды и заговоры. «От коклюша, говорят, надо в зыбку класть сосну, наломать и накласть к ребенку. Тоже и ходить по сосняку надо с маленьким. Коклюш сосну не любит» (*Юм Юрл.*). «Корюшка кокат месяц, полностью мает с первого числа. Ничё не надо лечить, только голос не подавать. Ругать будешь, может ребенка унести или чё-нибудь, где-нибудь оставить. Корь ходит два сорта, две они ходят. Это во сне я видела. Сначала старушка пришла с котомочкой, пришла и осталась. У меня парень захворал – захворал, на третий день – температура и сыпь, мелкая-мелкая. Но слово ничё не надо говорить ему, больному. Из месяца в месяц он прохворал. Пока он хворал, она с им была. И сердить старушку нельзя – и слова не скажи. Старушка ушла, болезнь ушла, легче ему стало. А второй сорт – мужик ходит, или слепой, или кривой. Уродом оставляет. У Андрея глаз унесло корюшкой – осердили её». (*Зап. от Братчиковой А.Ф., 1936 г.р., д. Бадья Юрл.*).

«Корь не любит, когда курят и пьют, нужно выполнять всё, что она попросит». (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*). «Корюшку надо уговаривать уговорами, чтобы не осердить ее. Пококала многих, а вот моих не стала, они у меня не заболели. Всю деревню прошла, потом и моих девок задела. Что запросит, то мы и делали». (*Зап. от Чеклецовых, д. Кукольная Юрл.*). «Корюшка – мелкая сыпь. Истопишь баню и паришь, только сухим веником». (*Зап. от Трушниковой А.С., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.*). «Корь сердится, не надо чтоб в избе грязно было» (*Сёйва Гайн.*). «Корь сердится надо чтоб в доме все чисто было, чтоб нигде грязного не было» (*Базуева Гайн.*).

«Корь разозлишь – глаз утащит. Корь задобрить нужно» (*Монастырь Гайн.*). «Корь – прихотница. Чё бы больной не попросил, надо ему дать поесть» (*Пож Юрл.*). «Корь – не надо ребёнка сердить или чё. В красное заворачивать, красные занавесочки весили, люльку красным занавесить. Уж какой капризный ребёнок – все капризы его выполнять. Слепые остаются быват. В красное надо заворачивать, красные занавесочки повесить, люди гово–

рят. Хотя какой капризный ребенок, все капризы у него выполняешь. Многие с бельмом остаются – белым покрывается глаз». (Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., Поморцевой Т.Л., 1926 г.р., п. Пожва Юсьв.)

Обычная болезнь новорожденных – *кочерга*, сыпь по телу, её появление связывали нередко с тем, что «через оглоблю беременная ходит» (*Мухоморка Юрл.*). Детскую «кочергу» обычно выводили тем, что разводили бражный хмельной мел, ждали, когда он поднимется, и смазывали им перед баней тело ребёнка, затем парили и протирали.

«От кочерги молоком грудным мазали в бане. Или в печку залезешь, там солому постелешь, и мажешь спинку» (*Юм Юрл.*). «Растворят квашенку, белую, мука чтоб высший сорт, намажут квашенкой через марлю и парят веником, и до трёх бань» (*Липухина Юрл.*). «На крыльях выходит кочерга, её в бане выводят. Соплями лечат, мажут тело и трут» (*Юм Юрл.*). «Делают квашенку и идут в баню, натирают ребенка этой квашенкой, положат марлечку и веником жарко-жарко парят. Такие колышки выйдут – большущие, как шёрсть» (*Васькова Юрл.*). «Ребенок ревёт, бывает, тело у него шерстяное, колючее, колет его. Берут тесто, заквасят его маленько, чуть-чуть, потом по телу намажут-намажут, а потом тожно марлю сделают, по марле шоркают. Она, кочерга, как *шиоть* выйдет, как у ёжика, чёрная» (*Ефремова Юрл.*). «Муку ржаную и мел бражный, этой гущей мажешь, на красную тряпку, потом надо мочить и водой горячей шоркать, парить в бане» (*Сергеева Юрл.*). «Кочерга – полуношница, не даёт маленькому спать, квашенку на белой муке сделаешь, спинку намажешь, пропаришь, как осот, комочки выйдут, на марлю натычутся» (*Кукольная Юрл.*). «Белую муку разведут, как клубок поднимается, погладишь спинку, и если есть эта кочерга, ну, что-то твёрдое чувствуется – в кружку там или в чашку маленькую разведёшь. Она поднимается – на дрожжах ведь, и вот как мазь получается». (Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.)

Еще один из самых недугов маленьких – *грыжа*. «А грыжа у малого – чё-ко чертили червяком-короедом. То порой мышку поймал, разорвём над пупом, помажем кровью. Были иные старухи, ходили, *чёртили*. У них у которых крысиный ноготь был, им тоже выводили» (*Пож Юрл.*). «Если грыжа у парнишки, ловят живую мышку, глаза ей проткнут и рвут пополам, потом этой кровью круг мудышек прикладывают. Или проткнут у петуха гребень иголкой, кровь соберут, и этой кровью тоже смазывают, килу-ту. Тоже вот, грызёт пупик и муди, поймал ворону или голубка, сороку может, голову отрубят и выкинут на улицу, а кровью замазывают грыжу, с наговором. У девки если на пупочке грыжа, пятак на её обыкновенный привяжешь, она его носит. А парню надо поймать кого-то» (*Бадья Юрл.*). «Грыжу надо кусать чтоб против солнышка» (*Базуева Гайн.*).

«От грыжи надо сучки по стенам и по полу крестить: «Как сучок иссохни, иссахни, так и ты иссохни, иссахни!» (*Бадья Юрл.*). Наговаривают на пупок, если грызёт: «Возьму топорок, сам себя изрежу за пупок!» (Зап. от

Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.). «От грыжи с трёх ключей воду собирали и этой водой мыли, поили ребенка. Собирали утром, до солнца. Носили воду к баушке, там в деревне у нас была, она наговаривала на воду, воду домой привозили, поили» (Юм Юрл.).

«У нас у сына-то грыжа была, дак мы к соседке тут водили. Некоторые чертят, кто ножом, кто чем-нибудь. Старуха была – она зубами грызла. Задевает губами, зубами тихонько и что-то приговаривает. У меня свекровь ходила, с трёх ключей воду собирала, и этой водой мыли, поили его» (Таволожанка Юрл.).

«Когда у ребёнка грыжа, грызёт мудышки-те, берут траву – тягун девятигодовалый, он от девяти болезней. Он как репочка, цветет как подснежник. Надо его рвать, когда распускается. Поишь маленького». (Зап. от Перебатовой А.А., 1929 г.р., д. Миронова Юрл.). «Когда грыжа, говорят слова: «Иссохни, исчерни, нечистая сила, бездушная тварь. Как сучок иссохнет, так и ты, нечистая сила, бездушная тварь, иссохни». И по грыже суком водят, сук надо от черемухи, от рябины или от березы, чтоб сухой». (Зап. от Копытовой Д.Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.). «Безыманным пальцем, у этого пальца имя нет, им и чертят грыжу и говорят: «Грыже места нет. Как на лесинке сучок сохнет, так и ты, грыжа, исчезни, иссохни». И сучок задевать надо, по ему водить». (Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.). «От грыжи надо положить ребёнка рядом с сучковатым поленом и наговаривать, чертя ножом по грыже: «Как у этого полена сучки высохли, так у раба (имярек) пусть грыжа высохнет». После этих слов следует сразу бросить полено в печку; всё это повторяется три дня». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Обрядово-ритуальные формы использовались также при лечении детской бессонницы. «Если плохо спит малинькой, полношница у ребёнка, кладут в зыбку травку Богородский сон или плат в зголовье, который на кокошник надевали, замуж когда идёшь. Девке лопастку в зыбку клади, парню топорик, из лучинки, тогда спать будет» (Липухина Юрл.). «В зголовье девочки кладут пресенку, чтобы полношница пряла, а не маяла ребенка. Парню топор, вот полношница тюкат, рубится пусть. Это если ребёнок и день и ночь плачет, день и ночь смешал, отец девке пресенку делал, а парню топорик» (Мухоморка Юрл.). «В изголовье пресенку под подушку положишь ребёнку, только чтобы мать не знала, на палочку кудельку привяжешь» (Кукольная Юрл.). «Ребенок не спит, какая-та полношница его мает. Сделают лапоточек, маленькой-маленькой заплетут только, не доплетут, его и коточик положат в зыбку: «Занимайся де ты, полношница, этим, а ребенка не трогай! Не трогай, а плети лапоточек!» Вот ребенок и спит». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.). «Не спит когда, топорик парню сделать из щепочки маленькой и положить в зыбку, в изголовье, девочке – дак пресенку маленькую, скажешь: «Прядь, привыкай-де!» Или в изголовье можно травку Сон-Богородицу, клали в зыбку, чтобы ребёнок спал» (Юм Юрл.).

«Бабушка молитву натворит – натворит, и ребенок уснет. Кружку наговорят, водичку, водичкой сполоснут ребёнка, брызжут изо рта по всему телу и скажут: «Сбрызнула бабушка де» (*Ефремова Юрл.*). «Три раз брызнуть в лицо ребенку изо рта, и ребёнок успокоится» (*Сергеева Юрл.*). Чтоб ребёнок легко уснул, говорят, когда его оставляют в зыбке: «Сыр да масло, яичко красно» (*Кукольная Юрл.*).

Лечение сглаза осуществлялось знающими бабушками. «Изурочат – уроки де пали. Бабушки были, в бане парили, бани три надо. Там в бане обкатывали. «С лебеда вода, с раба худоба» (*Пож Юрл.*). «Когда ребёнок родится, его поят настоем из вереска. Вереск да осина — чёртова лесина, говорят. Поили, чтобы не урочился» (*Липухина Юрл.*). «От уроков брызгали водичкой с углями у порога, ребёнку легче, он и спать будет» (*Юм Юрл.*). «Наговорить можно молитву «Воскресный бог» или «Сонную молитву», или сказать: «Мария, исцеляю, избавляю, молитва со Христом». Мария, она еще лучше Господа-Бога помогает» (*Сергеева Юрл.*). «Взять водичку и наговорить: «От маяты, от ломоты, от всякой от болезни, воскреснет Бог, аминь». И брызнешь на ребенка. Потом остатки водичку под пятку у дверного косяка выливаешь» (*Мухоморка Юрл.*). «Уроки, дак надо говорить: «Притчи – уроки, убирайся за ворота, ко старой старухе, ко старому старику» (*Мухоморка Юрл.*). «Если ребёнок беспокоится, уроки есть. Уголёчек кладут в воду. Бывает, с простой души брызнешь, без молитв, ребёнок реветь не будет и уснёт. А так когда брызгают, говорят: «Уроки, уйдите с водичкой». Крестик положат на воду три раза до того как брызгать: «С Богом, крестом» (*Кукольная Юрл.*). «Ребёнок, когда болеет ни с чего, берут с трёх колодцев воду с наговорами, моют его: «Очисти, батюшко–господь! Как водичка святая, так и ты будешь». (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.*).

«Маленький если плохо спит – наговори да брызни водичкой, остатки на улицу вылей. «Вот откуда пришла — туды и ступай» (*Пожва Юсьв.*). «От сглаза соплями некоторые своими мажут, мало ли, посторонние придут, кто может чем нехорошим занимается. Обмывают ребенка от сглаза наговоренной водой и обтирают (обязательно тыльной стороной ладони). Брызгают на ребенка наговоренную воду – через сито. Ребёнку по темечку сажей проводят крест-накрест, чтоб не сглазили, если кто урошливый заходит» (*Булдыри Юрл.*). «От сглаза, когда чужой заходит в избу, надо взять уголь из печи и крестик на темечко ребёнку углем поставить, или соль из солонички посыпать и перекреститься самому». (*Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.*). «От уроков воду надо лить через скобу и наговаривать: «Как на скобе вода не держится, так пусть стекают уроки с младенца. Тьфу! Уроки отдам за высокие горы, за тёмные леса. Как на пятке вода не держится, уроки пусть стекают, пусть сбегают. Аминь, свят – дух аминь, аминь, аминь, аминь!». (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.*).

Детские игры

Своеобразен, хотя и не особенно детально разработан в крае, аспект детских игр – любопытно, что в основном они строились на копировании занятий взрослых. Наиболее распространенное детское занятие – игры типа «Балаган», «Шалаш» или «Клетки». «Наделаем досками балаган и играем, пироги печём» (*Сёйва Гайн.*). «Клеточки, дощечки сделаем как лавочки. Тут столчик. Насобираю маленьки дрова в печку вроде как. Тут моешь посуду. Глину принесёшь, тут стряпашь» (*Юсьв.*).

Имитирование занятий взрослых было чрезвычайно распространено. «То торгуют в клетках-то, то стряпают, суп сделают, хлеб на стол поставят. Я пришла – оне на коленках молятся. Чё делаете, спрашиваю – баушку поминам де. Так играли. То сенокосят опять сами собой, траву рвут» (*Базуева Гайн.*). «Из досок клетку сделаем, вроде домика. У каждой муж есть, в шалаше-то играем. Старшие девки постановки ставили в этих шалашах. Люди придут, и они выступали, стихотворение рассказывали» (*Городище Юсьв.*). «Родители ушли на сенокос, а мы, маленькие, траву рвём, трава-то долгая, сушим, как родители рассказывают. Коля вот воткнём и зароды мечем, учимся сами собой. Соберёмся по улице – они своё делают, мы своё, вот так вот и жили. Парни своё, девки своё» (*Майкор Юсьв.*).

Специфичны были также игры с куклами. Обычно использовались в играх самодельные куклы. «Кукол шили из тряпки, голову тоже из тряпки, где лицо – белое пришьёшь. Волосы из кудели сделаешь» (*Пожва Юсьв.*). «Это нынче игрушки скоко, а у нас раньше какие игрушки были – коробочки свободные спичечные, *тюрики* из-под ниток. Черепки, вот сломают посуду, насобираю их. А куколки были, у меня сестра старша была, она мне с тряпок куклу сошьет, на голове куделю, лён пришьёт, косы заплетёт, руки сделает. И вот и куклы у нас были, вот и игрушки. А нынче ведь игрушки не игрушки, куклы не куклы, и машинки, и всякие чертёвчинки. Летом играм под окошком, глину намешам, размешам, настряпам колобки, на палочке испекём» (*Пожва Юсьв.*). «Куклы из палочек. Палочку возьмут, ножичком личико вырежут – красавица, не красавица, но ведь главное, она своя. С ними и спали. Примерно до середины сделано, платье ниже – да просто какая-то тряпка, обматывают палочку, рукавчики приделают. Ручки вовсе не делали». (*Зап. от Макаровой Т.Н., 1942 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«Куклы из соломы делали. Длинный пучок соломы перегибали и связывали. Руки вытаскивали, а ноги раздваивали, а тут петелька как будет от сгиба, туда просовывали палочку или другой пучок соломы. Нижнюю часть туловища куклы делили на две равные части, чтобы получились ноги. Их тоже перевязывали – ближе к краю» (*Сёйва Гайн.*). «Куклы были из тряпочек. Тряпочку свернут, как мешочек, внутрь всякой дряни напихают: тряпочек, опилок, соломы, пакли – у кого что есть. Согнут пополам. Потом другую тряпочку в трубочку свернут, ручки сделают, просунут в дырочку. Юбку снизу или штаны из чего-нибудь сделают – вот и кукла». (*Зап. от Попова*

А.Я., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.). «Куклы шили из старых тряпок, в виде бабы. Нос, рот и глаза выводили химическим карандашом» (Пожва Юсьв.).

«Куклами играли, раньше же ничего не было – завернешь из тряпочки. Платья шьём, волосы шьём. Голову делали – перевязывали просто, делали руки, ноги тоже – эдак свернём да ноги пришьём. Вот и играли. Спать уложим, кормим. Глину насобираем и им печенья стряпаем, шаньги, пироги, положим там ягоду – в огороде нарвём луку, пёрышки. Печенья сделаем, сочни, на солнышко положим, оно всё у нас высохнет. Вот так вот и играли» (Городище Юсьв.).

«Пока отец с матерью на работе в колхозе, мы из деревяшек коней делаем, с дугами. Такие игрушки у нас и были. Из берёз делали рожки, дудели, бегали с имя. С берёз кору снимаешь и закручиваешь. Спичкой протыкали кору и так скрепляли, потом туда из дерева вставляли клапан. Дудели на площадях, все разные, голосатые бегали – у кого лучше. Из липы, из черёмухи тоже» (Пожва Юсьв.).

Излюбленное занятие детей летом – купание. «Вода цветёт в июне – купаться можно тогда, а до цветенья воды купаться не положено, родители это говорили. А тина такая бывает, как марля, тонкая, вся переплетённая между собой. Дак вот бродишь у берегов, пластины снимаешь, тину-ту, высушим её, повесим. А потом платья из этой тины сделаем, на себя оденем и платочки, юбки на плечи – всё бегали, играли. Она высохнет – крепкая, зелёная-зелёная, тёмно-зелёная. Старые люди говорили, что с тиной нельзя купаться, оглохнуть можно. И чирей может быть. А играли» (Городище Юсьв.).

«Ходили по лугам, цветы собирали. Родители придут – у нас букет цветов на окошке. Маленькие были, траву ели – редьку полевую. И горькая она! Наростыши ещё бывают, они пахнут огурцом, и мы их «огурчиками» называли. И ели эти «огурчики». Пиканы – их надо варить. Двух сортов: узкая травочка и лапистый резной. Их насобираем, родители их нарежут, сантиметра два на три, и варят, пока они мягкие не будут. Ещё кипятят, потом мать отливает от воды и охлаждает. Хочешь – тёплые ешь, хочешь, холодные. А потом ещё хрен – мать хрен натрёт, и с хреном очень вкусно. На зиму собирали, варили, заготавливали» (Городище Юсьв.).

Наиболее распространенные детские игры – в кости, деревянным шариком-чижом. Ниже приведены описания некоторых игр, зафиксированных на русской территории округа.

Лодыжками

«Вот, бывало, у нас там гумно было, за гумно уйдем, там у нас были лодыжки игра. У овечки кости – их накрасишь: жёлтые, красные, чёрные, ими играешь. Щелкают ими взад и вперед, шашки как». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

В чижик

«Летом играли – вот лопатка, палочку долгонькую выстрожешь. Как дашь ей, кокнуешь лопаткой-то, далёко летит чиж-от. Круг сделам. Если не

попадёшь, другой лупит». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

Шар

«Парни играли в шар – шар били. Палка широкая, шар такой, с кружку. Дашь, шар катится, катится по лужанке. Обратно кинешь. Имают жо на палки его, туда – сюда». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

Шарешные палки

«Шарешные палки – забиваешь кол, он торчит, и там граница. Размещаешь – и палкой этот шарик. Один галевой. Тот, кто кидает, должен эту палку схватить и стукнуть. Чем больше народу, тем веселее» (*Майкор Юсьв.*).

В опрятанки

«Играли в опрятанки. Одному глаза завяжут, раскрутят, и спрашивают: «Кругольце-мочельце, подайте на пяльца, на шильце, на мыльце, на зеркальце. Иди, баба, в путь, тебе в лоб шелкнут. Что, баба, ешь-пьешь? – Квас да ягоды. – Ищи меня двадцать два годы» (*Майкор Юсьв.*).

Лапти»

«Лапти-те навяжем на кол-от. Кого-то поставим караулить – чтобы лапти не воровали. Он как *шарил*, звали раньше, значит. Он стоит, а то с одной стороны прибежит, то с другой, лапти-те хватают. Он успевае только, лапотъ-то возъмёт, кого хлестнёт, тот, значит, тожно шарит. Кого он успеет, а другой хватай лапотъ и бежи» (*Юрла*).

«Петушок»

Ставится кол, на него деревянный струганный ножом петушок. Этот кол втыкают в землю, вокруг него по земле топором вырезают (вырубают, чертят) квадрат. Игрок, его задача кинуть палку – чтобы сбить петушка, чтобы он улетел как можно дальше. Ведущий должен поймать петушка и посадить на место. Если он этого сделать не успел, то продолжает галить следующий кон.

Другой вариант игры – в землю вбивали колышек, на конце которого укреплялась деревянная фигурка петушок. Кто битой-палкой собьёт петушка дальше, тот и выигрывает. (*Пожва Юсьв.*).

«Бесалки»

Делали кукол из тряпок, соломы, палочек. Их мочили в речке и забрасывали на крышу дома или сарая. При этом говорили: « Кто достанет, тот и хозяин», или: « Раз, два, три, четыре, пять, полезай-ка доставать», или: «Нэ-мо, нэмо, растопэно, кто достанет, тот и съест», или: «Ха-ха петуха, два ха-ха, течет река, а на три ха-ха – лапота пуста». (*Зап. от Кузнецова А.И., 1909 г.р., п. Майкор Юсьв.*).

«Двенадцать палочек»

«Положишь полено, на него дощечку, на её конец кладут двенадцать палочек. Один из играющих прыгает на доску, и палочки разлетаются. Пока водящий их собирает, остальные прячутся. Водящий кладет их на доску и

идёт искать. Если кто-то выбежит из укрытия и сойдёт палочки снова, водящему снова приходится искать» (*Городище Юсьв.*).

Традиция детства, таким образом, в крае характеризовалась специфическими чертами и включала ряд комплексов, имеющих ярко выраженную мифологическую окрашенность. С ней связаны также различные жанры детского (используемого детьми и направленного на детей) фольклора (см. разд. IV. «Фольклорная традиция края»).

ПРОВОДЫ В АРМИЮ

Проводы в армию – один из семейных ритуалов, сохраняющих до настоящего времени в крае ряд магических характеристик. Уход в армию (и особенно на войну) традиционно воспринимался как событие, которое должно быть обставлено рядом обереговых действий. Участников этого обряда отличало особое ритуальное поведение; в обряд вовлекались специфические символы, по мере исполнения с этими символами производились разнообразные манипуляции.

В устной традиции сохранились сведения о сборах новобранца, событиях последнего вечера – перед отправлением новобранца, об особых способах покидания родительского дома. Тексты рекрутских («*проводжанных*») песен (нередко построенных по аналогии с плачами-причитаниями) и частушек приведены в фольклорном разделе сборника.

Сборы и проводы

«Кто уходил в армию, их катали на лошадях. Дуги украшали лентами, оглобли опоясками – так и катались. Как ехать, по деревне парень ходит, созывает на вечер, ему дарят деньги – кто десятку, кто пятерку, в кружку-ту, это «*на отдачу*» (*Чужья Юрл.*). «Людей приговаривают, созывают на проводы, как солдата провожать. На вечер всех зовут, родню, знакомых. Перед вечером его сводят в баню. Он один идёт, после бани за стол с им сели» (*Юм Юрл.*). «Ленточки вязали. Если у него есть подружка, подружка ленточку привяжет, если нету, то друзья. Поют, пляшут, отправят с песней. На лошадях провожали. Лошадей украшали – ленточки навязжут, колокольцы. По своим же ездят в деревни – оне опять приглашают их. Некрута провожать – к ему идут все». (*Зап. от Шестаковой Е.И., 1924(26) г.р., с. Полва Кудымк.*)

«Вечер делали дома. У меня мать, пять сыновей, дак всем делала вечер. Молодежь собиралась. Ленточки делали на шапку, у кого сколько есть лент. Наверх на булавку пристегнут. С неделю ходил, не работал. Ходит по гостям – тот позовет, другой позовет. Кто бражкой напоит, кто пиво сварит, кто вино купит. По деревне ходили, не один еще, соберутся человека два-три. На лошаде катались» (*Елога Юрл.*).

«Рекруту *покойничну* иголку в карман заделывают, или под воротник, ей чтобы он свои подворотнички подшивал, дырочки там какие» (Юрла). «Собирали когда в дорогу – крестик в карман клали, и парень в армию раньше все в лаптях уходил» (Васькова Юрл.). «Давали с собой новобранцу платочек, кисет. Кто провожали, все ему деньги давали с собой – как взаймы» (Тимина Юрл.). «Когда провожали парня, ему ленточку вешали на грудь, розового цвета на левую сторону, завязывали бантиком» (Юрла).

«Давали парню молитву – «Живые помощи», обязательно. Потом волосы, говорят, состригут, ложат на полку под икону, чтоб домой вернулся» (Ракишино Кудымк.). «С некрута волосы состригали и за печку клали, хранили. А когда вернётся, волосы эти в печку кинут. В голбец ещё бутылку ставили – чтобы домой пришел» (Келич Юрл.).

«Солдату будущшему волосы состригёшь, положишь на полочку. Когда домой придёт, сожгём в печке» (Полва Кудымк.). «За столом когда сидели, бутылочку подписывали, все на одной бутылке писали свои фамилии. Вот он придёт из армии, в деревне гостей соберёшь – эту бутылочку и распиваешь. Сын три года служил – три года стояла бутылочка». (Зап. от Мусеевой М.М., 1935 г.р., Тотьманиной М.С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.). «Мать одевала на *стеклянку* (на бутылку) галстук красной, и бутылка закапывается на время в голбец, пока прослужит» (Дубровка Юрл.). «Делали у меня сыну три бутылки, на бутылках с водкой заставляли парня расписываться. И эти бутылки на завалине в землю закапывают. Пока он служит, эти бутылки стоят. А потом приходит – его встречают этим». (Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.). Пишут на бутылке, чтобы дождать из армии. Пока из армии не пришел, бутылка все стояла. Отец на бутылке писал: «Жди, бутылка, сына!» (Ефремова Юрл.). «Бутылка водки два года в голбце сидела, на ней все расписывались, когда за столом сидели, и бантик красный повязжуг на неё» (Юм Юрл.).

Непосредственно перед покиданием дома для рекрута устраивалась баня. «Баню затопят, приготовят с собой что-то, рюкзачок да что. Призывник, некрут эдь. Вечера делали – друзья приходили, родственники» (Полва Кудымк.). Тут же устраивали вечер. «Соберутся, погуляют, песен попоют. Были такие *проводжанные* песни, пели некрутам. Частушки тоже: «Некрута, некрута, чем же вы обижены, были волосы кудрявы, а сейчас обстрижены» (Келич Юрл.).

Уход из дома

«Уходит парень из дома – ему заставят в печку посмотреть, в хлев сходить, все конюшни поглядит, на вышку слазит. Зайдёт в дом, по солнышку повернётся и снова выйдет» (Юм Юрл.). «Кто в армию уходит, ему, когда в печку посмотрит, дадут с собой печину, в пояс зашьют» (Таволожанка Юрл.). «Парня выведут под руки, потом вернут, заставят в печку поглядеть. Нальют рюмку, он выпьет, и рюмку об стену вдребезги» (Шестина Юрл.). «Как вы-

ходить, нужно поглядеть в печку и сказать: «Как печка-матушка хороша, так и служба пусть будет моя хороша» (*Липухина Юрл.*). «Солдат смотрит в печку, чтобы печка ждала его» (*Лопва Юрл.*). «Пойдут из дому, велят парню в печку смотреть. Он пойдёт, вернётся, посмотрит в печку. Откроет печку, чтобы посмотреть небо там вверх» (*Ракишино Кудымк.*). «Поглядеть надо в чёлышко, чтобы домой вернуться. В печку глядят, чтобы небо увидеть у печки. Увидит небо – вернётся домой. А нет – то нет» (*Сёйва Гайн.*). Впрочем, смотреть новобранцу в печь было принято не везде, в некоторых деревнях в печь смотрят только при проводах покойника: «Нельзя в печку смотреть, когда провожаешься, набажишь еще» (*Осинка Юрл.*).

«Новобранец со всеми попрощается, походит, потом возвращается, поест пирог, выпьет рюмку. Берёт банку, скажем брагу или пиво, с каким-нибудь питьем, выходит, выпьет – банку-то об угол дома разобьёт. А раньше вот, я помню, провожали брата, дак он должен был возвратиться, пирог на шестке у русской печи должен поест, перекреститься, выйти и уйти» (*Кудымк.*).

«Сначала выйдет парень без котомки. Выйдет и вернется, котомка лежит на лавке, солдат заходит за ней один в дом. В котомке чего – хлеб, мясо. Ему говорят: «Благослови тебя Господь»! Утром провожают в путь, все выйдут из дому. Зовут новобранца: «Вернись да еще иди»! Он в дом вернется, попьет, бокал разобьет» (*Бадья Юрл.*). «Стопочки ломали – выпьют и ломают, когда уже уходил некрут, его возвращали» (*Васькова Юрл.*). «Некрут вернётся, его заставят на шестке маленько поест, отломить от пирога или чего там жарено. Он съест, прямо на ногах, рюмку выпьет, или бражку. Его обязательно благословят молитвой, икону над головой покружат, по солнышку» (*Пож Юрл.*). «Когда возвращается в избу, на шестке прямо поел пирожок да питье – и пошёл» (*Ефремова Юрл.*). «Вернётся, попьёт, поест маленько, посуду изломает одну в печке, в челе» (*Зарубина Юрл.*).

«Повезут парня, в машину березки поставят. На берёзки банты привяжут красные, девки юбки вовсе не пожалеют, изорвут на ленты-те» (*Липухина Юрл.*). «Некрутам наряжали машину, на которой они ехали «до призыву», поставят ёлочки в кузов, если весной, летом, дак березки. Прежде чем сесть в машину, некрут должен был всем, кто присутствует на проводах, пожать руки – и женщинам, и мужчинам» (*Юм Юрл.*).

«Когда уходил парень, желали ему, чтоб вернулся. Давали в руку платочек, в уголок платочка зашивали бумажку с воскресной молитвой: «Воскресная молитва помогает». Крестик обязательно на себя парень одевал» (*Васькова Юрл.*). «Платок дарила девушка парню. Раньше на платках вышивали какой-нибудь цветочек. Цвета у ниток были разные. Вышивали девки, мода была, вышивали *веревочкой*. Жених должен был хранить этот платочек в кармашке. Девка своему парню вышивает платок. Он ей бантик отдает, она ему платок вышитой» (*Бадья Юрл.*). Другой обычай – «Перед отправлением в армию девки и парни собирались и рекруту кушаки, покровки дарили» (*Чуртан Гайн.*).

В ряде мест соблюдался запрет на плаkanie при провах слезами (этот запрет известен и в похоронной традиции). «Когда в армию провожают, реветь нельзя, чтобы солдата сухим встречать» (*Пожва Юсв.*). «Мокрыми глазами провожать в армию не надо – чтоб вернулся нормально» (*Монастырь Гайн.*).

Обязательный завершающий эпизод проводов – родительское благословение. «Я сына благословила, крестик одела, сказала: «Пускай тебя Бог хранит». Лёша у нас был некрещёный, но я его святой водой умыла, перекрестила. Он служил в Белоруссии, вернулся, Бог сохранил. Как выходить, ему несут сумку, он должен вернуться, посидеть со всеми и потом идти» (*Юрла*). «Благословляют новобранца – он в ноги родителям падёт, его целуют. Целуют – как крестятся, как Богу молятся. Раньше иконкой благословляли, распятием, а сейчас крестом так целуют». (*Зап. от Трушниковой Е.И., 1912 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*). «Тут же мать благословила: «С молитвой, со крестом, чтобы Бог пас» (*Ефремова Юрл.*); «С молитвой едешь, служи правдой, верой, как надо тебе, подчиняйся, не хулигань, не ругайся, не матерись»! (*Осинка Юрл.*); «Коля, вперед не суйся, сзади не вставай, в серединке болтайся! Коля, вернись»! (*Зарубина Юрл.*); «Во имя отца и сына, ладом – чередом, чтобы служить и домой вернуться»! (*Бадья Юрл.*). «Давали ещё крестик с собой, зашивали в воротник, без вязочки» (*Ефремова Юрл.*). Будущего солдата благословляли иконой, на которой был изображён Николай Чудотворец или Божья Матерь» (*Монастырь Гайн.*). «Молитву «Отче наш» дают написанную парню» (*Пожва Юсв.*). Как свидетельство старинного благословления не только иконой, но и хлебом (распространено в свадебной традиции края), отмечены различные формы использования при прощании хлеба. «Когда сын уходит в армию, ему надо дать в дорогу хлеб, который мать сама испекла. Он должен его весь съесть для того, чтобы вернуться» (*Пожва Юсв.*). С хлебом связан и другой ритуал – «Уйдет парень, хлеб клала мать на полку, два года на полке сидел кусочек, как ждал» (*Зарубина Юрл.*).

Момент ухода воспринимался как мистический, по нему определяли, как сложится судьба новобранца. «Помню, брат пошёл. Мне руку дал, я на кухне была, так захватился: «Ы-ы-ы», – заревел. Собака была у нас. Собака: «У-у-у», – завывала. И всё, в последние дни войны убили, не вернулся» (*Ракшино Кудымк.*).

«Уезжает – с трактора платочком машет всем. Кто на дороге встретится, останавливались. Руку давал, если свои, знакомые» (*Ефремова Юрл.*). «Кто далеко не провожает, машет докуль видно» (*Осинка Юрл.*).

«Проводим, дак дома долго не убираем, посуду не моем три дня. В этот день нельзя прибирать, посуду мыть – это уж не делают. Столы как накрыты, так и есть. Я вот нынче оставалась, дак только ложки, рюмки все это вымыла, пока они провожали. А так много больше мыть нельзя, чтоб дорога сдалась». (*Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., с. Пож Юрл.*).

Отмеченные в крае обрядовые формы проводов в армию в целом соотносятся с теми, которые известны в Прикамье. Особенностью можно считать сохранение в крае до настоящего времени развернутых рекрутских песен, во многом близких к традиционным причитаниям по рекруту (см. разд. IV «Фольклорная традиция края»).

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД РУССКИХ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА

В памяти старшего поколения до сих пор хранятся воспоминания об особых обрядовых ритуалах свадьбы, развернутых по времени, о разнообразных свадебных чинах и обязанностях участников свадьбы. Старожилы легко воспроизводят поражающий своей величественностью песенный контекст свадьбы, приводят многочисленные сведения о мистической стороне обряда.

Поведение участников свадьбы и вообще заключение брака регламентировало большое количество предписаний и запретов. Нельзя было младшей сестре выходить замуж раньше старшей – считалось, что в этом случае она *«перешла сестре дорогу»*. Если такое случалось, говорили, что она сестру *«за лоханью оставила»* (Черепанова Юрл.); если младший брат женился раньше старшего, также говорили – *брата в колодах оставил* (Миронова Юрл.). Свадьбу нельзя было устраивать в Святки, во время жатвы и в високосный год, в начале лета (*«не женятся, когда кукует кукушка, не повезет»* – Сёйва Гайн.).

Замечали также погоду на свадьбу: *«Вот если дождь со шлякотью, и невесту привезли, тут глядяны-то и ворожили: «Ой, житьё-то чё-то у неё не пойдёт»*. Дождик легкий такой, тихохонько идёт, дак тоже нехорошо – плохо депроживут, со слезами» (Юм Юрл.). *«После Крещения, до Масленицы всё женились. Раньше как узнавали – на праздниках замечали или друг другу передавали, вот, мол, трудолюбивая, мастерица, красивая, отец-мать хорошие. Выбирали-то всё по природе, боялись, чтобы племя не испортить, не сошлись чтобы один умный, другой безумный. Кому охота жизнь на холщовый мех разменивать. Где-то на празднике подсмострят, приедут врасплох, дело заложат, выглядят, только тогда уж посылают сватов»*. (Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла). *«Сватать поехали, никто ведь ничё не знает про невесту-то, всё выпросят. И про жениха выпросят, чё в ём заложено. Подкрадше приедут в деревню, у того спросят, у другого, визнают всё помаленьку. По слуху невест искали. Вот кто-то скажет, мол, у нас невеста есть хорошая, вот и поехали»*. (Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.).

Свадьбы в прошлом игрались несколько дней. Более короткие по времени свадьбы играли, кто был победнее; те, кто жил зажиточно, играли целую неделю (*«Раньше свадьбу играли с воскресенья по воскресенье, целую*

неделю, потом уж стали короткие свадьбы, два-три дня» – *Чуртан Гайн.*). Основные этапы свадьбы русских в округе в целом типичны для свадебной традиции Прикамья, различия в основном связаны с тем, что при исполнении того или иного ритуала здесь применялись особые формы, которые широко варьируются в разных местностях. Свадьбу предваряли невестины смотры и, естественно, сватовство, особые предсвадебные этапы – *просватанье, рукобитьё, обручение, поездки по обедам, девшники* и заключительный *девишник с невестиной баней*. Непосредственно свадьба сводилась к основному свадебному дню с пиром (*столованьем*) и *пирожному дню*, завершался свадебный обряд *хлебниками*, или *хлебным столом*. Перед свадьбой проводился праздничный пир у невесты, на котором пропивали невесту (в ряде мест этот пир назывался *брачное*). «На обручение пропивают. Раньше ещё *рукобитьё* было, после сватовства. А потом обручение, после него *девишник*, а потом свадьба» (*Елога Юрл.*). «Когда в свадьбу из церкви присхали – приезжие столы. А на второй день – большие столы. А третий день – когда пировали, а когда нет. Это как капитал позволял» (*Елога Юрл.*). Внутри каждого этапа отчётливо выделяются совершенно самостоятельные эпизоды, наполненные разнообразными действиями (так, для первого дня свадьбы характерны благословение молодых родителями, вывод невесты, выкуп, *столованье, дарение, подклет*).

Свадьба убегом

В деревнях, где были особенно сильны старообрядческие традиции, нередко можно услышать рассказы о свадьбе *убегом, увозом*. Эта форма заключения брака предполагала кражу девушки, выкуп и так называемую *мирову*. Как правило, разрешение конфликта заканчивалось *гостеванием*. «Невесту уведут на берег играть вроде как, а потом к жениху. Это *убегом*. Потом спустя время идут мириться к родителям, с вином, всё равно свадьбу делают» (*Плёсо Гайн.*). Эта традиция свадеб без согласия родителей чрезвычайно распространена была в прошлом и у северных коми-пермяков. «*Подкрадьша* я, крадом ушла замуж. Вот в Масленку катались раньше, дак даже с угору девку увозили. Её как сватать приехали, а родители запоперечили. Убегом уваживали, если девка согласна, а родители не отпускают. Она уйдёт к соседям, отсюда её и заберут. Потом мириться приезжали» (*Дубровка Юрл.*). «У одной невесты как-то два жениха враз сидели. Вот она не идёт, ни за какого жениха не идёт как бы. И родители не отдают. Ну, они сидели-сидели: «Ну, что мы сидеть-то будем, если невеста не идёт, поедем». Поехали, а невеста-то за имя вышла. Они её в тулуп завернули да увезли. А родители сидят, ждут её – а девка-то *убегом* ушла» (*Кукольная Юрл.*).

«Свадьба *убегом* была, дак потом ездили мириться свекровь, отец у жениха, сам жених с невестой. Сестры у невесты тут за стол сели, не пускают, а чё, надо выкуп. Пять бутылок привозили с собой, это на стол было приготовлено, по углам ставили и в середину. Молодые родителям в ноги пада-

ли, родители поднимали молодых, икону заставляли целовать (*Пож Юрл.*). «Убегом ушли вот мы, а потом мириться пошли, там все приготовлено было. Свекор пошёл и свекровка, хозяйин мой. Нам там говорят: «С молитвой живите». Свёкор, свекровка вино принесли. Вино пили, свадебны песни пели» (*Келич Юрл.*). «Придут молодые, в ноги падут, бывало, родители нашлапают девку, набьют, когда мирятся. Потом их благословят, поднимут» (*Дубровка Юрл.*). «Не спросила ни у отца, ни у матери, ушла взамуж. Ходили на мировую потом, вино уносили – четыре бутылки, стол четырёхугольный, вот и надо, чтобы на каждый угол по бутылке. Мы с Витюшей стояли два с половиной часа на ногах, пока мама, папа не помирились. Не садились, ждали всё. Потом, как согласились тятя и мама, мы пали на колени, оне нас подняли и стали накрывать на стол, поели, попили, песен запели, вот и всё, и мир стал. На мировую-то пришли, мы-то за брус в избе не переходили, тут стояли. А родители его за брус перешли, уговаривали тятю с мамой, с тем поговорят, с другим – помирили. Ещё когда на мировую поехали, хлеб-челпан взяли, вино. Пока не помирили, вино и хлеб на стол не ставили, потом как уже согласились, тятя покойный: «Чё, старуха, сделаешь, как ушли, так пусть живут, помирим уже, куды её девашь, как она будет жить». Пожалели. Мама-то сковородником меня еще по спине зданула, на кухне-то, как могла, так и поздёрнула». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*). «Добром отдавали, а вот ещё убегом отдавали, крадом, потом молодые едут мириться. Едет мать жениха, отец, жених, невеста, крестного возьмут. Приедут мириться, ещё тут ломаются, не мирят, бьются. Водку тут привозили, пирог рыбный. Приедут, разговорят, с полатей родителей спустят, тожно молодые падали в ноги. Раз падут, их поднимут, два падут – их опять поднимут, третий раз падут. Три раза падут в ноги, тожно гоститься будут. Дня три пройдёт, тожно в гости зовут молодых-то. Отец съездит, позовёт: «Давайте, едьте в гости, кого надо, с собой привезите». Дак ещё не одно хозяйство соберутся, три-четыре, все же праздник». (*Зап. от Осташовой К.П., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.*).

Старые девы идут за вдовца. Ещё наказание дают, например, родила которая без мужа и живёт с месяц с ребёнком в холодной избе. У меня сестра родила без мужа, дак её отец не пускал, год в холодной бане жила» (*Пожва Юсьв.*).

В основном выбор невесты зависел от воли родителей, будущие муж и жена нередко не были знакомы до свадьбы. «Раньше как корову за быка отдадут, отроду жениха не видала, отдадут и всё – не спросят» (*Елога Юрл.*). Если нужно было «присушить» парня, женить его на себе, применялись разнообразные любовные привороты. «Пальчик надо уколоть до крови, три капли крови накапать в вино. Вино дать тому, кого присушиваете со словами «про себя»: «Как кровь течёт, как кровь болит, пусть сердце обо мне также болит»!». (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.*). Можно было присушить парня, напоив его кобыльим молоком «так, чтобы он не знал»

(Юм Юрл.). Нужно вымыть какую-либо плотную вещь из одежды того, кого присушивают (например, рубаху, платок). Воду с этой вещи льют на каменку в бане и повторяют трижды: «Как пот сохнет – горит, так же у раба Божия (имярек) сердце шипи, гори по мне, рабе Божьей (имярек)». (Зап. от Ивановой М.А., 1922 г.р., д. Сергеева, Юрл.).

«Оборот» свадьбы

Чрезвычайно развита в крае была магическая сторона обряда, о чём свидетельствует большое количество свадебных быличек. «Свадьбы кошкой да собакой спортить могли. У меня мама выходила взамуж, а тут у соседки сын был, она не пошла за него, а пошла за другого, в деревню Жукову. И вот между их старуха бросила кошку. И они разошлись, не стали жить. Это когда по невесту жених приехал, стали уже прощаться, вот тогда кошку-то и бросила. В брагу ещё кошачью шерсть бросят, она как шапка по верху плавает, так молодых портили» (Ананькина Юрл.).

В рассказах о свадьбе непременно фигурируют колдуны, или *знаткие*. «Женился вот один Ванька Пикулев, ему невесту набивали, он её не взял, другу присватал. А у той невесты была сестра колдунья, от венца-то приехали, сели за стол, она собаку пустила. Собака-то в промежности тут и села, а жених-то взял собаку за ушки да и выбросил на улицу. Баба-то ему и говорит: «Ты, Ваня, через пятнадцать годов эту бросишь, другую возьмёшь». Так и стало, он через пятнадцать годов эту бросил, другую взял». (Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.).

Вообще оборотничеству посвящено большое количество текстов. «Ещё какое дело бывало – вот знаткой человек, если его кто не приговорит, не позвёт на свадьбу, дак вся свадьба, кто подворотиной, кто куда, волками делявали. Ивановская женщина была, сделали её. «Пойдём, Мотья, к нам, у меня волчонок приехал». Она была в положении, и вот подворотиной де выползла – волком сделали её, по-волчьи выла. «Вот, – говорит, – где найду заvertку-то, – оглобли-то завёртывают, вичи такие, найду, – и эту завёртку-то сгрызу». И вот тожно родила она под зародом зимой парня. Он-то не волчон, она его так называла волчон, раз свадьбу отпустили волками. Кто через забор выпрыгнули, а она не могла, так подворотиной выползла. Её и обратно не вернули. Ходили, искали неделю. Мужики-то в лес убежали, а она около зародов видно билася, коло деревни. «Пришла, – говорит, – пришла и перепрыгнула что ли зарод, под зарод легла, выдергала сено лапами. У меня, – говорит, – не свои руки, не свои ноги». Оне фактически-то свои и руки, и ноги, а надета волчья шкура. Потом тожно хозяин зарода приехал, старик по сено. Она де зовёт, лошадь у него запрыгала. Она де сказывает: «Я, – говорит, – видеть-то вижу, а говорить не могу, у меня иногда своё чувство, а иногда волчье». Тожно родила де, ребенок-то мокрой, сеном де закутывает, сама закутывается и к себе прижимает. Старик увидел, поехал обратно, взял свою старуху: «Пойдём, старуха, там де ребёнок ревёт, волчиха де это, пущены,

свадьба». Старуха приехала, она видимо знала. До неё добрались, а лошадей связали к ёлке, далеко де, ладно, связали лошадь, и с неё, с ребенка де старуха первой сняла шкуру. Старуха-то снимат, а сама: «Ты меня не бойся, ты меня не тронь», – наговаривает, тожно брызнула де на неё. «Я де слышу, чёко с меня слезат, слезат. Я де поглядела на себя, опояска на мне связана, гарусная опояска, раньше такую носили, и говорю перво: «Ребёнок-то где у меня»? – «Не беспокойся, старик уж у тебя его завернул». Я чую, он де в шубейке-то у меня действительно ревьёт. Меня тожно к ребенку повели, а я и шагать-то не могу, надо мне-ка на четырёх костях идти, а старуха-то: «Давай, давай, вставай, на вот, ещё это испей маленько, да я тебя брызну ещё». Брызнула меня, я де ровно: «Э-э-э», – в сознание входит стала, а старик-то этим часом шкуру у меня взял и обрубил, в сено де её да зажгал. Вот меня увезли, а мужик-то мой меня ищет. Ему сказали, мол, вот в такой деревне. Он пришёл, раньше ведь на голбцах, голбцы были, я на голбце поляживаю, меня уже из бани привели. Хозяйка-то и говорит: «Мы де бабу неделю ещё не отдадим, пускай она ещё полежит, поправится, в бане мы попарим её сами». Полежала я, попарили они меня, я де как окрепла, здоровая сама себя чувствую, а тех всё ещё мужиков-то ищут». Старуху-то когда домой привезли ещё, сватью-то, так колдун пришёл и говорит: «А где у тебя шкура»? – «Какая шкура? У меня своя шкура одетая. Мне мать котору шкуру дала, отец, ту и ношу». – «Не надо было жечь, не надо было жечь». Старуха-то тогда встряла, она де со мной была: «А не надо было выгонять из ограды». Колдун-то тогда и заревел. Это ведь икотки у его сгорели. Колдун-то ушёл, а перед смертью, сказывали, он сам заходил на коленях». (*Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.*)

Рассказы о том, что на свадьбе «оборот делали» (превращали невесту в медведицу или волчицу, или даже всю свадьбу в волков), очень часты на всей обследованной территории. «Бывали случаи, когда целую свадьбу оборачивали волками. Подвортно-то забыли закрыть – все в неё волками повыпрыгивали. Потом уж их искали, да где там». «Во время свадьбы колдуны делают – женщина притворяется в медведицу и уходит. А потом, где её убили, там слизь, а это платье её было» (*Сёйва Гайн.*).

Ряд быличек повествует о редких формах оборотничества, о способах обратного превращения: «Были люди раньше такие, колдуны, превращали свадьбы лебедем или волком. Раньше вот свадьба была, и вот они не пригласили одного. Колдун-то взял да за столом всех в волков превратил. Волки из-за стола – фьить, и убежали, через стол повыпрыгивали. А потом нашли другого колдуна, он разделявал их, расколдовывал. Там на них одежда уже вся изопрела. Назад расколдовываться, я помню, дак тятя сказывал, мужик искал следы волчьи. «Зачем тебе волчьи следы»? – «Да у меня дочь ушла с волком, в волка превратилась. Свадьба была, превратили их. Ты скажи мне следы, да я найду тебе их. Знаю, тут по лесу ходят волки, да не те». – «Те волки далеко в лес не забираются, они около деревни, – мужик-то говорит, – живут». Не

помню, как сказывали, нашли – не нашли. Потом он их расколдовал, и стали они опять обратно людьми. Это же представление такое». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

Знатки́х старались обязательно пригласить на свадьбу. Считали, что «знаткой человек на свадьбе если не сбережёт, дак хоть не спортит. Вот была женщина, вышла замуж в Букрееву, а тут жил колдун, и его не позвали. Дак он сделал такую им ссору, так жених-то не залюбил, сказал, что она, мол, душная, с ей жить, мол, не буду. От неё как от козла пахнет. Так и не стал с ей жить» (*Тимина Юрл.*).

«Раньше волками оборачивали свадьбу-то, вот убивали волчиху-то, и у её опояска там была, под низом-то, под шкурой-то, она обворотень была. Это созлые колдуны были, такие свадьбы так делали. Тут дружка действовал уже, он оберегал свадьбу-то молитвами». (*Зап. от Лехановой К.П., 1921 г.р., д. Тимина Юрл.*). «*Старо́*-то (старые люди) были колдуны – колдовали. Могут так сделать, и не выехать. На свадьбу приедут, да если не угостят, плохо угостят. Где-ко Елогинской был старик, его Ефтя называли – сделает недвижимо никуда. Свадьбу всю по-собачьи сделают и все. Имают и не могут поймать людей-то, свадьбу-ту. Они разлетятся, волками сделают» (*Зарубина Юрл.*).

«Посадили молодых-то в сани-те, лошадь не может вздернуть. Тожно другой человек топором круг обошел, потюкал, и лошадь вздернулась, вовсе со всей землей» (*Зюздино Юрл.*).

«Вот раньше приехали по невесту, тут пришёл один старик, знаткой, его на свадьбу не пригласили, он пришел, его надо угостить, а оне – то ли за-были или чё. Он раз чё-то невесту сделал, нашептал, и невеста от жениха ушла, села, полати раньше были, из печки на полати две доски – *ленивка*. Вот на ленивку-то перед трубу невеста-то и села и сидит. И никто ничего сделать не может. Потом догадались, что дедушко её испортил. Старика тогда угостили, за стол посадили. Он ломался, ломался, но всё по-хорошему сделал» (*Балда Юрл.*).

Способов порчи свадьбы и самих молодых рассказывается множество. «А тут ещё, мама сказывала, вот, мол, раньше жених с невестой по полям едут и дорогу домой найти не могут, тожно кто спортит, его же и заставляют править, напоят его» (*Ананькина Юрл.*). «Вот свадьбой шли, так я видела, приехали на трёх парах и с дуги отрезали *прозвончик*, тѹт такой шум поднялся, вот эта невеста-то так и прожила всю жизнь со скандалами» (*Балда Юрл.*). «Вот если колоколец свадебный потеряли, жизнь не пойдѹт – кто из супругов нарушится» (*Тимина Юрл.*). «Старика-икотника одного не взяли на свадьбу, вот он сани-то и приморозил свадьбе-то» (*Таволожанка Юрл.*). От подобной порчи применялись особые наговоры: «Тя́тка-то крестника когда женил, все семь подвод обошѹл, весь поезд с молитвой, и кони спокойно ушли, а то ведь делают, что лошадь не может сдернуть с места сани» (*Тимина Юрл.*); «Мак рассыпят по полу, чтобы никто ничѹ не сделал, и слова ска-

жут: «Нож, шило, жало под язык стало колдунам-сретникам, волошебникам» (*Пож Юрл.*).

Невест глядеть

Колоритны в крае рассказы о своего рода «ярмарках невест». «Вон раньше в Юрле девке, у кого волосы длинные, ленты заплетут: «Сёдне на среду надо ехать». По средам был рынок в Юрле, там церква, там и невест смотрели. «Сёдне на среду надо ехать, – говорили, – сёдне невесты приедут, невест глядеть пойдём». Невесты с лентами ходят, коса длинная, ленты в косе на конце бантом связаны. Девки ходят со своими родителями, раньше ведь товар покупали, лыко, товар смотрят, а их, девок, тоже смотрят. «Откудов это»? – «Вот откуда», – скажут, из какой деревни, как родителей зовут. Потом к им и приезжают, спрашивают, мол, где такие-то живут. А которая просватается невеста, у неё на голове, на темечко, на платок ленту цепляют, бантом сделают – это просватанная ходит. Невеста так с просватанья и ходит, докуда за ей жених не приедет, с женихом-то тоже ходит на рынке». (*Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.*). Выбор невесты нередко поручался особо знающему человеку. «У нас вот один старичок там был в Липухиной. Он говорит: «Я сватался чё-то много. Пошупал руку-то у невесты, у девушки. У-у-у, рука толстая, плотная – работать может. Вот и взял» (*Елога Юрл.*).

Сватовство

Ездили сватать обычно осенью, после уборки или после Святков и Крещения, говорили: «Крещение – девушкам решение». «Если богатые были, старались своё дитя отдать добром, бедные так, конечно, не отдавали, чтобы всю родню собрать, всех хорошо угостить, такого у бедных мало было» (*Пож Юрл.*). «Если невеста не идёт, вот мама у меня не шла, так её бабушка с вичой загнала, сама отдала, силой велела жениться. Вичой от берёзки её стегала, дак она так с синяками и шла – вот плохо и жили». (*Зап. от Першиной Е.Д., 1937 г.р., д. Таволожанка Юрл.*).

«Зазнат вот жених там через родных ли, через кого девушку, это вот сейчас ходят по году да как, а раньше ведь это *мóрговали*. Зазнают, придут, придут ли, и вот начнут свататься, мол, пойдём, жить будем» (*Дубровка Юрл.*). Если невеста нравилась, а родители не отдавали, ездили и раз, и два, «до семи раз ездили, добивались всё же, а как ино» (*Пож Юрл.*). «Кошёвки украсят, дуги все ленточками украсят, колокольцами, придут, потом ещё раз придут, поглядят, тожно третий раз придут, всё сватают» (*Юм Юрл.*). Нередко ходили сватать несколько раз, так как в первое посещение родителям невесты предписывалось отказать *сватовщикам* в согласии на брак. Часто родители отказывали и предлагали сватать невесту через год («Какая-то

старинная примета была, чтоб год годить. Откажут сватам, они через год сватаются» – *Плѣсо Гайн.*)

В местной традиции чаще всего ходили сватать мать и отец жениха. Вместе с родителями парня сватовщиками ходили его родственники, хорошо знакомые ему односельчане, в сваты приглашали также крёстного отца новожёна. «Поедут старики свататься, жениха с собой не берут. Жених дома сидит, отец, мать ездят, какого ещё родственника подзовут, вот и поехали» (*Булдыри Юрл.*). «Мать да сёстры сватать ходили» (*Зарубина Юрл.*), «сватовщиками родителей засылали, маму да соседей двое» (*Юрла*). Иногда в процедуре сватовства мог участвовать и сам жених: «Сватать отец с матерью шли, он сам тоже шёл» (*Черепанова Юрл.*). «По девку ходили сват и сватья» (*Сёйва Гайн.*).

Желая удачно решить исход переговоров, сватовщики в доме невесты с порога в иносказательной форме заявляли о цели своего визита. «Зайдут в избу-то: «Пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь». Тут уж зайдут, шапки снимут, помолятся и сядут. «Пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь нам», – это в звук говорят, чтобы у невесты родители не поперечили». (*Зап. от Лехановой К.П., 1921 г.р., д. Тимина Юрл.*). «Свататься отец, мать, жених ходили: «Пол по нам, потолок по нам, гости по вам ли»? (*Дубровка Юрл.*); «Заходят ещё: «Пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь», – и сразу за матицу проходят. «Мать-отец, убирайтесь на печь». (*Зап. от Ефремовой А.П., 1930 г.р., д. Зарубина Юрл.*). «Зайдёшь в избу: «Пол по нам, потолок по нам, матица не поперечь». Невеста сидит, ну, там родители сидят. Если хоть скажешь, что так-то, с отказом, дак уйдёшь. Ну и сватать-то сватаешь. Если по им сватовья – на стол соберут. Там чё надо, пить. Сначала пить подадут, а потом на стол соберут. Четыре бутылки по краям, а пятую бач в середину, это уже ставит жених». (*Зап. от Сабуровой А.А., 1936 г.р., с. В.Лобаново Юрл.*).

Известно, впрочем, обыкновение не соглашаться на предложение хозяев садиться – «стоят сваты, покуль не высватают. Невесту надо стоя высватать. Говорят – мы не сидячи, мы стоячи» (*Плѣсо Гайн.*). «Сват и сватья придут, поздравствуются, а им отвечают, мол, сядьте. Сватовщики отвечают: «Мы не сидеть пришли, а свататься» (*Монастырь Гайн.*).

Чтобы сватовство прошло удачно, сваты садились на лавки под матицей, друг напротив друга. Сватают до тех пор, «пока девка не пообещается» (*Сёйва Гайн.*). Сватовщики проходили вдоль по половицам к столу и, не раздеваясь, садились на поперечную лавку, лицом к дверям. «Тут ещё шилиль меж ног забирали, чтобы двумя половицами ноги-то были» (*Дубровка Юрл.*). «Перво-то в одежде проходят, ноги ставят так – половицу в середину делают» (*Кукольная Юрл.*); «Ноги-то ставят на две половичи, чтобы двое вместе жили». (*Зап. от Бартовой Т.И., 1928 г.р., д. Таволожанка Юрл.*).

«Иные сватовщики знающие были, примечали ещё приметы какие-то, за косы девок дёргали, обманом как забирали. Меня вот женихи много сва-

тались. Потом уж на возрасте стала, а капризничала, не по мне были. Три раза был мой-от, только на четвертый раз тятка отдал. Срок неделя была. Сваты в дом пришли, сразу вдоль по полу сели. Они тут меня с полатей спустили. А тожно: «Ох, мы на полатах её застали. Она на полатах де, наша де будет». Ак они, у меня коса долгая была, они за косу подергали, по плечам поколотили. Я и спустилася тогда». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «По меня приехали, я спала на постели. А если невесту не застанут на постели, то она все равно наша не будет. А тожно они второй раз приезжали. Он приехал с родителями, сватался» (Елога Юрл.). «Мама меня не отдавала. А потом знаткую такую женщину привезли. Она меня и приделала к нему. Он мне потом сказал: «Выше дверей мох теребили». Мох она натеребила и мне наклала в сапоги. Ей охота стала меня за него посадить, он ее братанник был. Коса у меня длинная была, чё-ко по голове меня погладила, косу потрясла». (Зап. от Селезневой А.В., 1926 г.р., с. Юрла).

Каждая деталь происходящего была исполнена особого смысла: «Дядя у нас был *пронзитель* – видел всё сразу. Вот сватать пошли, заходят в дом, а невеста в окно смотрит. Дядя-то сразу: «Э, на молодку не надейтесь, она у вас жить не будет». Вот в окно смотрела, так, мол, в доме не жилец». (Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.).

После непродолжительных приготовлений сваты приступали к переговорам: «Можно к вашему дереву постучаться, побрякаться, как ваше дерево, будет согласно или нет в замуж идти?». (Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.); «Пришли свататься, вот вырастили жениха, у вас невеста» (Таволожанка Юрл.); «Пришли мы с добром». – «С добром так с добром, а может, вы с плохим делом-то пришли?», – тятя-то им в ответ. – «Нет, мы с хорошим пришли. Давайте вставляйте и поднимайте Зою». А я им говорю: «А чего я к вам пойду делать-то? Если выпивать, так выпивайте». Гляжу, сестра спустилася с печи, вино поставили на стол, я всё лежу, всё вижу, и поняла: «Это, видно, за моей душой пришли». Встала тожно и ушла на кухню». (Зап. от Петуховой З.Е., 1931 г.р., д. Келич Юрл.). «Бывало, сразу два жениха сватов засыпали: «Кто как выпендрится из них, кто побойчей, кто получше. Вот у его мать-то к тятке на колени села: «Сват, сват, ты у меня будешь сват. Ты ни за кого не отдавай, девка-то моя будет». (Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.).

Переговоры родителей продолжались до тех пор, пока отец или мать девушки не давали своего согласия: «Давайте выдадим, дочь вот у нас на *выдаваньи*» (Тимина Юрл.); «В такой-то день приезжайте ещё. Договоримся мы дома», – родители скажут. Сватовщики тожно уже уходят, срок-то даден, вот его дожидать будут». (Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.). Если у невесты не было родителей, разрешение на свадьбу она могла получить у брата. «Приехали сватать меня, а родители у меня умерли, так они моей сестре-то всё тут наговорили, так, мол, и так. Меня уж тут кликнули:

«Емельяновна, за твоей душой пришли, так вот давай рассчитывайся уж сама». Там уж пригубилась я маленько, вроде как ихняя сразу делаешься, вроде как согласие дала. Дала я срок: «Вот как до вторника, у меня как брат разрешит, приезжайте тогда уж, сватайте. Вот я свыше брата как не сделаю, он мне как вроде отец, брат-от, отца-то нет дак». (Зап. от Петуховой З.Е., 1931 г.р., д. Келич Юрл.).

Получив положительный ответ, сватовщики отправлялись домой готовить жениха к просватанью. «Едут домой сватовщики. Вот попал кто встречу, спросит, мол, вышло — не вышло дело-то, а ему отвечают: «Всё, уломали». Уломали, значит уже всё, назначают просватанье» (Пож Юрл.). Сватовство, таким образом, оказывалось предметом обсуждения не только непосредственных участников события. Как важное событие в жизни деревни, оно оценивалось всеми жителями. Через день-два односельчане начинали расспрашивать об исходе сватовства родственников жениха. Каждому из них деревенские жители задавали один и тот же вопрос: «Вилы-грабли»? Если женихова родня отвечала «грабли» — значит, «высватали, загребли невесту-то», ответ «вилы» означал неудачу (Сёйва Гайн.).

Просватанье

«Вот невеста попридумыват идти, мол, покажите жениха, срок даст, в какой день приехать. Тут жениха собирают на срок, и тожно отец, мать. жених или ещё кого возьмут, едут на срок». (Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыры Юрл.). «Если худое про жениха чутко нигде, делают просватанье. Вот строк для чего и дается, всё равно где-нинabудь, кого-нинabудь, как-нинabудь узнают, чё он, какой, из какого роду-племени, из хороших или плохих. А если дадут строк, да узнают какой-нинabудь зарок за женихом, откажут, да и всё. Если просватанье, дак у невесты родня собирается, жених привезет с собой человек пять». (Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.).

Сватовщики с женихом в дом заходят опять со словами: «пол по нам, потолок по нам» (Келич Юрл.). Разместившись в избе, брачующиеся стороны начинают переговоры. «Сразу-то согласие не давали, выбирали, присматривались. Родители жениха с собой привезут, с ним как уже сватают. Вот у нас приехали сватать, а жених-то мал был и не с желанием женится-то, а у нас ведь раньше сеяли, жали, раз единоличники жили, своё хозяйство, вот им и надо работницу. Ему валенки скатали новые да в валенки шерсть положили, чтобы он повыше был, вот чё. И шубу-то сшили, и тулуп тоже, только женись. Вот, пришли свататься, садятся середь полу, а жених сидит в тулупе, печку топят — жарко. Мать-то: «Чё, мол, тебе не жарко? Чего в тулупе да в шубе сидишь?» — «А чё за жениха-то не идти, у нас жених хороший, всё на ём новое: и брюки, и тулуп», — родители-то за его как разговаривают. Мать тулуп-от распахнула, а на ём и брюки-те нету. Мать щёлк его только по го-

ляшке-то: «Чё-то он не совсем уж, приехал без брюк». Всё, отказали ему, так и уехал». (Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.).

«Женихи тоже разборчивые были. Если не нравится парню невеста, так он шапку в охапку, хрен на плечо, выходит на улицу. Если девушка нравилась, парень-то глазом родителям моргнет, мол, любя девка, сватайте дальше». (Зап. от Сакулиной К.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.). «Жених приходит к невесте, если невеста не по ём, дак сделает шапку на коленко и покручивает-покручивает — не нравится де» (Елога Юрл.).

Знаком согласия невесты на брак в просватанье являлась скатёрка, которую мать или сама девушка стелили на стол, угощение сватов, например, пельменями. «Долго сидели, мне моего-то жалко стало. Я уж маме-то говорю: «Стели скатёрку-то. Она понесла скатёрку, на стол собирать, согласна дак, тут хлеб-соль, всё несут, сходили тут по хрёстну, по сестру. Всё, просватали меня». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «Если согласны, мать невесты скатёрку на стол стелит. У невесты родители на стол ставят и у жениха ставят, чё-ко с собой привезли, да тоже на стол» (Кукольная Юрл.). «Девка согласна, дак берёт скатёрку и на стол настилает, гостей за стол тогда садит. Тут уже хлебушко, капусту, грибы, блины на стол принесут» (Юм Юрл.). «Челтан обязательно приносят, он лежит на столе — всё, просватанье» (Келич Юрл.). Угощение здесь в основном приходилось на сторону жениха: «На просватанье-то жених везёт своё вино, хлеб-челпан, пирог рыбный» (Будыри Юрл.); «Собрали на стол тут живёхонько, тут сватовщики-то на стол четыре бутылки поставили, деньги положили, видимо, выкуп за невесту, прямо на стол положили, калым назывался. Мама-то: «Раз надумала, девка, не просмей себя нигде, не сядь да не уедь сразу-то с имя». (Зап. от Петуховой З.Е., 1931 г.р., д. Келич Юрл.).

Жених в просватанье обязательно дарил будущую невесту деньгами. В некоторых деревнях калымом могли также называть мясо, пиво, сарафан или юбку — всё, что *выражала* от жениха невеста в день просватанья. «Когда приедут на просватанье, садят невесту просватывать, жених как первый раз приехал на просватанье, вот тогда мама положила на тарелку блины, жених-то тут кладёт деньги на стол. Это как называется калым. Он на блины кладет деньги-то, блины в бугорчик наложены. Денежки чтобы не свалились ни в ту, ни в другую сторону, скатятся — жизнь раскатится». (Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.). «Тут же, на просватанье, выражали ещё, вот невеста собирает свадьбу, там мяса не хватает или ещё чего, вот выражают жениху-то, привезите там мясо, муку или пиво. Вот это как калым, большого-то калыма не было, а так. Какое приданое за невесту будет, там родители отдельно договариваются». (Зап. от Трушниковой А.М., 1932 г.р., д. Ташикина Юрл.). В ряде мест приданое называли *постельно*. Кроме приготовленной постели, в качестве приданого могли также давать корову или телку, овец.

Невеста не оставалась в долгу перед женихом. Если парень нравился, девушка дарила жениху *знамя*, так называли специально приготовленные невестой к дню просватанья подарки. «На просватанье-то приходит самая близкая родня, на этом просватанье-то девка *знамя*-то и давала, как надежду какую жениху, там, например, перчатки или рукавички, или поясок». (Зап. от Пиккулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.). «Жених ещё подарки просил, опояску, перчатки ну, рукавички такие, *пантёшки* ли как их называли. Они просто из шёрстки, холстом-то их не отделявают, в просватанье дарили, как подарочек». (Зап. от Сакулиной А.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.). «Раньше ведь холсты были, ленты, вот просвататся девка, тогда рубашку дарила, беленькую рубашку-парчонку, расшитую, кто по канве расшивал, кто крючком, кручёнкой». (Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.). «Знамя дают ещё, кто варежки, кто платок носовой жениху-то, чтобы уж не обмануть, не обманно чтобы». (Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.). «Знамя-то давали — кто опояску, поясок, перчатки, кто опять полотенце, шарф приготовит» (Пож Юрл.). «На просватанье, колды просватывали, *знамя* давали: варежки, перчатки ли, ремешочек. Жених несёт материал чё-то к свадьбе. Несет подарок тоже. Варежки знать-то я давала» (Елога Юрл.). *Знамя* выступало знаком окончательного согласия со стороны девушки на свадьбу. «Вот было и такое, просватаются, и кто нахулит кого, тогда уж *знамя*-то отберут». (Зап. от Трушниковой А.М., 1932 г.р., д. Ташкинова Юрл.). «Раскол» будет если у молодых после сватовства, которо вино выпьют, колды просватают, дак невеста обратно несёт вино жениху, что не пойду» (Елога Юрл.).

Уже в просватанье обряд мог сопровождаться песнями: «Вот накроют на стол, поедят, попьют, песен запоют: «Проиграла Анастасия свою де вольну де волюшку, свою дивью красотушку, из косы русой ленточку, семибисерну кисточку». (Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.). Особо значимой процедурой просватанья являлось рукопожатие родственников брачующихся сторон. В Юрлинском районе этот обряд получил разные названия — *рукобитъё*, *давание рук*, *рукопитьё*. Несмотря на разную терминологию, временную приуроченность и разное количество свадебных персонажей, задействованных в этом ритуале, суть его не менялась. Пожатие рук родственниками брачующихся сторон свидетельствовало о благополучном завершении важного этапа свадебного ритуала — сватовства. «Если похорошему девка замуж идёт, тогда ещё *рукобитъё* делают. Вот придумат она с вытьём идти, так и *рукобитъё* делают, а если попросту, тогда уже нет». (Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.). «Если жених нравится, тожно быют по рукам: отец даст руку и другой отец даст руку, у их руки разнимут, сваты-то, ударят их снизу. Тут же наметят, в какой день свадьба. Руки разнимут, тогда уже за стол посадят, тут водка, её сваты привозили, потом и те бутылку выставляют. Кому отказ мог быть, тогда уж водку-то не выставляли». (Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.). «Когда просва-

тываются, отец, мать бьют по рукам свахе, имались за руки, а один из них вверх поднимал руки, разнимал. Это делали отец и крестный, крёстная от жениха, не сваты» (*Пож Юрл.*).

Битье рук проходило либо посреди избы, либо на кухне: «Как домой пойдут с просватанья, руку пожмут: «Чтобы наша жизнь совместилася, у наших ребят-то. На середине это было». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*). «Сват, сватья вот выходить-то будут с просватанья домой, руку пожмут. Срок дают дня на три и даже больше, родня большая, по обедам надо ко всем успеть съездить, вот срок-то и дают большой». (*Зап. от Сакулиной А.Г., 1926 г.р., д. Черепанова Юрл.*). В ряде мест рукобитье делали через один или два дня после просватанья. «Невеста когда просватывается женихом, это называется просватанье. Тожно рукобитье сделают на другой день, пьют опять бражку здесь, позовут своих гостей, родство своё, а потом, кто приедет на этот вечер, тот и невесту к себе зовёт на обед, а у кого не *зватится*, нечем, может, бедно живёт, так он не идёт. Рукобитье вот – сидят четыре мужика за столом. Эти руки поймают, а пятый разнимат, свои тут, отца-то тут нет. *Витница* называлась женщина, она все приговоры знала, она с невестой на середине сидят, невеста под платом под шёлковым, а родственники за столом. Тут опять приговаривают: «Что у тебя, батюшко, седне за народ»? Это витница-то прибирает: «Что у тебя, батюшко, седне за народ? Чё они покупают, *торгают*, не быка ли де, коровушку, не бычка ли де, не мерина, самолучшую скотинушку? Не сдавайсь, родимой тятенька, на ласковы словечика...». (*Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Будыры Юрл.*).

«Была договорённость такая, приедет крёстный у жениха, отец. Вот они и у невесты отец и крестный становятся за стол, на четыре стороны стола, подают друг другу правые руки и разнимают. Это называлось *рукопитье*. По рукам сбили, значит, невеста уже просватана, а там девушки начинали уже песни петь: «Ох, не ставай-ко, родимой батюшко...» (*Юрла*).

Рукобитье в просватанье в ряде мест было заменено обручением, которое по сути напоминало основной свадебный пир, но в доме невесты. «Станут готовиться к обручению, у невесты вечер должен быть. Гостей созывают, родня, у него друзья. Приходили как-то большинство пожилых людей, свою родню больше приглашали. Соберутся, гуляют, пируют, пляшут, а жених сидит за столом, а потом невесту выводят крёстный за платочек или за руку, к жениху посадит. По солнышку выводил. А девки опять величальные поют» (*Пожсва Юсвь.*). «Обручение справляют у невесты. Потом разойдутся, и жених уходит, готовятся ко свадьбе. Через день, через два, а больше через неделю – свадьба» (*Юм Юрл.*). «В обручение потом садятся все, угощаются. Парами через стол, на той стороне гости сидели, а с этой стороны подходят и пропивают. Вино подаёт жених с невестой. Жених наливает, а парами подходят, оба молодых держатся за поднос. Сначала подходят родители, затем братовья, сёстры, гости. Раньше такие подносы были – первый раз кругом идут вино, только по две рюмочки, это «*прóстенька*», потом, во второй об-

ход – это «*поросёнок*». Брага и пиво рюмочка, это называется поросёнок. Поставят две рюмки вина, стакан пива, стакан браги, и это будет поросёнок. «*Курочка*» – это брага и стопочка вина. Это каждому дают отец с матерью и помощники. Жених, невеста пьют одно, из одной рюмки, из одного стакана. Они пьют сначала простеньку, курочку и поросёнка – наливают сначала жениху и невесте, а потом всем остальным» (*Пожва Юсёв*.).

Перед выходом сватовщиков из дома невесты родители девушки благословляли молодую пару *челпаном*, специально приготовленным для дня просватанья хлебным караваем. Это происходило следующим образом. Молодые становились на колени, а родители (чаще всего мать невесты) три раза, по солнышку, кругом, караваем проводила над головами молодых. «Заставили нас в ноги маме моей пасть. Мы пали, нас хлебом-челпаном благословила мама. Его-то благословила, а меня по спине три раз кулаком, за чё я пошла, не хотела отдавать». (*Зап. от Кудымовой З.С., 1936 г.р., д. Миронова Юрл.*). «Вот меня просватали, так мы им поклонились, оба вместе, вышли из-за стола-то, тятке и мамке, они нас подняли». (*Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.*). «Челпаном нас встречали на улице. Ему дали икону, а мне — челпан... Икону ему прямо на голову положили. Потом он ее взял в руки и нёс. Челпан тоже на голову положили, потом я его в руки взяла» (*Сёйва Гайн*.).

Отличительным знаком просватанной девушки являлся *веник*, так в местной традиции называли особым образом уложенные волосы на голове невесты. «Если просватаешься, то веник тебе делают на голове» (*Юм Юрл.*). «Косы расплетают невесте, как просвататся, в тот же день, она девок собирает, девки ей косу расплетают, невеста им ленты подарит. Волосы-то поочередно расплетают, тот расплетёт, другой, третий, кому скажет, кто любая, а ленты у её сколь есть, она подарит. Ей ленты-то не носить, а девкам надо. Плат-то на глаза нависнет, она только под ноги видит. На голове платок, а сверху плат накинут: «С дубу на дубу роса падет». (*Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.*). Существовало несколько способов оформления убранства головы просватанной девушки. «Просватанье пройдет, у невесты косу расплетут, ленточкой у затылка волосы свяжут. А про свадьбу сваха будет заплетать две косы. А так с распущенными волосами ходит, у затылка-то волосы стянут лентой. К этой ленте ещё других лент навяжут, концы-то распущены. Ещё по обедам ездили, невеста едет, ленты раздуваются, так она целую неделю ходит. А потом в церкву с распущенными едет, дак там две косы заплетут». (*Зап. от Бартовой Т.И., 1928 г.р., д. Таволожанка Юрл.*); «Волосы расплели, тут гребёночкой где подхватишь только, и всё, и так до свадьбы ходишь. Веник делаешь – ленточки навесишь вокруг волос, хвост такой». (*Зап. от Сакулиной А.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.*).

В некоторых деревнях *веник* выглядел несколько иначе. В д. Ташкиново «магазинны ленты пучком привязывали на конец косы девушки. Вот просватают, так вешают ленточки, как веник». (*Зап. от Трушниковой А.М., 1932*

г.р., д. *Ташикинова Юрл.*). «Просватали, так невеста с лентами и ходит, как, мол, перед свадьбой-то. Когда девки сидят с невестой, кто полотенце расшивают, пояски ткут, кто опояску, перчатки свяжут, дадут, невеста тут в лентах сидит. В косе-то одна лента, а потом привяжут за эту ленту остальные ленты бантом, концы-то распущены, ленты синие, зеленые, красные. В Троицу-то тоже также гуляет, с такими же лентами». (*Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.*). «После просватанья уже косу и ленточки, штук пятнадцать, заплетут в одну косу, целый букет на косу навяжут. Ленты пучком на конце завяжешь, бантом там ещё». (*Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.*). В некоторых местах, помимо лент, в косу просватанной девушки вплетали особую *семибисерну кисточку*. «Вот просватаешься, дак семибисерна кисточка была ещё, бисер брали, из него плели семь подвесок. Она заплеталась в косу с ленточками, на конец косы подвешивали, вязали. Кроме семибисерной, ещё ленточки навяжут пучком, концы распустят. Невесте одну косу надо, а на конце косы эти ленточки и кисточка. Ленты девушкам дарили, кисточку тоже дарили, только её самолучшей подруге». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*). «Ленточки всякие навешашь, веник целый. Эти ленточки потом, на девичник-то ходили девки, так им раздавали. Одну косу носили, а ленты красные, зелёные, жёлтые, всякие бывали, их вешают на конец косы. Они просто распускались, в бант их не делали, так невеста по обедам ездила. А у кого бисер раньше был, дак делали кисточку на косу, на ленточки-то. Раньше кокошники старухи носили, вот эти кокошники старухи распарывали и делали кисточки, там черненькие, синенькие, блестящие, и на конец косы эти бисерны-то кисточки и делали, бисер на ниточку так, пучком, на ножке». (*Зап. от Сакулиной А.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.*). «У невесты одна коса, одна ленточка в косе, а за ленту-то, в косе которая, уже пятнадцать лент других вяжут, во всю спину» (*Ташикинова Юрл.*); «ленточку захомутают и под конец косы привяжут все ленточки вгрудку, и все на одном месте, концы-то лент болтаются» (*Таволожанка Юрл.*); «тут уж говорили, что коса последнее время красуется» (*Балда Юрл.*).

С дня просватанья невеста не выходила на улицу без воткнутой куда-нибудь в одежду иголки. Это была защита «от недобрых глаз» (*Пож Юрл.*). «Булавки втыкали, чтобы не видно было, чтобы колдун ничего не смог сделать, булавка – спасительница» (*Липухина Юрл.*). «Цветы не одевали, ленточку шелковой иголочкой подденут, за платочек зацепят. Сверху платок, а на темечко сверху ленточку бантиком на иголочку приколют, а иголка острием глядит, это чтобы не урoshiлива невеста была». (*Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Бұлдыри Юрл.*).

Крайне редкой была ситуация, когда брак по той или иной причине уже после сватовства расстраивался. «Если просвататся невеста да плохую славу услышит про жениха, едут ему отказывать, сами ездят, отец невесты. Приедет, скажет, что, мол, вот худую славу услышал. А то вот далеко жил один, приехал свататься, а сам уж женатый был. Липа ведь лист стелет, всяко

бывает, вот и надо отказываться». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.).

Девушники и обеды

С просватанья до свадьбы девушки собирались вечерами в доме невесты готовить приданое и подарки: ткали полотенца, вязали, шили, доделывали всё, что было начато невестой ещё до просватанья. «Не с бухты-барахты всё делается, прежде невеста мерки снимет с жениха, со свекровки ли, по ним и шьёт» (Юрла). «Невеста сидит, когда замуж готовится, может, неделя, полторы, зовёт своих подружек, и начинают вышивать – полотенца, рубашку, нагрудку» (Балда Юрл.). «Сдарьё все вместе готовили: жениху вышивали рубашку, свёкру рубашку, свекровке на рукава дарили (отмеряют, сколько на рукава холста надо – вот холст и дарят свекровке, платок ли), золовкам запоны, деверьям ткали опояски. Коробья были, туда укладывали» (Пож Юрл.). «Невеста нагрудку вышивает на рубашку жениху, поясок делает или опояску – она широкая, долгая. Мужики на опояске потом дырку сделают и топор за пояс – нигде не выпадет! Мама мне вот сделала кривульки, по этим кривулькам и вышиваешь. Надо опояску. Раньше ведь как говорили: «У меня парень, как топор за поясом»! Значит, всю дорогу со мной везде. Это который послушный» (Юм Юрл.). Иногда на вечерку приезжал жених *дозирать* невесту. «Девки вечерами полотенца расшивают, с невестой сидят, а тут жених придет» (Тимина Юрл.). «Соберутся все вместе, кто нагрудку вышивает, кто поясок ткёт, девки-то сидят, жених когда один придет, пряники привезёт, конфеты, угошат, даст их невесте, она угошат» (Дуброво Юрл.). «Девки на девушнике мочало теребят, на постелю-ту невесте-то» (Городище Юсв.).

До свадьбы невеста с подругами (иногда вместе с женихом) посещала свою родню. «Пока всех не объедут, никакой свадьбы не делают» (Юм Юрл.). Каждый, кто приглашал к себе молодую пару, считал своим долгом обильно угостить приехавших гостей, отчего вся процедура в местной традиции получила название поездки *по обедам*. «До свадьбы по обедам ходили, к сестре ли, к тётке, если родня большая, так неделю, больше ездят» (Ташикинова Юрл.). Посещение родственников было жестко регламентировано. Поездки начинались с особого приглашения родственников невесты. «Обед-то приготовят, висть подадут, бывало, просто приезжали и приглашали, мол, сёдне во столько-то к нам. За приглашение-то благодарили» (Юрла). «Я три обеда съела. Меня вся родня приглашала. Вот приедут, пригласят: «Вот, Зоя, сёдне у нас вечер». Вместе с женихом ездили. По обедам-то пойдём: «Приглашённые, пожалуйста, заходите» (Келич Юрл.).

Разграничения касались и порядка посещения родственников. Ездить на обеды начинали с большой родни: ехали к крёстной, крёстному, братьям и сёстрам, затем ко всем остальным. «Сначала крестна позвала. Крестна приехала, сказала, в какое время подъехать, мы тогда и подъезжали» (Миронова

Юрл.). «По обедам-то невеста с подружками ездила, ко крёстне сначала ехала» (*Булдыри Юрл.*).

К родственникам ехали на лошадях, украшенных ленточками. Обязательно во время дороги пели песни, шутили. «Лошади с колокольчиками, песни, пляска, тряска. Дуги все в ленточках: красные, зеленые, синие, жёлтые, кошёлки, туда одеяло положить». (*Зап. от Кудымовой З.С., 1936 г.р., д. Миронова Юрл.*). Невесту во время поездки обязательно закрывали большим платком. «По обедам ходили, так невеста-то под платом ходила, закрытая платом, девки её под руку вели, под локоть» (*Тимина Юрл.*). «В дом-то зайдут, невеста тоже закрытая идет. Они садятся середь полу, тут родственники на стол собирают, угощают тожно» (*Кукольная Юрл.*). «Девушки остаются с невестой до свадьбы, с неделю готовят приданое, а вторую неделю они ездят по родственникам. Все песни дорогой перепоют, а она под платом под шёлковым сидит, её уже никто не видит. По дороге под платом сидит и всё время всем кланяется» (*Юрл.*).

Приехавшие гости сразу в дом не заходили, в сенях пели *свадьбеины* песни и ждали, когда выйдет мать невесты и подаст каждому из них кружку браги. «К дому родственника вместе с невестой подъедут, начинают причитать: «Уж как к этому ко терему». Девушки пока это не пропоют, не заходят» (*Юрл.*). «Приедут, песни поют: «Не во поле шатёр стоит» (*Дубровка Юрл.*). «У ворот сначала поют: «Раньше к вам ходила одним-одна, а сейчас-то я приехала шумным-то я шумнёшенька. Отперите, отоприте двери, пустите меня». (*Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.*). Невесте все дни до свадьбы полагалось плакать. «Котора девушка наматывала на руку косу и дергала, чтоб больно было. Чтобы замужем не реветь, надо перед свадьбой пореветь» (*Пожва Юсьв.*).

«Приехали, на мосту-то прибирают причёты, тогда крёстна с бражкой выйдет, невесту встретит, тожно входят вдоль по полу, а тут уж *глядены* сидят. *Витница* причитает: «У моста калинова крылечико веселое, лесенка часторубчатая... Совстреть меня, любима хрестнушка, с теплой-то браженькой...». (*Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.*). «В доме-то уже запоют другое: «Посидела девонюшка у переднего окошечка» (*Дубровка Юрл.*). В избу зашли, немного посидели, хозяева стали на стол собирать. «Угощали кто как мог, шаньги, пирожки ли калижные или морковные, суп картофешница, когда с мясом, когда без. На обедах-то и поешь всё, потом выйдут из-за стола, песни поют, тожно все по домам» (*Черепанова Юрл.*). «Пиво, брагу варили на обеды, бражно было хорошее, делают, искры ходят в браге-то. Выпьешь несколько кружек, в голове шает» (*Юрл.*). «На обедах-то пельмени мясные, грибовые, что есть, пироги. Молодые на обедах одной вилкой едят, сначала жених, потом невеста, пляшут, бывало, а молодые сидят» (*Пестерёва Юрл.*).

В доме невеста снимала плат и садилась за стол вместе со всеми. Во время пира молодожёны за столом не только угощались, но и играли в игры.

«На девишниках невеста с женихом косточками ломались, у петушка или у курочки. Опять кто кого обманет, если кто обманул, значит, ему дары покупали. Если у вилочки косточки разломил, и у кого короткая осталась, тот обманут, он дары дарит. Или вот сидим, я невзначай вилку передаю: «На, мол, передай». Тот, кто взял, ему скажу: «Бери да помни», вот и выиграла». (Зап. от Кудымовой З.С., 1936 г.р., д. Миронова Юрл.).

Заканчивалось угощение причитанием невесты и словами благодарности за сытный обед. «Когда покушали, тожно спасибо скажут да опять *привывают*: «Я тожно скажу тебе, да крёстной батюшко...». Тут невеста дарила крестному опояску, а крёстной *рукава*» (так называли трубки домотканого холста – *Булдыри Юрл.*).

«Ездят, ходят неделями, по обедам-то. Обед за свадьбу мог делаться. Ну вот, например, у меня сестрянка. Я помню, обед ей делала. А она вперёд меня вышла, но на пять лет меня моложе. Дак я помню, мы делали обед ей. Вот приглашали, кто там ходит с невестой, девушки, жених» (*Елога Юрл.*). «Недели две надь-то была просватана. Он ездил, меня дозировал. Водили меня по обедам, много мы обедов съили. У нас родня большая. И нас это приглашали вечером: моих родителей, жениха да невесту. Он приезжал. Всяка стряпня была, водка, пиво, брага была, пироги – все было на столе» (*Сергеева Юрл.*).

«Невеста по обедам ездила. Ну вот примерно так хрёсна у невесты, она позовет обедать. Близкие соседи зовут обедать. Тожно ходят с песнями. Причёты, причитают. Ко дверям подойдут, в избу не заходят, причитают, как положено. Которы зовут обедать. Они выйдут с кружкой, с пивом ли, с брагой ли встречать. Заходят в избу. Не одну рубаху *зараньше* сошьют. По обедам ходит в невестинной рубахе. На свадьбу приезжат в невестинной рубахе. По обедам-то пойдут, толды на него рубаху надевают» (*Мухоморка Юрл.*).

«Когда отгуляют, опять причёты начнут говорить: «Спасибо тебе, спасибо, да спасибо тебе великое, за труды-то твои. Ты ноченьки не спала, грудилася, меня гостьей ждала, во дорожку меня спровадила». (Зап. от Мазениной К.К., с. Юрла). «Потом опять с песнями поедут, а если в деревне ещё родственники есть, то ещё и к ним заедут. Так целую неделю ездят, а то и две, до самой свадьбы». (Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.).

Девишник перед свадьбой, невестина баня

«Свадебный день считали как от Бога, такое ответственное дело, и там лишнее ничего не позволяли» (*Пож Юрл.*). Начинался день с девишника. «Вот утром перед женихом-то девишник делают, тогда воют, страдают, набирают там девке-то, насказывают» (*Тимина Юрл.*). Переплетение волос невесты и посещение девушкой ритуальной бани являлись основными процедурами последнего девишника. Баню готовили заранее, соблюдая все правила предосторожности, поскольку считали, что верно приготовленная баня обеспечит благополучием жизнь будущих супругов. «Вот в баню пошли,

мама-то: «Девки, дровёнки мелкие наколите, да головёшки-то не колотите, это чтобы мужик бабу не бил». (Зап. от Волокитиной М.В., 1933 г.р., д. Келич Юрл.); «В девишник в печку бани-то только пять полен можно было класть» (Зарубина Юрл.); «Баню подружки топят, стары-то люди ещё тут приговаривали: «Девки, головёшки-то хоть не бейте, не колотите и не выбрасывайте, дождитесь, чтобы всё дотла сгорело. Головёшку колотить будешь, так мужик будет так же колотить тебя, а выбросишь, дак он тебя держит, держит, да так же выбросит» (Келич Юрл.); «Дрова для бани подбирали ровные, чтобы дружно истопились, смотрели, если всё ровно прогорело – жизнь хорошая будет у молодых» (Юрла). В с. Пож баню для невесты готовили её братья. Сделав все необходимые приготовления, родственники и подруги вместе с невестой отправлялись в баню. «Невесту девки в баню вели под руки с песнями» (Таволожанка Юрл.). «Вот баню-то истопят, это ведь так на смех только сделают. Под руки невесту возьмут и ведут с песней в баню-то» (Балда Юрл.). «Пошлют невесту в баню, головешку ещё ей с собой наладят» (Лобанова Юрл.). «С вытём в баню-то пойдут: «Повели невесту, башмачки-то отвалиться хочут, подвернуться ладят» (Тимина Юрл.).

«Подружки мыли голову невесте, считали, что родственница или близкая подружка должна вымыть ей голову в бане» (Пожва Юсьв.). «Девки-те, которы сидят с невестой, в бане поют, а невеста одна моется. Баню про её девки топили. Угли разбивать не надо было, мужик дебить будет, тожно сойдутся. Плясали в бане. Вымоется невеста, тожно котора вода-то останется, они убежат в передбанник на улицу, эту воду она их, на девок. Вода на которую попадет, с мужем жить деплохо будешь» (Елога Юрл.).

«Невесту вели девки за руки в баню. Веники на тропинку ложили, подбрасывали, обратно идешь по веникам. По одному пруту... весь веник растеребят». (Зап. от Осташовой Е.П., 1939 г.р., д. Мухоморка Юрл.). «Баню топили, девки пели – про «воду ношельшичу, баню топельшичу да на полке валеишичу». Все помылись, разошлись да и все» (Пож Юрл.). Аналогично в д. Плёсо (Гайн.) приготовление бани сопровождалось магическими действиями, обеспечивающими благополучие будущей семье. Чтобы муж не бил будущую жену, подруга невесты, готовившая баню, не должна была колотить головёшки в печи, банной каменке. Невеста не должна была ходить в бане «по голу полу»: чтобы избежать какого-либо колдовства, не только дорожку в баню, но и пол бани обязательно устилали ветками березового веника (Сёйва Гайн.).

«В бане невеста моется. И тут девки моются. Оне еще не успеют раздеться, она уже их обольет водой. А раньше еще чёрны бани-то были, дак вымажет так сажей дак – как черти из бани выходят» (Городище Юсьв.).

С баней связан крайне значимый для обряда эпизод – момент смены девичьей причёски на женскую (впрочем, волосы девушке могли заплести в две косы до бани, перед самым приездом жениха, в церкви, а то уже и в доме брачующегося: «Невеста у нас с распущенными волосами приезжала в дом

жениха, косы две не заплетали» — *Пожва Юсьв.*). В ряде мест применялось другое оформление причёски невесты. «Как в дом к жениху зашли, сваха невесте сразу шишку завиват. Две-то косы не делат. Шишку завьёт, закружит со шпильками и сверху сборник оденет, так уж до смерти девка носить-то будет» (*Сёйва Гайн.*). Надевание *сборника* — чепца замужней женщины — было обязательным («сборничек красивый, как шапочка, из цветных тряпочек сшитый. Он на волосах держался заплетенных, как шапочка» — *Плёсо Гайн.*).

«В баню-то невесту ведут с причитаниями, из бани тоже. Невесту держат под пазуху, на ней надет плат, у её коса расплетена, ленточки-то нет, она её девкам подарила, которы сидели с ней, вышивали». (*Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.*). «В бане невеста выла, сидела платом закрытая, наклонялась вниз-вверх, по кругу. У невесты плат иголкой подтыкан, иголлка на темечке, остриём ко лбу» (*Тимина Юрл.*). «В баню водили невесту с девками, волосы распущены, девки в девичник косу расплетут, потом в баню идут» (*Тимина Юрл.*). Волосы невесты в бане могли только переплести. «В бане расплетают у невесты волосы девки, голову вымоют и косу обратно заплетут, прямо в бане. А перво-то идут, у её ленточки-то много связаны в бант, в косе-то, потом достанут их, расплетут, дак в сторонку уберут, не мочат». (*Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.*). Девичницы вели *просватанку* в баню за полотенце и там расплетали ей косу («лент много было, через всю косу»), мыли и чесали голову невесты. Вернувшись из бани, девушке перехватывали у затылка волосы двумя — тремя ленточками. В ленточках с распущенными волосами девушка обязана была ходить до дня венчания: «мол, просватанная».

«На девичнике утром выводят невесту в баню. Там косу-то переплетают уже, одной косой уйдёт, одной косой вернётся». (*Зап. от Трушниковой А.М., 1932 г.р., д. Ташикина Юрл.*). «В девичник, это в день свадьбы, эти ленты-то отдавали подружкам, в бане, когда днём ходили. Меня вымыли, голову расчесали, волосы-то опять заплели, опять ленты завязали. Домой-то после бани придём, мама плотно уже стелила на пол у порога, невеста на плотно у порога встала». (*Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.*). «Перво ходит с косой и лентами, потом в баню, там переплетают, домой-то из бани с лентами в косе идёт, а дома-то уже распустит волосы. Жених придет по деву, тожно сваха-то ленточки у её и достаёт, косу на две делат, плетни плетут и вокруг головы укладывают. Жениха-то дожидает уже с распущенными волосами, ленточки дарит всем девчонкам, по ленте». (*Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.*). В это время невестой или вытницей исполнялся особый плач: «Расплетите мне русу косоньку, расплетите, подруженьки, вы носите алы ленточки, не теряйте мою красоту» (*Булдыри Юрл.*).

«Ленточек столько в косу вплетали, сколько подружек, чтобы каждой подружке отдать потом по ленте, в бане-то» (*Миронова Юрл.*). «Волосы распущают, когда девичник. В девичник невеста в бане моется, сидит голая,

сама моется, двери открытые, люди песни поют, а крестницы или сёстры у её голову расплетают, песни поют когда, ленточки себе берут». (*Зап. от Вилесовой М.М., 1919 г.р., д. Тимина Юрл.*). «Невеста с подружками в бане-то, если есть крестница, она расплетает косу, а невеста дарит ей ленты, а несколько штук ещё бросит подружкам. Кто из подружек ленту схватит, тот и замуж выйдет первый» (*Пож Юрл.*). Стоит заметить, что в местных деревнях существовали самые различные способы символического наделения подруг невесты жизненной силой, плодоносящей энергией: «В баню невесту поведут, подруги там в одежде стоят, песни поют, а невеста моется. Голик изорвет, у девок чуть глаза не выкопает, бросат в глаза веник, которым парится. В кого попадет, та скоро замуж уйдет» (*Ташикина Юрл.*); «Девки моют невесту, обливают, а я их тоже обливаю, чтобы они тоже за мной шли замуж» (*Таволожанка Юрл.*); «Ещё невеста рубахой с себя девок хлестат, чтобы они скорей тоже взамуж шли» (*Юм Юрл.*). Подруги невесты тоже в стороне не оставались, словами да наговорами снимали с девушки тоску, оберегали её от недобрых глаз и злого человека. «Вот там ещё девки-то караулили, чтобы в баню, в печку-то кто куделю не бросил. Жгать будут куделю-то, у невесты слезы из глаз, дыму-то полно, так плохо жить будет, примечали. «Ой, девки, дым, дым», - тожно скорее баню открывают да выскакивают все на улицу, чтобы слёзы-те не вышли». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*). «Подруги ещё тут пели песни, прибаутки всякие, в бане-то: «Улетела Танина пампушечка в дымное банное окошечко да на Санушкину клюшечку. Хватит на век, исть да не съисть» (*Пож Юрл.*). «Или ещё скоромную споют: «Сиди, попарь п... на лавочке, сиди, попарь под лавочку, дадут тебе красну палочку»! (*Лобанова Юрл.*). «Невеста красу девичью отдавала. Если хорошая невеста до свадьбы была, ее спрашивали, куда будешь отдавать красоту, на престол Пресвятой Богородице, а то, может, по ельничкам да по березничкам»? Это пели и наговаривали, когда подруги невесту в баню ведут» (*Сёйва Гайн.*).

Знаком окончания ритуальной бани служило причитание *мастёрой*, специально приглашённой на свадьбу женщины, владеющей песенной традицией. «Закончили мыться, тут уже мастёрая начнёт приговаривать, как выходить из бани-то: «Раскатися, наша банюшка, по одному по бревёшечку, раскатися, наша каменна, по одному камешочнику» (*Булдыри Юрл.*). «Из бани-то невеста придёт, тогда уже двери откроют, невесте пить подают. Мамонька пить-то выносила, брагу ли, квас, вытница всё это время причитала: «Не морозь, родимая мамонька, замёрзли мои ноженьки, совстрить меня, горюшечку, с тёплой браженькой». (*Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.*). В д. Пестерёва (*Юрл.*) из бани невесту встречали девушки, подруги невесты: «девки-то вперёд зайдут и встретят, квасу пить подадут». После бани невесту на голый пол-то не заводят, «родители её встретят, обязательно на половик ли, коврик поставят» (*Юрла.*).

После девичника в доме невесты ещё раз просматривали всё приданое и ждали свадебный поезд жениха. «Девки в это время чесали невесте волосы и распущены оставляли». (Зап. от Бартовой Т.И., 1928 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «А как стали ждать жениха, мне крёстна косу расплела и ленты все положила. Косу-то не всю расплела, так, волосы распустила, а четверть оставила заплетённой, ленточки связала, скрутила, ещё девкам ленты-то дарила, они были закручены». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «Перед самым приездом девка-то с вытницей садилась на средку и причитала: «Я-то вздыну, вздыну брови черные». Тут жениха-то ещё нет, невеста в ноги к отцу упадёт». (Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.).

В сюжете свадебных обрядов ряда мест (д. Пестерёва и д. Таволожанка Юрлинского района) появляется ещё один композиционно оформленный фрагмент предсвадебных ритуалов, так называемая *вечёрка*. Поскольку девишник в этих деревнях приходился на день до свадьбы, посещение женихом невесты сразу после бани получило самостоятельное оформление. «Невеста после бани-то придёт в избу, шить ли сядет, прогуливаться пойдёт, тут уж жених приезжает со своими друзьями на вечерку после девишника. Невеста где сидела, тут и сидит, подруги домой сходят, управятся. На вечерку жених людно-то не берёт, человека три-четыре. Они сидят, кушают, их водкой поят, невеста с женихом посидит – всё, они уезжают домой, невеста остаётся дома. Жених подшалок на вечерку привозит, а невеста опять дарит ему перчатки» (Пестерёва Юрл.). «Нагрудку ещё невеста дарила жениху перед свадьбой, в девишник, ещё за день до свадьбы он был». (Зап. от Бартовой Т.И., 1928 г.р., д. Таволожанка Юрл.).

Свадебный день. За невестой

Жених начинал свадебный день с благословления родителей. «Парень дома выпарится в бане, оденется» (Зарубина Юрл.). «Невеста вышьет вот рубашку, подарит жениху-то, он эту рубашку и одевает, дарёный поясок одевает, рукавички – всё *невестишно*» (Балда Юрл.). «Снарядится-то когда, зажгут свечку, среди пола постеляют катан войлочек, на него жениха-то и поставят, перед образа. Отец с матерью тогда благословлять начнут иконой, хлебом и солью, с наговорами большой дружки: «Стоит наш князь новобрачный ясный сокол на катаном войлочке, среди полу дубового. У нашего молодого ясного сокола есть мамонька родима, есть тятенька родимой. Наш новобрачный ясный сокол просит вашего благословления». Мать с отцом благословляют, жених стоит, голову опустил, а у его иконой-то круг головы по солнышку водят, потом запевают песню: «Ой, да на восходичке де красного солнышка, ой, да ты куда же, князь, да собираешься, ой, да князь со тысячкой, ой, да князь да со свахонькой, ой, да с нами, дружками, да дружками-боярами? – Ой, да до высокого да всё да до терема, ой, да всё до бере-

ма, да всё да до Николая Гурьяновича». (Зап. от Коньтовой Т.И., 1941 г.р., Никитиной Г.А., Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.).

Пока жениха готовили к выезду, родственники во дворе собирали свадебный поезд: назначали бояр, чаще всего это были тысяцкий, свахи, лагуники и дружки, составляли кошёвки, украшали лошадей. «Шаферов ставили по двое, трое – с той и другой стороны, и от жениха и от невесты. Им вешали от невесты на грудь розовые ленты, а от жениха — красные, с жетоном. Полотенца тоже на плечо» (Пожва Юсьв.).

Обязательным элементом украшения поезда считались колокольцы и ленты, которые вешали на дуги, вплетали в гривы и хвосты лошадей. «Дугу мотали полосами, на дугу два колокольца вязали, в гриву вплетали ленточки, еще одеяла делали такие, когда ткали, между ткаными полосками лоскутки втыкали» (Ташкинова Юрл.). «Ленточки навяжут на шлею, ой, как баско, на узду ленточки навяжут, на дугу, тожно колокольчи ещё привяжут, два колокольча на дугу. В кошёвку сено бросят, тряпичу постелют» (Черепанова Юрл.). «Лошадям на дугу гарусные пояски навешивают, шлею ленточками украшают» (Липухина Юрл.). «На шлею ещё навешают пояски да опояски, долонь шириной-то, длинные – метра два-полтора. Эти опояски обматывали круг оглобли. Пару колоколец на дугу. Одна лошадь – один звук, другой лошади делали другой звук» (Таволожанка Юрл.). «На лошадях едут по невесту, конях красивых. Ленты навешают на дугу, ленты красивые, колокольцы, шабаркунцы – такие металлические круглые штуки. Коври сзади одевали, на сиденье. Шаферов одевали полотенцами» (Пожва Юсьв.). «С колокольчиками приезжали, украшали дуги ленточками, плетёнными поясами, цветами. А кошёвки украшали самоткаными коврами, половиками, чем ярче, тем красивей, считалось. Обычно самую красивую кошёвку под жениха и невесту» (Пожва Юсьв.). В ряде мест на дугу к лошадям привязывали берёзовые венники, при этом строго следили за тем, чтобы их было чётное количество: «Венники берёзовые привязывали, парные, чтобы шесть было и восемь» (Чуртан Гайн.).

«Ленты повесят на жеребцов, опояски, косу ещё русую плетут лошади, да ещё в косу веник навяжут, ленточки кисточками, ещё две опояски. На дугу колокольцы: два большие, в середине один прозвончик. На оглоблю черную ленту привяжут, в косу лошади вплетают ленточку» (Зарубина Юрл.). «Лошади с прозвончиками, на дуге ленты. Два прозвончика на первой паре, а друга пара так идет. На шлею ленты навяжут, сбруя блестящая. Ленты на шлею, ещё на задницу лошади, на горбину-то ленты свяжут бантом, чтобы ленты раздувало, концы-то спустят, и на лоб бантик из лент, красный сатин был, бардовый. Это когда по невесту ехали». (Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.). «Сбруя выездная на свадьбу-ту. Вот это маленькис тренгунчики называли, а другой колокольчик больше, звенит красиво, но их мало вешали, потому что теряли много. Они дорогие были, снимут их еще кто-нибудь. А, бывало, колоколо вот найдут – ага, я вот нашла, ваше колоко-

ло, вы мне за это полно колоколо яичек должны дать. Надо тебе колоколо — дам яички. А чё там, в колоколо три яичка, четыре яичка войдет, не больше». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

В ряде мест свадебный поезд сопровождали верховые наездники из дружек. «Дружка хоть летом, хоть зимой всегда на верховой на лошаде впереди едет» (*Сёйва Гайн.*). Знающие люди смотрели, чтобы в поезде жениха было нечётное количество лошадей. В свадебный поезд старались запрягать лошадей одной масти, предпочитали запрягать одних жеребцов: «Свадьба едет обязательно по невесту на жеребцах, и только» (*Дубровка Юрл.*); «В кошёвках-то жеребцы все были, на кобылах не ездили» (*Ташикинова Юрл.*); «Лошадей подбирали быстрых, если свои были тихие, то брали у соседей» (*Кукольная Юрл.*). «Жених приезжал обязательно на трех лошадях. Вот если даже парами идут, одну обязательно делали, чтобы как непарные были» (*Таволожанка Юрл.*). «Если поезд свадебный, на лошадях на трёх или пяти, даже да семи было, но не на чётном количестве ехали. По пути пели песни «По полям-то, полям», «У красного солнышка» (*Пож Юрл.*). «Поедут за невестой, опять поют: «Соколы, соколы» (*Таволожанка*). «Три, пять, семь пар коней было — нечётное число» (*Пожва Юсьв.*). Дружка, тысяцкий (*тысячник*), сваха и сам жених везут в подарок новой родне лагун браги, пиво и рыбный пирог. Старались ехать так, чтобы не останавливаться (остановка в дороге означала неудачу в браке — *Гайн.*).

Жестко регламентировался и порядок следования свадебжан в дом невесты. Возглавляли свадебную процессию верховые дружки, за ними в кошёвках ехали тысяцкий, свахи и жених, затем все остальные гости. Замыкал свадебный поезд *лагунник*, персонаж, сопровождающий женихово вино или пиво в дом родителей девушки. «Во боярах-то ездили людно, тысячник там, свахи» (*Зарубина Юрл.*). «Первые едут дружки, в руках плётки. Едут верхом, приговаривают ещё всё под окошком-то» (*Булдыри Юрл.*). «За невестой ехали на трех лошадях, тысячкой и сваха — это первая лошадь, а вторая лошадь — это гости» (*Ташикинова Юрл.*). «По невесту на девяти лошадях ехали, две лошади парой запряжены были, одна лошадь санная — пиво везут. Лагунник пиво-то везёт, один в санях едет, последним» (*Булдыри Юрл.*). «За невестой приезжает свадебный поезд, в который входят *киловозы* — повозки, в которых ездили тысяцкий и жених, и кошёвы, повозки для гостей. На килевозах везли деревянные лагуны с пивом и брагой. Лошади в свадебном поезде могли идти в ряд или цугом, одна перед другой» (*Юрла*).

Жениху с боярами не так-то просто было попасть в дом невесты. За время следования к невесте (реже и на обратном пути, уже с невестой) свадебному поезду несколько раз могли перегородить дорогу односельчане. «Ещё дорогу имеют, жениха-то, мол, водку дай. Это уже когда по невесту едут, бутылки две просят. Пара запряжена лошадей, так прямо под узду ловят, пирог ещё рыбный просят, тут уж улаживают всё. Первая пара мчится с женихом, со свахой, с тысячкой, вторая пара едут гости его» (*Пестерёва*

Юрл.). «Дорогу-то ещё сколь раз имают. Это когда он по невесту ехал, тогда и дорогу имали, бревно да чё кладут, дружка ему помогает, там бутылку бросит ли чё» (*Миронова Юрл.*). «Вот жених по невесту ехал, ему дорогу перегораживали по насердию, она чья-то подруга была, вот они и перегораживали, раз изменила, ёлками залаживали дорогу, лесину валили, выкуп просили, а когда жених уже невесту вёз, ему дорогу закрывать не полагалось» (*Пож Юрл.*). «Когда свадьба едет, по дороге имают. На машине едут, дак лесины натаскают на дорогу, проехать нельзя. И тут этих угощают, водкой поят, пирогом угощают» (*Пожва Юсьв.*).

«Имают жениха с невестой на машинах ли, на лошадях ли. Поймают, просят то брагу, то вино бутылку, дорогой-то. Жерди наделают – не уедешь ревма. «Куда поехали, ну-ка, давайте приворотное»! Вот просят туяс, там туясья были. Туяс ле, бутылку ле надо» (*Елога Юрл.*). «Нам дорогу перегораживали. В 1968 году была свадьба. Поставят две табуретки по краям дороги, на них сядут два человека, веревкой перегораживали. И угощай их. Пока мы дошли до дома три раза дорогу перегородили» (*Чуртан Гайн.*). «Перегораживать дорогу мог сосед, да любой, но выкуп всегда давал крёстный у жениха – деньгами, водкой или брагой. Если не давал выкуп, считалось плохой приметой» (*Майкор Юсьв.*). «Дорогу закрывали, бревно ложили, кто впереди ехали, видели. Даже пила была с собой, распилили бревно – дальше поехали. Брали специально пилу со свадьбой» (*Елизавета-Пожва Юсьв.*).

Первым к дому невесты подъезжал дружка. Словами да приговорами он дознавался, готова ли невеста к встрече жениха. «Дружки приедут, под окном приговаривают, на лошаде всё, не слезет с коня, под окно приедет, приговаривает, тожно откроют ворота, в ограду пустят, дружка с коня слезат, в избу заходит» (*Пестерёва Юрл.*). «Ребятишки на печке глядели свадьбу, окно открыли, добыли раму, подъехал дружка на лошаде верхом. Подъехал и приговаривает» (*Мухоморка Юрл.*). Испытания для свадебжан не прекращались и около дома девушки. За то время, пока дружка в избе осматривал хозяйство невесты, родственники девушки во дворе *куражились* над женихом. «Тут уже жених подъехал, дружка-ямщик, сваха, жених-то со свахой, первой дружка-ямщик, а там приглашённые. Дружка первой-то и вёз пиво, он командует, свадьба если едет, то всё закрывают, здесь уже зарученье, выкуп, кто бутылку даст, кто деньги. «Открывайте ворота, открывайте широки. Выдайте нам наше суженое, наше ряженое», – приговор тут такой нужен. А там девки песни поют: «Не было гостей, вдруг надунуло». *Плясковую* песню пели ещё, вот гости приедут, поют еще: «Посидела девонюшка» (*Таволожанка Юрл.*). «Свадьба-то приедет, свадьбу не пускают сначала. Девки, ребята, или пожилые выйдут к воротам, *приворотно* просят, песню поют: «Не было ветру – вдруг надунуло, не было гостей – вдруг приехали». Спросят – а где ваша водка? Через ворота свадьба подаст. Если мало подали, еще подают» (*Пожва Юсьв.*). «Свадебжана ворота выкупают. Дают то ли вино, то ли деньги. У нас этта всё вино дают. А тожно в избу заходят, место выкупают у

невесты. Пока не выкупят, невесту не выведут, не опростают место» (*Сергеева Юрл.*).

«Девки лошадь не пускают под навес – выкуп просят» (*Зарубина Юрл.*). «Если у невесты были братья, они стояли у ворот, чтобы взять *приворотное*» (*Пож Юрл.*). «Нальют трехлитровую банку пива, внутрь ключи, вот выпьешь всё пиво, ключи достанешь – заходи. Ещё чурку перед дверями поставят, расколешь, дак в дом зайдёшь» (*Булдыри Юрл.*). «По Таню-то приехали, так еще ключ теряли, уронили в трехлитрову банку, как вроде жених должен эту банку выпить и ключ достать. Он, жених-то, пиво вылил и ключ достал. Это на мосту-то, когда двери выкупал» (*Миронова Юрл.*). «Косу тоже продают. Невесту одели, приезжает жених, крёстный или там тысячкой, идут выкупать» (*Пожва Юсёв.*).

«Невесту-то ведь прячут, жених ищет её, а найдёт, так уж не отпустит» (*Юрла*). Скрывали ее в доме за шторами, занавесками, в чулане и пр. «Меня привязали в дальней комнате к стулу нитками, опутали. А жениха с гостями не пускают, требуют выкуп. Потребовали с них конфет, вина, денег. Вся дружина выкупала. А я закрыта в другой комнате под замок, а ключ в банке трехлитровой с молоком. Заставили жениха пить банку. И потом на каждой виток ниточки жениху велели невесте сказать ласковое слово» (*Чуртан Гайн.*).

«Вот жених приедет, его долго не пускают, нальют тут квас: «Пей, дак пустим» (*Кукольная Юрл.*). «Жених отдаёт приворотное, у ворот, тогда невесты песни поют: «Зять у ворот увивается», «Выведи моё сужено» (*Пож Юрл.*).

Расплатившись за ворота, сени, крыльцо, жених с гостями заходит в дом невесты. «Тут опять перво-то сваха жениха и сваха невесты у порога друг друга вином поят, свахи поздороваются и наливают друг другу. «Здорово живёшь». – «Здравствуешь», – кивнут друг другу и наливают, каждая своё льёт, нальют и подают друг другу» (*Тимина Юрл.*). «Вот жених приедет за невестой, тут свахи встречаются на мосту, пьют питьё, бражку ли, пиво, водку, пляшут две свахи, твоя и моя крестна, встречаются, попили и пляшут» (*Балда Юрл.*). Перед тем, как молодым зайти в дом жениха, «свахи боролись как. У одной бидон с брагой и у другой тоже. Котора не успеет, так уж в пустой-то бидон ей все выльет соперница, если женихова перво нальет, дак за женихом первое в доме и будет» (*Сёйва Гайн.*).

Вся свадьба тут в избу заходит, «тожно окно-то тут уже закроют, дружка в кое говорил слова-ге. Невеста за занавесу уйдёт, за печку, как свадьба-то заходит» (*Мухоморка Юрл.*).

Существовало множество примет, по которым старались во время свадьбы узнать будущую жизнь молодых. Так, например, невеста по выражению лица жениха, переступившего первый раз порог её дома в день свадьбы, судила о характере новобрачного: считалось, что будущий хозяин будет покладистым, если на его лице улавливали улыбку, хмурое лицо говорило о

крутом нраве. «Все зашли, а меня заставили через *грядку* поглядеть на жениха, это полка на середе. Мне сказали: «Мария, смотри, какой он зайдет, сердитый или веселый». Он заходит и смеётся. Значит, жизнь веселая будет». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «Сваха, у жениха-то сваха-то через заборку, через брус на тарелочке подает мыло. А в это время та сваха-то невестина принимает. Невесту не видят. А она должна заглянуть – как жених-то заходит, какой он заходит: грустный или скучный или веселый. Такая и будет жизнь. Если он заходит веселый – хорошая будет жизнь. Если грустный – не жить». (Зап. от Фоминой Е.А., д. Зюздино Юрл.).

«А я через матичу на него поглядела, тут заборка была, а мне говорят: «Погляди, чтоб ты его не боялась»! На стулик встала, поглядела, чтобы мало ли, не бояться» (Бадья Юрл.). «По невесту приедут, она опять сидит на кухне, через *грядку* на жениха смотрит, он зайдет, должен её увидеть сразу» (Зарубина Юрл.).

Перед выводом невесты от жениха и его спутников требовали выкупать место за свадебным столом. «Сидят за столом два человека, и у жениха и у невесты на месте, им в руки дают, сколь запросят они – место-то выкупают, а невесту-то еще тут не кажут» (Балда Юрл.). «Если были сестры, за стол садились они, чтобы взять застольный выкуп» (Пож Юрл.). «Место выкупат ещё, там ведь специальные садятся, подружка. Деньгами место выкупают. На лавке одеяло лежит. Место выкупит, то уже сядет и сидит, дожидает невесту, а если опять он куда уйдет, так место-то опять займут, опять выкупать надо» (Миронова Юрл.). «Вот в свадьбу-то место выкупают, уже приготовленные все, посадят там за сваху, за тысячку посадят, за жениха посадят – вот три выкупа. Жених деньги дает, сваха своё место выкупат, тысячку своё. Кто двадцать, кто пятнадцать рублей даст. Войлока катаные на лавку стелили, а нет, так одеяло» (Пестерёва Юрл.). «По невесту-то приедут свадьба-то, тогда садят за стол кого-нибудь, чтоб место выкупали, там уж тогда вино дают, конфеты. Выкупят, тожно невесту выводят» (Тимина Юрл.). «Жених место должен купить. Перед ребятами, которые за столом сидят, копеечки кладёт, прямо на стол. А кто на печи из ребят, им подадут по-за печки челпан, его там разделят ребятами, поедят. Раньше глядены были, глядеть ходили, дак вот люди, выйти нельзя было, не пройти – всё люди». (Зап. от Осташовой К.П., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.). «А у жениховой родни девки деньги выжимают, когда приехали за невестой. Сидят за столом, приговаривают: «Подходи поближе, поклонись пониже, посеребри, позолоти, братик» (Дуброво Юрл.).

Расплатившись за место, жених и свадебжане садились за столы. В ожидании вывода невесты гости со стороны жениха угощались домашним пивом, которое привозили из дома. «Они до вывода ещё пили своё, что привезли с собой. Вот жених-то и лагунники-то и везут лагун браги, лагун пива, едут со своим. Пока отец не выведет невесту из-за занавеси, их никто не угощает, голый стол. Столы-то ещё здесь не собраны, на столах тогда ещё

стоит только челпан да соль. Они привозят пиво, брагу, ещё еду какую с собой, этим и угощаются, пока невесту не выведут» (*Пож Юрл.*). «Пока жених дожидал невесту, родственники сидят, чёкаются, дружка её пригаркивают. Ведром чакают, ведро за ручку возьмут, оно бринькает, с пивом ли, с брагой. Это уже за столом. Жених сидит, а тысячки, дружки командуют, питьё-то меньше сделается, тожно чакают — питьё как добавить надо, поварёшкой о ведро брякают, пить просят». (*Зап. от Ефремовой А.П., 1930 г.р., д. Зарубина Юрл.*).

Свадебный день. Вывод невесты

Детально разработанной процедурой является обрядовая встреча жениха и невесты в день свадьбы, получившая название *вывод пред столы*. Обязательными элементами этого свадебного дня являлись дарение и глядины невесты, переплетение волос девушки, переодевание жениха и невесты в кутном углу, умывание и мытьё волос невесты, кормление жениха, вывод брачующихся к столам и, наконец, опевание гостей.

«Как только выкупили место, крёстный невесты и крёстный жениха идут за занавес, несут с собой мыло, полотенце, гребешок, в подарок невесте» (*Пож Юрл.*). «После выкупа, жених приносит невесте на кухню сундучок, там мыло соберёт, гребёнку, по состоянию другие вещи положит, подарит, сам на место, за столы вернётся, дожидать невесту». (*Зап. от Светлаковой Ф.Ф., 1920 г.р., с. Юрла*). Вручив подарочки будущей супруге, жених вместе с родственниками возвращался к столам, где дожидался первого вывода невесты из-за занавеси. «Сваха на кухню сходит, попросит, чтобы показали невесту, тут девку выводят» (*Балда Юрл.*). «Невесту на глядины приведут, жениху показывают, невеста в ноги падает жениху» (*Бадья Юрл.*). «Жених один посидит маленько, тожно невесту выведут, посидят за столом, потом уведут опять, волосы начнут расплетать, косу-то, ленточки она по девкам раздаст». (*Зап. от Бисеровой А.К., д. Дуброво Юрл.*). «Первый-то раз так выводили с косой распущенной, а потом повели уже заплетать две косы» (*Таволожанка Юрл.*). «Девки в бане ещё расплели косу-то, с распущенными волосами невеста из бани вышла, а свадьба-то приехала, она с распущенными так и ходит, тожно ей сваха заплетёт два плетня» (*Миронова Юрл.*). «Волосы расплетают невесте в бане, жених приехал, она с распущенными волосами. Там две косы сделают, обовьют, шамшуру накинут» (*Зарубина Юрл.*).

Обычно невесту садили на кухне под большим платком. «Я-ту ревела за столом, под платом сидела» (*Сергеева Юрл.*). Во время, когда в дом заходили родители жениха, полагалось прятать невестину косу, закрывать волосы платком («надо спрятать косу, пока мать женихова не зашла» — *Плёсо Гайн.*).

На кухне, прежде чем заплести волосы девушки в две косы, по-бабьи, свахи умывали невесту и расчёсывали волосы, используя при этом подаренные женихом мыло и гребень. «Когда жених приедет на свадьбу, невесту

уводят в другую комнату, там ей дают мыло, водичку, сваха умоет её: «Мойся, мойся, умывайся, с нами собирайся». Как к жениху выводить станут, тут невесту сваха моет и наговаривает» (*Липухина Юрл.*). «У невесты крёстная расплетала косу, они привозили с собой мыло, умывали невесту и косы расплетали. Крёстная женихова приготовила воду, умыла невесту, потом косы расплела, мылась-то невеста сама, а крёстная рядом стояла. Жених придёт, их сначала за стол посадят, потом уже невесту умоют, ну, как на свои руки взять, тожно расплетают. Она голову помыла, да снова заплели» (*Юрла*). «Сваха мылом личико и руки моет невесте. Мыло свое брала, мыла, так чего-то приговаривала. Воду, которой мыла невесту, корове сливали, а мыло с собой девка брала, лечила им потом руки да чё» (*Юм Юрл.*). «Мылом мылила, мылом вымыла руки, лицо. Потом это мыло домой привезла и всю жизнь хранила» (*Зарубина Юрл.*). «Невесту мыли, а тут же и песню пели: «Красна девонюшка, мойся, умывайся» (*Мухоморка Юрл.*).

После обрядового обмывания невесты свадебжане приступали к следующей процедуре – ритуальному переплетению волос невесты. Смена девичьей причёски на женскую сопровождалась большим количеством магических действий, направленных на изменение социального статуса брачующейся. «В свадьбу жених приедет, тогда плетни девке плетут, два плетня круг головы уложат, выведут уж молодкой, тожно молодка, только сверху платок». (*Зап. от Трушниковой А.М., 1932 г.р., д. Ташикина Юрл.*).

«Сваха у жениха да своя у её крестна голову расчешут, волосы, плетни-то, заплетают» (*Тимина Юрл.*). «Свадьба вечер, когда полдень приедет, дак на кухне две косы заплетут, это как жених-то уж придёт, как уж вести к себе, волосы заплетут в две косы да ещё плетнями круг головы завертят. Девки заплетают, а у кого крёстная есть, так крестна заплетает» (*Черепанова Юрл.*). «Сваха моет девку-то, руки моет, лицо моет, плетни заплетает. Сваха одна заплетала. Вдовой только нельзя было, чтобы невеста вдовой не была» (*Таволожанка Юрл.*).

Если в традиции невеста дожидала жениха с заплетённой косой, составной частью ритуала смены девичьей причёски на женскую являлась раздача незамужним подругам лент, выплетенных из косы невесты. «Косу заплетают на две косички, вокруг головы обматывают плетни. Когда свадьба приедет, невесту переодевают, невеста девкам ленты раздаёт, которые были в венке-то, незамужним» (*Юм Юрл.*). «Сестра, значит, расплетёт, а потом уже подружек призывает. И потом она, значит, им ленточки дарит. А на конец-то ленты привяжут ленты, которая даже по полу волочится». (*Зап. от Фолиной Е.А., д. Зюздино Юрл.*).

«Косу заплетают плетью у невесты. Я помню, заплетала. Там две косы и надо плетью. Я стала заплетать потуже, чтобы не рассыпались волосы-те. А девчата-то мне, подруги, говорят: нельзя, нельзя, чё ты туго-то, послабже. Я думаю, что за слабость? Они говорят: «Если туго заплетёшь – значит, туго молодку будут держать дома. Ей трудно будет, туго» (*Базуева Гайн.*). «Косу

мене заплетали — на середь увели, сваха заплетала косы мне. А жениха кормила теща пирогом. У его шас все еще сарапины есть, Устя Рашиха ему как сарапнула. Надо было его теревить, чтобы он пирог-от не ел много-то, а то он обжорётся» (*Сергеева Юрл.*)

«Желат невеста, так раздаст ленты-то из веника девкам, а не желат, так хранит». (*Зап. от Бисеровой А.К., д. Дубровка Юрл.*). Вариант смены девичьей причёски на женскую зафиксирован в некоторых деревнях Юрлинского района. Со слов информантов, две косы невесте заплетали в доме тётки жениха, куда молодые заезжали после венчания в церкви. «Волосы невесте плетут, когда уже завенчают молодых. По дороге из церкви они заезжают к тётке, там невесте-то плетни и плетут, её крёстна и его крёстна, стараются вместе, чтобы дружно заплести. Косу-то девкам кверху плетут, а когда плетни плетут, тут уже книзу, венчанная так и плетёт потом всю жизнь, книзу. Плетни заплели, косыночку на низ оденут, и наряд бабий, там шамшурку, шошму одевают». (*Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*). «Девишник был у невесты, они в бане косу расплетут, она и волосы не заплетёт, так к венцу и едет, там уже сваха заплетает косы, одна, в церкви» (*Булдыри Юрл.*). «Как к венцу свозят, обвенчают, там уже две косы заплетают, платок вяжут на голову концами назад, а раньше кокошники были, шамшурки, а в наши-то года уже платочки, а сверху хороший платок одевают» (*Юрл.*). «Раньше к венцу ездили, а потом куда к родственникам зайдут и тут плетни-то заплетут. Сваха заплетёт женихова. Она плетни заплетёт, вот тебе и молодка. Еще раньше молодкам-то кокошник одевали с бисером, снаряженный». (*Зап. от Лехановой К.П., 1921 г.р., д. Тимина Юрл.*)

Нередко две косы невесте заплетали уже в доме жениха. «Когда домой привезут, тогда уже сваха плетни заплетает, круг головы делают, а сверху косыночкой, потом платок, полушалки большущие. Сваха пришла, плетни завела, к жениху выводит уже с плетнями» (*Липухина Юрл.*). По заплетённым косам свадебжане примечали, какая жизнь ожидает будущую хозяйку. Считалось, что супруг будет *ругачим*, если свахи заплетут невесте плетни втугую. Слабое заплетение волос предназначало невесте жизнь с супругом в любви и согласии. «У жениха сваха плела плетни, туго заплетут, так невесте тоже туго жить будет, мужик будет туго держать» (*Дубровка Юрл.*). «Туго не заплетают, заплетают слабо, чтобы тебя муж не бил», — сваха-то говорила, когда плетни плела» (*Миронова Юрл.*). «У жениха сваха заплетат невесте две косы вокруг головы, замётывает плетни-то. Потом платки одевает — шамшурку и платок шерстяной сверху. Сваха туго заплетает косу, чтобы мужик в руках невесту держал. Слабо — сладко жить невеста будет» (*Юм Юрл.*). «Мыло подает сваха, когда косы заплела, мне подала мыла печатку, в лифчик клали. Потом, когда я уже Серёжу родила, этим мылом-то всё его мыла, чтоб не болел». (*Зап. от Кудымовой З.С., 1936 г.р., д. Миронова Юрл.*)

Во время переплетения волос невесты девушки пели свадебные песни. «На кухне плетут невесте плетни и переодевают в подвенечное платье под

песню «Стой-ко, белая берёзонька» (*Пож Юрл.*). Жених сидит в это время за столом, ему тоже поют песню – «Среди двора не огонь горит, не огонь горит да не мак цветёт, расцвели кудри жениха» (*Ананькина Юрл.*). «Девка-то на кухне где-ко в уголочке сидела, сваха-то её сперва напоит, потом начинает переплетать голову. Тут песню поют: «Белая берёзонька, стой, да не шатайся». Заплетают две косы, плетут плетни, круг головы наматывают, оденут платок» (*Балда Юрл.*). «Вот уведут на середь, волосы чешут, вот там поют: «Стой, белая берёзонька, да не шатайся». Тожно расплетают ей волосы-то, косматую её выведут, заплетут ей плетни» (*Ташикина Юрл.*). В с. Пож (*Юрл.*) «Белую берёзоньку» исполняли во время переодевания невесты в подвенечную одежду. Во время, когда подруги невесту снаряжают к венцу, она «хлыщет» девок платком – чтобы они тоже быстрее замуж вышли» (*Пожва Юсьва.*).

Отмечено несколько вариантов вывода невесты к жениху. Один из них предполагал обрядовую встречу жениха и невесты на середине избы. «Полог был, ну потник назывался, под седло лошади его стелили. Его перед выводом на середину избы постеляют, на него встанут жених и крёстный, ждут невесту. Невесту выведут, жених с крёстным, девка со свахой встретятся, перекрестятся, всё на этом, на потнике. Отец передаёт её жениху со словами: «Я держал за лычку, а ты держи за ремешок». Тожно садятся за стол» (*Зарубина Юрл.*). «Невесту-то перво вымоют, так, волосы-то маленько смочат, сваха заплетет, тожно её выведут к жениху, родители выведут. Сваха снарядит, родители выведут, жених с тысячкой подойдёт. Отец говорит: «У нас была хороша, у вас пусть будет лучше. Я держал за лычко, ты держи за ремешок», – тожно передают жениху у невесты платок связанный, он за платок берёт, и тысяцкий повел их за стол» (*Мухоморка Юрл.*). «Невесту из-за занавесу выводит отец за платочек, ставит на середину избы, жених выходит из-за стола. Отец передает жениху невесту с наговорами, чтобы держал по-хорошему, не обижал. Если нет отца, невесту передаёт мать, она и выводит, также могли выводить братья. Выведа невесту, отец передавал жениху свою дочь со словами: «Бери, прими ее. Она у меня хороша была, у тебя пусть будет лучше» (*Сёйва Гайн.*). Очевидно, в прошлом существовал обычай закрывать при этом лицо невесты – «чтобы невеста не видела жениха, ей завязывали глаза» (*Чуртан Гайн.*).

Невесту передали, свадебжане поют песню «На обман девка сдалася». Вот только вывели и допели, начинают собирать на стол, под наговоры большого дружки: «Что есть на пече – тащи на плече, что есть в залавке – кати по лавке, что есть в голбче – тащи молча». (*Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*). «К жениху невесту отец за руку ведёт. Отец первым идет, за ним невеста, потом сваха, они передают её жениху и говорят: «У нас хороша, у вас пусть будет лучше». Жених тут из-за стола выйдет, встретит их, возьмёт невесту за руку, тожно в ноги упадут, отец и крёстная дают им благословление, на хорошую жизнь благословляют. Они падают в ноги, их

поднимают, и так до трёх раз». (*Зап. от Светлаковой Ф.Ф., 1920 г.р., с. Юр-ла*). «Крёстная идёт за невестой в куть, они идут за стол, за платочек держатся, по-за столу, по солнышку. Выйдут когда, встанут на середину избы, крёстная и невеста помолятся, поклонятся на четыре стороны, и тогда к жениху подводят» (*Елога Юрл.*). «Невесту её крёстная выводит, это в обручение, а в свадьбу отец. Когда крёстная с невестой выходит, поют «Выкаталася жемчужинка по золоту блюдечку, да по другому по серебряному. Выводила да родимая крёстненька, да среди полу становились, да они Богу поклонились, да всему миру поклонились, одному мужу на особицу» (*Пожва Юсьв.*).

Не менее интересной была обрядовая встреча жениха и невесты за свадебным столом. «Когда невесту выводят, жених за столом, стол отодвинут. Невесту заведут, отец передает невесту: «У нас была хороша, а ты учи про себя, у тебя пусть будет лучше». Он в руки передает полотенце, которое держит невеста. С полотенцем в руках молодые садятся на лавку, на ней постлан войлок или подушки положень» (*Тимина Юрл.*). «Жених сядет за стол, тожно невесту выводят из-за занавеси. Большой дружка приговаривает, ихнее родство за стол всё просит. Приговаривает да плёточкой помахивает» (*Пестерёва Юрл.*). «Невесту жениху крёстная выводила за полотенце. Жених тут встанет, деньги на стол положит, перед невестой. Деньги потом невеста себе возьмёт. Невесту посадят рядом с женихом, а полотенце-то тоже тут, за столом сколь сидишь, за полотенце-то и держишься, одной рукой молодые за полотенце держатся, другой рукой кушают» (*Черепанова Юрл.*). В других местах жених из-за занавеси невесту выводил сам. Вариант интересен ещё и тем, что в кутном углу жениха также переодевали в праздничную одежду, специально приготовленную невестой к свадебному дню, а еще его кормили *журёным* пирогом. «Тожно косу расплетут, жених придёт, тогда выведет её сам» (*Дубровка Юрл.*).

«Косу отнимали, когда жених приедет. Жених полно назовет людей, дружка наперед идет знать-то. Тринадцать человек по меня приезжали: мужики, три бабы-те были. Вино, брагу *лагушок* (невеличкой, с ведро) привезут. пиво» (*Городище Юсьв.*).

«Приедут по невесту, там дети ли кто ли сядут, место займут. Поздороватся жених с невестой, почелует, невеста тоже почелует. Тожно выведут невесту с ленточкима, в косе ленты. Плетни-то еще не заплетают. Примерно мать подойдет ко столу, жениха спросит, какую вести. Дак он скажет, с распущенной косой выведите. А если нет – дак нет. Или: какая есть снаряженная, такую выведите. Тожно выведет невесту сваха-то, за стол посадят. Тожно посидят за столом, опять уведут невесту. Косу-то будут расплетать-то» (*Елога Юрл.*).

«Вот посидели, а все гости туто, невеста за занавесом ещё, на стол собрали и стали его, хозяина, переодевать, жениха-то. Его увели на середь, надели ему рубаху расшитую, с нагрудкой. Потом надели опояску, поясок, гарусная опояска-то была, её одевала сваха. Вышли мы вместе, свахи выводи-

ли. Его сваха вела, а меня крёстная моя. все за платочки держались. Платок-то большой был, кружевами обвязан. Вот садиться стали за стол, так я подтащила рубашку-то у него, чтобы первой быть в доме-то». (*Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.*). «Вот приехали, поздоровались, тожно садятся за стол, чё с собой привезли, на стол ставят. Раз свадьба, дак и у невесты собирают, а невесту пока не кажут ещё. Она где-ко за навесом сидит, попьют, поедят, а тожно и по невесту пойдут» (*Кукольная Юрл.*). «Через платок, когда уже при свадьбе нас повели за стол, через носовой платок крёстная жениха ведёт, невеста за платочек держит её»; «На кухне уже переплели девку, тут стол накрывают, сваха идёт за женихом, ведёт его на кухню, садит его за стол. Жених тут начинает есть, а сваха его охраняет, стоит, чтобы его никто ничё не сделал. Если девки тут, вот они норовятся кто-нибудь да его дёрнуть, то ли за волосы, то ли за одежду, щипнуть. Если он оглянется, значит, сердитой будет муж. Потом жених поест, другая сваха ему невесту даёт, и его сваха уже ведёт их уже за стол, садит рядом. Ведут за платочек под песню» (*Балда Юрл.*). Часто исполнялась при выводе невесты песня «Выходило красно солнышко из-за мороку, да из-за мороку, выводили красну девицу из занавесу, из занавесу, да из-за шелкового» (*Пож Юрл.*).

В местной традиции встречаются случаи, когда ритуальное кормление жениха в доме невесты могло происходить и перед выводом невесты, и после него, перед самым отправлением молодых в дом жениха. «Когда жених приехал по невесту, его отдельно на кухне кормят пирогом. Его стали кормить, а там налетели ещё жениха бить-теребить, а его сваха не даёт опять. Это такая мода была, вот бабушка какая подскочит, теребит его, царапат. Всё на шутку. Жених пирог маленько поел, вышел ко столу невесту дожидать». (*Зап. от Пиккулевой А.А., 1928 г.р., д. Тилина Юрл.*). «Поели, попили, перед самым выходом уже, жених выходит из-за стола с крёстной и идёт за занавеску на кухню есть *журённый* пирог — это перед тем как невесту выводить из дома. Это просто рыбный пирог. Начинают его кормить, а все подружки стараются его дернуть за волосы сзади, а сваха-то платком его закрывает, тут опять песню поют: «Тёща для зятя пирог пекла» («Ешь-ко, зятюшка, наедайся, над моей-то дитёй не издевайся, у меня дитё неразумно...»). «Девки-то во время песни дёргают жениха за волосы, вроде как журят, и кормят, и журят. Тёща-то его на залавке кормит, на кухне, одного, без невесты. Тут же пели песню про *журённый* пирог, после чего уезжали на венчание» (*Пож Юрл.*).

Обеспечивая благополучие будущей семье, знающие люди наказывали молодым всё время держать друг друга за платочек, чтобы между ними *созлый* кто не прошёл, жизнь их не испортил. «Невесту выводят ко столу жених да сваха, за *рукотяшку*, за полотенце. Невеста за один конец, он за другой, чтобы вдоль по полу рядышком. А кто с намерением — будет стараться пройти между них» (*Юм Юрл.*); «когда повели нас, носовой платок в руках держали, чтобы между нами никто не прошел» (*Бадья Юрл.*). Даже за свадебным столом жениху и невесте свадебный платок не позволяли выпускать

из рук. «Отец как передал, молодые как поймались за платок, и рассоединяться уже не имеют права. Если жених уходит из-за стола, то платок передает кому-то из своих, чтобы тот невесту держал, одну-то не оставляет. Если замены жениху нет, ну, охранщика, невесту воровали. И невеста если уходила, на своё место садила кого-нибудь. А то ведь на место кто *шмыкнет*, потом уж выкупать его надо. Молодые на катаном войлочке сидят, кушают одной ложкой, вилкой, по очереди едят, чтобы один другого не брезговал». (Зап. от Пикуневой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.). Существовало много других магических приёмов, направленных на сохранение новой семьи. «Платок-то карманный она вытянула, потом за столом она *вытрелась* и ему дала, он тоже вытерся» (Зарубина Юрл.). «Ещё делали для жениха и невесты – на лавку стелили половики, на голом они не сидели, нельзя. Тут смотрели, как невеста сидит с женихом, если невеста сидит впереди жениха, локоточком прижимает, значит, она хозяйка будет» (Ташкинова Юрл.). «Невесту передают жениху на середине пола, они спорят тогда ещё, за голу руку-то не передавали, они держатся правыми руками за полотенце. Ещё идут ко столу, спорят, она в свою сторону тянет, жених в свою, которая переспорит. Идут к столу и втихомолку тянут. Вытянет она, так хозяйство-то её будет. Сядут за стол, иная опять локтем жениха жмёт, а жених-то тогда переспорен». (Зап. от Ефремова М., Ефремовой А.П., 1930 г.р., д. Зарубина Юрл.).

Как на стол всё *стаскали*, начинали опевание гостей, девушки – подружки невесты исполняли величальные песни родственникам жениха. «Начинают кушать и опоют, сначала жениха, потом тысячка, сваху, большого дружку, братьев жениха, если успеют, сестёр жениха. Свадебжане кушают, а подружки поют, глядяны-те помогают. Глядяны-те – это все неприглашенные, со всех окрестных деревень придут, смотрят, маленькие на полатах, на пече и на голбце, везде залезут, взрослые все под полатами стоят, столько нагрудятся, даже до стола всё глядяны, большие дружки руками их расталкивают, дорогу-то освобождают для молодых» (Пож Юрл.). «По деревне собирают всех детей и водят на свадьбу как нахлебников, это уж нарошно так» (Пожва Юсьв.). В д. Монастырь и д. Плёсо (Гайн.), заходя в дом жениха, дружка бросал маленьким ребятишкам, забившимся на полатах, особое угощение «*юрчики*» – *шаньги ли, прянички с маком*; жителям деревни, которые здесь же «*глаза пучили*», выступали в роли свидетелей, выставляли в качестве угощения бидон браги.

«Сначала споют про отцов да матерей, а потом про тысяцкого, а потом про гостей, кто рядышком сидит. На обручение дак сначала про жениховых гостей поют, а потом про своих-то» (Пожва Юсьв.). «Жениха вот восхваляют песней «Ой, да как у солнышка» (Юрл.). «Ещё ведь тут пели вот: «Ох, Иванушко ходит по двору». После песни сразу припевают: «Да Иванушка догадайся, да Иванович, domeкайся, да от нас от девиц откупайся, ино нас-то девиц и немножко, только сорок девиц со девицей, только сорок левид со певичей. Нам-де, мил, денег надо немножко, только сорок рублей со рубли-

ной, только сорок полтин со полтиной». Из девок тут кто подойдет с тарелочкой, кому пели, тот денег даёт, а если девкам большой подарок будет, то она возьмёт ещё да поцелует. Благодарство пели: «Да спасибо, да спасибо, да от вас нам дары дошли, да от вас нам дары дошли, да дары ведь дорогие. Да первая денга да золотая, да другая – серебряная, да венец – пива пьяного. Да создай тебе, господи, да жену-ту хорошую, да хорошу, пригожую, сыновей – ясных соколов, дочерей да голубушек». (*Зап. от Копытовой Т.И., 1941 г.р., Никитиной Г.А., Пиккулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*). «Это ответная, а если гость не давал денег или мало дал, тут уж другое пели: «Ох, чуешь ли ты. Ваня». Те, кто ехал на свадьбу, обязательно брали с собой деньги, как их опоят, так они и платят, чтобы не опозориться, «а то девки напоят такое, что с лица не одну краску бросит. Если у кого не было денег, наливали пиво или брагу, что привозили с собой, и откупались, или просто целовали девку. Вот опевальная свахе – «Свахонька хорошава, она три года рубашку белила, да по кочечкам волочила, да на кочечках колотила, на мутовочке-то сушила, всё во свахоньки собиралась, в хорошавоньки снаряжалась...» (*Пож Юрл.*). Опевальная большому дружке – «Большой друженька хорош да пригож, да на коне дружка споезживает, он десам сидит в седлышке, его ножки во стрёмёнышке, в левой ручке есть шёлковой повод, во правой-то есть нагаечка, левой ручкой принаде́ргивает да правой ручкой принастёгивает» (*Пож Юрл.*). «За столом сидели, тоже песни пели: «Все гости хороши, один боярин де лучше всех, хорошее изо всех. На ногах сапожки да лаковые, да всё лёловые, шубочка на ём сорока ли соболин, шапочка на ём сорока ли кунич». (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941г.р., д. Бадья Юрл.*). Вариант подобного величания – песня «Из кути по лавке»: «Из кути по лавке, все по всей середе, всё гости сидят, всё князья да бояра. Один боярин, он повыше всех сидит, хорошее изо всех. Где-то он сидит, тут ненадобна свеча, светит у него злат венец на голове. Златы у него часты пуговицы на груди. На руках рукавки барановые, на ножках сапожки сафьяновые, шуба-то на нём сорока да соболей, шапочка на нём – вострокамский колпачок...».

Девушки, если дружки забывали угощать их, могли спеть особую песню-напоминание: «Все мы песенки да перепели, наши горлышки пересохли, до нас друженьки да не доходят, до нас, друженьки, доходите, да нам весточки да доносите». (*Зап. от Пиккулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*).

Праздничный обед в доме невесты сопровождался рядом гадательных обрядов, магических процедур. «Стаканы брагой наполнят, поставят на поднос, потом перевернут, если брага выльется, значит, невеста несчастная будет и жизнь плохой будет. Посуду били, только у жениха бить нельзя было, это у невесты били. Ложки ломали, это всё крёстный делает. Ложку поломают, дают матери невесты. Она завернёт в полотенце и в сундук положит» (*Чуртан Гайн.*).

Гости за столами угощались рыбными пирогами, оладьями, *налевниками* и печёным мясом. «На столе мясо печёное, суп сварён, оладьи, налевники — это крупа наливается на тесто, сечку ячменную с вечера замочат на молоке, на сметане, потом яички бьют и наливают на сочёнёк. По невесту приехали, все кушают пироги рыбные: корку разоскут, рыбу наложат без головы и хвоста, и сверху корка из теста, ещё калёжные пироги были: калегу нарубишь, сочни разоскёшь, завернёшь в пирожочек». (*Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.*).

По-особому угощались молодые: «Жених вилочкой чего возьмет, откушит, потом невесте дает, также и пили. Парень отопьёт, а допивать уж девке приходится» (Сёйва Гайн.). «Как отобедали, жених за платочек поведет невесту из избы. Свадебжанам тут уж дорогу молодым-то нельзя переходить — беда будет» (*Монастырь Гайн.*).

Свадебный день. Отъезд к венцу

Перед выходом из дома родители невесты благословляли молодых иконой. «Попировали уже, поехали, повезли нас, тятка, мамка иконкой благословили, опять мы поклонились. Поцеловать заставили иконку, мы поцеловали, в ноги пали, они нас поднимают, тот и другой: «Благослови, Бог!» И пошли тожно из дома. Спешали уroda, не прелья, не ткаля была, бают, узоры не брала, по лесу ходила, лыко драпа, х... лапти плела, не ходи, х..., бос, не теряй много слез». (*Зап. от Трушниковой А.М., 1932 г.р., д. Ташкинова Юрл.*).

«Когда поехали, мама благословляет, перед ней на колени встают, прекрестятся. Она просто так благословила, питье подала» (*Таволожанка Юрл.*). «Отец не голой рукой, рукавом закроет дочь и благословит три раза, крут рукой проведет по солнцу. Тожно она благословенье мамоньке причитат: «Благослови, родима мамонька, своей правой рученькой. Мамонька моя жалостливая, я сама была ленивая, поутру рано не вставывала, по вечеру долго не сиживала. Не сама я дары сделала, тут посабливала мне родима мамонька, помогали мне родимы сестрицы, пособляли мне милы подруженьки». (*Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Будыри Юрл.*).

После благословления гости выходили во двор, их по чину рассаживали в кошёвки, соблюдая при этом особые правила. «Дружка рукой хлопает лошадей-то, когда поехали, бережёт молодых». (*Черепанова Юрл.*). «Вот мы поехали, знаткой подошёл и стал у лошади хвост дергать со словами: «Пуд дегороху, пуд деневеста, кони ни с места». Сделают такую молитву, и кони встанут. А у нас бабушка была, она через решето брызнула на лошадь-то, молитву сотворила. Всё, кони-то и пошли. Ещё невеста в подол втыкала иголку с ниточкой, жалом-то поперёк, а жениху тоже иголку за ворот, около шеи-то, с изнаночной стороны, с ниткой, тоже поперёк». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*). «От меня выходили когда, за полотенце держались, оба с мужиком, сваха нас выводила» (*Миронова Юрл.*).

Невесту с женихом станут выводить во двор, песню запоют: «Ты гонись, гонись, батюшка»; «когда забирают невесту к жениху, песню поют: «По вершиночке свяжете»; «как тронется поезд, другую песню поют: «В лужах вода разливается» (*Юрл*). Сопровождал молодых особо назначенный человек — *погоняха*: «С молодыми брат невесты поехал погоняха как, охранник невестин был, чтобы жених дорогой не поцеловал, да че да, девку-то до регистрации» (*Монастырь Гайн*.).

По дороге в дом жениха молодые заезжали в церковь. «Вперёд ехал дружка верховой, за ним ещё двое верховых, жених с крёстным, потом невеста, они с женихом в разных кошёвках сидят, это уж обратно поедут, так молодых в одни сани посадят, потом остальные едут» (*Пож Юрл*.). В свадебный поезд старались запрягать лошадей одной масти, ехали друг за другом. Если ехали в церковь разными дорогами, жизнь могла у молодых не наладиться. «В церковь и из церкви молодых ведёт тысячкой, за платочек. Садятся молодые после церкви в одни сани, невеста на колени к тысяцкому и жениху» (*Пожва Юсьв*.).

Когда молодые венчались, примечали — если у кого-то из молодых венец тяжело на голове лежит, жизнь ему тяжёлая будет (*Липухина Юрл*.). Во время венчания собиралась в церкви вся деревня, «выглядывают, смотрят, хорошая девка или нет. Не порчена-то невеста клала ленточку на крест, а если плохая, она Господа-то как будет обманывать? Вот тогда и полюбуются. Если балованная, то такая уж ленту не клала. Жених такую-то уже не выгнел, только *стучки* были уже ей» (*Чуртан Гайн*.). Ленточку (девичью красу) невеста могла положить не только ко кресту, но и в Евангелие. «Ленту в Евангеле лежат, если девушка честна. Если она девушка, у неё лента как поглажена, а если нет, она измятая. И уж нельзя обманывать» (*Пожва Юсьв*.). Иногда в Евангелие клали также кольца жениха и невесты и смотрели, чьё упадёт. «Невестино упадёт — она раньше умрёт, жениха — то он» (*Чуртан Гайн*.).

По дороге в церковь или сразу в дом жениха по приметам пытались определить будущую жизнь новожёнов: по бегу лошади, деревьям, по встретившимся по дороге животным. «Когда повезли, кошева у нас извалилась, так и жизнь у нас извалилась, муж рано умер» (*Усть-Зула Юрл*.).

Пока шло венчание, дружки отправлялись к родственникам молодых и особыми словами приглашали их на столованье в дом жениха. «Меня повезли, так перво-го мы записываться заехали в сельсовет. Если богатые свадьбы были, десять верховых дружек было, а победнее, так пять, они едут перед свадьбой. Вот когда уже невесту отправили к венцу, дружки вёртываются обратно. Они едут по всем домам, собирают на свадьбу людей, приглашают, а без приглашения не шли. С собой гости вместо подарков брали мясо, рыбу, кто хлеба буханку. Соберётся вся родня, тогда уже столованье начинается» (*Пож Юрл*.). «Когда гостей на свадьбу приглашают, дружка подъезжает к дому, кого желают на свадьбу привезти, в окошко стучит: «Пожалуйста,

приглашают вас на свадьбу к тому-то». Он верхом на лошади, у него бант красный, костюм. В окошко всё говорит, с лошади не сходит» (*Липухина Юрл.*). «Плат ещё оденут, такие платы на них были, как платок, только расшитые канвами, одевали их дружки на себя, завяжут под подбородком, а там со спины раздувает. Под окошко подъедут, кричат, плеткой стукнут: «Кто дома? Хозяин с хозяйшкой, со всей семейшкой дома»? Поглядят в окошко, опять приговаривать начнут: «Хозяин, иди вот на пир туда-то. Иди — хозяйку не веди. Хозяйка, иди — детей не веди. Дети, идите — собак не ведите». Это уж у их такая присказка была, это они на пир, на столованье приглашали». (*Зап. от Пикулевой А.А., 1928 г.р., д. Тимина Юрл.*).

Чуть позже, вслед за свадебным поездом в дом жениха отправлялись и *погоняхи*, так называли родственников невесты, которые являлись ответственными за доставку приданого девушки к её новому месту жительства. «Вот невесту-то увезут, погоняхи дома всё маленько приберут, потом уже уезжают, а когда и вместе уезжают. Они приданое везут» (*Балда Юрл.*); «от невесты придано когда везли погоняхи, тоже на жеребцах. Погоняхами-то называются родители у девки. Они приданое везут, едут уже вслед за поездом» (*Дубровка Юрл.*). Пока молодые находились в церкви, родители невесты везли все её приданое («*именье*») в дом жениха. В качестве приданого в д. Монастырь (*Гайн.*) родители отвозили «*ящик с рубашками и сатином*», постель невесты. «Выходят с пухами перед свадьбой, а потом едут венчаться. Пухи везут вперед. Чтобы на окна повесить — это всё невестино. Женихово всё убирают, только невестино. Это называется наряды (огляды). Когда с пухами приедут, жениховые родители встречают. Выносят брагу и стакан» (*Елога Юрл.*). «Пухи забирают, раньше увозят, постелю да что, потом уж молодые уедут, свадьба-та приедут, дак уж чтоб все готово было» (*Городище Юсьв.*). «Пух — так приданое называлось. Пух к жениху везут, сундуки, постель, половики. К жениху привезут, там невеста должна развешивать эти шторы, занавески» (*Пожва Юсьв.*).

Пир в доме жениха

Гостями свадьбы были прежде всего родственники молодых, из тех, кто состоял в браке. На свадьбу ходили парами: «Свадьбы все парами, без пары чтоб не было» (*Чуртан Гайн.*). На свадьбе должна была быть крёстная от жениха и крёстная от невесты для того, чтобы жених и невеста жили хорошо. «Крёстная — от жениха, крёстная — от невесты, все чтобы парами были, чтобы хорошо они жили» (*Монастырь Гайн.*).

Как только свадебный поезд заезжал в ограду, закрывали ворота и закладывали подворотню, чтобы свадьбу не испортили «*знающие*» люди. В доме жениха молодых встречали песней «Среди двора не огонь горит» (*Юрла*). Следующую песню «Ох, не было ветру» свадебжане начинали петь, когда жених и невеста заходили во двор (*Пож Юрл.*). «Приехали, нас сразу всех встретили, нам пива кружка, на нас поставлена специально, и браги

миска, песню поют «Не было ветру», жених первый пьёт понемножку, и пиво, и брагу, потом невеста. Потом нас за стол, опевать начали». (Зап. от Першиной Е.Д., 1937 г.р., д. Таволожанка Юрл.). В д. Келич (Юрл.) исполнение песни во время обрядовой встречи молодожёнов получило название *ломать соколов*. «Свадьбу с питьём встречали, соколов ломают тут. Это песня поётся такая: «Соколы да, соколы ясные, бояра переезжие, вы куда-де, бояра, ездили, вы дес городу на город...». (Зап. от Густеровой М. А., 1930 г.р., д. Келич Юрл.).

В местной традиции существует несколько вариантов встречи молодых в доме супруга. Чаще всего перед крыльцом дома родители жениха вручали молодым каравай хлеба и икону. Положив хлеб на голову, невеста заходила в избу, за ней с иконой на голове шёл жених. «Мне всё крёстна делала, она всё *свашила* за мной. Мы приехали к жениху, нас встретили, двор большущий, две *житницы* было. Встретили молодых, взяли хлеб-каравай и иконку, вот мы вошли, нам поклонились, мы тоже, и мене на голову каравай наложили, а Коле – хозяину у меня – иконку на голову. Вот мы идем тихонько. Я придаряживаю, а он стал на крыльцо подниматься, у него иконка-то упала. «Ой, иконка-то чё-ко упала, ой, ой, Господи, Господи!» Зашли с хлебом, с иконой в избу, и нас сразу за стол провели. Хлеб положили на полку за икону туда. Этот хлебушок надо было съесть, бросать не надо». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «Родители у жениха встречали молодых, вынесут пить, невесте челпан, а жениху иконку. Он несет икону, она челпан, он икону прижмёт ко лбу, она челпан, так в дом и идут». (Зап. от Остаховой К.П., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.). «В дом к жениху-то придут, тут невесту челпаном встречают, она на голову его положит, так в дом-то и заходит, потом его на стол положит. А перед этим хлеб-то откусить велят и жениху, и невесте. По выкушенному смотрят, какие ребята у их будут, *жоркие* тамока или нет. А потом хлеб на стол положат, нарежут его ломтиками, и все уже едят» (Черепанова Юрл.). В деревнях Таволожанка и Кукольная (Юрл.) икону в дом заносили родители жениха: «Ещё вот молодых встречали с иконой, хлеб-челпан, родителям тут в ноги падают, родители их поднимут, в сенях встречают, челпан кусать заставляют. Раньше народ смотрели много. Сначала в ноги пали, им икону подают, потом челпан. В избу-то родители с иконой идут, за ними молодые». (Зап. от Бартовой Т.И., 1928 г.р., д. Таволожанка Юрл.); «К жениху приехали, их встречают, миску браги несут, каравай, хлеб несут, велят укусить каравай. Если как невеста жениха будет держать в руках – хлеб больше укусит. Ещё иконку выносили. Невеста хлеб несёт на голове, а жених несёт миску с пивом или брагой. Зайдут, хлеб на стол положат» (Кукольная Юрл.).

Известны и более простые формы встречи молодых: «Привезли невесту в дом к жениху, свадьба в ограду засхала, мама с хлебом-солью вышла встречать, тут ещё по рюмке налили. Свекровка говорит: «Ну, молодые, сошлись, давайте-ка, живите по-хорошему, чтобы люди завидовали» (Мироно-

ва Юрл.). Родители жениха встречали молодых хлебом, стоя на крыльце, «мать держала подмышкой каравай хлеба, завернутый в платочек». Молодым также подносили хлеб, бутылку с вином и рюмку на подносе, накрытом полотенцем. Жених и невеста выпивали по рюмке и кусали каравай: «кто больше откусит, тот и хозяин в доме будет». В дом жениха первой входила невеста, за девушкой, держась за платочек, шел жених. В ряде мест к приезду свадьбы пол в доме жениха застилали соломой. «В доме по всему полу солома была, чтобы колдун не сколдовал молодых-то. А назавтра как солону уже убирали» (Монастырь Гайн.)

Фиксируется и особый сюжет обрядовой встречи молодожёнов (деревни Пестерёва, Булдыри и Ананькина Юрлинского района). Встреча здесь сопровождалась ритуалом благословления молодых родителями жениха: «От венца молодых благословляли хлебом, свечка теплилась, её мать держала, молодые в ноги им пали. У отца в руках питьё. Хлеб выносят, свадьбу встречать в ограду. Отец-мать хлеб выносят, благословляют, молодые в ноги падут, родители кругом по солнцу хлебом водят, в хлебе маленькая иконочка воткнутая, как благословили, пить подали, тут уж столовать стали». (Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.); «Невеста от венца придет, отец, мать её встречают с питьём, с хлебом, с иконой. Вот челпан, на него икону, молодые в ноги падут. Родители благословляют, у молодых головы вместе, родители челпаном по очереди по солнышку водят. Икона на челпане положена, одной рукой её придерживают. После благословления челпан на стол кладут, икону на божницу» (Булдыри Юрл.); «Ещё благословляли, иконку в хлебушок воткнули, так и благословляли» (Ананькина Юрл.); «Хлебом встречали молодых и иконой, благословляли, короваем круг головы водили, иконка тут. И раньше ведь и покойника провожали, иконку в хлеб втыкают, опять и жениха с невестой благословляли, иконка в хлебе. Большой дружок говорит: «Чтоб не бросал, чтоб не обижал, чтоб было всё в порядке» (Ананькина Юрл.). «Родители благословляли караваем. В руках мать держит каравай, и на голову ложат его крестом. Говорит — дочь, будь счастлива, живи хорошо. И жениха тоже, когда он приезжал, благославляли, но уже другим караваем. Пекли каравай, ерушник, из пшениной, ржаной муки» (Елизавета-Пожва Юсьва.).

Перед тем как зайти в дом, молодых по разу заставляли откусить каравай хлеба. По откусанным краям каравай судили также, кто из молодоженов будет *большинной* в доме. «С ограды молодые идут, их мать отец с хлебом-солью встречают. Кусают молодые рядышком, кто больше укусит, тот хозяин в доме будет» (Пожв Юрл.). «Девка одна шла, дак ей дали челпан-то, она укусила много, оторвала иолчелпашника, а он тоже укусил, чтобы верх-то захватить евоный» (Дубровка Юрл.). «Когда невесту привезут к жениху, родители жениха встречают с челпаном. Челпан дают укусить невесте, сколько рот хватило — половину откусила! Невеста держит икону, когда хлеб кусает. Потом икону передает жениху, и жених тоже кусает» (Юм Юрл.). «Вот к ро-

дителям жениха приезжали, так там челпаном-то ещё в голову невесте стучают, чтобы подчинялася. По кругу так челпаном-то сделает и три раза ударит». (*Зап. от Деткиной А.И., 1914 г.р., д. Келич Юрл.*).

После благословления девушку и парня провожали в дом. Желая обеспечить благополучием будущую семью, путь молодоженам по двору, сеням, избе заблаговременно устилали соломой, заставляли невесту смотреть на образа, печь. Со слов местных жителей, делали это для того, чтобы невесте в новом доме легче было жить. «Невесту на голый пол не вели, солому стелили, потом утром солому молодые убирали, а свадебжане мешали, деньги бросали» (*Таволожанка Юрл.*). «Приехала свадьба, молодым под ноги сено стелют, на голый пол не заводили. Невеста обязательно на образа смотрит. Молодых сразу за стол провели, от порогу» (*Пож.*). «А чтобы весело жить было, невеста зашла в дом жениха и тут же стала смотреть на печку» (*Тимина Юрл.*). «Меня привели: «На печку де взгляни, веселее жить будет». Я в избу зашла, на печку взглянула. Правда это, на печку глядят» (*Сергеева Юрл.*). Фиксируется, впрочем, прямо противоположный запрет — невесте, когда молодые заходили в дом, запрещалось смотреть на печь (*Плёсо Гайн.*).

«Невеста от венца приезжает, сразу подаст свекровке одежду верхнюю и называет её первый раз матушкой, а отца — батюшкой, это уж на всю жизнь» (*Пож Юрл.*). «Тожно в избу зашли, невесте и говорят: «Давай, снимай пальто, валенки передавай свекровке». И с того момента я её так мамой и звала» (*Миронова Юрл.*). «На соломенный ковер сядят молодых — солому в тряпичу сделают. Сваха садится с невестой, а тысячка садится с женихом рядом» (*Юм Юрл.*). «Молодые на подушках сидят, а на коленях держат полотенца» (*Тимина Юрл.*). «На подушки первые сажали молодых, чтобы богато жилось». (*Зап. от Мильчаковой А.Д., 1932 г.р., с. Пож Юрл.*).

За столом парень и девушка «на шутку» соревновались друг с другом за право держать верх в хозяйстве: засиживали подол, прижимались локтями, наконец, наступали друг другу на ноги. «За стол сажались, так ещё локоточком-то его придавила, чтобы опять он мне подчинялся» (*Келич Юрл.*). «Чтобы она хозяйка была, неподчинённая, всяко выделявали, вот, например, за стол садятся, так невеста жениху сесть на полу стремится, а жених опять у её юбку подтягат, чтобы он был хозяин над ней» (*Тимина Юрл.*). «Когда сели за стол, хозяин-от мой раз — сел, а я стою. А у него дядя тут был, тысячкой называется, командовал свадьбой-то. Он сразу сказал: «Вот хозяин-то кто». На меня сказал. Раз жених вперед сел — значит, он не хозяин. Так и получилось. Хозяйство-то на мне было» (*Елога Юрл.*).

Вариант состязаний молодоженов за трапезным столом, отмеченный в д. Дубровка (*Юрл.*), касается времени проведения ритуала. Спорить парень с девушкой начинают в этой деревне только после того, как невесте в доме жениха на кухне переплетут волосы и выведут девушку к столам. «Молодых встретили, за стол провели. Жених у невесты подол захватывает, а невеста давать не будет, она опять к нему на колени садится быстро, чтобы верх дер-

жать, а чтобы она опять под ём была, он подол захватывает. Это еще у невесты, когда косу-то расплетут». (*Зап. от Бисеровой А.К., д. Дубровка Юрл.*).

В местной традиции существует несколько вариантов начала столования. Обрядовая трапеза могла начинаться сразу после переодевания невесты в доме жениха и вывода девушки из-за занавеси *пред столы*. «Как к жениху придут, там невеста переодевается, жениху пить подавать будет и всем гостям. Переоденется, полотенца все развешат, сама невеста это делает, ей сваха помогает. Перво сваха идёт одна, невесту там снаряжать, а потом выйдет и жених, они двое выведут невесту. Оба за руки возьмут и ведут, садятся за стол, жених по праву сторону, а сваха по левую сторону» (*Кукольная Юрл.*). «За полотенце жених выводит, а потом опять это полотенце на колени» (*Дубровка Юрл.*). Здесь же, за занавесью, невесте втыкали иголки в одежду, в волосы, пытаясь таким образом уберечь девушку от колдунов: «Вот иголочку с ниточкой в подол сделает невеста, и иголочка была в платок, вот так, на голове, тоже с ниткой, кромку-то подгибали, напротив лба за эту кромку-то и сделают иголочку». (*Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.*).

Столованье могло начинаться и после возвращения молодожёнов с *подклета*. К этому времени в дом жениха уже приезжали *погоняхи* – родители невесты, привозившие приданое. «Родители привезли сундук, тожно свадьба началась, весельство, тогда подарки молодка дарит, свадебжан там призывают, всё песнями» (*Гимина Юрл.*).

В ряде мест на подклет, на брачное ложе молодых отправляли на некоторое время сразу по приезде в дом жениха. «Молодые посидают, поедят, одной вилкой и ложкой, потом их сразу на подклет уводят, это ещё до приезда родителей невесты. Молодых зимой бывало уводили в голбец – для испытания верности. В это время им поют песню: «Как да во в тереме свеченьки ясно горят, как да во все да притаивают, Ваню с Ириной спать да укладывают». Пока молодые на подклете, свадьбашане готовятся к столованию» (*Пож Юрл.*). Иногда укладыванием в постель предварялось усаживание молодых за стол. «Как привезли невесту с женихом из-под венца, сразу спать волокут. Они там час-два поваляются, их уж за стол тащат. Потом простынь вытаскивают, смотрят, показывают всей свадьбе, какая невеста попалась, ценная или пробитая уже, разбегженна» (*Сёйва Гайн.*). Упрощенная форма этого обряда отмечена в Плёсо (*Гайн.*) – «как привезут молодых, все пируют, а их на постель кладут, хоть ненадолго, с полчаса полежат, и за стол идут».

«Вот ещё родители схали, погоняхи как, привозили чемодан у невесты. Родителей встречают, родители у жениха выйдут навстречу, поклонятся друг дружке, напоят их брагой, пивом» (*Таволожанка Юрл.*). «Погоняхи приехали, их в сенях встретили, там поклонились и подали им пиво, брагу, водку. Матерь у невесты привезет подарки-то, повесит полотенце на печки, скатерть обязательно на стол постелет, полотенца повесят длинные» (*Пож Юрл.*). «Вот придут со сдарьем, заносят коробью. Если невеста богатая, не

ленивая, у неё должны быть полотенца, много полотенец. Приезжают столовать, стол ещё голый, на столе только челпан и соль, ждали всю родню. до тех пор не селились за стол и не начинали пировать, пока родители у невесты не приедут. Их встречали, они бутылку привезут, пирог рыбный». (*Пож Юрл.*). «Едут к жениху. Лошадь вся с ленточками. Тысячка везёт брагу и всех поит. Молодые посидят немного со всеми, их ведут на подклет, спать уложат. Невеста должна снимать сапоги у жениха, а у него там денежки. А потом каких-нибудь там полчаса-час не пройдет, поднимают, снова ведут, опять гуляют, тут уж родители приедут» (*Юм Юрл.*). «На подклет провожает сваха — невытая рубаха, неколоченный дубас. Вот она скажет: «Ложитесь вдвоем, вставайте втроем, на поле пойдем пятерё да шестерё». У жениха тысячка, у невесты сваха — они ведут их спать, укладывают. Там целоваться велят, обниматься. Молодым-то еще покажут, как уложить надо невесту, ей — на руку к жениху, ему — ногой обнять. Погоняхи приедут, на стол скатёрочку стелют, полотенце тоже» (*Ташикинова Юрл.*). «На подклет дружка провожал с нагайкой, в голбец где-ко немного уведут полежать и обратно» (*Тимина Юрл.*). «Спать будут ложиться, постель стелет сваха и тысячка. Потом ведут молодых спать, песни поют. Вели тысячка и сваха, зимой клали на полати. Родители-то приедут, их уже будят, молодых-то» (*Таволожанка Юрл.*). «Молодых уводила крёстная невесты, и в это время девки пели песни. Повели на подклет, в отдельную комнату, стояла там отдельная постель. На поднос деньги кладут перед тем, как молодым на подклет идти» (*Елога Юрл.*). «На подклет обычно крёстная провожает невестина» (*Монастырь Гайн.*). «На подклет молодых ведёт тсяцкой. Постель караулят дружки, чтобы не навредили молодым. А то могли бросить на кровать шерсть собачью или кошачью, медвежий коготь и серебрушку, и молодые будут жить как собака с кошкой. Молодым в постель кладут куклу — на детей» (*Пожва Юсьв.*). «На подклет меня в голбеч уложили свака да тысячка с плеткой: «Ложитесь вдвоем, а вставайте втроем да четвером». Оне уйдут, нас нюкаться оставляли в голбче-то — чё ино. Ненадолго. Я его разувала. Он деньги там в сапоги клал. Толды ить он в сапогах был. Не разула бы, деньги не получила. С плёткой (нагайка-то, лошадь вот лупят) вот нас тысячко провожал. Если невеста не подчинится, ее ведь лупить будут — чтобы ближе ложилася» (*Сергеева Юрл.*).

«Когда приезжали отец и мать невесты, тогда столованье. Молодых тут же подняли, стали проверять на верность, хоть простыню не выносили, а слава разносилась» (*Пож Юрл.*). «Вот у жениха-то гости все собрались, погоняха приезжает, приданое привозит, с ней сестра старшая. Они зайдут, постель стелют, пирог рыбной, украсят там всё». (*Зап. от Перишиной Е.Д., 1937 г.р., д. Таволожанка Юрл.*). «Приданое привезут погоняхи в дом жениха и развешивают на стены, вот какая невеста, мол, рукодельница». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*).

Существуют варианты традиции, где завершением обрядового отправления молодых на брачную постель является переодевание жениха и невесты: «Мы посидели, покушали, нас на подклет повели, в голбец. Сваха повела. На подклете-то побыли, тут уже тятка, мамка приезжают, мы стали выходить из голбца, нас водой тут брызгали. Кружечка была, брызнут, и ещё сдували, наливают воду, дуют. В сторону сдуют, налево, раза три так сделают, это сваха делала. Тут уже сели за стол, а до того нас опять переодели. Сразу на середь, всё снимают, мама невесты привезла сменку, а хозяин тоже снял, надел которо моё привезли. его снарядили, за стол уже тогда нас посадили». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.).

Обрядовая трапеза, именуемая столованием, в ряде мест включала не только угощение за столом и демонстрацию приданого невесты. Во время праздничного обеда свадебжане обменивались дарами, пили за здоровье молодых, *золотили столы*. «Как в дом зашли, молодых за стол посадили, тут большая дружка приговаривает: «У этого родимого батюшка есть родима матушка. Подойди поближе, поклонись пониже, спей пива пьяного, спей, не поморгуй, повыкушай всё». Ко всем по очереди подходит, каждому эти слова говорит, и каждого за стол сажает, по очереди, перво родню, а потом гостей приговаривает. Вот выпили, дружка опять: «Голове на веселье, душе на спасенье, по костям как постное масло». Тут дают деньги невесте и жениху, кладут их. Если выпьет человек, деньги в кружку ложит. Тот, кто выпил, отвечает: «Спасибо вам, спасибо». — «Спасибо великое за ваши подарки», — дружка отвечает. Дружка-то вино наливает сам и сам подает, ведро ставят. Кого приглашает, те к нему подходят, он сам-то за столом. Кого пригласит, тот пьёт, потом денежку молодым даёт. Всех гостей приговаривал, потом на столы накрывают и кушают, а дружка уже всё, отходит». (Зап. от Черемных А.М., 1922 г.р., д. Липухина Юрл.). «Когда нас за стол посадили, дак гости всё под стол, под скатёрку нам деньги клали, где сидели». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «В столованье ещё стол золотят. На стол кладут тарелочку, хозяин первый подходит и мелочь в тарелку «чак», столик золотит, кто рублёвку, кто копеечку, каждый кладёт» (Булдыри Юрл.). «Пить тут дружка подает, по рюмочке: «Пожалуйста, подходите, кто желает. Я наливаю маленькую чарочку, чарочка у меня золотая, серебряная. Так он наговаривает, подойдут к нему, выпьют» (Миронова Юрл.). В более поздней традиции одаривание молодых проходило несколько иначе. «Подходят дарить молодых парами обязательно. Один сват режет свадебный каравай на кусочки, эти кусочки гости выкупали, и им рюмочки за то подносят на тарелочке. Дарили посуду, покрывала, одеяла, нам шифоньер, помню, подарили» (Чуртан Гайн.).

«Всех за столы усадит дружка, а сам продолжает: «Мой новображной ясной сокол со тысячкой, со свахонькой с хорошаванькой. У нашего князя молодого, новображного ясного сокола есть тятенька родимой, есть мамонька родимая. У нашей княжны молодой есть тятенька родимой, есть мамонька

родимая. Можно — не можно пиры пировать, пора — не пора столы столовать? — «Пора»! — «Что есть в печи, тащи на плече. Что есть в залавке, кати по лавке. Что есть в голбче, тащите молча». (Зап. от Пиккулевой А.А., 1928 г.р., д. Тимина Юрл.). «Первое угощение — рыбный пирог, его обязательно тысячка резал, корку снимал» (Таволожанка Юрл.). «Свадьба только приезжает, закуски уже на столе, там уже кочегарят. Начинают чугуны разогревать, пельмени варить. За стол сядут. Пирог уже стоит рыбный, и мясные напекут». (Зап. от Фоминой Е.А., д. Зюздино Юрл.).

«Дружка велит родителям молодых: «Подойдите поближе, поклонитесь пониже», — подаёт по стопке. — «На тук, на силу, на божью милость, голове на похмелье, душе на веселье, пусть будет сладко, пусть будет ясно, испейте немножко да выпейте всё». (Зап. от Копытовой Т. И., 1941 г.р., Никитиной Г.А., с. Пож Юрл.). Еще один приговор дружки — «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, стоит наш князь новобрачный, ясный сокол, за столами дубовыми, за скатёрками шелковыми, за яствами медянными, за питьями сахарными, со княжной молодой. Есть же у князя молодого, у князьины молодой родимый батюшка, есть ли у князя молодого у князьины молодой родимая матушка? Не будьте вы упрямы, не будьте уклемы, будьте веселы, радостны, сердцем потешны. Подойдите поближе, поклонитесь пониже, примите винную чару — горяч пировару! Испейте маленько, повыкушайте всё!» (Пож Юрл.).

«Все сидят за столами, молодые кушают одной ложкой» (Юрла). «Попеременно едят: перво невеста *смотрит* (пробует) всю *еставу*, потом жених. Невеста наперёд берет. Она посмотрит, положит ложку, тожно жених берет» (Елога Юрл.).

«Невеста всё тут же сидит, никуда отлучиться не может, караулят её. Вот если куда поведут, так дружка ведет через людей: «Простите меня, чтобы на ножки не наступить, за белы груди не хватить, бесчестье-то не заплатить». Место невесты тут уж караулили, там жених, тысячкой, крёстна, как только невеста пошла, дружка тут же заговорит, жених-то место тогда и караулит». (Зап. от Пиккулевой А.А., 1928 г.р., д. Тимина Юрл.).

Особым ритуальным действием столования являлось дарение подарков и угощение гостей квасом и пивом. Невеста величала по имени каждого гостя, которому подавала пиво. «С подклета приведут, тожно невеста пить подаёт, кринку делит» (Ташкинова Юрл.). «Она переболокётся, переоденется, уведут на середь её, и тожно ей дадут кружку, поставят ведро брагу, поварёшку дадут, и она всех родственников поит, всех гостей». (Зап. от Бисеровой А.К., д. Дуброво Юрл.). «Уже в кокошнике выходит, раньше украшали кокошник невесты по краям *купальником*» (трава купальница) (Сёйва Гайн.).

Откушав, гости требовали от невесты питья. «Все свадебжане спускались в подполье, а деревенское подполье ведь о весь дом. Вот вокруг калушки с брагой все встают. Им невеста наливает в кружку. Они, где-то какое тенёт там собирают и в кружку с брагой-то, да еще кричат: «Ой грязно, гряз-

но, очистить надо». Молодые тогда и целуются, очищают мол». Во время такого угощения (*Плѣсо Гайн.*) «дружка норовил затолкать невесту в кадку по самый пояс, как только девушка начнет квасное-то наливать. Если жених не допук, дак в кадку не позволял макать-то свою королевну». Если невеста квасной гущей пачкала рукава, про нее говорили в шутку — «Грязнуля невеста-та» (*Пож Юрл.*).

«Пить подавать невеста будет, тогда полотенца вешают. Невеста сама наливает квасок, пиво, брагу, а водку жених подаёт. Невеста никого не вызывает, сама ходит ко всем» (*Пестерёва Юрл.*). «Невеста подаёт перво-то матери да отцу, спросит: «Как звать»? — «По-старинному зови». Вот она и скажет: «Батюшка пей, матушка, пей», — потом также к баушке, деверьям» (*Липухина Юрл.*). «Пить подавать невесту заставят. Она пить подает то свату, то брату, то теткам, то дядькам» (*Елога Юрл.*). Пить невеста кое-где подавала под матицей (*Таволожанка Юрл.*), платье, в котором она подавала, затем хранила как реликвию (*Пож Юрл.*).

Нередко в этот момент дружка произносил особый приговор: «Есть у нас в этом доме, в этом терему, есть у нас хозяин с хозяйшкой, со своею семейшкой, есть князина молодой со тысячкой, со свахонькой, с хорошахонькой? Время ли, сват, пиры пировать»? — «Время!» — «Есть у нас хозяин родимой»? — «Есть!» — «Приступись ты поближе, поклонись ты пониже, не будь ты упрям, не будь ты вихлям, сердцем потешный, словом радостный, испей маленько, голове на веселье, душе на спасенье». Под эти слова хозяин подходит к столу, а жених и невеста ему подают пить. Отец пьет, потом приговаривает: «Вот живите хорошо, да нас не бросайте». Потом так же мать приговаривает». (*Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.*). «Невесту заставят пить подавать: «Вот тебе миска ли, кринка, подавай. Тут песню поют: «Кому пить подавать»? Как родителям будет подавать, тут свадьбовшана и запоят. Вынесут поближе кринку ли, миску с брагой, на стул поставят, вот и наливать невеста начнёт. К каждому подходит и подает, называет именем, потом уже всем по очереди подает» (*Кукольная Юрл.*). «Невеста перво жениха поит, ему поднесет и по имени назовет, мол, выпей, потом свекру, свекровке подает, их тоже по имени называет, раз пришла на чужой пол, надо ведь как-то назвать там, братьям подает, деверям, золовкам — всех надо напоить, всех надо как-нибудь взвеличать. Вот невеста подала, потом уже жених начинает подавать, он должен всю родню невесты напоить и тоже взвеличать на имя, а как пить подали, тогда уже подарки дарить начинают. Пить подавать начали, так у нас запели: «Ой, баяли Светлане, мы бы стали говорить» (*Пож Юрл.*). «Невеста угощает, а кто-нибудь скажет: «Ой, солома, что ли попала в кружке»? — это надо, значит, целовать жениха» (*Юм Юрл.*); «Говорят: «Ой, горько, да ой, у вас там мякины накладено», — целовать велят жениха» (*Кукольная Юрл.*); «бросят мусор или солому в кринку, скажут: «Ой, чё-ко там тычет в губы-те». Это целоваться надо, невесте жениха, молодке-то» (*Таволожанка Юрл.*); «Вот со столованья-то и начинают

гонять жениха и невесту. В кружки соломы положат, крошек и кричат: «Ой, не пьётся, попало мне где-то там, ну-ко, жених, доставать надо». Жених тогда встает, и невеста тоже, и начинают целоваться. Гости опять орут: «Чё-то в губы тычется, кто ко мне в губы прямо ткнул, тараканы нападали, что ли, ой, хлам тамо!» Молодые опять целуются». (Зап. от Пикуневой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.). «Невеста идет целовать жениха, раз гости кричат, до того его исцелует, щеки износятся» (Ташикина Юрл.).

«Вот, поели, попили, заставили невесту всё развешивать, ящик-то. Развешиват полотенца, на окна занавески, всё своё развешала, тожно подарки свекровке, свекру дарит. Много полотенец, так богата невеста-то. Мне чемодан на стул поставили и подходить велели, кому подарки. Всех по имени звали, а свекровку-то уж мамкой, ей ведь передала я подарок и назвала её» (Миронова Юрл.). «Невеста сама дарить начинает, тогда уже она к себе пригаркивает по имени, там «батюшка», «матушка», дарит всем, кому на рукава, золовкам — пояски, деверьям — опояски. Вот так первый-то день, пока сном не пали — всё гуляли» (Пож Юрл.). «Песнями вот вызывают какого человека, тому и дарят, он подходит, ему невеста и дарит. Дружка и свадебжана были, например, вызовут кого, он деньги несёт, должен стол позолотить — копейки в чашку бросить. Деньги положат, тожно «спасибо» скажут. Если парень бросит, ему девки невесту посулят, девке опять парня хорошего» (Юм Юрл.). «В столованье-то невеста дарила поясочки тканые, холст отрежут на рубашку, на рукава сватье три четверти, тысячке холст на штаны давала, дружкам невеста дарила по платку, пояса дарила маленьким ребятишкам. Слуга-то мать ходит, дарит подарочки-то, в запоне носит тому-другому» (Булдыри Юрл.). «В столованье дарят, а вот у нас дружка был, ему-то ниче на руки не бросили. «Ох, ох, ничего не подарили. О, ручки-то жжёт, болит жо, а живите как кошка да собачка», — сидит и руками трясёт, вертит всяко, пальцами перебирает» (Тимина Юрл.).

Подарки родственникам жениха могла дарить не сама девушка, а её родители. «Папа, мама ездили в погоняхи, всё привозят, потом дарят, тут ещё песню пели: «Есть калиновый ящичек». Там дарили крестному, крёстне. Это невеста дарит не сама, а отец да мать дарят-то. Они откроют ящик ли, в мешке ли привезут, богатые, дак в ящике. Вот привезли, поужинали, тожно дарят. Родственники сидят, а мать с отцом подарок-то им подносит, кому чё». (Зап. от Осташовой К.П., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.; Невеста дарит «свекру рубаху, брюки, свекровке кофту, платок и пояс, маленьким ребятам, деверьям — исподки» (Монастырь Гайн.).

Подклет

Ближе к вечеру молодых уводили ночевать на подклет. Он мог устраиваться в голбце, в доме родственников и даже у соседей. Свадебные гуляния на этом не заканчивались, веселье продолжалось до самого утра. В ряде мест проводы на подклет сопровождалось битьем посуды. «Как молодых спать

вести, ломают корчагу и говорят: «Сколько кусочков, дай Бог столько же сыночков». Жениха с невестой отделяют, корчаги ломают глиняные. Первая брачная ночь – корчаги ломают» (*Пожва Юсьв.*). «Свадьба к концу, тожно молодых поведут на подклет *вечю пробивать*, сваха ведёт, остальные остаются догуливать». (*Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрл.*; прямое значение слова *вечя* – отверстие в мельничном жернове). «Молодых в голбец уводила крёстна» (*Келич Юрл.*); «спать в голбец уводили сваха да тысяцкий, крёстной» (*Липухина Юрл.*); «сваха от невесты, а дружка от жениха ведут молодых на подклет» (*Липухина Юрл.*). Отправление молодых на брачное ложе в Гайнском районе называлось особым термином – *на полатья вести*: «Невесту с женихом на пальцы ведут, есть второй дом. Идёт сватья, ремнём бьют резиновым по бокам да по ногам. Бьют их, когда они вместе лежат. На постель поленья клали, куклу делали, в постель клали» (*Чуртан Гайн.*).

Стараясь обезопасить молодожёнов, сваха обязательно проверяла приготовленную для молодых постель: «Были случаи, что собачью шерсть положат, так молодые поссорятся. Сваха ходила, все это смотрела» (*Кукольная Юрл.*); «в постель-то могли положить мясо кусок или церковную свечку, спортить чтоб» (*Усть-Зула Юрл.*). «Полагается на постель молодым кидать деньги» (*Пожва Юсьв.*).

На подклете сваха и крёстный укладывали молодых в постель. Процедура укладывания сопровождалась всевозможными магическими и игровыми действиями названных родителей жениха и невесты. «На подклет повела крёстна, невесту на ручку к нему уложит» (*Черепанова Юрл.*); «Невесту на подклет ведут, дак шубу оденут, платок, шаль, да столько узлов навяжут, на спине-то. Шаль под подбородок, потом подмышками и на спине завязывают узлами, много узлов навяжут, чтобы жених потрудился. Жених ее развязывает, снимает все. Узлов-то много – это чтобы ребят много было, это всё сваха вяжет. На подклет-то принародно одевают, на смех будто, варежки оденут ещё». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*). Зафиксировано несколько вариантов обряда наделения жениха и невесты особой силой, направленной на воспроизведение потомства, на приплод скота и урожай: «Тысеча и сваха молодых вели в чулан ли в житницу, зимой на полати, с собой молодым пирог нашивали» (*Ананькина Юрл.*); «Молодых уведут спать на подклет, с собой дают пирог *позорёный*, рыбный, так звали» (*Липухина Юрл.*); «Сваха молодых в голбец провожала, там пирог несли, молодым на колени клали. Жених с невестой пирог поедят, тогда им скажут: «Ложитесь вдвоём, вставайте втроем» (*Булдыри Юрл.*); «Хлеб с собой давали, ак хлеб-то этот в голбце, три ночи вот мы спали в голбце, как на подклет увели, там этот хлеб заставили исть. Дружка стоял с нагайкой: «Давайте съйте хлеб». Нагайкой – хлоп» (*Миронова Юрл.*). Чтобы плотно друг к другу легли, тысечка, дружка ли – раз ремнём молодых-то, стегал: «Ложитесь вдвоём, вставайте втроем». (*Зап. от Лехановой К.П., 1921 г.р., д. Тимина Юрл.*).

«На подклет ведёт сваха, тысячка: «Ложитесь вдвоём, вставайте втроём». Водили в голбец, в хлев ли, в чулан, летом дак, зимой – в голбец». (Зап. от Ефимовой М.А., 1920 г.р., д. Пестерёва Юрл.). Свадебжане старались контролировать молодожёнов на брачном ложе. Для этого сваха несколько раз за ночь ходила к жениху и невесте, наблюдала, советовала, после чего шла к гостям и докладывала обо всём, что увидела. «На подклет сваха-то ходит дозировать молодых, как раздеват он её тамо, как чё. Потом приходит к гостям, сказыват всё: «Шевелятся, шевелятся». Или так: «Уложил её на руку, обнял, поцеловал», – все это сваха-то сказывала». (Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.). «Когда молодые спали, дружка ложился на порог и слушал, чё там делают молодые» (Тими́на Юрл.).

«Когда молодых повели спать, невеста должна была разуть жениха и взять себе деньги из сапога. Когда ложились в постель, жених ложился первым, а невеста прыгала через него со словами: «Мне рожать, тебе мучаться», – и так три раза перескакивала через жениха» (По́ж Юрл.). «Невеста ложиться станет, скажет: «Пусти меня ночку ночевать, с тобой век коротать». (Зап. от Пикулевой А.А., 1928 г.р., д. Тими́на Юрл.).

В ряде случаев спать молодых уводили к соседям. «Молодых после застолья уводят к соседям. Утром идут скорее, проверяют, простынь замаранная, нет. Не замаранная если, дак она уж не девчи́нная была». (Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымк.).

Пирожный день

Пирожный день (или «пирожное» – Таволожанка Юрл.), второй день свадьбы, считали в местной традиции одним из самых ответственных для жениха и невесты. С раннего утра до поздней ночи свадебжане устраивали испытания для новожёнов, заставляли каждого из них демонстрировать навыки ведения хозяйства.

Крёстный и крёстная шли будить жениха с невестой, проверяли верность невесты жениху и под наговоры большого дружки собирали столы (Таволожанка Юрл.). «Утром молодых будили сваха и тысячка. Жениху и невесте надо было дружно встать, враз вскочить. Кто дольше оставался в постели, того чирьи потом будут мучать». (Зап. от Пикулевой А.А., 1928 г.р., д. Тими́на Юрл.). Замечали – «кто утром раньше встанет, тот и по хозяйству хозяин – жених или невеста раньше встанет» (Ракишино Кудымк.).

Чаще всего утро молодые начинали с уборки помещения: выметали соломой, застилали столы скатертями из приданого невесты, готовили питьё для свадебжан. «У нас столько стряпни настряпано было – вот угоры. Гляжу на улице народу, ну, как вроде нанесло лес водой – все спят. Мужики напились, а бабы нет, играть начали. В пирожный день похаби́ны не было, пировать пировали, но не наряжались, плясали, пели только» (По́ж Юрл.). «Первая девка должна вставать. Встанет, в избе выметет, весь мусор уберёт, ей жених помогает. Тут опять мусор бросают, деньги» (Пестерёва Юрл.). «Утром кри-

чат: «Давайте, подъем, молодежь, вставайте». Это собирать сено-то, деньги-то. Тут уж все свадебщина помогают» (*Миронова Юрл.*). «Невеста выпалась, встали они, умылись, невеста начинает прибирать в доме. Вот тут один солому несет, другой сено, кто деньги бросат. Вот набросают, она сметет кое-что. Сгрудит, а зайдут да снова все распнут. А раз ты рассвистал, брось денежку. Вот она собирает эти деньги. Ещё на потолок деньги-то лепили, а потом надо, чтобы невеста языком достала. Её жених поднимал». (*Зап. от Фадеевой М.Д., 1939 г.р., д. Балда Юрл.*). «Свадьбу раньше на голый пол не приводили. Вот пляшут, эту солому мнут, ночь всю, соломы-то до лавки было, потом утром жених убирает, невеста метет, над ней *быргают*, снова бросают с деньгами. мусор бросают, она собирает, ей снова бросают» (*Таволожанка Юрл.*). «Зашли в избу, стала невеста пол мести, навалили денег-то и соломы. Жених-то сильный был, вёрткой, бабы-то еще ниче, а мужики-то больше всего ломаются, как он начал их выкидывать из дверей, а сами быстро солому в мешок собрали. Всё замели, они опять начали на потолок деньги лепить на слюну, тут невеста стул поставит, собирает. Они ещё пнут стул-то. Жених-от сам хватат только, хватат. Дак они с потолка только рублей пять-сот нахватили» (*Юрла*). «Невеста метет, а жених помогает. Ухватом выпякиват сор из избы-то, а гости-те разоткнул опять, снова насорят. Часа два бьёшша с хламом-то» (*Монастырь Гайн.*). «Пол невеста метет. Сват корчагу каку-то принёс да как *кърхнул* среди полу! Деньги, тут пляшут, гармонь играют, пляшут, солому еще навалят, да чё распинывают. Жених да невеста собирают, успевают чё дак» (*Мухоморка Юрл.*).

Как правило, невесту уже утром второго дня отправляли за водой. Посещение молодкой колодца или реки считали важным событием, своеобразным знаком приобщения девушки к новой родне, хозяйству, наконец, к новой социальной роли замужней. «Молодых отправляли за водой, хлеб отрежут, деньги в него сунут, это чтобы вода приняла нового человека, чтобы было ей тут хорошо, она в колодец это опускает» (*Пож Юрл.*). Отправляя молодую за водой, загадывали на будущую жизнь новой семейной пары. Гадали по хлебу: «Пойдёт невеста по воду. Хлеб кусок берёт, бросит, как он упадёт вниз – она умрёт, как вверх всплывает, она хорошей будет» (*Чуртан Гайн.*). «Невесту на прорубь провожали. Невеста идёт, чтобы жениха не видала, глаза завяжут. Деньги в вёдра кидала. Пойдёт невеста по воду, хлебку соберёт, бросит. Коли падёт вниз, то она умрёт. Как всплывает, всё хорошо будет. Жених тоже кидает, только деньги медные, бумажная она ведь вымокнет. Если медная монета попадёт в хлеб невестин, нехорошо жить будут между собой» (*Монастырь Гайн.*).

Обычай назывался *причащать, выкупать, дарить, золотить* или *поновлять воду*. «Пока не съездим к матери, мне не дали стряпать, по воду не пускали. «Чё так сидеть-то буду»? Воткнула в кусочек хлеба денежку и пошла. «Ну, ладно, иди, хлебушко-то брось в воду!» Я пошла, хлеб с денежкой бросила, тожню стала воду носить». (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Ба-*

дья Юрл.). «По воду ходят, смотрели, как невеста воду несет. если вода плескается, жених пьяница, выльют ещё свадебники-то, пусть, мол, ещё сходит невеста раз» (Чужья Юрл.). «По воду ходили: придут, денежку бросят, невеста в реку бросала, воду черпала, выкупала как, и домой несла, полные ведра чтоб» (Пестерёва Юрл.). «За водой уж невеста пошла, подарок готовит воде, как ленточку или кусок хлеба в колодец или реку, чтоб воду подарить, прямо в колодец бросат, а потом воду черпат: «Я тебя подарила, а мене попить дай» (Тимина Юрл.). «Невеста даже мыться на реку пойдет, тоже воду выкупат. Воду выкупают до солнца, домой-то несут полведра, чтобы никто не видел» (Зарубина Юрл.). «За водой пошли мы с Ваней оба, надо ведь поновить, серебро бросить, хлебушко кусочек. Мы успели, нас никто и не успел облить-то. Это я поновила воду-то, хлебушко бросила, деньги бросила». (Зап. от Петуховой З.Е., 1931 г.р., д. Келич Юрл.). «Ещё по воду ходили, невеста рано утром идёт, каравай хлеба несёт в колодец. На колодец-то нас не пускают, на крышечку-то сели, выкуп просят. Черпнули мы, а они вперед нас да нас обливать водой-то» (Таволожанка Юрл.). «В колодец-то невеста обязательно краюшку хлеба кидала, колодец причащат. Кто эту краюшку потянет, к кому в ведро попадёт, тому счастье» (Таволожанка Юрл.).

«Утром невеста идет на колодец, там в колодец хлеб обязательно бросит, а воду несет скоту» (Ташкинова Юрл.). «В колодец невеста кусочек хлеба и деньги бросала. Это как подарок от себя. Деньги в хлеб воткнёт и хлеб в колодец бросит. Если наверху плавает, его потом зачерпнут и воду скотине вместе с хлебом скормят» (Кукольная Юрл.). «Ещё пирожный стол, невесту за водой посылают, она хлебушек краюшку отрежет и в колодец бросит. Четвертинку так бросит, только ведром-то не велят причерпывать, другой уже раз пойдёшь, тогда хлебушко-то можно черпнуть обратно в ведро. А первый-то дружок несёшь, не надо поддевать. А уж потом можно черпнуть, скотине его выпоят. Свекровка-то скажет: «Иди, пой корову-то» (Черепанова Юрл.). «Вот по воду пошла невеста, в колодец-то бросает хлебушек, денежку и соль ещё. Вот воду подарила, как ведь люди делают, так и безлюдье. Это когда по воду пошла первый раз, на колодец-то, как пришла жить, мы оба с женихом пошли. Вот если черпнул ведро с хлебом, скотине его выпоят, собакам-то кормить не надо, плохая примета. Надо, чтобы скотина его съела» (Балда Юрл.). «Молодку отправляют на колодец и дают ей краюшку или денежку. Набирая воду, молодка приговаривает: «Магушка-водица, прими меня в свою семью» (Юрл.). Иногда невесте, перед тем как ей идти *золотить колодец*, в карман клали клей, чтоб он пал в колодец («сам по себе, незаметно для нее»), чтобы не тосковать по родителям (Липухина Юрл.).

«На речку обязательно ходили. Возьмут ведра, чтобы невеста принесла в дом полные ведра, чтобы не пролить. А в это время молодёжь бежат, выливают воду-то, толкают в речку. А жених охраняет, не даёт. Хоть половину, да всё равно принесёт». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракино Кудымк.). «На второй день ходят по воду. Невеста идёт, коромысло несёт, на коромыс-

ло полотенце навертят. Обливаются водой у колодцу. Зимой, дак замёрзнут все. Свадьбовшана тут чё делают, чтоб жених караулил невесту, чтобы у её воду не вылили. А то токо ведь раз, раз выльют! Он должен охранять, чтобы счастье не вылетело». (Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымк.).

«Молодых опять дрова пилить заставляли» (Тимина Юрл.). «Второй день – невесту сразу к шостку поставят, пироги печь» (Пож Юрл.). Обязательным для невесты в пирожный день являлось изготовление морковных, калезных пирогов, картоновых, заспанных, сырных шанег. «На утро столование. Вот встали, невесту заставили делать *егинку*, тесто как: «Вот, давай, мол, делай, сёдне будем стряпать, пирожный стол ведь» (Таволожанка Юрл.). «Свекровка с утра кудельку принесет, испытывают невесту: «Ну-ко, бойкая, нет»? Она прядёт, а жених скотину кормит. Потом печь истопят, муку принесут, велят тесто заводить, сочни скать» (Юм Юрл.). «Утром тожно молодка встаёт, стряпает. Стряпать заставляют. *Огибку* заводить, *корешочки* делать. Корешочки вот – нарвешь тесто и катать надо» (Елога Юрл.). Пекли и «похабные» пироги. «На второй день пироги стряпали. Ты пока пирог-то несёшь, они друг на друга налячкают. Володя тесто у нас взяли, ушли в баню, там на сковородку сделали двух парней, даже письки-то, всё им сделали и изжирили. И принесли на стол. Сколько времени лепили – для смеху. Трубку, бывало, заткнут, заставят печь пироги на второй день. Шаферня полезут на крышу открывать трубку (Елога Юрл.). «Когда пекли на другой день пироги, трубу закрывали неоднократно, печь дымит, дружки трубу расчищали. Деньгами сорили, дружки опять помогали, а гости раскидывали солому. На второй день рядились тоже: бывало, мужчина оденется женщиной, наденет платьецё, женщина – мужчиной. Бывали всяки чудеса. Цыганками, стариками, старухами маскируются, чё, деревня дак, чё есть, то и надевают». (Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва Юсёв.). Часто гости устраивали шуточные сценки с ряжеными. «Свадебжане рядились ведьмой: кокошник одевали, платье дырявенькое, и цыганкой. Ведьма бегала, цыганка гадала». Гости крали невесту, садились вместе с ней в «чуланку» и требовали за нее выкуп. На свадьбе появлялись и другие ряженные – гости надевали маски лошадей, медведей, волков, зайчиков (Чуртан Гайн.).

«На второй день баловались, квашню с тестом девки на парней могли вывалить, ещё пироги стряпают – чё под руки попадёт, то и наложат. Уголь, щепки, потом этот пирог испекётся, положат, вырежут в середине дыру, маслице нальют туда» (Городище Юсёв.).

«Утром невеста должна угощать гостей. Вот у нас Клавдия Селивёрстовна говорила: «Меня к шестку поставили, дали две сковородки. А мне двумя-то и делать нечего: «Дайте, – говорю, – три, я на трёх буду пекчи» (Пож). «Невеста пироги, ватрушки обязательно делает и сочни скёт: «Умест ли, нет, делать-то»? – на неё смотрят. Ей помогают, раз привезли, дак надо ведь выхвалить невесту-то» (Балда Юрл.). Заставляли невесту также печь блины и кормить ими жениха (при этом смотрели, какие у нее выходят бли-

ны, толстые или тонкие; если тонкие, хвалили, о толстых говорили – «невеста неэкономная» – *Пугмыс Гайн.*) «Простолуют, а тожно опять пирожный стол. Утром встает невеста, а её везут, она муку гребёт, дадут ей тазик, покажут, где мука, она нагребёт, шаньги, пироги пекёт, челпашки делат» (*Дубровка Юрл.*). «Во второй день-то у нас ещё пельмени стряпали, в них угли накладывают, в тесто-то, соль, *заветные* как делали, вот если исполниться чему, пусть этому попадёт» (*Пож Юрл.*).

После приготовлений невеста начинает собирать на стол. «На другой день вот, невеста ночует, на стол накрывают, большая дружка встаёт, все встают, и дружка начинает: «Вот, мол, давайте, несите, завели прибыль в доме. Работница, неси на стол. Всё, что есть в голбче – неси молча» (*Балда Юрл.*). Гости не садились за стол до тех пор, пока снова не выкупали место, посуду, приготовленные невестой свадебные пироги. «На второе утро выкупают пирог, ложки выкупают, рюмку. Когда пирог выкупали, клали на него деньги. Пока ложки не выкупят, за стол не садятся, ложку выкупил, сел» (*Усть-Зула Юрл.*). В ряде мест старожилы вспоминают, что выкупать ложки на свадьбе стали недавно («Ложки, вилки у нас не выкупали раньше, и деньги в солому тоже раньше не кидали» – *Чуртан Гайн.*)

Приготовленные блюда появлялись на свадебном столе в определённом порядке. Чаще всего столование начинали с рыбного пирога, потом приносилась коврига, заканчивали подношения кислой капустой. «Ковригу запекали на второй день, в неё деньги запекали, её выносили после пирога, там надо было деньги искать, вот молодые и глядят, где-ко чё. Жених начинает ковригу с середины резать, деньги ищет» (*Усть-Зула Юрл.*).

Во время столования невеста подавала свадебжанам питьё, приготовленное из воды, принесённой ей утром с колодца, раздаривала подарки. «Невеста за водой идёт, и этой водой невесту заставят брагу цедить. Потом этой брагой поит гостей. Все сидят, она к каждому подходит» (*Таволожанка Юрл.*). Во это время гости куражились над молодыми, шутками да прибаутками заставляли их целоваться, мешали невесте и жениху наливать брагу в стаканы. «Заставляли пить подавать: «Ну-ко, бойкая-нет у нас будет сноха. Если бойкая, быстро нальет, тихая – рукав сунут в бочку-то, до плеча запишакот. Если рукав-то обмочили, выйдешь с мокрым рукавом, свадьба вся засмеются, надо переодеваться. Состряпались, люди собрались, за стол их опять. Обедать гостей посадили, ой, меня и погоняли тут с питьем. Вот то иголка попадёт, то палка – это велют целовать жениха» (*Таволожанка*). «Пить подаёт невеста, на второй день ведро пива поставят на стол, она всех и поит, а гости кричат: «Горько, там сено попало». (*Зап. от Светлаковой Ф.Ф., 1920 г.р., с. Юрла*).

Застолье последнего дня заканчивалось всеобщим весельем, песнями и пляской. Здесь же продолжались испытания жениха и невесты. «Чурку занесут, мелочь начнут деньги забивать, чтобы он успевал, добывал. Невеста жениху-то: «На пассатижи в карман». Он ходко-ходко все деньги выдернет.

Тожно деньги клали ещё и на стол. Он победил, значит, ему должны благодарность дать» (*Келич Юрл.*). «Мужа заставляют ещё сделать прясницу, он в первые же дни и делает» (*Пож Юрл.*). «Ещё в стиральном корыте тащили свекровь в баню. Это на второй день уже, после свадьбы» (*Келич Юрл.*). Баня (обычно шуточная, *дымная*) для молодых делалась иногда сразу после свадьбы, иногда в течение недели. Своеобразно проводился обряд дымной бани в Гайнском районе — здесь назначался человек, который делает щёлок, топит бани отдельно для жениха и невесты. Жених идёт в свою баню, невеста в свою. «Который щёлок делает, голову мыть. Невеста идёт со своим. Жених тоже себе баню топит, тоже есть себе пара» (*Чуртан Гайн.*). Воду в баню носила сама невеста: «Свекровка мне велела баню топить, воду наносить. Я пока ходила по воду, она измазалась сажей, надела на себя трепьё, шапку худую, ждёт меня в бане-то. Я как захожу — она меня пугат. Это чтоб свекровку невеста всю жизнь боялась» (*Плёсо Гайн.*).

Разъезжа (или *расхожие* — *Гайнский район*) начиналась со второго дня свадьбы, хотя чаще всего свадьба, как отмечалось, длилась в старину несколько дней. Все свадебжане в течение пяти-семи дней по очереди пировали в домах дружки, свахи, тысяцкого — у всех тех, кто был на свадьбе. Пока шли «разъезжи», молодые оставались в доме жениха, убирали посуду, мыли полы.

«Пирожный стол пройдёт, все разъезжаются. Последнее тут подавали грибы или капусту» (*Черепанова Юрл.*); «заканчивали свадьбу квашеной капустой» (*Тимина Юрл.*). «Второй день — пирожный, всё, последний был, а засидевшихся гостей выгоняли: «Добрые люди, ближние люди, попили, поели, а теперь пора гостям к лешему. Добрые люди, дальние люди, разъезжайтесь, ближние люди, расходитесь» (*Пож Юрл.*). «Молодые провожают гостей не до ворот, только за двери выведут, и всё» (*Пестерёва Юрл.*). «Молодке нельзя провожать свадьбашан» (*Ананькина Юрл.*). Завершались свадебные гуляния в доме жениха, но не сам обряд. Проводив гостей, жених и невеста начинали готовиться к *хлебному вечеру* и *гоститьбе* (так в местной традиции называли посещения молодожёнами родителей невесты и близких родственников в течение нескольких месяцев, а то и года после свадьбы).

Хлебный вечер. Гоститьба

Хлибины, хлебина, нахлибенное, хлибенное, хлебный вечер — это первое после свадьбы посещение женихом и невестой родителей девушки. Визит молодожёнов начинался с ритуального приглашения: «На *хлибенное* едут когда, утром приедут с челпашком или *мушником* — это как приглашение. На нахлибенное ездил и жених, а также свекор и свекровка, деверья, золовки. Зятя теща блинами кормит» (*Ананькина Юрл.*). «Приглашать на хлибины шли с пирогом. Пригласят, а вечером уже хлибины. Ещё к пирогу-го что-то вроде подарка несут» (*Пож Юрл.*). «Пирожный стол отпировали, а назавтра мы пошли к моей маме, как на хлебный вечер, на блины, поели и спать. Же-

них говорил: «Спасибо, теща, за то, что жена заменила мать». (Зап. от Першиной Е.Д., 1937 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «Нахлебины сделают, теща блины пекёт для зятя, для жениха, жених за то деньги теще клал». (Зап. от Густеровой М.А., 1930 г.р., д. Келич Юрл.). «Мама позвали на хлебины, вот мы с хозяйном ездили. Блины, пироги у нее, всякая всячина. На блины жених клал платок, на платок деньги. Мама блины стряпает, носит, а хозяйин-то мой блины бросат на лавку, за стол: «Ну, теща, я ведь у тебя всё опрял. Больше не стряпай». (Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «Родители в гости зовут зятя с женой уже, гоститьба, нахлебины. Сделают блины, поставят латку масла, чтобы зять макал. Который бойкий, теща пекёт, а он все прячет. «Ты чё, зять, такой жадный»? Он спрячет, а она все пекёт, старается. Если деньги есть, то выкупать заставляют блины-то. Это как блины золотят, теще за труды». (Зап. от Трушниковой А.М., 1932 г.р., д. Ташикинова Юрл.). «Первый раз в гости едут молодые на блины, подарок ложит, теща на блины, там опояску ли, чего ли, жених деньги кладёт, теща эти деньги забирала. На стол теща блины поставит, на блинах уже подарочек. Он берет подарок, а потом деньги на блины кладёт». (Зап. от Бартовой Т.И., 1928 г.р., д. Таволожанка Юрл.). «Хлибенное – тут в первую очередь молодых родители невесты приглашают. Вот пришли к теще, тут стопочку блинов большим блином сверху-то закрыли, а на блины жених деньги ложит, теще-то, блины выкупает. Верхний блин жених берёт и выкусывает середку, маленько, раз жена хорошая. На хлибенное едут, подарки везут ещё родителям-то». (Зап. от Черемных А.М., 1922 г.р., д. Липухина Юрл.).

«Блины принесут, первый блин жених укусывает в середине. Умная, целая девка, дак маленько выкусит, девка бает: «Мамэ, гляди!»! А там уж, если пролетёная, то уж он выкусывает окошко цело». (Зап. от Ефремовой А.П., 1930 г.р., д. Зарубина Юрл.). «Перед зятя ставит теща сковороду, а зять должен так показать, если девушка хорошая была, он блин немножко кусал. А ещё ему на голову теща блин положит». (Зап. от Светлаковой Ф.Ф., 1920 г.р., с. Юрла). «Первый блин ему теща на лоб бросит. Первый раз гостит дак. Его сворачивашь пополам. Положишь на сковороду, смачешь в масле. Вот тожно полную сковороду наделаешь блинов, а верх-то целым блином так закрывают. А поверх его — деньги. Деньги забирает теща, он начинает исть из-под низа. А то соберут на стол, блины поставят, на блины положат онучи (холст новый), ну, портянки, на онучи деньги положат. Он забирает себе онучи. И потом кушает первый блин, чё-ко ворочает его: блин кувыркнул, поворотит его. Хоть не все, но сверху поворотит» (Елога Юрл.).

«Теща блины-те положит, намаканы-те, намаслены-те. Тожно жених и показыват. Маленьку дыру, большую ли. С невестой напололам этот блин съедают. Он укусит, невесте даст укусить. Если честная – вместе едят, а нечестная – таку дыру большу сделает и только положит его» (Пожва Юсьв.). «После свадьбы-то ещё мы ко крёстне пошли, так она горячий блин жениху-

то бросала, ещё материал ему на рубашку, на блиночки положила, газетку и этот материал, потом опять газетка, а тожно блин, это с головы парня». (*Зап. от Кудымовой З.С., 1936 г.р., д. Миронова Юрл.*). «На хлибины ездили на Масленицу, к теще на блины. У тещи жених с невестой обязательно должны были ночевать. Утром теща блины напечёт, зять ещё в постели, теща возьмёт первый блин со сковорды-то, зятю бросит на голову, бросит да ещё не на голову попадёт, на шею куда-ко, прикалит» (*Пож Юрл.*). «К теще на блины ездили, так теща со сковорды первый блин жениху на голову бросала, потом уже всю стопку блинов вынесет, сверху на блины теща клала портянку, свернутую и обвязанную опояской, так и подавала. Жених брал портянку себе как подарок» (*Тимина Юрл.*). «Позовут на хлибины-то, теща блины-то состряпат, портянки, *портъя* на блины-то положит, ещё блин зятю на лоб кинет, сначала на лоб кинет, потом на сковороде уже на стол принесёт блины, сверху портянки свернут, *поёсья* вокруг портянок навьют и на блины положат, и тащат на стол. Жених берёт эти портянки с поесьями себе, а потом все едят блины». (*Зап. от Вилесовой М.М., 1919 г.р., д. Тимина Юрл.*). Теща просила зятя достать маслёнку с маслом, покрытую сверху стопкой блинов. Сделать это нужно было таким образом, чтобы не разлить масло. «Зять разольёт, уже позорно. Разольет, всё — блины ест постные. Такая вот ловкость должна была быть у него» (*Монастырь Гайн.*).

Хлебины проводились обычно спустя неделю после свадьбы, в Масленицу. Всех свадебжан теща угощала блинами. «Если жениху в блине дырка попадала, жених блин выкусывал, затем раскладывал его на тарелку, вот мол, теща, смотри, какая дочь-то у тебя» (*Сёйва Гайн.*). Напротив, в знак благодарности за «*хорошую девушку*», жених, отъезжая с хлебин, оставлял под скатёркой теще денежку.

Обрядовые посещения молодой парой родных и близких называли также *гоститьбой*. Считалось крайне важным побывать жениху и невесте с ответным визитом у тех родственников, которые были на свадьбе. «После свадьбы всех родственников приглашали в гости — этот была гоститьба» (*Юрла*). «Гостей зовут у жениха родители, родню невесты-то, это уж мы неделю прожили, и наоборот. Утром с пирогом, с питьём едут сначала звать родню, а тожно они тоже. Это уж гостятся. Утром с приглашением едут, а вечером уже гостятся. Родители с приглашением приедут утром, пирог покушают, а вечером-то уже гостятся» (*Тимина Юрл.*). «Как подольше поживут, сделают гоститьбу, новую гоститьбу сначала делают, как к невесте, потом уже к жениху, там уже близкая родня приезжает» (*Миронова Юрл.*).

«Хлебина», гоститьба были последним действием свадебного обряда, если бы еще не одно важное событие в жизни молодоженов. Молодые супруги каждую Масленицу обязаны были «*ездить к теще на блины*» (*Сёйва Гайн.*).

Свадьба русских в Коми-Пермяцком округе чрезвычайно близка по своему обрядовому наполнению, основным этапам к северной прикамской

(чердынской, вишерской, усольской, соликамской) свадьбе, вообще – к севернорусской свадьбе.

В фольклорном разделе сборника приведен песенный ряд, составляющий еще один обрядовый код свадьбы. Песни, среди которых отмечен большой набор причитаний, величальные песни, отражают чрезвычайную развитость свадебной традиции в прошлом. В песнях, отразивших идеалы старого, общинного еще уклада, воспеваются крепость, нерушимость брачного союза, многодетность, любовь и согласие.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Похоронный обряд, как известно, до настоящего времени хорошо сохраняет в своём составе детали магического и мистического характера. Все они в своей совокупности дают представление о народной метафизике темы смерти. Использование разнообразных ритуальных форм не просто следование традиции – одновременно оно адаптирует человека к явлению смерти с психологической стороны.

В традиции края сохраняются формы, которые редуцировались, а то и практически выветрились не только на других территориях Прикамья, но и в целом на Русском Севере (в частности, дифференцированная, развёрнутая традиция похоронных плачей-причитаний, детально разработанный обряд «Проводов души» на сороковой день и пр.).

В настоящем разделе поэтапно раскрываются наиболее характерные для края детали обряда – обмывание и обряжение умершего, прощание с ним, погребение, поминки, ритуалы, направленные на «невозвращение» умершего. Предваряет описание обрядности анализ бытующих представлений о смерти, том свете, душе, материал, дающий представление о народной религиозно-мистической интерпретации смерти. Приведены устойчивые народные приметы к смерти, тексты снов, в которых воссоздается образ того света, говорится о культе умерших. Поскольку обряд на территории края сопровождается пением большого количества стихов (*пропевов, святых стихов*), в описание соответствующих моментов обряда включены тексты причетей (в полном объеме они представлены в фольклорном разделе). Приводятся полные описания двух зафиксированных в Юрлинском районе в 2006 г. реальных исполнений обряда проводов души.

Представления о смерти и том свете

Представления о смерти и похоронно-поминальная традиция в исследуемых районах достаточно близки к традиционным севернорусским обрядам и верованиям, хотя на отдельных территориях встречаются специфические формы. Например, в ряде случаев отмечается в целом не характерное для славян погребение умершего на второй день после смерти («По три дня

не держали покойного раньше, умер если, на другой день уже хороняли» – *Плѣсо Гайн.*). Как отмечено выше, фиксируются спорадически сведения о том, что умерших русские, как и северные коми-пермяки, могли хоронить не на кладбище, а рядом с домом – прежде всего, детей («Маленького в огороде хоронили, если не окрепѣн» – *Сергеева Юрл.*).

В поминальной традиции отмечается варьирование традиции посещения кладбищ. Если в основном поминки на кладбище устраивались в Семик, то в ряде территорий могли навещать умерших даже осенью («На Сдвиженье ходят на кладбище поминагся, с пирогом» – *Пожева Юсьв.*).

Оценка смерти как мировоззренческой категории дана в ряде диалектных эвфемических характеристик. Об умирающем здесь скажут: «землей пахнет», «сгорает», а о покойнике – «ушел книзу», «склад моготу». Представление о «неизжитом веке» известно по выражению «*троевский человек*» (*Юм Юрл.*). Тот свет, по представлению местных жителей, находится под землей. человек там занят тем, что *делает горишки*. В пересказе одного из снов говорится о том, что человек на том свете продолжает заниматься тем же, чем он занимался до смерти: «Снилась сестра мне, сама во всем белом, и там все тоже в белом ходят, в белых халатах. Так уж там надо. И на работу так ходят. Сестру-ту спрашиваю: «Ты куда пошла»? – «На работу». – «А кем работаешь»? – «Дак тоже учительницей, как и раньше». (*Зап. от Ефремовой К.М., 1928 г.р., с. Юм Юрл.*). О смерти говорили – «идти книзу», «склад моготу», «искать место», «отправиться в командировку», *поспеть, убратся*, саму смерть называли *тихая лета*.

По ряду быличек о смерти, на том свете можно встретиться с родными, хотя фиксируются и другие свидетельства – о том, что на том свете обитают только души, которые ничем не отличаются одна от другой. «Человек никогда уже не будет в своем образе, души все похожи друг на друга. И мать с сыном не встретится там, и сын с матерью. Потому что все равные, никто никого не узнает» (*Поже Юрл.*).

В целом смерть воспринималась, в соответствии с архаическими представлениями (явно подкрепленными старообрядческим мироощущением), не трагически. К ней готовились заранее. Нередко для умирания в прошлом припасали гроб и крест. «Гроб на чердаке сидел у дедушка. Только чтобы не было беды, в гроб на самый низ гроба насыпали зерно» (*Сейва Гайн.*). «В стары годы гроба дома делали, иззараньше. Специально тѣс приготовят, сделают. Был один у нас Василий Семенович, первобытный человек, старый человек. Он гроба себе сделал и старухе своей. И в гробах держал зерно, в амбаре» (*Монастырь Гайн.*).

Сама по себе смерть нередко персонифицируется – как мужчина в плотником одеянии, как женщина в белом, нередко, как маленькая девочка. Смерть, как правило, «даѣт о себе знать»: показывается во сне или в видениях человеку, которому скоро умереть, предвещает какие-либо негативные события. «Вижу во сне: пришла ко мне смерть. «Я по тебя пришла». Она та-

кая бордоносая, с косой, чёрная в одеянии. Большой нос, как у Бабы-Яги. Села на кровать и говорит: «Я по тебя пришла». И меня взяла за руку. Она такая красивая, такая миловидная, глаза голубые и волосы светло-русые. Ой, какая красивая. Я руку взяла и сказала: «Ты подожди маленько, потому что мне ещё надо постираться». Я всегда думала, чтобы перед смертью Бог дал мне всё вымыть и постираться. И она ушла». (Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., Пожва Юсьв.).

«В Пожу женщина одна переезжала из одного дома в другой свой дом. Она ей показалаась, смерть-та – старый старик. По избе-то кодит – кодит старый старик, чё-то пищег. И вот она это, тот день на тракторе поехала. Садиться стала в трактор, трактор пошел, ее под трактор, и задавило» (Пож Юрл.).

Характерно представление смерти в облике мужчины с пилой, молотками и прочими плотницкими инструментами (оно полно отражено в ряде духовных стихов, исполняемых до сих пор в обряде похорон – *смерть с пилочками*). Как кажется, в этом случае отражено распространенное в прошлом по всему Прикамью явление – по деревням раньше ходили *гробовики*, плотники с рубанком, пилой, топором, которые и воспринимались как вестники, слуги смерти.

«Птичий» облик смерти очевиден во многих рассказах. «Печку мы топили каждый день. Я вот утром стала, открываю трубку, и из трубки птичка вылетела, вся в саже. Она везде садится, летат по избе, садится на занавески у меня. Чё делать? Я двери открыла, давай ее выгонять, она вылетела во двери. Это смерть-то залетела, мама моя скоро после того умерла». (Зап. от Ивановой Г.П., с. Пож Юрл.). Вестниками смерти является женщина в белом, кто-либо из умерших родственников. «Брат, он шас уже покойный, один раз залез в колодец, и в углу видит – стоит женщина в белом. Меня, говорит, зовет рукой: «Иди, говорит, сюда, иди!» (Пож Юрл.). «Один у нас тут обмирал, он еще это, когда обмер, видел свою старую жену. Идёт, у неё ребенок за подол держится, и она говорит: «Вот и Иван у меня тут». Иван сказал: «Пойдем вместе». Она говорит: «Нет, тебе, Иван, еще десять лет жить, ты по этой дороге иди, а мы, говорит, по той, по другой дороге пойдем». Десять лет он прожил и умер». (Зап. от Булычевой К.А., 1928 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

Образы того света чаще всего проявляются в снах: «Покойники часто снятся, бегают за мной, а я от них. По небесам поднимаюсь, убегу. Вот если свекровь приснится — обязательно заболео, если сестра снится, Нюра-покоенка, то ко снегу, к дождю. А чё там – на том свете темень, больше ничё. Мои ребята, умерли которые, Мария и Вася, снятся, что коров пасут. А так что, умер – и небо с землей сошлось, больше ничё». (Зап. от Чеклецовой З.И., 1926 г.р., д. Кукольная Юрл.).

Образы того света весьма специфичны. «Мне раз снилось. Я так плачу, плачу: «Господи». Вижу, куда-то спускаюсь в подземелье, как в подвал. Иду,

такой коридор, здесь нары, нары, нары. Всё лежат не очень приятненькие, грязненькие, вот такое, не как в больнице. Я иду вперёд, и передо мной большие белые двери. Я постучалась. Оттуда какой-то апостол, видно: «Сюда ещё рано». Видите, я и живу» (*Пожва Юсъя.*)

«В Юрле умирала женщина ей привиделось: «Я в яму все углублялась, углублялась, потом какой-то коридор большой, и по этому коридору иду и иду, нагая, так мне неудобно, так стыдно, а в яме такая духота, дышать нечем. А по обе стороны вешалки, и на них одежда. Я хватаю ее, чтобы тело нагое закрыть, а достать до них никак не могу. Мимо кого я только не прошла. И какая-то просветлина появилась на выходе. Я к ней прошла. Смотрю – вешалка, и на ней моя одежда: рубашка, платок. Я одежду схватила и быстрехонько делась. И вдруг оказалась на улице. Тут только вздохнула. А в коридоре-то, когда шла, видела и знакомых, и родных, но никто ко мне не притронулся». (*Зап. от Пикуневой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*)

Жизнь, по бытующим представлениям, есть цепь прегрешений человека, а смерть осознается как уход к Богу (при этом нередко Бог представляется не вполне канонически). «Умрет человек – к Богу уходит. Ноги у бога на земле, а голова на небе. Он все видит и слышит, что он прикажет *присёйникам* – они то и делают. Распорядится: «Гром!» – гром гремит в небесах. Вот, если бы он допустил (а он не допускает), то земля и небо вместе сойдутся, всё, конец жизни». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*) «Все умрём. Умрет человек, его душу возьмут на каторгу, смола кипучая ждёт, как же, грешник. Богородица, когда умрём, она скажет: «Ну, было тебе на свете, всё воля была!» – «Ты меня пусти хоть на денёчек, хоть на часочек!» Она: «Нет, тебе была воля, была! Что хотела, то и делала!» – «Ну хоть на часочек отпусти!» – «Не отпущу!» – «Ну хоть на минуточку!» – «Не отпущу!» Вот скажет: «По правую руку пойдут праведники, по левую – грешники», разделит. А там, это я слыхала у старух, будет берег и другой берег. Она поставит всех грешников, скажет: «Берег с берегом, сойдитесь!» Берег с берегом сойдутся, там смолу пустят, так и будешь *булдыхаться* в ней, как в реке. А праведники, они на берегу останутся. Бог подберет их в свои руки. На небесах наши-те души живут, вот когда умрём. Вот еще Божий суд-то не был, когда он будет, а наши-то души Господь Бог сто километров вокруг не допускает. А туды подлетим, туды, когда умрём, то он скажет: «Отвечай-те!» Божий суд будет, тогда все живые и мертвые пойдут. Вот тогда будет *страсть-то божья*!». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*) «С Пасхи на Троицу умри, вот в это время, тогда будут царские ворота полы – и сразу в царствие. А потом ворота закроют, тогда и по мытарству и будут водить нашего брата. Чё согрешил здесь, там и будешь отвечать. Сяс вот которы в молоко воду льют, женщина вот в молоко воду лила. Дак она мается, она молоко-то переливат, теперь его дилит – а его не разделишь». (*Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожва Юсъя.*)

«Не знаем, куда душа попадат, как уж определяют там. Что заслужит, то и получит. Она везде до сорока дней, где работал, где жил, она везде побыват. Она невидимо там ест, питается». (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожева Юсьв.*). «Мы живём — только в гостях гостим. Человек что заработает, то и получит на том свете. Не заробим — будем мучиться. Муки-те разные. Первая мука — душенька вступила на ступень, увидела, где она. Там столы крашенные. Вторая — там бесы подхватывают, не дают есть ничего, и ведут к Богу на ответ». (*Зап. от Ивановой А.В., 1922 г.р., д. Сергеева Юрл.*).

«Умрём — там нас заставят реку бурную переходить. Чтоб легче было переходить, надо при жизни как можно больше полотенец подать, их там свяжут, и тогда пойдешь, дак держаться будешь». (*Зап. от Кудымовой Н.И., 1932 г.р., д. Лобанова Юрл.*). «Никто не знает, что нас там ждёт. Одна девка обмирала, семнадцать дён лежала, потом проснулась. Дак ниче не сказала, чё она там видяла. Только одно сказала — там нельзя ножом железным квашонки скоблить, только лопаткой деревянной» (*Чужья Юрл.*).

Смерть, по мнению верующих, есть расплата за грехи в земной жизни: «От Иисуса Христа свет в вечности больше, лучше, чем от солнца. Там лучины нету в вечности. Там фонарь не нужен, там свет жизни от Иисуса Христа, ни конца ни краю нету ей. Всякий грех рождает смерть. Расплата за грех — смерть. Душа сгорает». (*Зап. от Полюшковой М.К., п. Сёйва Гайн.*). Смертью оценивается праведность-неправедность прожитой жизни: «после смерти тот получит золотой венец от Господа, кто живёт правильно» (*Сёйва Гайн.*). Своеобразно интерпретируется судьба человека после смерти: «Дух у человека после смерти отходит к Богу, душа — либо в рай, либо в ад, а тело — в землю» (*Сёйва Гайн.*).

Разнообразны народные комментирования самоубийства. Повсеместно в крае распространено поверие о чрезвычайной греховности самоубийства: «сам на себя руки накинёт — дак это он Антикрису трехпалому сдаётся» (*Булдыри Юрл.*). От самоубийства существуют особые заговорные обряды: «Надо взять петлю, на которой человек пытался повеситься. Потом скручивают эту петлю палкой со словами: «Давлю того черта, который толкал раба божьего в петлю». В это время такой ветер подынется, вой такой будет» (*Юм Юрл.*). В быличках о самоубийцах постоянно подчёркивается, что именно чёрт, бес заставляет человека лишиться себя жизни: «Вот, слышал, был солдат один. Раз говорит другим солдатам: «Ребята, поглядите на меня. Говорят, на койке можно задавиться. Ну-ко, задавлюсь-нет на ремне? А вы, если плохо будет, меня де вытащите». «Но», — сказали остальные солдаты, их человек двадцать было, рота, они туто на поле, в палатках жили. И чё — тот взял ремень: «Вы, ребята, за мной посмотрите, мне неохота в лес идти, я тут буду. Можно — нет на ремне задавиться»? На то время заяц выбежал, когда он стал давиться. И все солдаты за зайцем бросились, ловить. Заяц — это черт-то и выбежал. И зайца не поймали — убежал, и парня прокараулили. Это чёрт превратился в зайца. Чёрт в любого может превратиться, и в человека даже. Это

чёрт-то и лихнул парня, тот на коленках так и задавился». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*). «Кто повесился, утопился, там, на том свете, отвечают. Его не отпевают, раньше тридцати лет не отпевают». (*Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., Поморцевой Т.Л., 1926 г.р., с. Пожва Юсьв.*). «По самоубийцам милостину можно подавать, но только имя не называй, за кого молиться» (*Пожва Юсьв.*). «Кто грешил, в смоле будут кипятить. А кто в бога веровал – в рай пойдёт. Задавленников и поминать не надо. На них черти воду возят» (*Городище Юсьв.*). «Вот я у мужа сестру поминаю, во сне её видала. Она отравилась. Вижу бы – такая река, такая река, чёрная, чёрная, берега крутые. Она ровно мне говорит: у меня, говорит, муж есть счас. Я увидела у нее мужа, он столь страшной! Ой, я говорю, это ты с таким мужем живешь? А вода-то бежит чёрная-чёрная, мутная, а избушка на берегу стоит худенькая-худенькая! Вот мы де в этой избушке и живём, раз я сама себя отравила. А он задавился, вот они вместе вроде и живут» (*Пожва Юсьв.*).

В устных рассказах очень част мотив конца света: «Сейчас к концу света всё идёт — убийств много. Жизнь кончится, один-два человека останутся. Самый главный останется, который честный» (*Сёйва Гайн.*). Нередки в них мотивы апокалипсиса: «Когда конец света или к войне, то покажется конь рыжий. Перед войной казался вороной конь, а скоро появится белый, потом никого на свете не будет. Только останутся мужчина и женщина. Прилетят железные птицы и прибьют все сердца лукавые» (*Монастырь Гайн.*). «Реки высохнут. Реки сохнут, смотрите – видите же, ручеек один. Житиё будет плохое, пойдёт человек, в воду падет, не утонет. Пить-то захочут, люди-те, побежат, там река наверно, придут – золото светит, а золото не надо. Будут клейма, на чело будут печать клать, печать на чело будет». (*Зап. от Трушниковой Е.И., 1912 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*).

Как предзнаменование приближения к концу света воспринимаются многие природные события. «А кукушка как куковала раньше? Ой, цело лето куковала. А нонче ведь не кукует. К тому дожились, к последним годам живём. Выскочила весной, покуковала маленько, а теперь ничё и нету. Раньше все в лесу куковала, а нынче в деревне кукует». (*Зап. от Трушниковой Е.И., 1912 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*). «Старые люди говорили, будет конец света. Сосна де к концу света будет блекнуть. Она первобытное дерево, первая появилась, первая и блёкнуть будет. Громы будут большие» (*Пожв Юрл.*). Стоит отметить, что подобные представления о засыхающей сосне, как вестнице конца света, широко распространены и в коми-пермяцкой среде. Представление о конце света, грядущем приходе на землю Антихриста ярко воплощено в духовном стихе, который до сих пор исполняется, когда умершего провожают на кладбище (поют его также и в сорочины): «Ой вы, вы рабы ли, рабы ли, рабы, вы да рабы да грешныё, молитесь да Богу со слезами».

Широко распространены приметы на смерть: «Если с потылицы складка кожи на руке защипнется длинная – скоро умереть» (*Юм Юрл.*); «голос не *тенется*, плохо говорит человек – умереть ему скоро» (*Кукольная*

Юрл.). Считается, что перед смертью человека «берет скука, сон»; умирающему мерещится много маленьких детей. Женщине перед смертью может присниться человек, который приезжал когда-то сватать её в жёны. «Ничё не растёт если в огороде – видно, жить в этом году не придётся» (Сергеева Юрл.). «Если по деревне кукушка летает и кукует, жди, что кто-то умрёт. Или птица долбит стену. Вон Алёшке как утонуть, ему птица в окошко долбилась. Еще белка на калину у дома взмахнула» (Сергеева Юрл.). «К смерти, если чудится, что под окном хлопают доски» (Майкор Юсёв.).

Очень много примет к смерти по снам. Если что-то потеряешь во сне – к смерти; если видишь во сне брёвна, плывущие по большой воде – к смерти; рыба снится – к слезам (в том числе по покойнику), дом строить – к покойнику. «Если, говорят, едят покойники, значит, кто-нибудь ещё умрёт, а если тебя кормит, это значит хорошо» (Пож Юрл.). «Если увидишь про горох – ой-ой-ой!!! Горошничка большая будет, к поминкам. Слезы будут» (Пожва Юсёв.). Особо вещими считались сны на святочное время. «Это было на святках, приснилось. На святках – это все сбывается. Мужу как умереть, говорит, приснилось, куда ли пошёл ли, поехал ли и в яму пал. И говорит: «Из этой ямы я не вышел». (Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсёв.). Из других предсказаний смерти отметим приметы – «слезы не бежат – умрёшь скоро», «лоб чешется или переносица – о покойнике услышишь» (Юм Юрл.).

Устойчиво поверье, что покойник кажется не перед добром (Липухина Юрл.). Старые люди считают это знаком смерти: «Вчера во сне видела – мужики дорогу на кладбище разгребали. Это уж мне весть была, хватит, нажилась». (Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., Юм Юрл.). «Если покойника во сне увидишь – нужно обязательно подать милостыньку. Говорят: «Царство небесное, спокойное место», и молятся» (Бадья Юрл.). «Снилась мне дорога на кладбище, что пришла я на кладбище, на папину могилу, могила будто открылась, вижу, там половичок постланный, около могилы столик стоит. Я и говорю: «Ой, папа, как у тебя тут красиво». Он отвечает: «Я тут хорошо обустроился, чистенько». А вот через сколько-то дней брат у меня заболел и умер, вот дорожка-то приснилась дак» (Пож Юрл.).

«Не надо жалеть покойников – тогда они тоже нас начинают жалеть, могут прийти» (Тиуново Гайн.). Повсеместно считается, что «приходящий покойник – это «бес», нечистая сила, «он только кажется как родной, а копыта у его лошадиные» (Юм Юрл.). Колоритное описание беса-мертвеца представлено в быличке о погибшем муже: «У нас у сестры муж в германску погиб, дак ходил к ей. Сестра жать уйдет, потом приходит и говорит – ко мне де Гришка был, он живой. Тогда наш дядя сделал ей туесок берестяной, отдал. Говорит: «Вымой его с молитвой и унеси в лес. Он к тебе придет, ты ему дай туесок, будто пить. И сними с ноги у ево сапог». Она так и сделала. Он пришел, открыл крышку-ту, пить-ту, да как заорет: «Каку ты заразу тут накладе»? И пить не стал. Она сапог с его сдернула, а у его нога в шерсте.

Вот у её волосочки-то и подняло. Говорит: «Гришка, я квас замешала, мне надо идти брагу делать, завтра принесу тебе», – и убежала. Дак он зачал к до-му ходить, она на *пóстать*-гу не ходила больше. Велели смолой на ворота крест класть, сказали – к которому окошку ходит, ты к этому окошку с ико-ной подходи. Она так и сделала. Он приехал, как увидел икону, заорал: «А, догадалась, а то бы худо тебе было!» И больше не бывал» (*Пож Юрл.*). «У одной женщины муж был на войне, шесть лет был без вести пропавшим. Од-нажды она в поле работала, жала. Жнёт и слышит женский голос: «Артёми-ха, иди домой. Артёмка пришел!» Вечером пришла домой, в доме никого. А ночью явился. «Старуха, накорми меня, есть хочу!» Она ничего ему не дала и разговаривать не стала. Взяла скатерть и икону, и он исчез. На третью ночь опять появился. Ей посоветовали лечь, взять иконы, шшеть. Он опять руга-ется, просит есть, она с ним не разговаривает, чешет голову, вошек. Он ней подошел, к-а-а-ак ей дал сзади, она без ума пала и очнулась на вторые сутки. Потом заболела». (*Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*).

Еще один сюжет с объявляющимися покойниками, умершими не своей смертью – рассказ о «худых местах, где блазнит»: «Мы с подружкой собира-ли ягоды, чуть не по полному туюску набрали, домой собрались. Расклони-лись – перед нами стоит женщина, высокая, худая, вся в верёвках запутана, от лица до ног самых. Мы бежать. А потом узнали – на том месте когда-то мужик бабу убил, замаял ее. Вот на худое место нашли» (*Таволожанка Юрл.*).

Умершие особенно часто дают о себе знать, если похороны проходили с нарушением обряда: «Тут старик умер, гроб-от мал ему был. Вот потом он и приснился. «Живу де я хорошо, только дом-от мне-ка маловат» (*Ефремова Юрл.*). «Босиком умерший приснится – с ним что-то неладно. Надо обяза-тельно подать кому-нибудь носки» (*Юм Юрл.*). В прошлом нередко гроб сверху закрывали берестой: «Прямо большие листы берёста через весь гроб ложат. У меня свекровь умерла, забыли берёсту взять, а просто на гроб зем-лю набросали, так и захоронили. Потом она во сне увиделася: «У всех людей крыши, а я ведь без крыши, дождь на меня дождит» (*Липухина Юрл.*). Если умершего не поминать, он также может присниться: «Мне приснилось, печка пала, и скоро после того внучек *нарушился* у меня. Я так захворала с этого, и на девятины не ходила к ему. Потом снова вижу во сне – он идет, лесом, я бы его поймать хочу, не могу. Он мне и бает – вот, баушка, ты к нам ходить не стала» (*Чужья Юрл.*).

О душе

Душа умершего, по местным верованиям, может принимать различный облик. «Я вам расскажу про себя. Моя мама умерла, и я кадила девятины ее. И на сорочины пошла. Ну вот, иду с могильника-то. Больше кошки, меньше собаки – вот с могильника, смотрю, бежит, бежит душенька. Все книзу, кни-зу, и книзу и все. Показалась мне душенька. Беленькая, беленькая такая»

(Елога Юрл.). «Туто прошли сорочины, все еще спят, утром это. А сын-от видно наперед хозяина встал. Он и сказал: «Ну, бабоньки, вставайте. Мамонька уже ушла. Курочкой де на грядках, показалася и ушла». Бабы все соскочили, скорей, стряпать. Говорят, душа на сороковой день уходит. Сейчас, правда, говорят по писанию, что сорок два дня. Два-то дня еще около дому». (Зап. от Копытовой Т.И., 1941 г.р., с. Пож Юрл.).

«Бабушка умирала, мамка туесок ставила на шесток, трубку в печке открыла, чтоб душа в трубку вылетела. Когда умирает человек, сначала в туесок, потом в трубу улетает душа». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.). «Когда человек умирать ладится, рядом ему воду ставят, душе-то умыться, обмыться надо, она выйдет дак» (Юм Юрл.). «Если плохой человек умирает, то ему ставили поблизости воду – вот душа де тут умоется, она де покупается и выйдет из человека, чтоб он не мучался» (Бадья Юрл.). Когда душа выходит (умирает человек), перед умирающим ставят миску с водой («душе надо будет умыться, выходить будет дак» – Юм Юрл.). «Когда человек уже в плохом состоянии, уже чувствуется, что он умрёт, ставят воду в кружечке или в стакане. Ставят, чтоб душа вылетела, потому что она ищет воду, ей надо искупаться. Сразу как человек умрёт, ставят на стол или подоконник стакан с водой, сверху кладут краюшечку хлеба с солью, до сорока дней их меняют» (Пожва Юсьв.). «Краюшка на стакане лежит. Потом краюшку скотинушке дают, чтобы Бог леготу дал скотине» (Лобанова Юрл.).

Повсеместно распространены представления о тяжелой смерти колдунов: «Колдуны очень тяжело умирают – язык у них до груди вытягивается» (Юрла). Обрядовые формы облегчения смерти колдуна, помимо распространенного выворачивания потолочинки или доски на крыше, это открывание печной трубы. «Когда человек с порчей умирает, нужно открыть все двери и трубу, тогда все духи улетают» (Пожва Юсьв.). «В соседях дедушко был. Умирал, так бился, что вырезали потолочины две. Чтоб душа вышла, две надо» (Городище Юсьв.). «Колдуны тяжело умирают. Говорят, если колдун, ему сложно, ему надо через матицу перейти. Я когда пришла, соседка, она знающша была, дак она тут же через порог перешагнула, тут в малированное ведро села и умерла» (Плёсо Гайн.).

Специальный оберег применяется для предохранения от «выходящей» из умирающего колдуна порчи. «Берут ключи и ключами городят рот у этого покойника, если он маятся. И он на месте умирает. И порча тогда не выходит и не заходит. А так может перейти к другому». (Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.).

Чтобы человек легче умирал, из-под головы убирали подушку и клали его на голый некрашенный пол («если пол крашенный, то настилали солому или стелили половик» – Сёйва Гайн.).

Душа умершего, по устойчивым представлениям, до шести недель находится дома, а потом ее провожают. «До 40 дней душа дома, знаки подаёт, брякает. После сорокового дня на другой день уходит, сама двери отворит.

Она богом сделанная, нам не покажется. Если покажется, дак это уж не к добру, неприятность кака-то будет». (*Зап. от Андреевой М.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.*). Бытует и другое поверье: «До трех годов душа на углу дома вертится, три года поминки, три года дома душа. У меня одна знакомая умерла. А я уснула как и слышу: «Ой, меня домой-то не пускают, – говорит. – Дом де закрыт, а я есть хочу». Я проснулась к соседке прибежала, говорю: «Манька, я во сне про Нинку видела». Вот, душа живет на переднем углу до трех годов. Она где-то всё над твоим домом». (*Зап. от Сабуровой А.А., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.*). Душа может показаться в птичьем облике: «Когда-то старик со внуком шёл по реке и три де птички пуркаются. Три птички де летают, одна птичка по земле пуркается, пуркается, пуркается. Вторая на ветке, а третья – выше куста. Внучек спрашивает: «Почему одна птичка не может слететь, а вторая слетела на половину куста? А третья, смотри, как высоко летат»? – «Вот одна богу де не молилася, она не может с земли улететь-то, значит, душа, чья-та была. Плохо молилася, на земле и осталася. А вторая, поменьше, у куста-то и осталася. Третья-та молилася, она улетела высоко. Это птички – воробьи. Вот они, души, в воробушков превратились». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*). Ср. также: «Тетка сказывала, мама ее как-то сон видела. Наши душеньки птичками летают, к деревьям припадают. То на то дерево скачет, то на друго скачет птичка. А это и были души. Если в семик идёшь пораньше, там птички только чик-чик-чик, чик-чик-чик, на ту ёлку перелетят, на другу, ждут родителей-то. А солнышко вздынется, народ де грешной поидет, собаки де побежат, дак мы, души, уж нету там...» (*Юм Юрл.*).

Частые облики души – бабочка, муха, комар: «Появился комар большой такой, до 40 дней я всё ладан пускала. Он этот ладан услышал, а так и летал до 40 дней, такой большущий. И мы не убивали его, как вроде душа. Стали душу провожать, и его не стало. Такой большой, длинный, серый. Ходила, ладан пускала каждое утро, а он его не боится. После 40 дней исчез» (*Пож Юрл.*); «Замечали людные, когда поминашся, до сорока дён, муха большая летает над столом, над едой. Её не трогают, вот де душа-та летат» (*Юм Юрл.*); «муха на стол падает, её трогать нельзя – это душа. Тараканов, птичек, когда поминаются, тоже нельзя трогать». (*Зап. от Сабуровой А.А., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.*). «Когда у меня муж умер, тут же в доме муха появилась. Я только огонь на кухне зажигаю, она туда летит. А ведь осенью умер, мух-то уже не было. Сорок дней прошло – и муха не стала» (*Пожва Юсёв.*).

Обмывание умершего

«Умрёт человек, его перед святы положат. Женщину, дак на женску лавку, на поперечную, мужика – дак на мужскую, потом уж в гроб перекадывают» (*Пож Юрл.*). У икон вывешивают белое неподрубленное полотен-

це, которое затем висит сорок дней: «на проводах души его отдают тому, кто обмывал» (Юм Юрл.).

Один из начальных значимых этапов похоронного обряда – обмывание. «Обмывают покойника те, кто пожелает, кому умерший завещание даст. Только *гульна* если баба, ей грех умершего обмывать» (Булдыри Юрл.). «В жизни надо обмыть трех покойников; зарабатывать надо, чтобы и тебя обмывали» (Бадья Юрл.); «Надо трех покойников обмыть и три могилы выкопать на белом свете, пока человек живет: надо заработать, чтобы тебя обмыли. Кто обмывает, тот грехи замаливает» (Ефремова Юрл.). «Кто обмывал, *у́мыльщики*, потом, когда душу провожают, им дадут одёжу – и рубаху, и кустюм» (Липухина Юрл.). «Кто покойника обмоет, тому потом подавали курицу» (Ракшино Кудымк.). Обмывать обычно поручалось соседям, не родственникам («Говорят, мыть нельзя покойника из родни – на том свету не вступишься» – Сёйва Гайн.).

«Дают ему время, примерно два часа, чтобы он полежал. После этого начинают обмывать, хотя некоторые обмывают и сразу. Обмывают специальные люди и кто-нибудь должен присутствовать из родственников. Говорят, например, что мать хочет, чтобы ее обмывала дочь, а отец, чтобы сын. Мужчина к женскому полу не подходит. Мужчину моет мужчина, женщину – женщина. Раньше были специальные криночки – глиняные горшочки, из них покойника обмывали вехтем – тряпочкой. Моют не так как в бане, а просто обтирают тепленькой водичкой без мыла. Обмывают сверху к низу, т.е. с головы к ногам» (Пожва Юсёв.). «Мы обмывать стали, баушка уже застыла в это время, когда я ходила, она как дерево застыла. Ну чё, как обмывать будем? Ну помыли – посадили, два человека держат, третий моет тряпочкой, марлей чистенькой» (Бадья Юрл.).

«Покойных моешь, пока не *закоковел*, пока тело теплое, моешь сija. Перекрестишь его и сам перекрестишься, разговариваешь с покойником, когда моешь, так он лучше даётся, будто живой. Моешь только тряпочкой мокрой, не надо, чтоб вода стекала» (Ефремова Юрл.). «Моем, она уж отвердела, давай её потом уговаривать, чё мол, мягкой сделайся, затвердела, как обмывать-то будем тебя? Как раздевать? Давай! – И она как живая стала. Потом одили её, всё спокойно одили» (Монастырь Гайн.).

«Обычно моют сверху вниз, моют – как крестики ставят. Моют без мыла, с мылом моют только лицо» (Бадья Юрл.). Воду, которой обмывают покойника, обычно выливают в передний угол дома (Пестерёва Юрл.) или туда, «где собака не ходит». Мыло и тряпочку выносят в огород. «В яму, к черемухе бросим, летом, дак в речку, а тряпочку лучше сожечь» (Бадья Юрл.). «Из чего мыли умершего, разломают и выбросят в передний угол, горшок изломают об *заугол* передний. Потом, весной, за угол собирают и выносят осколки от этого горшка» (Липухина Юрл.). «Если мыли из стеклянного блюда, его надо разбить или бросить в палисадник, под угор. Можно просто вымыть его ключевой водой и бросить на крышу» (Ефремова Юрл.).

«Всё потом надо убрать: мыло, воду, тряпку, а то есть которые *дэкаются* над людьми, колдуют. Напоят с *покойнишной* воды – это человек умрёт, его обмоют, и кто-то воду возьмет. И гой водой поят, кого если вот не залюбят. Чахнет-чахнет человек и умрёт, никто уж тут не поможет» (*Усть-Зула Юрл.*). Мыло, которым обмывали умершего, старались сохранять. «Мыло дают, которым покойника моют, им руки моешь, чтобы холодные не были, не мерзли» (*Монастырь Гайн.*). Когда моют человека и обряжают, поётся особый стих «На белом свете человек как трава растет».

И омовение умершего, и его обряжение сопровождалось также наказами. Приговаривались особые стихи на обмывание от лица умершей – «Так спасибо, спасибо. Ох, ты обмыла меня, горюшницу, не побрезговала мое тело грешное. Ох, да спасибо еще великое, что ты одела меня, горюшницу». А теперь если остаются дети им наговаривают: «Не обижайте их, они маленьки остались, малёхоньки, сиротым-то они сиротёхоньки, они остались без родной мамоньки. Если отец умер да наказывашь: «Ты, родимая мамонька, не обижай моих малых деток, не давай их на обиду». «Если у него еще старушка-мать остается, скажут – «Оставил я свою родиму мамоньку. Милая же-нушка, не обижай ты свою свекровушку» (*Пож Юрл.*).

Обряжение умершего

«Человек одевается на всю жизнь, когда умер, надо, чтобы красиво было. В белое снаряжают, можно в тёмное, только шерстяное и красное не одевают. Раньше лапти надевали, себе еще заживо плели лапти, или бродни, они как калоши, из берёста» (*Ефремова Юрл.*). «Летом умершего одевают так же, как и зимой, только на голову зимой шапку, летом фуражку. А женщине, у мамы, к примеру, *плетни* были, дак ей *шаширку* оставят. Чаше сейчас на низ тоненькой белой платок одевают, а сверху-то еще надо цветной платок» (*Юм Юрл.*). Волосы обязательно расчесывают, женщинам заплетают («обязательно плетешками книзу» – *Таволожанка Юрл.*).

«Одевали в то, у кого что было припашено. Раньше сами себе шили саван, причем без петли и без единого узла. Мужикам на голову фуражку, женщинам – платок. Незамужней – косу с лентой» (*Пож Юрл.*). «Если не венчана, то в платье светло одевают женщину. Раньше на умершего надевали саван из холста: «два полотна сошьют, как мешком, в гроб постелют и покойника уложат. Прикроют бока-те саваном, и *покрышка* (покрывало) сверху холщовая» (*Юм Юрл.*). Своеобразная современная замена савану – надевание на умершего халата: «Обряжают как – одежду снадели, а потом еще халат сверху. Можно даже медицинский белый халат или серенький, только чтоб не красный» (*Ефремова Юрл.*). «Раньше шивали саваны белые, счас хоть в чём кладут, только в чистом, и не в красном, без яркого – цветы если есть на одеже, их на том свете выводить заставят» (*Пож Юрл.*). «Надо умершего положить в бледном» (*Кукольная Юрл.*).

В ряде мест умерший должен быть одет в свадебную одежду (ту, в которой женился). «Приготовишь едь всё, чем накрыть, что одеть: рубашку, ритузики, чулки, тапочки, закрыть чем, платочек. Тапочки можно вязаные, а сейчас большинство купят и всё. Платья-то все одевают венчальные. Я и мужа в венчальную рубашку положила. Если не венчались, то более светленькое платье наденут» (*Пож Юрл.*). «У меня был такой уваль, свадебное платье у меня сохранилось, я в ём и исповедалась. Сказала: «Умру – в него и положьте». (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.*). «Свадебное платье у меня сохранилось, я в ём исповедалась и сказала, в гроб меня в нём положить». (*Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., Поморцевой Т.Л., 1926 г.р., с. Пожва Юсьв.*).

На покойника раньше старались шить холщовое, старые люди до сих пор хранят холст «на умиранье». Иглу, которой шили покойнику, хранят и не используют: «которые новобранцу отдают, в армию парень пойдет, эту иглочку ему с собой. Нитки тоже расхोждать нельзя, их потом положат, так и должны лежать» (*Осинка Юрл.*). Когда шьют на покойника, «обратным шагом не шагают, только вперёд» (*Пож Юрл.*). «Если женщина честно жила, её могут и в вечном положить в гроб, а кривляла, дак нет» (*Чужья Юрл.*). «Матрасик и подушку из ваты делают, только не пуховые. Которые кладут в подушечку берёзовый лист от веника, да, говорят, не надо этого, лист, он шумит, а надо, чтобы там шума не было» (*Липухина Юрл.*). На днище гроба расстилают листья (реже ветки) веника, при этом нужно у веника предварительно отрубить и сжечь комель. Под голову делали подушечку, клали веник с обрубленными комлями.

С замужества копят свои волосы, их кладут в подушку (или под подушку), «потому что волосы долго не гниют». Говорят в этом случае, что «волосы за свой век надо накопить» (*Кукольная Юрл.*). Кладут в гроб также не только волосы-очёски, но и ногти, которые также собирают, когда стригут («под мышку ногти складешь, их надо, там ведь на гору лезти заставят» – *Лобанова Юрл.*). В ряде мест ногти у покойника не стригут, если они собраны, когда умер человек, их надо сжечь: «разбросаешь, дак на том свете собирать заставят» (*Таволожанка Юрл.*). «Волосы и ногти обстригают до похорон, если уже видят, что человек плохой. А у мертвого ногти не обстригают. Ногти не обстригали, а копили с собой. Потому что, мол, на том свете заставят лезть на гору, и этими когтями можно будет цепляться. Из волос делали подушку, набивали волосами наволочку» (*Пож Юрл.*).

На покойника надевали непременно самовязанные носки из льна, умершему шились особые тапки из кудели или из ваты, но не из шерсти (*Плёсо Гайн.*). «Обряжая» покойника, в ряде мест не надевали на него новое («иначе молодыми помирать в деревне будут» – *Плёсо Гайн.*). В новой одежде, впрочем, нельзя было ходить также и на поминки (однако в этом случае она обязательно должна быть чистая, вымытая – *Плёсо Гайн.*).

Обряженного покойника *огробляли*, укладывали в гроб. «Огробят в первой же день, в гроб положат человека» (*Пож Юрл.*). «Когда умершего ложат в гроб, надо святой водой внутри гроба и снаружи побрызгать, покадить» (*Пожва Юсьв.*). «На ноги раньше надевали лапти с онучами, сейчас тапочки. Резиновую обувь нельзя на покойника, туфли тоже нельзя, только тапочки *парошние*» (*Бадья Юрл.*). «Мама вот изо льна себе тапочки сплела, *тюпарошни*. Если носить лапти ивой заплетали, то на умирание из *нагольного* берёста делали» (*Таволожанка Юрл.*).

Умершему свечку в руки дают: «чтобы черти не подходили» (иное объяснение – «свечку надо, чтобы там светло было» – *Юм Юрл.*). «Платок носовой с собой обязательно, может, где запотеет – дак пот вытереть, или руки где замазает, лицо, надо ведь вытереть, ведь на всю жизнь человек идёт. Крестик покойного надо вымыть и с собой ему положить, без креста там никто не бывает. А того лучше – новый крестик дать с собой, а старый оставить, здесь носить» (*Ефремова Юрл.*).

Умершему, пока он в доме, кладут под подбородок («под чуху») или к ушам варёные яйца: «Покойник будет баской, хороший» (*Осинка Юрл.*). Воду (часто с марганцем или уксусом) ставят под гроб, чтоб не пахло (воду нужно чаще менять). В это ведро в ряде случаев опускают один конец проволоки, другой привязывали к руке покойника (иногда проволоку пропускали до земли – *Юм Юрл.*). «Покойнику надевали на палец медную проволоку и ставили под него банку с марганцем (*Зап. от Жениной Е.М., 1921 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*).

«В последний путь с цветами провожают, чтобы красиво ему было там жить, но в гробу цветы нельзя оставлять. Если газеты человек читал, надо газеты с собой положить» (*Келич Юрл.*), полотенце и мыло, которые использовали при обмывании умершего, клали в гроб (*Юм Юрл.*). «Партбилетом у меня муж сильно дорожил, дочь снаряжала его в гроб-от и партбилет с собой положила» (*Чуртан Гайн.*). «Если курящий, сигареты ложат ему. Платок носовой, свечку, дорожку. Очки носил если – положить вместе, рядом на подушку. Кто-то полотенце ложат. У кого как заведёно» (*Городище Юсьв.*). Как отголосок старого обряда, сохранившееся кое-где обыкновение класть (либо просто в гроб, либо на лицо умершего) небольшой кусочек бересты (*Липухина Юрл.*).

По-особому хоронили незамужних. «В Тимине у меня подружка была, у нее была тетка, она замужем не была. «Хороните меня как девуку. Вокруг меня ленту обвязывайте». Так девок хоронят, и фату еще одевают. А раньше просто косу заплетали, бант и платочек, как обычно» (*Пож Юрл.*). «В свадебном платье хоронят девушку, которая взамуж не ходила, не творила блуд, её и хоронят как невесту и фату накидают, будто она под венцом стоит» (*Ефремова Юрл.*). «Младенца хоронят с молитвой. Без имени хоронить нельзя, надо, чтобы имя было, даже, если сутки прожил – к Иисусу Христу душа-то как пойдет без имени. Некрещённые дети, они в саду на том свете не сидят,

их где-то только в лесах гулять выпускают, а крещёные дети у бога на руках, они, где цветут сады» (*Ефремова Юрл.*). Когда ребенка хоронили, ему в ручку правую давали крестик, а в гробик клали маленькую иконку, «чтоб на иконке женщина сидела» (*Кукольная Юрл.*). «Кто гульный был (гулящий), много мужиков или баб имел, обязательно вокруг 40 свечек ставили» (*Келич Юрл.*). «Папа когда у нас умер, мне во сне приснился таким образом. Говорит: «Зачем ты мне на лоб бумагу какую-то положила. Она мне на глаза спустилась, и я ничего не вижу». Может быть, когда в церкви отпевали, бумага скатилась на глаза» (*Майкор Юсвь.*).

Нарушение порядка обрядования могло повлечь «приходы» умершего. «Во сне вижу, сосед умер у меня. Снится и говорит: «Посмотрите, какая у меня жена, отправила меня, одела полусапожки и даже носков не дала». По обычаю, в гроб еще ложат носки. Носки одевают, носки ложат, а мы не одели носки. Не было тапочек, мы одели ему зимние полусапожки. Потом, когда сорок дней будет, просто подать кому-то» (*Пож Юрл.*). «Дед мне приснился и сказал: «Так руки мерзнут, так руки мерзнут». Вот я положила варежки, тут умер сосед, когда хоронили, тогда» (*Пожва Юсвь.*). При обрядовании умершего, как и при обмывании, исполняются стихи о душе «Два ангела, да два были господние».

В первый день покойник лежит без гроба в переднем углу, перед образами зажигается свеча, в доме всё время должны молиться. На второй день покойника кладут в гроб (гроб нередко ставили на середину комнаты, ногами к иконе, голова умершего должна была быть обращена на северо-запад). Когда гроб выносят, его разворачивают ногами в дверь. В ряде мест, впрочем, укладывали покойного головой к образам, ногами под порог» (*Пож Юрл.*).

«Всю ночь не спят, читают божественные книги, молятся. Душа в это время попадает к бесам. И бес всяко издевается над этим покойником, над его телом. Люди охраняют его от этого беса, ладаном кадят. Говорят, чёрт ладана боится. Свечи жгут, чтобы душе было светло. Бесы щипают покойника, издеваются, они готовы тело на куски порвать» (*Пожва Юсвь.*).

При прощании с умершим подавали от него подарки на память. «Я должна полотенца подать родне. Надо много полотенец подать. У меня все готово, когда я умру. Это подают, потому что это поминуют. Это память о тебе, это вечная память. Через гроб подают платки головные, полотенца, носовые платки тоже – в этот же день, когда хоронят» (*Пожва Юсвь.*).

Проводы

«По солнышку вокруг покойника пройдут, молитвы прочитают. Обязательно шерсть через гроб подают, овечью, в платок завяжут и подают. Тоже курицу, в белое запутают и подают, родственникам» (*Таволожанка Юрл.*). Подают через гроб родне живую курицу («загребат де курочка могилу-то» – *Липухина Юрл.*), считается, что эта курица будет особо *но́ская*. Прощаясь с

умершим, через гроб (в доме) подают нитки, деньги (*Сёйва Гайн.*). На умершем (обычно в ногах) ставилась тарелка для «гробовых» денег. «Тарелку на покойника положат, кто придёт копейки да чё ложат, кто что» (*Сёйва Гайн.*).

Одежду, которую покойник носил при жизни, родственники хранили и надевали в каких-либо затруднительных ситуациях (существует поверье, что эта одежда охраняет от суда). «Умирает покойник, постель не надо выбрасывать. Надо унести эту постелью у него и положить в курятник, чтоб трои сутки эта постель ночевала, чтоб петух-от пел, потом занести в избу». (*Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракшино Кудымк.*). Лавки, на которых стоял гроб, раньше нередко уносили на кладбище: «Там из них лавочки сделаешь или сжигали, сейчас так не делают» (*Пож Юрл.*). Рубашку с покойника надевали («сдевали») на подсудимого, если хотели, чтобы суд для него был справедливым. Также «от суда» подсудимый клал в свой карман мыло, которым обмывали покойника (*Сёйва Гайн.*). Одежду умершего человека нередко сжигали, если он перед смертью долго болел, или выносили из дома на чердак. «Зимой, дак одежду в реке ополоснут, выморозят и снова перестирают. Некоторые дак всё сжигают. Хорошую если одежду, ее раздают до сорока дней» (*Пожва Юсьв.*).

Перед выносом и во время выноса умершего пелся особый «запрощальный стих»: «Да прощается душенька со своим-то любезным батюш-ком...».

«Перед выносом гроб три раза крутили по солнышку, чтобы следы запутать покойника, чтобы возврата не было. На улице вначале несут венки, потом покрышку, только потом тело. Гроб выносили из избы вперед ногами» (*Майкор Юсьв.*)

В день похорон, нередко еще «при покойнике», устраивается поминальный обед для самых близких: «У нас при покойнике едят, только ему лицо закроют и поминают, до кладбища» (*Таволожанка Юрл.*). Каждый поминающий должен отведать «три ествы» (*Юм Юрл.*).

Гроб несут те, кто подойдет, можно и женщинам, и мужчинам, только нельзя нести детям умершего. Обычно крышку и гроб несут родственники. «Беременной нельзя провожать покойника, или кто первый год замужем – ребенок де бледной будет, блёклой» (*Черепанова Юрл.*). В доме и при выносе тела исполнялось большое количество причётов.

«Родные около покойного посидят, чтобы не бояться, глядят, как покойника снарядили. Чтобы не бояться, в лоб поцелуешь, простишься с ним, ноги еще пошевелишь, заденешь: «Прости, мол, меня», – а он слышит ведь, покойник-то. Подумаешь своей мыслью, а он слышит, будто мысли читает, – что, мол, я тебе не мешал, и ты меня не пугай, не желай» (*Ефремова Юрл.*). «Чтобы не бояться покойника, после того как гроб снесут, на табуретках или лавке, где стоял гроб, нужно посидеть, потом дверями *похрпать* три раза; маком. *коноплём* перед порогом посыпать» (*Липухина Юрл.*). «Отнесут по-

койника, надо на стульях, на лавках, где гроб стоял, посидеть. А раньше покойника все возили на саних. Нужно было посмотреть через сани и увидеть у лошади копыта, чтоб не бояться покойника. У покойника задевают ноги, чтоб он не привиделся» (*Пожва Юсвв.*).

«Выносить умершего надо стараться в двенадцать часов» (*Пожва Юсвв.*). Когда выносят гроб, стараются ничего им не задеть, «несут потихоньку, вежливо, чтобы не уронить, не состукать, чтобы все хорошо было» (*Ефремова Юрл.*). «Если кто гроб несет и споткнется, это ему к худому, беда худая примета» (*Таволожанка Юрл.*). «Гроб выносят из дому, три раза по солнышку поворачивают» (*Юм Юрл.*). «Когда человека хоронят в деревне, то надо вокруг всей деревни пронести гроб против часовой стрелки». (*Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., с. Пожва Юсвв.*).

Обычно за гробом кидали ветки пихты, хотя в ряде мест верят и в то, что «нельзя бросать прутья за гробом, на том свете их собирать заставят» (*Чужся Юрл.*). «Если хвою бросать, то за хвою надо молиться много. Мне бы не надо кидать хвою-ту» (*Майкор Юсвв.*). «Бросать лапки не надо – потом покойника заставят собирать» (*Пож Юрл.*). «Лапку рубят, я этого очень против. Вот лапки кидают, а я вот против этого. Ромашку вслед кидают. Ромашка – это такой цветок тоже наш человеческий недолговременный, как считается» (*Пожва Юсвв.*).

«Когда гроб из дому выносят, один человек обязательно остается дома. Человека в доме оставляют, потому что дьявола боятся. В ту пору, когда на кладбище уедут, в доме должны вымыть стены. Окна, пол, мосты вымыть, одежду выстирать» (*Пожва Юсвв.*).

Когда выносят умершего, прощаются с «покойным телом», причитают также обо всём, что окружало умершего – *бела горенка, тепла печка сугревная, дуга зеленые, леса тёмные, поля колхозные.*

Первая встреча

На первую встречу шили мешочек, в который клали полотенце, скатерть, кружку, чашку, ложку, какое-нибудь угощение (пряники, конфеты, пироги, печенье, *демянский ладан*). В последнее время чаще всего берут с собой только мешочек с угощениями (пряники, конфеты – *Юм Юрл.*). «На покойника что шьют, дак вот те ниточки, ту иголочку в котомочку кладут, и яички еще» (*Келич Юрл.*); «на первую встречу в белый платок завяжут пряники, печенье, просто хлебушко, как милостинку, нитки, чашку, ложку в котомочку положат. Кто первый попадёт, тому дарят» (*Осинка Юрл.*). Перед гробом, когда умершего несут на кладбище, обязательно несут «первую милостину» для первого встречного – обычно три оладьи (*Сёйва Гайн.*).

«Первая встреча у нас – хлебушко, на хлебушко ложат денежки, заворачиваешь в платочек. Раньше всё говорили, если встреча попадёт, значит, счастливый человек. Надо хлебушко укусить еще тут же. А там сами съедят или скотине отладут. А не попадёт встреча – до кладбища доходишь, тут же

разложат и поедят». (*Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.*). «Перву встречу у нас нитками обматывают, там денежки суют, в платочек. Кто первый попадётся, тому отдают. А нынче ехали, никто не попал. На кладбище женщине отдали. Нитки зачем – а путь-то надо ведь очищать покойнику-то» (*Пожва Юсв.*). «Перед покойником идет человек с милостыней. Ее в платочек завязывают: хлеб, конфеты (любое количество) – это первая милостыня по душе покойника. Милостыню дают первому попавшемуся. «Прими милостыньку». – «А помяни Господи» (*Пож Юрл.*).

Погребение

В день погребения примечали, какая погода. «Мелкий дождик в похороны – хорошо, а крупный – значит, покойный ругал погоду. Вот, тут мужика хоронили, дак такой был дождь: сияло, гремело, вода с метру, с полметра в логах. Все до нитки промокли. А в яму, могилу стали лезть, там сантиметров двадцать была вода-то. Это покойный, видно, грозу ругал. Вот ему и отомстила погода, не надо ругать погоду» (*Ефремова Юрл.*). Вообще вера в то, что «на свежую могилу всегда дождь или снег» (*Чуртан Гайн.*), фиксируется по всей исследованной территории.

«Когда в могилу палки ставят, вокруг гроба всё кадили. Вокруг и крестом. В баночку положили ладан и всё» (*Монастырь Гайн.*). Кидают красные (медные) денежки в могилу, перед тем как гроб опустить – землю окупают (*Пож Юрл.*). На кладбище, перед тем как опустить гроб, в могилу бросают деньги («выкупают могилу» – *Монастырь Гайн.*). «В могилу раньше на холстах спускали, сейчас на полотенцах да на веревках, кто как» (*Келич Юрл.*). «Гроб спустили, три раза надо в могилу бросить земельку. Уходить, дак все кругом обойдут могилу, попрощаются. Иконку на могиле оставляют до сорочин, рюмку ставят, если пил человек. Оградку на кладбище многие не делают. «Один матери сделал, тут ему мать-та приснилась: «Пошто ты меня от людей отделил, загородил в оградку; мне-ка с людьми охота» (*Тимина Юрл.*). «У меня сосед, говорит – умру, мне крест деревянный делайте, не железный. Потому что тонет железо, там через огненну воду надо переплывать. А дерево не тонет, я на дереве перешпыву» (*Чуртан Гайн.*). «На крестах полотенце оставляют, завязывают, да и всё. Сруб на могиле сверху делают, просто плахи, рамки сколачивают. Раньше из кругляка делали, в два венца» (*Монастырь Гайн.*). «Полати редко кому делают. Кому не делают – земля устойчивая на кладбище, кому делают – если земля проваливается» (*Пож Юрл.*; этот настил из досок над гробом в Юрле называют также *потолком*).

Старались высаживать на могиле мелкие белые цветы, землянику. В ноги умершему нередко сажали мелкие кусты калины, а также берёзку или ёлочку. «На могилу можно садить многолетние цветочки, ягодки сажают. У меня самосадка дерево выросла, я её убрала, чтобы корнями не оплетала». (*Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., с. Пожва Юсв.*).

«Кто копал могилу, тех кормили, они прямо на могиле ели» (*Сёйва Гайн.*). Рассчитываясь за работу, им отдавали полотенца, на которых гроб опускался в могилу. «Раньше на стягах несли, три стяга, шесть человек. Эти стяги потом сжигают или бросают в могилу. Могилу перед гробом кадят. Делает это кто-то из копальщиков, когда гроб уже находится над могилой. Копальщик пролазит через щель и кадит, прошаающиеся кидают горсть земли. Вначале бросают три медные денежки в землю. Выкупают землю. Бросает один хозяин» (*Пож Юрл.*). Когда умерший предан земле, исполняется стих «Солнце праведное на закат пошло», в котором говорится о вынимании души ангелами и «дивами проклятыми».

В день похорон и особенно при провожании умершего предпринимались самые разнообразные действия, чтобы покойник «не ходил». Для этого нужно было покадить в доме и в голбце, под полом (*Шестина Юрл.*), поглядеть в печь: «Покойника провожают, в печь глядят. Как вынесут из избы, тогда скорей в печку глядят, чтобы не бояться» (*Юм Юрл.*); «Когда выносят покойника, во дворе надо заглядывать. Когда его вынесут, нужно прятаться везде, заглядывать в углы, а потом надо во дворе всё покадить» (*Литухина Юрл.*). «Я смотрела в печку, когда пришли сюда. Мне сказали, раз ты тут жить будешь, то обязательно открой заслонку и посмотри в печку, чтобы зад увидеть у печки» (*Пожва Юсьв.*). «Когда у нас в доме покойник, мы в печку смотрели. Я ничего не боялась, хотя была несовершеннолетняя и отца не было, мачеха померла. Только в печке темно, темно, темно. Почему темно-то? Кирпич-то он не весь жёлтый. Это он сверху темный, жёлый, а половина-то нет. Черно, темно и больше нет». (*Зап. от Давыдова Т.А., 1926 г.р., с. Пожва Юсьв.*). «В печку глядят, чтобы не бояться, когда покойника уводят. Ой, говорят, печка-то пала, провалились кирпичи. Говорят, чтобы она поглядела в печку и больше не боялась увидеть его. Человек ведь умрет, его и жалеют и бояться, и всяко бывает». (*Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., Поморцевой Т.Л. 1926, п. Пожва Юсьв.*). «В печку надо глядеть, чтоб печаль меньше была после покойника» (*Базуева Гайн.*). «В печку глядят, когда покойника проводят, чтобы не бояться. Ещё говорят: «Ой, печка-то пала, погляди-ка, погляди, провались кирпичи» (*Городище Юсьв.*). В ряде мест сохраняется обычай мыться в бане после похорон и после посещения кладбища.

«Умерший кажется как живой, приходит, а потом раз, и нету его, только как парок от его останется» (*Пож Юрл.*). После похорон, если *блазнит*, предпринимались разнообразные действия. «Если тебя умерший пугает, кладут взголове татарин-траву – колючая она, хвататься за нее нельзя, а цветочик сверху делается алой, как колокольчик» (*Чужсья Юрл.*). «Приходящего» покойника нужно ругать, нужно передвигать стол (*Шестина Юрл.*), «можно ладану напускать в избу» (*Пож Юрл.*). «От приходящего покойника нужно со всей силой стукнуть по тому месту, где он привиделся. Колды-то говорили, у Семеновны Ванька помер, муж. Тожно в голбце да по углам из ружья стреляли. Молодой умер, она молодехонька осталась, двое детей. Она шибко

ревела, и он ей мниться стал. Жалеешь, дак оно, конечно, скажется потом» (*Пож Юрл.*). «Если ходит покойник, надо маком посыпать вокруг дома или подсолнечными семечками» (*Пож Юрл.*). «Это дьявол ходит, бес. Сестра у меня умерла 22 октября. Ну, я легла спать, сугорбилася, в чёрном, так вот перекрестилась и повернулась подушку сюда, легла. А она стоит в двери, ситят прямо, сестра-то. Я за ней ходила: баню топила да что, ну это всё. Перекрестилась: «Иди, куда тебе надо. Ты меня не тронь». Потом мак принесла, вокруг дома надо мак. Его против солнца надо сыпать, утром или вечером, чтобы никто тебя не видел, и всё вперед. Еще только вот крёстную молитву читай». (*Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.*).

Рассказы о «ходящих» покойниках разнообразны и фиксируются на всех обследованных территориях. «Когда видится покойник, лутохи ставят. Это липа лупленная ставится по углам, снаружи. Надо и какую-нибудь молитву, окна крестом оградят. Чё-то с маком делают, когда кажется, когда слышится, посыпают по окнам. Дьявол, видно, боится мака-то» (*Городище Юсьв.*). «Над окошками надо кресты поставить. Вот в лесу липа растет, раньше лапти плели из неё. Она святая, говорят, липа. Кристики сделать – связать палочки надо и над окошком поставить. И я это сделала бабушке, чтоб не казалось, пришла на другой день – нету. Говорю: «Ты куды убрала»? – «Он домой приехал, заставил меня убрать». – «Откуда он к тебе приехал, когда умер? Ты сама говоришь, что он ходит к тебе. А по чё его пускаешь»? – «Хозяин-то у меня домой приезжат в 12 часов». А это ведь черти в аккурат выходят. У него машина-то большая, он за забор заезжат: «Ты не бойся». (*Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«Женщина жила, муж был взят в войну и вот стал к ней ходить. Она работала конюхом. Придет на конный двор, стоит у столба, столб обнимает и целует. Кто поверит этому бесу, того этот бес и уничтожает. Она умерла потом». (*Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*).

Поминки

Первые поминки устраивались на третий день, в день похорон (*третинь*). Затем поминают на девятый день (*девятины*), на сороковой (*соротины*, или *сорочины*). «Третий день – хоть три человека надо покормить, в девятины девять, а в сорочины сорок. Услышишь, где сорочины, иди без всякого зву и пешком, хоть за сорок километров» (*Пож Юрл.*). Кое-где отмечают и *полусорочины*, при этом обычно поминают умершего только в кругу семьи, без приглашения знакомых. Через год отмечают *первые години* (на эти поминки должны обязательно приехать все, кто не смог приехать на похороны), через два года вторые години, через три – третьи (*Юм Юрл.*). Особое время предназначено для поминания самоубийц. Удавленных поминают только в первую субботу осени (*Юм Юрл.*), в Дмитриевскую субботу поминают утопленников (*Липухина Юрл.*). Считается, что первые три года после смерти всей родне обязательно нужно собираться на поминки. «Любые по-

минки — уж обязательно старушки помолются, поедят, а потом святые песенки попоют» (*Усть-Зула Юрл.*). «Если покойник кажется, это он поминать велит. Попросит что-нибудь — надо испечь и на поминках угощать. Не помянешь душу-то, дак она во сне привидится. Надо поминать. Он ведь всё с нами, мы только не видим глазами» (*Мироново Юрл.*).

Главное поминальное блюдо — кутья (обычно из риса с изюмом или сушеной малиной), ей и заканчивают поминать. Помимо кутьи обязательно готовили *яичинку* (яичницу), или *селянку*, нередко просто раздавали по яйцу (по поверью, одно яичко заменяло сорок милостыней). Готовят на поминки рыбные пироги, рыбу («только щукой покойника не поминают, у ей крест в голове, и скумбрией, у ей не чешуя, а змеиная кожа»). «Щукой не поминаются, у щуки крест де на голове есть» (*Пожва Юсьв.*). «Нельзя поминать налимом и щукой, они безбожные считаются» (*Лобанова Юрл.*) Впрочем, в ряде мест действуют другие рекомендации. «Родителей поминают рыбным пирогом. С щукой стряпать можно, а с налимом нет. У щуки и чешуя, и крест (крестовина) есть. А налимом всякую подлость вкушает» (*Елога Юрл.*).

Обязательны на поминках кисель и брага. «Брага кружка стоит, дак вот эту кружку подают всем, кто за столом богу молится» (*Келич Юрл.*). «Говорят, на поминки пирог из любой рыбы, как Бог случит. Но нельзя пирог из налима и щуки, потому что налимом всякую гадость ест, а у щуки в голове крест есть. Обязательно варят кашу из любой крупы. Делают кутью (рис с изюмом и медом). Раньше готовили горошницу, грибовницу (*чилички* — мелкие грибы), из калеги — варёнки, парёнки, кисель из картофельного крахмала, черемуховые пироги, гороховые пироги, шаньги (заспённые, картофельные). На поминки салаты делать не надо, салаты — они на праздники. Нужно, чтобы больше горячих блюд было. У нас поминают в четверг и в субботу» (*Елога Юрл.*).

Женщины поминают пивом, вином поминают лишь тех, кто при жизни пил вино (*Елизавета-Пожва Юсьв.*). «Надо хлебушком с солью помянуть. Поминки будешь делать, три-четыре старушки созови и хватит. Когда что настряпашь, что сваришь, когда-то с картошкой, мясом. В говинье не будет мяса, капустны пъяльмени, мясные пъяльмени настряпашь». (*Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.*). «А питьё — кто пиво взирает, кто бражку, кто водку пьёт. А кто пьющий — больше пивом поминают. И на могилку пива леннут в голову. Душа, она уж невидима. Если что постно, покушает. Невидимая. Поставят для неё на стол и всё. Стол, это могут тут и вода и свечка, освятить. Для неё отдельно стол накрывают, больше под образами. Кисель или кашу ставят на стол, постряпают чё, горяченького принесут. Покушала и всё, назначено ей время, сколько побыть. Которы вон вечером справляют поминки, всяко. Нынче всяко, раньше придерживались, до двенадцати старались справить» (*Елога Юрл.*).

«Поминать надо обязательно за куском, за хлебом. Возьмёшь кусочек, и скажи — вечная память такому-то рабу божьему» (*Пожва Юсьв.*). «Надо

чтоб на поминках шаньги были наложены по всему столу» (*Пожва Юсв.*). «Старым, кто не пришел поминать, не смог, тоже отправляют со стола, подают. И квасу отправят, чтоб помянули» (*Базуева Гайн.*). «Поминать надо пельменями. Хорошие поминки – дак мясными, а так хоть и капустными. Первую ложку всегда мед съедают» (*Пожва Юсв.*).

В поминальные дни принято на могилы приносить по пирогу каждому покойному. Кроме рыбных пирогов, на поминки делали *заспелные* шаньги (с крупой, чаще из пшеничной сечки), *налевники* (наливные булочки или шаньги с начинкой картофельного пюре – *Юм Юрл.*). «Сначала за киселём помянут, потом яичком» (*Келич Юрл.*). «Сусло и брагу на поминках ставят на стол и кадят, читают «Достойную молитву», потом пьют обязательно *кажёное*. Пирог если режут, то только на кухне, а так все ломают» (*Городище Юсв.*).

Своеобразно представлены в местной традиции особые поминальные молитвы, выстроенные во многом по аналогии с заговорами. По местному выражению, в поминки с умершего снимается особая железная *сковка*, и эта тема отдельно обозначена в молитвах на третий, девятый, сороковой день а также на години:

Молитва за умершего в день похорон:

Сидели три ангела, играли крылами,

Говорили: «Господь, с нами».

Играли не мы, а божьи рабы.

Одни отпели, другие терпели,

А третьи пришли не играть, а с раба божьего (имя) смертну сковку снять.

Ангелы, спасите и помогите, кто раба отпевал, тот на себя сковку забрал.

Ключ, замок, язык. Аминь, аминь, аминь.

Молитва на девятый день:

Тринадцать сестер Ирода, приводите сковку рабы божьей (имя), помяните. Аминь.

Молитва на сороковой день:

Идет Иисус Христос, сорок святых встречаются, встрече удивляются: «Господи, куда ты идёшь? Господи, кому ты несёшь?» – «Иду я к рабе (имя) помогать, несу крест, смертну сковку снять. Поминаю я, чтобы с рабы сковка сходила, чтоб смертна кольчугина её отпустила. Слово на сорок ключей закрываю, сорока молитвами поминаю. Ключ, замок, язык. Аминь».

Молитва на год:

Матушка Пресвятая Богородица, идёшь ты не по земле и не по воде, не по этой стороне. Идет светла ангел при тебе к божьей рабе (имя). Год ты её поминаешь, в молитве благословляешь, железную сковку снимаешь. Помогли, господи, рабе, Господи, помоги, сковку сними с этого часа, с этого наказа.

Один день. Аминь. Девять дней. Аминь. Сорок дней. Аминь. Полгода, год все с ней заберет. Аминь.

(Юм Юрл.).

Поминки сорокового дня

До сорока дней на кладбище не ходят, считают, что душа еще находится дома, а на кладбище увезено только тело. «До сорока дней в избе курить нельзя, телевизор и радио гонять не надо. Если в доме есть молодые – нельзя им вместе спать, греха грешить» (Елога Юрл.).

Поминки сорокового дня отличает развернутая обрядность. «Сорок дней, дак сорок человек напоить-накормить надо. Поминают квашеным суслом, горохом, ячменным киселем, черемуховым киселем, грибовы пироги тоже носят. В сорочины надо милостину подать сорока человекам. Сон, который приснится на сорочины, сбудется, если умерший приснится. Раньше если сорочины, так зовут на поминки, испекут такие маленькие каравайчики, челпашики, сорок каравашков, и все их нужно подать, чтобы пришли на сорочины». (Зап. от Гашиковой Д.С., 1920 г.р., д. Келич Юрл.). «Сорокоуст делают – сорок милостинь подают по покойнику. В печку сорок-ту не уйдет, два раза пекёшь» (Пож Юрл.).

Проводы души

Главный ритуал сорочин называется проводы души. Этот обряд, во многом театрализованный, основывается на обрядовой практике зазывания души умершего в гости на сороковой день после смерти. Главный его персонаж – лицо, изображающее умершего.

«Кисель и кашу настряпают, поставят на стол, могут зажечь лампадку или свечку, под образами делают. Нет, кушать-то душа ничё не будет, паром питается. Раньше утром старались сделать поминки, придерживались. Котомочку собирают, еду кладут. Свечку зажгли и пошли на угол, вышли, всё положили к переднему углу. Там кто – собаки может ели, я не знаю». (Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсёв.).

«Женщине платье, мужчине рубашку сразу вешают после похорон. На сорок дней потом отдадут кому-нибудь. Повешают куда-нибудь, на стенке висит. Потом в сорок дней отдадут. Можно под иконами, можно на стенку. На сорок дней ставят чё-нибудь горяченькое. Потом скоту отдадут» (Юм Юрл.). «До сорока дён висит одежда, выходишь душу провожать, она пошевелится. Она висит, где иконка. Мужчина – на мужской стороне, если женщина – на женской. Вешают куда-нибудь на стенку женщине – платье, а мужчине – рубашку» (Пожва Юсёв.). «Одежду – брюки повесишь, рубашку, полотенце, головной убор». (Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.). Уходящая душа может подать знак и другим образом – в виде прилетевшей к дому птицы, большой мухи. «Муха летат на поминках, дак это душа де летат. Двери откроют в сороковины, и муха вылетит» (Пож Юрл.).

«Проводы души — на столе скатерть неподрубленная, полотенце на стене. А на полочке полотенце для Боженьки — он тоже вытирается, оно вышито, для красоты. Человек умрёт — ему такое простое полотенце на гвоздик повешают, а сорок дён пройдет, ему в котомочку кинут это полотенце, когда душу провожают, и скатёрку тоже» (*Ефремова Юрл.*). На сороковой день, когда поминают покойника за столом, завешивали зеркало — «чтобы душа в зеркало не глядела, а на стол глядела» (*Пестерёва Юрл.*).

Человек, обмывавший умершего, обычно представляет уходящую душу. «Если взрослый умер, с котомочкой идёт взрослый, а если ребенок — то ребенка посылают. Его и зовут, как покойника звали. Вот у нас Петя умер, так кого отправляли, тоже Петей называли, а он и не Петя вовсе. Он прощается со всеми, которые ему в ноги падают, кто руку просто даст, кто поцелует» (*Пож Юрл.*).

«Провожают — пропевы пропоют, накормят всех. Потом собирают котомку умершему, на всю жизнь душа-то должна уйти, и вот ей на всю жизнь собирают котомку, чтоб она там сыта была, одета. Раньше шили мешочек беленький, шили иголкой вперед, обязательно на долгую, на живую нитку шили. Ложат туда ей тапочки запасные, одежду, чтоб неношеное было, платочек положат, пирожок, ложечку, кружечку, чашечку маленькую, хлебушка краюшечку» (*Ефремова Юрл.*). «В котомочку кладут полотенце, брюки, носки, майку, фуражку, мужчине дак, челпан, свечку, бутылку вина. Свечку надо, хлеб или пирог кладут рыбный» (*Лобанова Юрл.*). «В белый мешочек кладут чашку, ложку, кружку, яйцо, пирог рыбный, хлеба челпан, одежду тоже — платье, рубаху, носки, чулки, платок, кофту. На улице кто «душа» — в каждый угол подходит, крестится. Все помолятся, простятся с им — как вроде его провожашь, кого-нибудь уж попросят, если мужика хоронили, то мужика, он и идёт с котомочкой, выйдут на улицу с молитвами, со свечкой, к переднему углу, крестят угол-от. Потом он уйдёт, все в дом, за стол» (*Пож Юрл.*).

«Кто обмывал, тот средь полу богу помолится, а все прощаются, его целуют, плачут, стихи поют, будто это душа идёт. А с котомочкой кто, прощается с домом: «Прости, моя горенка, прости, *любая* моя. Ты меня грела, спасала, сохраняла, пожила я, покрасовалася». И в тот угол, и в этот, и в третий поклонится. Выходит на улицу, в передний угол там встаёт, ему кланяются. И он уходит, домой к себе, потом, конечно, возвращается, поминать-то. Если далеко живет, пройдет огородами и заходит назад в избу. А котомочку себе домой приносит, пирог разламывает и всех дома накормит» (*Ефремова Юрл.*). «Тот, кто с котомочкой, уйдёт, как на кладбище идёт, по дороге маленько, а другие его выпроводят. К ему всех приглашают, чтобы прощались: «Прощай, моя душенька, с родимой бабушкой, с родимым папёнкой!» Все ему молятся и собирают в котомку, а он стоит. Оне подходят и его целуют, потом ему дают котомочку». Поют душе: «Прости-ка, прощай, да милый ладушко, не видаться будет нам веки с-по веки» (*Дубровка Юрл.*).

«Душа за угол за передний выйдет на улицу, простится. И там прибирают: «Прости-ка, прощай, Петюшка родимый». Он уходит и обратно воротится с котомочкой. Чё надо, возьмёт себе. А если бутылку в котомочку кладут, он говорит: «Ну, давайте по рюмочке выпьем, а я еще ведь вернусь, две ночи ночую и уйду». Считается, что после проводов душа две ночи ночует, потом уходит. Душа на сорок второй день уйдёт». (Зап. от Сабуровой А.А., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.).

Несколько иной сценарий разыгрывается в ряде деревень Юмского куста Юрлинского района. Провожающие после пения стихов и небольшой трапезы (все происходит рано утром) со свечой выходят на улицу, к переднему углу. «Тот, кто с котомочкой, пошел, все четыре угла перекрестит, поклонится во все четыре угла. Все прощаются с душой, целуют ее, крестятся, падают в ноги. «Выходят на улицу, со свечами, с иконой, душу на улицу проводят со свечами. Проводим, потом за столом сидим, пьём по рюмочке, кто богатый, тот больше. Двое берут котомочку на плечо и уходят» (Юм Юрл.). Уходят обычно тот, кто обмывал, *умывщик*, и любой по его желанию. Они идут по дороге, по которой увозили покойника, дойдя до ворот изгороди деревни, возвращаются (мешочек уже под мышкой, у того, который не обмывал; он получает её навсегда).

«Провожают на сорок втором дне. Соберутся немного, утром идёшь, свечки зажгём, чё ешь, выходим на улицу, по той же улице, куда увозили покойника. Читальница идёт, она читает. За ей идёшь, кто бражку несёт, кто шанежки. Шанежку положишь, бражку льёт. Собачка съест, или сороки, вороны». (Зап. от Зюзинцевой А.А., 1923 г.р., д. Ракишино Кудымк.). «Проводят душу со свечами. Три раза надо пасть в землю. Котомки делают, дают котомку, он уходит совсем с котомой. Туда рыбный пирог кладут, бутылку, кружку, вилку, ложку. Дадут: «Иди с богом». Если мужик умер, мужика отправляют. Он идёт, все на улицу выйдут, все прощаются, и он идёт на кладбище, а домой всё унесёт, поест, напьётся. Если женщина умирает – женщину провожают. Мне вот платье ново положили в котомку. В общем, всё кладут, чтобы голодом не ушёл». (Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымк.).

Котомку собирают на сороковинах и в Гайнском районе (д. Монастырь). Несколько иной ритуал отмечен в Кудымкарском районе: «Провожают душу все из дома выходили. Провожают до ворот, берём только кушать горяченькое, пить. Там поели и всё» (Полва Кудымк.). «Душу провожают – бросают через крышу крупу, когда помянут. Если летом, на кладбище идут, там помянут. Квасом, стряпню принесут. Пирог черемуховы, грибами. Грибы-ягоды, они Божьи, их бог дает». (Зап. от Базуевой Т.И., 1931 г.р., д. Базуева Гайн.).

Также специфичны некоторые формы обряда в Юсьвинском районе. «Надо душу проводить на сороковой день. Я беру иконку, благословясь выхожу. Когда мама умерла, птички летали, много птичек. Я выношу что-

нибудь, кто встретится, я должна подать. Если никого нет, птички съедят или собачка. Собачка тоже наша первая встреча на том свете. И кошка первая на том свете. Икону берёшь, свечку зажигаешь и идёшь» (*Пожва Юсьв.*). Следует заметить, что юсьвинская традиция проводов души несколько отличается от традиции остальных территорий края, обряд здесь менее развёрнут. «Вот в Юрле душу провожают. А у нас сделают поминки да и всё. Котомочку собирают. Кладут еду. Когда у меня Коля умер, и вот мы свечку зашли и пошли на угол, вышли, всё положили в переднем углу и ушли» (*Пожва Юсьв.*).

«Душа к Господу Богу уйдёт. До сорока дён, говорят, она в избе бывает. А в сорок дён поминки сделаешь, пообедаешь, и она уйдет. Помянешь, так она тебе во сне привидится». (*Зап. от Истоминной Н.П., 1925 г.р., п. Пожва Юсьв.*). «До сорока дней душа дома живёт, а потом уже всё, уходит на небеса. Что уж заработал. Грехи набрал много, то в смоле кипятят, то где-нибудь». (*Зап. от Лихачевой С.А., д. Монастырь Гайн.*).

Проводы души сопровождаются большим количеством причитаний и исполнением духовных стихов, в причитаниях нередко комментируются те или иные действия участников обряда. Частый сюжет причета на проводы души – сборы в дорогу со сборами котомочки.

Ниже приведено полное описание обрядов «Проводы души», зафиксированных в июле 2006 г. в д. Сергеева и с. Усть-Зула Юрлинского района.

Обряд начинается около одиннадцати часов. Нельзя приходить на поминки в одежде с короткими рукавами и голыми ногами («Ноги де голые, так не молятся, и руки голые нельзя»). Когда заходят в дом, стол уже накрыт, в красном углу стоят иконы, приготовлены вещи для «котомки» (сумки с подаванием для исполняющего роль души). У окна висит полотенце, зеркало и телевизор завешаны полотенцами (белыми, с розовым рисунком). В хлеб, стоящий в красном углу, ведущая обряд (Иванова В.М.) втыкает две свечи и зажигает их. Гости подходят к иконе, крестятся, достают из сумок принесённую собой еду, сначала крестятся сами, затем крестят хлеб, часть от него отламывают и съедают, другую кладут на стол. На столе нет вилок и ножей – ими пользоваться нельзя.

Служба начинается с молитвы. После слов «Во имя Отца, и Сына и Святого духа. Аминь» все встают на колени и крестятся, ударяясь головой об пол. Затем встают, читают молитву, завершив первую часть, двенадцать раз повторяют: «Господи, помилуй». Затем молитва продолжается. Во время молитвы выходит женщина (хозяйка дома) и кадит, держа глиняную кадиленку в правой руке (примечательно, что при этом указательный и средний палец левой руки обязательно кладутся на внутреннюю сторону локтя (сгиб предплечья и лучевой кости) или на запястье¹. Кадит по три раза по часовой стрелке, сначала в красном углу, затем над столом, затем под столом, над

¹ Подобный жест явно с обереговым значением отмечен и в других ситуациях – например, при встрече с колдуном (Пож Юрл.).

кроватью, над западней (входом в голбец). Иногда молитву читают все вместе, иногда по очереди. Молитва заканчивается многократными повторением: «Господи, помилуй», затем перечисляют всех умерших – в первую очередь упоминают того, по кому сегодня поминки. Затем говорят «дай, Господи, добра, здоровья...» и перечисляют сначала имена хозяев дома, затем имена читающих молитву, затем имена всех присутствующих в доме. Заканчивают молитву словами «Аминь, спасибо всем» (чтение молитвы, со всеми повторами, длится около часа). В Сорочины поют «Покой, Господи, душу усопшей рабы твоей». Читают молитву «Помяни, Господи, душу усопшей рабы твоей, избавь, Господи, ее от муки вечные, огня-геенны, от морозу шипучего. Прости, Господи, ей все согрешения, и введи её в царство вечное. Царство ей небесное, спокойное место и пресветлый рай».

Читают также «Достойную» («Достойно есть, яко во истину блажити Богородицу, Препблагословенную и пренепорочную мать Бога нашего...»), поют «Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». В конце молитв обязательно сорок раз распеваются слова «Господи, помилуй...». После слов «Помяни, Господи, новопреставленную рабу твою Анну» обязательно перечисляются все умершие родные – «Помяни, Господи, на воде утопающих, в лесу заблудяющих, на войне погибающих, на огне сгорающих, дядек и тётек, дедушек, бабушек, знающих и незнающих, родню забывающих, дай им Господи царство небесное, спокойное место, пресветлый рай». Пропевается «Вечная память, вечная память...», «Богородица лева радуйся, благодатная Мария, Господь с тобой». Читают «Огради нас Господи силою животворящего креста твоего», далее читается во здравие – «Дай, Господи, доброго здоровья Александру, дай, Господи, доброго здоровья Наталье, дай, Господи, доброго здоровья Алексею» (перечисляются все родственники). Завершают молитву слова «Дай, Господи, им всем доброго здоровья, ум да память, дай, Господи, доброго здоровья стоящим и молящим, и подпевающим (перечисляются пришедшие на поминки соседи).

После молитвы всем присутствующим подают милостыню (хлеб, печенье, конфеты). Хозяйка крестит хлеб, а принимающий милостыню говорит: «Господи, помилуй (имя умершего)» и принимает хлеб. Затем садятся за стол, в первую очередь хозяева дома, затем гости. На столе: хлеб, рыбный пирог, шаньги, овощные салаты, кисель, компот. Всех угощают пивом, брагой, квасом, суслом, в том числе спиртным. Пирог ломают руками, на столе он стоит неразрезанный. Пьют из одной рюмки, передавая по часовой стрелке. Сидят за столом около часа. Роль женщины, которую провожают, играет та, что обмывала покойницу. «Душа», которую провожают, берёт деньги, на них кладет полотенце, на полотенце хлеб. Затем все выходят из-за стола. Крёстные родители должны выйти из-за стола с той же стороны, что и зашли.

После еды читают молитву, затем женщина, которую провожают и хозяйка троекратно целуются в щеки. Затем поют стихи. Хозяйка во время пе-

ния идет подавать милостыню. Она подходит к иконе, три раза крестится, подходит к человеку, ближнему к красному углу, тот крестится и принимает хлеб. Так милостыню подают каждому от красного угла до выхода из дома.

Молитвы перемежаются со стихами. Стихи поют в течение часа, между стихами делаются небольшие перерывы, в это время поющим приносят квас, после третьего стиха – спиртное. Затем собирают котомку. Семья в это время сидит за столом, хозяйка собирает котомку: одновременно со словами стиха складывает те вещи, которые упоминаются в стихе. В котомку кладется «святая милостыня» (хозяйка кладёт хлеб), «кружка, чашка, ложечка, ... нитка с иголочкой, ... ладан, ... свечка, свое моление...» (хозяйка молится), «... свое благословенье». Помимо этого в котомку кладут полотенце, которое сорок дней висело у окошка. Котомку перевязывают веревкой и подают женщине в роли покойницы, она ставит котомку рядом с собой.

За столом сидят родственники, пока они едят, присутствующие поют стих о том, что пора прощаться. По три раза крестятся: три креста простые, три земные, три поясные. Затем по очереди (сначала родные, затем все остальные) прощаются с женщиной – «душой», три раза крестятся иконе, три раза целуются, некоторые падают ей в ноги («В ноги падают тому человеку, вот так на эти места-те лбом падают. В котомочку кладёшь одежду, платте, рубашку, трусы, носки, варежки, платок, нитки, свечку, ладан положишь и пирог там, стряпню положишь»). В первую очередь идут родители, потом жена, дети, сёстры, братья, снохи, братанники, тетки, дядьки. Из хлеба достают свечку, выбирают, кто её понесет (выбор, очевидно, зависит от опыта поминающих).

Женщина-«душа» крестится в каждом углу (обходя их по часовой стрелке, начиная с красного), молящиеся поют стих о «прощании со светлой горенкой». Затем выходят на улицу, по часовой стрелке обходят дом и останавливаются у переднего угла, там снова поют прощальные стихи, угощаются пивом (первой подают женщине, которую провожают, затем всем остальным). В дом через тот ход, из которого вышли, больше не заходят. Женщина-«душа» уходит домой, остальные возвращаются в дом, молятся и садятся за стол. На столе теперь больше сладостей и фруктов. Около получаса сидят за столом, затем опять поют стихи. Ближе к четырем часам идут на кладбище к могиле умершей. Приходят, выкладывают сверху на могилу принесенную с собой еду. В стороне от могилы разжигают кадильницу, в которую кладут ладан и «берестышко». Кадят над могилой три раза по часовой стрелке, держат кадило двумя руками. На кладбище используется не собственно кадило, а железная баночка, которую оставляют на кладбище. Угощаясь, пирог также ломают руками (вырывают кусочки, начиная с середины пирога). Свечи, что жгли на поминках, оставляют храниться на полгода. За время поминок до лица руками не дотрагиваются, обтирают лицо концами платка, повязанного на голове.

«Песенки поют святые: «Ты прости-ка, прощай, родима маменька. Не хотела я с тобою расстаться. Не хотела разлучиться, но пришли к нам с тобой расстаньюшки, что расстаньюшки нам тяжелые. Не видаться будет... не увидите мою походочку, не услышите моё словечко». Припевают – «Ты прости-ка, прощай, моя горенка...»; «Ты прости-ка, прощай, печка тёплая, печка сугревная. Много я на тебе сиживал, много лёживал. Теперь не сидеть, не лежать мне на тебе»; «Вы простите-ка, прощайте, мосты калиновы. Много я по вам хаживал, много сиживал. Мне теперь больше не ходить будет, не сиживать. Ты прости-ка, прощай, моя лесенка мелкоступенчатая. Много я по тебе хаживал, много сиживал. Мне теперь больше не ходить будет, не сиживать»; «Вы простите-ка, прощайте, леса темные. Много я, леса, по вам хаживал, грибы-ягоды бирывал. Не ходить мне больше по вам, грибы-ягоды не бирывать»; «Вы простите-ка, прощайте, луга – много я на вас кашивал, много гуливал. Не ходить мне больше по вам, не гуливать. Вы простите-ка, прощайте, реки, реки быстрые, реки чистые, хоботистые. Много я по вам сплавлялся. Больше не сплавляться мне по вам». Это говорили плакальщицы в один голос» (*Сергеева Юрл.*; проводила «службу» Иванова В.М., 1941 г.р.).

Момент «проводов души» предвещает часовое моление. Моление происходит через поминальный стол, на котором обычно семь-восемь основных блюд. Среди традиционных поминальных блюд: кутья, кисель, шаньги, уха, разборный пирог, сусло, квас, пиво, рыбный пирог (для изготовления не используются налим и щука), ягоды и т.д.

На поминальный стол кладется салфетка или полотенце, на которое ставится каравай, сверху каравай также накрывается салфеткой. Молитвослов кладется на накрытый каравай. Зажигаются свечи, которые ставятся к иконе, одна свеча ставится в каравай. Молящиеся стоят около поминального стола и обращаются к иконе, рядом с которой фотография покойного, зажжённые свечи и поминальная пища (стакан с водой или водкой, корочка хлеба или другое печёное изделие).

Моление

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. (Поклон). Произносится молитва мытаря (Евангелие от Луки, глава 18, стих 13). После слов «Боже милостив, буди меня грешную. Создал меня грешную, прости меня и благослови» совершается земной поклон, крестное знамение (трижды).

Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

Ради Пречестной твоей матери и всех святых помилуй Преподобных и Богоносных Отец наш и всех Святых, и упокой новопреставленную душу раба твоего божия (Петрована). Бесконечные веки Во время произнесе-

ния молитвы вдова умершего кадит вокруг стола по солнышку три раза, трижды крестом.

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас (читается трижды, с крестным знаменiem и поясным поклоном). Слава Отцу Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Господи помилуй (трижды).

Молитва «Отче наш»

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Господи помилуй (фраза произносится 10 раз).

Приидите, поклонимся Цареву нашему Богу. (Поклон). Приидите, поклонимся и припадем Христу, Цареву нашему Богу. (Поклон). Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареву и Богу нашему. (Поклон).

Молящиеся падают на колени и трижды совершают крестное знамение. Трижды произносится Аллилуйя.

Псалом 50. Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омой мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе единому согреших и лукавое пред тобою сотворих; яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти. Се бо, в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Се бо, истину возлюбил еси; безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси. Окропиши мя иссопом, и очишуся; омыеши мя, и паче снега убелюся. Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренныя. Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом Владычним утверди мя. Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся. Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего; возрадуется язык мой правде Твоей. Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою. Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския. Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая; тогда возложат на олтарь Твой тельцы. Аминь.

Молитвами, Отец наш Господи Иисусе Христе Сыне Божие наш, помилуй нас. Аминь.

Послдование по исходе души от тела. Со духи праведных скончавшихся душу раба Твоего, Спасе, упокой, сохраняя ю во блаженной жизни,

яже у тебе, Человеколюбче. В покоищи Твоем, Господи: идеже вси святї Твои упокоеваются, упокой и душу раба Твоего, яко Един еси Человеколюбец. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Ты еси Бог, сошедый во ад и узы окованных разрешивый, Сам и новопреставленную душу раба божіе Петрована упокой и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Едина Чистая и Непорочная Дево, Бога без семене рождающая, моли спастися души его.

Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям твоим. Светлых лик обреего источник жизни ибо вид райский да обрящу я, Господь, покаяние погибшего аз есмь воззови мя Спасе и спси мя.

Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям твоим. Агнца божія проповедавши заклании бывша якоже агнецы...

Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям твоим (троскратно). Аллилуйя. Аллилуйя. Аллилуйя. Слава Тебе, Боже.

Пришедшие помянуть покойного приносят с собой какую-либо поминальную пищу, ставят ее на стол, перекрестив. Читается молитва «Ты был один...».

Псалом 90. Живый в помощи Вышняго, в крове бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под крыле Его надешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приближится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко ты, господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не придет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохрани ти во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, и долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое. Аминь. Молитвами отец наш, Господи Иисусе Христе Сыне божий наш, помилуй нас. Аминь.

Последование по исходе души от тела Песнь I. Воду прошед, яко сушу, и египетского зла избежав, израильтянин вопиаше: Избавителю и Богу нашему поем.

Покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего. Помяни, Господи, новопреставленную душу усопшего раба твоего (Петрована) божія, и избави его вечные муки от огня геена, от червей ползучих, от смолы кипучей. Прости ему все пригрешения, содеянные словом, делом и помышлением, и не лиши его царствия твоего вечнаго. Царствие ему небесное, спокойное место да пресветлый рай.

Отверз уста моя, Спасе, слово ми подаждь молитися, Милосерде, о ныне преставленном, да покоиши душу его, Владыко. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Мертв был плотию, Спасе, и во гробе положен с мертвыми, душу раба Твоего покой в месте злачнее, яко Милосерд. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Молебный глас мой услыши, Боже Троиипостасне, и учини душу преставленного в недрах Авраамлих, Избавителю и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Ты, Пречистая Богородице, Егоже без искуса мужеска зачещи родила еси, моли Сына Твоего подати покой рабу Твоему новопреставленному (Петровану божию).

Песнь 3. Небеснаго круга Верхотворче Господи и Церкви Зиждителю, Ты мене утверди в любви Твоей, желаний краю, верных утверждение, Едине Человеколюбче. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Помяни, Господи, новопреставленную душу усопшего раба твоего (Петрована божия), и избави его вечные муки от огня геена, от червей ползучих, от смолы кипучей. Прости ему все пригрешения, содеянные словом, делом и помышлением, и не лиши его царствия твоего вечного. Царствие ему небесное, спокойное место да пресветлый рай.

В месте злачне, в месте покойнее, идеже лицы святых веселятся, душу раба Твоего преставленного покой, Христе, Едине Милостиве. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Идеже лицы святых, тамо вчини, Владыко, послужившаго Тебе всем сердцем и воздвигшаго иго Твое на рамо свое, яко Един Владыка живота и смерти. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Небесный Отче Вседержителю, и Сыне Единородный, и Душе Святей Исходный, презри умершаго согрешения и в Церкви первенец всели его славити Тя со всеми угождшими Тебе и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Яко Мати Святая Пресвятаго Бога, Владычице всяческих, Марие Богородице, со всеми святыми Сего моли душу покоити раба Твоего (Петрована) в Небесных селениях.

Услышах, Господи, смотрения Твоего таинство, разумех дела Твоя и прославих Твое Божество. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Сошедый в преисподняя, Христе, совоздвигл еси умерших вся, и представляемого от нас покой, Спасе, яко щедр. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Родила еси, Пречистая, без мужеска семене, Бога Совершенна и Чело века Совершенна, вземлющаго грехи наша, Дево. Того моли, Госпоже, (новопреставленному) преставляемуся рабу Твоему (Петровану) божию подати покой.

Песнь 5. Просвети нас повелении Твоими, Господи, и мышцею Твоею высокою Твой мир (высокого мира) подаждь нам (единого) Человеколюбче. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Помяни, Господи, новопреставленную душу усопшего раба твоего Петрована божия, и избави его вечные муки от огня геена, от червей ползучих, от смолы кипучей. Прости ему все пригрешения, содеянные словом, делом и помышлением, и не лиши его царствия твоего вечного. Царствие ему небесное, спокойное место да пресветлый рай.

Песнь 6. Молитву пролию ко Господу, и Тому возвещу печали моя, яко зол душа моя исполнися (наполнится) и живот мой (к) аду приближися, и молюся, яко Иона: от тли, Боже (мой), возведи мя. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Помяни, Господи, новопреставленную душу усопшего раба твоего Петрована божия, и избави его вечные муки от огня геена, от червей ползучих, от смолы кипучей. Прости ему все прегрешения, содеянные словом, делом и помышлением, и не лиши его царствия твоего вечного. Царствие ему небесное, спокойное место да пресветлый рай.

3. Моление «Стих к Богородице». Поющие песни ангельские. Аллилуя. Иже от людей дошедшие ...Покой, Господи, душу усопшего раба твоего. Покой, Господи, душу усопшего раба твоего.

Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

Молящиеся встают на колени, совершают крестное знамение (трижды). Поют «Святый боже» хозяйка кадит красный угол и поминальный стол.

Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас. (Читается трижды, с крестным знаменiem и поясным поклоном).

Тропарь, глас 6. Источник живота рождшая, Владычице, Избавителя миру Иисуса Господа, Того прилежно моли бесконечнаго живота представлявшагося (новопреставленного) ныне раба Твоего сподбити: Ты бо христиан Едина еси известнейшая Помощница. Господи, помилуй (произносится 37 раз).

Поминают все усопших (родственников), перечисляя их имена. Аминь.

Во блаженном успении вечный, вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему (Петровану), и сотвори ему вечную память. Вечная память (трижды).

Песнь Пресвятой Богородице. Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко родила еси Христа и Спаса, избавителя душам нашим (трижды).

Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в весели глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй бесы силою на тебе разпятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшего силу диавола, и даровавшего нам Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девотою Богородицею и со всеми святыми во веки веков. Аминь.

Дай Господи доброго здоровья хозяйке Нине, дай Господи доброго здоровья деткам иснным, внукам.

Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем. Господи помилуй (Трижды)

После моления небольшой перерыв. Подается милостыня, принесенная на поминки поминающими (стряпня, конфеты печенье).

Молитва Господня «Отче наш». Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Песнь Пресвятой Богородице. Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко родила еси Христа и Спаса, избавителя душа наших(трижды).

Господи Иисусе Христе Сыне божие, благослови нас грешных. Да благослови нас на вкушение. Все садятся за поминальный стол (*Усть-Зула Юрл.*; проводила «службу» Пикулева А.М., 1937 г.р.).

Поминки в Радольницу

«У нас Паска, а у них Радольница, у умерших. Это Пасха умерших. Я всегда яички крашу. Я свежие, когда бывает, пасхальные пошу, раскрошу птичкам. Кто как помянет, у кого что есть» (*Пожва Юсьв.*). «В Радольницу идут на кладбище. На могилке ладанком покадишь, еду принесёшь, раскладёшь на могилку, ее тоже покадишь, все покушают кажёное, помянут родителей. Уходишь, крошки, скорлупки птичкам оставишь, чтоб птички могилку оверяли». (*Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*). «На кладбище каждую могилу кадить надо своих умерших, а то на том свете им голодно». (*Зап. от Деткиной М.И., 1928 г.р., д. Келич Юрл.*). «Уходишь, посыпать крупой надо могилу, сыпать можно только в ноги. Если посыпать мо-

гилку крупной в головах, покойник приснится и скажет: «Все мне глаза птички выклевали» (*Пож Юрл.*).

«Если на Радольницу птички поют, то птички Радольнице веселятся, это души веселятся. Рано выходишь — птички поют в этот день, а если птички не поют, так не тот день Радольница» (*Ефремова Юрл.*). «В Радольницу яичко с Паски носили на кладбище, искрошат его, посыплют на могилу, где голова» (*Бадья Юрл.*). В Радольницу красят яйца, обычно яйца оставляют на Радольницу после Пасхи, если останутся, если нет, красят новые. «На кладбище яйца разламывали, кушали, поминали. Разламывали без кожуры и поминали. Яйца приносят, в первую очередь за яичком нужно помянуть». (*Зап. от Верхоланцевой Е.П., 1927 г.р., д. Лопва Юрл.*).

Поминки в Семик

«У нас поминальный день в четверг. Идут на кладбище, яйца красят, как и на Паску. На кладбище яйца расколупывают, разламывают, нож не берут, ну, некоторые и дома надрежут. Пирог тоже на кладбище не режут, а разламывают. Пирог рыбные, рыбу целиком запекают. Только пшккой не поминаются, она хищник, *самоедь*, рыбу ест» (*Ефремова Юрл.*). «Крупу подсыплют. Пусть птичка помянет, съедает. Крупу сыплют, как уходить» (*Пожва Юсьв.*).

«У нас поминальная суббота перед Троицей. На могильник настряпашь, бражку несёшь, можно и яйца покрасить, свою могилу покадишь. На могиле поплачешь» (*Бадья Юрл.*). «Где в Троицкую субботу ходят помянуть умерших, где ходят на Семик в четверг, вот в Юрле так» (*Лопва Юрл.*). В Троицкую субботу на кладбище ходят *кадиться*, родителей поминают. Приговаривают, когда кадятся: «Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех, до своих, до родителей, до знающих, незнающих, донеси, Господь Бог». Несёшь блины, оладьи, шанежки, раскладываешь посреди могилки. Раньше много кто читали причёты, кто как знает, как умеет. Как прожил человек, всё это приговаривали: «Солнышко, ты, да родимая мамонька. Ой, ты зачем жо, ой ты меня о да родила жо, ой, да на такую жо муку вечную»? (*Зап. от Сакулиной К.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Причёты исполняли вытницы, которых специально приглашали (таких остаётся в настоящее время всё меньше). Сами вытницы считают исполнение причётов грехом, особенно за плату: «Я вот грешу — по поминкам хожу, читаю, по могилам причитаю, накажет, наверно, Бог» (*Юм Юрл.*).

Поминки по умершим также были приурочены к осенним поминальным субботам от Покрова до Дмитриева дня (Дмитриевская суббота была одним из дней в году, когда поминали умерших неестественной смертью — см. подробно раздел II. Календарная традиция).

Похоронно-поминальная традиция в крае, таким образом, до настоящего времени сохраняет много элементов традиционной обрядности. Желание умершего, чтобы его хоронили «по старинке», обычно исполняется — даже

если проводится церковное отпевание, старые люди просят, чтобы их хоронили «бабушками». Симбиоз традиционного и собственно религиозного особенно виден в том, что во время поминок чтение молитв перемежается с пением духовных стихов. Как будет показано ниже, тексты духовных стихов нередко носят не книжный, а собственно фольклорный характер.

II. КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Календарные праздники и обряды – одно из самых ярких проявлений традиционной народной культуры. Народный календарь русских Коми-пермяцкого края – крайне оригинальное на пространстве русской традиционной культуры Прикамья явление, в котором тесно переплелись наблюдения над природой, обряды и магические действия, поверья и мифологические представления, творчески усвоены многие детали верований и представлений о погоде и времени, характерные для коми-пермяцкого народа.

Календарные праздники и обряды в традиционной культуре являлись многофункциональной системой, четко и слаженно регламентировали повседневную жизнь крестьянина-земледелца. Они представляли сложную систему будничной работы, праздничного отдыха и ритуального поведения. Особый статус праздника закрепился в запретах на работу в праздничный день, в ритуализации многих форм праздничного поведения. Праздники и обряды выполняли и религиозно-магическую функцию. Многие действия были направлены на обеспечение хорошего урожая, приплода скота; не последнюю роль в праздничной культуре играли досуговые формы, игры и развлечения детей, молодежи и взрослых.

Материал в разделе помещен по основным сезонам народного календаря: весна, лето, осень, зима. Следует, правда, помнить, что традиционное деление года на сезоны не вполне совпадает с современным. Так, начало весны в народном календаре приходится на праздник Пасхи, Троица и Заговенье были последними весенними праздниками. Период от Троицкого Заговенья до Ильина дня считался собственно летом, с Ильина дня до Покрова – осенью, с Покрова до Пасхи – зимой. Начало нового земледельческого года приходилось на весну, поэтому раздел и начинается с весенних праздников и обрядов. Основные праздничные и обрядовые циклы: святочный, масленичный, пасхальный, троцкий – также выделены отдельными подзаголовками. В то же время мы старались отметить и небольшие, с точки зрения обрядовой наполняемости, даты народного календаря как элементы целостной системы, включающей и крупные обрядовые циклы, и небольшие значимые даты (к ним нередко тоже приурочиваются отдельные поверья, приметы, обрядовые действия).

Публикуемый материал позволяет представить состояние традиции на период первой половины XX в. Именно к этому времени относятся события, представленные в собранных уже в XXI в. воспоминаниях информаторов; несомненно, впрочем, что многие формы календарной обрядовой культуры уходят своими корнями в глубокую древность.

ВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Весенние праздники и обряды у русских северо-западного Прикамья открывались с праздников пасхального цикла (Благовещение, Вербное воскресенье, Великий четверг, Пасха).

Благовещение (7 апреля)

Благовещение считалось одним из самых больших годовых праздников. Русским северо-западного Прикамья были известны народные толкования христианских текстов о происхождении праздника: «Ангел ей сообщил в этот день. Пресвятая Мать Богородица, не было детей у них, с Иосифом она была погруженная, они всё ходили, просила Бога, чтоб забеременить ей. Они даже носили в церковь как подарки что ли. У кого детей не было, даже не принимали это, подачку не принимали, считали за позор. Молились... Как будто бы ангел подсказал Марии, что ты родишь сына и назовёшь его Иисусом. Она сказала — как это, мы же не имеем, я рожу сына. Всё сбылось. Этот праздник отмечают, благая весть» (*Ракишино Кудымк.*).

Праздник считался «строгим», на него распространялись запреты на работу: ««В этот день не работают. В Благовещение-то даже голову не чешут, вошку не бьют. Ниче не делают, не робят» (*Келич Юрл.*); «В Благовещение нельзя работать. Одна баба поленицу клала, упала с чурки, до сих пор на костылях ходит. Ногу сломала, не могла вылечить. Бог наказал. Всё побожьему» (*Чуртан Гайн.*). Запрет на работу фиксирует поговорка «В Благовещение девка косу не плетет, птичка гнездышко не вьет». Строгость этого дня подкреплялась легендой о кукушке, нарушившей запрет: «В Благовещение кукушка де вила гнездо да без гнезда осталась» (*Осинка Юрл.*); «Бог кукушку и так наказал. Она на Благовещение гнездо вила себе. Бог сказал, что бы де жить куковать, свое гнездо не видать. Она ведь не знает свое гнездо. Яичко снесет в чужо гнездо и все» (*Пож Юрл.*).

В Гайнском районе особо отмечали запрет на вязание и шитье на праздник: «Благовещение шить не надо, иголкой шить не надо, вязаться не надо. Если ты будешь шиться иголками, то обязательно где-ко осы летом жалят. А если вяжешь иголками, змеи напускаются. Я это не верила бабушкам-то. Мама говорит — ты сёдня, девка, ничё не делай, сёдня Благовещенне. Я давай вязаться... А летом — там у нас далёко покосы были за Камой, за мной косят, ничё нету, на меня пять змей напустились, охо-хо-хо-хо. Но я не растерялася, я по голове стук литовкой-то, только три змеи я убила. Только откожу, а тут люди ниже меня, выше меня убегают, что змеи есть. А иголкой пошьешься, может, позабудешь ... пришьешь обязательно, осы будут жалить летом» (*Тиуново Гайн.*)

Праздник связывался с весенней встречей птиц. В д. Лопва Юрлинского района отмечали: «На Благовещение вылетают скворцы». Погода на Бла-

гоवेशенье считалась переходной от зимы к лету, по этому поводу бытовала поговорка: «До Благовещенья две недели на санях не доездят (т.е. тепло установится за две недели до праздника), либо две недели переезжают» (*Щеколова Юрл., Мазунин М.В., ЧКМ3009*).

В Юрлинском районе к Благовещенью приурочивалось «прыганье на досках», неизвестное в других районах Прикамья: «А молодежь-то прыгать ходят. В Благовещенье надо обязательно попрыгать. Ну вот, положат чурку, или полчурки, доску, один конец туда, другой туда, встанут и прыгают. Кто с кем хочет, станут, вот и прыгают. Один день – в Благовещенье на улице прыгают» (*Черная Юрл.*). Прыганье, «скакание» на досках отчетливо связывается с весенними обрядами, с «играющим», качающимся, брачующимся весенним солнцем. Символика этого действия подобна пасхальному качанию на качелях (в других районах похожие обрядовые игры устраивали не на Благовещение, а на Пасху).

По празднику Благовещенья определяли и то, каким будет предстоящий год: «На Благовещение собаки лают – значит, звериный будет год. И змеев сколько видали» (*Сёйва Гайн.*).

Пасхальные праздники и обряды

Вербное воскресенье (Вербно, Вербенно воскресенье)

Вербное воскресенье «живет» в последнее воскресенье перед Пасхой. В этот день совершались разнообразные действия с веточками вербы. В Вербное воскресенье или накануне было принято ходить в лес за вербой, её ставили к божнице, украшали цветами: «В воскресенье обязательно вербу домой приносили. Освящали в церкви и приносили. Брала из церкви, я помню. А потом ставили на божничку к образам» (*Пожва Юсёв.*). В д. Осинка Юрлинского района на веточки вербы после Пасхи закрепляли разноцветную яичную скорлупу: «Вот яички-то красят перед Пасхой. Если со смяткой яичко-то, его как высоскашь, смятку-то, а это вешашь на вербу, на сучьё-то. Всякие были яички: и белые, и красные» (*Осинка Юрл.*). Почитание вербы в праздник объясняли текстами народного православия: «Исус-от Христос на осле приехал, ему под ноги бросали вербочку. Он по вербочке ехал. Эту вербу освящают» (*Пожва Юсёв.*).

Считали, что веточки вербы, стоящие на божничке, способны защитить дом от беды: «От всякого бедствия охраняет вербочка» (с. Усть-Зула Юрл.); «Вербу на полку ставили, чтоб в жилье ветер сильно не дул, урагана не было» (*Осинка Юрл.*); «Освятила, на иконку поставила, потом на вышку надо бросать, они от пожара» (*Пожва Юсёв.*).

Веточки вербы связывались и с символикой плодородия. Чтобы курицы неслись, их хлестали в Вербное воскресенье вербой: «Верба, кстись, ку-

рица кладись, несись», — так старики говаривали. Курочку надо вичкой почухать» (*Юм Юрл.*). Так поступали не только в праздник: «Если курочка яичка не несет, ее надо стегать вербой, которую в Вербно воскресенье собирали» (*Таволожанка Юрл.*). В с. Юм Юрлинского района ветками вербы хлестали и маленьких ребят: «Били, маленьких ребят особенно: «Верба хлест, верба хлест, бей до слез, бей до слез». Чтоб выросли» (*Юм Юрл.*). Так же поступали в с. Полва Куымкарского района, для того «чтобы раньше вставать»: «Вербу носили. Вербу с вечера принесём, а утром, кто долго проспит, вербой нажогом по заднице, чтоб раньше вставали, больше работу делали. У нас ребята всё: «Мам, ты нас завтра опять будешь вербой бить»? — «Нет, не буду, если только не проспите». А я встану, они вперёд меня тукуш-паша. Кто последний, тому попадёт верба» (*Полва Кудымк.*).

Старые веточки вербы с божнички использовали затем при первом выгоне скота на пастбище, в другом случае старую вербу «отпускали» по воде: «Вербочку по воде отправить надо, там цветочки, всё вместе» (*Пожва Юсьв.*); «В печке вербу старую не сжигали, если речка близко, дак по реке пустят» (*Осинка Юрл.*).

Великий четверг

Среди других праздничных и почитаемых дней по многочисленности совершаемых магических действий заметно выделяется Великий четверг. Многие действия, выполняемые в этот день, связывались с магией начала, так как в прошлом именно на это время приходилось у славян празднование нового земледельческого года.

Среди обрядовых действий Великого четверга много интересных форм народной магии. Для достижения одной и той же цели часто выполнялись разные ритуалы, и наоборот, одни и те же служили для достижения разных целей. Все обрядовые процедуры Великого четверга можно разделить на несколько групп по целевым установкам.

Сакральность Великого четверга, его статус начальной точки года нашли отражение и в некоторых гаданиях, приуроченных к этому времени. В северо-западном Прикамье бытовало гадание со скотом. Утром, заходя в конюшню, смотрели, как лежал скот: «Если придешь в конюшню и скотина лежит головой на север — это к плохому» (*Кукольная Юрл.*). В других вариантах гадания так определяли, будет ли в этом году вестись скот: «Утром скотина должна смотреть на дом. Вот выйдешь, посмотришь, если так, она тогда не сгинет» (*Липухина Юрл.*); «В Великий четверг надо де приходить, смотреть, куда она головой лежит. Если на север, то значит, она уйдет. А если на юг, на восток — жить будет» (*Елога Юрл.*); «Выйдем к корове, посмотрим, куда корова сегодня лежит: или на север, или на юг. Если на юг, значит, к хорошему. Если на северную сторону — что-то будет» (*Полва Кудымк.*). В некоторых деревнях отправляясь в лес за вересом по насту, загадывали, провалится под человеком наст или нет: «Если провалится — умрет в этом году»

(*Таволожанка Юрл.*). В д. Базуево Гайнского района совершали гадание с деньгами: «В Великий четверг в лес один раз бегала, говорят, идти надо, деньги с собой взять, в Великий четверг утром. Бросить надо, если богато будешь жить, то большие упадут на твою сторону» (Базуево Гайн.).

Несмотря на то, что время Великого четверга не считалось праздничным, в некоторых деревнях существовали запреты на работу в этот день: «В Великий четверг ничё не делают, не робят даже. Рано встаешь, Богу помолишься: «Господа Бога прошу, чтобы во весь день господний жить хорошо, да здоровому быть!»» (*Ефремова Юрл.*). Многие ритуалы были направлены на обеспечение урожая, благополучия и богатства в будущем. Чтобы в будущем году был урожай, «с вечера при солнышке выносят, на полку под божницу кладут, чтоб ест у кого: зерно, муку, хлеб, картошку, луковку — все это кладут, чтоб все родилось» (*Осинка Юрл.*). В д. Келич Юрлинского района накануне Великого четверга готовили квашенку, чтобы утром испечь хлеб, блины, оладьи. Этим обычным действиям в этот день также приписывались магические свойства, их выполняли для того, «чтобы хлеб был» (*Келич Юрл.*). В с. Усть-Зула для достижения этой же цели обходили все хозяйство: «Скота сходишь пораньше проверишь, круг огорода пройдешь, чтобы летом все пвело, курочек считаешь, чтобы велись и клались». В Гайнском районе чтобы в этом году был хороший урожай зерна и овощей, заставляли девочку-подростка в Великий четверг трижды обегать огород (*Сёйва Гайн.*). В Великий четверг старались ничего не отдавать из дома — «вестись не будет» (*Юм Юрл.*). Для того, чтобы в достатке имелись холсты, их принято было пересчитывать: «Я слыхала, в Великий четверг холсты считали. Они трубками навитые. Сосчитают, сколько трубочек лежат» (*Елога Юрл.*).

На Великий четверг считали деньги «чтоб велись». «Деньги считали, чтобы весь год с деньгами быть. Считают до зари: «10 тысяч, 15 тысяч», кладешь 10 копеек, 15, а тысячами разговариваешь, как будто это тысячи» (*Ефремова Юрл.*); «Скота-то покормишь, а потом деньги-то считай, сколько у тебя. У меня только десятки, а вали сотни две-три. Раза три пересчитаешь» (*Пожва Юсьв.*). В п. Пожва Юсвинского района отмечали, что на Великий четверг «на все столы в доме надо деньги разложить и пересчитывать». Здесь же рассказывали, что деньги для счета надо приготовить заранее: «В Великий четверг считали деньги. Ну вот, ложили на стол вечера с среды на этот, на стол или под иконы, куда, потом на стол. До восхода солнца вставляли и считали деньги, просто их пересчитывали» (*Пожва Юсьв.*). Для того, чтобы деньги велись в течение года их не только пересчитывали, но и помещали копеечку на божницу: «Денежки сосчитаю, копеечку положу в кошелёк и к Богу, чтобы деньги велись» (*Пожва Юсьв.*). В д. Тимина Юрлинского района счет денег на Великий четверг был и детской забавой: «Деньги надо было считать. Мы недоростки еще были, нам велели копить мелочь, вот, копипшь копеечки, потом считаешь».

В Великий четверг, чтобы был успех в делах, принято было имитировать сбор грибов, ягод, рыболовство, охоту. «Ходят по огороду, возьмут корзину и ходят, будто де грибы собирают, чтоб с грибами быть» (*Пож Юрл.*); «По насту в огороде ходили, чтобы летом не лениться по грибы ходить, по ягоды. В Великий четверг ягоды и грибы собирали» (*Лобанова Юрл.*). Рыбаки в этот день окуривали рыболовные снасти: «Прокуривают мережи, тенета насобирают в голбце в баночку, потом зажжешь. Морды, всякие сети, это все подкурят»; охотники в этот день «оружие свое подкуривали» (*Дубровка Юрл.*), носили лесному хозяину подарки: «в Великий четверг подарки лесному несут, кладут вино, хлебушко. Это чтоб сделаться гостем, к ему приходиться, когда идешь охотиться» (*Дубровка Юрл.*). «Берут тряпку вместо сетей и ходят, будто рыбу ловят» (*Бадья Юрл.*). Чтобы обеспечить урожай овощей, выходили не только имитировать их сбор в огороде, но и произносили: «Ой, огурцы хороши, ой, капуста хороша, ой, картошка хороша!». Будто рвешь их» (*Пожва Юсьв.*). В Великий четверг старались «всяки работы переработать, то ленивый будешь. Утром встань — обязательно поробь!» (*Пожва Юсьв.*).

У русских Юринского района особыми свойствами наделялась вода Великого четверга. В д. Зарубина, д. Дубровка Юринского района четверговую воду считали святой: «На ключ в четверг бегают по воду. С трех ключей надо воду принести, это святая вода называлась. Попили ее, скотину побрызгали, чтобы не поурочилась, брызгали изо рта». В других деревнях в этот день было принято умываться ключевой водой: «на ключ ходят, умываются рано утром, чтобы болезнь не ходила. Чтобы не хворать, чтобы никакая болезнь не вязалась. Тут еще говорят: «Здравствуй, вода-Татьяна, ключ-Иван, а земля-Ульяна, дай умыться для хорошей жизни, чтобы болезнь никакая не держалась» — и тут умоются. Ребятам эту воду домой в посудине-то принесем» (*Келич Юрл.*).

С хлебом и солью в Великий четверг в разных локальных традициях совершалось много ритуальных действий. В некоторых деревнях просто предписывалось оставлять на ночь хлеб на столе: «На Великий четверг чтобы буханка была целая на столе» (*Ракишино Кудык.*). Однако часто в Великий четверг специально готовили обрядовый хлеб и соль. Приготовление, употребление и хранение хлеба на Великий четверг связывали с обеспечением общего благополучия в течение года: «В Великий четверг я утром встаю до восхода солнца. Я должна перекреститься, помолиться, хлебушко поесть, кусочек оставить, чтобы у меня всю жизнь, год я живу, должен у меня хлебушко быть. До конца не доедать. Хлебушко лежит на святом месте. Я должна его немножко покушать, дать собачке, кошечке и соседушке-братанушке бросить на печку» (*Пожва Юсьв.*). Четверожная соль и четверожный хлеб обладали многими способностями: «Хлеб и соль на столе живут, накануне Великого четверга их кладут на полочку. А утром четверожную соль и хлебушко скотинке давать и самому есть надо» (*Осинка Юрл.*). В

Великий четверг пекут четверёжный хлеб, кладут его на божничку, после этого посыпают солью и кормят им корову, когда весной выгоняют на волю (*Сёйва Гайн.*). Солью Великого четверга посыпали или кормили скот: «Четвергову соль-то, вот ей корову обсыпают, хрестё, от хвоста, так же делаешь, как богу молиться, так же солью на корову сыплешь, от хвоста до головы, потом от голях так же делаешь» (*Липухина Юрл.*). Хлеб с божнички в Великий четверг также скармливали скоту: «Положить надо при солнышке зернышки, хлебушко. Утром встать, кормить скотину-то, рано, хлебушком, зернышки курочкам» (*Мухоморка Юрл.*). Часто предписывалось кормить скот одновременно и хлебом, и солью: «В Великий четверг нужно хлеб с солью к божничке поставить, а наутро скоту отдать» (*Пожва Юсьв.*); «Но я соль и хлеб всё время ставлю на божничку. А потом иду и корове, и овечкам даю хлебушко этот и соль. Я этой еще сказала: «Анна, — говорю, — ты ставила, нет четвережную соль»? — «Ой, я бы тэть забыла». Потом на хлебушко эту соль насыплешь и вытаскиваешь корове там или овечкам» (*Городище Юсьв.*). Скармливая хлеб и соль, в некоторых локальных традициях произносили и заговор, призванный охранять скот в течение года: «Надо утром рано встать, до солнышка чтобы, на Велик Четверг чтоб на столе был кусок хлеб и соль. Вытащить, овечку накормить, корову, кошек, сама себя накормить, говори: «Кормлю овечек в закрытом, железный тын от земли до неба, сверху медная покрывка. Будь мои слова крепки, лепки...». Раз а три надо сказать. Кругом это скотину ты обойдешь» (*Тиуново Гайн.*). Часто хлеб и соль Великого четверга использовали в Егорьев день или при первом выгоне скота в поле: «Клади на божницу или на стол в Великий четверг хлеб и соль, затем весной, в Егорьев день, скармливали их скоту» (*Елизавета-Пожва Юсьв.*). При первом выгоне соль клали над воротами усадьбы, над дверью конюшни, «чтобы никто икоты скоту не клал» (*Липухина Юрл.*), «чтобы знала скотина дом, домой ходила» (*Келич Юрл.*).

Множество ритуалов выполнялось и для того, чтобы скот возвращался с пастбища домой. Наиболее распространенным было действие, когда скотину утром кричали в трубу: «В трубу на Великий четверг кричали, чтоб скотина домой шла. В трубку гаркали: «Путень — путень — путень, иди домой, баль — баль — баль — баль — баль!» (*Сергеева Юрл.*); «В трубу кричат: «Егорий Храбрый, загоняй в мой двор», чтоб не спала она там, в лесу» (*Ловва Юрл.*); «Ещё на чердак ходили. Через трубу кричали. Вверху спрашивали: «Дома ли скотина»? Ты отвечаешь: «Дома»!. Чтоб она домой ходила с пастбища» (*Пожва Юсьв.*). В окрестностях села Юм, в деревнях Кукольная, Черная, Осинка Юрлинского района для того, чтобы скот возвращался с пастбища, бегали вокруг усадьбы с колокольцем: «Бегают круг двора, раньше бегали с колоколом, чтобы скот домой ходил. Обежать три раза или идти, трести, а колокол тринькает» (*Осинка Юрл.*). Иногда при этом произносился и ритуальный диалог: «Дома ли овечки? Коровы?». Отвечают: «Дома, дома!» (*Кукольная Юрл.*). В деревнях Бадья и Ефремова с той же целью в Великий

Великий четверг пекут четверёжный хлеб, кладут его на божничку, после этого посыпают солью и кормят им корову, когда весной выгоняют на волю (*Сёйва Гайн.*). Солью Великого четверга посыпали или кормили скот: «Четвергову соль-то, вот ей корову обсыпают, хрестьё, от хвоста, так же делаешь, как богу молиться, так же солью на корову сыплешь, от хвоста до головы, потом от голях так же делаешь» (*Липухина Юрл.*). Хлеб с божнички в Великий четверг также скормливали скоту: «Положить надо при солнышке зернышки, хлебушко. Утром встать, кормить скотину-то, рано, хлебушком, зернышки курочкам» (*Мухоморка Юрл.*). Часто предписывалось кормить скот одновременно и хлебом, и солью: «В Великий четверг нужно хлеб с солью к божничке поставить, а наутро скоту отдать» (*Пожва Юсьв.*); «Но я соль и хлеб всё время ставлю на божничку. А потом иду и корове, и овечкам даю хлебушко этот и соль. Я этой еще сказала: «Анна, — говорю, — ты ставила, нет четвережную соль»? — «Ой, я бы тэть забыла». Потом на хлебушко эту соль насыплешь и вытаскиваш корове там или овечкам» (*Городище Юсьв.*). Скармливая хлеб и соль, в некоторых локальных традициях произносили и заговор, призванный охранять скот в течение года: «Надо утром рано встать, до солнышка чтобы, на Велик Четверг чтоб на столе был кусок хлеб и соль. Вытащить, овечку накормить, корову, кошке, сама себя накормить, говори: «Кормлю овечек в закрытом, железный тын от земли до неба, сверху медная покрывка. Будь мои слова крепки, лепки...». Раза три надо сказать. Кругом это скотину ты обойдешь» (*Тиуново Гайн.*). Часто хлеб и соль Великого четверга использовали в Егорьев день или при первом выгоне скота в поле: «Клади на божницу или на стол в Великий четверг хлеб и соль, затем весной, в Егорьев день, скормливали их скоту» (*Елизавета-Пожва Юсьв.*). При первом выгоне соль клали над воротами усадьбы, над дверью конюшни, «чтобы никто икоты скоту не клал» (*Липухина Юрл.*), «чтобы знала скотина дом, домой ходила» (*Келич Юрл.*).

Множество ритуалов выполнялось и для того, чтобы скот возвращался с пастбища домой. Наиболее распространенным было действие, когда скотину утром кричали в трубу: «В трубу на Великий четверг кричали, чтоб скотина домой шла. В трубку гаркали: «Путень — путень — путень, иди домой, баль — баль — баль — баль — баль!» (*Сергеева Юрл.*); «В трубу кричат: «Егорий Храбрый, загоняй в мой двор», чтоб не спала она там, в лесу» (*Лопва Юрл.*); «Ещё на чердак ходили. Через трубу кричали. Вверху спрашивали: «Дома ли скотина»? Ты отвечаешь: «Дома!». Чтоб она домой ходила с пастбища» (*Пожва Юсьв.*). В окрестностях села Юм, в деревнях Кукольная, Черная, Осинка Юрлинского района для того, чтобы скот возвращался с пастбища, бегали вокруг усадьбы с колокольцем: «Бегают круг двора, раньше бегали с колоколом, чтобы скот домой ходил. Обежать три раза или идти, трясти, а колокол тринькает» (*Осинка Юрл.*). Иногда при этом произносился и ритуальный диалог: «Дома ли овечки? Коровы?». Отвечают: «Дома, дома!» (*Кукольная Юрл.*). В деревнях Бадья и Ефремова с той же целью в Великий

четверг «шерсть у скота вырывают и кладут под матицу». В д. Чужья Юрлинского района «чтоб скотина во двор ходила, краюшку хлеба с вечера положишь перед Богом, и тожно на двор несут, скотинке кормят». В д. Кукольная с этой же целью кормили скот четверговой солью и хлебом с заслонки: «Еще на заслонку клали хлебушко и соль и кормили скот, чтобы ходили домой сами. Говорили: «Ешь, да домой иди» (*Кукольная Юрл.*). В д. Шестина в Великий четверг обрезали скоту хвосты и складывали над воротами усадьбы, «чтобы все лето скотина ходила домой» (*Шестина Юрл.*).

Чтобы защитить скот, на Великий четверг в некоторых деревнях «прогоняли волков»: «В Великий четверг мы ранехонько по насту с палками, колотушками по насту бежим в лес, угоняем волков якобы, чтобы волки не ходили, овец не задирали» (*Юрла*). В д. Тиуново Гайнского района с этой же целью стреляли из ружей: «А у кого ружье есть, дак на улице-то выстрелят туда куда-ко: «Волков бью, волков прогнаю». — «Вот это да, я чула». К Великому четвергу в некоторых традициях приурочивали подрезание хвостов коровам: «Хвосты скоту подрезали в Великий четверг. До солнца, говорят, надо. Раньше мы не обрезали» (*Елога Юрл.*). В п. Пожва Юсьвинского района выполнение этого действия связывали также с установкой на то, чтобы скот возвращался домой с пастбища: «В Великий четверг резали хвосты коровам. Скажешь — вот твой хвост, вот твое место, домой ходи. К кормушке его привяжешь, хвост-от» (*Пожва Юсьв.*). Чтобы корова в этом году давала больше молока, в Великий четверг «бересту из леса приносили корове, заваривали и поили» (*Базуево Гайн.*). В Гайнском районе в Великий четверг пастуху полагалось «с Богом договариваться», чтобы летом звери коров не задрали (*Сёйва Гайн.*). Действия со скотом в ритуалах Великого четверга составляют одну из самых многочисленных групп.

В Великий четверг «завязывали», «закрывали» коршуну глаза, чтобы он не таскал цыплят и куриц. Для этого прибегали к нескольким способам. Вешали на колья изгороди старый лапоть-«отопок» и обвязывали его соломой: «Да вот раньше мы маленькие были, нас заставят лапоть повешать на кол и его связать соломой, коршуну глаза завязать» (*Юм Юрл.*); в д. Лобанова Юрлинского района вместо лаптя с соломой в ритуальном действии использовали сапог и веревку: «У коршуна глаза завязывали — сапог веревкой обвязывали, чтобы коршун не клевал цыплят» (*Лобанова Юрл.*). В некоторых деревнях просто завязывали колья изгороди соломой или тряпкой, к таким же действиям прибегали и «завязывая» глаза у куриц, чтобы последние не ходили в огороде: «Вот огород, два кола, соломой завяжешь их, чтобы в огород не лазили курицы-то» (*Таволожанка Юрл.*); «На Великий четверг свяжут на огород, на колья, соломой, говорят — коршуну глаза закрываю» (*Щипицино Гайн.*). В д. Келич одновременно «завязывали» глаза курицам и вороне, при этом совершался особый ритуальный диалог. «На кол вешали лапоть, его обмотаешь соломой и говоришь: «Кого ты завязываешь»? — «Я у куриц глаза завязываю, чтобы в огородец не ходили, харч не ели». — «Вяжи

гораздо, чтобы курицы не ходили». Так три раза побаешь. Потом еще у вороны глаза завязываешь, чтобы куриц не ели. У вороны-то тот же лапоть, тоже вяжут солому. «Кого вяжешь»? — «У ворон глаза, чтобы куриц не таскали». — «Вяжи гораздо». На этом же лапте вязали, а можно и другой лапоть взять» (*Келич Юрл.*). В д. Ефремова Юрлинского района к выполнению этих действий прибегали и в других случаях: «На огороде стоит кол, завяжут на него солому: «Глаза я председателю завязала, не будет видеть, что я буду делать».

В Великий чктверг принято было ходить за *вересом* (можжевельником), верили, что ветки вереска в доме способны защитить от болезней и нечисти. «В ограду, конюшню надо поставить, чтобы никакая нечисть не была» (*Пожва Юсьв.*). «Верес — это святое дерево, вот, чтобы в дом болезни-то не мешало» (*Шестина Юрл.*). Вереск «под матицу заворачивали, чтобы никакая болезнь не пришла» (*Келич Юрл.*), втыкали в косяк дверей, «чтобы болезни запутались» (*Шестина Юрл.*), над дверью — «он де лукавых отгоняет» (*Пож Юрл.*), над воротами — «чтобы скот велся и корова не урочилась» (*Осинка Юрл.*). Вереск помещали не только в доме, но и в конюшне, во дворе усадьбы. «Утром идешь за вересом, возьмешь две — три веточки. Одну в матицу в избе воткнешь от сглаза, а другую в конюшне над дверью, для скота» (*Ефремова Юрл.*). Магическое значение вереска как оберега перекликалось с представлениями о его рациональной пользе: «его для того втыкают, чтоб сырость не была у хлевов, где скот живет, под двери втыкают» (*Черная Юрл.*); «в матицу втыкали верес, чтобы потолок не потел» (*Осинка Юрл.*). Принесенными рано утром ветками вереска хлестали тех, кто долго спит, со словами: «чтоб раньше вставал, долго-то не спал» (*Келич Юрл.*); «чтоб бойким был весь год» (*Черная Юрл.*). К охранительным обрядам, призванным защитить жилище и человека, можно отнести и обычай ставить кресты на жилых и хозяйственных постройках, повторяющих ритуалы праздника Крещения: «И на Великий четверг должны кресты наставить везде, чтобы нечисть никакая не была» (*Пожва Юсьв.*).

Великий четверг был временем, когда с помощью магических приемов можно было вывести из дома клопов и тараканов. «В коробок таракана положат, и к соседу: «Ты иди, там живи, у меня не живи» (*Липухина Юрл.*); «В отопок кладут тараканов и за веревочку везут этот отопок по улице, от самого дома, рано утром, и спрашивают у них: «Куды вы поехали»? (*Мухоморка Юрл.*). «Тараканов, говорят, на Великий четверг выбрасывают на улицу. Ну вот, наловят в коробку, и выбросят на улицу. Сказали: «Всё, идите туда». И погода отправить, если где-то уже есь, а если нет — то выбросить прямо на дорогу» (*Пожва Юсьв.*). При обрядах Великого четверга, направленных на изгнание клопов и тараканов, часто произносили и небольшие заговорные формулы: «А Великой четверьг, говорили раньше старые, что надо до солнышка, если есть тараканы или клопы, мести под порог и вынести надо на росстань это мусор и сказать: «Как этот мусор выбрасываю, так и чтобы ни-

кто не был» (*Ракишино Кудымк.*). В других локальных традициях чтобы вывести клопов, необходимо было совершить ритуальный обход дома и произвести магический диалог: «Когда клопов выводят, бегают круг дома. Хозяин бегают с коробочкой, накладывают ему в спичечную коробочку клопов, а хозяйка сидит в доме. Он бежит, а хозяйка спрашивает: «Что хозяин, клопы-то у вас есть»? — «Есть, — говорит, — клоп де клопа съел, сам себя доедает». — «Больше не будут»!». Бегают вокруг дома три раза, потом выбрасывает коробочку хоть куда, на улицу» (*Лопва Юрл.*). Обычай изгнания из жилища клопов и тараканов следует рассматривать в общем контексте обрядности очищения жилища накануне Пасхи.

Чтобы в гости приехали родственники, утром Великого четверга в Юрлинском районе их «кричали» в трубу: «И это всё гаркаешь, родственников, кто на чужой стороне, сестра или кто там: «Приди домой, приедь в гости к нам»!». Кричат утром, до солнышка» (*Сергеева Юрл.*). К этому же приему прибегали и в том случае, если хотели заманить жениха: «Жениха надо, дак в печку в трубу кричишь: «Дорогой, тут имя скажешь, какое надо, иди ко мне, полюби меня»» (*с. Усть-Зула Юрл.*).

Есть и более специфические действия, совершаемые в этот день. В д. Ананькина считали, что «надо сесть на печку голой задницей, чтобы бабуха парилась, с цыплят не бегала, с яиц-то». В д. Осинка и с. Юм Юрлинского района в Великий четверг ходили за мутовками: «Приносили на Велик-четверг из лесу мутовочки, надо чтоб три было — на сметанку, на брагу, квас мешать, и пиво делать, тоже отдельную» (*Осинка Юрл.*). В д. Тимина Юрлинского района считали, что на Великий четверг необходимо просушивать одежду, в д. Черная и д. Лобанова Юрлинского района мешали сметану, чтобы летом было много молока и была густая сметана. В д. Базуево Гайнского района отмечали, что «кто с чертом знатся, ему на Велик-четверг надо колоколо грызти. Видимо, чтобы слова не забывать, вот и грызут» (*Базуева Гайн.*). В Великий четверг в д. Дубровка Юрлинского района начинали красить пасхальные яйца.

Подобные многочисленные действия и поверья Великого четверга известны во всех регионах проживания русских, встречаются они и у других народов. В северо-западном Прикамье комплекс этих представлений чрезвычайно развит. Характерными его особенностями можно назвать многочисленность обрядовых действий и их вариативность. Значительное число ритуалов было направлено на взаимодействие с природной, «неосвоенной» стихией, прежде всего, лесом: хождение в лес, подарки лешему, сбор грибов и ягод. Причинами этого стали особенности местного хозяйственного уклада, развитость мифологических представлений о лесном пространстве и особый характер взаимодействия с ним.

Великодѣнная пятница

Пятница накануне Пасхи известна как Великодѣнная (от одного из названия Пасхи — Великий день), или Страстная пятница. Некоторые действия, приуроченные к этому дню, повторяют магические ритуалы Великого четверга: «Набирают золу со Страстной пятницы, хранят ее и используют в лечении, добавляют в питье, когда лечат от сглаза, от тоски, пьянства» (*Юм Юрл.*); «в Страстную пятницу углы дома обметают тряпкой, затем эту тряпку хранят и используют для лечения, обвязывают ей больную поясницу, вытирают ей ноги в бане, чтоб не болели» (*Юм Юрл.*). В д. Мухоморка Юрлинского района отмечали, что именно в этот день красили пасхальные яйца: «Яйца в пятницу красят с луковкой».

Красная, Великая суббота

Субботу накануне Пасхи называли Красной или Великой субботой. «Называется Красная суббота, так как яички красят, и еще потому, что Иисус Христос детям яйца раздавал» (*Сергеева Юрл.*). В саму Пасху красить яйца было не принято: «В воскресенье яйца уже нельзя варить, Господа Бога сваришь, Иисуса Христа испечешь» (*Ефремова Юрл.*). Самым распространенным приемом было окрашивание яиц в красно-бордовый цвет отваром луковой шелухи: «Красили яйца, луково перо баушка в миску засунет, напарит, туда их засунет, они пеганые будут» (*Пожва Юсьв.*); «В Пасху яйца красили. Шелуху луковую напарят заранее за день, за два. В печке она попреет, потом яйца хорошие будут, красные, бардовые» (*Сейва Гайн.*). Обязательно старались окрасить яйца в красный цвет, считали, что «в честь Христова дня яичко должно быть красным» (*Ефремова Юрл.*). Однако даже в этом случае наблюдается множество вариантов окраски. «Яички красишь из шелухи лука, на них написать можно «Спаси и сохрани», или крестик нарисовать» (*Ефремова Юрл.*); «яйцо разрисовывали, или ниткой туго перетягивали — уже узор получался, или куколку — бумажку приклеим и в шелуху лукову, или еще ольхой красили, корой-то» (*Юрла*); «В Пасху яйца красили луковым пером, а еще листочки подорожника насобирают и на яички прилепят, тожно красят. Потом листочек отпадет, яички такие красивые. Чтобы не отпало сразу, листочек марлей обматывают, потом уж убирают. Такие узористые будут» (*Дубровка Юрл.*).

В православных деревнях яйца освящали в церквях, в тех же деревнях, где сохранялись старообрядческие традиции, пасхальные яйца кадили ладаном. Одно или два крашенных яйца клали на божничку: «В субботу яйца красят и одно яйцо на полку кладут» (*Лобанова Юрл.*); «на полку кладут два яичка. Почему два? А, кажется, ему, Богу, мало. Одно яйцо — Иисусу Христу, а второе — Деве Марии» (*Лонва Юрл.*). В Гайнском районе одно яйцо клали на божничку, объясняя это тем, что оно предназначено для Бога — «бога кормили». Иногда на божницу помещали яйцо, первое из снесенных курицей в

этом году: «А первое яичко, как курочка снесет, делали крестик. Крестик сажер делали. Его обязательно красили, его к боушку клали» (*Сёйва Гайн.*). Существовали запреты употреблять яйца в пищу до Пасхи: «До Пасхи не положено яички есть – грех будет» (*Лопва Юрл.*); «если до Пасхи яичко съешь – летом комары заедят да мошки» (*Лобанова Юрл.*).

Пасхальные яйца наделялись способностью отводить грозу. «Старые яйца перед большой грозой в речку бросают, Бог пасёт» (*Сергеева Юрл.*). В с. Усть-Зула Юрлинского района считали, что отвести грозу можно, выбросив в Пасху крашеное яйцо на улицу. «Трехгодовалые яйца можно бросать в пожар от грозы» (*Юрл.*). В Юсьвинском районе русские считали, что пасхальные яйца обладают способностью тушить пожар: «Его, говорят, когда пожар, бросают, он и утихомиривается» (*Пожва Юсьв.*); «Которо лежит яичко, оно от пожару. В огонь бросали яички левой рукой: «Отведи, Господь!» (*Пожва Юсьв.*). Старые пасхальные яйца в Юсьвинском районе хранили на чердаке, что также призвано было защитить дом от пожара: «Яичко у иконы хранили, а потом на вышку бросишь от пожара» (*Пожва Юсьв.*); «А так вот по старой памяти, как дома было, яйцо на чердак. Яйцо на чердак, и оно там лежит» (*Пожва Юсьв.*). В Юрлинском районе старые, пролежавшие год или несколько лет пасхальные яйца выбрасывали в реку, сжигали в печи, бросали на крышу: «После Пасхи речка откроется, лед откроет, тожно по речке яйца спускают» (*Ефремова Юрл.*); «старое яйцо бросали через крышу на улице, когда ветры сильные, чтоб ничё не случилось» (*Зап. от Трушниковой А.С., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.*). Примеры обрядовых манипуляций с яйцом в крае раскрывают богатую символику яйца в народной культуре – символику жизни, нового рождения, плодородия.

К Пасхе мыли и чистили избы. В д. Лопва Юрлинского района отмечали, что перед Пасхой «иконы моют, эту воду скоту поили, чтоб не болел». В Юсьвинском районе неделя, предшествующая Пасхе, получила название Чистая, так как именно в эти сроки проводили уборку изб: «Избу мыли обычно перед Пасхой. Последняя Пасхальная неделя, она уже как чистая вся считается, к этому времени обязательно мыли всё кругом. Раньше ж всё ходили друг к другу, помогали. Сегодня в один дом, вымоют, завтра в другой, помогут. Так вот ходили. Полы, стены и потолки мылись» (*Пожва Юсьв.*). В д. Осинка и с. Юм Юрлинского района дома к празднику украшали соломенными фонариками: «На Пасху делали из соломы фонарики. Солома-то прямая была, рожь долгая растет. Ее нарежем ножницами, на нитку их вздеваем, фонарики делали. Фонарик в середку большой, там маленький еще фонарик сделаешь, среди потолка повесишь, яички на него кладешь. Ой, как красиво! Он висит, крутится так» (*Осинка Юрл.*). В Кудымкарском районе к божнице к празднику крепили бумажные гирлянды: «Яичко повешают на полку. Раньше полки, иконы-то были, полочки, вот и молятся. Раньше из газетки так вырежут и туда положат яйцо. Какие-то такие штучки, корзиночки, всё навешают, всякие тряпочки, вот они болтаются» (*Ракишино Кудымк.*).

Христов день, Пасха

Как для одного из самых больших и значимых праздников в году, для празднования Христова дня большое значение имели церковные обряды. Православное население старалось посетить пасхальную службу в церквях: «Ночью на воскресенье идут читать молебны в церкви. Туда носят крашенные яйца, а потом сами кушают» (*Лопва Юрл.*). Церкви могли посещать и в пасхальное утро: «В Пасху с утра ходили в церковь» (*Пожва Юсьв.*). В д. Монастырь Гайнского района на Пасху со всех деревень окрести собирались в селе, иконы несли. Эти иконы должны были простоять в церкви до Троицы, затем их разносили по домам. В тех случаях, когда не ходили в церковь или придерживались старообрядческих традиций, ритуал встречи Христа совершали дома. «В Пасху встанешь, свичку перед иконы ставишь, ладанок пустишь и Христа гаркаешь. Молишься, говоришь: «Христос воскрес»!». Сам и отвечаешь: «Воистину воскрес»!» (*Пож Юрл.*); «Пасху встречали, целую ночь не спят, делают цветочки. У нас мама, дак она белые платишка нам пьёт. Отец нам нашьёт коты из кожи, всем опушнит, всем вдернет поясочки, все по порядку поставит. Мы встаём. Отец, мать утром часов пять, четыре богу молятся, гаркают Христа. Один говорит «Христос воскрес»!, другой говорит «Во истинной воскрес»!. Вот двое гаркают. Перед иконами...» (*Ракишино Кудымк.*). Атмосферу встречи праздника Пасхи достаточно полно передаст рассказ бабушки: «Отец прежде с вечера с матерью идет в церковь на вечерню. На вечерню мать сходит, из церкви приходит и начинает стряпать. А у нас большой стряпни не бывало — шаньги да пироги. Отец там, на вечерней, а она стряпает. Приходит отец из церкви, мать собирает на стол, всех нас будит: «Умывайтесь»!. Отец говорит: «Ну-ко, головки приголубьте», поцелует. Ну-ка, станьте, девушки, у меня хорошими» садимся за стол, наедемся. В Пасху никогда работать не ходили. Отец с матерью своими делами заняты. А мы — бегать» (*Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., с. Юм Юрл.*).

В пасхальное утро обязательным было застолье, главным на котором были крашенные яйца. «А как за стол сядут, «Христос воскрес»!, — и мама даст яичко. Первые два яичка на божничку со словами: «Христос воскрес»!, они до следующей Пасхи живут» (*Юрла*). В д. Кукольная Юрлинского района отмечали, что яйца на Пасху варили по-особому: «Мужикам яйца пекут со смятку, а бабам надо есть вкрутую, а то омужится, как мужик будет». В п. Пожва Юсьвинского района первое яйцо во время пасхального застолья было принято давать самому маленькому в семье. В Гайнском районе обязательным для крестных было снести два яйца своему крестнику. Всех пришедших в гости в пасхальные дни приветствовали: «Христос воскрес»!. «Вот кто войдет: «Христос воскрес, Христос воскрес», — скажешь». — «Воистину воскрес»!» (*Осинка Юрл.*).

Пасхальное время, как и другое праздничное время, сакрально, в это время «просят у бога здоровья всем, и чтоб все велось и жилось хорошо» (*Ефремова Юрл.*). В Юсьвинском районе в пасхальное утро выходил встре-

Христов день, Пасха

Как для одного из самых больших и значимых праздников в году, для празднования Христова дня большое значение имели церковные обряды. Православное население старалось посетить пасхальную службу в церквях: «Ночью на воскресенье идут читать молебны в церкви. Туда носят крашеные яйца, а потом сами кушают» (*Лопва Юрл.*). Церковь могли посещать и в пасхальное утро: «В Пасху с утра ходили в церковь» (*Пожва Юсьв.*). В д. Монастырь Гайнского района на Пасху со всех деревень окрести собирались в селе, иконы несли. Эти иконы должны были простоять в церкви до Троицы, затем их разносили по домам. В тех случаях, когда не ходили в церковь или придерживались старообрядческих традиций, ритуал встречи Христа совершали дома. «В Пасху встанешь, свичку перед иконы ставишь, ладанок пустишь и Христа гаркаешь. Молишься, говоришь: «Христос воскрес»!». Сам и отвечаешь: «Воистину воскрес»!» (*Пож Юрл.*): «Пасху встречали, целую ночь не спят, делают цветочки. У нас мама, дак она белые платишка нам шьёт. Отец нам нашёт коты из кожи, всем опушнит, всем вдернет поясочки, все по порядку поставит. Мы встаём. Отец, мать утром часов пять, четыре богу молятся, гаркают Христа. Один говорит «Христос воскрес»!, другой говорит «Во истиной воскрес»!. Вот двое гаркают. Перед иконами...» (*Ракишино Кудымк.*). Атмосферу встречи праздника Пасхи достаточно полно передает рассказ бабушки: «Отец прежде с вечера с матерью идет в церковь на вечерню. На вечерню мать сходит, из церкви приходит и начинает стряпать. А у нас большой стряпни не бывало — шаньги да пироги. Отец там, на вечерней, а она стряпает. Приходит отец из церкви, мать собирает на стол, всех нас будит: «Умывайтесь»!. Отец говорит: «Ну-ко, головки приглубите», поцелует. Ну-ка, станьте, девушки, у меня хорошими» садимся за стол, наедемся. В Пасху никогда работать не ходили. Отец с матерью своими делами заняты. А мы — бегать» (*Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., с. Юм Юрл.*).

В пасхальное утро обязательным было застолье, главным на котором были крашеные яйца. «А как за стол сядут, «Христос воскрес»!, — и мама даст яичко. Первые два яичка на божничку со словами: «Христос воскрес»!, они до следующей Пасхи живут» (*Юрла*). В д. Кукольная Юрлинского района отмечали, что яйца на Пасху варили по-особому: «Мужикам яйца пекут со смятку, а бабам надо есть вкрутую, а то омужится, как мужик будет». В п. Пожва Юсьвинского района первое яйцо во время пасхального застолья было принято давать самому маленькому в семье. В Гайнском районе обязательным для крестных было снести два яйца своему крестнику. Всех пришедших в гости в пасхальные дни приветствовали: «Христос воскрес»!. «Вот кто войдет: «Христос воскрес, Христос воскрес», — скажешь». — «Воистину воскрес»!» (*Осинка Юрл.*).

Пасхальное время, как и другое праздничное время, сакрально, в это время «просят у бога здоровья всем, и чтоб все велось и жилось хорошо» (*Ефремова Юрл.*). В Юсьвинском районе в пасхальное утро выходил встре-

чать солнце: «Надо выходить встречать солнышко, чтобы на улице встретить, чтобы ему сделать поклон, чтобы он тебя всегда оберегал, чтобы тебе всегда солнце светило» (*Пожва Юсъя.*). В д. Дубровка Юрлинского района считали, что на Пасхальной неделе нельзя не только работать, но и спать днем – «корова домой ходить не будет». На пасхальную неделю распространялся запрет «жарить на сковороде», нарушивший запрет «Христа жарить будет» (*Дубровка Юрл.*).

Главным развлечением молодежи на Пасху было качание на качелях. Качели устраивали по-разному. «С березы на березу положат слегы, и на эти слегы вешают качели, на цепях или на тросе» (*Кукольная Юрл.*). Качели сооружали на столбах: «Качели были. Такие здоровые качели, высокие. Сами делали. Мужики, ребята соберутся, сделают. Столбы, на столбы перекладину. Верёвки сделают, доску сделают. Вот и раскачивашша. На один конец встанешь, на другой. Сначала разбежишься, потом запрыгнешь и начинаешь. И на доску еще человек пять сядет. Обычно, когда раскачиваются, все стояли. Встанешь на самый конец – и пошёл» (*Пожва Юсъя.*). Качели устраивали на козлах: «Бабка делалась из жердей, жерди сложат, вершины завяжут крепко, поднимут и там их разделают, и на эти верхушки положат переклад, верёвки повешают. Качулю делали большую, на доску больше десяти человек вставали. Сильно не качались, если много встанет, лишь бы шевелиться маленько. Если немного, два-три человека, они, конечно, раскачиваются сильно» (*Кукольная Юрл.*). Качели могли устанавливать на перекладинах на гумне – сарае для молотбы: «Качели делали, качались. Куда-нибудь верёвку привяжут и качаются. Делали даже на гумно, раньше называлось, где молотили. Под крышей сделают большую такую доску и верёвку. Там несколько человек качаются» (*Ракишино Кудымк.*). В Кудымкарском районе пасхальные качели в зависимости от того, сколько участников могли на них качаться, имели свои названия – одинарая качель, однорядка, двухрядная качель, двухрядка: «Качались в Пасху. Сходим на двор, попросим веревки у конюха. Свяжем качель. Двухрядку, однорядку. Двухрядка – доску ложут на два конца веревки большую. На двухрядке человек десять насядешь, чтобы доска не сломалась, и качашша. А однорядка – по одной качашша, одна только петля у веревки» (*Ракишино Кудымк.*). При качании на однорядке устанавливали особый порядок качания участников пасхальных гуляний: «Сделаю из соломы мяч, качамся и подбрасываю его, тот, кто качается, – бросает, качамся и подбрасываю. Если кто поймат этот мяч, он садится. А пока не поймат, всё качаешша» (*Ракишино Кудымк.*). Одной из разновидностей пасхальных качелей была качеля на одном столбе: «Один столб был высокий, там было колесо, тоже цепь, и вот раскачивали. Подымут, как на самолете леташь...» (*Сёйва Гайн.*); «У нас эшо была качеля: столб выкопали на полянке и наверх привязывают такое колесо. Оно крутится, и верёвки, четыре верёвки. Потом сядешь на эту верёвку. тебя на этом, такая длинна палка, может метра два, поднимут за задницу, бежишь, тебя поднимут, отпустят, потом и качашша, и качашша, и качашша...» (*Ракишино Кудымк.*).

чать солнце: «Надо выходить встречать солнышко, чтобы на улице встретить, чтобы ему сделать поклон, чтобы он тебя всегда оберегал, чтобы тебе всегда солнце светило» (*Поэма Юсёв*). В д. Дубровка Юрлинского района считали, что на Пасхальной неделе нельзя не только работать, но и спать днем — «корова домой ходить не будет». На пасхальную неделю распространялся запрет «жарить на сковороде», нарушивший запрет «Христа жарить будет» (*Дубровка Юрл.*).

Главным развлечением молодежи на Пасху было качание на качелях. Качели устраивали по-разному. «С березы на березу положат слеги, и на эти слеги вешают качели, на цепях или на тросе» (*Кукольная Юрл.*). Качели сооружали на столбах: «Качели были. Такие здоровые качели, высокие. Сами делали. Мужики, ребята соберутся, сделают. Столбы, на столбы перекладину. Верёвки сделают, доску сделают. Вот и раскачиваша. На один конец встанешь, на другой. Сначала разбежишься, потом запрыгнешь и начинаешь. И на доску еще человек пять сядет. Обычно, когда раскачиваются, все стояли. Встанешь на самый конец — и пошёл» (*Поэма Юсёв*). Качели устраивали на козлах: «Бабка делалась из жердей, жерди сложат, вершины завяжут крепко, поднимут и там их разделают, и на эти верхушки положат переклад, верёвки повешают. Качулю делали большую, на доску больше десяти человек вставали. Сильно не качались, если много встанет, лишь бы шевелиться маленько. Если немного, два-три человека, они, конечно, раскачиваются сильно» (*Кукольная Юрл.*). Качели могли устанавливать на перекладинах на гумне — сарае для молотьбы: «Качели делали, качались. Куда-нибудь верёвку привяжут и качаются. Делали даже на гумно, раньше называлось, где молотили. Под крышей сделают большую такую доску и верёвку. Там несколько человек качаются» (*Ракино Кудымк.*). В Кудымкарском районе пасхальные качели в зависимости от того, сколько участников могли на них качаться, имели свои названия — одинарая качель, однорядка, двухрядная качель, двухрядка: «Качались в Пасху. Сходим на двор, попросим веревки у конюха. Свяжем качель. Двухрядку, однорядку. Двухрядка — доску ложут на два конца веревки большую. На двухрядке человек десять насядешь, чтобы доска не сломалась, и качаша. А однорядка — по одной качаша, одна только петля у веревки» (*Ракино Кудымк.*). При качании на однорядке устанавливали особый порядок качания участников пасхальных гуляний: «Сделаю из соломы мяч, качамся и подбрасываю его, тот, кто качается, — бросает, качамся и подбрасываю. Если кто поймат этот мяч, он садится. А пока не поймат, всё качаша» (*Ракино Кудымк.*). Одной из разновидностей пасхальных качелей была качеля на одном столбе: «Один столб был высокий, там было колесо, тоже цепь, и вот раскачивали. Подымут, как на самолете леташь...» (*Сёйва Гайн.*); «У нас эшо была качеля: столб выкопали на полянке и наверх привязывают такое колесо. Оно крутится, и верёвки, четыре верёвки. Потом сядешь на эту верёвку, тебя на этом, такая длинная палка, может метра два, поднимут за задницу, бежишь, тебя поднимут, отпустят, потом и качаша, и качаша, и качаша...» (*Ракино Кудымк.*).

Качание на качелях имело особый магический смысл. Исследователи связывают его как с «качанием», игранием весеннего солнца, так и с движением в иной, потусторонний мир (в верованиях некоторых народов, например, марийцев Прикамья, души умерших попадали в загробный мир, качаясь на качели). Присутствует в качании на качелях и брачная тематика, которая хорошо представлена материалами по Юрлинскому району: «На Пасху на качелях качались. Парни встанут на качелю, девку спрашивают: «Кто у тебя невеста»? Если качаются девки, парни хлещут их вицей или палкой и спрашивают: «Кто жених у тебя»? А кто и скажет: «Ты жених»!. Девки песни поют, ленточки навешают, в косы заплетут, штук десять навешашь, кверху их раздуют, юбки широкие оденешь, красивые. Ленточки не бантиком, а просто так, и заплетут их в косу, они до пояса вешаются: зеленые, синие, красные, белые, голубые — всяких цветов. Песни поют» (*Осинка Юрл.*). Качание на качелях, как и празднование Пасхи, продолжалось всю неделю.

Радуница (Радольница)

Вторник на следующей неделе после Пасхи, как вообще в русских традициях, в северо-западных районах Прикамья считался днем поминовения умерших: «Это живет Радольница, после Пасхи через неделю» (*Черная Юрл.*). Почитание Радуницы и поминовение умерших связывалось в народной традиции с представлением об этом дне как о родительской Пасхе: «На Радольницу родителей поминают. У родителей Пасха начинается. Мы уж разговились, а они только начинают. Им тоже Пасху надо делать...» (*Пожева Юсв.*). В этот день принято было посещать кладбище: «Радоница будет, на Радоницу ходят на кладбище кадить своих родителей» (*Черная Юрл.*). Традиция кадить родителей (окуривать могилы ладаном) распространена как среди православного, так и старообрядческого населения почти всех районов: «Кадили: кадиленку возьмем, ладанку разожем, угли из дома принесем, покадим могилку» (*Черная Юрл.*); «На столе сделашь стол, вот сидишь, поминашь. Покадить, если кадило есть, молитву прочитывать надо» (*Пожева Юсв.*).

Главным поминальным атрибутом в этот день было пасхальное крашеное яйцо. «В Радольницу красят яйца. Обычно яйца оставляют на Радольницу после Пасхи, если останутся, нет, красят новые. На кладбище яйца разламывали, кушали, поминали. Яйца приносят на могилу — в первую очередь за яичком нужно помянуть» (*Лопва Юрл.*). Яйца оставляли на могилах, посыпали могилы зерном: «Зерно для птичек оставляют, потому что птичка — святая» (*Лобанова Юрл.*). Поминальными были и другие блюда: «Настряпашь, на кладбище идешь, из рыбы пирог испекешь, из любой рыбы можно» (*Пожева Юсв.*). В д. Мухоморка к Радольнице приурочивали и своеобразное гадание о будущем: ««В речку шаньги кидали и говорили: «Если я умру, то пусть моя шаньга утонет, а если нет, то не умру»» (*Мухоморка Юрл.*). Еще одна особенность праздника — «Как Радальница, на сковороде стряпашь. А на

Христовской неделе на сковороде не стряпают, ни блины, ничё» (Тилина Юрл.).

Праздники и обряды от Пасхи до Троицы

Егорьев день (6 мая), первый выгон скота

Первый выгон скота в северо-западном Прикамье почти на всех территориях, приурочивался к 6 мая, Егорьеву дню: «Первый раз выпускали в Егорьев день. Провожашь с вербой. Хлебушко дадим, воскресну молитву..., чтоб суседушко проводил ее» (*Полва Кудымк.*). Святой Егорий Храбрый считался в народе покровителем скота: «Егорий Храбрый на коне воинственный был. У скота Егорий Храбрый – бог» (*Лопва Юрл.*). В Егорьев день ему «отдавали на поруки» скот. При передаче скота произносили заговоры-заклинания, прося Егория хранить скот, охранять его от лесных зверей, отправлять домой: «Шестого мая были Егорьи вёсны. В этот день корову первый раз выгоняли веточкой черёмухи, водили по деревне со словами: «Сдаю батюшке Егору на поруки на всё красное лето» (*Сёйва Гайн.*). Бытовало много вариантов этих заговорных формул: «Егор Храбрый, храни наших скотинок, никуда не девай» (*Черная Юрл.*); «Егорий Храбрый, не оставляй скотину нашу на воле, веди домой!» (*Лопва Юрл.*); «Иди, матушка, коровушка на волюшку. Храбрый батюшка, Егорушка, проводи коровушку у меня» (*Черная Юрл.*); «Скотинка иди, Егоре на поруки сдаем, чтобы пас тебя бы, хранил» (*Елога Юрл.*).

В с. Юм Юрлинского района отмечали, что выгонять скот следовало с иконой и зажженной свечой: «Господня скотинка, шагай с Христом, с Богом, на Божию благодать Егорию Храбром», – добрые люди со свечой, с иконой провожали скотинку-то на волю. Да говорили: «Спаси мою скотинку от зверя лютого, от дерева падучего, от ушиба, от удара, от потравы. Дай ей, Господи, силу-моготу, чтобы сама себя сохранила и силы набрала. Со свечой в Егорий день скотину провожали» (*Юм Юрл.*). В тех деревнях, где скот пасся с пастухом, в Егорьев день передавали стадо пастуху: «Скота передают пастуху де в Игорев день» (*Келич Юрл.*). В Гайнском районе на Егорьев день делали кашу пастуху: «Собирались у кого-нибудь, приносили еду, пиво, брагу и кормили пастуха, а потом пели песни...» (*Чуртан Гайн.*).

В первом выгоне скота задействованы многие пасхальные, весенние атрибуты: веточки вербы с Вербного воскресенья, вереск, хлеб, соль с Великого четверга, яйца. «Скота отпускают, скот выгоняют на волю вербочкой с Вербного воскресенья или вереском с Великого четверга» (*Лопва Юрл.*); «Ой, раньше традиция была хорошая. Вот я уже здесь жила дак. Я утром выхожу. Корову я всегда готовила. Её расчесу. Она у меня такая чистая. Я её расчесу. На Паску вербу приносят, на полки верба. Вербу возьму, иконку и

за ворота выганаваю. Чтобы Бож их пас целое лето, чтобы домой ходила каждый вечер» (*Ракишино Кудымк.*). В п. Елизавета-Пожва Юсьвинского района при первом выгоне «в Егорьев день старались накормить корову хлебом и солью от Великого четверга». Хлебом с Великого четверга кормили скот при первом выгоне в других деревнях: «Скота провожали хлебушком. На Великий четверг хлебушко с солью на полочку положим» (*Полва Кудымк.*). В д. Черная Юрлинского района, выгоняя скот, брали с собой яйца, которые выбрасывали на пастбище: «Яйцо брали, говорили: «Егору Храброму скотинку сдаю», яйцо на поле выкидывают, где на поле скота выгоняют, там и выбросят» (*Черная Юрл.*). Яйца участвовали в ритуале первого выгона скота и в русских традициях других районов Прикамья.

Следует заметить, что в Егорьев день совершался чаще всего лишь ритуальный выгон скота — северные климатические условия часто не позволяли в столь ранний срок выгонять скот на пастбище. «Шестого мая живет Егорьев день. И вот тогда первый раз ты должна скотину пустить и сказать, что сдаем тебя на поруки Егору Храброму. Если снег, то хотя в огород выпускают» (*Черная Юрл.*); «Коров старались в Егорьев день выгнать хоть на два-три часа на улицу. Когда их выгоняли, хлестали их вербовой веткой, чтоб летом ходили домой. Затем ветку бросали во двор» (*Пожва Юсьв.*).

В некоторых деревнях Юрлинского района в Егорьев день при первом выгоне скота совершались ритуальные действия со скотом, которые в других традициях были приурочены к Великому четвергу. В д. Липухина в Егорьев день совершали подрезание скоту хвостов: «В Егорьев день, на пастбище гоним первый раз, хвосты подрезают, их не бросают, в угол во дворе куда заткнут. Говорят, вот ворона уташит, и скот не поведется, вот их хвосты-то и подбирают»; «вот толды, это в Егорьев день, когда отпускают, хвост, кончики обрежут и на ворота, в шилочку, положат». В Егорьев день готовили и обереги для скота, чтобы уберечь скот от порчи и сглаза, «вот вязки бывает вяжем, красим. Привязать надо скотине на хвост или на рога тряпочку, чтобы не так порча брала, не так урочилась скотина. Это когда первый раз отпускали» (*Елога Юрл.*).

В Юрлинском районе Егорьев день отмечен и как один из сроков посадки капусты: «Капусту садят в Егорьев день — мошки еще нет» (*Лопва Юрл.*). В д. Осинка, наоборот, отмечали, что сеять рассаду в Егорьев день не следует: «В Егорьев день посеешь рассаду, мошкara поест её, рассаду сеют до 6 мая, до Егорьева дня» (*Осинка Юрл.*). В районе записаны варианты заговоров, произносимых при посадке капусты: «Расти с молитвой, капуста, не поддавайся, ни мошкаре, никому, чтобы не ела мошкara» (*Елога Юрл.*); «Со Христом, с молитвой, расти, капуста, на добрых людей» (*Келич Юрл.*); «Вырастите, листы, шире маминой п...ды!» (*Осинка Юрл.*); «Не троньте мою капусту. Расти, капуста, большая, кочанистая, добрым людям на пользу!» (*Шестина Юрл.*); «Для добрых людей, для малых детей, для братьев, для нищих, для прохожающих, для заезжающих, прости с молитвой» (*Ефремова*

за ворота выганаваю. Чтобы Бож их пас целое лето, чтобы домой ходила каждый вечер» (*Ракишино Кудымк.*). В п. Елизавета-Пожва Юсьвинского района при первом выгоне «в Егорьев день старались накормить корову хлебом и солью от Великого четверга». Хлебом с Великого четверга кормили скот при первом выгоне в других деревнях: «Скота провожали хлебушком. На Великий четверг хлебушко с солью на полочку положим» (*Полва Кудымк.*). В д. Черная Юрлинского района, выгоняя скот, брали с собой яйца, которые выбрасывали на пастбище: «Яйцо брали, говорили: «Егору Храброму скотинку сдаю», яйцо на поле выкидывают, где на поле скота выгоняют, там и выбросят» (*Черная Юрл.*). Яйца участвовали в ритуале первого выгона скота и в русских традициях других районов Прикамья.

Следует заметить, что в Егорьев день совершался чаще всего лишь ритуальный выгон скота — северные климатические условия часто не позволяли в столь ранний срок выгонять скот на пастбище. «Шестого мая живет Егорьев день. И вот тогда первый раз ты должна скотину пустить и сказать, что сдаем тебя на поруки Егору Храброму. Если снег, то хотя в огород выпускают» (*Черная Юрл.*); «Коров старались в Егорьев день выгнать хоть на два-три часа на улицу. Когда их выгоняли, хлестали их вербовой веткой, чтоб летом ходили домой. Затем ветку бросали во двор» (*Пожва Юсьв.*).

В некоторых деревнях Юрлинского района в Егорьев день при первом выгоне скота совершались ритуальные действия со скотом, которые в других традициях были приурочены к Великому четвергу. В д. Липухина в Егорьев день совершали подрезание скоту хвостов: «В Егорьев день, на пастбище гоним первый раз, хвосты подрезают, их не бросают, в угол во дворе куда заткнут. Говорят, вот ворона утащит, и скот не поведется, вот их хвосты-то и подбирают»: «вот толды, это в Егорьев день, когда отпускают, хвост, кончики обрежут и на ворота, в шилочку, положат». В Егорьев день готовили и обереги для скота, чтобы уберечь скот от порчи и сглаза, «вот вязки бывает вяжем, красим. Привязать надо скотине на хвост или на рога тряпочку, чтобы не так порча брала, не так урочилась скотина. Это когда первый раз отпускали» (*Елога Юрл.*).

В Юрлинском районе Егорьев день отмечен и как один из сроков посадки капусты: «Капусту сядят в Егорьев день — мошки еще нет» (*Лопва Юрл.*). В д. Осинка, наоборот, отмечали, что сеять рассаду в Егорьев день не следует: «В Егорьев день посеешь рассаду, мошкara поест её, рассаду сеют до 6 мая, до Егорьева дня» (*Осинка Юрл.*). В районе записаны варианты заговоров, произносимых при посадке капусты: «Расти с молитвой, капуста, не поддавайся, ни мошкаре, никому, чтобы не ела мошкara» (*Елога Юрл.*); «Со Христом, с молитвой, расти, капуста, на добрых людей» (*Келич Юрл.*); «Вырастите, листы, шире маминой п...ды!» (*Осинка Юрл.*); «Не троньте мою капусту. Расти, капуста, большая, кочанистая, добрым людям на пользу!» (*Шестина Юрл.*); «Для добрых людей, для малых детей, для братьев, для нищих, для прохожающих, для заезжающих, прости с молитвой» (*Ефремова*

Юрл.); «Расти, капуста, большая, кочанистая, добрым людям на похвалу, а лихим на завиденье» (*Шестина Юрл.*).

По погоде Егорьева дня определяли погоду на будущее лето. «Считалось, что «Егорий даст обязательно дождик, а если не даст — летом будет засуха» (Лопва Юрл.), «если в Егорьев день подожжит — трава вырастет хорошая, большая. Егорьев день с водой, Никола с травой» (*Кукольная Юрл.*).

Марьи-погиболки

Этот день в народном календаре связывался с началом ледохода на реках. Происхождение названия праздника объясняет легенда, записанная в д. Лопва Юрлинского района: «А вот эта погибелка вот почему. Где реки большие живут, плиты (льдины) раздернет по бокам, река села, а плиты остались. Это погнули плиты, значит, погнули и Марьи».

Проводы льда

В селах и деревнях, расположенных по р. Кама, в весеннем цикле обрядности представлены обычаи проводов льда. «Когда Кама тронется, все идут. Там две улицы было, на улицу. А так было, пожилые старушки. Они стоят, шепчут да и сё. А мы чё? Нам любопытно. Раньше Кама пойдёт, такие торосы торчат» (*Пожва Юсьв.*). Во время ледохода жертвовали реке деньги и хлеб: «Кама идет, каравай кидали. Просто так бросит и всё. Куда попадёт, туда попадёт» (*Пожва Юсьв.*); «У нас весной люди за воду платят. Собираются вместе и идут к реке, бросают в неё корку хлеба или монетки медные» (*Сёйва Гайн.*). Подобные действия выполняли в стремлении «чтобы летом не утонуть» (*Пожва Юсьв.*).

Арина-рассадица (18 мая)

День известен как время посадок в огороде: «в него всё садят». Часто огородные работы начинали только после первого грома: «Землю копать под гряды нужно тогда, когда услышишь первый гром» (*Чуртан Гайн.*). Сроки посадки отдельных культур определяли по разным приметам: «Первая ласточка прилетит — сеют горох» (*Ефремова Юрл.*). Посадить лук старались до Николина дня (22 мая): «До Николы луковки садят, чтобы раньше росли, поспевали» (*Юм Юрл.*). При посадке редьки наговаривали: «Господь Бог, спаси и сохрани мое растение, мою редечку!» (*Осинка Юрл.*).

Сроки высадки капустной рассады связывали с одной из недель после пасхи, одна из недель называлась Вшивой, в это время старались не высаживать рассаду. Название связывалось с тем, что посаженную в этот срок капусту съест мошка (*вшя*). «Она, неделя Вшивая, всегда парная — четвертая, шестая, восьмая от Пасхи. А в девятую неделю от Пасхи надо капусту садить» (*Кукольная Юрл.*). При высадке капустной рассады, чтобы оградить ее от насекомых-вредителей, в д. Осинка Юрлинского района посыпали ее зо-

лой, набранной в Великий четверг: «Капусту подсыпать сверху надо золой четверговой и говорить: «Бросаю, глаза бусом залепляю»!». В с. Полва Кудымкарского района с этой же целью произносили заговор: «Чтобы мошка не ела, наговаривам: «Мошка как задницу не видит, так чтоб мошка капусту не видела» (*Полва Кудымк.*). Посадку рассады обычно сопровождали и другими словами: «Пусть капуста родится на завидящих, на проходящих» (*Сейва Гайн.*).

Время посадки зерновых в традициях Прикамья определяли по разным приметам. В Юрлинском районе, чтобы определить, какой сев — ранний, средний или поздний — будет удачным, смотрели, как высыхают первые снесенные куриные яйца: «Курочка перво яичко снесет, его запятнают; другое — его запятнают; третье тоже пятнают. Опять было это, заповедь: какое яйцо не шибко усохнет, первое, второе или третье, такой и сев хороший, ранний, второй или последний. Это опять сев признавали. Это перво-наперво курочка-то снесет, его караулили. Как бы пятнали от одной курочки» (*Мухоморка Юрл.*). Во время первого сева старались не только прочитать молитвы, но и жертвовали земле вареные яйца: «Хозяин поедет на поля сеять, яйцо с собой берёт. Его надо было закопать в землю» (*Чуртан Гайн.*).

**Николин день, Никола, Никола весенний,
Никола вёшный, Никола вёсная, Никола весённый (22 мая)**

Николин день считался одним из сроков начала посевных работ. Связывались с этим днем и природные приметы. Повсеместно была распространена поговорка «Егорий с водой — Никола с травой». Полагали, что за 13 дней до Николина дня прилетает кукушка: «Николин день живет 22 мая, кукушка прилетает за 13 дней до Николы» (*Лобанова Юрл.*). В д. Черная Юрлинского района с Николиным днем связывали наступление теплой погоды: «Николин день пришел да и тепло принес». Николин день был одним из дней, к которому во многих деревнях приурочивались престольные праздники: «У нас праздник престольный был — Никола весённый. Первый весенний у нас праздник Никола 22 мая» (*Раймыскова Кудымк.*).

Первое кукование кукушки, первый гром

С магией первого действия в весенней обрядности связывались многие приметы. По первому кукованию кукушки, первому грому определяли, какой будет весь год. Кукушка в народной культуре наделена отрицательной символикой, появление ее на усадьбе дома считалось приметой к покойнику. Плохой приметой был прилет кукушки в деревню: «Перед войной кукушка прилетала в деревню, куковала, это тоже к беде» (*Шестина Юрл.*). По тому, с какой стороны человек впервые слышал кукование кукушки, определялось благополучие будущего года: «Вот услышал кукушку «в глаза» первый раз — весь год плакать буду, «в затылок» — умру, «в правую щеку» — хо-

рошо буду жить, «в левую» — плохо» (*Черная Юрл.*); «Это замечают, кукушка кукует. Если она в глаза тебе скукует, услышишь где-нибудь, в глаза кукует, тот год будешь реветь, говорит. Если в ухо, то ничего...» (*Ракшино Кудымк.*). В д. Келич отмечали, что, кроме женской особи кукушки, кукует и самец — *туткун*: «Туткун, он сильнее, он все время «ту-ту» делает так. Если туткун стутает куды-нибудь, это уж правда будет. Взад кукует, это к плохому. В правое ухо — к хорошему, левое — это хворать, взад — умрешь, вперед — тебя все время поносить будут, говорить нехорошее. В правую кукует — это ведь богато жить будешь еще» (*Келич Юрл.*). С первым кукованием кукушки связывались и многие другие приметы: «Когда в туалет сядешь, она скукует то время, обязательно в тот год умрешь...» (*Ракшино Кудымк.*); «Кукушка кует, это первый раз замечаешь, что какой ты был, голодный или сытый, так год проживешь» (*Тиуново Гайн.*).

По первому грому также определяли благополучие будущего года: «Плохо погремит, дак и плохой год будет» (*Черная Юрл.*); «Я говорю, что это примечаешь, с какой стороны, если с западной стороны, значит, будет год гористый, плохой год будет, вот это да, страшный год будет...» (*Тиуново Гайн.*); «С какой стороны гром придёт, с той стороны и зверь придет, зверь — волки, мидвиди да» (*Тиуново Гайн.*). Только после первого грома начинали полевые работы с землей: «Землю копать под гряды нужно тогда, когда услышишь первый гром» (*Чуртан Гайн.*). Ранний гром сулил холодную и длинную весну: «Гром рано гремит — холод долго будет» (*Дубровка Юрл.*). При первом громе следовало перекувыркнуться, «переметнуться, чтобы спина не болела» (*Черная Юрл.*), необходимость кувыркания при первом громе также связывали с благополучием будущего года для человека: «Первый гром когда гремит, тогда, говорят, кувыркаются и просят здоровье» (*Ракшино Кудымк.*).

Иван-Берестенник

Этот день народного календаря известен русским Юрлинского района, с этого дня начинали снимать с берез бересту. «В Иван Берестенник по бересту ходят, для печки там готовят, туес можно делать» (*Келич Юрл.*).

Троицкие праздники и обряды

Вознесенье (Вознесеньев день)

Вознесение не считалось большим праздником, к этому времени обычно еще не заканчивались весенние полевые работы, про него часто говорили: «Вознесенье, оно всегда в севу бывает. Весенний день — год кормит» (*Пож Юрл.*). С Вознесеньем связывали наступление летнего тепла: «Вознесение Христова Господне, после Вознесения тепло будет. Вознесеньев день придет

на землю-матушку, тепло принесет» (*Осинка Юрл.*). Бытовали представления о том, что в этот день Иисус Христос поднимается на небо: «Иисус Христос поднимется на небеса и тепло спустит на землю» (*Черная Юрл.*). В д. Келич Юрлинского района считали, что в этот день обязательно следует стряпать шаньги и укладывать на столе стопочкой, «по этим шаньгам в Вознесеньев день Иисус Христос подымается обратно наверх. Горкой кладут шаньги-то, вот по ним-то Иисус Христос или в небеса поднимется, или спускается. В Пасху-то Иисус спускается, там ведь тоже пекут, так он спускается, а в Вознесеньев день он поднимается».

Поминальный день, Семик, Троицкая суббота

Поминование умерших в северо-западном Прикамье, как и в других русских традициях, приурочивалось к неделе перед Троицей. В некоторых традициях поминальным днем считался четверг, т.е. Семик, в других – суббота (Троицкая суббота). В эти дни было принято посещать могилы умерших: «Суббота Троицкая живет, в субботу на кладбище ходили кадиться. Своих родителей кадили, поминали» (*Осинка Юрл.*). «На кладбище у нас в четверг, Семик назывался. А в субботу у нас не ходили, говорили, в субботу ходят кержаки токо. А счас ходят и по субботам, в любое время ходят» (*Ракино Кудымк.*).

Как на Радольницу, так и в другие поминальные дни, в Юрлинском и Гайнском районах на кладбище кадили могилки родственников: «Приходишь на могилку: «Царствие небесное, там кто (имя называешь)», потом раскладешься, помянешь..., спички берешь с собой, бересточка, возьмешь там, словые шишечки собираешь, веточки сухие. Приговаривают, кадятся: «Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех, до своих, до родителей, до знающих, незнающих, донеси Господь Бог» (*Осинка Юрл.*).

Для поминания умерших стряпали рыбный пирог, приносили с собой яйца: «Всяко больше к обеду идут. Но больше рыбно носят. Пирог, рыбу. Больше рыбой поминают. А питье, кто чё сделает. Кто пиво сделает, кто бражку сделает, кто водку берёт. Кто пьющий, дак поминают вином. Больше пивом поминают. Лимонад, пиво – женщин поминают. На могилку ленут. Пиво ленут. Крупу подсыплют. А это: пусть птичка помянет, это съедает. Это, уж как обычно, крупу сыплют...» (*Пожва Юсьв.*). В некоторых деревнях отмечали, что на Семик, как и в пасхальные дни, для поминования вновь красили яйца: «Яйца красят. На кладбище принесут, разламывают»; «На могильник настряпаешь, бражку несешь, можно и яйца покрасить, на могиле поешь» (*Бадья Юрл.*); «Семик, он по четвергам, на кладбище ходили. Всегда уж яйца красные, все красили, даже рисовали маслом» (*Пожва Юсьв.*).

До настоящего времени в северо-западном Прикамье сохраняется причитание на могилах умерших: «Читали причёты, кто как знает, как умеет. Как прожил человек, всё это приговаривали. Причитают на могилке: «Солнышко ты да родимая мамонька, ой, ты зачем жо, ой ты меня ой да родила

на землю-матушку, тепло принесет» (*Осинка Юрл.*). Бытовали представления о том, что в этот день Иисус Христос поднимается на небо: «Иисус Христос поднимется на небеса и тепло спустит на землю» (*Черная Юрл.*). В д. Келич Юрлинского района считали, что в этот день обязательно следует стряпать шаньги и укладывать на столе стопочкой, «по этим шаньгам в Вознесеньев день Иисус Христос подымается обратно наверх. Горкой кладут шаньги-то, вот по ним-то Иисус Христос или в небеса поднимется, или спускается. В Пасху-то Иисус спускается. там ведь тоже пекут, так он спускается, а в Вознесеньев день он поднимается».

Поминальный день, Семик, Троицкая суббота

Поминование умерших в северо-западном Прикамье, как и в других русских традициях, приурочивалось к неделе перед Троицей. В некоторых традициях поминальным днем считался четверг, т.е. Семик, в других – суббота (Троицкая суббота). В эти дни было принято посещать могилы умерших: «Суббота Троицкая живет, в субботу на кладбище ходили кадиться. Своих родителей кадили, поминали» (*Осинка Юрл.*). «На кладбище у нас в четверг, Семик назывался. А в субботу у нас не ходили, говорили, в субботу ходят кержаки токо. А счас ходят и по субботам, в любое время ходят» (*Ракишино Кудымк.*).

Как на Радольницу, так и в другие поминальные дни, в Юрлинском и Гайнском районах на кладбище кадили могилки родственников: «Приходишь на могилку: «Царствие небесное, там кто (имя называешь)», потом раскладешься, помянешь..., спички берешь с собой, бересточка, возьмешь там, словые шишечки насобираешь, веточки сухие. Приговаривают, кадятся: «Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех, до своих, до родителей, до знающих, незнающих, донеси Господь Бог» (*Осинка Юрл.*).

Для поминания умерших стряпали рыбный пирог, приносили с собой яйца: «Всяко больше к обеду идут. Но больше рыбно носят. Пирог, рыбу. Больше рыбой поминают. А питье, кто чё сделает. Кто пиво сделает, кто бражку сделает, кто водку берёт. Кто пьющий, дак поминают вином. Больше пивом поминают. Лимонад, пиво – женщин поминают. На могилку ленут. Пиво ленут. Крупу подсыплют. А это: пусть птичка помянет, это съедает. Это, уж как обычно, крупу сыплют...» (*Пожва Юсьв.*). В некоторых деревнях отмечали, что на Семик, как и в пасхальные дни, для поминования вновь красили яйца: «Яйца красят. На кладбище принесут, разламывают»; «На могильник настряпаешь, бражку несешь. можно и яйца покрасить, на могиле поешь» (*Бадья Юрл.*); «Семик, он по четвергам, на кладбище ходили. Всегда уж яйца красные, все красили. даже рисовали маслом» (*Пожва Юсьв.*).

До настоящего времени в северо-западном Прикамье сохраняется причитание на могилах умерших: «Читали причёты, кто как знает, как умеет. Как прожил человек, всё это приговаривали. Причитают на могилке: «Солнышко ты да родимая мамонька, ой, ты зачем жо, ой ты меня ой да родила

жо, ой, да на такую жо муку вечную»? На каждой на своей могилке плачут и причитают. Гул только поднимается везде» (*Осинка Юрл.*).

Троица

Наиболее вариативный и развитый комплекс обрядности северо-западного Прикамья связывался с праздником Троицы. Обрядовые действия праздника совершались с березкой, однако они имели разные варианты в каждом из ареалов проживания русских в крае. В Гайнском и Юрлинском районах на Троицу было принято украшать березку, в то же время был неизвестен обычай ставить березки перед домами: «Играли березкой по дороге. А че попало украшали: пояски да опояски, холсты есть, дак холсты повешаешь» (*Осинка Юрл.*); «Березку опять принесут на Троицу. Девки же были. По березку уйдут, на березку навешают всякие ленточки, красивые, красные, алые и зеленые и всякие, с писнями идут в деревню, с березкой, несут ее красиво шибко. Этот день всё пропразднуют. На другой день уташат с ленточками, где она была, опять тут ее унесут на то место. Ленточки да что развяжут. Так и поставят на ноги ее. А в деревне никуда не девают, просто под окошко у кого-ко так заделают и круг березки писни пили» (*Тиуново Гайн.*). В Кудымкарском районе было известно не только украшение березки, но и бытовал обычай ставить березки на Троицу у домов: «Берёзу наряжали тряпками, чем больше. Ставили под окошком. Ставили березку, у каждого дома было» (*Ракшино Кудымк.*); «Троицу отмечали. На Троицу еще наставят берёзки, украсят под окошком лентами всякими, цветами. Когда штуки две поставят, когда и три. Вот украшали. Поставят их, украсят, что Троица. А в последние годы уже не стали вот. Они уже иссохнут, выбрасывали» (*Ракшино Кудымк.*). Такой же обычай был характерен для русских Юсьвинского района: «На Троицу берёзку приносили. Поставят их 3 штуки, рядом лавочки сделают, на этих лавочках сидят, песни поют...» (*Пожва Юсьв.*); «Ставили берёзы перед дом. Мы когда-то, я еще небольшая была, так большие до потолка берёзы приволокёшь из лесу, закопашь. Стоят берёзки. Три берёзки. Я три берёзки поставлю. Всё метёлкой везде вымету, такая красота, зелень. О! Сяду и сижу. Красота» (*Пожва Юсьв.*).

Во многих деревнях считали, что в этот день «лес-именинник». «у леса в Троицу день рождения бывает». В этот день запрещалось рубить лес, выполнять другие хозяйственные работы: «Если будешь рубить — считается грех большой» (*Лопва Юрл.*). Как и везде, на праздник украшали березку: «Березку в деревню приносили, украшали ленточками. Береза радуется дню рождения» (*Зап. от Верхованцевой Е.П., 1927 г.р., д. Лопва Юрл.*). Для украшения березки использовали пояски, холсты и ленты: «Играли березкой по дороге. Чем попало украшали: пояски да опояски, холсты есть, дак холсты повешаешь» (*Осинка Юрл.*); «Украшали цветами луговыми, купальницей, лентами» (*Дубровка Юрл.*). В д. Черная принести из лесу в деревню березку должен был парень, высватавший невесту: «Жених несет (березку), который невесту высватал» (*Зап. от Сакулиной А.И., 1936 г.р., д. Черная Юрл.*).

Единичны в районе записи других троичских ритуалов. Только в д. Дубровка отмечали, что девушки на Троицу завивали венки и отправляли их по воде: «На головы плели венки и бросали их в воду» (*Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла*). В других деревнях подобные гадания, но совершаемые с первым веником, приурочивались к Иванову дню. В д. Ананькина особыми свойствами наделялась вода на Троицу: «троицкая вода святая, мылись в воде, лошадей в воду заводили» (*Зап. от Комаровой Т.С., 1924 г.р. д. Ананькина Юрл.*). Поверья о «святости» воды, возможно, перекликаются с представлениями о том, что в один из дней Троицы «вода-именинница».

С Троицы начинались уличные игры молодежи: «С Троицы уже начинали «дорожкой» играть, «через человека ходить» по всей деревне» (*Дубровка Юрл.*). Игры на Троицу разнообразны и многочисленны; характерно, что они приурочиваются не только к Троице, но и к последующим летним праздникам, например, к Петрову дню. Самыми распространенными были игры «кругами» («кругом»), «ходить через человека», «трубу чистить»: «А играли у нас во всей деревне, все соберутся. Соберутся все вечерами, всю ночь ходят, играют всякими играми. «Кругом», «через человека ходят», всю деревню пройдут, а кругом на одном месте ходят, песни поют» (*Черная Юрл.*).

Духов день

Следующий день после Троицы, понедельник, известен как Духов день. Считалось, что в этот день «земля-именинница». В Духов день не выполняли никакой работы, связанной с землей: «В Духов день, говорят, землю не ворошат, даже не задевают, хоть какая работа, не задевают» (*Черная Юрл.*); «В огороде, говорят, не сажают в Духов день, земля именинница» (*Базуево Гайн.*); «В огород садить нельзя, землю в руки не берут» (*Литухина Юрл.*). Считали, что в Духов день «босиком нельзя было ходить, дак валенки оденут» (*Таволожанка Юрл.*); «Духов день называют. По земле надо ходить в валенках. Земля-именинница. Грешно, в валенках ходите, в сапогах не топчите» (*Тиуново Гайн.*). В п. Пожва Юсьвинского района отмечали — «когда земля именинница, нельзя в каблуках ходить» (*Пожва Юсьв.*).

Заговенье

Воскресенье через неделю после Троицы известно в русских традициях как Троицкое Заговенье перед летним Петровским постом: «Больше молочную пищу есть нельзя, ни мясо, ничего, до Петрова дня» (*Осинка Юрл.*). В это воскресенье, как и на Троицу, гуляли и играли: «Заговенье отмечали: попируют, поиграют, по дороге походят с песнями» (*Черная Юрл.*).

ЛЕТНИЕ ПРАЗДНИКИ

Девята пятница

Многие праздники и почитаемые дни летнего периода народного календаря считались «грозными», «сердитыми». «Грозность» и «сердитость» праздников связывалась не только с тем, что эти дни в редкий год обходились без грозы, но и мифологическими представлениями о природе «грозы», «сердитости» святого Ильи-пророка: «Илья-пророк, где телегу проволок, там на телегах и молния» (*Осинка Юрл.*). Именно этому святому молились и в случае засушливой погоды. Поэтому особо почитались все дни, считавшиеся в народе «грозными», строгими были запреты на выполнение хозяйственных работ в эти дни. К таким «грозным» праздникам относилась и почитаемая Девятая пятница после Пасхи: «На Девяту всегда грозы» (*Пож Юрл.*). В «грозные дни» запрещалось выполнять некоторую домашнюю работу: «Грозные дни — Девятая пятница, Ильинская пятница. Кирики-Улиты, они тоже сердитые живут. В эти дни стираться, мыться нельзя. Одна женщина постиралась, полы помыла, а была Девятая пятница, гром ударил, и убило ее» (*Елога Юрл.*).

Иванов день (Иван, Иван Купало, Иван Купальница, Иван-цветник, Иван цветошной, Иван святошной) (7 июля)

Названия и эпитеты Иванова дня говорят о том, что с этим днем связывалось множество поверий и ритуалов. Праздник называли Иваном-цветником: «Трава цветет до Петрова дня, так вот Иван-цветник живёт, и хлеб-от цветёт» (*Осинка Юрл.*). В Юсьвинском районе название Иван Цветошный связывали с представлениями о цветении в этот день цвета папоротника: «Иван цветошной седьмого июля живет. Тогда папоротник цветет. Кто увидит этот цвет, тому жизни не будет» (*Городище Юсьв.*).

В Иванов день собирали лекарственные травы: «В Иванов день обязательно надо собирать траву Ванька-чай» (*Монастырь Гайн.*); «Трава открывается в этот день, у нее надо брать корни. В 12 часов она самая светлая трава, даже горит, вот на лугу посмотришь, она горит аж. Она лечебная. На горе растет. Идешь, у нее даже огонек горит, ее по огоньку и можно узнать. Вот в речке кувшинки растут. Их надо брать домой, их сушат. Это тоже в Ивана-Купалу ходили» (*Келич Юрл.*). Травы, собранные после положенного срока, по народным представлениям, не обладали целебной силой: «Травы нельзя собирать после Иванова дня, у них силы не будет» (*Монастырь Гайн.*).

В северо-западном Прикамье не были широко распространены представления о чудесных свойствах ивановской росы. Однако представления о целебных свойствах воды в этот день сохранялись: «Иван Купалы, не работу не пойдешь, дак дома помолишься, воду черпнешь из колодца, на икону да помолишься. Воду домой занесем, еще попьем ту воду-ту» (*Тиуново Гайн.*).

С Иванова дня начинали купаться, с чем связывают и его название Купало, Купальник: «Иван Купало, вот в Купало-то купаться можно. Надо купаться, все грехи смоешь» (*Келич Юрл.*). В других традициях сроком, с которого начинали купаться, была Аграфена Купальница, отмечаемая накануне (6.07): «Шестого июля — Купальница, с этого дня разрешалось купаться вплоть до Первого Спаса» (*Монастырь Гайн.*).

Купание в Иванов день связывалось с ритуальным очищением. С этой же целью в Иванов день было принято топить баню и париться новым веником: «Веники в баню в один день надо делать, в раз, и шестого июля. Это лечебные веники, сера на них еще. Первый веник еще, как попарятся, так через голову на баню кидали со словами: «Веник, веник, ты неси с меня все болезни». Его бросали потом, и он весь год лежит» (*Келич Юрл.*). Также поступали и в д. Дубровка Юрлинского района: «Первый веник на баню бросают под крышу. Возьмут, скажут: «Господи, благослови, Бог, помыгься, побелиться. Дай, Бог, леготы». В Гайнском районе с ивановским веником проводили и своеобразное гадание, смотрели, как он ляжет на крыше: «Первым веником, сходят в лес веник наломают, в баню идти, цветочки там, в середину положить купавы, желтенькие цветочки купальница, и потом веник через голову бросят на крышу-ту, если он вершиной падёт, то в тот год заболишься, комлём, дак ничё» (*Тиуново Гайн.*); «На Ивана Купала носят свежие веники. Баню топят, этими новыми вениками парятся. Цветочки еще туда делают три сорта. И потом выходят из бани и вот так веник на крышу кидают на баню. Куда упадет комель. Если в сторону кладбища, то значит умрешь. Это седьмого июля бывает» (*Чуртан Гайн.*). При заготовке веников «собирали чистяк — мяконецкий гладенький лист. Перестынет береза — *блудняк* называется, мохнатое, твердое, такое не брали» (*Мухоморка Юрл.*). Иногда обрядовые действия с вениками приурочивались не к Иванову дню, а совершались накануне, в день Аграфены Купальницы: «Аграфена Купальница назывался. Парились новыми вениками. А вообще-то только с Иванова дни начинали на зиму готовить — «Иванушковой росой окраплено. Вроде они уж такие, безопасные. А так до Иванова может какая болезнь быть или че. Принято только с Иванова дня. Купальницу вот эту, желтую, лютик едкий еще называется он, клали. Можно всякую травинку. А потом кидали в баню. На баню кинут. Только я не знала, как вот. Говорит, если вот комлем или вершиной упадет. Комлем — худо. Вот это я не знала. Кидали назад себя. Встаешь к бане и назад себя кинешь на крышу. Шестого числа обязательно топили баню. Заведено так было старыми людьми» (*Сёйва Гайн.*).

Очистительные свойства, которые приписывались воде и росе Иванова дня, нашли отражение в обычае, характерном для русских традиций Гайнского района, вывешивать на этот день одежду для просушки: «Одежду вывешивают в Иванов день, проветривают...» (*Базуева Гайн.*); «Платья-те достают на Иванову росу. Вынесут да повешают на огород, чтобы моль не ела...» (*Базуева Гайн.*); «Вот всё, что у кого есть, пальто, каки тряпки на ого-

роды чисто место повешать, солнышко выйдет, баско, ветерок дуёт, люблю глядеть. Даже де если валенок, если есть — и моль не кушает его, не будет моль, мама мне сказывала» (*Тиуново Гайн.*).

В Иванов день в д. Дубровка сеяли репу: «В Иванов день репу сеяли: расти пузаста, головаста. Примечают еще, если сеют рассаду, чтобы тучки были. Если чистое небо, то рассада будет плохая» (*Юрл.*). В п. Пожва Юсьвинского района отмечали, что «землянику нельзя собирать до Иванова дня».

Как и в других русских традициях, с Ивановым днем связывали цветение папоротника. Папоротников цвет считался особенным, обладал чудесными свойствами: «если кто его увидит, тот счастливый будет» (*Бадья Юрл.*), «кто найдет цветок от папоротника, от всех болезней вылечится» (*Таволожанка Юрл.*). В Гайнском районе считали, что цвет папоротника указывает месторождение золота: «Папоротник ищут. Где он цветет, там золото спрятано, как говорили» (*Чуртан Гайн.*). Папоротников цвет мог сделать человека невидимкой: «Один раз в год цветет, в 12 часов ночи, всего до часу. И, говорят, (кто знает, это присказки или правда), что ходил когда-то один человек, ушел туда, и папоротник этот попал ему. Раньше лапти носили, а цветок в лапоть и попал, и человек этот невидимкой стал. Вот, папоротник этот — цветок невидимки» (*Ефремова Юрл.*); «Бабушка у нас говаривала. Там цветок какой-то есть, далёко от деревни, а бесы-то имают тама. Один де мужшина набрал цветок невидимка. Невидимка пришёл, дай матушка мне этот цветок. Он, говорит, дал. Зачем, говорит, ты берешь мой цветок. Я тебе деньги дам, говорит. И отнял де. Это нечистой сила, нечистой дук. Счас всё велят креститься, креститься и молиться» (*Тиуново Гайн.*). Папоротников цвет представлялся и чрезвычайно опасным: «А я говорю, я только мельком слыхала. Папоротник цветёт, кто его увидит, тому жизни нет» (*Городище Юсьв.*).

Прежде чем получить цвет, необходимо было пройти суровые испытания: «Видел, видел один цветок-то, а сорвать не смог. Цветет папоротник на Иванов день. Его в жизни никто не брал. Кто бы взял бы его, тот бы счастливо жил, тот человек везде пройдет. Его взять никто не может. Там змеи, там всё будет. Один за спор хотел: «Сорву этот цветок»!. Шел, а ему всё на пути гремучие змеи, лягушки, клады всякие открываются, а внимание обращать не надо. В лесу идет, а там парень на пне сидит, волосы кольцом, золотые, на гармошке играет. И тут вода стала мужику заливатьсь везде, по шее уже. Он перекрестился — и никакая вода, и никто, и он на суше у дома. Так и не смог донести до дома цветок» (*Сергеева Юрл.*); «Папоротник дед старый ходил, караулил. Пришел потом домой и говорит: «Со мной человек разговариват: «Оставь меня, оставь меня». Я говорю: «Кого оставляю»? Опять услышу человека, человеческий голос: «Оставь меня, оставь меня». Я вышел на дорогу, у меня в лапте папоротник. «Я тебя не брал, ты по чё ко мне полез? Ты что ли со мной говоришь»? Я взял и вырвал его и остался без папоротника» (*Полва Кудымк.*).

В Гайнском районе бытовал особый комплекс представлений о цветении папоротника в ночь на Иванов день. Папоротников цвет наделялся способностью предсказывать. Считалось, если найдёшь папоротников цвет аленький, то будет урожайный год, если жёлтый — неурожайный. Также в этот день мужики ходили папоротников цвет искать — невесту выбирать. Если найдёшь цветочек аленький, то невеста попадёт богатая, если синенький, то бедная (*Монастырь Гайн.*); «Ходили в лес, слышала, какую-то траву искали. Папоротник. Говорят идти нужно в 12 часов ночи. Это мне отец рассказывал, они с братом ходили. Видели, говорили, пришли — как алый мак он, кругом прошли — ничего не стало. Брата-то на втором году убило на войне. А если хорошо, то срывают, несут домой, а тем, кто плохо, он не дается» (*Базуево Гайн.*). «В глубокою-глубокую ночь, часов в двенадцать, когда найдёшь папоротников цвет, надо сказать: «Чур мой, чур боговый», после этих слов нужно его сорвать, помолиться на него и хранить целый год» (*Монастырь Гайн.*).

«Чудесные» явления Иванова дня не ограничивались цветением папоротника и свойствами ивановской росы. В гайнском районе считали, что «на Иванов день золото из земли выходит, надо идти его собирать. Так говорят, да никто не находил» (*Сёйва Гайн.*).

Петрово говенье, Петров день, Петровка (12 июля)

Петров день в традициях северо-западного Прикамья считался одним из самых больших и значимых праздников в году. Его даже сравнивали с Пасхой: «Христов день да Петров день — до обеда ничего не робят» (*Лобанова Юрл.*). По этому дню определяли погоду на следующий период: «Если Петров день тёплый, то все лето будет теплое» (*Осинка Юрл.*). Считали, что «если до Петрова дня хоть худинькой дождик пройдет, это уж год не пропащий...» (*Пож Юрл.*). В Гайнском районе верили, что к Петрову дню обязательно бывает *Петровская поводь*, поднимается в реке вода от дождей.

Представления о сакральности праздничного времени отразились не только в запрете на работу в этот день («В этот день, если была срочная работа, работали только после обеда, а до обеда нельзя было» — *Плёсо Гайн.*); «В Петров день робить не надо. Только после обеда, если сенокос. В путь эта работа не идет. Когда-то мужик пошел грести рано утром. Потом гроза поднялася, и зарод сторел» (*Базуева Гайн.*), но и в запрете доить в этот день коров: «В Петров день нельзя корову доить — грех» (*Черная Юрл.*). Этот запрет связан с мифологическими представлениями о природе дождя и грозы, запреты на дойку коров и употребление молока исключали и грозу в этот день, так как Петров день считался одним из грозных праздников лета. В то же время основными праздничными и ритуальными блюдами Петрова дня у русских становились молочные блюда. В д. Осинка Юрлинского района отмечали, что на Петров день специально готовили «сырчики»: «К Петрову дню делали сырчики. Накатают из творога комочки, вот такие же, как клу-

бочки. Накатают-накатают, на них яички с творогом, со сметаной. Посолят, потом на солнце их, чтобы еще жидкость выходила, а потом в печку посадят на сковороде. Сырчики называли, на Петров день делали. Они вон какие вкусные. Это я помню, у нас мама делывала». О петровских сырчиках бытовала поговорка: «Раньше старики-те да старухи-те говаривали: «Дороги де яички ко Христову дню, дорог и сырчик к Петрову дню» (*Осинка Юрл.*). В деревнях, где праздник почитали особо, готовили и другие праздничные блюда: «Пекли шаньги всякие — сырные, картошешные, пироги луковые» (*Пож Юрл.*). Обязательным блюдом на праздник была рыба: «Вот папа у нас рыбы всегда наловит, и засушит, и насолит, и чтобы рыба свежая была на праздник» (*Сейва Гайн.*).

В некоторых деревнях заготовку веников начинали с Петрова, а не с Иванова дня. «Петров день живет, там по веники ходят. Первым веником парились. Он как целебный считался, а выпарились, так на подволоку закинут» (*Таволожанка Юрл.*). С Петрова, а не с Иванова дня в некоторых традициях начинали и купаться: «Купаться начинали с Петрова дня. Раньше нельзя — считали, что по телу пойдут чирьи и коросты» (*Пожва Юсьв.*). Также считали, что в Петров день до обеда следует сеять репу (*Черная Юрл.*).

С Петровым днем связывался целый комплекс очистительных ритуалов: «Перед Петровым днем обновляли иконы, мыли у колодца или родника. Медны дак вызаливали, в золе держали, разведут золу водой, и потом полейт сутки, заблестит» (*Пож Юрл.*). В д. Таволожанка Юрлинского района «в Петров день умывались на колодце, обливались». Ритуальное обливание на Петров день соотносится с летними обрядами вызывания дождя. Петров день, как и многие летние праздники, считался одним из грозных дней: «Гроза в Петров день когда-то стала, как грянула — на моих глазах, я в окно смотрела, баба-то огненная на погреб пала, и он сразу загорелся» (*Осинка Юрл.*).

С Петрова дня начинали массово собирать ягоды. Отправляясь первый раз в лес, произносили: «Аминь, батюшка, Господи, Пресвятая Богородица, помоги, пособи мне ягодки набрать», — это говоришь, когда в лес пошли по ягоды, за черничей» (*Келич Юрл.*). Первую ягодку старались не есть сами, считали, что «первую ягодку надо маленькому кому-нибудь отдать» (*Майкор Юсьв.*). Существовал запрет употреблять до Петрова дня ягоды женщинам, у которой умерли дети: «До Петрова дня нельзя ягоды есть, у кого дети умершие есть. Это их называют ангелами. Ягодки-то начинают только с Петрова дня есть-то. Вот ягодка упадет — это едят ангелы, дети-ангелы, маленькие-то умершие» (*Ананькина Юрл.*); «Нельзя есть ягоды до Петровки, у кого умерли дети маленькие, чтобы ягоды там, на небесах, детям были» (*Сергеева Юрл.*); «А до Петрова дня у нас раньше землянику не брали. Брали землянику, но не все. Например, вот у меня дети померли, может, до Петрова дня землянику тогда не едят. У кого дети померли, они не едят. У меня вот, например, дети не умирали, я могла бы до Петрова дня землянику собирать» (*Сейва Гайн.*).

Собирая первые ягоды земляники, женщина, похоронившая ребенка, оставляла первые ягоды в лесу: «Слыхала, пойдёшь в лес, найдёшь земляничку, и первую ягоду надо класть на пень, если у тебя кто-нибудь умер младенец. Первую ягоду самому не есть, а положить на пень» (*Ракишино Кудымк.*).

Петров день считался праздничным, в этот день, также как и в Троицу, было принято играть в летние игры: «Праздновали Петров день. Песни пели по улице, «мерили улицу» (*Юрла*); «В Петров день люди собирались, играли улочкой, а мужчины собираются, пьют квасы» (*Монастырь Гайн.*). На праздник выходили в новой нарядной одежде, в с. Пож Юрлинского района отмечали, что «На Петров день надо обязательно красны юбки надевать».

Сенокос

Сроком начала сенокоса почти везде считался Петров день: «Страдовать, сенокосить начинают после Петрова дня. Петры и Павлы 12 июля» (*Пожва Юсьв.*); «А потом после Петрова дня начинаются уже сенокосы» (*Сейва Гайн.*). Лишь некоторые информаторы указывали на другие, более ранние сроки начала сенокоса: «Тихоновска 29-го июня. Сенокосят с Тихоновской» (*Полва Кудымк.*). Для заготовки сена был отведен период с Петрова до Ильина дня: «С Петрова дня косить начинали и косили до Ильина дня» (*Кукольная Юрл.*). В некоторых деревнях уже в Петров день днем отправлялись на покос: «С утра в Петров день шли на покос. Снарядимся, идем. Паужнать сядем, у кажнова туески, бидоны, пиво, бражка. Выпьем, песни попоем» (*Тимина Юрл.*). В Гайнском районе в сам праздник скашивали только на огородах: «А двенадцатого бывает Петров день. У нас только межу окашивали на огородах. А потом после Петрова дня начинаются уже сенокосы» (*Сейва Гайн.*).

На сенокос было принято одеваться в новую нарядную одежду: «На покос идут все нарядные, у кого что получше есть, надевали» (*Плёсо Гайн.*). На покос старались одеться во все белое: «С Петрова дня начинали покос. Старались одеться во все белое, шли на луга с молоком, с квасом» (*Елизавета-Пожва Юсьв.*). Выходя первый раз в поле, благословлялись: «Матерь Богородица, покосить дай, Господь Бог», — скажу, перекрещусь, как на поле-то пойдут» (*Таволожанка Юрл.*). К началу и завершению сенокоса приурочивались и некоторые ритуалы: «Косить начинаешь — траву за пояс со спины закладываешь» (*Елизавета-Пожва Юсьв.*). «Скосили первую полосу литовкой; берут траву и связывают поясом, и на себя, чтобы спина не болела весь сенокос» (*Осинка Юрл.*). В д. Дубровка Юрлинского района, начиная сенокос, «через себя копейку бросали, богатый, так рубль можешь бросить, рубль-то он блестит, его найдут, а копейку-то никто не найдет». В этом ритуальном действии усматривается своеобразное жертвоприношение природным силам. Одушевление этих сил проявилось в шутиливой формуле, произносимой при косьбе последнего небольшого участка покоса: «Ловите зайчика»!, «Скорей, скорей ловите зайчика»! (*Осинка Юрл.*).

Цветъё (Травяное Цветъё, Хлебное Цветъё)

«Цветъём» в северо-западном Прикамье называли летнее время, когда зацветали травы и хлеба. Время цветения трав было известно как Травяное Цветъё, время цветения хлебов — Хлебное Цветъё: «Летом цветъё бывает. Травяное цветтё, это до Петрова дня. Трава поднялась, начала цвести, это Цветъё Травяное. А после Петрова дня, туда дальше, к Ильину дню, это уже Цветъё Хлебное» (Юм Юрл.). Отметим, что кроме летнего Цветья, было и Цветье зимнее: «В декабре Травяное Цветъё. Погода будет сухая, как летом, когда цветет трава» (Елога Юрл.). «А с Рождества до Крещения — Хлебное Цветъё. Вот хлеба цветут. Когда деревья в инее — это называется Цветтё» (Осинка Юрл.). Отождествление двух периодов года, зимнего и летнего, связано с достаточно древними представлениями о двучастной структуре года, с выделением в нем двух периодов, зимнего (пассивного в хозяйственном отношении) и летнего (наполненного хозяйственными работами в поле). В этих представлениях сохраняется противопоставление и отождествление двух календарных циклов — зимнего, святочного и летнего, связанного с Троицей и Ивановым днем. Противопоставление и отождествление этих периодов связано и с тем, что они приходились на важные даты в солнечном календаре — даты летнего и зимнего солнцестояния. Как и святочное время, время цветения хлебов воспринималось как волшебное. Показателем того, что время поспевания ржи считалось сакральным, является распространенное гадание по слушанию в поле — выйдя в рожь, слушая, как шумят хлеба, можно было *заветить*, какой будет год, урожайный или голодный: «Я слышала, слушали, как шумит хлеб, гадали, какой урожай будет, какая жизнь — пойдешь в поле, зайдешь в рожь» (Осинка Юрл.). Другим вариантом гадания в этот период было гадание по цветущему колоску ржи: «У нас, рожь цветёт, дак мы пацаны, раньше уж слыхали, который колосок цветёт, цвет-то берёшь, за ухо кладёшь и тоже загадывашь. Чё исполнится, там уж несколько время пройдёт, смотришь: там уже есть цвет. А если не исполнится, то нет» (Ракшино Кудымк.). С периодом цветения трав и злаков были связаны и некоторые запреты: «Хлебное бывает цветъё, в это время наверно, всё цветет, рожь да что да. Трава цветет. В цветтё много не косили, зернышки падали чтоб. Мы нынче рано косим. Свистеть нельзя, рутаться нельзя» (Полва Кудымк.).

Вызывание дождя

В отмеченный период (особенно в засушливые годы) совершались ритуалы, направленные на вызывание дождя. С этой целью проводили крестные ходы по полям и служили молебн. «Богу молятся, дождя просят: «Дай дождя»!, идут на поле с иконами» (Елога Юрл.); «Молиться ходили. Вот дождь токо нету. У нас там икона была большая, из церкви ее привозили, с Антонят. Привозили такую икону большую-большую. Возьмут эту икону,

пойдут на поля молиться старухи. Иконы поставят и молятся, как называли, просили бога, чтобы дождь прошёл» (*Ракишино Кудымк.*); «Надо срубить березки, сделать колышки, их навтыкать, как заборик, как плетть, чтоб иконы положить, и богу молиться. Коля делают стоя, можно доски положить. Иконки брали любые, только чтоб солнце позади иконок. Идут желающие, сколько хочешь, одевались нарядно — ведь к Богу идешь, молиться. Встают рядочками, первый ряд — старые, молодые позади. Свечки ставили к иконам, «Дай Бог дождика», говорят» (*Лопва Юрл.*). Использование березы в ритуале связано с представлениями о связи дерева и небесных сил, дождя. В д. Ракишино Кудымкарского района было принято устанавливать березы в огороде во время засухи: «Мы в том конце жили, у нас мамка покоенка, помню, дождь нету, они с суседкой берёзу поставят в огород к верьху, чтоб дождь пошёл. А потом придёт Троица, они их там украсят, так красиво делается. Они берёзки так поставят, что дождь будет. Вот день, два пройдет, посмотрим, туча идёт уже» (*Ракишино Кудымк.*). О дожде святых просили: «Батюшка Бог, Ангелы Господни, Пресвятая Мать Богородица, дай Бог дождя нам» (*Черная Юрл.*). Другим способом вызывания дождя было окропление земли: «брызгали водой по земле» (*Осинка Юрл.*). К «действенным» способам вызывания дождя относился и обычай мыть иконы в реке во время засухи: «Монастырские на Каму ходили, там иконы моют прямо в воде, тряпку возьмут и стекла моют» (*Монастырь Гайн.*).

Кирики и Улиты (28 июля)

Кирики и Улиты — одни из «грозных» летних дней: «Грозы вот Кирики и Улиты, гром шибко гремит дак» (*Черная Юрл.*).

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ ОСЕННЕГО ПЕРИОДА

Ильинская неделя

Неделя накануне Ильина дня получила в народе эпитет Ильинская. Считалось, что в это время бывают сильные грозы. «Это неделя-то Ильинская, она самая дождливая живет»; обильные дожди могли привести даже к наводнению — поводи: «Ильинская поведь бывает» (*Келич Юрл.*). Ильинскую поведь ждали к Ильину дню: «Ильин день — грозный день. Ильинская поведь бывает» (*Сёйва Гайн.*).

Ильинская пятница

Пятница накануне Ильина дня — Ильинская пятница — считалась «грозным» днем. «В Ильинскую пятницу шибко сердитая гроза, Илья-пророк де телегу проволоок, на телегах ездит» (*Осинка Юрл.*); «В Ильинску пятницу всё

большинство гремело, чургало. В Ильинску пятницу сено убирай, из огорода подбирай. Дождь будет — траву стащит. Стаскивало, о-хо-хо» (*Дубровка Юрл.*). Этот день народного календаря почитался так же строго, как и Ильин день: «Ильинская пятница, Ильин день надо их причитать очень, кто богу верует...» (*Тиуново Гайн.*). Как и на Ильин день, на Ильинскую пятницу распространялись строгие запреты на работу в этот день: «Это о Господи, тогда Ильинска пятницу бойся и Ильин день бойся, если пойдешь работать, тогда уже даром трудишься, всё прахом пройдет» (*Тиуново Гайн.*).

Ильин день (2 августа)

Ильин день считался границей лета и осени: «Ильин день живет — последний день лета. В этот день будет холод» (*Ефремова Юрл.*). С Ильина дня наступали холодные дни: «После Ильина дня роса за колодой не сохнет» (*Тиуново Гайн.*). По погоде на Ильин день определяли погоду на будущую осень: «Если журавль до Ильина дня за неделю не улетит, то бабье лето будет до 14 октября» (*Ефремова Юрл.*).

С Ильиным днем связаны многие запреты. Считали, что «после Ильина дня нельзя купаться, потому что нарывы могут по телу быть» (*Ефремова Юрл.*); «На Ильин день вода цветет, она зеленая, заразная. Купаться нельзя, а то зеленью заболеешь, или чирьи на тебе будут» (*Кукольная Юрл.*). В русских традициях Гайнского района о запрете на купание в Ильин день говорили: «Купаться нельзя в этот день — утает» (*Плёсо Гайн.*); «В Ильин день всегда утошленник живет» (*Сёйва Гайн.*). В д. Лопва Юрлинского района, наоборот, вода Ильина дня наделялась особыми целебными свойствами, святость воды связывали с тем, что в этот день в водоемах «купаются богоугодники, после двух часов ночи. Илья пророк — богоугодник, нужно брать воду, пока они не ушли».

Ильин день считался одним из самых строгих праздников года, действовал запрет на полевые работы в праздник: «В Ильин день гребь соберешь, ее утащит. Это господь Бог не велит робить» (*Пож Юрл.*); «В Монастыре Илюшка был. У его именины в Ильин день. Была у его кошенина, возов на пять на конных. Он сгреб сено, лошадь за Каму переправил, копны связал, зарод сметал, домой приехал. А под вечер уже, солнышко закатывается. Тут поднимается морох по Каме, идет с верхов. Илюшка по деревне бегат, говорит мужикам: «У вас кошенина была сухая, а не сгребли, а я вот сгреб, у меня как искра сено зеленое». Мужики говорят — замочит да высушит, будет еще ведро. Тут гроза гремит, светит молния. Зарод-от и загорел. Мужики к Илюшке — ну че, твое зеленое-то сено, как искра? Он побежал — какое пламя! Сгорел весь зарод. С той поры в Ильин день никто не работает. Охотиться можно, рыбачить можно, по малину все ходят со всей семьей, с бабами, ребятами. А робить нельзя» (*Сёйва Гайн.*).

После Ильина дня не готовили веники: «До Ильина дня веники рвут, а если после Ильина дня вяжешь, то от таких веников жара нет» (*Бадья Юрл.*).

К Ильину дню завершали сенокос: «До Ильина дня сено косили, потому что после Ильина дня сено за кустом не сохнет» (*Кукольная Юрл.*).

С Ильина дня начиналось время жатвы. Первыми сжатыми колосьями в Юрлинском районе принято было опоясываться: «Первый раз, когда серпом нажнешь только, и за поясницу, за пояс, чтобы не болела спина. Это такие присказки были...» (*Пальник Гайн.*). Первые сжатые колосья во время жатвы заносят в дом: «Принесут колосок ржаной ли какой-ко, на стол положат, молятся, чтобы хлеб, урожай родился, на Ильин день» (*Тиуново Гайн.*). Первые сжатые колосья и снопы старались принести домой и в Кудымкарском районе: «Первые снопы, первые колосья носили домой. Пиво делали. Рожь первая поспекает. Они всё домой несут, пиво мешают. Когда первый раз жнут, сразу берут» (*Ракишино Кудымк.*). К Ильину дню старались приготовить хлеб из муки нового урожая: «К Ильину дню хлеб нажнут, к Ильину дню свежий хлебушко ели» (*Полва Кудымк.*).

Только с Ильина дня начинали употреблять в пищу горох и картофель. В п. Майкор Юсьвинского района отмечали, что «до Ильина дня картошку не копают». В д. Тиуново Гайнского района первые стручки гороха приносили в дом и помещали на божнице. В Юсьвинском районе в Ильин день «готовили шаньги гороховые и гороховый кисель» (*Пожва Юсьв.*). С Ильина дня начинали собирать малину: «Всегда у нас в Кузнечатах малина была. Стояла баня, малинник большой. Всё мама говорила: «Вот пока ребята ягоды не ешьте, как Илья день, Илья именинник и только тогда» (*Ракишино Кудымк.*); «Раз уж Ильин день, тогда малина поспевает. У нас отец, мы еще спим, настряпаем, сходит за малиной. Вот тебе ягоды принёс, сегодня Ильин день, можно есть ягоды первый раз. До Ильина дня не едят» (*Ракишино Кудымк.*). В некоторых случаях запрет на употребление малины до праздника, как и других ягод, распространялся только на матерей, похоронивших детей: «До Ильина дня малину не едят, у кого дети умерли – там им на том свете не дают тогда есть детям» (*Бадья Юрл.*). В Гайнском районе обязательным блюдом Ильина дня был квас со свежей собранной малиной: «Квас с малиной обязательно пили в этот день» (*Чуртан Гайн.*); «Бражку овсяную пили с малиной в Ильин день» (*Сёйва Гайн.*). В Ильин день во многих деревнях уходили в лес за малиной: «В Ильин день еще на ночь соберутся, рано-рано по малину идут – робить-то нельзя дак» (*Тимина Юрл.*). Иногда походы за малиной были коллективными и превращались в настоящий праздник: «В Ильин день все из деревни с песнями идут в лес по малину» (*Пожва Юсьв.*). С Ильина дня уже не собирали и не ели ягод земляники: «Ягоды собирать можно до Ильина дня, потом де, говорят, чирьи будут» (*Ефремова Юрл.*); «Землянику после Ильина дня не едят. Тогда польки будут, коросты, чирьи ли» (*Ракишино Кудымк.*).

Ильин день считался одним из самых грозных, «грозных» дней в году. «В Ильин день небо матерится, нашего брата ругает, его ведь пугать надо. От грома под лавку прятались. Лопату хлебную, ожег, помело кидают на

улицу; говорили: «Господи, благослови, Бог» (*Дубровка Юрл.*). Если Ильин день обходился без грозы, это считалось плохим предзнаменованием: «Гроза бывала. Илья-пророк говорят, ой он шибко сердился. Говорят, если плохо гремит, то год худой будет» (*Городище Юсьв.*); «В Ильин день если гром не пройдет, так нехорошая погода делается, будет нехорошая жизнь тогда, нехороший год. Надо вот чтобы в Ильин день-то обязательно чтобы гром прошел» (*Келич Юрл.*). В Кудымкарском районе сохранялось представление о том, что «На Ильин день страшная гроза бывает – это воробьев считают». Поверья о том, что во время ночей с сильными и продолжительными грозами Бог считает воробьев, были характерны для русских традиций и других регионов¹. О дождях и грозах в «страдное время», о неотвратимости дождливой погоды во время сенокоса и жатвы в Кудымкарском районе бытовала шутивная легенда: «Старый Бог пошел на пенсию, оставил молодого, ему наказал: «Ты тогда дожди, когда тебя ждут и просят. А он глухой был, молодой, да глухой, понял другими: «Тогда дожди, когда жнут да косят» (*Полва Кудымк.*).

В некоторых деревнях Ильин день был престольным праздником. В д. Лопва Юрлинского района к престольному Ильину дню «рыбу варили, шарпу-то (уху рыбную), пироги пекли, жарили, парили, барана, свинью к Ильину дню кололи. Гуляния на Ильин день проводили и в поселке Пожевского завода: «Ходили в Ильин день из дома в дом с песнями, гуляли» (*Пожва Юсьв.*). В русских деревнях Юсьвинского района в Ильин день, как и в соседних коми-пермяцких деревнях, начинали играть на пелянах – дудочках из стеблей пиканов: «В Ильин день пикалися, пикущки собирали из пиканов. Дудка така. В молодости было. Пикамся бегам. Стебли пикана отрежешь и пикалися, чтобы круглый был. Когда маленькие были» (*Городище Юсьв.*). В конце XIX в. в Ильин день в каждом хозяйстве «кололи овцу или барана, и одну баранью лопатку мяса несли в часовню» (*Щеколова Юрл., Мазунин М.В., ЧКМ3009*).

Спасы

В северо-западном Прикамье сохранялись представления о трех Спасах, однако сроки этих праздников в народе варьировались и часто не совпадали с православным церковным календарем: «В августе Спасы. Первый Спас – 19 августа, Медовой, мед снимают; второй Спас – 21 августа, Яблочный. Яблоки надо убрать; третий Спас – 29 августа – бери рукавички на запас, потому что холодно» (*Кукольная Юрл.*); «Фролов день (31.08) – день урожая или Последний Спас» (Сейва Гайн.). Как видим, в северо-западном Прикамье, как и в других регионах России, со Спасовыми днями связаны пищевые предписания и запреты. С Первого, Второго и Третьего Спаса на-

¹ Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М., 1989. С.246.

чинали употреблять мед, яблоки. В русских традициях Гайнского района был запрет на употребление яблок в этом году тем матерям, кто похоронил детей: «Последний Спас – последние яблоки в церкви едят, но у кого в этом году дети умерли, те урожай не едят, потому что на том свете будут делить их между этими детками и этого ребёнка обделять» (*Сёйва Гайн.*). Данный запрет следует рассматривать в общем контексте запретов на первые плоды и фрукты, характерных для многих дат народного календаря летне-осеннего периода.

Со Спасовыми днями связывались приметы о наступлении холодной погоды. Считалось, что с этих праздников начинает холодать, отсюда и распространённая поговорка «Спас – бери рукавички на запас». «Первый Спас пройдет, так рукавички на запас дарили – уж морозы живут. А уж другой пройдет, так телогрейки накидай» (*Осинка Юрл.*); «Первый Спас рукавички на запас, Второй Спас – поди фуфайку или шубу на запас» (*Тиуново Гайн.*).

Успение Пресвятой Богородицы
(Воспожин день, Воспожинанье, Госпожин день, Госпожинка)
(28 августа)

Русским северо-западного Прикамья был известен этот праздник: «Воспожин день живет 28 августа» (*Черная Юрл.*). В то же время примет, поверий и обрядов, связанных с этим днем народного календаря, известно немного. В д. Черная Юрлинского района отмечали: «Малину до Воспожинанья не едят, если у кого ребята умерли». Успение Богородицы был одним из дней проведения престольных праздников: «Госпожинка – праздник в Елоге был. Госпожин день был» (*Дубровка Юрл.*).

Фролов день, Фролы (31 августа)

Осенний Фролов день, как и многие почитаемые дни этого периода, связывался с наступлением холодной погоды: «Фролы да Лавры, это уже холода пойдут. Придут, говорят, Фролы – затрясутся брылы. Это после Спасова дня. Это губы затрясутся. Мерзнуть будешь и всё» (*Тиуново Гайн.*). В д. Осинка Юрлинского района происхождение поговорки «Фролы голы» объясняли тем, что с этого дня с деревьев начинает опадать листва: «Фролы голы, лес обдувает».

Фролы и Лавры были сроком завершения сева озимых: «После Фролов сеять нельзя было. Фролы де голы» (*Дубровка Юрл.*). Фролов день не считался праздничным, «в этот день жнивы жали да молотили, зерно убирали» (*Осинка Юрл.*). Однако в некоторых деревнях праздник почитался особо. Святые Фрол и Лавр считались в народе покровителями коней. В этот день «на лошадях ездили на реку, заезжали в воду в той деревне, где праздновался престольный праздник, здесь же резали скота, быков и баранов, мясо варили, ели, кормили нищих, а остальное отдавали понам» (*Щеколова Юрл., Мазунин М.В., ЧКМ3009*).

Семенов день (14 сентября)

Семенов день был одним из дней завершения жатвы, в Юрлинском районе «к Семенову дню уже обжиновались» (*Мухоморка Юрл.*). С этим днем связывали отлет журавлей, уменьшение светового дня. С этого дня, отправляясь на работу в поле, уже не брали с собой обеда — *паужну*: «Журавли пролетели и паужёнок унесли» (*Черная Юрл.*). Семенов день был временем начала бабьего лета, известного в Гайнском районе и как *гусиное ведро*, связываемое с отлетом птиц и приметами над осенней погодой: «А, гусиное ведро-то. Гляди, гуси-те прилетают, гуси улетают, тоже ведро. Если гуси летят верёвочкой, у них один вожатой есть, на правой стороне если больше летят, а на левой меньше, это называться крыло. Тоже примета. Если коротенькое на правой руке, то осень короткая бывает, зима скоро будет. На правой стороне больше если летят птицы-те, то будет осень долгая» (*Тиуново Гайн.*).

Обжинки, выжинки

Среди обрядов, связанных с жатвой, наиболее развитыми были те, что совершались по ее окончании. Последние колосья, оставшиеся на поле, принято было оставлять «Богу бородку»: «Божья бородка делалась, когда кончают жать, заплетут последние колосья и пляшут вокруг» (*Пальник Гайн.*); «Богу бороду дельвали выжинки когда. Маленько оставят, квас к этому поставят, к колоскам-то. Туту тожно пляшут да поют, будто все сыты-пьяны. И забудешь, что спина болит» (*Базуева Гайн.*). Ритуал завязывания «бороды» был более всего характерен для русских традиций Гайнского района. К обрядам завершения жатвы следует отнести и размытые представления о ритуальном бросании серпов после жатвы, известные в Юрлинском районе: «Серпы кидали, не знаю для чего. Старушки делали, чтобы спина не болела, заканчивали когда жать» (*Черная Юрл.*). Как и во время сенокоса, сжиная последний участок, русские-юрлинцы говорили: «Надо зайчика поймать»!. В данном случае, видимо, сохранялись представления о духе поля: заяц в культуре многих народов связан с символикой плодородия.

После окончания жатвы в северо-западном Прикамье проводили праздник — совместную трапезу, которую совершали либо на выжатом поле, либо в одном из домов деревни. В Юрлинском и Кудымкарском районах этот праздник был известен как *обжинки*: «Если последнее поле осталась жнива, обжинки делают. Собирают, колхозные дак, надают по людям делать питья. Мама питья, браги делала — человек пятьдесят, ведь их накормить надо, напоить» (*Осинка Юрл.*). В последние годы бытования праздник по окончании жатвы проводили колхозом: «Когда закончат жать, субботник делали да обжинки. Со всех деревень придут человека по два, жнут, колхозного барана заколют, там дадут муку всякую, пиво поставят, суп варить. С мякиной раньше, со всем сварят. О, добром набызгашься, наешься. Ели, потом плясали, песни пели. Бывало, выйдут мужики на улицу, поборются, а то локтями играть будут. Это субботник. Это если последне поле осталось жниво, то обжинки делают» (*Осинка Юрл.*).

В Гайнском районе праздник окончания жатвы бытовал под терминами *выжимки, выжинки*: «Когда урожай уберут, чаще это на Октябрьскую, делают выжимки. Корову кололи или поросенка колхозного, суп сварят. Все готовятся, кто хлеб пекет, кто квас делает» (*Плёсо Гайн.*). В д. Тиуново Гайнского района выжинки проводили на сжатом поле: «Выжинки делали в последнее время, когда уборка кончается, тогда два дня гуляли, делают брагу общую. Жать заканчивают, выжинки скажут. Если есть квас, дак хоть жиденькой напиться, ведро принесут, веноч сделают на ведро, колоски-то завертят да и тоже помолятся да чё да, тожно пить подают да поздравляют, Господь Бог чтобы дал житья. Веноч на поле делают. На поле и ведро уташат, налево да. Один другому квас подают жиденькой. Кругом ходят. Один так пройдут, тожно за руку друг друга ведут, чтобы дружно были жить» (*Тиуново Гайн.*).

Рождество Богородицы (Богородицын день, Богородичев день, Богородичий день, Богородица, Пречистая) (21 сентября)

Этот день не считался значимым праздником: «Богородица живет 21 сентября, в Богородицу только Богу молились» (*Осинка Юрл.*). К празднику старались убрать в огороде: «Пречистая — что в огороде всё должно быть очищено» (*Тиуново Гайн.*). Богородицын день был одним из сроков осенних престольных праздников: «В каждом месте свои праздники признавали. В Пальнике был главный праздник Богородичев день, 21 сентября. По праздникам гости приезжали, родня» (*Сёйва Гайн.*).

Воздвижение (Сдвижение) (27 сентября)

К Сдвижению старались завершить уборку огородных культур: «Не жди Сдвижение — режь репу и секи капусту» (*Кукольная Юрл.*); «Не жди, говорят, Сдвиженнё, рви репу. На Сдвиженнё заморозит, бывает замораживают» (*Ракишино Кудымк.*). Кроме осознания праздника как срока огородных работ, распространено представление о Сдвижении как дне, когда лесной хозяин «собирает зверей»: «У их тоже есть день назначенный, в тот день нельзя в лес ходить, тут он собирает всех зверей в группу. Это какой-то день, Здвижение. Двадцать седьмого сентября вот он де живет. У нас Сашка Цыган пошел в лес в этот день-то, так даже ни одну птичку не увидел» (*Келич Юрл.*). Праздник связывался с брачными играми зверей и там, где не были известны представления о том, что в этот день зверей собирает хозяин леса: «В Сдвижение, видимо, все звери гуляют, 27 сентября оно бывает. Тогда страшно было в лес ходить» (*Тиуново Гайн.*). В Гайнском районе были устойчивы представления о празднике как времени медвежьих свадеб и медвежьих гуляний, с чем связано и одно из названий праздника — *Медвежье Здвижение*: «27 сентября живет Медвежье Здвижение — медведи гуляют. Тогда уж в лес не ходи» (*Монастырь Гайн.*); «А Сдвижение, оно как общественное. А все-

таки как бы отмечали в Монастыре Сдвиженье. В гости ходили из деревень в Монастырь. Говорят, медведи собираются, гуляют тогда. У меня сыновья пошли на охоту, четверо они ходили: два брата и мои сыновья — два брата. И вот, говорит, остановились ночевать, разожгли костер. И где-то, говорит, уже светать начало перед утром, сын услышал какой-то звук. И все ближе и ближе, ближе. И вот этот звук к им приблизился. Там бежала это свадьба медвежья. Они тоже перепугались. Он остальных этих разбудил ребят. И оне уже, говорит, их не видели. Темно же было. Дак они их обежали, костер посередине остался, и по ту, и по другую сторону. Тоже, говорит, мы испугались сначала. Вроде бы как в домашнюю сторону собрались, а потом посидели, посидели. Чё, говорит, они убежали. Пошли дальше. День проходили и больше нигде не видели. Таких случаев много было» (*Монастырь Гайн.*).

Представления о празднике как об особом дне нашли отражение и в представлениях, связанных с животноводческой обрядностью: «В Здвиженье на поле страшная ночь, зверь бродит, может скотину задрать. В эту ночь обязательно нужно, чтоб скотина дома спала» (*Елога Юрл.*); «А вот осенью живет Воздвиженье, тогда должна вся скотина дома быть, во дворе. Так ночь-полночь ищешь ее, чтобы домой пригнать, а то, говорят, медведь может задавить, если не дома» (*Черная Юрл.*). Более внимательно смотрели за скотом в этот день и русские Кудымкарского района: «В Сдвиженье, чтобы медведь скота не задевал, пойдёшь, проводишь ее: «Иди, коровушка-матушка, — зверь чтобы стерег...» (*Полва Кудымк.*).

В Юсьвинском районе праздник Воздвиженья известен как один из годовых поминальных дней: «На Сдвиженье ходят на кладбище поминаться, с пирогом» (*Пажва Юсьв.*); «Сдвиженье считали вторым Семиком, ходили в этот день поминать родителей, готовили поминальную еду, рыбный пирог, яйца, квас, шаньги, пиво, пироги» (*Пажва Юсьв.*).

Покров (Покров день) (14 октября)

С Покрова ждали наступление зимы: «Покров день землю покрывает снегом» (*Осинка Юрл.*). Девушки старались загадать в этот день себе жениха: «Батюшко Покров, покрой земельку снежком, меня женишком» (*Сёйва Гайн.*). К Покрову старались закончить уборку всех огородных культур, в том числе и капусты: «Не жди Покров, руби капусту, раньше говорили. Уже всё убрали с поля» (*Ракино Кудымк.*); «Покров идет 14 октября, не жди Покров, капусту секи» (*Келич Юрл.*). В русских традициях Гайнского района к Покрову завершали выпас скота и в праздник устраивали угощение и чествование пастуха, этот обычай получил название *каша, пастушья каша*: «На Покров всё село к пастуху на кашу ходило, благодарили» (*Сёйва Гайн.*); «В Покров каша у пастуха — с брагой идем к ему» (*Пальник Гайн.*); «В Покров день шли к пастуху, делали пастушью кашу и носили ему брагу, пироги» (*Монастырь Гайн.*); «Пастух пастушил один, сорок годов, ему принесли брагу, хлеб ярушник, яичко, соль, гармошку принесли, весёлые все люди. К пас-

туху на дом. Если баско бы, дак ешо коров чтоб гонял, а если снег, то уж не гонял. В Покров всяко бывает, когда ведро, а когда и снежно пойдет» (*Тиуново Гайн.*).

Осенние поминальные субботы

Осенний период народного календаря включает значительное число праздничных и почитаемых дней, к этому периоду приурочены и ритуалы, связанные с завершением сельскохозяйственного цикла, летнего выпаса скота, а также с началом обработки льна. Одним из обрядовых комплексов периода конца осени – начала зимы был также и цикл поминальных обрядов, приуроченный к периоду от Покрова (14.10) до Дмитриева дня (8.11). Осенние поминальные субботы были особо выделены в народном календаре.

Поминошение умерших в этот период проводили в *Дмитриевскую субботу*, субботу накануне Дмитриева дня (8.11), установленную в XIV в. после Куликовской битвы Дмитрием Донским в память о погибших в этом бою, который положил, чтобы перед этим днем совершалось поминовение всех погибших на поле битвы¹. Поминошение усопших в Дмитриевскую субботу отмечено у русских повсеместно², оно было включено в церковные православные и старообрядческие календари³. Несмотря на тот факт, что установление Дмитриевской субботы имеет официальный характер, исследователи указывают на древний характер поминовения умерших у русских в период осенне-зимнего порубежья⁴. Поминошение умерших в субботу перед Дмитриевым днем обычно выражалось в поминальной трапезе дома и посещении храма. В то же время в локальных традициях с поминальной субботой связывались и другие поверья и обычаи. Дмитриевская суббота является «мужским» поминальным днем, в этот день «только мужиков поминают» (*Мухоморка Юрл.*). Дмитриевская суббота была одним из дней в году, когда поминали умерших неестественной смертью: «Дмитриевская суббота, перед Митрием, да вельников и утопленников поминают» (*Кукальная Юрл.*).

В северо-западном Прикамье, в русских деревнях Коми-Пермяцкого округа поминовение умерших растягивается на продолжительный срок, от Покровской субботы до Дмитриевской, который выделен особо как *Межсубботы, Широкие субботы, Митриевски субботы*: «Осенью широкие суб-

¹ Чичеров В.И. Зимний период русского сельскохозяйственного календаря XVI-XIX вв. М., 1957. С. 38; Круглый год: Русский сельскохозяйственный календарь /сост. А.Ф. Некрылова // Круглый год: русский сельскохозяйственный календарь. Народное погодоведение. Челябинск, 1996. С.258.

² Седакова О.А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С.263; Чичеров В.И. Указ. соч. С. 38; Некрылова А.Ф. Указ. соч. С.258; Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 2003. Ч.2. Обычаи и обряды летне-осеннего периода. С.174-179.

³ Календарь Древлеправославной поморской церкви на 2004 год. СПб., 2004. С.36; Православный церковный календарь на 2007 г. М, 2006. С.29.

⁴ Чичеров В.И. Указ. соч. С. 38-39.

туху на дом. Если баско бы, дак ешо коров чтоб гонял, а если снег, то уж не гонял. В Покров всяко бывает, когда ведро, а когда и снежно пойдет» (*Тюново Гайн.*).

Осенние поминальные субботы

Осенний период народного календаря включает значительное число праздничных и почитаемых дней, к этому периоду приурочены и ритуалы, связанные с завершением сельскохозяйственного цикла, летнего выпаса скота, а также с началом обработки льна. Одним из обрядовых комплексов периода конца осени – начала зимы был также и цикл поминальных обрядов, приуроченный к периоду от Покрова (14.10) до Дмитриева дня (8.11). Осенние поминальные субботы были особо выделены в народном календаре.

Поминошение умерших в этот период проводили в *Дмитриевскую субботу*, субботу накануне Дмитриева дня (8.11), установленную в XIV в. после Куликовской битвы Дмитрием Донским в память о погибших в этом бою, который положил, чтобы перед этим днем совершалось поминошение всех погибших на поле битвы¹. Поминошение усопших в Дмитриевскую субботу отмечено у русских повсеместно², оно было включено в церковные православные и старообрядческие календари³. Несмотря на тот факт, что установление Дмитриевской субботы имеет официальный характер, исследователи указывают на древний характер поминошения умерших у русских в период осенне-зимнего порубежья⁴. Поминошение умерших в субботу перед Дмитриевым днем обычно выражалось в поминальной трапезе дома и посещении храма. В то же время в локальных традициях с поминальной субботой связывались и другие поверья и обычаи. Дмитриевская суббота является «мужским» поминальным днем, в этот день «только мужиков поминают» (*Мухоморка Юрл.*). Дмитриевская суббота была одним из дней в году, когда поминали умерших неестественной смертью: «Дмитриевская суббота, перед Митрием, давелинников и утопленников поминают» (*Кукольная Юрл.*).

В северо-западном Прикамье, в русских деревнях Коми-Пермяцкого округа поминошение умерших растягивается на продолжительный срок, от Покровской субботы до Дмитриевской, который выделен особо как *Межсубботы*, *Широкие субботы*, *Митриевски субботы*: «Осенью широкие суб-

¹ Чичеров В.И. Зимний период русского сельскохозяйственного календаря XVI-XIX вв. М., 1957. С. 38; Круглый год: Русский сельскохозяйственный календарь /сост. А.Ф. Некрылова // Круглый год: русский сельскохозяйственный календарь. Народное погодоведение. Челябинск, 1996. С.258.

² Седакова О.А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С.263; Чичеров В.И. Указ. соч. С. 38; Некрылова А.Ф. Указ. соч. С.258; Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 2003. Ч.2. Обычаи и обряды летне-осеннего периода. С.174-179.

³ Календарь Древлеправославной поморской церкви на 2004 год. СПб., 2004. С.36; Православный церковный календарь на 2007 г. М, 2006. С.29.

⁴ Чичеров В.И. Указ. соч. С. 38-39.

боты, четыре недели» (*Ефремова Юрл.*). Лишь в некоторых вариантах сроки поминовения растягивались с Покровской субботы не до Дмитриевской, а до *Казанской субботы* – субботы накануне дня почитания иконы Богородицы Казанской (4.11). Всего в северо-западном Прикамье этот период включал, по народным представлениям, от четырех до шести поминальных суббот, в каждую из которых принято было поминать умерших, при этом поминки не всегда совершались только дома, но принято было также посещать кладбище: «В Покровскую субботу на кладбище ходят, до Казанки в любую субботу можно ходить» (*Елога Юрл.*). Промежуток времени между поминальными субботами связывался с выходом душ умерших предков: «Покойников в субботы родительские (от Покровской до Дмитриевской – авт.) отпускают» (*Елога Юрл.*).

С периодом между поминальными субботами связывался целый комплекс бытовых запретов: «Из дома в дом нельзя переходить, мало ли кто новую квартиру купил, или дали меж субботами, это плохое время» (*Елога Юрл.*); «Говорят, скотину нельзя покупать и продавать нельзя меж субботами» (*Новоселово Кос.*); «Скота нельзя продавать, чтобы велся, иначе вестись не будет» (*Полва Кудымк.*); «Стирать нельзя межсубботымя, не надо. Надо поноворить» (*Кривцы Кос.*). Кроме бытовых запретов в некоторых случаях оговаривались и обрядовые запреты, например, играть свадьбы между субботами: «Замуж не выходили, свадьбу не делали меж субботами» (*Полва Кудымк.*), хотя, как известно, в большинстве традиций именно этот период народного календаря был временем свадеб. Схожие запреты в северо-западном Прикамье, как и в некоторых других районах, связываются и с другими обрядовыми циклами народного календаря – периодами летнего и зимнего «Цветья» (Святками и временем цветения хлебов и злаков), с некоторыми ранневесенними праздниками. Все эти периоды в годовом цикле являются переходными, чем в первую очередь и обусловлены подобные запреты. Открытость пространственных границ между мирами, связанная с концептом «переходного» времени в осенний период между субботами, раскрывают и такие примеры: «У одной тетки теленок потерялся. Как из конюшни пропал, никто не знает, ни дыры, ничего нет, и теленка нет. Кто-то подсказал: «Меж субботами всегда покойники прячут, надо обед сделать». Она обед сделала, потом нашла теленка, в лесу был, стоит в лесу, как привязанный, еле домой привели, никак не идет...» (*Плѣсо Гайн.*). Подобные запреты, связанные с переходным временем, служат одним из способов его сакрализации, выделения, «маркирования», того или иного периода, а также призваны оградить возможные немотивированные контакты с иным миром¹.

Бытование лишь в одной из групп русского населения северо-западного Прикамья развитых представлений об осеннем периоде между

¹ Шумов К. Э. Способы размыкания границ между миром живых и миром неживых и обереги в некоторых жанрах русского фольклора // История и культура Волго-Вятского края: тезисы докладов и сообщений. Киров, 1994. С.270-272.

субботами требует объяснения подобного феномена. С одной стороны, осенний цикл поминальных обрядов, как мы отмечали, в целом характерен для восточнославянских народов, манистический комплекс представлений характеризует обрядность почти всех переходных периодов народного календаря. Любая ситуация переходного характера вызывала к жизни необходимость создания ситуации «инаковости»¹, в том числе и контактов с миром предков. С другой стороны, развитый комплекс представлений об особом поминальном периоде в конце осени – начале зимы является характерной чертой лишь русских северо-западных районов Прикамья, активно взаимодействовавших с финно-угорским коми-пермяцким населением. В коми-пермяцких традициях находим схожие представления об осенних поминальных субботах², однако, как известно, коми-пермяцкие календарные традиции испытали сильное влияние со стороны русских, поэтому вычленение собственно финно-угорского пласта в этом случае возможно лишь с привлечением материалов по другим финно-угорским народам Поволжья и Приуралья. У удмуртов, например, развитые комплексы поминальной обрядности также приурочены к двум периодам – весеннему и осеннему, при этом осенний комплекс обрядности во многом схож с весенним³. Осенний поминальный комплекс представлен в годовом цикле календарной обрядности марийцев⁴. Поэтому, видимо, в данном случае у русских северо-западного Прикамья происходит актуализация тематики осенней поминальной обрядности, и усвоение комплекса представлений соседнего финно-угорского населения, у которых комплекс осенних поминальных обрядов был более развит, так как это не противоречило собственной системе представлений о календарных сроках поминок.

ЗИМНЯЯ ОБРЯДНОСТЬ

Праздники и обряды от Покрова до Рождества

Череда праздников до Рождества не отмечена особой обрядностью. *Казанская*, *Казанка* (4 ноября) не считалась большим праздником, за исключением тех деревень, где она была праздником престольным: «Праздник этот раньше в д. Чужья бывал. В этот праздник песни пели» (*Лопва Юрл.*). В д.

¹ Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998. С.315.

² Полевые материалы, собранные автором в коми-пермяцких деревнях Кудымкарского, Юсьвинского, Кочевского, Гайнского и Косинского районов Пермского края в 1999-2006 гг.

³ Владыкин В.Е., Перевозчикова Т.Г. Годовой обрядовый цикл удмуртской общины «бус-кель» (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск, 1990. С.44-96.; Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000. С.72.

⁴ Календарные праздники и обряды марийцев, в серии «Этнографическое наследие». Сборник материалов. Йошкар-Ола, 2003. Вып.1. С.17, 174;

Кукольная Юрлинского района с этим праздником связывают происхождение широко известного выражения «сирота казанская»: «4 ноября Казанка, начинали ходить нищие по деревням. Хлебушко им давали, молоко, спать клали, пускали. Отсюда и говорят — «сирота казанская» (*Кукольная Юрл.*). *Кузьмин и Демьян день* (14 ноября) фиксирует погодную примету: «На Кузьму и Демьяна всегда гололед» (*Кукольная Юрл.*). С *Михайлова дня* (21 ноября), *Михайловской* ждали наступление холодов. С этим праздником связывали смену телег на сани: «Сани достаём, когда снег уже выпадет. На Михайловску больше бывает уже» (*Полва Кудымк.*). Почитаемыми днями зимнего периода народного календаря были праздник *Введение, Введенье день, Введеньева* (4 декабря), день почитания великомученицы Екатерины — *Екатерина, Катюшки, Кати-именинницы* (7 декабря). Эти даты часто становились временем проведения претельных праздников. Однако период до Рождества в целом был лишен какой-либо обрядности, т.к. до Рождества идёт Филипповский, или Рождественский пост.

Первые морозы начала зимы соотносили с несколькими календарными датами ноября-декабря, с *Дмитриевым* (8 ноября), *Егорьевым* (9 декабря) и *Николиным* (19 декабря) днями: «Дмитровски морозы. Егоровска девятого бывает, на него тоже морозит — Егоровски морозы. Никольские морозы бывают, а потом уж Крещенские морозы» (*Полва Кудымк.*). *Николин день, Никола зимний* (19 декабря) считался временем наступления первых зимних морозов: «На Николин день мороз сильный» (*Кукольная Юрл.*).

Рождественские праздники

Сочельник, Рождественский сочельник

Как и Великий четверг перед Пасхой, сочельник накануне Рождества наделен символикой сакрального времени (некоторые обрядовые действия этих дней явно перекликаются). В этот день «деньги считают утром, чтобы денежки велись» (*Кукольная Юрл.*). В деревнях Чёрная, Бадья, Кукольная Юрлинского района в Сочельник «кур не кормили, чтоб летом не пакостились», «чтоб капусту не ели».

В Сочельник совершали гадание с сочнем: «Сочни «ожгут». Потом по улице ходят, встречают первого прохожего: «Как звать?», — отдают ему сочень. Как назовется, такое имя у мужа будет» (*Бадья Юрл.*); «по воду пойдешь утром рано, положишь на грудь сочень, и кто первый попадет, имя спросишь, такое и будет у жениха» (*Ананькина Юрл.*); «девушка выпекает сочень. Несет в руках, если кто первый попадет на встречу, значит, в этот год замуж выйдет. А если никто не возьмет сочень, то обратно несет (сочень маленький) домой и набивает его» (*Осинка Юрл.*).

Кукольная Юрлинского района с этим праздником связывают происхождение широко известного выражения «сирота казанская»: «4 ноября Казанка, начинали ходить нищие по деревням. Хлебушко им давали, молоко, спать клали, пускали. Отсюда и говорят — «сирота казанская» (*Кукольная Юрл.*). *Кузьмин и Демьян день* (14 ноября) фиксирует погодную примету: «На Кузьму и Демьяна всегда гололед» (*Кукольная Юрл.*). С *Михайлова дня* (21 ноября), *Михайловской* ждали наступление холодов. С этим праздником связывали смену телег на сани: «Сани достаем, когда снег уже выпадет. На Михайловску больше бывает уже» (*Полва Кудымк.*). Почитаемыми днями зимнего периода народного календаря были праздник *Введение, Введенье день, Введеньева* (4 декабря), день почитания великомученицы Екатерины — *Екатерина, Катюшки, Кати-именинницы* (7 декабря). Эти даты часто становились временем проведения претельных праздников. Однако период до Рождества в целом был лишен какой-либо обрядности, т.к. до Рождества идёт Филипповский, или Рождественский пост.

Первые морозы начала зимы соотносили с несколькими календарными датами ноября-декабря, с *Дмитриевым* (8 ноября), *Егорьевым* (9 декабря) и *Николиным* (19 декабря) днями: «Дмитровски морозы. Егоровска девятого бывает, на него тоже морозит — Егоровски морозы. Никольские морозы бывают, а потом уж Крещенские морозы» (*Полва Кудымк.*). *Николин день, Никола зимний* (19 декабря) считался временем наступления первых зимних морозов: «На Николин день мороз сильный» (*Кукольная Юрл.*).

Рождественские праздники

Сочельник, Рождественский сочельник

Как и Великий четверг перед Пасхой, сочельник накануне Рождества наделен символикой сакрального времени (некоторые обрядовые действия этих дней явно перекликаются). В этот день «деньги считают утром, чтобы денежки велись» (*Кукольная Юрл.*). В деревнях Чёрная, Бадья, Кукольная Юрлинского района в Сочельник «кур не кормили, чтоб летом не пакостили», «чтоб капусту не ели».

В Сочельник совершали гадание с сочнем: «Сочни «жгут». Потом по улице ходят, встречают первого прохожего: «Как звать?», — отдают ему сочень. Как назовется, такое имя у мужа будет» (*Бадья Юрл.*); «по воду пойдемь утром рано, положишь на грудь сочень, и кто первый попадет, имя спросишь, такое и будет у жениха» (*Ананькина Юрл.*); «девушка выпекает сочень. Несет в руках, если кто первый попадется навстречу, значит, в этот год замуж выйдет. А если никто не возьмет сочень, то обратно несет (сочень маленький) домой и набивает его» (*Осинка Юрл.*).

Рождество (Рошво, Орошво) (7 января)

Праздник открывал целый обрядовый цикл народного календаря – Цветтё, Святки. К Рождеству готовился обильный праздничный стол: «Тесто делали, стряпали, жарили, парили. Пьют, едят. Вина не было шибко раньше, там по рюмке, по две, выпили, бражку попили, пиво» (*Осинка Юрл.*). В некоторых деревнях в этот день дети ходили поздравлять с праздником, «славили Христа». Однако ритуальные обходы со славлением и исполнением рождественского тропаря бытовали в северо-западном Прикамье не везде и преимущественно в крупных селах. Ритуальный обход домов детьми в Юрлинском районе зафиксирован в селах Юрла и Юм: «В Рождество в Юрле, я помню, наш отец в Рождество стряпал пельмени. Приходят эти, славильщики, человек пяток угланчиков, и подойдут к порогу: «Здорово живите»!. И поют, славят: «Рождество твое, Христе Боже, воссияй миру и свет разума...». Всегда пели, которые ходят славить, И отец у меня встает, достает кошель, с орехами: «Нате, ребятки»!. По куску хлеба им еще даст. Никогда ни у кого не было есть-то. Кто славил, тем хлеб даст: «Берите, матушки мои, берите» (*Юрла*). Кроме тропаря, исполнялись и короткие четверостишия – славки: «Славите, славите, вы меня не знаете, я Иван-дурачок, выславляю пятачок, вам на потешки, нам на орешки» (*Юм Юрл.*). Рождественские обходы с исполнением тропаря были известны русским и Гайнского района, где в Рождество по домам ходили славильщики и за особое угощение славили хозяев: «Ходили славили — песню пели. Пропели песню, им деньги дадут, дадут, что постряпают, покормят» (*Плёсо Гайн.*). В Кудымкарском районе рождественские обходы называли «Христа гаркать», «Рождество гаркать»: «Рождество гаркать, Христа гаркать ходили. «Рождество Христово...» гаркали...» (*Полва Кудымк.*). С праздником Рождества были связаны и погодные приметы. Считалось, что если на Рождество небо звездное, в этом году будет вестись мелкий скот (*Чёрная Юрл.*).

Святки

Святоточная обрядность

Специфический комплекс представлений о святоточном периоде, как и особые названия этого времени, были характерны для русских традиций северо-западного Прикамья, где, кроме Святков, известны были хрононимы *Цветъё, Светъё, Святъё, Светтё*: «Святъё-то – это в глухую пору, зимой, с Рождества» (*Плёсо Гайн.*). В этих районах начало Святков часто связывали с Николиным днем (19.12), с этого дня иногда начинали исполнять и обычаи, применяемые обыкновенно в период от Рождества до Крещения, например, начинались молодежные игрища и гадания. Завершение Святков также иногда связывали не только с Крещением, но и другими праздниками, например, Татьяниным днем (25.01): «В Миколин день Цветтё начинается, кончается в Крешшенские Таньки, всё Цветтё тогды быват» (*Тиуново Гайн.*).

В северных районах КПО отмечены рождественские и новогодние **обходы с исполнением «виноградья»**, песни с припевом «Винограде красно-зеленое». Одним из названий обхода с исполнением названной песни в Прикамье было **«Винограде» гаркать** (*Кривцы Кос.*). К сожалению, полевые материалы последних лет достаточно фрагментарно раскрывают сам характер обряда. Однако и эти разрозненные свидетельства позволяют говорить о бытовании в прошлом в Прикамье этого варианта рождественских обходов и некоторых его специфических особенностях: «Винограде гаркали: «Винограде красно-зеленое», – вот это пели. Я не знаю, это старуки пели. Длинна» (*Кривцы Кос.*). О широком бытовании в прошлом «виноградья» среди русских этих территорий свидетельствуют и материалы о распространении обхода с исполнением песни среди северных коми-пермяков, сохранивших и фрагменты текста песни: «Ставили лагун на санки и заходили в дома, им наливали в лагун. Несли пить взрослым. Когда ходили, пели «Винограде, красно-зеленое. Я хожу ли, я хожу ли через ярмарку, Мы не серебро просим, мы не золото просим, чашку бражки просим, чашку бражки просим...» (*Нагорная Кос.*). Святочные обходы с исполнением «виноградий» характерны не для всех русских традиций, основной ареал их распространения приходится на территорию Русского Севера¹, откуда и происходил поток переселенцев в северное Прикамье, неслучайно записи свидетельств о бытовании «виноградий» в Прикамье относятся к территории наиболее раннего формирования русского населения Прикамья, более всего генетически связанного с районами Русского Севера. Отсутствие записей текстов «виноградий» не позволяет провести в полной мере сравнения пермского варианта обхода с «виноградьем» с другими вариантами бытования обряда. В то же время следует обратить внимание на одну деталь обряда, характерную для всех имеющихся описаний – угощение участников обхода пивом и брагой. Одаривание, угощение участников обхода – один из обязательных элементов обхода, в то же время угощение участников обхода пивом и сбор пива как одна из составляющих обхода нехарактерны для других вариантов святочных обходов. Возможно, в данном контексте смысл угощения пивом следует связывать с самим характером «виноградий», текстов-величаний хозяевам. Угощение пивом при исполнении величальных песен характерно, например, для некоторых этапов свадебной обрядности² – известна связь «виноградий» со свадебным фольклором, известны версии о происхождении календарных «виноградий» из свадебных величаний³.

Одной из характерных особенностей, соотносимых с восприятием святочного периода, был комплекс представлений, связанный с выходом и активизацией в этот период нечистой силы. Ареал распространения поверий о

¹ Бернштам Т.А., Лапин В.А. Винограде – песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С.7-8.

² Куединская свадьба: Свадебные обряды русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. /сост. А.В. Черных. Пермь. 2001. С.15.

³ Чичеров В.И. Указ. соч. С.152; Бернштам Т.А., Лапин В.А. Указ. соч. С.4.

святочных «духах» характеризует русские традиции Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа. Однако комплекс представлений о святочных мифологических персонажах здесь иной, нежели в северо-восточных районах. Святочные духи известны в Юрлинском районе под названиями *шиши*, *шишочки*, *шишаки*, *шишики*, *шишиги*. Святки выступали периодом активизации мифологических персонажей шишей. В то же время не развит был комплекс представлений о природе появления этих персонажей в Святки. Место их обитания в святочный период могло быть различно: в этот период они «купались» в водоемах. С этим связывали запреты на стирку и полоскание белья: «А в цветье-то шиши купаются. Святки-то бывают, в Святки не стирают. Шиши купаются и в этой одежде полоскаются, если стирать пойдешь» (*Юм Юрл.*). Местом обитания шишей в Святки становились бани, отмечали, что «Они в бане живут, когда Святки-то» (*Чёрная Юрл.*), «Маленьки шиши в бане живут под полом или потолком» (*Юм Юрл.*). Этими представлениями обусловлен и запрет топить баню в святочный период: «Так вот в Святки не топили баню, даже перед праздником или на Крещение не тапливали...» (*Чёрная Юрл.*). В Крещение шиши «падали в воду», однако почти все рассказы указывают, что «в Крещение «шиши в колодцы подают»: «Парни как-то на Крещение поспорили, у нас Черный лог есть, там все кажется, кто Черный лог перейдет, а он посреди деревни. И он пошел и говорит – не мог перейти лог-от. Там бани на угоре-то стояли, из бани бежали в колодец шиши. Его избили, он на коленках приполз. Это шишики» (*Чёрная Юрл.*).

Активизация мифологических персонажей в этот период связывалась с тем, что, по устойчивым представлениям, именно в Святки они играют свадьбы. «А вот с Рождества до Крещенья видали, что свадьба-то издит. Это шиши. В ночь-то эть опасно даже» (*Осинка Юрл.*). Бани становились не только местом обитания шишей в святочный период. Но и местом, где проводились свадьбы: «В Святки по баням проходили свадьбы. Нечистые пляшут в бане, только тунготок, гармошка играют, и всё. Потом люди-те заходили, смотрят – а в бане вовсе никто нету» (*Юм Юрл.*). Свадебный поезд шишей ездил по деревне: «От мамы слыхала. Они с подругой вышли ворожить. Мама невелика еще была, она на крылечке стояла, глядела только. Она (подруга) начала полоть снег. Свадьба вдруг поехала, колокольцы, тут все там. Надя, говорит, быстрее убирайся, сейчас мы гайками-то отхвостнем. Мама в дом забежали...» (*Елога Юрл.*). Временем активизации шишей становилось лишь ночное время: «Мама дворы охраняла, на Крещение че она не перекрестилась, или че ли. Вот, говорит, куделю начала трепать, там куры были, и она-то треплет. «Чую де – как свадьба идет, колокольчи кудякают, невесту везут, гляжу де, а свету не было, только маленькая печурка. Дверь открывается, и залетают таки маленьки, маленьки, и заплясали, заплясали, ведра, говорит, че они держали – забрякались. Вдруг петух запел, петух-от спел – все, как не было. Сейчас чертями зовут, а тогда шишочками называли. Видно, издят, свадьбы играют. Они в воду-то падают на Крещенье, там их, чертей,

нет, до Крещения живут ведь» (*Осинка Юрл.*). С представлениями о свадьбах шишей связывался и запрет играть свадьбу в это время: «На Святки никто свадьбу не делает. Нельзя, плохо жить будешь. На святках замуж идти нельзя. Выйдете замуж и будете жить, как черти же беситься» (*Осинка Юрл.*).

Былички о встречах с шишочками раскрывают и некоторые характерные черты их внешнего облика: всегда отмечается маленький рост шишочков («А вот это мелконьки-то, шишочки были...» — *Юм Юрл.*), появляются они всегда толпой, коллективно. Лишь некоторые тексты описывают более подробно их внешний облик: «Слыхала вот говаривали... Одна женщина рассказывала, у нее муж шофером был. Он уехал в рейс, у нее ребенок маленький был. Они вдвоем жили видно. Сижу, говорит, вечером, жду его домой-то. На печке все раньше ребят-то держали. Ладно, сижу, говорит, на печке, и время-то уже было двенадцать, первый час пошел. Слышу, говорит, скрип, скрип. На санях кто-то приехал. Огонь горит, лампочка, раньше ведь лампы жгали, такие горелки. Слышу, кто-то приехал. Ну, видно, думаю, родня, вот на кашу-то ездят. У них в Дубровке тетка жила, наверное, они приехали. И двери не закрыты видно, раз его-то ждала. Слышу, незнакомый стук, стучится, стучится, заходят в избу, зашли. Я ребенка держу, кормила как раз грудью, держу на руках. Зашли, столь много. Полон, полон зашли. Тут под порогом стоят. И че-то перешептываются. Ой, че же будет. Один-то уже ступил на западню. Раньше на печку чтоб подняться были западни. И давай лазить на печку. Протегают руки до меня, тащить с печи-то. Я давай Богу молиться. Помолилась. Только молитву Воскресную, видно, стала творить. Раз, все двери открыли, циркотня-циркотня, убежали все, никого нету. Вот это шишаки и были. Это на Святках было. Мохнатые, с рожками большими и маленькими, всякими. Старые и молодые, видно. Кто в шапках, кто в платках дак. Женщины-то видно не подходят. Мужчина-то один подошел и давай тянуть руки. Оттащить видно хотели ее, задавили бы, если б молитву не знала» (*Елога Юрл.*).

Схожие представления о шишах были характерны и для коми-пермяцких деревень пограничного Кочевского района, в то время как в других районах расселения коми-пермяков, хотя и бытовали представления о святочных духах, комплекс представлений связанный с ними, был иной, нежели в русском Юрлинском районе¹.

Следует отметить, что в тех районах, где бытовали представления о шишах, этот термин использовался и для обозначения святочных ряженных. Перенос наименования шуликуна на святочных ряженных известен и в других традициях русских Европейского Севера². Основанием для этого, видимо, послужили не только приуроченность ряженя к святочному периоду, но и близость мифологических представлений о святочных духах и ряженных.

¹ Полевые материалы экспедиций в Кочевский, Кудымкарский, Косинский, Юсьвинский, Гайнский районы Коми-Пермяцкого округа; см. также Мифология коми. М., 1999. С.219-220.

² Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. /сост. О.А. Черепанов. СПб., 1996. С.153.

Святочные гадания

Ведро закрывать. «Ведро закрывали: два ведра закроют на замок, ключ под пуховую подушку, и кто придет просить, тот жених» (*Чужья Юрл.*).

Колодец закрывать. «У меня у самой на яве было, вот мы с девками стали ворожить, я была еще девушка тоже, а мне подруга-то говорит, давай, колодец закроем, пойдем, ведро закроем, колодец был без замка, она просто покрутила ключом над колодцем, а ведро-то закрыла и унесла в подвал, а ключ заставила меня под подушку положить: «Если чего приснится, то и сбудется». Ну и вот, я вижу сон, это у меня Ваня пришел, сел на порог и говорит: «Отдавай, говорит, мне ключ», я ему отдала ключ, и все, в ту зиму и вышла замуж, видимо, чё-то есть» (*Чёрная Юрл.*); «И колодец закрывали, и речку закрывали замком. Колодец закроют замком, кто придёт открывать замок, тот твой жених будет. На речку идёшь, будто закроешь. Утром бежишь, что замок убирать надо» (*Ракино Кудымк.*).

Прорубь закрывать. «Гдали — проруб закрывали. Я закрыла, мне во сне гармонист пришел рыжий, за рыжого гармониста и вышла, пришел, просит ключи, прорубь открыть. Прорубь надо ожегом перекрестить, над ей замок на ключ закрыть, замок в снег бросишь, ключ себе, под подушку положишь» (*Усть-Зула Юрл.*).

С поленом. «На святки загадки загадывали. Кого во сне увидишь, я когда облила полено да подпоясала, да в передний угол поставила. И мне Ваня привиделся, и я быстрёхонько замуж вышла» (*Пожва Юсьв.*).

С тараканами. «Сажали в коробку спичечную тараканов и клали на ночь под подушку. Кто тебя увезет ночью, тот и будет жених, куда увезет, туда и взамуж» (*Городище Юсьв.*).

На дороге. «Дорогу скали пирожником, снег скрипит, и как жениха будут звать, услышишь» (*Пож Юрл.*).

На овине. «Было, девки, под овин ходили ворожить, на гумно. Там суседко де мажет ж...ы. Ж...ы-то повесят в овинах, и если будет богатый мужик, то мохнатой лапой де погладит, а если бедный — так гладенькой рукой. А парни прислушаются да вперед девок убежат к овину. Вот одна де пришла, повесила ж...о: «Ой, гладкая рука-та, бедный жених будет, бедный!». Другая повесила, как *вертиховстнул* ее парень плетью! Злой де мужик будет, злой!». (*Осинка Юрл.*); «Молотили хлеб, называли место гумно. Овин сушили. Девки уйдут в овин слушаться, начинают колосники считать. Внизу каменка, тамо печку топят, а сверху салят хлеб, делают такие жерди и на него ставят хлеб. Это называется колосники. Девки считают их» (*Пожва Юсьв.*); «Мама рассказывала. Овины раньше были. Я еще достала эти овины. И вот, говорит, молодые девчонки бегали, слушались. Придут, ж...у, говорит, повесят. Если будет хороший мужик-то, шубенкой погладит по заднице. Если плохой, то нагайкой» (*Ракино Кудымк.*).

На росстани. «Скатерть постелят на улице, на росстани, ложатся под нее и слушают, где собака завоет, где еще чё, то и будет» (*Лопва Юрл.*). Га-

дали на росстани снегом, снег кидали иконой через себя и слушались, какой звук, громко снег падет, год будет урожайный (*Пож Юрл.*); «На растани ходили, прислушивались. Вот особенно где пустой дом, тут. Обязательно что-нибудь. У одних прислушались, такая страсть нас взяла, и мы решили больше не ходить. Доски: шулки-шалки, – только доски летят – стружут. Ну, где покойник будет, где покойник будет? Вот, пожалуйста, у подруги отец помер, болел. Да, вот так» (*Пожва Юсьв.*).

По блюдечку. «Берешь блюдечко с водой и на четыре его стороны кладешь: хлебушко, уголёк, соль и зернышко. Потом в воду смотришь. Если уголек увидишь – узнаешь, сколько лет жить, если хлебушко или зернышко – хорошая жизнь» (*Кукольная Юрл.*); «На газетку сделаешь алфавит весь, буквы. И столько же цифры. А посредине тожно сделаешь зб́лу, тожно кольцо положишь, тожно блюдечко. И вот нагреваешь его пальцами, оно и забегает. Начинаешь спрашивать и его, сколько тебе лет. Он скажет. Маленько пятнышко сделаешь на одном месте, он этим пятнышком и покажет, сколько ему годов, откуда он» (*Пожва Юсьв.*).

По зеркалу. «На Святки было дело. Я поставила два зеркала. Мама у меня на полатах спала, уснула, я одна. Вот гляжу, а там в зеркалах такие коридоры открываются, 13 коридоров. Смотрю, из одного коридора шагает мужчина. Ну, я не узнала. До меня третий коридор остался, я прихлопнула. Может, чертик меня бы задавил – близко стал ко мне подходить» (*Юм Юрл.*); «Поворачиваются спиной к месяцу и смотрят в зеркало. Сколько увидят светлых пятен на зеркале, столько будет детей» (*Чёрная Юрл.*).

По кольцу. «В стакан с водой клали кольцо, песочек, волосы в стакан (с темечка), затем долго всматривались при свете свечи на дно со словами «Покажись, кто будет у меня жених». Там и шиши, и дьяволá такие навидятся, а, может, увидишь там и человека» (*Чёрная Юрл.*). В Святки ворожили не только для того, чтобы определить будущее замужество, но и узнать судьбу человека, ушедшего на фронт. «В Святки еще в стакан бросали кольцо золотое. Тоже гадали, смотрели. Одна загадала. В центре кольца, в углу раз – два солдата. Я отскочила, что, говорит, посмотрела, ну, от Николая скоро письмо придет, теперь давай на Егора гадать. Снова она все сделала, и мне говорит, смотри. Я смотрю в этот стакан и как сейчас вижу эту картину. В северо-западном углу-то было, а тут в другом – как простынь белая, и кто-то под простынью. Она посмотрела: «Всё, Егора нет». До сих пор Егор не вернулся. Через три недели письмо от первого-то пришло: «Были в окружении, писать нельзя было» (*Юрла*).

По гребню. «Гадали гребнем или щетью, выбросят в снег ночью, во двор, после ищут, смотрят, какой волос будет на щети, такой цвет волос будет у жениха» (*Таволожанка Юрл.*).

По ложкам. «В ложку воду наливали на ночь, утром смотрят, если бугор – помрешь» (*Бадья Юрл.*); «В ложку воду наливали, если застынет горкой, будешь жить, ямка – умрешь» (*Юрла*); «Гадали по ложкам. На каждую загадаешь кого-нибудь из семьи, наливаешь в ложки воду и на холод. Если

застынет бугром, проживешь этот год хорошо, а ямка — худо» (*Майкор Юсьв.*); «Воду берут, на улицу выносят, там в ложке ставят. Кто женится или умрёт, или ребёнка родит. Копышем будет, в ложке замёрзнет. А если которое раздвоится копыш, — ребёнка родит девка» (*Ракишино Кудымк.*).

По мусору. «В избе вымести, вынести мусор утром на росстань, высыпать и говорить: «Сею, вею ворошок, где мой милый женишок, там собачка взлай, петушочек спой»!. Каков жених выпадет, если хороший, так петушочек, а собака — мужик собака и будет» (*Бадья Юрл.*); «петух — мужик хороший будет» (*Чужья Юрл.*).

По полену. «Поленья вытаскивали, кто како выдернет. Если суковатое — мужик корявый будет, гладенькое — баской» (*Усть-Зула Юрл.*); «Гаскали на Святки полено из поленицы, смотрели. Если суковатое — муж корявый попадет, гладкое — хороший» (*Городище Юсьв.*); «Поленья из полениц брали. Загадывают, у кого какой муж будет. Если красивый — гладкое полено. Некрасивый — сучевато» (*Ракишино Кудымк.*).

По снегу. «Выйдеш на дорогу со словами: «Сею-вею, ворошу, где мой женишок, там собачка взлай»!. «О, девки, учуяла, далёко-далёко собака лает! Нескоро взамуж» (*Ефремова Юрл.*); «Снег сеешь: где-ка женичок, там и собачка злай» (*Ракишино Кудымк.*); «Новый год живет по-старому четырнадцатого, на тот Новый год вывораживали. Ходили вечеровать, к кому-нибудь придем, сидим, прядем и ждем, когда петух споет, до двенадцати часов. Тожно как петух запурхатся в шестке — девки, пойдемте ворожить. Идем на ростань, снег в припол собирам, «Полю-полю снежочек, перепалываю, где мой жених, там собачка злай, корова змычи». Одна девка едак-ту перепалывала, а тут кони на конном дворе залягались, заивгали. Мы и убежали» (*Юм Юрл.*); «В снег падали. Упадут в снег, если две головы будет, то значит выйдеш в тот год замуж. Если одна, то одна голова» (*Ракшино Кудымк.*).

По частоколу. «А еще ворожили так: частоколы раньше были, из тоненьких таких дубинок. Вот так вот соберешь, парами, по две, если все сойдутся, то пожениться, если не пара останется — не пожениться в этом году» (*Черная Юрл.*); «Гадали по тыну, по штaketнику. Если последними захватили две тынинки, парные, в году с парой будешь» (*Городище Юсьв.*).

Слушаться. «Слушаться ходили: уйдем на поля, сядем на корточки в снег кружочком, и через нас маленьких икон накладывают и заставляют слушать. Если будет урожай, как серпы зачают: «Ой, все урожай будет». А тут еще на перекрестке как-то нас посадили, а тут как поленица рассыпалась, и вот у нас в тот год бабушка умерла» (*Юрл.*); «Гадали в глухую пору. Это и есть святки. Под окном слушали, что там говорят, и по разговору узнавали, что дальше будет»; «Ходили слушаться на речку, очерчивались и слушались, что прислышится» (*Майкор Юсьв.*); «Шли гадать на перекресток, закрывались шкурой коровьей и слушались» (*Пожва Юсьв.*); «Я вот сама один раз слушаться ходила тоже. Я ребят уложила, сама убежала. Время было около двенадцати. Тут у нас как раз мельница была. И туда была росстань, сюда была, и туда. Я на эту росстань встала и стою. Стою и слушаю. Стояла, стоя-

ла. И слышу, как вроде кто-то идет с той стороны, так близко. Идёт, и снег-то хрустит, морозно было. Всё ближе, и ближе, и ближе. Я не смотрю. Глаза у меня закрытые. И всё поближе ко мне подходит и подходит, еще как вроде на санках. Я испугалась, завернулась и обратно домой. Домой прибежала, испугалась, легла прямо к ребятам в середину. Во сне вижу: вроде это белье, которое постирала, повесила его. Во сне вижу, у меня это белье висит, пришла какая-то женщина, такая черная, волосы длинные, и белье всё мое пачкает. Я говорю — ты что у меня пачкаешь, я только щас постирала, повесила. Она так раз встала в межтук-то, между бельем-то. Ой, проснулася. Чё-то не к хорошему. И вот я была в положении, 29 января я родила, и у меня ребенок неживой. И вот так у меня дед вез на санках» (*Полва Кудымк.*); «Просу сеяли. А тоже там снег возьмём, наложим какой-нибудь фанэрку что ли и наскazyвам: «Сейся пушок, где мой будет женишок». Это всё было правда. Все мы слушались. Пришла я, клюшка медная была, куда я её бросила. Решили вдвоём с подругой отчертить круг. Отчертили круг, сели. Вот у соседки тропки, моя тропка от дверей. И так идёт дорога. Мы сели с ей, с большущей клюкой, вдвоём, и говорим: «Ну-ко, Ритка, чё тебя в этом году ожидают»? В святки в любой день это, после Сочельника 6-го числа. После 6-го это мы в само Рожэсво бегали. Говорим: «Ну-ко, что тебя в этом году ожидают»? «Как что? — она говорит. — Гудки слышишь»? — «Слышу». Пароходные гудки. «Ну куда, куда я поеду»? Тогда же пропуска токо были. Она на работу не вышла, — всё, её увезли, на три месяца посадили. Вот тебе и гудки. Я говорю: «Что меня ожидает в этом году»? Колокольчики брякают. Мы испугали: сомнут. Побежали, — никого нет. Но куда колокольчики? Действительно, в конце года уехала на лошаде, замуж вышла» (*Пожва Юсьв.*).

Хлебом. «На Рождество, в сочельник, кусок хлеба клали под голову: «Приснись, мой суженый» (*Юрла*).

«В святки я легла спать, взяла кусок хлеба, откусила два-три раза и положила на стол: ну-ко, кто придет хлеб просить. Пришел во сне человек, просит хлеб, мне, говорит, твой кусок надо. Дак я за его и вышла замуж-от» (*Майкор Юсьв.*).

Петухом и курицей. Говорят, так делали видимо де, курицу, петука отпустишь. Три кучки насыпешь на пол зерно, большу кучку сделаешь, маленьку сделаешь, там ешо каку-ко сделаешь. Я, говорит, вышла, у меня с большой на маленьку, с большой на маленьку, так и жила, — у соседки. Говорит, тоже жито, большую клюет, большую клюет, это, говорит, жить-то будет корошо, у тебя большой сусек будет (*Тиуново Гайн.*).

Со столом. «Еще ворожили: стол ходил. Тоже соберутся женщины. Что-то на стол наскажут, что-то поделают, стол заходит. Стук, стук, стук. «Ну-ко сколько я проживу»? Раз стукнет, два, — ходил стол» (*Полва Кудымк.*).

Сочнем. «Сочни токо пекут. Потом возьмёшь сочень сюда за пазуху и бежишь утром рано. Кто встречу попадётся, загадашь, такое имя будет жених. Это я сама ходила, точно даже это. Попала точно» (*Ракишино Кудымк.*).

Валенком. «Валенки кидали через заборы. У кого где какой жених будет» (*Пожва Юсв.*);

Стремление заглянуть в будущее, выйти на контакт с нечистой силой не всегда могли завершиться благополучно, в некоторых случаях, невыполнение ритуала гадания могло повлечь за собой встречу с нечистой силой: «Слышала, что, мол, пошли гадать у скотины на кожу, сели, и их скоро черти поволокли, я слыхала, они чё, догадались, соскочили, побежали, убежали де» (*Осинка Юрл.*). Часто козни нечистой силы инсценировали парни, узнавшие, что девушки отправились ворожить: «Ворожили ходили. У меня брат Коля был. Девки пойдут ворожить, он их подкараулит. Санки были, он на их свадебные колокольчи привяжет, уйдет за ферму. Отпустит с горы санки-те. «Ой, дева, ты уйдешь нонче замуж». – «Нет, ты»!. Друг друдышку мнут, бежат, свадьба де шишовская едет» (*Липухина Юрл.*); «Вот девки уйдут в овин слушаться и начинают колосники считать. По-русски скажу, там делают низу каменку, печку топят, а верьху садыт хлеб. Делают такие жерди, и на эти жерди ставят хлеб. Это назывались колосники, эти жерди-то. Из стены в стены их сделают и насадыт там снопы. Зашли в овин-от. Он зашёл вперёд их, где колосники-то, и начал эти колосники перебирать, дак они убежали скоро, не выдержали» (*Пожва Юсв.*).

Святочное ряженье

Одним из неперменных составляющих святочной обрядности русских, в том числе и северо-западного Прикамья, было ряженье. Бытовало несколько терминов для обозначения святочных ряженных: *маскированные (маскарованные), наряжённые, шуликуны и шишочки*. В первых двух случаях в терминологии актуализировалось переодевание, маскирование участников святочного ряженья: «Маскарованные ходили, ходили всяко. Шубы вывернут и всяко ходили. Придут, попляшут и обратно уходят» (*Ракишино Кудымк.*); «Наряженные ходили всякие, вот Бабой – Ягой мараются или бороды сделают из льна, еще маски делали из картонки, лица накрасят краской карандашовой, карандашом» (*Кукольная Юрл.*).

Термин «*шишочки*» известен только в Юрлинском районе и связан с мифологическими святочными персонажами *шиши, шишочки*. «В шишочки наряжались, сажей намажутся, и не узнашь, кто такие. В избу заскочат, запляшут, на себе шуба вывернута, старьё. Их угощать надо, конфеты давать, пряники, брагой поить деревенской» (*Осинка Юрл.*). Термин «*шуликуны*» бытовал преимущественно в Кудымкарском и Гайнском районах: «Шуликэны, нынче страшно, шуликэны, большие и взрослые поймают, в снег выкупают и всё, везде, куда попало бросали. Мы уж нынче не ходили» (*Полва Кудымк.*). Название шуликуны также, скорее всего, связано с мифологическими святочными персонажами. Олицетворение ряженных с нечистой силой и ряженье под нечистую силу широко известно на общерусском материале, с этим соотношением связано и обозначение ряженных чертями: «Ну так наряжались, ходили чертями да че да, измажутся и ходят» (*Елога Юрл.*).

В северо-западном Прикамье получено немало свидетельств о бытовании ряженья в зооморфные персонажи: медведя, быка, козла, гуся, петуха. «Рядились в медведя, козла. В медведя когда, шубу, шапку, маску из бумаги и из тряпки» (Юрла); «Вот на Рождество ходили, шишонки вот ходили. Маски делали. Там бересту сделают, рот сделают – прорежут, из кудели бороду, углем глаза наведут. «Му-му», – идет как бык. Он шубу вывернет, маска, помычит малехонько, хвост из кудели. Гусем рядились, клюв большой из лучин сделан, маленьки ребята боятся. В рукав сделают, в руку-то. кончик лучины белый, палка такая в рукав, на нее клюв так сделают поперек. Он всех кокат ходит» (*Келич Юрл.*); «Еще петухом снаряжались. Хвост сделаем красный, гребень сделаем. Есть ведь корки, бумажные корочки, имя. Накрасим, вырежем. И петух поет. А когда-то рябчика, кого ли убьют, хвост приделаем. Шутили, песни пели да плясали... Кто и не пустит совсем» (*Полва Кудымк.*).

Распространенными для ряженья были и другие персонажи, например, цыгане: «То опять цыганками оденутся, надянут на себя долгое...» (*Базуева Гайн.*); «В цыган рядились. Юбки оденут. Раньше дубасы были. Не пожалеют, на ленточки изрежут, эти ленты на юбку оденут, сарафан, так и идут, наверх шубу вывернут и идут» (*Дубровка Юрл.*). Часто наряжались мужиком и бабой: «Марлю оденем, мужицкое или женское там, мужиками большинство-то сряжались. Только вот марлю накидывали; чтоб не узнали» (*Юм Юрл.*). В святочное ряженье вовлекались и реалии современной жизни: «Я вот наряжалась на Святки Конституцией – ходила с книгой, на себе ленты, на их написано «Право на труд», «Право на отдых» (*Юм Юрл.*). Для ряженье часто использовали берестяные маски: «Маски берестяны наденут, вырежут глаза, рот и нос, марают сажой» (*Осинка Юрл.*); «Маски делали из береста – глаза вырежут, завязки приделают» (*Базуева Гайн.*). Маски готовили и из бумаги: «Маски делали. Из бересты я не помню, а такие, бумажные всякие делали маски...» (*Пожва Юсьв.*). Для ряженье использовали совики – дорожную одежду из оленьих шкур: «Маскароваными-те снаряжались. Да кто чё нахочет, то и надеват. Кто-то совик надинет. А совик вы не знаете какой? Он, совик, из оленьих шкур, только голова-то есть, а рук-то нету. Это был совик» (*Городище Юсьв.*). Частым приемом ряженье было выворачивание одежды: «Ряженные на Святки бегали. Обычно что есть, то и оденут, лапти есть, шубы есть, навыворот» (*Пожва Юсьв.*); «И шубы выворачивали, всё было» (*Городище Юсьв.*). Для ряженье использовали и приготовленные веники: «Веники навешаем на плечи да по деревне ходим. Кто веники повешат, кто какие-то лохмотья. В дом заходили, песни пели, плясали» (*Сёйва Гайн.*).

Ряженные совершали обход деревни, заходили в дома, пели, плясали, часто подшучивали: «Шуликины бегают – в стену зыбают, бегают по улице, пугают» (*Базуева Гайн.*); «До сих пор двери морозят в Святки, снегом трубы заваливают» (*Ананькина Юрл.*); «У кого есть сани, уволкут и бросят в снег, кто куды, уволкут и ищут. Двери подперут, что выйти нельзя. Это моло-

дядьники-то ходят» (*Осинка Юрл.*). В этом случае ряженные своим поведением имитировали разгул нечистой силы. Нередко было принято и угощать ряженных: «Пришли маскарованные. Они попляшут, надо чем угостить. Обязательно угощение. Какое есть, что есть, то и давали. И конфетки детям. Если постарше или пожилые люди, и выпить, и закусить» (*Пожва Юсв.*).

Маланья-кишочница, Васильев вечер (13 января)

День накануне Старого Нового года в народной традиции получил два названия – *Маланья-кишочница* и *Васильев вечер*: «Маланья-кишочница – пироги стряпают тогда кишочные» (*Лопва Юрл.*). «К этому дню, бают, голову свиную надо припасти – на Васильев вечер» (*Дубровка Юрл.* – святой Василий считался в народе покровителем свиней). Сакральным временем считалось не всё время праздника, а только вечер, Васильев вечер, тем более что он соотносился с датой Старого Нового года. В северо-западном Прикамье к этому дню готовили холодец из свиных, овечьих или говяжьих голов и ножек: «В Васильев вечер варили холодец и садились глотать кости от холодца» (*Пожва Юсв.*); «На Василий вечер ножки палят, варят, ножки грызут. Вечером все соберутся, мать принесет на стол эти косточки и растрехивает, косточки полизали, а которые остались, она холодец сделает» (*Дубровка Юрл.*); «Малиньких за стол, достанут чугунок из печки, давайте холодец трясти. Сидят, косточки облизывают» (*Липухина Юрл.*). На праздничный стол Васильева вечера готовили не только холодец, но и другие блюда: «На Васильев вечер пельмени обязательно стряпали, холодец варили, студнем называли, кисель. Овсяный кисель варили. И обычно сусло, что пиво варили, сладкое сусло. Паренки делали. Если есть, что мясное. Кости глодали, собакам отдавали» (Гайнский район, п. Сейва). Приготовление холодца и вечерняя трапеза имели сакральное значение. В д. Дубровка Юрлинского района приготовление студня из овечьих голов, ножек связывали с тем, что «это, бают, делать надо, чтобы овечки лучше велись». В этой же деревне остатки от холодца «потом в навоз закапывают, чтобы скот велся».

Чтобы весь год был благополучным, «на Новый год, Васильев вечер, надо чтобы обязательно была квашонка сделана, квас чтобы был, чтобы весь год вёлся хлебушко. Денежки есть у кого, ложили на стол» (*Кукольная Юрл.*); «В Васильев вечер деньги считают. Разложат на столы и считают, десятки называют сотнями, сотни тысячей» (*Пожва Юсв.*). В д. Ананькина Юрлинского района на Васильев вечер гадали на урожай: «Вот в Васильев вечер пол вымоют, а потом мама сама же, наверное, зернышки набросат, а нас искать заставляет. Если, говорит, найдете зернышки, год урожайный будет» (*Ананькина Юрл.*).

Васильев вечер считался одним из наиболее благоприятных сроков для святочных гаданий: «Самый основной день для гадания. Говорят, на этот день обязательно всё сбывается, все гадания...» (*Пожва Юсв.*).

Крещение (19 января)

Комплекс обрядности Крещения в северо-западных районах Прикамья был достаточно развитым. Крещение завершало святки и весь цикл святочной обрядности. Для Юрлинского района был характерен комплекс представлений и обрядности, связанный с уходом святочных мифологических персонажей и с представлениями о «нечистоте», «поганости», демоничности воды в Крещение. Праздник Крещения считался сроком, когда мифологические персонажи уходят в воду: «шиши падают в воду», «шишиги крестятся», «шиши крестятся, в речку обратно падают» (Юрл.). Поэтому на Крещение распространялись запреты на использование воды, которую старались набрать днем накануне и занести в дом: «Раньше в Крещенье даже по воду не ходили, боялись пить такую воду...» (Елога Юрл.). В других случаях запрет распространялся лишь на утреннее время: «до солнышка воду не носили» (Таволжанка Юрл.), «Если рано придешь, так шишов принесешь, домой принесешь» (Осинка Юрл.). В некоторых деревнях этого района не проводили и никаких других ритуалов с водой на Крещение, а православные традиции крещенского освящения воды, активно пропагандируемые в последнее время, порой даже вызывают смущение и непонимание у информаторов: «Крещенская вода девятнадцатого Крещенье января, шиши-те в воду падают. А сейчас не так совсем делают, они де падут в воду – самая лечебная вода считается, а раньше дак даже по воду не ходили, боялись пить такую воду. А воду святили только если мышка в воду падет...» (Елога Юрл.). Соответственно в этом случае не бывало представлений об очистительных, лечебных и др. свойствах крещенской воды. В других случаях днем в Крещение проводили освящение источников – «святили колодцы», для того, чтобы вода стала пригодной для бытового использования. Освящение колодцев известно также в разных вариантах и имело характер очистительных ритуалов. В д. Осинка «кадили» колодец: «Воду в колодце святили. Черти на Крещенье падают в воду, потом ее осветят. Ходили-то в старо-то время ладанок разожгут, пойдут на колодец со свечкой, читают молитву. Ладаном обдадут и все». В с. Юрла, чтобы освятить воду, горящую свечу и ладан спускали в колодец: «Утром хозяйка встает, зажигает свечу, освещает колодец, только после этого мы начинаем воду носить. Это было. Дома зажигает. В ведре несет эту свечу, с огнем спускает в колодец, вот еще ладан пускает, чтобы освятить воду, он горит там. А потом вот она это сделает, потом она это вытаскивает. Убирает это все, а потом набирает воду да несет. Это уже освященная вода». В ритуальном очищении воды были задействованы и христианские символы – иконы, крест: «Вот в Крещенье воду крестят, утром рано сходят за водой. А воду-то крестят, крестик в воду опустишь, вымоешь его, крест-на-крест крестом-то сделаешь прежде. Еще икону опускали прямо в колодец. А раньше еще прорубь делали, воду поновят, все. После солнышка воду-то носили, а раньше не носили» (д. Чужья Юрл.); «Икону еще привяжут к ведру и опускают в колодец, набирают воду, с иконой черпают воду,

она освятится...» (Носкова Юрл.). Другой вариант освящения *воду выкупать* отмечен в с. Юм, где на Крещение было принято бросать в колодец ключ, деньги и хлеб: «В колодец денежки с хлебом бросали – выкупают воду на Крешенье, вода как очистилась...». Подобный обычай дарить воду широко распространен в календарной и семейной обрядности, невеста на второй день свадьбы дарит источник, с которого она будет носить воду, хлеб и монеты бросают в воду в весенних обрядах проводов льда и большой воды. Символика дарения связывается с жертвованьем воде в стремлении обезопасить ее негативные свойства, сделать доступной для использования¹. Освящение воды в источниках на Крещение в целом характерно для прикамских традиций, однако в других районах это освящение, как правило, проводили святой крещенской водой. Бытование комплекса представлений в одной из локальных традиций следует связывать со спецификой именно этой группы русского населения, русских-юрлинцев, традиционная культура которых в целом характеризовалась сохранением архаичных черт, а также развернутыми формами представлений народного православия, значительным влиянием старообрядческих традиций и т.д.². Представления о «нечистоте» крещенской воды связаны с амбивалентной, двойственной символикой этой природной стихии в традиционной культуре³, в народном календаре русских также известны примеры, когда и в другие календарные даты в одних традициях вода праздника наделялась сакральными целительными и очистительными свойствами, считалась святой, а в других – «поганой»⁴.

Для полной характеристики локальной традиции русских Юрлинского района следует отметить, что под влиянием канонических православных представлений об освящении на праздник воды, особенно в селах, где были церкви, отмечаются некоторые представления, характерные для большинства традиций Прикамья. В частности, это обряд водосвятия: «В Крещение раньше ездили на реку даже, прорубь рубили, из проруби воду брали, священник святил...» (Юрла).

В других районах проживания русских в северо-западном Прикамье бытовали наиболее распространенные для русской традиции представления и ритуалы освящения воды. Крешенье отмечалось молебном у *ердани* (иордани). В д. Монастырь Гайнского района в Крешенье на Каме вырубали крестом прорубь, делали из льда крест, служили у него службу. «Прорубь посвятят, потом лошадей поили этой водой. Люди воду туюсками уносили, счи-

¹ Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004. С.45; Черных А.В. Проводы воды // ЖС. 2003. №3. С. 11.

² Подробнее см. в работах: Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В. Юрлинский край: традиционная культура русских конца XIX – XX вв. Кудымкар, 2003.

³ Славянские древности: этнолингвистический словарь. В. 5 т. Т. 1. А-Г / под об. ред Н.И. Толстого. – М, 1995. С.586-588.

⁴ Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX – середины XX в. В. 2 ч. Ч. 1: Весна, лето, осень. Пермь, 2006. С. 219-220.

талась святая, стоит и не зацветет вовсе»; «В Крещение иконы из церкви брали и шли их купать. Сами тоже умывались из проруби, воду набирали» (*Монастырь Гайн.*). Крещенскую воду могли и без водосвятия набирать в источниках, так как считали, что «Господь Бог всю воду везде прокрестит» (*Тиуново Гайн.*); «Воду брали сами из колодца ночью» (*Пожва Юсьв.*); «На колодец ходим, которые на речку ходили раньше. Святим. На последний-то день Крещение. Потом польем ее в колодец» (*Полва Кудымк.*).

Повсеместно, как и в других регионах проживания русских, крещенская вода наделялась целительной и охранительной силой: «Ее старались хранить год, давали больным, скота поили, дом от пожара брызгали» (*Пожва Юсьв.*); «Я кой-ке годке брала, помаленьку все пила, и гриппом не болеешь. Попьешь ее, еще маленько потом оставишь, болезнь не занимала, не кашляшь и ничего» (*Тиуново Гайн.*). После освящения с Крещения до Афанасьева дня (31 января) вода считалась чистой, в это время не стирали: «С Крещения до Афанасьевки не стирают. Неделю не надо стирать» (*Осинка Юрл.*); «После Крещения две недели не стирают» (*Полва Кудымк.*).

Другой комплекс ритуалов Крещения был связан с защитой жилища. Для того чтобы нечистая сила не зашла в крещенскую ночь в жилые и хозяйственные постройки, «тогда дверь еще зачертишь крестом, при солнышке двери закрывают, управляют, и везде кресты» (*Черная Юрл.*); «А вот на Крещенне мама нам даёт мел кусочек, и на все, все двери крестики мы ставим. Поставьте на конюшню, на анбар, где какие двери есть, на баню. Вот мы и ходим, крестики ставим. Чтобы нечистая сила, Крещенне, дак она уходит, чтобы не осталось, ушло» (*Ракишино Кудымк.*).

В некоторых локальных традициях Крещение считался одним из годовых поминальных дней: «Звали в Крещение читать читальщицу по покойнику» (*Пожва Юсьв.*); «Крещение считали родительским днем. Стряпали пельмени, в церковь ходили молиться» (*Пожва Юсьв.*).

С Крещением были связаны и некоторые приметы о погоде и урожае в будущем году: «Если на снегу искорки много в Крещение, как звезды, год будет урожайный» (*Сёйва Гайн.*); «Если на Крещение будет месяц большой, значит, весной в реке вода большая будет, если маленький – вода маленькая будет» (*Полва Кудымк.*). С Крещением были связаны и представления о чудесных природных явлениях: «Богоявление было восемнадцатого, Крещение ведь уже, а в Богоявление выходят до восхода солнца и молятся богу. Говорят, небо открывается. Как небо открывается, и появляется Богородица как бы. И чему помолишься, что её попросишь, то и сбывается. Потому и называется Богоявление» (*Пожва Юсьв.*).

С Крещения начинался *мясоед* – период свадеб, который продолжался до Масленицы: «Крещение – девушкам решенье, просватанье» (*Пож Юрл.*).

От Святка до Масленицы особых праздников не признавали. Середина зимы связывалась с днем *Ксеньи-полузимницы* (6 февраля): «Ксенья полузимница. Если Оксиньев день, нынче баской был, весна должна баска быть.

Чтобы витех не дул, снег не тащило, снег чтобы не давило» (Тиуново Гайн.). Заметной датой считается *Сретенье (Усритенье)* (15 февраля). «В Сретенье день и ночь состритятся, день на прибыль пойдет, а ночь на вы-быль» (Осинка Юрл.). Конец зимы знаменовался временем Масленицы.

Масленичная обрядность

Мясное заговенье

«Последнее воскресенье перед Масленкой называлось Мясное Заговенье. В последний день разрешалось есть мясные продукты. На масленой неделе разрешалось есть только молочные продукты и рыбу» (Щеколова Юрл., Мазунин М.В., ЧКМ3009).

Масленица

Масленица была одним из самых разгульных праздников в году. Масленичный стол отличался обилием. В масленичную неделю уже не разрешалось есть мясного, поэтому на столе присутствовали молочные и рыбные блюда: «Всю масленичную неделю стряпают пироги рыбные, мясное не ели» (Осинка Юрл.). На Масленицу «почти каждый день стряпали оладьи, блины, *налевницу*» (Юм Юрл.). Некоторые блюда традиционной кухни считались масленичными, их обязательно готовили на праздник: «Налевники – это уже чисто масленичные. Сочень из теста дрожжевого, и сверху крупу делали ячневую. Крупу эту замачивали на сметане, утром еще масло положат, яйцо разобьют и стряпают. Целую неделю стряпали на маслену неделю. В Маслену-то ведь только на сковороде стряпали, а в Пасху на сковороде нельзя стряпать» (Юрл.). В Юсьвинском районе обязательным масленичным блюдом были небольшие колобки из пресного теста, обжаренные в масле: «На Масленицу катышки стряпали. Это, знаете, это сдобно тесто сделаешь, оно пресное. Тамо токо сахар, масло. Так накатаешь. Они шарики. Они испекутся. Такие румяные, такие вкусные. Большие не делаешь, маленькие. Как конфетки. Я всегда в первую очередь Богу ложу. Должна я всегда угостить...» (Пожва Юсьв.). Обрядовым масленичным блюдом представляется и масло. На масле не только готовили большую часть масленичной стряпни, но оно выступало и как самостоятельное ритуальное блюдо праздника: «В Масленицу, если масло есть, зятевьям-то блины ведь стряпают, масло принесут, их поят, кормят, этим маслом поят даже. «Блин тутoka, давай выпей маленько масло. Не будешь пить, на голову вылью!», – у нас мама так делала. стакан масла поднесет» (Тиуново Гайн.).

Многие обрядовые блюда Масленицы в северо-западном Прикамье получили тот же термин, что и весь календарный период. В с. Юм Юрлинского

района масленичные блины иногда именовали масленкой: «Блины стряпают, масленку. Самое главное — блины. «Ешьте, мол, масленку», — говорили» (*Юм Юрл.*). В д. Плёсо масленицей называли печенье, приготовляемое на праздник: «Масленку делали в последний день Масленицы. Масло растопишь и с мукой замесишь, как тесто, сделаешь коржик, колобочки, и в печку. Это в последний день делали, а блины и оладьи целую неделю» (*Плёсо Гайн.*). В Гайнском районе «Масленкой» называли и особую конструкцию из блинов и маслёнки с маслом, выставляемых на праздничный стол: «Делали вот такую масленку на смех. Снизу маслёнка с маслом, сверху кладут блины. Нужно так достать маслёнку, чтобы масло не пролилось. А если разольёшь, то будешь есть постные блины. А это считалось позорным» (*Сёйва Гайн.*).

Оставшуюся от Масленицы стряпню в Чистый понедельник сушили, убирали на чердак и хранили до Пасхи: «Если настряпанное не съедали, сушили к Пасхе. Собирали и сушили в Чистый понедельник. В воскресенье Масленка пройдет, и вечером всё ложили в печь и сушили» (*Ловва Юрл.*); ««Провожали Масленку — оладьи сушили. Блины, оладьи останутся, их высушат до Паски как сухари и хранят» (*Сёйва Гайн.*). Постный стол предполагал уже совсем другой рацион питания: «В пост Великой не ели, и мясо не ели, ретюк ели, подвид редьки, калега. Парили и ели, упреет в печке» (*Сёйва Гайн.*); «В пост капуста, редька, грибы. Овсяный кисель сварят, постники поедят. Ниче там не льют, ни на молоке, ни масла не льют» (*Сёйва Гайн.*).

Обязательным атрибутом праздничных развлечений на Масленицу было катание с уборов: «Масленица у нас веселая была: все идут на угор, угор был тракт, главный тракт там. Все выйдут, столь много людей, столь людей — вся деревня, старый и малый, кто на санях, кто на лотках самодельных, кто на каких-то ой, прямо страшно» (*Черная Юрл.*). В д. Черная Юрлинского района также отмечали, что на катушке устанавливали снеговиков: «Так делали, катали: снег накатают, наставят *снежников*». Часто горки устраивали на берегах рек. Специальные горки к Масленице сооружали в поселке Пожевского завода: «В Масленицу делали горки, по бокам елки поставят, на них фонарики, ленточки» (*Пожва Юсв.*). Фонарики развешивали не только на елках, установленных по краю катушки, но и на столбах, для освещения катушки в вечернее время: «Какие-то как столбики были. Ну, там может 2-3 фонарика было с одной стороны и с другой стороны. И катались....» (*Пожва Юсв.*).

Для катания с гор использовали разные приемы. Иногда катались на дровнях, завернув или сняв оглобли: «Еще большие сани лошадиные делают, как угоры сделаем, как насядем, катаемся. А потом нас опять ругают: зачем горы-то поливаете, лошади плохо ходят, они уж не кованые, катаются» (*Полва Кудымк.*). Специально к Масленице готовили *лотки, ледяны, скамейки, стулья и кобылки*. По-разному в каждом районе называли различные приспособления для катания с гор. Лотками называли специально приготовленную и заостренную с одного из концов деревянную плаху, нижняя часть

которой для лучшего скольжения обмазывалась навозом и заливалась: «Мы в ледянах катались. Таковую вот доску сделают. На дно сначала говно наморозят коровье, потом водой польют. И катаются с любой горы. Она широкая такая, сядешь и едешь» (*Пожева Юсвь.*). Лотками часто могли называть и любое другое приспособление для катания, в д. Черная Юрлинского района лотком называли приспособление для катания, которое в других традициях чаще именовали скамейкой: «Лотки делали: плаху заострят немножко, снизу льдом польют, доску наверх, длинные делали, человек по двадцать садились» (*Черная Юрл.*). Скамейки, как правило, готовили для коллективного катания, так как на них могло разместиться более пяти человек: «К Масленице готовили скамейки, лотки делали, санки. Скамейки сами делали. Скамейки такие сделаем, метра 3-4 длиной, еще наложим крылья – доски еще наложим на скамейку, чтоб больше входило ребят-то» (*Полва Кудымк.*); «У нас была скамейка длинная, семь человек входили на эту скамейку. Гора у нас в Михеево большая. Как спустимся под гору, с полкилометра наверно, крутая гора. А обратно никто скамейку не ташит. Кто повзрослее, всё же поднимут» (*Ракишино Кудымк.*). Кобылка от лотка отличалась тем, что к деревянной плахе – основанию крепился «стульчик», хотя часто и кобылку называли лотком или ледяной. «На Масленицу на кобылках катались, вот ее на ножках делали, дно-то как деревянное, заляпают её там льдом, тожно и катятся» (*Осинка Юрл.*). На кобылках обычно парни катали девушек. Если девушка нравилась парню, скатив, он ее целовал: «В Масленку девок на кобылках катают, скатят, дак целуют». Наоборот, обращение парней с некоторыми девушками на горке не всегда было церемонным: «а то и под ж...у пнут да уронят нарошно кобылку-ту» (*Юм Юрл.*). В поселке Пожевского завода для катания девушек использовали похожее приспособление, однако известное под другим названием – стульчик или ледяна: «Ледяны вот эти были. Вот моя бабушка, она мне очень много рассказывала, бытность еще, когда вот князь был. Тут под княжеским домом было озеро. Тогда очень ритуал был красивый. Зимой парни делали красивые ледяны. Их облагораживали, делали сидення мягки, тут как плюшевое, тут как рюшечки, бахрома может быть. Девушку садили, и парень её уже всегда катал. Благородным это было» (*Пожева Юсвь.*); «И такие были стулья, по два человека сидят, взаде правит, едет. Ой, ой!» (*Городище Юсвь.*).

Кроме специально приготовленных к празднику лотков и скамеек, часто катались и на других предметах, особенно во время детских катаний – на липовых лубках, бересте, «на обыкновенных фанерках», «у кого что было». Известно в северо-западном Прикамье и катание с масленичных гор на пряхках: «Мы катались всю неделю. Может быть оттого, что мы ребяташки. Но всюю с нами катались и взрослые, и старички, и бабушки на пряхках. Да, пряхку. Вот так вот сядут и на пряхке катаются» (*Пожева Юсвь.*).

Было широко распространено также катание на Масленицу на конях: «Лошадей запрягут, на лошадях едут, песни поют. На лошадях катались, с

колокольцами» (*Осинка Юрл.*). Катания на конях обычно проводили в последние дни праздника: «На конях ездили, лошадей украшали тоже, в последний день уж Масленки» (*Полва Кудымк.*).

В заводском поселке Пожевского завода среди масленичных развлечений была не только горка: «Ставили на площади столб, там висел подарок, мужики за ним лазили» (*Пожев Юсьв.*). Покатавшись на горке, располагавшейся в центре поселка, «тут в чайную сходят, чаю попьют, тут была чайная» (*Пожев Юсьв.*). В Гайнском районе были известны масленичные мужские состязания: «Парни бои устраивали с топорами, в шутку, конечно. Раньше весело было...» (*Чуртан Гайн.*).

Старшее поколение не так активно, как молодежь, участвовало в катаниях с горок. На масленичной неделе принято было гостевать: «А старые, пожилые ходят друг к другу, брагу пьют» (*Ракишино Кудымк.*); «Ходили со среды-четверга в гости друг к другу, из деревни в деревню» (*Осинка Юрл.*). В домах на масленичной неделе собирались целые компании, угощались и пели песни. «Бабы-то взрослые, временные это бабы называются, так как время уж проходит их, бабё. Они собираются в доме и поют песни всякие, какая на ум придет» (*Осинка Юрл.*).

Как и в других регионах, на Масленицу совершались ритуалы с молодыми, женившимися в мясоед перед Масленицей. Обряды с молодоженами бытовали преимущественно в Юрлинском районе. В д. Осинка «жениха с невестой на Масленицу в снегу валяли, они пурхались в снегу». В д. Черепанова молодожены катались с горки: «Молодожены-то на этих кобылках-то и катались, сядут друг за друга и катались». В д. Тимина молодые катались на конях: «Масленка началась – катаются на конях, особенно кто женился недавно, в Промежговенье, те стараются. Так и говорили – молодых де катают. Кошёвку украсят – колокольцы на дуту, и ездят, заезжают ко своим, по родне. Зайдут в дом, хозяева несут пирог, блины, за стол садят, пивом поят». На масленичной неделе было принято молодоженам ездить в гости к родителям невесты на *хлибины*: «Зять к теще блины исть ездит» (*Черная Юрл.*).

Проводы Масленицы проходили в воскресенье на масленичной неделе. Развернутого обрядового комплекса проводов праздника в северо-западных районах Прикамья не отмечено. Наоборот, многие информаторы отмечали отсутствие каких-либо ритуальных действий: «Масленицу у нас не жгли» (*Юрла*). В Гайнском районе часто проводы праздника ассоциировались с действиями ряженных. Масленичное чучело на проводах праздника было известно лишь в некоторых деревнях региона. В д. Осинка Юрлинского района «делали чучело на Масленицу из скрученных тряпок и соломы, на голове мужская шапка» (*Осинка Юрл.*). В Гайнском районе соломенных чучел в последний день праздника провзили по деревне: «Масленка едут. Сверху делают, раньше-то лапти носили, так лапти повесят красными поясами, чело века делают из соломы, двух — мужчину и девуку. Дают им полотенце на руку. Мужик один бок дёржит, правый бок ли что ли, второй бок девка дер-

жит» (Гайнский район, п. Чуртан). Особой формы масленичное чучело отмечено в п. Сейва Гайнского района, где «куклу делали: возмут пень, фуфайку на него наденут, факел зажгут. Горит, и ладно, весело всем было. А пепел-то от куклы потом по огороду рассеивали да говорили: «Чтоб Масленица с моего дому не уходила» (*Сёйва Гайн.*).

Масленичные гуляния и проводы праздника в некоторых локальных традициях не обходились без участия ряженных: «В Масленицу наряжались – шубы вывернут и бегают, веники на себя наденут, так и ходят» (*Майкор Юсёв.*); «Бегают, наряжаются, всякое барахло, веники, маски делали, на Масленицу» (*Базуева Гайн.*). В Гайнском районе ряженные также, как и многие другие атрибуты праздника, получили название «масленка»: «Масленкой называли кто ходит по деревне в Масленицу, снарядится. Рядились в зверей разных. Мама печёт блины, оладьи, на скамейке постлана скатёрка. На масленицу пришли, полна изба. Парень бежит на ногах, на руках шуба перевёрнута с цепью. Парень-то руками маму берёт, цепь болтается. Это он медвежонком был. В Масленицу всё ходят, снаряжаются. В каждый дом заходят, напьются, наедятся. Одевали длинное да навыворотень» (*Чуртан Гайн.*).

В последний день Масленицы иногда отправлялись «собирать брагу» и масленичную стряпню, с началом Великого поста ее уже нельзя будет употреблять в пищу: «Брагу в последний день пили. По домам ходили, понемножку бражку в одну кучу собирали, в туюсок, потом пили» (*Осинка Юрл.*). В Кудымкарском районе обходы домов проводили в течение масленичной недели и собирали масленичную стряпню, что называлось «на масленку собирать», «бегать с масленкой»: «Масленицу отмечаем, блины пеком, шаньги делаем. Бегают, на Масленку собирают. Соломенную сделаем куклу, ходим. Раньше сноп сделаешь, нажнешь, сноп свяжешь..., нарядишь, масленка это у нас будет. Бегаем с ней, с Масленкой. По домам. Шаньги собирали. Шанежки, блины. Маленькая была. Стоит неделю. Бабой, девушкой нарядят. В дом зайдем, она с нами, она масленка и собирает блины-те. Оденем фартук ей, чтобы у нас тут был кошелек, тут и шаньги ложат, блины» (*Полва Кудымк.*).

Последнее воскресенье Масленицы называлось **Прощеным, Прощеным днем**. «Прощеной день, собирались на улице, прощаться. В ноги друг другу падают. Падешь, он тебя подынет, потом он падет, ты его подынешь: «Прости, мол». Потом целуются» (*Тимина Юрл.*); «В Масленицу было Прощеное воскресенье. Прощеное – это, значит, не должны зла друг другу желать. А все грехи, если ты ссорился, чтобы друг другу всё простить» (*Лопва Юрл.*).

Чистый понедельник

Чистый понедельник – понедельник после Масленицы, день, к которому приурочивался комплекс ритуалов, завершающих масленичную обрядность в целом. В этот день принято было топить баню: «В Чистый понедельник баню топили, надо все смыть, там питались, ели жирное такое – это надо

смыть де» (*Таволожанка Юрл.*); «Чистый понедельник после Масленицы, в бане моются, очищаются. Постует потом народ» (*Елога Юрл.*). К очистительным обрядам следует отнести и обычай «купать» в Чистый понедельник всех в снегу: «Наступал первый день, обязательно в снегу купались. Вот в Чистый понедельник. Идут взрослые. Знакомые, незнакомые, они друг друга в снегу купают» (*Пожва Юсьв.*).

В некоторых деревнях к понедельнику приурочивали последние катания с масленичной горки: «В Чистой понедельник катались. Вот липу обдерут, и вот на этом лубке и катались. Да. Тогда уж нам урза была на лубках кататься. Ой, какая была благодать дак» (*Городище Юсьв.*).

В Чистый понедельник начинали есть постное: «В Чистый понедельник редьку на стол. Тесто, делаем курники, масло не давали раньше есть, там говенье пойдет, только курники, да редьку, грибы» (*Базуево Гайн*). В Чистый понедельник сушили стряпню, оставшуюся от праздника, которую помещали на хранение до праздника Пасхи: Чистый понедельник, что останется – шаньги, пироги, – их уже в печку сували сушить. На Паску на стол принесем сухари эти. Это принесут на стол, скажут, ну-ко, давайте ешьте, что осталось от масленки, масленку ешьте» (*Полва Кудымк.*). В некоторых деревнях в этот день совершали обход домов, собирая остатки праздничной пищи. «Брагу собирать ходили. Ну, там у хозяйки все припашено, не только этой браги напьются, но и поедят. Вот соберутся человек пять, то ли бабы, то ли мужики. Соберутся, придут: «Принимайте, сегодня Чистый понедельник. Чем вы нас отпотчуете»? (*Юм Юрл.*). Также поступали в д. Таволожанка Юрлинского района: «Брагу соберут в Чистой понедельник в один туес, со всех домов, в одно место сольют, мужики тожно выпьют, все, Масленке конец».

По погоде Чистого понедельника определяли урожайность года: «Если в Чистый понедельник катушку заметет – урожай хороший ждет, а если не заметет – то плохой, если мороз, дак лето зяблое будет, вот это я слыхала» (*Осинка Юрл.*). В д. Тимина Юрлинского района, считали, что на Чистый понедельник всегда бывает снег: «В Чистый понедельник пурга живет, занесет всю горушку». В Кудымкарском районе отмечали, что если на Чистый понедельник снег, весна будет поздняя: «Чистый понедельник просто загадывали, если снег выпадет в Чистый понедельник, корма зачистит. Сено да что да долго будет весной ешо, загадывали» (*Ракино Кудымк.*).

Маленькая Масленица, Сборное воскресенье

Первое воскресенье Великого поста, через неделю после Масленицы, называлось Маленькой Масленицей или Сборным воскресеньем. В этот день «возвращались» некоторые масленичные ритуалы – в этот день, например, как и на Масленице, катались с гор, доедали масленичную стряпню, обходили дома. «В Сборное воскресенье опять же идут на угор, еще покатаются, еще ведь это называется Маленькая Масленка. Опять к друг-дружке схо-

дят» (*Черная Юрл.*); «А вот Сборное воскресенье живет после Масленицы, пройдет Масленица, и Сборное воскресенье – Маленькая Масленица. Тоже чё постряпают, масляно, поедят опять, катались тоже» (*Осинка Юрл.*). В с. Юм катанию с горы в Маленькую Масленицу придавалось символическое значение: «А Маленькую-то Масленицу, я помню, говорят, голой ж... надо с горки скатиться, чтоб лен долгой рос. Хозяйке надо, она же об этом беспокоится, лен будет, так будет у нее пряжа и будут дети одеты» (*Юм Юрл.*).

Праздники от Масленицы до Пасхи

Праздники от Масленицы до Пасхи, времени Великого поста, лишены праздничного веселья, однако со многими из них связаны погодные приметы, другие поверья. На **Васьки Капки** (13 марта) определяли погоду на год: «Сосульки с крыши капаят, закапает если — год хороший будет» (*Кукольная Юрл.*). На **Евдокию Плющиху, Евдокии** (14 марта) смотрели, тает или нет: «Если тает, Евдокия плюснула, а если нет, не плюснула, не капнула» (*Кукольная Юрл.*). По погоде на **Конона Градаря (Коныграды, Конограды, Конанов день)** (18 марта) определяли, каким будет лето: «Коныграды живут, праздник тоже, Коны-те грады. Если заморозит на Коныграды, значит, зяблый год будет, холодный. В которой стороне морок стоит, в той стороне летом будут грозовики (грозовые тучи)» – *Лопва Юрл.*). Поскольку Святой Конон считался носителем града, с праздником связывались некоторые предохранительные обряды. Чтобы летом град не побил хлеба, в д. Вятчина Юрлинского района в этот день не ходили на гумно. Считалось, что в этот день нельзя в руки брать орудия труда, связанные с обработкой хлеба: «работать в этот день считалось оскорблением Святого Конона» (*Щеколова Юрл., Мазунин М.В., ЧКМ3009*). В Гайнском районе, чтобы предотвратить в летний период град, грозы и молнию, в Конанов день запрещалось стучать и выполнять любую хозяйственную работу, связанную с шумом и стуком: «А, да, 18 он марта, стукаться не надо. Я коды-то под окошком вышла дрова пилить, и молоть не надо тогда, не знала, что Конанов день. Господи, свитит, гремит, чалня¹, провода только вж-вж, красные делаются, вот, на Конанов стукаться не надо. Конанов день, это примечали» (*Тиуново Гайн*). С приметами связан праздник **Сорока мучеников** (22 марта): «Если в ночь на этот день заморозит, то еще будет до лета сорок утренников» (*Щеколова Юрл., Мазунин М.В., ЧКМ3009*). К празднику **Дарьи-Говнопролубки** (1 апреля) начинали оттаивать тропы и дороги, проруби, вытаивало много зимней грязи. (*Кукольная Юрл.*).

¹ Молния

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ РЕГИОНА

Взаимодействие двух народов, русских и коми-пермяков, в северо-западном Прикамье, несомненно, явилось одной из существеннейших причин становления ряда особенностей и коми-пермяцкой культуры, и традиций русских региона. Контакты русских и коми-пермяков начались сразу с момента освоения Пермского края русскими. В XV вв. происходит вхождение Прикамья в состав Русского государства. С этого же периода, по мнению исследователей, происходит и распространение среди коми-пермяков православного христианства¹. Эти события способствовали активизации контактов местного коми-пермяцкого населения и пришедших русских поселенцев.

Активные межэтнические русско-коми-пермяцкие контакты, начавшиеся на стадии формирования русского населения Прикамья, продолжают-ся вплоть до настоящего времени. Интенсивность межэтнических контактов была обусловлена не только продолжительностью взаимодействия русских и коми-пермяков в Верхнем Прикамье, не только единством природно-климатического ландшафта, общей конфессиональной принадлежностью. Во все периоды для пограничных территорий были характерны смешанные браки русских и коми-пермяков.

В результате длительного исторического взаимодействия в регионе сложился уникальный единый этнокультурный комплекс материальной культуры, значительная общность и единство в духовной культуре, что, как и в других зонах активных межэтнических контактов, привело к тому, что главная роль в этнической идентификации населения принадлежала лишь этническому самосознанию и родному языку. Однако и эти признаки часто были весьма условны. Активные и интенсивные брачные контакты между русскими и коми-пермяками приводили как к языковому билингвизму, так и к «билингвизму» культурному, порой – к подвижности и условности этнического самосознания. Длительность и глубина культурного взаимодействия привели к тому, что в некоторых случаях невозможно провести явную культурную границу между двумя народами: русскими и коми-пермяками. Исследователи неоднократно отмечали, что этнические различия в культуре русских и коми-пермяков были достаточно сглажены². Очевидны, как отмечал ряд исследователей³, общность хозяйственных навыков, типологии усадебного комплекса и жилища. Коми-пермяцкое влияние и заимствования в русской культуре наибольшими были в нескольких сферах: в приемах и спо-

¹ Чагин Г.Н. Русь Московская, Пермь Великая и Стефан Пермский... // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры: Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь, 1997. Т.1. С.43.

² Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI - первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 312.

³ Власова И.В. Сельские поселения в районах Пермской области // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. М., 1980. С.3-9.

собах освоения окружающей среды (охота и рыбная ловля, система питания), в магической практике, в способах сакрального освоения пространства, в демонологических представлениях¹. Наибольшее влияние, не только в указанных сферах, вплоть до усвоения коми-пермяцкого языка, испытали группы русских, оказавшиеся в окружении коми-пермяков.

Длительность и интенсивность межэтнического взаимодействия, несомненно, нашла отражение в календарной обрядности русских и коми-пермяков. Значительным было влияние русского народного календаря на традиционную календарную обрядность коми-пермяков². С другой стороны, некоторые специфические черты русского календаря Северного Прикамья объяснимы только активными контактами с соседним народом. В некоторых районах Прикамья взаимодействие с коми-пермяцким населением прослеживается лишь в исторической перспективе. В других районах, прежде всего, в Коми-Пермяцком округе и Красновишерском районе Пермского края, оно остается реальностью и в современности.

При изучении вопроса, в каких сферах и в каких формах календарная обрядность русских Прикамья испытала влияние со стороны традиций коми-пермяцкого народа, следует обратить внимание на несколько существенных моментов. Во-первых, взаимодействие с соседним иноэтничным населением приводило к консервации многих элементов традиционной культуры, в том числе и некоторых форм традиционной календарной обрядности. В северно-западном Прикамье, как было показано, одной из форм традиционных рождественских и новогодних обходов домов были обходы с исполнением «виноградий», воспринятых также соседним коми-пермяцким населением северных районов. Наиболее полная информация о бытовании обхода в Прикамье, как и информация о бытовании обходов еще в 1930-е г., была получена в русских традициях, напрямую граничащих с коми-пермяцкими, в то время как в других районах Северного Прикамья информация о таких обходах с исполнением «виноградий» в конце XX века уже не фиксируется, а свидетельства об активном бытовании обхода относятся только к XIX в.³. Изучение календарной обрядности русских традиций Коми-Пермяцкого округа показывает сохранность всех основных праздничных и обрядовых циклов, активное бытование многих форм обрядности вплоть до середины XX в., сохранность фольклорной традиции⁴. Одна из причин архаизации и кон-

¹ Жуланова Н. И. Юрлинцы: русский остров или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого автономного округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: русский фольклор в инокультурном окружении. - М., 1995. - Вып. 6. - С. 85-86.

² В данной работе мы не ставим себе задачей исследовать влияние русских традиций на календарную обрядность коми-пермяков, поэтому лишь ограничиваемся общим положением. О коми-пермяцком календаре см.: Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во. 2005.

³ См. раздел настоящей работы о рождественских и новогодних обходах.

⁴ Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В. Юрлинский край: традиционная культура русских конца XIX – XX вв. Кудымкар, 2003. С. 209.

сервации календарной обрядности, как и многих других явлений традиционной культуры, несомненно, связана с иноэтническим окружением. Подобные процессы сохранения архаичных элементов духовной культуры там, где русские непосредственно контактировали с другими народами, отмечается и на примерах других регионов¹. Эта закономерность характерна для полиэтничных территорий и зон активного взаимодействия².

Иноэтническое окружение способствовало и актуализации некоторых элементов традиционного комплекса мировоззренческих представлений и календарной обрядности. Представления о святочных мифологических персонажах шуликунах были характерны для всей севернорусской зоны, однако в Прикамье в начале XX вв. комплекс представлений об этих персонажах сохранялся лишь в пограничных русско-коми-пермяцких территориях в Юрлинском районе – в то время как и другие территории Северного Прикамья были освоены выходцами с севернорусских территорий и сохраняли единство в традиционной культуре с названными районами. Бытование комплекса поверий об этих святочных духах объясняется нами тем, что у соседнего коми-пермяцкого населения был также развитым аналогичный комплекс представлений. При этом следует отметить, что комплексы представлений о святочных духах у русских Юрлинского района, например, отличались от подобных представлений соседнего коми-пермяцкого населения в терминологии, в сюжетах текстов, в обрядовых действиях.

Целый комплекс представлений, характерный лишь для традиций русско-коми-пермяцкого пограничья, следует связывать с общим пластом культуры (как в региональных, так и локальных вариантах), который нельзя свести к заимствованиям из русской или коми-пермяцкой культуры, как и невозможно объяснить в рамках одной культуры. Именно на совместности в формировании ряда традиций коми-пермяков и русских-юрлинцев в свое время указывала как на одну из характерных особенностей межэтнических контактов исследователь традиционного фольклора коми-пермяков и русских Прикамья Н.И. Жуланова³. Подобные процессы взаимодействия и взаимопроникновения славянских и финно-угорских мировоззренческих систем наблюдается исследователями также в других зонах активных контактов на территории Поволжья⁴. К таким «общим» пластам в календарной

¹ Лапин В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М., Московский государственный фольклорный центр «Русская песня»; Российский Институт истории искусств, 1995. С.63.

² Лапин В. Русский музыкальный фольклор... С.63-64; Миннихметова, Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000. С.113-116; Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты / А. В. Черных [и др.]. – Пермь: Перм. кн. изд., 2004.

³ Жуланова Н.И. Юрлинцы: русский остров или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого автономного округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995. Вып.6. С.77- 88.

⁴ Золотова Т.А. Таусеневые песни русских Поволжья: Региональное своеобразие и межэтнические связи. Йошкар-Ола, 1997. 199-201.

обрядности можно отнести комплекс представлений Великого четверга, идентичный в районах контактов русских и коми-пермяков. Прогностические ритуалы, выполняемые в начале нового цикла, характерны для культуры многих народов, и вряд ли следует считать коми-пермяцкие обычаи Великого четверга лишь заимствованием из русской обрядности, тем более что подобные комплексы обрядов были характерны в целом для финно-угорских народов и в том числе тех групп, которые почти не контактировали с русским населением¹. К таковым можно отнести и пласт святочных гаданий в культуре русских и коми-пермяков пограничных районов. К совместному комплексу представлений народного календаря, характерного для русско-коми-пермяцкого пограничья, следует отнести представления о летнем и зимнем Цветье – времени летнего цветения трав и хлебов, активизации мифологических персонажей и соответствующего ему зимнего времени от Рождества до Крещения.

Отдельные комплексы календарной обрядности русских северо-западного Прикамья испытали определенное влияние коми-пермяцких традиций. Этот тезис относится, например, к некоторым чертам поминальной обрядности народного календаря русских. Только для русского населения северо-западного Прикамья, более всего контактировавшего с коми-пермяками, были характерны развитые представления об осеннем поминальном периоде между Покровской и Дмитриевской субботаами и ритуальными запретами, распространявшимися на этот период. С одной стороны, осенний цикл поминальных обрядов характерен и для восточнославянских народов, манистический комплекс представлений характеризует обрядность почти всех переходных периодов народного календаря. Любая ситуация переходного характера вызывала к жизни необходимость создания ситуации «инаковости», в том числе и контакты с миром предков. В коми-пермяцких традициях находим схожие представления об осенних поминальных субботах, однако, как известно, коми-пермяцкие календарные традиции испытали сильное влияние со стороны русских, поэтому вычленение собственно финно-угорского пласта в этом случае возможно лишь с привлечением материалов по другим финно-угорским народам Поволжья и Приуралья. У удмуртов, например, развитые комплексы поминальной обрядности приурочены к двум периодам – весеннему и осеннему, при этом осенний комплекс обрядности во многом схож с весенним². Осенний поминальный комплекс представлен в годовом цикле календарной обрядности и у марийцев³. Поэтому восприятие

¹ Черных, А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX - начале XX в. (по материалам южных районов Пермской области) / А. В. Черных. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002.

² Владыкин В.Е., Перевозчикова Т.Г. Годовой обрядовый цикл удмуртской общины «бускель» (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск, 1990. С.44-96.; Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000. С.72.

³ Календарные праздники и обряды марийцев, в серии «Этнографическое наследие». Сборник материалов. Йошкар-Ола, 2003. Вып.1. С.17, 174;

у русских северо-западного Прикамья коми-пермяцких представлений о поминальной обрядности было органичным, так как это не противоречило собственной системе представлений о календарных сроках поминок. К специфическим особенностям русских традиций северо-запада Прикамья можно отнести и поминовение умерших в Крещение, связываемое с представлениями о смещении сроков праздников в мире предков, как и «розговенья» с Рождественского поста. Подобные представления также не противоречили представлениям культа предков русского населения. В то время как у русских эти представления, большей частью неразвернутые, характерны лишь для окраинных групп, контактирующих с коми-пермяками, у последних комплекс крещенской поминальной обрядности был более развернут и имел широкое бытование. Подобные, хотя и немногочисленные примеры показывают, что русскими осваивались в большей части не ритуальная практика, обрядовые комплексы, а в первую очередь мифологические представления, что раскрывают материалы не только по календарной обрядности, но и другим комплексам традиционной культуры¹.

Для русских традиций Коми-Пермяцкого автономного округа, районов, где контакты с коми-пермяцким населением были наиболее активны и продолжались в настоящее время, наблюдается и активное заимствование фонетических, грамматических и лексических особенностей коми-пермяцкого языка. Подобные заимствования, в целом характерные для русских говоров этих территорий, нашли своеобразное отражение и в терминологии календарной обрядности. Кроме терминов *Рождество*, *Рожесво*, характерных для большинства русских традиций Прикамья, в русских традициях Коми-Пермяцкого округа отмечены такие названия праздника как *Рошво*, *Орошво*, характерные также для соседнего коми-пермяцкого населения: «В Рошво кодили, винограде гаркали...» (*Кривцы Кос.*); «Орошво придет, девки собираются играть по избам... Орошвенски песни мало помню...» (*Липухина Юрл.*). С иноэтническими инновациями, видимо, можно связывать и использование русскими этих районов терминов *Святтё*, *Цветтё*, *Светё* наряду с широко распространенным в других традициях названием этого периода Святки: «Святые-то – это в глухую пору, зимой, с Рождества» (*Плёсо Гайн.*). Одним из названий ряженных в Косинском районе Коми-Пермяцкого округа был термин *калян*, *каляны*, также воспринятый от соседнего коми-пермяцкого населения, где он широко используется².

Таким образом, длительные процессы межэтнического русско-коми-пермяцкого взаимодействия отразились не только в формировании в пограничных районах единого этнокультурного комплекса, в том числе и календарной обрядности, но и в усвоении русскими некоторых иноэтнических элементов – прежде всего, связанных с мифологическими представлениями

¹ Жуланова Н.И. Указ. соч. С.86.

² В то же время этимология этого слова, обозначающего не только ряженных, но и чертей, бесов, не вполне ясна, возможно, оно происходит в коми-пермяцком языке от слова «кокааный».

коми-пермяков. Они привели к формированию совместного «пласта» календарной обрядности, основы которой нельзя свести лишь к коми-пермяцкой или русской традиции.

В основе своей русский календарь в Прикамье, несмотря на активные контакты с соседними народами, сохранил свой общерусский характер. Русские в своем движении на новые земли несли сформировавшийся и устойчивый комплекс календарной обрядности, способный не только сохраняться, но и адаптироваться к новым природно-климатическим и этнокультурным реалиям.

В своей основе календарная обрядность русских северо-западного Прикамья имеет много общего с традиционным календарем русских других регионов, прежде всего, Европейского Севера России, в ней прослеживается много общего с другими традициями русских Прикамья, особенно северных и средних его районов черт. В то же время необходимо отметить и ряд характерных особенностей, которые ярко характеризуют традицию исследованного региона. Как и другие явления народной культуры, народный календарь отличает многообразие локальных традиций. Наибольшее единство традиций отмечается лишь в ареале самого значительного и компактного ареала проживания русских – Юрлинского района.

Занятия сельским хозяйством, в первую очередь земледелием, определили направленность календарных праздников и обрядов в крае. Народный календарь бытовал как сельскохозяйственный, хотя в то же время в нем достаточно полно представлен комплекс животноводческих обрядов. В меньшей степени он фиксирует ритуалы, связанные с такими традиционными занятиями, как рыболовство, охота и собирательство, представленные в основном в обрядности более северных, промысловых районов. Специфические черты отличают русские традиции заводских поселков Кува, Майкор, Пожва, народный календарь которых приобрел ряд черт, связанных с проникновением городских форм культуры.

Календарь русских отличает сохранность всех основных праздничных и обрядовых циклов. Многие из них бытовали в активной форме вплоть до 1950-х гг., а отдельные элементы типа святочных гаданий, ряженья, ритуалов Великого четверга, календарного поминального комплекса сохраняются до настоящего времени. Причины такой сохранности традиции следует усматривать в замкнутости северо-западных территорий, удаленности от городских центров, в сельскохозяйственном характере здешнего производства, в стабильности состава населения. Хорошая сохранность традиции объясняется развитостью, многочисленностью и вариативностью многих ритуальных действий. Одним из самых развитых и ритуализированных комплексов обрядности является комплекс представлений и магических действий Великого четверга. Развернутая ритуализация характерна и для обрядности первого выгона скота, посадки капусты.

Консервирование многих архаичных форм обрядности обусловило и хорошую сохранность фольклорных текстов. Собственно календарных песен, за исключением рождественских славок, в этом районе, как и в большинстве районов Прикамья, не известно. Однако рождественских игровых, летних хороводных и игровых песен зафиксировано достаточно много. При этом почти не известны поздние формы досуга молодежи – таких как кадрили, ланцея и др., широко бытовавшие в других районах Прикамья; влияние поздних, городских форм досуга здесь было незначительным.

Для календарных традиций русских Коми-Пермяцкого округа характерна развитая мифологизация времени. Один из наиболее развитых комплексов мифологических представлений соотносится со святочным периодом. Мифологические рассказы о *ишшах*, *ишиках*, *ишишигах*, появляющихся в Святки, многочисленны, разнообразны и вариативны. Подобные представления характерны для русских и других регионов Русского Севера. Сакральным временем считался и летний период цветения травы и хлебов – *Цветье*. Комплекс животноводческих обрядов тесно переплетается с представлениями о лесном пространстве и о лешем. Тесное «взаимодействие» с лесной стихией, «неосвоенным» пространством объясняется особенностями местной системы природопользования. Именно в мифологических представлениях традиционного календаря у юрлинцев наблюдается значительная близость с коми-пермяцкими традициями, что не исключает влияния достаточно развитых коми-пермяцких мифологических представлений на русские традиции.

III. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ, НАРОДНАЯ МАГИЯ И МИСТИКА

В разделе представлены разнообразные сведения об использовании традиционных обрядов, магических ритуалов в хозяйственной и повседневной крестьянской практике. Подробно описаны обряды, исполняемые при строительстве дома, при обращении с домашними животными, при работах в поле и в огороде, при охоте и сборе ягод. Приведены сведения о народной медицине, приёмах лечебной магии, знахарстве.

Поскольку большое место в исполнении многих обрядов занимают заговоры, в описание обрядов включены заговорные тексты, в большом количестве бытующие на исследуемых территориях (более полно они представлены в фольклорном разделе). Приведенные материалы демонстрируют особенности заговорной практики края, использование в ней традиционной символики.

Заканчивает раздел материал о демонологических персонажах. Былички — самостоятельный жанр фольклора. В то же время персонажи быличек настолько активно включены в повседневность и быт, что описание ритуальности хозяйственной и бытовой стороны жизни без них было бы неполным.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Строительство дома. Обряды с домом

«Первой раз начинаешь чё-либо делать, дом ли ставить, садить ли в огороде, смотришь: луна-то большая, надо поноровить. Надо на маленькой, когда она нарастат. Место особо выбирали. Где тёплого духа учуют, там и дом строят, на этом месте» (*Осинка Юрл.*).

«Новый дом не строят на горелом месте, на дороге, там, где стояла баня или конюшня» (*Они Юсвв.*). «Я-то пошла искать место, взяла свечу, Богу помолилась, иконку взяла. И где меня пригрет, тут и поставлю. Я шла, шла, шла и вот на этом месте меня пригрело. Тут и поставили дом». (*Зап. от Полиной Л.Н., д. Лобанова Юрл.*). «На межу не велили дом ставить, на дорогу, на воротное место. Усадьба тожно. Не надо, где ворота, скрипеть де все время будет»; «На месте, где до этого находился двор, избы не ставили» (*Монастырь Гайн.*).

Дерево, в которое ударила молния, для строительства дома не брали. «При кладке дома если из-под камней выскочит искра, то этот дом сгорит» (*Монастырь Гайн.*). Старались не брать для фундамента дома старый жернов («жизнь вся перемелется» — *Юм Юрл.*). «При строительстве дома старались не брать бревна из раздвоенного, виловатого дерева — к пожару (*Елизавета-Пожва Юсвв.*).

«Пирог пекут на оклад, когда начало дома только делают» (*Пожва Юсьв.*). «Под матицу деньги ложили, под балку ложили деньги. Ложат вроде кусочек овечьей шерсти, как для богатства. Шипицу под самый низ кладёшь, если мыши, там крысы дак. А бересту знаете для чего ложат: чтобы не так гнило. Стойки сосновые, она покрепче, если из болота. Она крепкая, малослойная». «В передний угол, как заводят, монетку закладывали» (*Осинка Юрл.*). «Для богатства под матицу (в основание) клали монетки того года, когда строился дом, а также шерсть — для тепла» (*Елизавета-Пожва Юсьв.*).

Для строительства обычно собирали *помочи* — собирались семьи и вместе работали. Тем, кто приходил работать, деньги не платили: «с помочами расплачивались едой» (*Комариха Юрл.*). «За один день дом не поднимешь, не сделаешь. Я помню, три петуха ели как-то у одной хозяйки. Три дни робили — все один петух варился. Старуха сварила петуха, а петух-от старше ее. Как не заносят нам — все один петух тошбй» (*Кукольная Юрл.*). Когда ставят дом, особо опасаются, что колдун (*оратник, еретник*) в этот момент может *подложить*: подбросить в основание дома кость павшего животного, и тогда в доме будут часто умирать (*Тимина Юрл.*); «если попортить хотя, то какую-нибудь *пропадинную* кость кладут в строенье» (*Ефремова Юрл.*). «Видно худо поугощают (строителей). Есть сядут, отопки с печки летят. Строители уж такие знающие были» (*Пож Юрл.*).

Подъем матицы

Когда устанавливали на место матицу, старались ее не поворачивать, иначе «*головы у всех болеть будут*», *обносить* будет человека (*Плёсо Гайн.*). Под концы матицы клали монетки (чаще всего копейки), чтобы у хозяев этого дома всегда велись деньги. Поднимая матицу на сруб, подвешивали к ней пирог и бутылку водки, которыми потом угощались плотники (*Гайн.*). «Когда сруб выведен под крышу и установлена матица, по матице и сруб нужно было пройти какому-нибудь человеку, во время этого действия все остальные отвлекали его, кричали ему, например: «Вон птица летит» или «Вон самолёт пролетел». Но этот человек должен был пройти по матице, не оглядываясь, а самое главное — не упасть» (*Гайн.*).

«Матицу поднимают, дак много делов. Кладут под матку серебряные деньги, место как выкупают. Денежки, чтобы денежки велись в избе. Тоже в шерсть деньги завёртывали и когда матицу подымали, их на скатёрке поднимали. Уже сруб закончен, по матке проходят, человека назначают, ему груз какой-то дают, на ноги портянки ему навёртывают. В узелок сделают хлеб-челпан круглый. В руки берёт, которому пройти по сруб, боится пройти. Он должен де один пройти кругом весь дом по верху. Кто по матице пройдет, тот и пирог будет есть. Если пройдёт хорошо, то дому будет хорошо. Чё-то ещё приговаривали» (*Липухина Юрл.*). «А пирог ели на матице, когда на нее доски положат, пирог привязывали к матице, он был завязан в онучи. Поднимут матицу, сейчас надо пирог добывать. Бутылочку на матицу ставили»

(Осинка Юрл.). «Когда выстроен сруб, нужно одному строителю пройти по срубам (по солнышку) три раза. При этом его спрашивали – с чем ходишь? Он отвечал – с хлебом-солью. После этого он доходил до матицы и укладывал её конец на место, отвязывал привязанные полотенцем к матице пирог и бутылку. После этого строители садились наверху, ели пирог и пили водку» (Пожва Юсёв.). «А дом строил, так под каждый угол денежку положил. Потом, когда матицу возводили, к ней привязали доску, а на неё пирог и стопку поставили. Пирог с рыбой был. Потом один ходил, у него голова не кружилась, и веревку поднимал, с пирогом. А как поднял, выпил стопку и на пол сбросил. Потом пирог отломил, закусил. А потом уж мы все». (Зап. от Волкова П.Н., 1938 г.р., п. Пожва Юсёв.).

«Когда дом построили, старались, чтобы на празднике было весело, пуще песни поют – это чтобы в доме *весельство* было» (Дубровка Юрл.). «Поднимут матицу, тут уж погуляют. У нас вот песню пели к этому времени – «Село весело»:

Ты да, село ли, село, ой, село новое,
Село-то новое, ой, да жить оно веселое.
Село новое, да село-то оно, ой, веселое.
Ой, да как во том-то селе домы строятся,
Ой, да домы-те строятся, ой, домы-те строятся,
Да крыши-те кроются, крыши-те кроются, да оне укрываются.
Ой, окна-те, да оне прорубаются, оне прорубаются,
Ой, двери-те пилятся, да оне пробиваются.

(Зап. от Овчинниковой А.И., Овчинниковой А.П., Овчинниковой Н.К., Поздеевой Т.И., д. Липухина Юрл.).

Любопытный вариант этой песни, в котором неожиданно появляется «тюремная» тема, зафиксирован в д. Зюздино (Юрл.):

Как во нашем во селе да дома строятся.
Ох, дома строятся, шатром кроются, покрываются,
Крыльцы крашенные, еловья башенные.
Эх, как во стих во домах живут девушки,
Белы белянушки,
Старопрежние мои да полюбущечки.

Когда с вами я был, тогда счастлив я был,
Как от вас, девок, отстал, злой, несчастной стал.

Я ходил-то, я гулял по чисту полю,
Я коня там покрал.

Я коня покрал, я за етова коня,

Да жить в тюрьму тогда попал

(«Эту песню поют, когда дом подняли, подняли матицу – потом эту песню поют, и эту же песню поют, когда печку собьют»).

Битье печи

«Была такая опалубка сделанная, ее называли ширинка. Соберут ее, эту опалубку. Она печей 50 может сбить. Ее же не жгли, а доставали потом. Помочи были. Каждую печку тут помочи всегда были. Это сверху забивали опять клин такой, делали, значит, на конус. Потом его забивали, или били колутушки, деревянные были. Сначала гнездо сделают. *Токмаки* вот эти были, подошва такая была плоская, он заострённый был вот на конус». (*Зап. от Волковой З.И., 1941 г.р., п. Пожва Юсьв.*). Печки били *чукмарами*. «Сучево дерево, с сучьями (чтобы по руке по моей были) напилят чуркима и расколют, и тожно вычешут чукмари. Вот имя и долбили глину, печку-то били» (*Юм Юрл.*). «Когда печку били, костер в ней ладили, из плах. Собьют, дак сразу не топят, топили на следующий день после постройки» (*Осинка Юрл.*). «Бьют печку, дак всю дорогу пьют. Когда били, еще красную куколку ладили, деревянную, и в печку ее клали, потом добыдут, когда костёр достают» (*Кукольная Юрл.*). «В печку делают такой сруб из брёвен, *костёр* называют, на его пирог. Вот ночует этот костёр тамо, а на *завтрашнё* пирог добывали и перед печкой ели, брагу пили. Это называются де *корчагу добывать*. Корчагу-то когда добывают, ведро браги принесут, тут пьют, на печке лежат. Когда закончена вся печка, протопят её не сразу, наутро только добывают» (*Юм Юрл.*). «*Корчагу* забивают, чё-то наговаривают, чтобы печка дольше стояла, не трескалась и стояла покрепче. Это *верхушка*, у печки остается такая дырочка, и вот её заколачивают, эту *корчагу* как бьют». (*Зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., п. Пожва Юсьв.*). «Вырежут чело, на печку ставят ведро пива, ведро браги, тут вино бутылка может сойдётся, и пирог ставят рыбный. Угощают – это чтобы печка была крепкой» (*Осинка Юрл.*). «Когда печку били, делали клетку из чурок, клали пирог рыбный в нее и водку бутылку. Печь сбита, дак вырезают устье-то, достают все и угощаются» (*Плёсо Гайн.*).

Влазины (лазины)

«Дом построили, кто свои, обходят дом, как *закругляют*. Лазины делают, как заходят в новую квартиру, сразу тут пир. На эти лазины несут кто вилки, кто ложки, кто там ерунду разную на новое поселение, чтобы богато жили сразу. В новый дом нельзя с пустыми руками заходить, хоть полено да принеси. Сначала пускают кошку, чтоб она одна там ночевала, потом сами переходят» (*Шестина Юрл.*). «В дом когда заходишь, берётся решето, в котором брагу цедают, в него садят тараканов, клопов, пауков и мизгирей, несут в новый дом. Это, как говорится, чтобы деньги водились» (*Юм Юрл.*).

«При новоселье заходили в новый дом с растворённой квашнёй и первым делом пекли пироги» (*Они Юсьв.*). «В новый дом сначала *кысок* бросали. Тесто тоже заносят. Сразу, как зайдешь, хлеб пекут, хлебный дух чтоб шёл по комнате» (*Таволожанка Юрл.*). «Первую в дом пускали кошку, потом уж люди шли» (*Осинка Юрл.*). «В новый дом заходят с кошкой на руках и со

словами – вот тебе мохнатый зверь на большой дом» (*Они Юсьв.*). «Кошкунто дак этот: «Девка Мурка, пошли жить в новый дом, в новое жильё». Она сама идет» (*Юрл.*).

«В новый дом заходят – перешагивают через поясок, поясок под ноги кидают» (*Таволожанка Юрл.*). «Я смотрела в печку, когда в дом переезжали. Свекровь сказала: «Придёшь, обязательно посмотри в печку, чтобы увидеть зад у печки». «Вот первый раз заходишь в избу, тоже надо денежку класть, рублёвку ли что, в шель, в стену». (*Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.*).

«В новой дом суседку перевозят. Суседко вперед тебя уже собирается ехать. А приглашение надо дать: «Суседушко – батюшко, братанушко! Я уезжаю, поедом со мной вместе!» (*Ефремова Юрл.*). Когда переходят в новый дом, зовут домового: «Дедушко-беседушко, пойдём с нами хозяйство вести». «Пойдут из дома, приговаривают: «Товарищ мой, пойдём со мной» (*Дубровка Юрл.*). «Когда заселяешься, заходишь первый раз в дом, нужно прежде обратиться к домовому: «Дедушка-соседушка, вот тебе соль да хлебушко, сам ешь да мою семью корми» (*Сёйва Гайн.*). «В новый дом заходили с замешенной квашонкой, произнося следующие слова: «Суседушко – вон, хозяйюшка – в дом». Если перепутаешь слова, суседко будет все время проказить» (*Гайн.*). «Сначала ты заносишь кошку. Кошка с тобой. «Соседушко-братанушко, прими, любви, терпи и уважай» – вот первые слова. «Соседушко-братанушко, будь всегда хозяин в доме, во дворе и в огороде. Низкий тебе поклон». (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.*). «На новоселье первым в дом заходит лапоть с едой для суседки». (*Зап. от Кузнецовой К.А., 1921 г.р., п. Майкор Юсьв.*). «При переезде в новый дом зовут домового – соседушко-матушко, поедом с нами, будь хозяином, управляй домом и нами» (*Пожва Юсьв.*).

Существовал обычай: голову первого зарубленного петуха бросали на чердак, чтобы в доме всегда был хозяин (*Гайн.*).

«Траву огнёвку втыкают над входом в дом от пожара (или кладут между бревнами вместе с паклей и мхом)» (*Пожва Юсьв.*).

«Конюшню когда строят, в ведро верес положат и жгут, чтобы запах был хороший в конюшне». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., Ефремова Юрл.*).

«Если в доме завелись клопы, их как выводили – мерина в дом старались завести и чтоб мерин нагадил в дом-от. Потом мерина выведешь, и клопы уйдут» (*Юм Юрл.*).

«Береза – ревуня, нельзя ее у дома садить. Берёзу нельзя садить перед окошком – к слезам. Как листья у её дует, так и хозяйство раздует. В огороде даже держать не надо» (*Липухина Юрл.*). «Черемуха у дома хорошо, от комаров. Говорят, и от пожара тоже помогает. Осину не шибко старались садить у дома, осина силу берет от человека» (*Юм Юрл.*).

«Дом без иконы не продаётся. Старые хозяева все равно оставляют» (*Пожва Юсьв.*). «Дом не продают без иконы и стола» (*Они Юсьв.*).

Обряды с животными

Выбор скотины

«Хвост если толстый у коровы, то жирное молоко будет. Два пальца если между рёбрами есть, то молоко будет хорошее, много будет давать, по морде тоже узнают, если широкая морда, то хорошее молоко» (*Усть-Зула Юрл.*). «Если три пальца между ребрами у коровы входят, а хвост ниже колен, то корова хорошая» (*Пожва Юсьв.*). Если у коровы есть круг ниже глаз на лбу, то скотина будет хорошая, если круг наравне с глазами или выше, то не *молосна* корова (*Юм Юрл.*). «А вот тут кочка на лбу у коровы-то эд бывает кака-тося. Если она ниже глаз, то корова молочная, если выше глаз, то нет» (*Живые Кудымк.*). Корову выбирают – рога смотрят, кончик острый, дак не так *молосная*, а тупой, дак *молосная* (*Пожв Юрл.*). У дойной коровы хвост на кончике мохнатый, и в разны стороны, а если телята не будут жить – голый (*Чужсья Юрл.*). «Корову в купленном доме надо держать по масти коровы прежних жильцов» (*Пожва Юсьв.*). «Корову не всякой масти можно покупать, а только той, что была до нее. Покупают корову, чтоб ко двору была. Если, к примеру, у тебя была черно-пёстрая, то белая, или красная уже не в масть». (*Зап. от Макаровой Т.Н., 1942 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

Продажа и покупка

«Корову, чтоб она слушалась хозяйку, нужно покупать только из деревни, находящейся ниже по течению реки» (*Пожва Юсьв.*). «Я всегда коров с простой души покупала. А говорят, надо из ворот обязательно выводить, не с улицы» (*Городище Юсьв.*).

«Скотину покупали когда, заводили во двор и клали пояс, чтобы через пояс она перешла. И слова надо говорить: «Суседушко, люби мою скотину, и чисто води». (*Зап. от Трушниковой Е.И., 1912 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*). «Когда корову первый раз вводят в хлев, надо бросить вперёд неё полотенце и сказать: «Суседушко-батюшко, ты прими нашу коровушку. Береги, не обижай. доить помогай» (*Пожва Юсьв.*). «Когда корову приведёшь, кладёшь полотенце на порог конюшни, чтоб через полотенце перешагнула» (*Бадья Юрл.*). «Когда берут новую корову, обязательно вяжут лыко, положат его и переводят через него корову» (*Лобанова Юрл.*). «Когда корову покупают и первый раз домой заводят, корове нужно правой ногой через пояс переступить, жить, значит, будет. А левой — неправильная корова» (*Осинка Юрл.*). «Когда купленную корову первый раз заводят во двор, клали на землю пояс хозяина или хозяйки, чтоб ходила домой» (*Пожва Юсьв.*). Чтобы корова не

бегала, клали в ворота «гаишник» (поясок) или покромку, она должна их переступить, когда её первый раз заводят во двор (*Плёсо Гайн.*).

«Скотину новую ведешь домой, надо у ей *дорогу воровать*. Идёт корова, из-под копытчика землю надо взять и на неё молитву, наговор наложить, а потом в конюшню бросить или в ограду. И скотина потом домой ходит». (*Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.*). Чтобы корова ходила домой, брали земли с ее следа и кидали во двор, клали также в этот момент хлеб пшенице (*Тимина Юрл.*). «Когда скотину идёшь покупать, надо землю из дому взять. Как повели, мужчина впереди, ведёт, а женщина сзади посыпает. Это, чтоб дорогу не знала назад, забыла» (*Бадья Юрл.*).

«Когда скотину ведёшь и она не идёт, то булавку воткнёшь в верёвочку, которая вокруг головы у скотины, она сразу как шелковая» (*Осинка Юрл.*).

«Купил новую скотину, надо *копытчики обмыть*: четыре ножки — четыре бутылки чтоб были» (*Дубровка Юрл.*). «Поручитель у скота — Господь и ангель-хранитель. Господь — Архангел оберегает своим духом. Ведут скотину домой, говорят: «Ведет Световласть». У нас помогает Пресвятая Богородица, а у них Световласть своя, Святая Власть». (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., Ефремова Юрл.*). «Заводишь новую корову и говоришь: «Суседушко-батюшко, храни нашу коровушку». Перекрестить корову, святой водой сбрызнуть» (*Пожва Юсьв.*). «При покупке скотины говорят: «Господи, благоволите» (кто купил), «Идите с богом» (кто продал)». (*Зап. от Тулицыной М. А., 1932 г.р., Пожва Юсьв.*). «Если только купили корову, надо знать, какая до этого корова у вас была, масть, а то может и не повестися. И говоришь вот, например, любые простые слова: «Соседушка, батюшка, храни нашу коровушку», — перекрестить обязательно святой водой». (*Зап. от Бурилова В. В., 1940 г.р., Буриловой А. С., 1937 г.р., Пожва Юсьв.*).

Выпас

Корову выгоняют «в лёгкой день. Вторник, он лёгкой день-от, пятницу, четверг. А понидильник да чё да нельзя, субботу да. Нынче пастуки-то нету да. А когда-то перв-от раз как барабанятся, по деревне-то прокодят с барабанами. Тогда уже вербочкой-то и провожают». (*Зап. от Нефедьевой А.Ф., 1925 г.р., д. Кривцы Кос.*). «Вот перед тем, как корову выпускать на поле весной, я всегда брызгаю святой водой перекрёст-наперекрёст, солю ей солью между головой, чтобы люди не сглазили». (*Зап. от Бурилова В. В., 1940 г.р., Буриловой А. С., 1937 г.р., Пожва Юсьв.*).

«Отпуск делали. Соль да чё да насыпать на траву. Каки-то слова, наверно, надо» (*Базуева Гайн.*). «Первый раз корову выгоняли, когда молодая травка вылезет и хлестали вербами, оставшимися с Вербного воскресенья» (*Пожва Юсьв.*). «На волю выпускаешь скотину с молитвой. Со Христом, с молитвой, скотинки-животинки, идите на вольную волю, на божью поруку, храни вас Господь от зверя лютого, от ушиба, от удара, дай вам сочной тра-

вы да медяной травы». (Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., с. Юм Юрл.). Когда провожали корову на пастбище, говорили: «Пресвятая Госпожа Богородица, спаси-сохрани мою скотинку, раненько домой пошли». Корову надо сладко кормить, ласку надо корове. Пойдёшь выводить, скажешь: «Девка, Девка», и хлебушко ей даешь. Говорят скотинке, когда на пастбище гонят: «Бывай здорова да приди домой, чтобы как тебя проводила, так ты и домой приди»!. (Зап. от Сибуровой А.А., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.). «Скот охраняет Никола Чудотворец и Святой Власий: «Власий святой, Власий, спаси и сохрани скотину»!. (Зап. от Моисеевой М. М., 1935 г.р., Тотляниной М.С., 1932 г.р., Ванькова Юрл.). «Когда корову выгоняют в Егорий день: «Егор храбрый, спаси, сохрани нашу скотинушку». Хлебом покормят корову» (Базуева Гайн.). «Раньше старинные люди в Егорьев день выгоняют ее. На Великой четверг кладут хлеб, соль на божничку, а потом этот Егорьев день и будет, угоняют корову, и хлебушком да солью корми ее».

«Пасли пастуки барабаном. Барабанишша идешь. Дошечка такая, чтобы *головкая* была, потом палочки такие тут повешат. Тожно их возьмёшь, это верёвочку, барабан повешашь и туто барабанишша. Коровы тожно идут, ревут. А привыкли. Только барабан учуют, они токо му, му, муста. Будут собирацца. Они уж, каждый год барабанам, дак знают». (Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.). «У меня папа коров пас, дак вот он ходил с ружьём. Волки раньше были, медведи были. Дождь, дак он берёт соль. Если ведро, в бутылочках разведёт соль-гу. Он кричит их, солью побрызгаешь, они едят, соль же любят» (Зап. от Юсовой А.П., 1929 г.р., д. Филаево Кудымк.).

Пропажа

«Бывает, леший корову утянет. Тогда бумажку, письмо ему пишут: «Уважаемый Еврей Евреевич, выдай мне корову, такая-то, такая-то, кто хозяин». Писали на бересто, углём, потом его на росстань отнесут, письмо-то, корова и придет» (Юм Юрл.). «Говорят, надо письмо дедушке лесному писать, на берёсте, только надо берёсто-то зубами надрать, не ножом сдирать» (Осинка Юрл.). «На бумажку напишут словами какими-то, какие-то молитвенные такие берут. Положат там куды-то на пень, хлеб, кусочки, печенье да конфетки. Опять тут говорят...» (Сергеева Юрл.).

«Потеряется корова или другой скот в лесу, надо на ёлку пирог повешать, рыбный или мясной и сказать, мол, дедушко, давай отдавай, я тебе подарки дарю» (Келич Юрл.). «Пироги носят эдак, когда потеряется скотина дак. Это кладут на пень, рыбный пирог испекут. Там оставят» (Базуева Гайн.). «Если корова заблудилась в лесу и долго не возвращается, тогда пекут пирог из окуней. Их кладут головами в одну сторону, а затем в 12 часов ночи несут на кладбище. Пирог предварительно заворачивают в белую или красную тряпку» (Сёйва Гайн.). «Чтобы найти корову, пирог клали на могилу, или на ёлку повешают, в платок завяжут» (Сёйва Гайн.).

«Хмель вешают — узнают, кого поминать надо, если корова захворат. На кого качнется, узнавали. Сделают узелок на безмен и держат» (*Базуева Гайн*). «Черешланят. Эстолёчку кмель положит на тряпочку да повешат, тожно там перед челом переводит покойников-то, как перечислят. На кого падёт, да заболтацца черешланчик-от. Поминки тожно сделают, созовут. Коровы выйдет тожно, найдётся». (Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.).

Обращение с домашними животными

«Ягнята родятся — соль на его подсыпашь, прямо на мокрого, чтобы вышел на белый цвет и не урочился» (*Мухоморка Юрл.*). «Луна большая, дак не надо овечек стригчи, надо поноровить. Овечку на молодом месяце стригли, потому что месяц растёт, наговаривали: «Матупка — балечка, знай хозяйку, ходи к рукам!» (*Дубровка Юрл.*). Когда отпускали овцу после стрижки, приговаривали: «Бежи и дай нам шёрстку», «Со Христом, с молитвой иди». После стрижки, перед тем как отпустить, гладили овцу шерстью по спине и говорили: «Тебе шубу, нам зипун». Когда начинают стричь, то между рогами постукивают крест-накрест и говорят: «Благослови, Господи! Через тын скачи, домой ходи» (*Юм Юрл.*). «Когда овцу стрижешь, ножницами по голове колотишь и говоришь: «слушай, слушай ноженки, знай свой дом». А когда закончила стричь: «Тебе шубка, мне зипунок». Спинку-то погладишь шерстью-то» (*Сейва Гайн.*). «Когда стригут овцу, закончив, обычно берут кусок её шерсти, глядят им овечку вдоль по спине со словами: «Через семь жердей лети, никому не поддавайся». Также чтобы овца ходила домой, после стрижки её необходимо погладить рукой и сказать: «Летай филином, прыгай зайчиком, никому не поддавайся — ни собакам, ни волкам» (*Сейва Гайн.*).

«Когда корова отелиться не может, читают на воду молитву и обрызгивают этой водой корову. Если кровь у коровы идёт из вымени, то молоко из этой дойки выливают меж копытом (или педят так, чтоб струя попала между копытом)» (*Сейва Гайн.*). «Собор медной весь вымоют, тогда вымя вымоют. Вымою бога, налью ей в поло маленько эту водичку и вымя вымою у неё». (Зап. от Колеговой М.Т., 1925 г.р., д. Кривцы Кос.).

«Благословясь надо пускать: «Иди, благословясь, на волю». А встречаю, кусочек хлебушка ей дам. Подоила, вымя надо перекрестить» (*Юсвв.*). «Идёшь доить корову — тоже кусок хлеба несёшь». (Зап. от Сабуровой А.А., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.). Если корова лягается, надо говорить корове, когда идёшь доить: «Я тебя лягаю, не ты меня лягай» (*Бадья Юрл.*). «Вот корову идёшь доить, сделай ей титьки наискосок, крест накрест, как доить-то, чтобы сглазить не могли». (Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.). На сохранение скота говорили: «При Иисусе, Сыне, Отце и Святом духе. Пресвятая мать Богородица со Отцом, молитвой, шилочки-дырочки. Христос, мои скотинка-животинка, спаси и сохрани от всех врагов и нечистого духа». (Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.). «Когда заходишь к

корове в конюшню, нужно сказать: «Корова на удой», во время дойки доящий произносят слова: «Сполна в подойницу» (*Гайн.*).

«Лечили корову, если не ест, покромкой, клали ее корове на спину крест-накрест, наговаривали слова, три дня подряд, и корова направится» (*Плёсо Гайн.*). «Если жвачка нету, лыко дадут ей. Лыко пожвакует, жвачка будет». (*Зап. от Колеговой М.Т., 1925 г.р., д. Кривцы Кос.*). «Телёнок ходит, хвостом виляет, пить не пьёт. Чё делать? А это тоже у старых жо слыхала. Надо, говорит, его взбрызнуть с ветру-ту, придёшь да с ветру взбрызни, в рот воды набери и брызни. Как говорится ведь, из песни слова не выкинешь, так же и это: «Чёрному-черёмному соль в шары», – это надо сказать». (*Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.*). «Корова захворат, посмотрят токо, и всё. Воскресну молитву читают и корове привязывают куда-то на рога, куды ли бумажку-ту. А тут опять раньше старики все делали, бабы-те стары-те: на чесноковку наговарят эту молитву и привязывают к колоколу у коровы». (*Зап. от Сидоровой А.И., д. Городище Юсьв.*). «Испортили корову... Корова отелилась, по 700-600 грамм в баночку надою – телёнку нету. Вот я к Наде-то ходила. Она на воду наговорила, корову брызнула и в пойло вылила. Она вокруг коровы обходила – это я видела, угли кидала, брызгала на корову, что она говорила, я не знаю» (*Юсьв.*). «Моей коровушке молоко под кожу пустили. Я ее святой водой поила, пока она не выздоровела». (*Зап. от Макаровой Т.Н., 1942 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«Хворае корова, надо к знаткúm идти, *черешлан вешать*. Помню, у нас корова не вставала, это под весну. Корова не стала вставать, соберём людей, подынем, она ходит по двору, ест, пьёт, куды с добром. А вот лёгет – встать не может. Дак у нас в Елоге была старушка. Я помню, меня мама посылала к ей. Дала мне тоже хлебушек-челпашек и деньги, три рубля, оплатить. Там старушка вешала черешланги, надо черешланги, говорят, свешать. Ест, пьёт корова, легет, вставать не может. Старушка как-то вешала на безмене этот челпашек, дома у себя делала это, у стола, у икон. И вот, он вертелся, это я не заметила, как, чё, в котору сторону. Старушка и сказала, что *правдедушка* просит обед, то ли у тяти моёва отец, то ли у мамы, не знаю» (*Юм Юрл.*). «Корова заболает, не пьёт и не ест, тожно черешланят. Родителей переводят, вешают черешлан-от когда, всех переберут. Узнают, кого поминать, потом обед чё-ко делают. Старук созовут, старуки три. Помолятся да на стол-от напекут». (*Зап. от Нефедьевой А.В., 1925 г.р., д. Кривцы Кос.*).

Когда высаживают на гнездо наседку, обязательно подкладывают под неё только свежие яйца, которые собирают по деревне у соседей (*Тимина Юрл.*). Когда корова, свинья или овца телится, ничего нельзя давать из дома, чтобы убытков не было (*Кукольная Юрл.*). «Курица сама садится, только поглядывай, когда будут выходить цыплята. Дедушки, бабушки свяжут на огород, соломой колья связывают, чтобы коршун цыплят не ел, коршуну глаза завязывают» (*Базуева Гайн.*).

«С пчёлами нужно разговаривать, чтобы не улетели и не перевелись» (*Елизавета-Пожва Юсьв.*).

«За животных просят Георгия Победоносца, стих читают. Скотинку когда заводишь, просишь его, Господа Бога, Пресвятую Мать Богородицу». (*Зап. от Волковой А.В., н. Пожва Юсьв.*).

Хозяйственные работы (сенокос, земледелие)

«Как сенокос начинается, в первый день все идут снарядные. Запоны, кофты расшитые, сарафаны красные – как на праздник идёшь. Начинаешь косить, перво сказать надо: «Матерь Богородица, покосить дай», когда из дому еще выходишь» (*Таволожанка Юрл.*). «На покос первый раз надевали все красное. Несли с собой рыбные пироги, рыбу солёную» (*Плёсо Гайн.*) Когда шли первый раз косить, через себя кидали копейку, «как выкупали что ли покос-от» (*Дубровка Юрл.*). Чтобы спина на сенокосе не болела, связку из травы завяжешь, чтобы спина не болела. Положишь туда, где *лопатник*, за спину, за поясок заткнёшь и говоришь: «Не боли, спина, на сенокосе» (*Кукольная Юрл.*). Когда идёшь на покос, нельзя грабли нести вверх зубьями – тучи стребешь (*Елизавета-Пожва Юсьв.*).

Гадали на будущий урожай по размеру первых снесённых яиц. Если второе яйцо будет крупнее первого, год будет урожайный (*Мухоморка Юрл.*).

Для хорошего урожая женщины читали молитвы и варили яйца. «Хозяин поедет на поля сеять, яйцо с собой берёт. Его надо было закопать в землю» (*Чуртан Гайн.*). Землю копать под гряды нужно тогда, когда услышишь первый гром (*Чуртан Гайн.*). «Картошку лучше садить, когда на черемухе ягодки зеленые пойдут. Садишь, когда луна нарастает. Лучше всего в *мёжи* – это посередине, значит, месяц, луна. Молодой месяц нарожается с правой стороны, а старый месяц заходит за леву сторону, это он ушербат, в ущерб идет. В то время посадишь картошку если, она меньше получается» (*Дубровка Юрл.*). Редьку старались садить до того, как зацветут травы (иначе и редька будет *цветунья*). «Редька ядреная чтоб была, когда ее сажают, то говорят: «Господь Бог, спаси и сохрани мое растение, мою редечку!»! Хоть чего садишь, надо говорить: «Матушка земля, прими растение, расти его Богу на показ, людям на благодать, хозяйке на радость». Капусту садишь, говоришь: «Расти, матушка капуста, не будь пуста, будь толста, голенаста-вилковаста». Сеять рассадку нужно, когда на небе есть тучки (*Пож Юрл.*).

Капусту не сажают «в Червяную неделю. Северная червяная. Всё витер дует» (*Тиунова Гайн.*). При посадке капусты произносят следующие слова: «Пусть капуста родится на завидящих, на проходящих» (*Сёйва Гайн.*). Когда сажают в огороде, чтобы куры не лазили и гряды не топтали, приговаривают: «Куры, куры, носы тупые, глаза слепые» (*Дубровка Юрл.*). «Когда высаживали на грядки капусту, нарошно гаркали куриц, чтоб они её не ели: «Кутю-кутю-кутю, идите капусту садить, а есть не ходите» (*Юм Юрл.*). «Калега, у

нее в земле голова, она не поддается мошке. У капусты сердечко вверх, её может съест мошка. Капусту надо посыпать сверху золой четверговой и говорить: «Бросаю, бросаю, глаза бусом залеплю!» Тоже посыпают песком из речки, простой золой из печи». (Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.). Капусту сажают вечером в новолуние (Дубровка Юрл.). «Сажешь капусту до мошкар, надо говорить: «Для добрых людей, для малых детей, для братьев, для нищих, для прохожающих, для заезжающих, расти с молитвой». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.). Когда садили, завечали на родню – один кочешок на одного, другой на другого. Примечали потом: вот, на свёкра посадили, не стал расти этот кусток, он тогда скоро умер» (Юм Юрл.). «Лён сеют тогда же, когда ёлка цветет, ягоды, тогда (Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.).

Чтобы град не испортил урожай, в окошко во время грозы выбрасывали хлебную лопату (Гайн.). Чтобы остановить град, выбрасывали на улицу вербовую веточку (Майкор Юсьв.). Выбегали из дома с печной клюкой и, тыкая в небо, ругали град, требуя, чтобы он перестал (Пожва Юсьв.).

«Жать заканчивают, выжинки, скажут. Если есть квас, дак хоть жиденькой напиться, ведро принесут, венки сделают на ведро, колоски-то завертят да и тоже помолятся, тожно пить подают да поздравляют, господь бог чтобы дал життя. Венки на поле делают. На поле и ведро утешат, налево да. Один другому квас подают жиденькой. Бородку маленько только – горсточку, не дожнут, тут тожно поставят. Потом выжнут, в снопы положат. Это так и говорят, божья бородка, до свидания да чё да, чтобы уродился урожай, хлебосолистый Бог, нам дай пожить. Кругом ходят. Один так пройдут, тожно за руку друг друга ведут, чтобы дружно были жить». (Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.).

Чтобы зерно хорошо уродилось на следующий год, когда дожинали поле, специально оставляли на нём отдельные колоски (Гайн.). «Первый нажатый снопок несли домой. Тут же его околотят, зерно истолкут и кашу варят» (Монастырь Гайн.). «Чтобы спина не болела на жатве, клали за спину розь, жать шли дак». (Зап. от Чеклецовоной З.И., 1926 г.р., д. Кукольная Юрл.).

Когда берут первую в году ягоду, полагалось срывать её правой рукой на левую сторону (Плёсо Гайн.). «Первую ягоду найдёшь, надо было зачурить: «Чур моя, чур Божова» (Сёйва Гайн.).

Рубить дрова лучше на старом месяце – быстрее сохнут (Гайн.).

Заговор от ос на покосе

«От ос на покосе, когда обкашиваешь осинное гнездо, надо говорить: «Осы-осы, тупые носы, не троньте меня, не жалуйте меня, жалуйте осинового пня. Я вам гость, у меня тело – кость» (Пожв Юрл.).

На сбор грибов и ягод

«На грибы загадывают. Если первый раз грибок найдёшь в лесу любенький, такой и басенький жених будет. В лес по ягоды, по грибы идёшь, говоришь: «Гриб-грибок, выгляни на мою дорожку, дай пополнить посудин-

ку»; «Аминь, Батюшка, Господи, Пресвятая Богородица, пособи мне ягодки набрать» (*Юм Юрл.*).

«В лес пошёл – помолись: «Господь Иисус, помоги мне в лес сходить да господними твоими дарами обеспечиться» (*Юм Юрл.*); «Благослови меня, Господь Бог, дай мне силы, дай мне, молодой, набрать грибы или ягоды, спаси Бог, обереги нас от врагов, от супостатов. Спаси нас, сохрани нас». (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Охота и рыбалка

С охотой и рыбалкой связано немало суеверных примет, предписаний и запретов. «От человеческого характера зависит улов. Хороший характер – везёт и в лесу, и на воде» (*Кукольная Юрл.*). «Есть люди, на которых идёт рыба и зверь, а на которых не идёт» (*Осинка Юрл.*).

«На открытие охоты в воду плещут водку на хорошую погоду. Когда раньше открывали сезон охоты, народу много на реке собиралось, на островах. Там и костры жгли, и всю ночь гуляли, с бражкой, пивом. Водку-то в воду на хорошую погоду плескали, ни пуха ни пера желали. А утром уже сезон открывался». (*Зап. от Панфилова Б.И., 1933 г.р., п. Пожва Юсьв.*). «На открытие охоты в воздух стреляли, пели песни про море». (*Зап. от Баяндина А.М., 1937 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«Охотник выходит затемно, чтоб никого не встретить. Встреча с попом для охотника к неудаче» (*Пожва Юсьв.*). «Встреча – это уж больша примета. Если уж такой человек, вовсе в лес не коди, надо вернуться. А некоторый человек попадёт – всё корошо. Встричу попадёт, он пойдёт в лес, простой придёт, ничё не попадёт, некто. Или дорогу пересечёт ли чё. А у меня дак корошая была встреча. Ой, когды иду, – иди-иди, матушка, иди, у тя хорошая встреча-то». (*Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.*). «Если не на охоту пошёл, а встречу заяц попался – плохая встреча. А на охоте встретишь – хорошая охота значит». (*Зап. от Чеклецова И.М., 1926 г.р., д. Кукольная Юрл.*).

«В лес с похмелья и пьяным не ходи на охоту. Говорят – зайцы не наливают» (*Тимина Юрл.*). «У папы – у него была двустволка. Лузан был. С ночёвкой ходил – нодью изладит. Костёр разжёт, ёлками обставит. А перед охотой он крепко молился у нас. На все праздники, особенно в Пасху Христову – молится и молится. Всю ночь огонь жгал. Помолится и идёт с Богом» (*Сёйва Гайн.*).

«У нас тятя тоже охотился. Ой, зайцы-те чё было. У нас по пять, когда больше зайцей принесёт тятя. Петельки сделает, только блестят петли. Всё нашворит, чтобы не пакло ничем. Брусом ли чем ли вышворит всё. Как сичас чистят литовки-те». (*Зап. от Колеговой А. М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.*). «Солью нельзя чистить ружьё, оно стрелять перестанет» (*Зап. от Чеклецова И.М., 1926 г.р., д. Кукольная Юрл.*).

«Заячью лапку хранят. Раньше ей потолок белили, хлам заматали, все этой лапчочкой. Охотники *заядливые* носят лапки-те домой, хранят». (Зап. от Сакулиной К.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.).

«...Потерёт берданой своей о двери... ещё в лесу, там у нас будки были, потеряет только раз-раз, и идёт в лес. Чтоб повезло». (Зап. от Бурилова В. В., 1940 г.р., Буриловой А. С., 1937 г.р., п. Пожва Юсьв.). «Не любит, чтобы голые ноги – не кажи ему. Чё-то им это вредно, видимо, лесникам-то. Он идёт на охоту, ты не кажи ему голые ноги». (Зап. от Нефедьевой А.В., 1925 г.р., д. Кривцы Кос.).

«Которые охотники *птичники*, их много, а на большого зверя мало кто ходит» (Майкор Юсьв.). «Нож у зверового охотника делают чтоб ручка была деревянная. Разделывать будешь, кровь попадет, и рука скользнет» (Майкор Юсьв.).

«Медведя «стукнешь», если пал, сразу не подходи, смотри на уши. Если уши прижал, значит, притворяется. А уши обвисли – готов» (Чуртан Гайн.).

«Чтобы подстреленная дичь не портилась, вытаскивали у нее внутренности (через задний проход) и набивали крапивой и вообще травой» (Пожва Юсьв.).

«Раньше даже в колокола не звонили, когда рыба нерестилась. Рыба в это время боится. И спасали рыбу раньше зимой – две проруби сделают и канаву во льду, по ей воду гоняют – насыщали кислородом значит, чтоб не дохла» (Чуртан Гайн.).

«А тут рыбу ловил у нас один, умер уж много годов. Пришли мы: звал, пойдемте, мол, то в гости, то рыбы много наловит. Ну, пришли мы туда. Хозяйка-то умерла, пол грязный, чё, давай мы мыть. Кусочек тряпки нашли, воду, и давай мыть. И на окошке у него палочки, вот такие вот. Я говорю Василию, куда, говорю, палочки те? Он (а он хромым был, одна-то нога короче). Он на одной ноге повернулся: «Ты что, я этим рыбу ловлю, а ты что»? Я говорю: «А чё»? Говорит: «Я ловлю рыбу ими». А это, знаете, считается мосточки. Пчёлки залетают вот на эти мосточки, чтобы они садились. И вот он говорит, сказал: «Так в мой улей пчелы залетают, так чтоб в мои морды рыба залетала». Так люди ставят – рыбы нет, а он из морды по полведры вытаскивает». (Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

Заговоры и обереги от пожара

«Если загорится где, то надо яйца с Пасхи кидают туда – оно утихает, или ветер в другую сторону дуть будет. Яйцо, особенно *кажёное*, охраняет» (Ефремова Юрл.).

Заговоры и обереги от грозы

«Старые пасхальные яйца перед большой грозой в речку бросают – тогда Бог пасёт, дом гроза не тронет. Лопату хлебную и помело на улицу в грозу бросают» (Сергеева Юрл.).

Прятаться от грозы надо под ель, но чтобы она была не *вилаха* («с одного места две ели, как две сестрёнки»). Больше молния ударяет в два места рядом, две вершины если есть. Под ель тоже можно вставать, потому что электрические заряды она меньше распыляет. Кушать не надо, когда гроза, тоже, может, что молния ударить сытого». (*Зап. от Верхованцевой Е.П., 1927 г.р., д. Лопва Юрл.*). «Когда гром гремит, надо завертеть голову одеялом и надеть платок обязательно: в волосах-то электричество» (*Кукольная Юрл.*). «Не надо вешать летом занавески на окна. Колды гроза, тут в их де *ииии* заплетаются, больше де вьются, в их и бьет молния». (*Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.*). Когда идёт гроза или пожар, нужно сказать: «Господи, помилуй, спаси, сохрани нашу домину, нашу хоромину от пожара, от грозы» (*Юм Юрл.*).

Заговоры и обереги от сильного ветра

«Старое яйцо от Паски бросали через крышу на улице, когда ветры сильные, чтоб ничё с домом не случилось, чтоб крышу не сняло» (*Лобанова Юрл.*). «Ветры большие будут, дак яичко бросишь — остановится. Кидали от сильного ветра — при пожаре, а то ведь огонь всю деревню спалит» (*Мухоморка Юрл.*).

Заговоры и обереги от града

«Чтоб хлеб град не избил, в огороде не исхлестал, хлебную лопату за ворота кидаешь. Бросишь и просишь бога: «Спаси и сохрани хлеб!» (*Ефремова Юрл.*). От града надо кинуть на улицу помело или лопату хлебную в окно и сказать: «Чтоб всё было тихо, мирно, хорошо, чтоб нас ничё не побил. С молитвой, аминь» (*Бадья Юрл.*). «Помело, лопату выбрасываем на улицу: «Обмети, отскобли, чтоб град не был!» (*Зап. от Братчиковой З.Г., 1932 г.р., д. Бадья Юрл.*).

Обереги от засухи

«В большую берёзу забивают старинный медный пятак, просят: «Бог, дай дождика!» На поле ходят с иконьма богомольные старушки, молятся. Выйдут, помолятся, которые и на коленях припадали» (*Ефремова Юрл.*).

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

В народной традиции медицинской практикой занимались деревенские «профессионалы» — травники, коновалы, костоправы, знахарки или *знаткие, словеницы*. Но многими приёмами владели и обычные люди, чаще всего старшее поколение. В медицинской практике использовались различные способы. Особенно богата традиция траволечения. Многие травы использовались при разных заболеваниях. Кроме трав используются другие средства растительного происхождения — кора, почки, побеги деревьев и кустов, ягоды. В современной медицинской практике применяются комнатные расте-

ния, различные овощи и фрукты. Известно применение средств животного, минерального (камни, угли) происхождения, массаж, компрессы. Многие рациональные способы в народной практике сопровождаются магическими действиями. Например, лечебные свойства трав связываются с их внешней формой, напоминающей больной орган тела. Лечебные обряды часто сопровождаются заговорами, их приурочивают к определенному промежутку времени и проводят в определенном месте (баня, порог): «Когда на ущербе (луна) ничего не надо делать... Когда нарождается месяц, тогда у тебя всё». (Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., с. Пожва Юсьв.). В медицинской практике русского населения имеется много общих черт с коми-пермяцкими лечебными обрядами, что обусловлено как общими природными ресурсами, так и взаимовлиянием. Как и коми-пермяки, русские используют несколько вариантов обрызгивания водой, зачерчивания болезни. От соседнего населения русские заимствовали обряд *черешлана* и считают, что некоторые болезни посылают умершие родители.

Лечение травами, растениями

При сборе трав придерживались определенных правил и обычаев: «Собирать лучше до Петрова дня, когда трава цветет. Обычно идут утром, когда роса спадёт. Когда собираешь траву, обязательно нужно думать только о хорошем, добром. Рвёшь траву, скажешь: «Мать земля, ты, трава, позволь взять тебя на доброе дело». (Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., с. Юм Юрл.). «Прежде чем траву рвать, надо встать лицом на восток и умыться. Дикорастущие травы надо рвать там, где уж неслышно из деревни петухов. Я переkreшусь, встану лицом на восток, где солнце восходит, там восток. Скажу: «Земля-мать, разреши траву взять. Сила от земли, здоровье от травы». (Зап. от Ивановой В.М., 1941 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Адамова голова. «Кто головою мучился эта трава — Адамова голова — она от головы. Там где мы жили — в одном месте, в одном месте болоте росла. Называлось Чисто болото. Вот эта трава — один цветочек на ней, все листочки одинаковые, а если женская — розовый цветочек, если мужская — жёлтенькой цветочек. Заваривали её, воду пили, под голову укладывали» (Пож Юрл.).

Алоэ (ало́й) от кашля (Гайн.). Ангина: «надо жевать листья алоя, пить настой листьев алоя, одуванчика» (Гайн.). Воспаление слизистой рта и дёсен: чистотелом, алоэ полоскать рот; алоэ можно жевать (или настоять на воде, или в порошок) (Гайн.).

Багульник — отхаркивающее средство, средство от головной боли (Гайн.). Багульник от насморка (измельчить и нюхать) (Гайн.).

Белая лилия — то же, что кубышка жёлтая. От сердечного приступа (Гайн.).

Богородская трава. «Богородская трава есть, ее пьют от икоты, от порчи» (Юрл.).

Брусничник. «Брусничник — это мочегонное, от почек. Только рано надо собирать. Кукушка пока не кукует весной, вот тогда мы собираем. А вот когда она покуковала, значит, наплевала, уже нехорошо, уже без пользы, не надо брать брусничник» (Юрла). Брусничник от цинги (Гайн.).

Валериана. «Корни земляной ваты, по-научному-то валерьяновый корень. Он успокоительный. На спирту, а большинство водой завариваю» (Базуева Гайн.).

Василек, голубиная травка, его от глаз, заваривать и промывать (Паж Юрл.).

Водяной перец от кишечника (Гайн.).

Волчье лыко (дикое лыко), то же, что волчьи ягоды. Кора (или напарка) коровам и домашнему скоту, если не будет жвачки; ягоды употребляли, если ноги болят (настаивали для натирания) (Гайн.).

Воронец красный, воронец чёрный (не ландыш), то же, что вороний глаз. Настойки делают натирания от ревматизма. Считают ядовитым (Гайн.).

Вьюн. «Трава есть ешо заивука [вьюн], белой цветок, она и и картошке, и зерно косишь чё, я ес каждый год беру да завариваю. А вот заивука-то бойкая растёт, ты ес пей, дак тоже бойкий будешь (Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.).

Герань. Листком герани можно снять боль, потеряв им большое место.

Гравилат городской или грыжная трава — от грыжи (Гайн.).

Душица. «От эпилепсии — душица, пить её, только в печку не ставить, а в горячий чай класть» (Пожва Юсёв.). От болей в кишечнике, а также «для бодрости» надо заваривать и пить, как чай, душицу и смородину (Гайн.). Если голова болит, то промывают уши отваром душицы (Юм Юрл.). «Душица трава от экземы. Надо ее густо-густо напарить и сделать примочку» (Юрл.).

Дягиль — то же, что пикан. Средство от грыжи, от желудка, от печени (Гайн.). «Слыхала, пиканнэй корень, пиканы. От зубов, зубы болят если. Просто так ложить пиканной корень на зуб». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракшино Кудымк.).

Жабник — «бабам велели пить, от женских болезней» (Гайн.).

Запарна трава. «Жёлтый цвет от кашля есь, запарна трава называется. Летом надо брать, когда цветёт трава» (Кудымк.).

Заячьи лапочки. «Зубы лечить — заячьи лапочки, летом-то растёт трава, белые-белые, розовые цветочки» (Паж Юрл.).

Зверобой. «От кашля хорошо заваривать сахарник (зверобой)» (Тимина Юрл.). Зверобой мочевой пузырь лечит (Гайн.). «От бесплодия зверобой, но часто его пить нельзя, если много, он, наоборот, обесполаживает и мочу плохо держит». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Иван-да-Марья от воспаления слизистой рта и дёсен (Гайн.).

Кедр. Против отложения солей, радикулита, головных болей, вызываемых магнитными бурями, надо некоторое время полежать под кедром (Гайн.).

Клевер лечит органы дыхания; белый клевер – женский (Гайн.).

Копытень. «Есть копытень–трава, три листочка рядом, как у коровы копытчико. Им от пьянства лечат». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Костяника – сердечное средство (Гайн.).

Крапива – от крапивницы (Гайн.).

Кровохлёбка или росяница – когда «по-женски» болеют, пьют отвар, от недержания мочи (Пожева Юсъя.). Кровохлёбка – печёночное, кишечное средство (Гайн.).

Кукушья ленточки. «Кукушья ленточки – трава, от женских болезней. В лесу растёт. Низинькой, листочки красиньки. Заваривать. Брюха выживали». (Зап. от Базуевой Т.И., 1931 г.р., д. Базуева Гайн.).

Купальница. Купальник от головной боли (Гайн.).

Липчатка гусиная от печени, желудка.

Македон. «Македон – его вместо карвалола, корешок-от от его. Цвет у его как шишечка, а листья круглые. Большой, с полметра. В сырых местах растёт. И один цветок». (Зап. от Базуевой Т.И., 1931 г.р., д. Базуева Гайн.).

Малярийная трава – от малярии (Гайн.).

Марьин корень. «На нутре если болит, пей Марьин корень» (Тиуново Гайн.). «Вот Марьин корень. Он красиво цветёт. Сбирать можно в любое время. Его ото всех болезней: от суставов, от желудка, по-женски помогает. Сам корень насабливаешь, на спирту настаиваешь». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Мать-и-мачеха. «Листья мать-и-мачехи от прыщей» (Лобанова Юрл.).

Медвежья лапа – «лист большой, цвет как синие петушки наверху». Делают настойки на натирание (Гайн.).

Моден. «Моден трава, рано, с подснежниками выходят, фиолетовые. Их настаивать ноги лечить хорошо» (Поже Юрл.).

Мокрица. «От глаз помогает мокрица, звездочка еще её называют. Надо или заваривать, или в мясорубке пропустить, и сок в глаза» (Поже Юрл.). От потения ног – огородная трава мокрица (Гайн.).

Мочегонная трава, то же, что раковые шейки, от заболеваний желудочно-кишечного тракта (в том числе от поноса) (Гайн.).

Мята. «Мята береговая помогает от печени и легких» (Поже Юрл.). «Сердце болит, тоже трава есть, мятна называться. Она и желудку помогает. Мята от испуга, успокаивающее средство (Гайн.). «Мятная трава – из нее чай делать, 77 болезней выходит. Особенно от сердца хорошо» (Бадья Юрл.).

Одулень-трава. Ягоды, листья, черешки от золотухи пьют; малых детей купают в настое (Гайн.).

Одуванчик. Из цветов одуванчика делали настойку для натирания (Гайн.). От головных болей, для работы мозга, от болей в суставах помогают корни одуванчика. Их засушивают и заваривают (Гайн.).

Омег. От рака. В поллитровую бутылку хорошей водки положить 15-20 корешков омега. Пить сначала по чайной, а потом столовой ложке. Делать двухнедельные перерывы. (Зап. от Перебатовой А.А., 1929 г.р., д. Миронова Юрл.). Как профилактическое средство от рака, нужно пить настой омега, начиная с одной и доведя до 20 капель в день, потом в обратном порядке.. (Зап. от Мехоношиной А.Н., 1927 г.р., д. Кырова Юрл.). Незаживающие раны излечивают, прикладывая к ним кусочки свежего корня омега (Кырова Юрл.). От надсасы. Залить кипятком траву омега (без корней). Когда отвар остынет, держать в нём больные руки или ноги. Повторить несколько раз (Зап. от Перебатовой А.А., 1929 г.р., д. Миронова Юрл.).

Осока. Осока резучая от мочевого пузыря (Гайн.).

Папоротник. «Папоротник помогает от глаз» (Гайн.). «Папоротник берут опущение матки лечить, и кровотечения. Есть мужской папоротник, есть женский, у женского на листьях развиваются лапочки, а у мужского загибаются катышком, дудочкой, у женского корень плоский, у мужского у корня круглые коготочки». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.). «Подорожник заваривать, он хорошая трава, от давления, от простуды, кровоостанавливающее. Раньше пальчик отрежем, ём завяжем, и заживёт» (Базуева Гайн.). Подорожник кладут к нарывам, от желудка, от печени (Гайн.). «Подорожник по дорогам растет, его пьют от мочевого пузыря» (Юрл.). Подорожник от кашля, отхаркивающий. (Зап. от Трушниковой Е. И., 1912 г.р., с. Усть-Зула Юрл.). «От поносу помогает подорожник, заваривать его и пить. От поноса же копают корни змеевика, его толстосеря еще зовут, и заваривают. У его широкий лист, корни как какашечки – темные, красноватые. Можно пить как чай, можно настойку делать». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Пастушья сумка от мочевого пузыря (Гайн.).

Первоцвет – сердечное средство (Гайн.).

Пижма. Девятиль – от желтухи (Кривцы Кос.). «От печени, говорят, белеет дак, жёлтые цветочки такие – пижма. Тоже заваривали, пили» (Пож Юрл.). «Девятильник высокой. Это не девосил. Девятильник от головы идет». (Зап. от Базуевой Т.И., 1931 г.р., д. Базуева Гайн.). «Девятильник – пыжма, он пыжма называется. Он от поносу, говорят. Беременность, горит, убирается» (Живые Кудымк.). Пижма обыкновенная от поноса (Гайн.).

Пихта. От боли в суставах – сделать отвар молодых побегов пихты и сидеть в этом отваре. Повторить несколько раз. (Зап. от Копытовой Н.М., 1917 г.р., д. Липова Юрл.). Положить в мешочек сенную труху и заварить кипятком. Мешочек, когда отвар охладится, вынуть. Принять 3-7 ванн. (Липова Юрл.).

Подснежник. «Спиртовый настой на подснежниках помогает от волдырей» (Сергеева Юрл.). Подснежники собирают весной и настаивают на водке, потом натираются, ноги лечить (Юрл.).

Полынь. «Полынь очень горькая, но незаживающие раны очень быстро заживляет. Просто в воде напарят ее, тряпочку намочат и прикладывают». (Зап. от Сидоровой А.И., 1926 г.р., д. Городище Юсв.). Полынь пьют от «падсады» (боли в животе).

Прострел боровой – растет на борах, с синенькими листочками и узкими продолговатыми зелёными листьями. Помогает от всех болезней: от кишечника, головной боли (Гайн.).

Прострел. Сон-трава, то же, что богородская трава, или прострел, от бессонницы (Гайн.). «Еще сон-трава есть. На веточке розовые цветочки («часики» еще зовут). Под подушку положишь, и спишь спокойно» (Пож Юр.).

Пырей ползучий – печёночное средство (Гайн.).

Репей (лопух большой) – от болезней «по-женски», от рака заваривают (Гайн.). «Корни у репея печень лечат» (Лобанова Юр.).

Ромашка. «Жёлтая ромашка – от желтухи, по рекам растет шишками» (Юм Юр.). «Настой ромашки и одуванчика на спирту или одеколоне – от болей в ногах» (Сергеева Юр.). «Ромашка – рвут на поле в августе. Двух видов бывает: на одной ножке и мохнатая. На одной ножке или полевая, или ворожейка, – она от глаз. Мохнатая (тысячник) лечит по-женски. Хорошо лицо умывать отваром, голову мыть. От сердца тоже идёт». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юр.). Ромашка жёлтая от желтухи, а белая – лёгочное средство (Гайн.).

Рябинка. «Рябинка – она от поясницы. Высокая, листок как у рябины, цветок синенький, долгонькой». (Зап. от Базуевой Т.И., 1931 г.р., д. Базуева Гайн.).

Сабельник от грыжи (Гайн.). От опухоли (рак матки) – вех ядовитый и сабельник (Гайн.).

Сердечная репка. «Сердечная репка есть, цветет весной, с подснежником, около низин. Сама как мышинный горох, корень как репка. Её сушили и делали настой, пили от сердца (Юм Юр.).

Сирень жёлтая, розовая, белая – от ожогов (Гайн.).

Тмин обыкновенный – мочегонное средство (Гайн.).

Толстосеря – то же, что горец змеиный. Употребляется с корнями, лечит от поноса (Гайн.).

Троелистка от желудка (Базуева Гайн.). Трава троелистник (то же, что вахта трёхлистная) «лечит по-женски», от воспалений (Гайн.).

Тысячелистник (только цветочки) от ревматизма (Гайн.). Порез – трава, то же, что тысячелистник, от порезов (Гайн.). Тысячелистник пьют от женских болезней (Гайн.).

Тягун. «Тягут-трава – боли вытягат. Настойки делают, или в чай» (Базуева Гайн.). «Когда у ребёнка грыжа, грызёт мудышки, берут траву тягун девятигодовалый, он от девяти болезней. Он как репочка, цветет как подснежник. Надо его рвать, когда распускается». (Зап. от Перебатовой А.А., 1929 г.р., д. Миронова Юр.). «Я вот этот тягун на спирту настаивала – ноги

болели — мазала. А больше всего мне помогает золотой ус. Надо срезать да настоять на водке». (Зап. от А.И. Сидоровой, 1926 г.р., д. Городище Юсьв.).

Фиалка при маточных заболеваниях (Гайн.).

Хвощ полевой. «Отвар полевого хвоща помогает от давления» (Пожва Юсьв.). «Отвар полевого хвоща помогает от недержания мочи» (Пож Юрл.).

Хмель дикой от головы пьют, вместо подушки ложат на постелю (Таволожанка Юрл.). «Хмель дикой в подушку кладут, чтоб сон был» (Пож Юрл.).

Чемерица — средство от ревматизма (делать настойку для натирания). «Черемича — желтый цветочек, как голова с жилами. Когда насморк, надо в нос пихать, и прочихаешься» (Пож Юрл.). «Чесотку лечат отваром черемичы (корня, который русские пьют со сметаной). Полученной смесью смазывают кожу» (Майкор Юсьв.).

Чёрная трава — от испуга лечат детей. «Брызгают и даже поят. Она злѣна такая, а высохнет — вся почернеет». «Чёрная трава помогает от головных болей, давления, умопомешательства» (Пожва Юсьв.). Чёрная трава от эпилепсии и «кто спросонки ходит, лунатит» (Гайн.).

Черника. Ветки черники заваривать от сахарного диабета (Гайн.).

Чертополох от испуга (Гайн.).

Чистотел. «Для очищения организма пропускали через мясорубку сырой чистотел, отжимали сок и пили неразбавленным» (Пожва Юсьв.). «Есть рудянка, или чистотел. Она лечит, если в груди болит. От болезней очищает, все болезни внутри очищает. И лечит, если сербёшь, чѣшешься» (Юм Юрл.). Рудянку пьют от «падсады» (боли в животе). Чистотел и зверобой против глистов (Гайн.).

Щавель конский от поноса (поносный) (Гайн.).

Другие растительные средства

От лишая зверобой, тысячелистник, чистотел (Гайн.).

От малокровия пить «аппетитные» травы, парное молоко (Гайн.).

От переломов моча, мокрица, сиренник (Гайн.).

«Эпилепсию лечат, надо разных сорок трав, и чтоб ядовитые тоже. заварить и поить больного» (Гайн.).

«Заваривают от астмы смесь мяты, смородины, зверобоя — по травинке, и пьют. Помогает от астмы сок смолы, весной собирают» (Юм Юрл.).

От давления — зверобой, пустырник, подорожник.

От водянки пить трутовик берёзы (Гайн.).

От язвы желудка — берёзовый сок, он же от туберкулеза (Гайн.).

Берёза *шубная* (то же, что бородавчатая берёза) — её почки и листья полезнее, чем у *повислой* берёзы (Гайн.).

Брюсника (брусника) от жару (Гайн.).

От выпадения волос — брусника, вымоченная в тёплой воде (Гайн.).

Брюква лечит кожные болезни «*калесеу некчи, жать и мазать дерматиты*» (Гайн.).

«Ногтевой грибок печат мякотью кабачка, которую предварительно пропитывают медом в течение трёх часов (смесь прикладывают к пальцам ног)» (Городище Юсёв.).

Калиновый цвет от кожных («на лице болячки умывали»), от глазных заболеваний, слабительное средство, сок плодов от печени (Гайн.).

Капустный лист от угара (кладут на лоб) (Гайн.).

«От болей в голове лечатся, прикладывая к голове нарезанную кружками сырую картофелину» (Пожва Юсёв.).

Почки лиственницы от желудка (Гайн.).

«Чирьи луковицей печат. Луковицу испекут, на чирей привяжут, и расосётся» (Гайн.).

«Мухомор в печку кладут, растопятся оне, как масло сделается, и мажут больно-то место. Пить-то не надо – ядовитые. От боли в суставах мухомор настаивают. Или гриб положить в банку. Он стоит там недельку – две, постоит, и потом станет жидкость. Он как растает. Только он пахучий, душиной, как идти в народ, не мажешь, лучше на ночь. Намажешь, а утром встанешь, ополоснешься, и всё (Булдыри Юрл.).

Ботва моркови от ревматизма и от «шпор» на ногах (делать ванны) (Гайн.).

«Мохом лечились. Вот мох из лесу принесут, который на деревьях растёт, его в тёпленьку воду, да тожно ноги-те закладут да завяжут». (Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р. д. Кривцы Кос.).

«Осина все болезни принимает. Я прижимаюсь к ней и говорю: «Ты всё излечи», и силу мне даёт. Я к ней прихожу, как к подруге здороваюсь». (Зап. от Старцевой М.Н., п. Пожва Юсёв.).

«Чтоб голова не болела, делают осинову таблетку – стилиш с осины возьмут и под подушку» (Сергеева Юрл.).

От печени насоблбить кору осины, положить ее в чугунок с водой и пропарить на огне. Когда остынет, процедить и пить. (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

«Отвар пихтовой коры пить от давления (по 100 грамм три раза в день, размельчённую)» (Городище Юрл.).

Одышку лечат пихтовыми, сосновыми ветками и почками (настаивать, пить и прикладывать к груди) (Гайн.).

Спорыш, молодые пихтовые побеги от заболеваний сердечной сосудистой системы, от страха, от испуга (Гайн.).

Трутовик сосновый пить от алкоголизма (а трутовик пихтовый, наоборот, вызывает привыкание к алкоголю: «кто выпьет, месяц пьяный будет ходить») (Гайн.).

Туган – молодой побег сосны, используется для лечения лёгких (в виде настоя на спирту) (Юрл.).

Бронхиальная астма: помогают сосновые почки, кора деревьев (например, пихта) (Гайн.).

Редьку обыкновенную прикладывать, «когда болит какое место, вытягивает простуду, она еще и аппетитная» (Гайн.).

Кора рябины – мочегонное средство (Гайн.).

Пить тёплую серу с водой от энуреза (Гайн.).

Смола сосновая от повышенной кислотности желудка (Гайн.).

От боли в пояснице *сиренник* нагреть и прикладывать (Гайн.).

Чага – мочегонное средство: лечит печень, почки. Надо собирать в марте, феврале (Гайн.).

Черёмуха от плохого пищеварения, от простуды (Гайн.).

Зубы лечили, натирая дёсна чесноком (Гайн.).

«Корни у шиповника – они сердечные, заваривать их» (Лобанова Юрл.).

Корни, плоды шиповника от диабета (Гайн.).

«В яблоке 3 выемки сделаешь, наполнишь мёдом, поставишь в стакан, и капает, и потом в глаза закапывать». (Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р. п. Пожва Юсья.).

Малина от простуды («в ягодах малины много аспирину») (Гайн.).

От давления помогает калина. Надо есть ягоды калины, можно также их заваривать (ложки две на стакан, пить перед едой) (Гайн.).

«Медвежья де ягода есть. Красные ягоды, две ягодки вместе срослись, ядовитые. Их брали и ели – брюха выживали бабы которые» (Васькова Юрл.).

Ягоды черники от поноса (поносная ягода) (Гайн.).

Ягоды рябины – слабительное средство (Гайн.).

Чтоб не мочиться во сне, пили калиновый сок и ели ягоды калины (Юрл.).

Ягоды и корни шиповника от печени, они все сосуды чистят. Корни заварить кипятком, оставить преть, потом пить. Ягоды вереска тоже от печени (Пож Юрл.).

«Вороний глаз ягоды собирают – любую рану заживит. Ягоды должны настояться в своем соку, затем ими натерли рану» (Пож Юрл.).

От угара кладут в уши ягоды рябины (Юрл.).

Аллергия: пить и делать ванны из смородинового листа, ноготков, одуванчика, пихтовой хвои (Гайн.).

От аденомы предстательной железы пить настой чеснока, рябиновую кору, вереск, хвощ (Гайн.).

Рецепт мази от любой болячки, экземы и «от всего, что хочешь»: от болезней «по-женски», воспалительных процессов: смесь коры осины, тысячелистника, чистотела (цвет), подорожника (семя), листьев топ – травы (то же, что птичий горец), свиного жира, говяжьего жира. Смесь поставить на печь на день, «чтобы напревала», потом пропустить через марлю (Гайн.).

От давления поят отваром катофеля, который варят прямо в шелухе. Заваривают молодые корни ятрышника и плоды шиповника. И этот настой пьют много раз. Применение старых корней ятрышника производит обратное действие. (*Зап. от Суворова Т.Ф., 1898 г.р., д. Миронова Юрл.*)

Любые растения с зелёными листочками – от головной боли (*Гайн.*).

Лечение конкретных болезней

Алкоголизм. «Куриное говно развести и напоить своего. Рвать будет, и ему не надо на глаза будет вино» (*Юм Юрл.*). Перепьёт человек, если есть свинья с поросятами, её доят и свиным молоком поят (*Пож Юрл.*). «С вина мужик горит, дак его женским молоком отпаивают» (*Юм Юрл.*). «Мужик отравился вином – ему надо в рот напиться» (*Пож Юрл.*). От пьянки лечили материнской мочой; нужно в момент пьяного беспамятства больного помочиться ему прямо в рот, приговаривая при этом: «Откуда родился, оттуда и хлебай» (*Гайн.*).

Астма. От астмы табак нюхать (*Гайн.*).

Бессонница. «Мама сказывала, раньше один старик спать не мог, дак хлеб испекут ржаной, нарежут ломтями, в ведро положат крест-накрест лунчики и хлеб-от туды положат. Пар-от с хлебу натечёт, да вот это и пили. С ложку может из хлебу накапат» (*Базуева Гайн.*). «Серебрушки-золотушки от канфет надо в постелю класть, под матраc я кладу, чтобы лучше спать. Под голову осиновый круг, чтоб легче спать» (*Пож Юрл.*). «Маленький если плохо спит – наговори да брызни их водичкой, эту водичку, остатки, на улицу вылей, вот куда пришла – туды и ступай». (*Зап. от Давыдовой Т.А., 1926 г.р., п. Пожева Юсв.*). «Ребенок плохо спит, как старушки мне сказали, вымой 3 ложки, вымой их над скобкой над дверями. Я так и делала. Сбрызнешь, и всё». «Полуношница мучит ребенка. «Вот зори чёшные зори, красные, алые, зори вы зори, нате вам хлеба и соли, зори мармяные, возьмите с моего ребёнка бессонницу, дайте сон-угомон», – это надо молиться, говорить» (*Тиуново Гайн.*). «Вот полуношница, говорят. Ежели не спит, дак заголовья-то ребёнку-ту маленькую прешенцу, девочка дак, сделают. А парень, дак топор кладут. Крадышком вот тут положат под качку-ту, сголовья-те». (*Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.*).

Боль. «Трёхшёрстная кошка лечебная. Она сама ложится на больное место и вытягивает боль» (*Гайн.*).

Бородавки. «Вот тенето бывает в углах, спичкой зажги, его комышком надо собрать и притащить да на бородавку положить. Его сверни, сверни, сверни, а потом на бородавку положи и спичкой зажги». (*Зап. от Сидоровой А.И., 1926 г.р., д. Городище Юсв.*). «Бородавки надо суком чертить, и громовые стрелы: «Как сук сохнёт, так и бородавка сохни». 12 раз это почертить, 12 раз сказать и тожно: «Аминь, аминь, аминь, аминь», – и проходит. Чирьи тоже эдак жо». «Надо ниткой бородавку крестить. Сделаешь над ней три узла, унесешь на дорогу, на перекресток. На крестовую дорогу. И нитка

чтоб суровая была, пряденая» (*Пожва Юсъя.*). «Бородавки были, так я их жгла ляписом, горячим веретно вертела. Накалю веретно, горячим будет. нитку привяжу, в садок закопаю». Бородавки выводили руками — зачерчивали угольком. Выводили куриной слепотой — нужно омыть травку в дождевой воде, собранной с жердей изгороди, затем мазали больное место (*Юм Юрл.*). Яичко надо сварить, почертить им бородавку и съесть. И бородавка пройдёт (*Липухина Юрл.*). Взять чёрную нитку и над каждой бородавкой сделать узелок. Сколько бородавок — столько и узелков. Затем нитку с узелками закопать в голбе под помело. (*Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.*). Бородавку туго завязывают ниткой и спичкой нагревают (бородавка должна отпасть) (*Гайн.*). «Кошечки бородавки мелкие, плоские. Для того чтобы избавиться от них, нужно протереть тряпкой, которой посуду моет одинокая женщина».

Водянка. От водянки чёрными тараканами напоить (*Гайн.*).

Глазные болезни. «Чтобы зрение не портилось, в глаза мед закладыва-ют неразбавленный». (*Зап. от Базуевой Т.И., 1931 г.р., д. Базуева Гайн.*).

Головная боль, сотрясение мозга. «Голову править. Свяжешь тряпочкой белой, помарашь сажой эдак на лбу, на затылке. Тожно смеряшь, котора сторона меньше, котора больше. Котора меньше, ту прижмешь да трясёшь» (*Базуева Гайн.*). «Мочалку, эта желобок, против его завяжешь. Против носу черкнёшь, против эта места черкнёшь и верх ушка и потом снимешь. ...Котора больше. Вот и начнёшь трясти руками. Только когда меряшь, раз 6-7 надо. Подгоняшь, подгоняшь, подгоняшь, потом у тебя это место сходится со лбом и это место с косицами сходится». (*Зап. от Сидоровой А.И., 1926 г.р., д. Городище Юсъя.*). Если сотрясение «Берёшь сито в зубы, прямо смотришь, глаза никуда... и легонечко, легонечко по ситу стукнешь по бокам несколько раз, и всё — мозга на месте». (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсъя.*).

«Громова стрела есть, ей тоже лечат, если голова болит, натирают виски стрелой» (*Гайн.*). От головной боли лечили суконной ниткой. Если голова заболела днём, то на ней завязывали белую ниточку, если ночью, то — серую, если голову больной «стрёс», то брали красную нитку. После этого на нитке (на лбу, затылке и ушах) делали пометки, складывали ниточку и смотрели, совпадают ли они. Далее голову покрывали полотенцем, по окончании всего действия следовало потрясти полотенце. Операцию повторяли до тех пор, пока узелочки на нити или пометки симметрично не совпадали (*Гайн.*). Чёрная брага (ржаной солод) от головных болей, а также от поноса, от чирьев, водянки (*Гайн.*).

Грыжа, насада. «Возьмёшь веник, правишь, правишь, правишь, правишь руками, и этот пуп послушаешь: если пальчик ударят, значит, это делать. Возьмёшь веник, тряпку положишь и по солнышку комельком-то подёржишь, подёржишь, подёржишь. Только маленько, вот эдак поставишь и все держишь, и пуп на месте». (*Зап. от Сидоровой А.И., 1926 г.р., д. Горо-*

дище Юсьв.). «Это надсада, пуп, он может сорваться с места, и жилы распухнут. Пуп править – баню топили. Если не баня, старуха берёт мыло и растирает мылом эти жилы» (Гайн.). «Брюха правили – надо растирать мылом жилы, поднимать на место, потом на пуп ставится комлем веник, его поворачивают и прокручивают, держат некоторое время» (Гайн.). Грыжу *загрызали*: и «*подтягивали*» пуп зубами, затем клали на пуп монетки (3 или 5 копеек), их нужно было носить некоторое время (Гайн.). «Правили пуп от надсады горшком – ставили на пуп горшок, под него зажженную свечу, чтоб горшок втянулся, все кишки вместе соберет» (Юм Юрл.).

«Грыжу надо кусать чтоб против солнышка» (Базуева Гайн.). «Какой-то мизгирь. Крупный мизгирь, вот мизгири ползают. Раздавят его и этим, мальчика особенно, мошонку ему чертят» (Городище Юсьв.).

Жар. «На брюшине у скотины сало, тонкое, *платочек* называли, его снимут и хранят. Если температура, кладут этот пласт, нагреют и прикладывают, и помогает» (Шестина Юрл.).

Женские болезни. «Если у бабы нутро выйдет, матка выкатится, надо салом поднимать на место. Надо пить его с чаем и так есть, мазать больное». Считается, лечит от бесплодия (Гайн.). Свиное молоко – от женских болезней (Гайн.).

Зубная боль. «Когда умываешься, сначала умывай руки, потом лицо (зубы болеть не будут)» (Пож Юрл.). «У меня сношеница была. Зубы у меня спасения не было, болели. Она от каждого пальца ноготь срезала с ноги и этим заговаривала». (Зап. от Сидоровой А.И., 1926 г.р., д. Городище Юсьв.). «У нас бабушка Матвиеха тут жила, вот она зубы заговаривала. Она мне коточком (это лапти которым раньше плели) почертила, потом этот коточик, на полу тут сучёк, об сучёк постучит, постучит, опять поводит. А потом уже ножиком. Ножиком почертит, чё-то говорила она, какие-то слова. И у меня правда зуб не стал болеть, и этот зуб до сих пор у меня стоит. Все зубы выпали, а он стоит» (Гайн.).

Кожные заболевания. «Луковым соком натрёшь всю голову, зуду чтобы не было. Мочой своей моют, тоже хорошо помогает. У меня голова сухая, приходится перед баней мазать голову коровьим салом, чтобы жирная голова была». (Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., п. Пожева Юсьв.). Чтобы вывести часотку, нужно смешать горячую серу (на спичках) и масло «коровное» в равных частях. «Кобыльим молоком умывались, чтоб глаже лицо было. Вымоешься им, даже глаза слипаются, серенное оно» (Юм Юрл.).

Конъюнктивит. Белый клевер нагреть и приложить на ячмень на глазу, затем скормить его собаке (сучке) (Гайн.). Лечат ячмень (*печмень, печечмень*) вичкой от веника, берут от комля, отламывают и им и чертят (Гайн.). Чтобы вывести «печечмень», нужно на него наговорить следующие слова: «Пойду на бор, возьму топор, вдоль руби, поперёк руби. Вдоль руби, поперёк руби». Произнося эти слова, человек безостановочно крестил указательным пальцем правой руки «ячмень» (Гайн.). «Ячмень, песьяк-от, хлебом вы-

водили. Хлебом прижмут горячим из печки, потом его собаке отдадут (Юм Юрл.). «Хлеб свежий теплым прикладывать надо ко глазу. Можно еще «пот» собирать с окна и этим потом промывать глаз». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.). «Печечень хлебом из печки погреть и собаке бросить» (Базуева Гайн.). «Вот теплый хлебушек сварить, и этим хлебушком, чтобы всё исчезло, так поводишь и приложишь, и обязательно перекрестить надо. Крошку-ту положить, пока она лежит, ты только потом должен отдать, кто-то должен съесть, и печь-ячмень сойдет». (Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.).

Краснуха. «А это красна-то рожа. Лечили. Тряпичку красну завяжут да мел. Мел посыплют да, пошорют на лицо, на руке ле, на ноге ле. Тут же и завяжут где-ко красным-то. Чё-то слова же видно знали старуки-те». (Зап. от Нефедьевой А.В., 1925 г.р., д. Кривцы Кос.). Больного красной рожей объявляют красной тряпкой, говоря при этом: «Рожа, рожа, на кого похожа...» (Гайн.). «Это сынь, тело цветёт. В бане тёплой парят, моют в марганцовой воде и соде». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Мозоли. «От мозолей тожо — то мылом намыливали, сажей мазали, всё было» (Пож Юрл.). Хлеб с солью («развести жиденько») от мозолей (Гайн.).

Молочница. «Во рту белое такое делается и лоскутьями все. Титьку даже не может брать ребенок. Из ложечки даже кормишь робят. Не может соскаты, больно тамо. Медом на ваточку сделаешь и прочистишь ротик. А медом обработашь — хорошо. Можно чуть-чуть марганцовкой, только капелку положить». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Нарывы. «Под пазухи насалятся собачьи титьки, нарывы. Ой, мучишь-ся как! Один засыхает, десять садятся. Лечат как — на хлебушко сметанку намажут, затем с волдырей на хлеб смотать и сучке отдать». (Зап. от Мазениной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.). «У нас мама *вольнюгу* (нарыв) толкла пестом. Только то я у нее слыхала. Сидем, все усядемся у нее. Чтобы не было ни в роду ни в племени, скажет, вот толкла она вольнюгу так. Вот пест у нас был чугунной. Она лечила у нас людей. Собачьи титьки были у людей тоже, растут. Их лечила, головы лечила». (Зап. от Ивановой В. М., д. Сергеева Юрл.).

Недержание мочи. «Его править надо, все косточки на место надо, жилы, тоже со всякими молитвами, обкачивать да чё да, поить. Вот эти тоже молитвы, «Воскрёсна» молитва...». (Зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., п. Пожва Юсьв.).

Одышка. От одышки пить соду (Гайн.).

Ожоги. Нужно взять 100 гр. подсолнечного масла, 100 гр. топлёного масла, 100 гр. коровьего или свиного сала, одну восковую свечку. Все это растопить, убрать пену. Когда масса остынет, мазать ожоги (Пестерёва Юрл.). Сало медвежье помогает от ожогов, от женских болезней. Чтобы вылечить ожог, его нужно жечь и затем намазывать больное место (Гайн.).

Остеохондроз. «Травы наложишь, горячим прикладывали травы. Лучше всего труху заварить, сено-мелочь, и накладывать на тело в бане. Надо несколько раз, раз десять» (*Кукольная Юрл.*). Разогреть поваренной соли на сковороде, затем всыпать ее в мешочек. Обмотав мешочек с горячей солью полотенцем, греть больное место (*Зап. от Леонтьева А.А., 1938 г.р., д. Вылом Юрл.*). Натереть редьку, обложить ей поясницу, завернув плёнкой и тряпкой. Лежать весь день (*Зап. от Лехановой Л.А., с. Пож Юрл.*). Настоять на спирту (0,5 л.) 2 стручка красного горького перца, и на ночь этот раствор втирать в кожу. (*Зап. от Ташикиновой Л. В., с. Юрла*).

«Спина заболит, баушка ножом потычет, наговорит, и пройдет» (*Базуева Гайн.*).

Печень. От печени солодовое пиво (только его нельзя квасить) (*Гайн.*).

Понос. «Ж..пу ломает у ребенка, понос, дак мылом правят». (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Порча. Больной приносит колодезную воду (0, 5 литра), наливает её в кружку, туда бросают золотое кольцо, наверх кружки кладут белую тряпицу, на неё иконку и горбушку хлеба. Говорятся заговорные слова (*Гайн.*). «Воскрёсну молитву надо читать. Над ковшиком почитаешь потом брызгай. У меня зять скандалит, дак я брызну, и он больше не шумит» (*Пожева Юсьв.*). «У иконы сзади дощечки, берут с их лучинки, они угаристые. Вот этими лучинками болезнь и зачерчивают и обкуривают» (*Юм Юрл.*).

Похудание. От похудения — рыбий жир («только не из щуки») (*Гайн.*).

Психические расстройства. «Хлеб испечь, в ведро его теплый, лучинки крест-накрест положить в ведро, и потом от пара в ведро-то осядет водичка с ложку. Закроют, чтобы пар не выходил. Этой водой поят от тоски» (*Базуева Гайн.*).

Радикулит, боль в суставах. «При радикулите лечат — на собачьей шкуре надо спать» (*Кривцы Кос.*). «Положить в кадку муравейник с муравьями и заварить его кипятком. Когда отвар остынет, нужно сидеть в этом растворе [от боли в суставах]. Повторить несколько раз» (*Юрла*).

Радикулит. В 0,5л. нашатырного спирта положить 5 молодых корней репейника, нарезанных сочными. Настаивать в тёплом тёмном месте одну-две недели. Когда в настое появится коричневый оттенок, втирать в больное место на ночь, затем прогревать, положив грелку.

Рак. «От рака пить выжим конский. Сутки лошадь кормят сеном, двое суток — овсом. Сутки, после суток у лошади кал отойдет, потом начнётся гольный овёс. Этот овёс кладут в марлю, отжимают. Этот отжим пьют. Выпить надо два литра (200 г. в день). И жеребьячью сперму пьют от рака» (*Юрла*).

Раны. Примерно в равных пропорциях смешивают и варят на огне мёд, воск, коровье топленое масло, алоэ, чеснок тёртый и спирт. Затем добавляют свежей еловой смолы. Нужно нанести на рану мазок этого состава (*Зап. от Штейниковой О. Е., 1905 г.р., д. Лопва Юрл.*).

Рев. «У нашей мамы галька была с дырой, тоже кранили, кранили. Вот брызгать-то» (*Тиуново Гайн.*). «Вот уголь положишь, три угля, если уголь утонет, брызгать надо. Воскрёсну молитву говорить: «Николай Моршень, Николай Чудотворец, Николай Угодник, пресвятая богородица матушка», — всем надо говорить. И ребенок чтобы уснул». (*Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.*). «Угли наложат из печки, прочитают молитву, ребенка вымоют, а остается вода, ее под двери выливают. Так-то с ключа берут воду. Если колодец ключевой, мы вот ходили, брали для ребенка. Есть люди, которые прятали ребят. Если зубы кривые, то говорят, урочливые». «До году желательно ребенка нельзя показывать. С космосом связано, не совпадёт... Он урочится. Ревёт, ревет, ревет. Старухи тоже ходили. Или через сито велят сбрызнуть. Сито возьмёшь, через сито сбрызнуть водой. Там нашопчут». (*Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракино Кудымж.*).

Туберкулез. Бельного туберкулезом надо «невзначай», чтобы он не знал, накормить собачьим мясом (*Пож Юрл.*).

Угри. Угри и прыщи «тыкать» и мазать подсолнечным маслом (*Гайн.*).

Ушные болезни. «Уши потекут: делала воронку, холщевую тряпочку взяла, воск растопила, поставила, а кончики зажгла, — вытянуло. Воском тряпку замочила». (*Зап. от Сидоровой А.И., 1926 г.р., д. Городище Юсьв.*).

Цирроз печени. В пол-литровую бутылку утрамбовывают сенную труху и заливают водкой, прочно закупоривают и помещают в кринку с квасом, чтоб упрел. Помещают в натопленную русскую печь. Когда квас упреет, достают бутылку. Настой процеживают и подают больному 3 раза в день, начиная с чайной ложки и обязательно с парным молоком от столовой ложки до 100 гр. (*Зап. от Бириной И.Е., 1938 г.р., д. У-Березовка Юрл.*).

Чирей. «Если небольшой, вечером, как солнце закатается, его три раза обведёшь указательным пальцем: «Как сучек отсохнет, так и чирей пусть высохнет». Обведёшь и перекрестишься. Утром и вечером — утром — на восходе солнца, а вечером — на закате солнца (*Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.*). «Чирей чертят. Печиной или суком, можно и ногтем, углем» (*Базуева Гайн.*). «На чирей накладывают подорожник. Лечат словами, называют Чирий-Василий. Чтобы вылечить, говорят: «Чирий-Василий, расширься пошире» (*Юм*). Когда чирей лечили, просили маленького ребенка на него помочиться (*Гайн.*). Чтобы прошёл чирей, чертили углём древесным (*Гайн.*). Если чирей растёт, надо найти на дереве сухой сук, при этом говорить: «Как на дереве сук сохнет, так и чирей заглушит». Вокруг чирья при этом водят печиной (против солнца). Также чертят печиной (кусочком печной глины) «печечмень» — «против солнышка», затем ее выбрасывают (*Гайн.*).

Шпоры. Шпоры на ногах лечат тем, что держат ноги на нагретом до горяча кирпиче; смазывая пятки уксусной кислотой, в которой растворено и настояно куриное яйцо; нагреванием ног в нагретой молочной сыворотке

(*Майкор Юсьв.*). Чтобы вывести шпору пяточную, нужно выдержать яйцо в эссенции ночь, смешать с маслом (в равных частях) и обрабатывать.

Эпилепсия. «Рысиное мясо — средство от эпилепсии. Эпилепсию вылечивал тятка. Незаметно, чтобы человек не знал, что ему дают. Оно как куриное мясо. Давать одно мясо рысиное, варить и кормить незаметно». (*Зап. от Булычевой К.А., 1928 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*). Эпилепсию лечат, применяя в пищу мясо дикого голубя (*Миронова Юрл.*). Насечь сучья таволги и положить в чугунок, внутрь положить блюдце, сверху также закрыть блюдцем или крышкой, промазав щель глиной. Затем на земляной бане выгнать сок. Этим чёрного цвета тёплым дегтем поить больного по чайной ложке. При этом обязательно запивать парным молоком (*Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.*).

КОЛДОВСТВО, ПОРЧА, СГЛАЗ

Колдуны

«Колдунами становятся тоже от колдунов. Читают книгу «Магия». Если её читать, кто крепкой — выдержит, а нет, дак даже с ума сходит. Она страшная. Им. говорят, эту книжку только ночью читать надо и в бане, одному. Попробуй-ко де, там такая собака выйдет, рот распелит, и во рту огонь горит. И заставит: вот иди туда, зайди; не зайдёшь — колдовство не пойдёт, а зайдёшь — можешь ума лишиться и всего остального. Но это уж кто такие настырные, крепкое сердце, те идут» (*Ефремова Юрл.*). «В колдуны встают — надо в бане, говорят, кошку съисть, чёрную, чтоб пятна белого вовсе не было, и у ей есть косточка невидимая, её берут и колдуют» (*Тими́на Юрл.*). «Когда передают колдовство, кто примат, должен идти в баню и лезти в каменку. Надо в огонь зайти, прямо в топку. Говорят, зайдет и выйдет как не бывало из печки-то человек» (*Юм Юрл.*).

«Тоже помогает от нечистой силы, если в доме кажется, когда кадят ладаном окна и дверь, кладут на них крест» (*Тими́на Юрл.*).

«Худеет человек, значит, с покойника напоенный. Когда в передний угол выливают воду, которой обмывают покойника, колдун эту воду собирает и ей поит людей. Меня поили с покойника водой, я очень сильно болела. Ой, как болела, стынешь, как покойник, кровь в тебе застывает. Дедушка меня один, пермяк, лечил. В кружку налил квас и чё-то крестил, наговаривал. От одного косяка в доме, от другого дерево копнёт и тут положит и подаст пить. А тот-то, с которого водой-то поили, за мной бегаёт, как только усну. То с ножами, то ещё с чем. Плохо я стала спать. А вот дедушка вылечил. По мне горошки бегали потом, дак это вода с покойного уходит. В бане меня парили, тоже горошки бегали. Выходила вода от покойного горошками» (*Юрла*).

Колдун может насадить на человека рак, для этого он пускает по ветру мыльные пузыри (из мыла, которым обмывали умершего от рака) со словами: «Упадет — сядет, достанется рабу божьему (имярек)» (Юм Юрл.). «Слышали, что человека могут которые обворотить. Одного де парня старик один знаткой, парень в институте вовсе учился, дак он его в зайца оборотил» (Ананькина Юрл.). «Порчу на людей как наводят? Баба тут была. Вот, пришла на похороны, с бидоном, ходит, подстригает умершего, волосы, ногти украдкой возьмет. Потом людям подмешат — и вот у кого приступ, кто застрелится» (Осинка Юрл.). «Тряпку с покойника, которой руки завязывают, если не сожечги, колдун себе берёт, потом чё-то с ей делает людям» (Осинка Юрл.). «Пересекёшь колдуну дорогу взад-вперёд с пустыми вёдрами — он тебе и посадит килу. Огнёвку вывешивают над дверь от колдунов и от нечистой силы. Тоже утром надо съедать наголодно лепестки от её, от огнёвки, возьмёшь маленько и съешь, и от колдуна тебе не будет ничего. От колдуна, чтоб порча не попала, или в чужом месте пьёшь, надо через палец пить, надо большой палец прижать к чухе и так и пить» (Тимина Юрл.).

«Колдун с колдуном беда не ладятся. Я слышала, чтобы колдун колдуну напортил, дак он залезат к ему на крышу, на дом, и тёс сбрасывает» (Юм Юрл.).

О порче

«Старик был, у его в голбце семь штук сидели порчи-те, он их всех раздаривал, кому кака достанется. Одной баушке досталась, дак баушка стала нечисто говорить, *сюськать*. Старуха и говорит порче-то: «Я тебе питьё с молитвой подам, ты и подохнешь». А порча-та ей и отвечат: «Я умная, по горбочку у тебя скатюсь, как по желобочку» (Пож Юрл.).

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В памяти местного населения хранится немало рассказов о нечистой силе. Былички о домовых, русалках, лешем, шишочках имеют зачастую не только развлекательный смысл — в них устанавливаются определённые правила поведения в доме, в лесу, на охоте и на реке, т.е. так или иначе эти рассказы включены в повседневную жизнь.

Не все мифологические персонажи отличаются определённой конкретностью. Таков, в частности, *каян* — о нем мы знаем лишь, что это существо, которым пугают детей (Зарубина Юрл.). Другие, напротив, представлены в многочисленных быличках в своем внешнем облике (см. ниже самые разнообразные сюжеты о лешем, который то помогает охотникам, то предвещает беду; подробности внешнего облика русалок и пр.). Повсеместно верят, что «причудье — оно к недоброму. Если чё покажется, это перед бедой» (Ананькина Юрл.).

Еще недавно местные жители верили, что нельзя даже говорить о нечистой силе. Если человек расскажет кому-нибудь о домовом или лешем, то они нашьют на него порчу; если колдунам перейти дорогу, то случится беда. В определенное время (на Святки, в Великий четверг) нечистая сила считалась особенно опасной, поэтому перед Пасхой на всех дверях в доме и под окнами углем рисовали кресты чтобы отвести болезнь и порчу. Обилие рассказов об этих сезонных духах привело к тому, что и названий для них несколько. Их называют *шишами*, *шишочками*, *шишиками*, *шишигами*, *чертями*, *мелконькими* («У мелконьких-то, бают, свадьба в святки-те, они на лошадях де ездят, шиши-те» — Юм Юрл.).

Сюжеты, представленные в разделе, в целом характерны для Русского Севера, а в ряде случаев соответствуют мотивам финноугорской мифологии.

Среди русского населения Коми-Пермяцкого округа широко бытуют рассказы и поверья о мифологических персонажах — духах леса, воды, построек. Обычно в устной прозе повествуется о событиях, происходивших с рассказчиком или его родными, знакомыми. Визуальное, звуковое, тактильное явление мифологического персонажа определяют следующими эпитетами — *приказмилось*, *приблизило*, *вержится*, *причудье*. То есть, подчеркивают их призрачный характер. Представления о сверхъестественных силах не утратили своей значимости в настоящее время. Актуальными остаются прежние традиционные неписанные нормы, обычаи и обряды.

Состав пандемониума русских рассматриваемой территории представлен типичным для современного Русского Севера персонажами — леший, водяной, полевой, домовый, банник, святочные духи, колдуны и *икотка*. К демонологическим представлениям относятся также рассказы о являющемся кладе, цветке папоротника. Известны русскому населению такие персонажи как *каяны*, *каляны*, огненный змей, *Ягижна*, которые характеризуются как злая нечистая сила.

К основным персонажам наблюдается двойственное отношение, как и к природным стихиям, объектам, связанным с ними. С одной стороны, присутствует опасение потеряться в лесу, утонуть в воде, заболеть после купания и т. д. С другой стороны, ценится практическая значимость природных богатств, жилых и хозяйственных построек. Двойственное отношение к мифологическим персонажам выражается в названиях духов (*сатана*, *страмина*, *черти*, *бесы* и *лесной дедушко*, *банна парушка*, *домовёнок*), в ритуалах (читают молитвы, используют крестное знамение, острые предметы и другие обереги и оставляют угощение, просят разрешение посетить лес, баню, зовут домового на новое место жительства), в роли персонажей, их характеристике (например, лесной и водяной описываются в одних случаях нравоучителями, в других — антагонистами человека, противниками христианского Бога).

На представления о демонических персонажах оказали влияние природно-климатические условия местности, хозяйственные занятия и этнические контакты. Богатство лесных ресурсов, необходимость их использования

в повседневной жизни обусловили широкое распространение поверий о лесном духе. Подобно коми-пермякам русское население проявляет почтительное отношение к данному персонажу, сохраняет обычаи традиционного народного этикета при посещении леса: «В лес заходишь, перекрестись и хлебушко на пенек положи, тогда ничего тебе дедушка лесной не сделает, никуда не уведёт» (*Чуртан Гайн.*). Уважительное отношение проявляется, в частности, в обращении к лесному духу, юрлинские русские называют его по имени и отчеству: Вихрь Вихрович, Виктор Викторович, дядя Виктор, Еврей Евреевич, Теретей Теретеевич. С другой стороны, двойное повторение имени является средством усиления магии заговора¹. Русские наименования персонажей часто имеют аналоги в коми-пермяцкой традиции – *большой, дедушка* (о лешем), *каляны*. По местным поверьям, лесной дух помогает охотникам, грибникам, пастухам, водяной влияет на работу мельницы. Считается, что с нечистой силой знают колдуны и знахари, они имеют своих духов-помощников.

Для разных групп русского населения Коми-Пермяцкого округа характерны специфические черты. Некоторые из них являются общими с обычаями коми-пермяков тех же территорий. При этом русская традиция не совпадает полностью с коми-пермяцкой, сохраняется этническая особенность представлений о мифологических персонажах. Нужно отметить, что большинство коми-пермяцких мотивов общие с русскими. Локальные варианты обычаев и поверий позволяют выделить элементы, появившиеся в результате взаимодействия двух народов. Например, русские Юсьвинского района, как и коми-пермяки, при блуждании в лесу пролезают сквозь прорубленное вдоль ствола деревце (*Городище Юсьв.*), юрлинские русские при пропаже скота пишут письменное обращение к лесному духу, а кудымкарским (*Живые Кудымк.*) известно коми-пермяцкое название данного ритуала – *кабала*, гайнские и косинские (подобно северным коми-пермякам) вину за пропажу животного возлагают на умерших родственников и используют для определения его имени обряд *черешлана*. Общими с коми-пермяками являются представления о том, что лесной-вихрь может увести человека, сожительствовавший с женщиной, что лесной дух живет в трёхстенном доме (у коми-пермяков подобный мотив зафиксирован в Гайнском районе), появляется перед человеком в виде всадника на светлом коне. Влиянием соседнего народа, возможно, обусловлено широкое распространение болезни *икота* и представления о ней. Верят, что насланная колдуном *икота* вырастает в человеке и обретает вид ящерицы, лягушки или рыбы, то есть хтонических по происхождению представителей местной фауны. Судя по рассказам очевидцев, русское население часто обращалось к известным коми-пермяцким знахарям, то есть активно воспринимало и заимствовало иноэтнические традиции.

¹ Головачева А. В. Картина мира и модель мира в прагматике заговора // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. - М.: Наука, 1993. - С. 196-211

Своеобразными, в отличие от соседнего населения, сохраняются номинации персонажей (*лиший*), их внешние черты (леший в виде птицы, водяной дух с зелеными волосами). Особенности русской традиции можно назвать представления о духах-помощниках колдуна, множество ритуалов, связанных со смертью «знающего» человека, которые не известны так широко коми-пермякам. Отличаются некоторые охранительные приёмы, например, использование против колдуна последнего «вяза» от санных полозьев, дубовой дуги. Специфическим для русской традиции можно назвать мотив о приходе смерти как мифологического персонажа. Русским Гайнского района был известен обычай – *отпуск* – специальный обряд, по которому пастух заключал договор с *лешим*: «Отпуск делали. Соль да насыпать на траву. Каки-то слова, наверно, надо. Пирогі носят эдак, когда потеряется скотина» (*Базуева Гайн.*). Данный обычай был хорошо известен на Русском Севере¹, в данной местности сохранились лишь отголоски о нём, в том числе среди коми-пермяков.

Образы демонических персонажей часто использовались в воспитательных целях. Мифологические представления регулируют отношения между людьми, определяют социальные роли, поддерживают хозяйственные, нравственные и экологические принципы.

Лесной

Этикет. «В лесу нельзя спорить, заблудишься, леший дорогу украдёт» (*Городище Юсьв.*). «Говорят, не ругайтесь, про дедушко лесного не вспоминайте». (*Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.*). «Христос аминь, – скажешь, – спаси Господь. Токо чё наберу если грибочки: «Спасибо, лесок-батюшка, спасибо за грибочки». (*Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.*). «Внучек у меня перепугался, когда я его ругала. А зачем ругаться в лесу, нельзя ругаться, а то вот и плутаешь-ходишь. Все лесного какого-то поминают. Его никто не видит, он такой невидимка. Бог не велит, чтоб показался, пусть он своей дорогой ходит. Он де нехороший, говорят. Вот когда ветер сильный, может унести. Сильный ветер-то, буря-то живёт – это леший, вихрь называют (*Таволожанка Юрл.*). «От легшего молитву читаешь: «Бог, носи меня!» – под Богом и ходишь. От легшего надо хрест натянуть, если без хреста, без пояса, хоть ниткой, булавкой, тогда черти не так декуются». (*Зап. от Копытовой Д.Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.*). «Если находишься в лесу, ты должен спросить муравейник или любого, кто встретится по дороге: «Э, куда товарищ идешь? Тебе другая дорога, а мне другая!» Тогда в пути все хорошо будет». (*Зап. от Копытовой Д.Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.*).

«Заколдованные» места. «Лес переходить, осенники называются, тут даже трактора когда поедут, – заглохнет трактор, ничё не могут сделать.

¹ Мороз А. Б. Севернорусские пастушеские отпуска и магия первого выгона у славян // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 232-258

Или трактор не везёт». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракшино Кудымк.). «У нас дядя был Григорий. Он когда-то ехал с Пятигоры. И вот ему в сани-то кто-то сел. И он всё до Несолей, до деревни... А тут-то у нас тётка была. И вот он тут и заехал: хоть гоните, никуда больше не поеду-де. У меня старику тоже помолодось. Тоже ехал оттуда. И старик, не старик тогда ешо был, он де попросился там, меня де возьми с собой. Соль ли чё ли он вёз с Пятигор. Езжай де. Лошадь де молодая у меня. Поля-те проехали токо, лес-от заехали, вот де кто-то и кричит: «Стой, стой, стой»! А старик-от мне де токо бок тычет: «Езжай, не останавливайся». А тожно де проехали да: «Ты бы остановился – и не приехать бы было». Вот страм какой». (Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.).

Встреча с лесным. «Лесной есть, слышали, его зовут дядя Виктор. Соседка тут жила, он к ей ночью ходил. Ходил и чужим голосом разговаривал: «О-о-о»! Она говорила, с ним разговариваю, а его самого не видно. Дедушка лесной пришёл, слыхала, – это к пожару» (Сергеева Юрл.). «Леший, говорят, как человек, только беда длинный» (Базуева Гайн.). «Крохалев Николай у нас охотник был, он видел лешего – с ёлку, говорит, рост. Идёт, свистит, как скота переганивал – волков. Потом, говорит, посмотрел – как обычный мужик, в лаптях, шапка опушенная, рукавицы заткнутые за опояской» (Пожва Юсьв.). «Сестра задавала скоту ночью. Смотрит, на дороге леший стоит, волосы такие длинные, босой. Сестра молитву начала читать, а леший сразу в лес убежал». (Зап. от Тепловой Р.П., 1935 г.р., п. Пожва Юсьв.). «Лесной, быват, в черном кажется. Он тому только видится, кто его боится. Такой высокий мужчина» (Пож Юрл.). «Леший кажется как белый ягненок, тут у пруда, на пригорке» (Лобанова Юрл.).

«Леший на белой лошади, грудь в ремнях, покажется – это к беде, или пожар будет. Ночью пахали как-то, отец сказывал. И вот он лёг отдохнуть, уснул. Назавтре приезжает домой и рассказывает, что будто ехал он на лошаде, то на белой, то на вороной. Был в доме каком-то, там все чего-то делают, всё стрипают. Вез его дедушко, леший, видно» (Васькова Юрл.). «Случай был. Я пашу, а леший по полю идёт. У него пинжак, пуговики. Я не забоялся, по бороздке иду: «Куда ты, Еврей Евреевич»? Он говорит: «Вот, мужика ишу». Сам одет – пинжак, пуговики зеют, огнём горят» (Таволожанка Юрл.).

Лесной-вихрь. «Вот он ходит, воеет по дороге, пыль столбом идёт. А вот он идёт, надо говорить: «Чур нам, чур нам. Дедушка идёт – чур нам, чур нам». Перед бурей он идет. Столбом вьёт». (Зап. от Ивановой М. Н., 1932 г.р., с. Усть-Зула Юрл.). «Как верёвкой, кверху вьётся вихрь-от. Может загнать в трущобник, в лес. Тут было корову гонял, гонял. Надо домой в деревню идти, а она ни в какую не может, он загнал её в арай – топкое место, грязь, и корова сдохла» (Тимина Юрл.). «Запуки были, приговаривают, лесной де есть, вихрь называют. Ни с того ни с сего и закрутит, и закрутит. Человек двадцать раз были на поле. Вот он поднялся, вихорь. А копельник делали. Накопили, а он его поднял, метров сколько – кто его знат. Сколько

поднял сена — всё небо закрыл, копну за копной только вертит. Только половину собрали» (*Тимина, Юрл.*) «Один старик, видно, видел. Тоже чё-то, видел, да не к добру это. По старице ехал, он эдак встал и не пускат. Он как человек же, большой, де. А тожно сено гребли, как копну схватит, даже через Каму перебросил копну сено. Вот страм». (*Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.*).

Предсказатель судьбы. «Как отца забрать на войну, мне только еще двенадцать было, меня мама по коров послала в лес. Я иду и слышу — будто бы коровы ходят под угором. Я туда. И тут из-за дерева выходит старичок. Сам весь в белом, а коленки опять грязные, чёрные. И мне говорит: «У тебя мать умрёт». Я испугалась, и бежать. Вниз прибежала — а там никаких коров нету. Это мне приказмилось только. А потом отца забрали, погиб, и мама скоро вовсе умерла» (*Майкор Юсьв.*).

«Про лесного я могу только сказать от своёва отца. Но это он увидел не к хорошему. Раньше кони пускали. Кони ходили по лесу, а утром за ими надо, на работу ведь. Он взял узду и пошёл. Идёт, говорит, идёт женьшина не женьшина, мужик не мужик, босиком, узда в руке такая большая, говорит: «Дяденька, не видел моих коней»? Я, говорит, сказал, нет. Сам, говорит, напугался так, молитву в душе читал. И она идёт босиком по сучьям, токо сучья трешат. Но это он увидел не к хорошему. Раньше мологили молотилками ведь. Он в барабан подавал снопы. Примерно через неделю закрутило его тут. У его рёбра сломало, чуть не до смерти не убило. Это, видимо, привидение — не хорошему». (*Зап. от Зюздинцевой А.А., 1923 г.р. д. Ракино Ку-дымк.*).

«Такая буря поднимется, колды на покосах гребём, бывает, дак всё сено кругом завёртывает, кверху поднимает. Бают: «Вот дедушка лесной». «Чур, наш! Чур, наш, — бабы рявкают, — чур наш, чур наш». Он сделат, тихо-тихо на землю всё сено, вся грава спускается. Это тоже у нас парень был. Солому стали собирать в стога, жниву ржаную, возили волокуши сена. И вот, летом на поле уведут коней, боронили как, коней-то к ночи уводили на поля, кормили. А он конюхом был. И рассказал матери, что, мама, говорит, я сёдня видел, на такой де на белой лошаде проехал мужик большущий, такой де толстущий, грудь вся в ремнях. Потом матери сказали, что не к добру это. Это дедушка лесной ему де показался. А правда, жнива-то стала, он, сын-от, поехал солому собирать на волокушах, стога-то метать, и его задавило. Он на волокуше поехал, волокуша-то повалилась-повалилась, и он под солому попал. А трактор волокёт, и всё — умер парень. Не успели достать. Вот ему не к добру это показалось». (*Зап. от Сакулиной К.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Лесной песни поет. «Бывает, чудится, что в кустах кто-то песни поёт. Наверняка, это ведьма. Вот у брата жена, шла она от речки Сёйвы до Щепенской дороги (там частая вода). Идёт и слышит, баба песни распевает. Только до дому дойти, тут петухи как запоеют. И всё утихло» (*Сёйва Гайн.*).

«Знакомый у меня. Он охотился в лесу, он охотник-то. Ну, уже вечер. А ему надо спать уже. Ну, и далеко это от деревни. Избушки раньше делали. Он там спал. Охотники делали избушки. Ну и вот, зашёл в избушку, печку затопил, там печки есть маленькие, как это греться. Рассказывал потом. “Ну, женщина поёт, — говорит. — Откуда? Я знаю, что никого тут людей негу-ка”. И уже осенью было или что ли. И никто уже не ходили, не собирали грибов, ничего уже это... Ну, поёт, так куда с добром. Лесом — куда так поёт, идёт! Что это говорит такое»? Ну, он это задумал, сидит в своей избушке. Собаки лают. Выскочил — никого нет. Собаки бегают, ревут, а вокруг дома никого нет. А эту песню-то она поёт, а сама-то, видно, не показывается. Ну, и потом, говорит, зашёл обратно в избушку. Спать ложиться, слышит — ву-ух, вся крыша съехала. Испугался. Вышел, пошел посмотреть наутро — вовсе на месте крыша. Вот так его пугала» (*Сёйва Гайн.*).

Лесной — хозяин. «Тетка пошла в лес мох собирать, видит, мужичок подходит и говорит: «Собирай, собирай мой мох»! Она испугалась и говорит: «Не нужен мне твой мох. Я в другое место пойду его собирать». И ушла от мужика прочь». (*Зап. от Бошинской Е.Г., 1917 г.р., п. Майкор Юсьв.*)

«Леший представился в виде дедушки. Доброго, причем, дедушки. Водил ее с собой за ручку и показывал: вон, твоя деревня, вон твой дом. И он стоит — вся эта деревня, особенно твой дом на твоей дороге, поэтому я тебя пригласил в гости. Бабушка говорит: «У лешего есть дорога прямая. И если на этой построить дом — скот не поведётся, семья не поведётся». Нельзя никак узнать только по несчастьям определяли старики-то». (*Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., с. Пож Юрл.*).

Лесной дорогу отнимает. «В лесу нельзя ругаться, лесного поминать. Вот за грибами ходишь, дорогу найти не можешь, наверно, леший водит. В лесу заблужаешься — и ходишь, и ходишь. Приметку тут уж положишь, отметишь, вот тут чё-нибудь оторвёшь, заломашь. Походишь — опять придёшь тут же. Это он так крадёт дорогу. А потом выворачиваешь платье и выходишь на дорогу» (*Ефремова Юрл.*). «В лесу, ты знаешь, тебе надо туда идти, идёшь-идёшь, выходишь опять на то же место. Опять пошёл, идёшь, выходишь. Если чё — до трусов надо выворачивать все на себе, чтобы выйти. Вот и зимой все надо выворачивать, сперва шапку выворачиваешь, потом фуфайку. А летом и до трусов иногда приходится» (*Бадья Юрл.*). «Заблудишься, дак опять платок повернут, повернут визиточку налево, тожно дорогу найдёшь. С сапога стельки повернут. Подыграл, де кто-ко, подыграл. Вот, видно, который в лесу живёт. Вот он, страмина». (*Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.*).

«Заблудились раз. Тут одна-то ходок, здоровая женщина такая, в годах уже, она говорит: «Есть у вас ножики»? — «Есть один», — отвечают. — «Дай сюда». И так в кусты одни какие-то. Взяла она, ножом прорезала до корня, сколь смогла, от ветки до корня, и прошла сквозь: «Идите все за мной, возле не ходите, только старайтесь все за мной». Вышли — и тут тропка» (*Городице Юсьв.*).

«Все говорят, леший понёс меня. Я всегда прихожу из дому, сразу голословлю. У нас одна ходила всё одна. Пошла один раз, говорит, меня бох сунул сюда. И ходила, ходила, зашла с той стороны, а вышла в пермяцку сторону. Сидела, сидела. Пришла домой, говорит, молитву читала, больше я не плутала, я иду, бога с собой беру, у бога прошу, бог выведи меня на путь, на дорогу». (Зап. от Фадеевой А. А., 1926 г.р., д. Ракшино Кудымк.). «В лесу тоже, говорят, теряются, прятают дорогу. Дак одна женщина говорила: в лес заходить — надо чё-то сломать ветку, чтобы обратно-то выйти, чтобы дорогу не спрятали». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

Лесной людей уводит. «Потерялась девка в лесу, три дня искали, уже и надеяться перестали, как приводит ее женщина, а девочка-то и рассказывает, что сидела на ёлке, слезть боялась. Под ёлкой сидел старик бородатый и слезть не давал. Она увидела, как женщина идет, и стала ей платком махать, та подошла, а старик исчез. Когда она ту ёлку показала, никто не поверил, что ребенок на нее залезть мог, ствол-то до середины голый!» (Зап. от Волкова П.Н., 1938 г.р., п. Пожева Юсьв.).

«У нас на лесоучастке повар была, носила нам обед. Как-то нас накормила и ушла. Мы вечером домой — её нет. Нет сутки, двои. Все работу бросили, искали ее, а не могли найти. На трети сутки пришла, вся измученная, полусерая, не спала нисколько. Говорит: я шла-шла берегом, раз — большущая ёлка, и река потерялась. А в другую сторону дорога — прямо как карта. Я ведь знаю, что мне не в эту сторону, а вышла на дорогу, прошла сколько-то, потом сошла, тут речка. Я села под ёлку. Смотрю, под ёлкой два ведра, коромысло, поварёшечка, тарелки. Ну, я села и сижу. Тут ночь приходит, темно. Слышу — кто-то со мной говорит, а никого не вижу: «Выйдешь за меня замуж — будешь хорошо жить». А я слыхала, что с ним нельзя разговаривать. Так вот и просидела. Только на трети сутки отпустил» (Юрла).

«Мальчик как-то потерялся маленькой. А на Михайлов-от день у меня муж уехал с вечера на праздник. А я, утром рано светать стало, и побежала. И вот мне-ка и, и думаю: вот бы, мол, и покажись парень-от. Вот чё-ко дикой ум. А лесу раблывали тамо, вагонками возили лес. Вот они только — голь-голь-голь-голь — прямо тут перед меня вроде и бежат, тут и бежат эти вагонки-те. Вот, видно, чётоса и есь. Не нашли, так и потерялся. Искали, ходили, ой, как искали. Поминали, де. Вот в котором мисте потерялся, туда ходили, поминали. Подарок-от они нашивали, оставляли тамока обед, и чё не делывали, чё не делали, но ничё не вышло». (Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.).

«Парень, пять лет было, терялся, лесной его уволокивал, дедушка. Два дня дома не был, мать пирог в лес уносила, на роستانь клала. Нашёлся потом парень, сказывал — иду де иду, перед меня птичка летит, так и завела в лес. А это все равно уж лесной его к себе брал» (Поже Юрл.).

«У нас в Ананькина вот парень, сидел как-то на крылечке, лапти плёл. И вдруг около дома пыль столбом. Парень сматюкался и коточик бросил:

«Вот тебе, дедушка лесной!» И тут же сам исчез, его вихрь как-то завил. Дак целую неделю искали. Потом пришёл, дак всё до нити на ем было изорвано. Рассказывал: «И где только меня дедушка лесной не таскал, по всем ёлкам, вершинам, с ёлки на ёлку...» (Юрла).

«Кто потеряется, разные молитвы творят, приносят пироги в лес, на пни накладывают с тем расчётом, чтобы вернул корову, телёнка. Один у нас потерял папана. Дак везде письма разбросали, и вот кому-то на глаза он попал. Домой привели. Рассказывал, что жил в лесу, тётя и дядя кормили кашами...» (Тимина Юрл.).

«Лет восемь назад потерялись три мальчика. Двое, видно, что-то нашкодили, и матери отправили их и сказали: «Иди ты к лешему». А третьего мать отпустила и сказала: «Иди с богом». Их ждали, но они не вернулись. Две недели искали. В лесу на берегу ручья через две недели нашли одного, того, которому мать сказала: «Иди с богом». А рядом с ним огромный след во мху. Как ни спрашивали мальчика, он на все вопросы отвечал, что ему не велено говорить ничего, что он слово дал. Даже теперь, когда он вырос, он об этом никому ничего не говорит. Его и подпаивали, и ругали, и добром просили. На все у него один ответ: «Мне нельзя говорить, я слово дал». А когда при нём начинают про лешего говорить, он уходит прочь» (Пожева Юсёв.).

«Мы с подругой шли с покоса, а дорога шла через болотину, плохо идти-то. Она споткнулась и упала. «Фу ты, — говорит, — лешак тебя понеси». А рядом будто протопал кто-то, так: тята-ляпа, тята-ляпа, тята-ляпа. Встала, идём дальше, как вдруг мужик из-за камышей выходит, огромный, высоченный такой, в фуражке. Лицо у него противное, без бороды, но глаз я не рассматрела, высоко больно было. На ноги я тоже не рассматрела, говорят, там копыта. «Давайте, — говорит, — я вас короткой дорогой выведу. Сам-то я сына потерял, ищу». — «Нет, — говорим, — спасибо, мы уж сами». И пошли. Дак всю дорогу рядом в камышах кто-то шлепал: тята-ляпа, тята-ляпа, тята-ляпа».

«Когда-то вот я слыкала же, женщина своёва сына ругала. Такой витер стал, викор поднялся, и парня-то потащило. Потащило далеко, через поле утащило. Она стала причитать молитвы: «Пусти, батюшко Бог». — И парень-от на землю-ту пустился». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

«Если родители прокляли ребёнка, то он попадает к лесному. Корова или еще кто зайдёт в лес, а обратно дорогу найти не может, вот это и называется *под дедушку попасть*. Читают молитву, когда идут искать человека или скотину. Молитва особенная. В лесу на пенек кладут пирожок или хлебушко с молитвами». (Зап. от Ивановой А.В., 1923 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Лесной скот уводит. «Пастушили мы коров, сто голов в лесу. У нас доярка была Меньшикова, она сильно ругалась такими бранями. Видимо корова не давалась доить, она поминат там лешего. У нас корова домой не

пришла из леса. Мы ночью ходили, искали корову. Она у нас как руганная корова, руганная, она у нас не идёт дорогой. Где плохие места, она всё тут идёт. Одва её выгнали из лесу. Нашли её, дикой луг называться в лесу, она на этом лугу ходит и никуда не выходит». (Зап. от Зыковой Е.М., 1927 г.р., д. Ракино Кудымк.).

«Записку пишут этому большому-то человеку – лесной называется. Пишут на бумагах наверно. Терялся телёнок, как дикой делался. Дикой, дикой такой, его только из ружья били, а так-то не могли поймать его. Диконькой делался, малоохольный. В лесу жил все лето до самой заморозки. Лесовать мужики пошли, да нашли его и из ружья убили. А пишут записки лесному, записку положат, так он выйдет. Ручкой пишут, этому мужику лесному запишут: «Отпусти нашу скотинку, не держи нашу скотинку». Кладут на такое место: кто на пень, кто куды. Рыбный пирог пекут и кладут на пень. Надо писать слова задом наперёд на бумажке. Три бумажки надо». (Зап. от Трушниковой Е.И., 1912 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

«Помощник говорят есть в лесу. Кто потеряется, он де помогает искать, хоть человека, хоть скотину. Надо ему писать грамоты. Напиши и на пенёчках оставь. Мол, помощник, помоги найти того-то» (Пож Юрл.). «Там у нас в Липухиной корова убежала в лес, телилась в лесу. Домой придёт, телёнка нет. И вот так десять дней телёнок жил в лесу, а она то придёт, то не придёт. Так мне тоже люди писали письма. Придёт, я ее подою. Уйдёт, опять с телёнком там спит. А потом через несколько дней телёночек стал уже ходить, она его стала выводить в деревню» (Зарубина Юрл.). «Скотина потеряется, писали на бересте дедушке лесному. «Дедушка лесной, нам верни скотинку». Говорят, надо на пень положить хлебушко, налить водку, поставить на пенёк бутылочку, что вот, мол, дедушка лесной, мы тебе принесли еду, нам верни скотинку. Наверно, Еврей Евреевич звали» (Пож Юрл.). «Вот у нас 24 ночи был бык, полтора года было быку. Он у нас влез в болото. Коровы ходят – он не выходит. Под лешим быд, не под лешим-то, под лесным. Стали ворожить. Бумажки бросали, писали. Ездили к ворожейке. Бросала и говорила, что, мол, он у вас живой, с лесным. В бумажках писали: «Вихрь Вихрович, отдай телёнка живого или мёртвого, а то я на тебя подам в суд». И эти бумажки вот свертывали и бросали по росстаням». (Зап. от Ивановой М.И., 1932 г.р., с. Усть – Зула Юрл.). «Как говорят не письмо, а камбалу как-то, кабалу ли [пишут лесному]. Слыкала так, у старшик». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

«Чтоб леший вернул корову, надо оставить на пенёчке кусок хлеба с солью» (Чусайнов Хутор Юрл.). «Тут опять коровы спрятались. Тринадцать коров не пришли. Нидилико не были дома коровы. И не могут найти коров. В Пронино кака-то старука была, она ворожила. Вот они ушли ворожица-то. Говорит, испеките рыбнэй пирог и чакушку вино, и поставьте на пень, положите, с молитвой. Зачем, говорит, когда корову пускала, босиком была и смеялась? Босиком не надо скота пускать. А вот чё-то причина, видно. Вот и

спрятал, видишь, корову-то как. И потом этот пирог-от унесли. Видно, коров отпустили, пришли домой коровы-те. Пришли, они чё, дойные, присокли коровы-те. И совсем де недалёко были, в лесу кодили». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

«А тут женщина Лида, она жила, замужем была в Подгоре. Вот у ё корова не пришла домой. Она ушла по корову-то, искать с соседкой. Вот, говорит, коровы-то кодят у соседей-то, у её нету корова-та. Вот сказали тоже ворожейкой: иди, может, корова-то выйдет к коровам. Но чё-то ей наговорили, не знаю, какими словами. Ушла, говорит, гаркаю корову-та, по имени называла. Потом, говорит, такой витер поднялся, витер, и ёлки до земли стали загибаться. У её быть-то тоже лесной прятал корову (но, слыки-те). Такой витер стал, я, говорит, соседке говорю, давай уйдём или ляжем, нас убьёт. Потом утикло, ёлки стоят на месте. Корову-ту её гаркать велели, она стала гаркать. И корова-то, вроде, вышла. Ночи дви ли три у неё корова не была тоже». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

«Скотина в лесу заблудится, надо говорить: «Чур божий, чур нетуший, чур мой телёнок». Много раз говоришь». (Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.).

«Знаются» с лесным. «А которые пастуки знающие. А если нет, чё-ко знают, чтобы оне собиралися — посыпают соль на траву, оне тожно на это место грудятся. А знающие, они, видно, слова какие-то знали, чтобы коровы никуда не шли далеко. Были эд такие люди. А вот он [лесной] если помогат, потом корову возьмот. Корову задушит. Где-ко корова в грязи утонет или стравится, мидвидь съест. Они, видимо, договорятся, страм, я не знаю, как они. Это раньше-раньше говорили». (Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.). «Кто знаетса, хорошо пасти. Все коровы никуда не ходили. Она всю жизнь пасла. Её звали Катя Пастух». (Зап. от Юсовой А.П., 1929 г.р., д. Филаево Кудымк.).

«Дед мой рассказывал. Пошёл он как-то на охоту. Пару рябчиков хряпнул. Вдруг выходит из лесу мужик с бородой, а в руках у него ни ружья, ни мешка. «Ну как, — спрашивает, — много подстрелил»? — «Ну, не жалуюсь». — «А вот давай-ка посмотрим, какой ты охотник». Сказал и на березу, на сучок, краюху хлеба повесил. Ну, дед усмехнулся, вскинул ружье, а на хлебе лицо матери его, недавно умершей, проступило. Он ружье бросил и больше в руки не брал. А старик сказал: «Плохой ты охотник». Развернулся и пошёл прочь». (Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., п. Пожва Юсьв.).

«Дедушко у нас был, дак мы без мяса не жили. Он в лес пойдёт, штук десять зайчёй принесет за плечами. И уток, и кого только не носил. Придёт домой. в какой-то день скажет баушке: «Надо стол накрыть». Старая всё делает, как он велит. Дедушко за столом сидит, с кем-то разговариват, угощат кого-то, а кого, мы не видим. Потом говорили, что когда умирать дедушко стал, дак мучался шибко, печку всю руками расклат, все ногти в крове были, вот как он его мучал, бес-от» (Келич Юрд.).

«Деревня Балда, там жили дедушка с бабушкой мои, в самом лесу. Я приеду к им, а они знались с этим лесным-то. Дедушка говорит баушке – завтра к нам гость придёт. надо барашка заколоть. Старуха брагу наделает, всё приготовит. Наутро приходит парень – такой здоровой, чуть не до потолка, грузной. Садится за стол к окошку. Он этого барана всего съест, а косточки в окошко выбросит. Кринку браги выпьет. Баушка говорила – зато мы с делом никуда далеко не ходили ни по грибы, ни по ягоды. Только пойдём – как насыпано. Иной раз собираю, фур-р-р – падёт прямо в руки *полюшка*, ну, рябчик. Баушка говорит: Ну, дедушка лесной опять нам добычу оставил» (Юрла).

«Кто с лешим знатся, надо его кормить. Ему голову надо. Кто-нибудь да может погнуть в лесу» (*Базуева Гайн.*). «Бабушка одна ходила с лешим. Он провожал ее до дома. Она ночью идёт. Она ходила горбатая, берёт, несёт удочку длинную. Он её домой провожал. Она не боялась» (*Пож Юрл.*). «У нас Марьяна была тоже. Она одна косила, одна гребла. Она зналась с дедушкой лесным. Он так её измякот, когда придёт, чё-то досадит да. Она не один день лежит. Всё делала одна. Одна ничё не сделаешь. Косить надо, стрести, сносить, сметать. Чё ты один сделаешь? Ей он всё помогал. Если она знат словами, значит, знат. Словами всё знают. Полька михеевска приходила Марьяне-то, она рассказывала мне. Смотрю, говорит: «Он приходил, до потолка. Ой-ё-ё, ой-ё-ё. Я перед печь убежала, Воскрёсну молитву зачала, гляжу, – вышел из избы». (*Зап. от Юсовой А.П., 1929 г.р., д. Филаево Кудымк.*).

«Лесной – такой же человек, только бровей нету. Лесной бабу таскал. А она замужем была. Мужик умер, она снова вышла замуж. Родила парня, не знаю от кого – от лесного ли? А у них корова, поросята. Она ходит за ними. А лесного-то маленько *прогагарит*, невовремя к нему выйдет – и такой ураган, трескоток идет! Выйдет, опоздала – и заходит обратно в синяках. Она сказывала: «Вечером меня лесной приводит в трёхстенный дом, кругом собаки, зайдешь дак, здоровые, на цепях. Поешь тут, попьёшь. А утром просыпаюсь под тремя ёлками». Баба эта спокойно сидеть не может, а все выглядывает чё-то на сторону. А если не вовремя приходит она к ему, он на деревню приходит, крыши снимат. У мужика по-новой крышу закрыли, строили когда, все новое было, она к ним зашла, попросилась попить, а он, видно, преследовал её, со двора новую крышу полностью снял, рядом положил в огород. Дак крыша вовсе целая, стоит». (*Зап. от Братчиковой З.Г., 1932 г.р., д. Бадья Юрл.*).

«У свагьи мужа похоронили, а она редела, а леший стал ходить к ней. А старуха на печке лежала и говорит: «Чё ты, горе, ходишь, чё ты ходишь, играешь дверьми-те»? Зайдёт – утром уедет. Вместе спят. Всё они разговаривают, что Андрей, Андрей пришёл. Потом спрашивает: «Чё ты, Зоя, с кем разговариваешь»? – «Да ни с кем я, может со сна ли». (*Зап. от Булычевой К.А., 1928 г.р., с. Усть-Зула, Юрл.*).

«Один мужик знался с лешим. Лет пять назад помер, пока он в избе был, было солнышко, баско, ни ветра, ничё. Вытащили его, повезли на кладбище, — ни небо, ни земля, ветер, так что деревья гнутся. Так его ко кладбищу стали подвозить, — ну, трещат деревья, прямо шататься, с ног может сбить, положили его на лопаты. Только его спустили, — и никакой ветер не стал, ничего. Так вот, наверно, он с лешим и знался. Которые ехали на санях — чуть с коней не падают. У нас не леший, а лесной говорят». (Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

Лесной — правоучитель. «Одна женщина из деревни хотела повеситься в лесу, чтобы лесники её потом нашли. Вот подходит она к дереву, а рядом на пне мужичок сидит, маленький и старенький, и вичкой помахивает. Только она стала к дереву походить, а старик её как начал вичкой хлестать, та бежать, а он следом. Так гнал её до дороги и все вичкой хлестал». (Зап. от Теплоуховой Н. А., 1932 г.р., п. Пожва Юсьв.).

«Там мужик живет, спросите у него. У лешего нокоть есть, в голбце держит, закопал. Видно надо чё-то ему». (Зап. от Исаевой А.С., 1928 г.р., с. Полва Кудымк.).

Полевой, полудница

«Белых всадников видели. Мать у меня с братом шли от священника, возвращались с покоса, и всадник белый, здоровый такой, на лошади, по земле стелется. Их подхватило ветром и у забора, у дома остановило». (Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., с. Пожва Юсьв.).

«Ребята бегают, убежат далёко, скажут: в лес не кодите, полудница кодит, поймат вас». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

Водяной, русалки

«Пошли мы с пацанами в лес на Гриф у Степовки. Все вперёд ушли, а я отстал. Слышу смех, и плещется кто-то. Вышел, смотрю, четыре девчонки, ныряют, купаются. Длинные волосы, русые. На голове водоросли. Девки голые, но лиц я не рассмотрел, далеко стоял, а они смеются. Я пошел за парнями, чтобы им показать, а девчонки уже не было». (Зап. от Баталова М.А., 1986 г.р., п. Пожва Юсьв.). «У русалки, говорят, волос зелёный. Видали на мельнице, сидит, чешет их гребнем» (Пожва Юсьв.). «Русалки ходили — волосы длинные, ниже спины» (Пожва Юсьв.). «Дорожил на шуку на лодке, оглянулся — сидит на берегу красивая баба, волосы чешет, хвост у её. Волосы темно-рыжие» (Городище Юсьв.). «Русалку видели которые — рыбаки. Красивая, сидит на берегу, чешет волосы гребнем, искры вовсе летят. Волосы темно-рыжие, де» (Пожва Юсьв.). «У меня девки-то все смеюша, девки-то, мнучки, ты, мол, купаешься часто, так тебя мать-русалка-то поймает. Она будто де на берег сядет, волосы чешет, патлата де, мохнатая» (Зап. от Сабуровой А.А., 1936 г.р., д. Лобанова Юрл.). «В лесу русалка есть, волосы рас-

пушены, говорят, поймать может и защекотать. Плохо, если дорогу тебе пересекёт и с тобой заговорит» (*Монастырь Гайн.*). «Русалка – это кикимора. Волосы у нее длинные, ног нету, хвост» (*Лобанова Юрл.*). «Русалка така же девка, только волосы беда долги, коса, она в речке всё сидит, а как вылетит, и побежит сразу за человеком. Она просит – остановите, мол, меня. Раньше их много было, счас нету, не слышно» (*Таволожанка Юрл.*). «Русалка – девка, глаза человечьи, сама голая, а тело в шерстинках» (*Литухина Юрл.*). «Русалку два человека у нас видели, волосы длинные, сбела, русые. Если она их расчёсывает – это к несчастью. А чтоб уберечься, не выходи на улицу, пока молитву не прочитаешь: Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь» (*Пож Юрл.*).

«В детстве пугали. Там где-то дедушки были бородастые, чтоб не купались мы в Каме, чёрные собаки там, говорит. Из-за этого не научились купаться». (*Зап. от Лихачевой С.И., п. Сейва Гайн.*) «А в воде есть бесы. Там за рекой-то озеро есь, бабушка у нас рыбачить пошла, лодка была, а тут мережа же была. Они перво вытащили коней говно. Откуда-ко коней говно такое. А тожню такой шум поднялся, шум поднялся, вытащили там ребенка, парень де был, обратно де бросили в озеро. Чуть де нас не утопил бес-от. Никаку рыбу не наловили». (*Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.*). «Про русалок не знаю, а в реке видали человека с рогами. Вон за моим братом как-то летом плыл, он испугался весь. Еще какая-то водяная собака пугает» (*Плёсо Гайн.*). «На реке казмит. Мне не казмилось самому, а родители рассказывали. То лось покажется как. Это всё летом. Одному старику казмило, пашинскому, будто через Каму человек брёл, большой, здоровый человек, бредёт через Каму поперёк, в шапке, в одежде обнаковенной, а сам большой» (*Сейва Гайн.*).

«Водяной, говорят, есь. Тоже рассказывала старуха. Она жила в Оши-вях, тут переехала к нам. У них там водоём был. Я пошла, говорит, к водоёму-ту, выходит из речки такая косматая женщина и говорит: «Ты зачем сюда пришла»? – «Я, – говорит, – воду ношу». – «Носишь. А в бога веруешь»? – «Я старуха, да чё, как нет, я ведь крещёная». – «Ты перекрестись, тогда воду бери». И смотрю: этой старухи не стало. Чё это такое? Это мне как глазах приметило. Пришла домой. Рядом старушка жила, ей рассказывает. Это неправда, говорит. Где-то утонула женщина, потом её достали, она подумала про её, ей и приметило». (*Зап. от Фадеевой А. А., 1926 г.р., д. Ракишино Кудымк.*).

«Мне русалка виделась – это к худому. Как-то привиделась: я с фермы пришла, сижу одна, зыбку качаю, гляжу, женщина идёт в белом платке, похожа на Маню, соседку. Прошла мимо, не зашла, я ещё хотела позвать, чё, мол, не заходишь? Я на полати полезла, слышу, двери открылись, заходит сестра мужа, зашла и громко так говорит: «Мак, никого, видно, дома нету». Я отвечаю: «Я, кумушка, дома». Спустилась с полатей, а никого нету. Потом, уж темно стало, слышу, два мужика идут, поют солдатскую песню. Мой ста-

рик и сосед Иван. Остановились как вроде. Я ждала, ждала их, брагу им на стол поставила, а никто не зашел. Мужик после приходит, я спросила. Это не мы, говорят, были. Вот вскоре после этого у меня с мужиком беда случилась. Обвинили его, статья пять лет гласила...» (Пож Юрл.).

«Когда плотину строили, там тоже какие-тося мёртвые брёвна лежат... И там обещают скоко-то людей, утонули чтоб, чтобы чёрт съел, чтобы плотину не пронесло». (Зап. от Шестаковой Е.И., 1924(26) г.р., с. Полва Кудымк.). «А тут де мельник на меленке был. На свадьбы-то ить тоже едут шишсы по речищам. Вот приехали, а мужик-от, мельник-то, сидит в избушке, кочегарит. Прежде-то печка не была, а так на полу горит. И головешки подворачиват. А чертовка пришла и греется. Греется, поворачиватся да спрашивает его: «Тебя как зовут»? — «А меня Самой». Она грелась, грелась. Он ожег-то накалил, под подол ей сунул и окрахтил ей там. Она дезавизжала, полетела. «Кто тебя так? Кто тебя так»? — спрашивают ее остальные. «Да Сама, да Сама» (Зюздино Юрл.). «Русалки в воде живут. Раньше мельницы бывали водяные, на мельницу придёшь молоть зерно, смотришь — мелет, мелет мельница. Раз — и остановится. А мельник скажет: «Ну вот, опять русалка села на жёрнова». Идет с пучиём под мельницу, там её опалит, он ведь знает, что делать-то, пучиём подпалит, и опять мельница вертится». (Зап. от Сакулиной К.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.). «У нас в Усть-Бадье мельница была, с пропеллером. Дак русалка садилась на пропеллер-от, сядет, и мельница остановится. В двенадцать ночи. Волосатая такая, чёрная. Мельник придёт, она только бурк в воду, мельница опять пошла» (Чужсья Юрл.).

«Люди утонут, тоже говорят, тянул кто-ко. Водяной зовут. Тоже бес, видно, нечиста сила». (Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.).

Домовой

«Суседко есть у каждого. Если в доме три человека, то на каждого есть свой хозяин. Один живёшь — дак один. Где он живёт, его место никто нигде не видал. На своем месте он живёт, дом стережёт ото всего: от ветра, от грома. Домовой и называется. Если переезжать будешь, он сам съедет, куды вещи кладёшь, детей — он туды. Рая у нас переезжала, к ней подходит назавтре соседка: «А соседушка-братанушка с собой позвала»? А другая баба: «Так он наперед её ещё собрался!» (Ефремова Юрл.).

«Утром проснулся, на животе домовёнок спит, маленький, серый, тёплый. Смотрю, мамаша выходит, раз — его забрала. Он серый такой, на кошку похож». (Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., п. Пожва Юсьв.). «Суседко говорят — маленькой человечик. Пришел у меня к зятю, сел на кровать. Это к болезни кажется. А которому и к добру кажется. В бане выпаришься, ему надо венник оставлять и говорить: «Парься на добро здоровьишко, хозяин домовой, хозяйюшка домовая». Котора скотина не по ему, он тоже не любит — роса на скотине, утром придёшь, гонят, видно. Лошаде косы наделат. Человеку тоже плетет. Любит человека. Это косу отрезать нельзя и расчесывать нель-

зя» (*Базуева Гайн.*). «Домовой у каждого дома живёт, только показывается не всяким — лишь тем, кто добрый и кто его не боится. Я со своим домовым в ладах живу. Всегда, когда я в дом захожу, к соседушке обращаюсь: «Дедушко-соседушко, вот тебе соль да хлебушко, сам ешь да мною семью корми» (*Гайн.*). «Раньше, когда работала ещё, суседко утром разбудит меня своей рукой, она у него лохматая. А ночью качку с ребёночком качал, знал ведь, что и так уставала я, не хотел, чтоб тревожилась. А однажды видела я его — лохматый, худой, седой, на первобытного человека похож. Я у него спрашиваю: «К худу или к добру явился?» — «Увидишь». Сказал и стал удаляться. Рядом маленький такой стоял, а как уходить стал, огромным вырос и рассосался по всем щелям» (*Сёйва Гайн.*).

«Поехал я в Юсьву к бабушке. Вечером лёг, не мог заснуть сначала. Слышу, как на кухне ковшик брякает, встал, смотрю — крутится. Это домовой его. Ещё он садится ночью на спящего, тоже неприятно, ни ногой, ни рукой не пошевелишь, будто онемело все. Друг у меня, Димка, напился, пошёл домой. Хотел спать лечь, да в туалет засобирился. А я на улице с девчонкой стоял. Слышу, дверь хлопает, громко, а ведь ни ветра, ни кошки дома. Друг выбегает, даже протрезвел, а бабушка его говорит, что это чёрт его ругал за то, что он напился». (*Зап. от Баталова М.А., 1986 г.р., п. Пожсва Юсьв.*).

Домовой — хозяин в доме. «Если хозяин плохой, то и домовой плохой. Дом пустил на разорение, то и домовой поможет». (*Зап. от Панфилова А. Б., 1964 г.р., с. Пожсва Юсьв.*). «Домового-то, говорят, чтобы в доме не шумить, ничё не делать, — он не любит. Чтобы жили спокойно». (*Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.*). «Баба Катя умерла, я одна жила. Лягу, неохота посуду мыть, а он ложкой чак — чак! Грязную посуду не любит. А самого не видеть. Ну, я стала сама мыть, чакать не стал» (*Сергеева Юрл.*).

Косы плетет. «Если суседко плетет волосы, это он любит. Эту косу нельзя расчасывать и отрезать. Плетёт тем, у кого длинные волосы» (*Тицново Гайн.*) «А вот тот раз мне зачинал плести косотку. И вот скатал, скатал, вот скатано, скатано. Оторвалось. А у меня нету волосы-те дак. Дочь у меня Рима, она: «Да мама, еще в трёх местах». А это ведь толстенное уже было, а ещо де два сзади-то». (*Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.*). «У меня даже одна женщина, вот здесь мы жили, спрашивала. У неё были длинные волосы, седая была она. Косы она плела такие. Говорит, чё эд мне будет, я, говорит, вечером легла, у меня волосы как волосы были, утром встала, всё, всё плетёно. Я говорит, слыхала, что умрёшь, в пермяках говорили (она пермянка была). Я говорю, не знаю. И точно ведь, умерла. Умерла, волосы нельзя было расчесать, просто остригли волосы. Токо счас наверно выбросили, в эти годы она умерла. Боялась снока эти волосы-то». (*Зап. от Онянковой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.*). «У меня у баушки было — повадился ей суседко косы плести. Встанет она утром, у ей вся голова в косичках. Потом ей приснилось — ты не остригай косы-те, ослепнешь. А она не могла расчесать, дак состригла. Остригла и ослепла, и всё тут» (*Ананькина Юрл.*).

Кудель прядёт. «Мама всегда держала для соседки угощение под печкой. Перед войной он начал куделю пряхть фр-р-р, фр-р-р, тихонько так, но мы слышали. Мама открыла окно в огород и спрашивает: «К добру или к худу»? Он отвечает: «К худу, к худу». И правда, на следующий день отца на войну забрали, хоть у него и бронь была». (Зап. от Кузнецовой О.А., п. Майкор Юсьв.). «Ночь. Все уснули. А тогда еще на прялках пряхли. А если прялку ставят на ночь, то придёт домовик. Мать проснулась, видит: домовик сидит и прядёт, да так быстро! Мать спросила у его: «К добру ли ты ко мне пришел»? — «К добру, — говорит, — в этом году замуж выйдешь». Так оно и случилось». (Зап. от Теплового Р.П., 1935 г.р., п. Пожва Юсьв.). «Я слыхала, раньше ведь пряхли, мама всё говорила: «Прядите, а я на моток-от сама пряду (котору ткать бросать-то)». Вот прядёшь, уснёшь ночью, — диж-диж — так веретёшка *диргат*, как когда волокно прядут старухи, как крутанут, оно долго *дзиргат*, также. Суседко, говорит, просто неблагословесь положишь прялку». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

Дети и домовый. «Дети до семи лет могут видеть домового, могут играть с ним». (Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., п. Пожва Юсьв.). «Еще когда я ребенком была, соседко похлопал меня по груди, и я стала ночью ходить (лунатить)». (Зап. от Кузнецовой О.А., 1954 г.р., п. Майкор Юсьв.).

Соседко и животные. «А почему кошки бывают такие дикие, по стенам прыгают? — Домовой их гонит. Он так *отрывается*». (Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., п. Пожва Юсьв.). «В прошлом году что ли, две кошки у меня были. сижу на кресле, чё-то состучало. Кот-то лежал на коленях, раз — так оглянулся, шею вытянул, слушат, слушат. Я думаю, кошка вторая ходит. Он всё так слушает, слушает. Потом посмотрела, на койке кошка-то рядом лежит. Долго так слушал, потом обратно пришёл, голову так сделал». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

«Косичку если сплетёт, дак любит лошадку-ту. Тоже у одной испугал [кур], да выбросил с шестка-то, да задушил даже курицу-ту, она потом умерла». (Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.). «У нас когда в подвале был курятник, жили курицы. Ночью спим. как заревели курицы, только перо летит. Вот соседка рассердился и всех натеребил. Мама полезла: «Матушки, матушки, тихонько, тихонько. Соседушко-братанушко, не тронь, не тронь. Они наши, твои, ходи и их чисто води, бело води». И всё больше не бывало такого. Видно, не передали их, не сказали: «Прими, батюшко, наших курочек». Вот он всех и разогнал. А если не скажешь, то она, скотина, будет худеть, плохо себя вести». (Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., с. Пожва Юсьв.). «Во дворе тоже, говорят, суседко ходит. У нас раньше был конный двор. Еще, говорят, косы плетёт лошадям-то. У них грива-то — такое сило, ведь это роздывается, никак не сплетёшь. А тут так скататься, так скататься, что ты её никак не ростеребишь. Котору, говорит, лошадь любит, он ходит, плетёт косы». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.). «Суседка скоту плетени плетет, если не ко двору. и масть ему может не нравиться, вместо черной купят пеганую если, вот он ее и мает» (Тилина Юр.).

«Домовой у меня тоже корову гонял. Домовой – хозяин. Вот выйдешь утром, вся корова в поту стоит, как бы вся облизанная. Если корова облизанная, значит он её любит, а если она в поту, значит не любит. Я сходила, спросила. Чёрну корову купила, выйду, она у меня вся в поту, сырая. Я потом утром хлеб испекла, вышла. По-своему так сказала: «Вот тебе, не обижай. Батюшко, хозяин наш, не обижай, пусть она тут у нас будет». После этого ничего не будет. Примерно так сказала. «Хозяюшко-батюшко, не тронь мою коровушку». Хлеб горячий, только из печки вынула, горячий пар-то вынесла, положила на столбик и сказала» (*Живые Кудымк.*). «Не дворит скотина, это быдто житьё плохое ей. Придешь в конюшню, а корова вся мокрая, стужа, дак вовсе иней на ней. Это суседко гоняет» (*Осинка Юрл.*). «Замечать стали – мокрёшенька лошадь во дворе, мокрёшенька. Взяли, в конюшине укараулили. Вот будто суседко на её сел и по двору-то её гоняет. Гоняет и говорит: «Была бы ты хоть маленька да была бы пеганенька!» Пегану, видно, любил» (*Васькова Юрл.*).

Во сне давит. «Суседко по мне с ног, чую, ползет, тяжесть такая – рукой пошевелить не можешь. Я мысленно как его спросила – к добру или к худу. И слышу – р-р – только, к добру, значит» (*Майкор Юсьв.*). «С год тому назад или как тихонько сплю, уже под утро. Как бы вот кто-то теребит меня тихонько, трясёт и говорит, что-то спрашивает у меня. Ну, как бы сама дышать не могу, вроде вот так задыхаюсь. Надо было тут мне спросить: «Что ты у меня спрашиваешь? К добру или к худу»? Ой, я когда освободилась, глаза открыла, никого нет, одна» (*Пожева Юсьв.*). «Я слышала, тут старушка жила рядом, я, говорит, сплю ночью, и так кто-то пришёл, меня так обнял, обнял крепко, тёплый-тёплый, мягкий. Я ему говорю: «Чё тебе надо от меня, уходи». А он говорит: «Я тебе счастье принёс». – «А какое мне счастье»? – «А будешь жить хорошо». – «А какое мне, я скоро уж умру». – «Нет, дольше проживёшь». Рука тёпла, мягка. Как врубилась – на мне, говорит, кошка лежит. А это кто? Она говорит – суседко». (*Зап. от Фадеевой А.А., 1926 г.р., д. Ракишино Кудымк.*). «Суседко меня раз давил. Я не сплю вроде, а вижу – в белом халате мужчина зашёл и встал около койки, потом лёг поперёк меня. Как я закричу! Он встал и вышел, ушел. Кровь останавливается. вспомнишь дак» (*Кукольная Юрл.*). «Спал один человек, и на него домовый прыгнул. Тот поднял руку, чует – кто-то мохнатый. Спрашивает: «К чему давишь: к худу или добру»? Тут домовый ясным словом отвечает: «Всякому г...ну ещё надо и к добру!» Так сказал, значит, оно к худу» (*Юм Юрл.*). «Суседка если давит ночью, то надо пальцы сделать как к молитве, чтоб креститься» (*Пожева Юсьв.*).

В новый дом переводят. «Суседко сам вперед бежит, когда в новый дом переходят» (*Базуева Гайн.*). «На другое место идут: «Идём, соседко, я иду на другое место жить, пойдём вместе». В этом окошечком гаркают [под лавкой у печи]». (*Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.*). «В новый дом переезжаешь, обязательно суседко зовёшь с собой. Откроешь подпо-

лье, старкашь: «Суседушко-батюшко, пойдём со мной». Заходишь в новый дом, в первую очередь пускали кошку. Ложишь полотенце под порог, чтоб зашёл хозяин, пусть чтоб мирно жить, тебе мене служить. Суседко обязательно брали». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.). «Когда переезжают в другой дом, держат мешок в голбце, откроют, и говорят: «Хозяин, садись в мешок, пойдём со мной». А потом мешок домой заносишь» (Кукольная Юрл.). «Вот домовой, говорят, есь. Когда поедешь, надо звать с собой. Из дому когда, мол, вовсе уезжают и зовут его: «Домовой-соседушко, поехали с нами, мы уезжаем». А вот я помню, мама рассказывала. Перед нами стоял дом, раньше еще избы чёрные были, топят, — весь дым идёт в избу. Вот они уехали. Мама говорит, я только в огород выйду, слышу: кто-то плачет (всё равно не врала). Только выйду, кто-то плачет. Я поглядела: маленькой мальчик плачет. Она мёд наложила, всё наложила, унесла туда и поставила ему. На полку, говорит, поставила, и больше не слышно стало. Они его с собой не позвали, забыли, видимо». (Зап. от Зюздинцевой А.А., 1923 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

Угощение для соседко. «Если люди суседку не подкармливают, тогда он всех из дома выживет». (Зап. от Кузнецовой К.А., 1921 г.р., п. Майкор Юсёв.). «А суседко, говорят, тоже есть как хозяин, а кто его знает. Кому-то показываться, говорят, а я не видала. Тут соседка, токо правду она, нет? Она лишнее говорит дак. Я видела, говорит, маленькой был. Она всё стряпат да говорит: а я поднимаю на шкаф, а он тут пусть ест. А у меня всё время хлеб на столе, ест, дак пусть мой ест». (Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.).

Банник

«Маленьки шиши в бане живут под полом или потолком. В Рождество не надо поздно баню топить, ходить одним. Эдта старика в каменку заволокли. Года через два умер» (Юрл.). «После 12 часов не надо ходить в баню. Если после 12 часов моешься в бане, это все болезни, которые в бане остаются, все лишнут. Кресты в бане не носят. Баня есть баня. Чудеса могут твориться. Там тоже чёрные есть силы какие-то». (Зап. от Зубовой А.А., 1928 г.р., с. Ленинск Кудымк.). «В бане есть Банна парущка-банно дедушко. В баню придёшь, спрашивашь: «Пусти нас попариться, погладиться, грешно тело помыть». А неспрошенный, тогда он во сне видится: «Почему не спросилась?». (Зап. от Гуляевой А.Н., д. Парфеново Кудымк.). «В баню идёшь — хрест сними. Я дитенкой был, слышал, что старушка мылась, забыла снять, дак её нашли за хрест повешенную» (Плёсо Гайн.). «В бане выпаришься, надо веник оставить: «Парьтёсь на добро здоровье, хозяйюшко домовой, хозяйюшка домовая» (Тиуново Гайн.). «Вода останется, и воду не ташили из бани, там вылет де бесы де парьтёсь, водой моются». (Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.).

«Вот кодыкося у нас женщина тамока была. С Каш-Пальника оне, а Каш-Пальник-от развалился, розъехалися, жили в Новосёлах. А мы баню топили, они у нас мылись. Пришли мыться-то, в баню токо зашли, розделися, хочут мыться-то. Вот такой де за стеной-то (окошко верху-гу, дым-от выходить), такой шум там, ругаются, шум такой им слышалося. Оне, бедные, оделись токо и вовсе не мылись, и к нам набежали, пришли, с дочерью оне были. А больше у ё дочь тут выходила замуж, она ушла кудыкося в гости в Пятигоры, и там за другого, видно, выходила, и пришла, и вот у их скандал стал. И вот к етому, видно, им приблазнило. А тут ещо у нас сказывали, свои у нас, рядом мы жили, по одной линии, рядом и дом-от был. В бане-то мыла-ся, у их Иван парень де был. Я не знаю, умер видимо он, к етому ли чё ле. Вот де из бани в окошко ктотося, она не видит его, а кто-то де в окошко суёт ребёнка-то. И вот он и умер, видно, этот парень-от». (Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.).

«Раньше ездили, дорога тут была, дорожны-те. У дороги, говорит, баня была в деревне как. Один мужик, как екали, и убежал, спрятался в баню, напугать суседей-то, вперёд убежал да полез через баннеход. Его в баню-ту поташили, он сам закричал. Дак большой был, да упёрся. Так, говорит, встал в двери-те. Потом чисто, шуба и чё была на ём, борки-то оборвали на ём. Никто там не был. Черти. Черти-то и поташили. Тожно он стал кричать, они и прибежали, его выручили суседи-то». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

«А у нас дед сам видел на самом деле. Свёкр у меня. Он тут с одной дружил женщиной. Вот они договорились в баню идти. На какое время договорились он пришел, а она нет ещё. Он ждёт, сидит. Нету, нету, нету. Смотрит, заходит женщина. Заходит женщина, села, говорит, тоже ко мне. Я ее стал обнимать. Обнимать стал, как глянул в лицо-то, во рту-то, говорит, блеснуло. У нас дед такой, божественный. Думает, тут чё-то не то. И давай назад пяткú да Воскрёсную молитву читать. Она ему говорит: «А, догадался!» Он только быстрее назад пяткú и вышел. После этого парень не стал ходить один». (Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.).

«Пошёл мужик в баню мыться, баня была истошнена. Перед самой Паской, весной. В бане моется, парится на полке. Слышит — доски с полка-то тар-тар-тар. Доски развалились в стороны и пали, *старгали*. И тут из-под полка голова баранья, бараньи рога большущие, винтом закручены. Не овечья, не человечья, а баранья голова. Он вовсе нагой выскочил из бани, халат какой-то надел, без штанов домой. Мать в баню послал, жену. Оне пришли — полок как был, так и есть. После этого мужик в баню только *овыднем* ходил, вечером боялся» (Сёйва Гайн.).

«Вот банник что делает. Мужик раз ушёл в баню в двенадцать часов ночи, это на самом деле было, и нету его, нету и нету. Пришли за им, а он головой в каменку засунут. Не сам лез в каменку, боролся, видно, что руки все ободрал. Слава богу, живой, больше с той поры не ходит поздно в баню» (Васькова Юр.).

Смерть

«Кажется, если перед каким-нибудь. Вот там один шёл по лесу, и встретился ему человек такой, весь в крови. «Ты, — говорит, — чего это весь в крови, чё стало с тобой»? — «Шагай, шагай. Скоро ты такой же будешь». Пришёл домой, сел, умер, рассказал это всё. Это было в Визье, там в лесах». (Зап. от Зубовой А.А., 1929 г.р., с. Ленинск Кудымк.).

«Одна рассказывала старушка, к ей во сне пришла женщина седая и говорит: «Я к тебе пришла». — «Зачем»? — «За твоей смертью». — «Нет, я умирать не хочу еще, я хочу жить. Ты иди в тот конец к старушке. Она уже давно просит смерть. Она наверно будет согласна». Я пробудилась. Ушла она туда. И дня через три эта старушка померла, Ольга. А эту старуку увезли в Пермь, дочь увезла. Дак она года три еще, [как] умерла. Ровно сто лет исполнилось, все жила. Эту смерть отправила к той бабушке». (Зап. от Фадеевой А.А., 1926 г.р., д. Ракино Кудымк.).

«Ходящие» покойники

«Ко мне почему-то всегда покойники приходят. Вот умер у подруги муж. Сорок дней ещё не прошло, а он ночью ко мне явился. Чувствую в темноте, что меня обнимает кто-то. Смотрю: Лихачёв муж лежит, глядит на меня ласково и говорит: «А там, Галя, лучше жить. Нравится мне там, и тебе понравится. Пойдём со мной». Тут я спохватилась, больно, думаю, сон явный. И он как скатился с койки да исчез. Очнулась, а постель рядом смята была». (Чуртан Гайн.).

Святочные духи

«Вот к нам женщина пришла, и вот всяки-то чудеса эдак-ту рассказывают. Видно, цветё было. Вот она рассказывает всякое, а отец лапти плетёт, сидит было. Она ушла, а я за столом сидела, на корточки, на лавке за столом села, сижу. Вот меня кто-то эдак так и поднимат за жопу, так и поднимат. Я закричала, заревела. Отец под скамейкой и чё — смотрит везде, никто нигде нету. Мне вот и запомнилось». (Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.).

«Всё-тысь говаривали, слушались де одне, а видно глаза зашурить де надо. И вот де подводы идут, и идут, и идут, и всё сено возе де везут, сено воза. А кто-то и насмѣлился да эдак схватил воз-от. Домой принесли, — шёлк, де. А показалось сено. Обоз целой де едут, и едут, всё везут, де. Шулюкины всё у нас говаривали, шулюкины». (Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.).

«А вот на Крешеннѣ мама нам даёт мел кусочек, и на все-все двери крестики мы ставим. Поставьте на конюшню, на анбар, где какие двери есть, на баню. Вот мы и ходим, крестики ставим с Ильѣй, который на войне погиб. Чтобы нечистая сила, Крешеннѣ, дак она уходит, чтобы не осталось, ушло.

Кто его знат, куда уходит». (Зап. от Зюздинцевой А.А., 1923 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

Клады

«Клади деньги в землю и завет клали. Вот, накладывают в крыночку, крынка маленькая — горшок. Богатые люди были, вот в землю и закопают, завет положат: «Надо, чтоб здесь сто человек убились, чтоб было сто голов». А другой мужик тут подслушал и говорит: «А сто колов пусть вырубить!» А хозяин: «Сто голов вырубить надо!» — «Нет! Сто колов!» Ну, бог-от и записал: «Сто колов». И вот один распознал всё это, нашёл этот клад, а клад петухом превратился. Петух вот поёт и поёт, красный петух. А мужик поймал петуха, взял, раз — горшок, и рассыпался. Ну, прежде-то сто колов вырубил, только потом и петух вышел» (Ефремова Юрл.).

«Если в лесу видят свинью белую, значит, на этом месте зарыт клад». (Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., п. Пожва Юсьв.). «У нас в Ложках здесь когда-то бурая корова выходила, клад, значит, положен был. Потом проверили — точно, в Тимина ружья были закопаны» (Сергеева Юрл.). «Пахали, пахали тут у нас как-то. Раз — чугунок, выворотило плутом. Чугунок встряхнули, там золото. Побоялись взять. Кто клад найдёт, тот долго не проживёт или пожар дебудет» (Плёсо Гайн.). «Шёл мой отец. По дороге идёт лошадь, вся блестя. А ему надо было зачурить: «Чур моя, чур Богова». А он ничего не сказал. И так и не увидел, куда делась. А позвал бы, она бы на золото рассыпалась» (Гайн.).

«Где племянник-от у меня жил, тут жил Матвей Кузьмич, он этот клад увидел. Корчага, тут свечки теплятся. И он пошёл, там золото. Клал, клал. Большие у него класть-то некуда. Щас я, говорит, уташу да обратно приду. Ушёл. Пришёл, там место знать, там уж ничего нету. Вот как. Надо было уж всё вытаскивать. Оно больше не кажется. И он, как говорится, этот клад забрал и душу отдал. Ладу он недолго пожил». (Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.).

Папоротник и бесы

«Слыхали, что папоротник цветет на Иванов день, а кто знат. Никто не ходит. Он, говорят, ночью цветёт. У нас один мужик седой был, еще с бородкой, Филиппко звали. Он говорит, я один раз ночью ходил в лес. Подошёл к лесу, распускается папоротник. Знаешь, как страшно стало. Я не увидел ничего. Я только обратно домой, я не видел, какой цвет папоротника. А утром пришёл, там только ложечки есь. Цвело что ли, ложечки есь». (Зап. от Фадеевой А.А., 1926 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

«Видел, видел один цветок-то, а сорвать не смог. Цветет папоротник на Иванов день. Его в жизни никто не брал. Кто бы взял бы его, тот бы счастливо жил, тот человек везде пройдет. Его взять никто не может. Там змеи, там

всё будет. Один за спор хотел: «Сорву этот цветок»! Шел, а ему всё на пути гремучие змеи, лягушки, клады всякие открываются, а внимание обращать не надо. В лесу идет, а там парень на пне сидит, волосы кольцом, золотые, на гармошке играет. И тут вода стала мужику заливаться везде, по шею уже. Он перекрестился – и никакая вода, и никто, и он на суше у дома. Так и не смог донести до дома цветок». (Зап. от Черных Л.Б., 1943 г.р., д. Сергеева Юрл.).

«На ночь кодят, на Иванов день, говорят, кодят воровать. Вот быдто идёшь воровать, быдто никто не видит тебя. Один нишой ли чё ли кодил по лесу, заблудился. Ему куды-то попал этот папоротник, цвет-то, в сапог ли куда ли. А он сам-то не знат, что попало. Он кодит, говорит, его никто не видит. Он-то видит людей-то, а его никто не видит. А у нас, где-то я слыки-те я слыкала, у нас дядя был, кодили воровать-ту на ночь-ту. Да там надо много чё-то пройти, всяки страсти. Там лягушу какую-то зайдут, черт те знат. Кодили оне, а потом всяко-то стало им казаться, страсть, они не выдержали, не стали, не могли украсть-то светок. Сякие страсти стали. На ночь кодят куда-то в лес, где он цветёт». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

«Бабушка у нас говаривала. Там цветок какой-ко есь, далёко от деревни, а бесы-то имают тама. Один де мушина набрал цветок невидимка. Невидимка пришёл. «Дай, матушка, мне этот цветок». Он, говорит, дал. «Зачем, – говорит, – ты берёшь мой цветок»? – «Я тебе деньги дам», – говорит. И отнял, де. Это нечистой сила, нечистой дук». (Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.).

«Дед старый ходил, караулил. Придёт домой и говорит: со мной человек разговариват – оставь меня, оставь меня. Я говорю, кого оставляю. Опять услышу человека, человеческий голос – оставь меня, оставь меня. Я вышел на дорогу, у меня в лапте папоротник. «Я тебя не брал, ты по чё ко мне полез? Ты что ли со мной говоришь»? Я взял и вырвал его. У нас такой был потешный старичок». (Зап. от Кориюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.).

Змей

«Померла женщина, родом из Белоруссии. А был охранник на похоронах. Он прощался когда, наклонился над гробом-то. А карман у его мелкий был, паспорт у его упал в гроб. Женщина эта умерла от аборту, она лежит в гробе, а у ей на груди огненный змей. Змей-то и говорит мужику: «Бери». А ведь ничё в гробе руками трогать нельзя, ведь от мертвого тела яд. Надо было сдуть три раза, потом брать, он и сдул». (Зап. от Лихачевой С.А., д. Монастырь Юрл.).

«Недобрые», «лукавые»

«Крутится мельница водяная, мельник в избушке отдыхает. Пришла де женщина. А он де два раза женился, человек-то, мельник-от. «Чё, мелешь?»

— «Мелко». Давай де еще третий раз женюсь. А пришёл-то недобрый видно, чёрт-то. «Третий раз под венец вставай». Он, де согласился, встал. Стал под венец, венчаться, пришёл да перекрестился: «Боже милостив, пресвятая мать Богородица, третий раз мне жениться». Перекрестился. Там петля висит де петля направлена. Он перекрестился и увидел эту петлю. А если бы он не перекрестился, Бога не помянул, Пресвятую Богородицу, он бы задавился, этот человек» (*Елога Юрл.*)

«Выходят, а откуда-ко из лесу, из болотов да. А их надо выганивать, чтобы они не были. Лукавые к плохому житью лезут. Вот я одного старика чула, вы, говорит, безбожники, бесы, а мы бесу не веруем, мы Богу веруем, уходи, лукавой, нас не пужай и к нам не коди, к нам не по чё кодить. А еще: будет кодить, дак возьму, говорит, дубовую дугу и тебя по запяткам прогоню этой дубовой дугой. Это Лёшка старик рассказывал здесь-ка, и говорит, косу возьму, которой кашивали люди-те, косой за пятки отрублю, и больше де не будет кодить. Говорить только надо». (*Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.*)

«Здесь тоже рассказывали. Шёл парень. Вдруг навстречу ему в белом халате кто-то идёт. Вот идёт, идёт, идёт. Говорят, не надо смотреть, не надо отворачиваться, идти вперёд и всё. Потом он потерялся, всё, ушёл вперёд и всё. Был какой-то несчастный случай тоже. Как бы ангела, предсказывают ангела. Ангелы всякие ведь есть. Ангелы хорошие, есть плохие. Люди всякие такие. Чё посеешь, то и пожнёшь». (*Зап. от Зубовой А.А., 1929 г.р., с. Ленинск Кудымк.*)

Колдуны

«У каждого свой колдун. Чё-то плохо сделал — колдун. Вот бабушка Мотвиха на зуб наговаривала, она ведь лечила, какая она колдунья, она излечивала, а вот ее тоже колдуньей звали. Бывало это, что на хорошее и на плохое. Я вот у нее один раз была, вот меня бабушка водила. И на всю жизнь я запомнила, что у меня до сих пор зуб стоит» (*Гайн.*).

«Распознать колдуна можно очень просто: он никогда прямо в глаза не смотрит. Будут глаза у него по всем углам шарить, а на собеседника ни за что не глянут. Все колдуны чёрные, и глаза у них чёрные» (*Сёйва Гайн.*).

«Колдуны щас по телевизору не видишь, чё делают? Они раньше были и сейчас есь. Они друг другу передают. Колдуны не переведутся никогда. Декаются, вот и делают. Кого надо отсушить, кого надо присушить, кого напоить, чтобы ни руки, не ноги не действовали... Один матюга был. У него сыновья были. Он всех сыновей научил. Дак оне друг над другом декаются. Щас бы пришли бы они к тебе, я бы прочитала, и ты бы на улицу не вышла, до той поры б сидела, в туалет бы захотела, усралась бы на месте, на улицу не вышла. Праздник был Донский: «Я любого могу человека сделать». Я говорю, научи меня. Он говорит, нет. Мама научила потом. Её кто досадит, он вот токо сделает, то ли петлю, то ли круг сделает, показыват рукой (крутит). У

— «Мелко». Давай де еще третий раз женюсь. А пришёл-то недобрый видно, чёрт-то. «Третий раз под венец вставай». Он, де согласился, встал. Стал под венец, венчаться, пришёл да перекрестился: «Боже милостив, пресвятая мать Богородица, третий раз мне жениться». Перекрестился. Там петля висит де петля направлена. Он перекрестился и увидел эту петлю. А если бы он не перекрестился, Бога не помянул, Пресвятую Богородицу, он бы задавился, этот человек» (*Елога Юрл.*)

«Выходят, а откуда-ко из лесу, из болотов да. А их надо выганивать, чтобы они не были. Лукавые к плохому житью лезут. Вот я одного старика чула, вы, говорит, безбожники, бесы, а мы бесу не веруем, мы Богу веруем, уходи, лукавой, нас не пужай и к нам не коди, к нам не по чё кодить. А еще: будет кодить, дак возьму, говорит, дубовую дугу и тебя по запяткам прогоню этой дубовой дугой. Это Лёшка старик рассказывал здесь-ка, и говорит, косу возьму, которой кашивали люди-те, косой за пятки отрублю, и больше де не будет кодить. Говорить только надо». (*Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.*)

«Здесь тоже рассказывали. Шёл парень. Вдруг навстречу ему в белом халате кто-то идёт. Вот идёт, идёт, идёт. Говорят, не надо смотреть, не надо отворачиваться, идти вперёд и всё. Потом он потерялся, всё, ушёл вперёд и всё. Был какой-то несчастный случай тоже. Как бы ангела, предсказываю ангела. Ангелы всякие ведь есть. Ангелы хорошие, есть плохие. Люди всякие такие. Чё посеешь, то и пожнёшь». (*Зап. от Зубовой А.А., 1929 г.р., с. Ленинск Кудымк.*)

Колдуны

«У каждого свой колдун. Чё-то плохо сделал — колдун. Вот бабушка Мотвиха на зуб наговаривала, она ведь лечила, какая она колдунья, она излечивала, а вот ее тоже колдуньей звали. Бывало это, что на хорошее и на плохое. Я вот у нее один раз была, вот меня бабушка водила. И на всю жизнь я запомнила, что у меня до сих пор зуб стоит» (*Гайн.*).

«Распознать колдуна можно очень просто: он никогда прямо в глаза не смотрит. Будут глаза у него по всем углам шарить, а на собеседника ни за что не глянут. Все колдуны чёрные, и глаза у них чёрные» (*Сёйва Гайн.*).

«Колдуны щас по телевизору не видишь, чё делают? Они раньше были и сейчас есь. Они друг другу передают. Колдуны не переведутся никогда. Декаются, вот и делают. Кого надо отсушить, кого надо присушить, кого напоить, чтобы ни руки, не ноги не действовали... Один матюга был. У него сыновья были. Он всех сыновей научил. Дак оне друг над другом декаются. Щас бы пришли бы они к тебе, я бы прочитала, и ты бы на улицу не вышла, до той поры б сидела, в туалет бы захотела, усралась бы на месте, на улицу не вышла. Праздник был Донский: «Я любого могу человека сделать». Я говорю, научи меня. Он говорит, нет. Мама научила потом. Её кто досадит, он вот токо сделает, то ли петлю, то ли круг сделает, показыват рукой (крутит). У

его брат был Яшка. У меня ребята, в баню принесу, они не плакуют. У Яшки до того ревут, все обречутся. Дак я думаю, брат над своим братом тешился. Тешился над своими племянниками. Колдун, он ночи, говорят, не спит. Биси ему не дают. Ему надо чё-то колдовать». (*Зап. от Юсовой А.П., 1929 г.р., д. Филаево Кудымк.*).

Как колдуны учатся. «Колдуны передают колдовство по роду, своей семьёй делают, из рода в род. Передают они в бане, когда человек остаётся с ними один на один» (*Гайн.*). «Говорят, учиться надо, дак надо баню топить. В бане лягуша, огонь горит. Вот эту лягушу надо пройти в рот, тогда ты будешь знать». (*Зап. от Юсовой А.П., 1929 г.р., д. Филаево Кудымк.*). «У дьявола говорят рот широкий, чтоб колдовство взять, надо туда лезть. Пройдешь там, все будешь знать. А какой он, дьявол, никто не знает, в человечьем или скотском виде» (*Сёйва Гайн.*).

«Гришка и Петька были одногодки и друзья. Гришка Петьку созвал: «Айда, научимся колдоваться. Надо только лезть в рот дьяволу. Рот откроет, и прыгать туда». Петька пошёл с Гришкой. Гришка прыгнул, Петька посмотрел и обратно. А Гришка там и остался, Венькин брат. А Петька убежал, испугался. Брат Венькин был колдун. Марали его шибко, ну что колдуется всё. Вот идёт один собой, всё разговаривает с кем-то, а никого не видно» (*Гайн.*). «Тут когда робила с нами одна, у неё сын был. Была тётка старая. Она созвала его и говорит: «Саша, не бойся, я тебе всё передам. Вот 12 часов будет, будем пельмени варить». У неё в голбце стол стоит, и они уходят и едят там все, дьяволы, жорут всё. Не благословясь ешь, дак они всё с тобой едят. И он в голбец-то полез и глядит, и тебя, прости Господи, на три буквы. «Там выйдет среди полу большая-большая лягуша, рот откроет, и ты в неё прыгни». Я перематкался: «Пошла ты со своими чертями, колдунами». И, когда умерла, никто и провожать её не пришёл». (*Зап. от Истоминой Н. П., 1925 г.р., с. Пожва Юсьв.*).

Помощники колдунов. «Колдун был в Городище, у его был туссок, в нем он держал то ли змей, то ли червей. Он, говорили, их сушил, делал из них муку и подсыпал людям – в питье, в еду. И потом человека душисть начинало. Врачи даже помочь не могли, а только знающие бабушки» (*Пожва Юсьв.*). «Оне в горшке, порчи-те у колдуна, – кипит прямо. Как замаягали – дак как котята» (*Монастырь Гайн.*). «Колдун у нас был. Бесы у колдуна в лесу жили. Он ходил их кормить туда, в лес» (*Базуева Гайн.*). «У этих колдунов есть жуки, которых они держат в лесу. В случае надобности, если надо напустить на человека порчу, колдуны насылают этих жуков на человека. Жуки живут в тусеке в лесу, под деревом, колдун ходит их кормить – они десосут его, он кормит их своим телом» (*Плёсо Гайн.*).

Порчу насылают. «Колдуны-те когда-то, видно, были у нас, старики. А вот людей де испортят, и человек умрёт. Подадут чё-то и, каку-ко икоту. Вот нутрэ болит живот. Где-ко тоже опять знающего приведут человека этому лечить, которова он испортил. Лечить будут, колдун придёт и скажут, я

де не тебе котел подать, да тебе попало. Которык вылечат, а которык уж нельзя де. Застарьет – нельзя больше. Подают, видимо, с квасом чё-ко, икоту каку-ко». (Зап. от Колеговой А.М., 1932 г.р., д. Кривцы Кос.). «Если колдуном сделано на полном месяцу, тогда мается человек» (Базуева Гайн.)

«Первой парень у меня был. Эта же Маша. Я вечером отроблюсь, упармлюсь, все убежу к маме по молоко. И Маша-то пришла, говорит: «Мама-ша, Дуня-то пускай у мамы берет молоко-то, а я от тебя буду брать». Да я, говорю, сейчас я за 10 километров бы сбегала (раньше никакого балахульства, не было ничего. я ничего не боялась, сейчас, как говорится, два шага шагнуть боишша). Ладно. Притащила парню, молоко, вскипятила. Утром на работу пошла, парень этот поел у меня: гай, гай, гай, гай, гай, гай, гай, гай, гай, гай. Перед печкой его грею, качаю, целую ночь вот эдак качаю, и он все равно. А потом уж сестра-то мне говорит: «Врача призвала». Она говорит: «Сейчас разрежем эту килу». Эта кила у него поднялася. Заходит, и говорит: «А вы чё делаете»? А я говорю: «А ты только погляди у парня какая, всю холку раздуло». – «Да это, – говорит, – кила, посажена ему. Ты ведь у Федулы молоко-то брала»? Я говорю: «Брала». – «Это на вас было посажено, это было на вас сделано, а вы молоко это не пили». И ребенок перетерпел это сам. О, не дай Бог!». (Зап. от Субботний Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.).

«Колдун жил – Андрей Петрович. А, он уж умер. Килы пускал, ептать! Садил, де! Это просто нарастёт нарост какой где-то под пазухой или где да горит. А вот эти он же, он же лечил. Воскресной молитвой, чё-то наговаривали там, молитвы какие-то. Он какие-то лучины делал, зажгёт, она погорит немножко потом потушит и это ей как-то чё-то наговаривает. Крестит-чертит и чё-то наговаривает. Он меня лечил, ой, я ведь ниче не могла, исть ниче не могла, а чё было – сама не знаю, холодно было везде, отдохнуть даже не могла. Вот он лучину мне разжёт, немного погорела, потушил. В плошку налил воды немножко, потом там чё-то наговорил, потом почертил и говорит выпить пол-кружки воды. Я выпила, ну и пошла домой. Скота помогал находить. В бумашку что-то напишет. По пням их раскладывал. И в то место придёт телёнок ли тамо корова ли. Ты приходи тока, она то место и придёт. Вот это как-то знали они. Вот это как бывает». (Зап. от Бартовой А.П., 1930 г.р., д. Тимина Юрл.).

«Колдунов здесь было... И сейчас ишо есь потомственные. У нас мама покойная этим и умерла. Взяли сноху... И мама-то, надо воду в печку ставить, она скорей побежала: «Маша, я тороплюсь». Как она это сделала, по воду сходила, два часа вечера начало ей изнимать до двух часов ночи. С двух часов ночи она до двух часов дня ободна. Как два часа дня, ее начинат опять до двух часов ночи мучить. Ой, ой, как она маялася! Этим она и умерла. В этом месте были вот такие просни продолговатые. У нее там только бурыбары было!». (Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.).

«Колдунья сына испортила. А она на его сказала, что у ты сыновья убили его. Так она виноватых никого не нашла, у меня мужиков обоих загнала.

Мне делала судороги, потом болела, дыхание не было. Чё-нибудь всё равно сделает. Пульс она у меня закрывала. Ходила к лекарю же. Один был старик, я к ему ходила, потом в Кудымкар ездила. В Кудымкаре старушка лечила, она тоже померла уже. Она мне на ходу делала. Перебежит дорогу мне, насует палки, дак всё уже, заболеешь. Она ездила везде. Еще грамотна, врачом работала». (Зап. от Рачевой А., д. Иванкова Кудымк.). «Наташка колдунья хомутец привязывает. Так сделает, что погибнуть может. Исчахнет и всё. Напоили с молитвой, и икота у парня заговорила – рассказыват, что я де с питьём залетела» (Монастырь Гайн.).

«Сына у меня хотели подысть, а тожно меня из-за сына, насаказали, что он человека убил. Щас 10 лет прошло. На угоре живёт женщина, она меня хотила съись. Мне пряник дала. Дак вот у меня это не сработало. Я была у соседки. А соседку-то она, видимо, подговорила. Мы две соседки зашли к ей, она нам пряники дала. Кто чё даст, дак не ешьте. не пейте, лучше так проживите. Вот она меня съела. Назавтре я уж услышила. У меня всю спину отняло, всё отняло. Я штаны не могу надевать. У меня в Багрово-то жила племянница. Она банки мне ставливала. Она мне банки наставила, у меня всё равно. Так меня сковало и. Я семь нидиль не вставала с постели. Меня задевают, я не даю задиться. Вот прошло времё, семь нидиль прошло, женщина какие-то травы дала, это, говорит, от спины будет помогать. Правда, мне помогло. Я пила эти травы. То де у неё мать такая колдунья была. Мать-то сем году умерла. Тожно мать-то суды приехала, и она меня вызывает. Говорят, колдуны-те ищут себе правду. Что человека съили, как высказаться, что не виноваты». (Зап. от Лучниковой Т.И., 1925 г.р., д. Сылвож Кудымк.).

«У меня брата сôзвали. Раньше плохие года были, суррогат или, травы или. Вот на билле быват, вот тем поят. И покойника моют, тем поят. Вот надо опасаться. Та старука у меня брата съела, 21 год. Он опук, да как чурка, коронили. Три года женатой был. Вот эта старуха-то как брата моего съела. Он был семнадцати годов. Его складовщиком выбрали. Раньше было строго. Вот ты возьми колхозной-от клёб да испеки клёб, увидят со стороны-то, то ты тутока еще другой отравка пойдёт. Брат-от пришёл домой и говорит: «Мама, ты брагу цыдишь, у тебя пресна. У нас эд клёб-от есть. Пресна не такая вкусная. А тётка Егорика меня напоила, такая вкусна». Он пришёл, назавтра лёг и болел, болел, болел, болел и умер. Вот эта старука умирать стала собирача, пришла под окошко к нам. Надо эд как-то оправдача ей. А мы жили в Багрово. «Пустите меня ночевать», – еле вздыкала. Мама её в окошко увидела. Мама выругала её: б...дь-то вот пришла. Мама говорит, ребята не пускайте её. Она так ревела у ворот, так ревела: «Пустите меня, пустите меня, пустите меня». И до Живык дошла, там у неё дочь была замужем. Она не могла за огород пройти, за огородом-то и умерла в ту же ночь. Она бы у нас умерла – корони её». (Зап. от Лучниковой Т.И., 1925 г.р., д. Сылвож Кудымк.).

«Колдуны-то были раньше. У нас была женщина нехорошая, ее и звали колдунья. Мы ее побаивалися. Я такая была садовенькая. Садовенькая – не

тонкая, полненькая. Ну, как платья коротенькие мама мне шила, мы все свое шили. Идём за коровами, она (колдунья) и говорит: «У-у, девка, какие у тебя ноги красивые». Ну, я сама толстенькая была. Пришла, пригнала корову, все. Ночью аж прямо ноги у меня заболели, я рёвом ревела. Ночью понес меня папа к бабушкам, отговаривать. Отговорили. Маме тоже делали на зубы. Ничего нельзя было сделать. Через речку мы жили. Идёт эта женщина, подёт маме навстречу, как бы заговорит её. Или вот к какой тетке она бегала лечить зубы, тут же принесет молоко, никогда она не притаскивала. Раз тут же она тебе молоко принесёт. Заговоры бабушки знали и на плохое и на хорошее. Старшие-то знали, нас маленьких пугали: «Не ходите туда, там колдуны. И вот палец держите». Через два пальца (средний, безымянный)» (*Сейва Гайн.*).

«Если человека напоить *покойнишной* водой, которой умершего обмывали, то даже здоровый человек умрёт. Воду эту надо выливать в угол, туда, где люди не ходят. Как колдуют – слыхала, что берут с покойника копейки, которые ему на глаза кладут. Напоят с этой копейки водой, значит, год проживёт человек. Если две копейки положены на глаза, значит, два года проживёт человек и помирает. Если хотят человека испортить, положат ему пять копеек, столько человек проболит и помрёт. Оборониться от этого можно, если пьёшь и отдуваешь пену» (*Гайн.*).

«Меня вот даже делали. Человек умрет, его обширкают, обмоют и человека напоят. Я пила такое дело. Шиши передо мной стали прыгать, шелкают, пляшут. А я своему говорю хозяину (Петр звали): «Больше дома не буду жить. Меня шишы задавят». Поехали к старухе, вылечила. Вот что творилось. А соседка напоила. У меня хозяин два раза женился. Там баба у ее жила, моего-то хозяина. Дак ей надо было с ём жить, она добивалась до его. И напоила меня в пиве. Я узнала, что напилася. Меня сразу заломало, заболела. Ни рук, ни ног не стало и все. Ходить незамогла, работать незамогла. Ко старушке приехала, она ухом послушала: «О-о-о, дак ты недавно ишо напоена, вылечим». Вылечили. Врачи есть врачи, старинные. Нашопчет, нашопчет и мне пить даст. Травы были у ней приготовлены. Шишы – люди каки-то, обыкновенные люди. С покойника водой-то напоишь с бражкой ле, с пивом ле. Вот оно и образовываются. Шишы кругом пляшут передо мной. Долонями шелкают. Задавить могут. Умрёшь. Не рад будешь. Все равно лечиться надо. Людьми надо, кто знат дак» (*Елога Юрл.*).

«Вот знаете вот в этом доме мы жили, хотели люди нас с Сережей просто, чтобы мы не были, развести. Какие подлянки ни делали, что нам ни делали там! Когда мы ушли из этого дома, купили эти другие дом, эта женщина, она говорит: «Ой, Маша, ты знаешь чё я нашла... Осье гнездо было выше наших дверей! Они нашли, а мы годы жили. Было все. Отчего, что, ведь сам не знаешь, отчего! Но Бог не дал развести, нет» (*Пожва Юсьв.*).

«Есь эдь колдуны-те. Они всё сделают. Направят тебя, дак и дорогу не найдешь. У нас одна пошла за берёстом драть, она всё рассказывала, вот мне

кто навстречу попал, да ее направила, она две недели ходила. Ходит кругом, ходит, ходит, дорогу не знает. Мы уж думали, она померла, а она вышла. В Капове была, в Гурят вышла. Вся в клёшнях была, чёрная даже. Думали, что уж она неживая. Оне словами чё-то знают. И всё, пойдёшь, пойдёшь, кругом будешь ходить, кругом, кругом. Дорогу не будешь знать». (Зап. от Шестаковой Е.И., 1924(26) г.р., с. Полва Кудымк.).

«По воздуху пускают. Выйдут, чё-нибудь прочитают, тут, может быть, и Бог помянутый. Прочитают, и всё. А мы, не благословляясь, ходим. Вышли, готово — попало». (Зап. от Истоминой Н. П., 1925 г.р., Пожва Юсьв.).

Скот портят. «Сорочьи кости кляли в сруб у конюшни. Как лето придёт, лошадь заболает и пропадёт» (Сёйва Гайн.). «А есть видимо такие колдуны. Молоко корова носит и вдруг не будет давать. Есть видно такие икотники ешо». (Зап. от Тиуновой А.С., 1928 г.р., д. Тиуново Гайн.). «Корова пришла, вымя такое, молока нет. Деда у нас отчаянный был, пошел: ну-ко, корова молоко сегодня не даёт, пошли лечить, если не будешь лечить, в сани я возьму третий-то рас (посередке), тебя набыю, будешь сам казнять. Он пошёл. Корова стала молоко». (Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.). «Мы когда-кося брали из Собачки-то тёлочку. Маленькая вот эдакая. А раньше ведь деньги-то были дорогие. Восемьсот рублей уплатили. А хозяйка-то, видно, хитрая была, она нам неспроста дала, нечисто, чё-тося помухлячила, знала видно чё-тося. И больше, она у нас отелилася, доить не даёт. И сосить телёнка зачинали, и своего телёнка заколола, забудала. Там выходишь токо на крыльцо-то, она уж как зверь, глаза красные будут, бегат будут, не даётся. Двоём да чё да, *вевливала* я малоси, еще три года мучились, держали, да больше сдали. Хитрые люди есь эдь. Колдуны ли чё говорят-тося». (Зап. от Щербаковой Н.С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.).

Оборачивают. «Колдуны умеют оборот делать (оборачиваться, а также оборачивать других в зверей). «У нас в деревне вот такой человек был, видно, знающий. Сестра моя за такого и вышла. Она боронила на поле. Вдруг муж у неё скрылся куда. Выходит волком. И чуть свою жену с ума не свёл. Потом как она закричала, на огород полезла. И он обратно в лес, и вышел человеком. Был знающим — переворачивался. Если кто-нибудь эту одёжу украл у него, где он снял, всё, он волком бы и остался» (Плёсо Гайн.). «Однажды в лесу сенокосили, метали. Лошади ходили. Один мужчина ушёл в лес. Вдруг лошади побежали, за лошадьми медведь бежит. Вот он лошадей испугал, обратно пришёл, смеётся. Оборотнем стал» (Монастырь Гайн.).

Смерть колдунов. «Если колдуны не передают свои знания, то очень трудно умирают. Чтобы человек сильно не маялся, когда умирает, лезут на крышу и берёзовой палкой три раза стучат по коньку. Еще когда колдуны умирают тяжело, надо поднимать потолок или крышу сворачивать» (Сёйва Гайн.). «Колдун если долго не умирает, корыто на его навалит и рубят потихоньку — «Кого рубишь?» — «Беса». И тогда он скорее умрёт. Или обмоют живого, если мучатся» (Базуева Гайн.). «Если колдун не может умереть, его

обмоют живого, как покойника, и тогда только умрёт» (*Базуева Гайн.*). «Вот рядом с нами колдунья жила, покойная не тем помянутая. Мне постучали и сказали – Никитина умерла. А говорят, человек, если он колдун, ему, конечно, трудно очень, но он должен через матицу перейти. Он должен не здесь умирать, а там. Я, когда пришла она через порог перешагнула, тут эмалированное ведро стояло, она прямо в этом ведре сидела и умерла». (*Зап. от Старцевой М. Н. 1928 г.р., Пожва Юсв.*). «Говорят, они тяжело умирают, мучают людей-то. На крышу надо залезать да охлупень сворачивать». (*Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожва Юсв.*). «Этот Иван Петрович-то нам ходил. У нас, говорит, была бабушка, а у нее были три сына и четвертая дочь: Алешка, Пронька, Ваня... Она начала умирать. Она никому не передала – ее ломат. Потом де этот Алешка: «Сходи, охлупень оторви. Дай мене успокоиться». – «Колдовала дак, тебе хорошо было, а шас майся лёжи». Убёг. «Ванька, бежи, охлупень оторви».- «Не пойду». Ну, беда ее донимали, дак она даже к косяку к дверям вставала березой. Старуха уж была. На голову встала, ноги кверху и всё. Вот как кожилило их. Потом кто-то пришёл, говорит: «Вы чё над старухой-то издеваетесь, если уж ей смерть пришла, пускай уж». Дак не знаю, кто-то пришёл из чужих людей – охлупень-от пошевелили – душу отдала. Вот какое наказанье!». (*Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсв.*). «У Кати Оняновой мать знала тоже. Только на койку положит, сами выйдут. Придут, она опять на полу валятся. Биси-то не дают умирать. Она умерла, она тоже знала. Лягуша в избе. Токо выгонят её, она опять полезет. Мертва была, никому не передала, так лягуша всё равно идёт к ей». (*Зап. от Юсовой А.П., 1929 г.р., д. Филаево Кудымк.*). «Колдуна надо коронить поперек других могил. Если кому навредил, и зло на его, то надо кол осиновый забить» (*Базуева Гайн.*).

Обереги от колдунов. «Ругашь его, дак он ничё не может сделать. А если с ним ладом говоришь, то он тебе насадит этих чертей». (*Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожва Юсв.*). «У нас всё эту женщину называли колдуньей. Не знаю, правда, не правда было. Что знала, все её боялись. Пойдёт куда просить чё, всё дают ей. Потом говорят, пойдёт на свою семью. У ней дочь заболела, она её уже не может вылечить. Куда-то в Ленинскую сторону ходила, там лечилась, к старухам. Гумно называли, где молотили. Она жила близко, в туалет захочет, дак всё домой бегала, боялася. Надо, говорит, у саней задний вяз взять да избить. Сани, у его пять возов, связаны полозья-то между собой, последний вяз. Чё-то, видно, делали, раз не смогла уж она» (*Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.*). «Если примерно в доме, чтобы там никто тебе, обязательно выше дверей воткните иголку, 3 иголки». (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсв.*). «Это я слышала же, что надо иголку, чтобы где-тоя у себя была». (*Зап. от Щербаковой Н. С., 1924 г.р., д. Мыс Кос.*). «Колдуна можно было исправить, если надеть на него лошадиный хомут» (*Пожва Юсв.*). «Над дверь снаружи вывешивают крылья глухаря, если в доме живёт колдун» (*Сейва Гайн.*). «Тоже помога-

ет от нечистой силы, если в доме кажется, когда кадят ладаном окна и дверь, кладут на них крест» (Тими́на Юрл.). «Утром вот выйдешь, не благославясь, и в ту пору это в тебя попадет. Тут одна у нас была колдунья-то. Мы туда овец гоняли. Она встречу попадат. Я тихонько иду вот так в гору-ту, руки в карманы и ее увидела. Вот так вот сделала руки-те [кукиш], и иду тихонько. Она ко мне подходит, и говорит: «Надежда Пална, кому кукушки кажете»? Я говорю: «Тебе, Мария Ивана!» Вот и всё, и разошлись». (Зап. от Давыдовой Т.А., 1926 г.р., п. Пожва Юсьв.). «Если колдуну зуб выбить, то он тоже больше не сможет колдовать» (Гайн.).

Ясновидцы

«Потерялись у меня тёлки, убежали. И вот жена ходила к матери, спрашивала у неё. И она: «Найдёт, найдёт он тёлок, в лесу они ходят, в лесу они ходят». Это внутренний голос у неё». (Зап. от Назукиной Т.М., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.).

«Тут жила одна женщина, всё говорили, что она знатся с лесным. И она ворожила. Придёшь к ей. Я сама даже как-то приходила. Придёшь, она сначала тебе расскажет, как у тебя дом стоит, как всё, куда окна, какая скотина. Скажет, вот так-то зовут тебя. Говорили, что она с лесным знается. Я один раз ходила, она мне сказала: «Замуж-от выйдешь, у тебя жених токо через квартал будет». Ну, слава богу, из деревни выведу куда-то. Город квартал называла. А во свою деревню вышла». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

«Помню я, мололи на мельнице. Мы три женщины были. А приходили, хлеба не было когда, придут просить сумочкой. Там передашь лопаткой в мешок-от. Немножко на лопатку так бросишь, сунешь в сумочку, так христа ради подашь. Она на меня смотрит, смеётся. Я говорю, ты чё на меня смеёша, смотришь. Говорит: «Вы из троих, ты всех хуже будешь жить», — на меня показывает. А тут одна такая была, постарше меня да: «Да ну, на что будет хуже жить, да нет, нет, у ей брат лётчик, разве он её оставит, нет, нет». До войны, видимо, было. Шас бы она не умерла, я бы сходила к ей. Я больше ничё не спросила. И эти все женщины живут. Одна в город уезжала, там квартиру получила, тожно квартиру продала, машину зятю купила, сюда уехала, здесь живёт. А я вот мучаюсь. Троих сыновей уже захоронила, одна осталася, мужика захоронила. Сестра у меня скоропостижно умерла, свекровка, свёкор. Семь человек уже схоронила». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

«Ворожейка была тут у нас, судьбы предсказывала. Точно. Машка-то ворожейка. Тетке-то она предсказала — два мужика у тебя будет, оба помрут, будет двойня у тебя. Все сбылось». (Зап. от Волковой А.В., п. Пожва Юсьв.).

«Заварила я как-то ребёнка в тазике, кипятком. Нечаянно получилось: без моего ведома залез. Все знакомые, даже врачи говорили, что умрёт. По-

ехали в город лечиться. Прилегла я на койку. Вижу: бабушка подходит ко мне и говорит на ломаном русском: «Не плачь, матушка, не плачь. Он, видно, майский у тебя. Всю жизнь маяться будет. Не бойся, жить останется». До сих пор не пойму, откуда она знать-то всё могла. Потом меня в милицию отвезли. Отсидела сколько-то, отпустили. Сын всё в больнице лежал. Тут опять бабушку эту встретила, и она опять: «Не плачь ты, здоровенький он будет. Жизнь только поломанной будет». И, действительно, выздоровел. Всю жизнь я с ним промаялась, и он туго жил да убился потом» (*Чуртан Гайн.*).

Порча-икота

«Мне икоту посадили. Посадили икоту – я *позеваю* да *позеваю* и говорить стала. К тётке пришла и говорю: «Тётка, у тебя вино есть ящик, ты мне налей 200 грамм». Она на меня смотрит и говорит: «Ты чё с ума сошла, спокойна»? – «Ты чё, – говорю, – пить я хочу». Она вытащила, налила 200 грамм красное вино, я выпила, ну спасибо говорю. Еще вчера *ладую*, что вино у тебя красного нету, а я знаю, что ящик у тебя стоит. Я пошла что-то ушла к маме, к тятке. «Чё, с ума у вас сошла Кристина-то чё, она узнала, что вовсе у тебя ящик есть красного вина?! Попросила 200 грамм вина, попросила красное». Потом тятка чё-то наговорили, я не стала говорить. Только *позеваю*, *позеваю*. А потом уехала в Чайковскую. Там один дядька пришёл тракторист, и он, я *позевать-то* стала, он чё-то, видимо, тоже знал. И эти места мне уже больно стало, *позеваю* так. Потом как муха выскочила мне из рота. Да! «Римма, маши скорей, двери открывай скорей!» «Откуда пришла, туда и иди. Откуда пришла, туда и иди». Муха выскочила из рота, большая муха, чёрная». (*Зап. от Булычевой К.А., 1928 г.р., с. Усть-Зула Юрл.*)

«Моей маме как умереть – она заговорила. Говорят, *матькаются* они, ещё как!!! И ругалась икотка. Рот откроется и оттуда из горла какой-то звук издается. Сама-то она может и не может, через силу матерятся. Тут женщины знали, как с этим обращаться – та матерится, эти тоже матерятся. До того матерятся, уже, видимо, кто кого пересилит. Если уж они пересилили, то уже сил нет, обвиснет, некоторое время минут 5-6 посидит и потом уже просто так разговаривает. Перед бедой. Вот у бабушки перед бедой было. Но ее у нас глушили. Вот в церковь они уже ходить не могли. Вот в церковь зайдут, побудут немножко, вот причастие когда раздадут. Вот наша бабушка, она убегала прямо напрапалую, чуть людей не сшибала – бежит» (*Пожсва Юсвь.*).

«Тетке Насте икотку посадили. Она в Майкор ездила, попросила пива пить. Ей дали, она пила, а на дне конский волос оказался. Если бы она все допила, то у ей бы она полностью была, а так только наполовину. Она говорила, что никому не передаст ее, хотя сначала хотела. Ее Настей звали, так надо было Насте и передать. Но она говорила, что никому не передаст. Так и умерла. Умирала тяжело, конечно. В церкви брали такую вот ленточку. Я вот так сию и вот такое пение, такое пение! Мы слышим пение. Никого нет, а

мы слышим пение. Я говорю, Тамара где-то кто-то поет. «Да какое пение, это в печке шумит!» Уже потом Тамара мне призналась: я, говорит, тоже слышала пение. И не церковное и не такое вот, как народ поет. Походит на церковное, вот слова мы не разобрали». (*Зап. от Волковой А.В., п. Пожва Юсьв.*).

«В 1984 г. поехала я в Кудымкар к одной знакомой женщине. Сидим мы с ней за столом, чай пьем да разговариваем. И тут она вдруг по-петушиному запела и до того живо и по правде, что я испугалась. Спрашиваю: «Что с тобой?» – «Это, – говорит, – порчу на меня навели, но ты не переживай, мол, тебе это не перейдет. А я уж этим уже 35 лет болею» (*Гайн.*).

«Ей в молодости икотку на колодце поставили. В детстве она гуляла с парнем одним, жениться собирались. Но мать его бывшей девки икотку, говорила на её имя и фамилию и бросила в колодец, та и выпила да с тех пор по-петушиному всё пела. А недавно мы снова встретились, я её про икотку спросила. А она мне говорит: «Пошла я на пасеку. Там пчелы живут, и стало мне до того плохо, что подумала – смерть пришла. Стала я Бога молить, чтоб хоть умереть без икоты. Тут меня рвать стало, выблевала рыбину небольшую. Это икота моя за столько лет так выросла. А голос слышу, песню как молитву». С тех пор не она больше петухом говорит. Это её святые места вылечили, пасека – святое место. Пела ведь самая святая» (*Сёйва Гайн.*).

«Ой, у меня мать сама с порчей была. Она ходила, глаза у ней заходили, сидели у ней четверо. «Я Павел-Григорий, – говорил, – а баба моя татарка и двое робята у нас». По-татарски говорила Мария-то у неё, и он, Павел-Григорий, говорил как коми, шиворот-навыворот. И до шестидесяти шести лет она дожила, и совсем стала худая. И потом она захворала, заболела, всё лежала. Он вечером позвал меня к себе: «Девонька, подойди к нам». – «Чё, Павел-Григорий?» – «Сёдня она умрёт, а ты не спи одна-то, по бабку Полно сходи». – «Умирать-то будите, хоть в нас-то не лезьте, я с тобой всю жизнь маюсь». – «Ой, нет, ты нас всю жизнь поила, кормила, мы в тебя не полезем. Открой трубку, увидите, когда она плоха станет совсем, или двери открой». И верно то, трубку-то открыла и двери-то тоже, и куды они девались, не знаю. Мучили её. Говорят, делают это. Лечили, но не могли выпнать. А сама я кулемяшная осталась. Куды годна, умирать уж надо». (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«А когда-те спрашивали её о чем, то она говорила. Я-то, веришь, нет, спросила, кто мене плохо-то сделал. А она, ну, говорила женщина, а не таким голосом, грубым, и говорит: «Через мост, через реку, на горе в доме одна живет». А еще клокотала так: «Глу-крлу-гл-крл». Такая вот знаюша была, икотка-то». (*Зап. от Поповой А.А., 1920 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«Икота разговаривать может. Заичет, заичет и будет разговаривать, а человек себя даже не помнит. Вот такие дела. Лечили, а ничего не могли сделать. Икота изнутри говорит: «Я, – говорит, – была с мошку, а выросла с кошку». У неё, правда, живот был как это. Потом, когда она померла, икота

мы слышим пение. Я говорю, Тамара где-то кто-то поет. «Да какое пение, это в печке шумит!» Уже потом Тамара мне призналась: я, говорит, тоже слышала пение. И не церковное и не такое вот, как народ поет. Походит на церковное, вот слова мы не разобрали». (*Зап. от Волковой А.В., п. Пожва Юсьв.*).

«В 1984 г. поехала я в Кудымкар к одной знакомой женщине. Сидим мы с ней за столом, чай пьем да разговариваем. И тут она вдруг по-петушиному запела и до того живо и по правде, что я испугалась. Спрашиваю: «Что с тобой?» – «Это, – говорит, – порчу на меня навели, но ты не переживай, мол, тебе это не перейдет. А я уж этим уже 35 лет болею» (*Гайн.*).

«Ей в молодости икотку на колодце поставили. В детстве она гуляла с парнем одним, жениться собирались. Но мать его бывшей девки икотку, наговорила на её имя и фамилию и бросила в колодец, та и выпила да с тех пор по-петушиному всё пела. А недавно мы снова встретились, я её про икотку спросила. А она мне говорит: «Пошла я на пасеку. Там пчелы живут, и стало мне до того плохо, что подумала – смерть пришла. Стала я Бога молить, чтоб хоть умереть без икоты. Тут меня рвать стало, выблевала рыбину небольшую. Это икота моя за столько лет так выросла. А голос слышу, песню как молитву». С тех пор не она больше петухом говорит. Это её святые места вылечили, пасека – святое место. Пела ведь самая святая» (*Сёйва Гайн.*).

«Ой, у меня мать сама с порчей была. Она ходила, глаза у ней заходили, сидели у ней четверо. «Я Павел-Григорий, – говорил, – а баба моя татарка и двое робята у нас». По-татарски говорила Мария-то у неё, и он, Павел-Григорий, говорил как коми, шиворот-навыворот. И до шестидесяти шести лет она дожила, и совсем стала худая. И потом она захворала, заболела, всё лежала. Он вечером позвал меня к себе: «Девонька, подойди к нам». – «Чё, Павел-Григорий?» – «Сёдня она умрёт, а ты не спи одна-то, по бабку Полю сходи». – «Умирать-то будите, хоть в нас-то не лезьте, я с тобой всю жизнь маюсь». – «Ой, нет, ты нас всю жизнь поила, кормила, мы в тебя не полезем. Открой трубку, увидите, когда она плоха станет совсем, или двери открой». И верно то, трубку-то открыла и двери-то тоже, и куды они девались, не знаю. Мучили её. Говорят, делают это. Лечили, но не могли выгнать. А сама я кулемяшная осталась. Куды годна, умирать уж надо». (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«А когда-те спрашивали её о чем, то она говорила. Я-то, веришь, нет, спросила, кто мене плохо-то сделал. А она, ну, говорила женщина, а не таким голосом, грубым, и говорит: «Через мост, через реку, на горе в доме одна живет». А еще клокотала так: «Глу-крлу-гл-крл». Такая вот знаюша была, икотка-то». (*Зап. от Поповой А.А., 1920 г.р., п. Пожва Юсьв.*).

«Икота разговаривать может. Заичет, заичет и будет разговаривать, а человек себя даже не помнит. Вот такие дела. Лечили, а ничего не могли сделать. Икота изнутри говорит: «Я, – говорит, – была с мошку, а выросла с кошку». У неё, правда, живот был как это. Потом, когда она померла, икота

стала выходить, и ей всё рыло своротило набок, когда померла» (*Монастырь Гайн.*). «Порча, икота-та разговариват – как лягуша или как ящерица сидит в человеке» (*Монастырь Гайн.*).

«Икоты садили, килы тоже садили. И по ветру пускали, выйдешь, не благословясь, не в ту пору это в тебя попадёт. И с питьём, и с едой, всегда надо благословляясь». (*Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожева Юсьв.*). «Чтоб не поймать икотку, когда просишь пить, надо сдуть на воду, когда садишься после кого-то». (*Зап. от Панфилова А.Б., 1964 г.р., п. Пожева Юсьв.*).

IV. ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ КРАЯ

В разделе помещены образцы распространенного на обследованных территориях фольклора, как прозаического, так и поэтического, обрядового и бытового. Это сказки, бывальщины (анекдотические истории), былички; фольклор малых жанров (пословицы, поговорки, приметы, загадки); заговоры.

Песенная традиция в крае весьма разнообразна. Публикуются тексты колыбельных песен и потешек. В разделе помещены свадебная, похоронно-поминальная и календарная поэзия, игровые и хороводные, плясовые песни, песни солдатские, казацкие, военные, тюремные, песни о любви, шуточные. Публикуемая в разделе небольшая подборка частушек – наиболее живучего, динамичного жанра фольклора – даёт представление о характере современной частушки (преобладают среди них плясовые).

В основном корпус песен выявлялся по репертуару известных в крае фольклорных коллективов – ансамбля «Сударушка» (Юрла) и фольклорного ансамбля «Калинушка» из с. Пож (Юрл.), много записей получено от старожилов Мазеиной А.Ф., Мазеиной М.М., Чеботковой М.Ф. (Юм Юрл.), от знатока фольклорной традиции края, жительницы Бахматовой А.А. (Миронова Юрл.), Пикулевой А.М. (Пож Юрл.), Ивановой В.М. (Сергеева Юрл.), Подкиной М.Ф., Моисеевой М.М. (Васькова Юрл.), Чеклецовой З. И. (Кукольная Юрл.), Деткиной М.И. (Келич Юрл.), Могильниковой М.К. и Братчиковой Г.Л. (Галечник Юрл.), Пикулевой А.Д., Ивановой К. Е. (Миронова Юрл.), Бахматовой М.Д., Бугаевой М.М. (Юрла), Мельчаковой М. К. и Тарасовой Р. Н. (Сенюшова Юрл.), Невוליной К.И., Давыдовой А.В. (Майкор Юсьв.), Беляниной Л.Т., Деменевой П.Ф., Старцевой М.Н. (Пожва Юсьв.), Югриновой Н.Н. (Сёйва Гайн.).

НАРОДНАЯ ПРОЗА

Приводятся тексты библейских сказаний, легенды, связанные с географическими объектами. Интересной можно считать фиксацию в Юрлинском районе предания о Пера, который воспринимается не как мифический герой-первопредок коми-пермяков, а как реальный исторический персонаж, связанный с временами освоения Прикамья Строгановыми. Аналогично у северных коми-пермяков, в зоне активного бытования сказаний о Пера-богатыре (север Коми-Пермяцкого округа – юг Республики Коми) фиксируется немало преданий о реальном Пера-Перше (ср. в записи из п. Кебраты Гайн. – «Дзоль была деревня, там Пера жил. Он пел, плясал еще, гармонщик был. Маленький был, жикетка, жилет. Толстый, ого-го. Боялись его. Он с палкой кодит. Избивал, чтобы у него место не занимали по речке да чё, покосы да что»).

IV. ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ КРАЯ

В разделе помещены образцы распространенного на обследованных территориях фольклора, как прозаического, так и поэтического, обрядового и бытового. Это сказки, бывальщины (анекдотические истории), былички; фольклор малых жанров (пословицы, поговорки, приметы, загадки); заговоры.

Песенная традиция в крае весьма разнообразна. Публикуются тексты колыбельных песен и потешек. В разделе помещены свадебная, похоронно-поминальная и календарная поэзия, игровые и хороводные, плясовые песни, песни солдатские, казацкие, военные, тюремные, песни о любви, шуточные. Публикуемая в разделе небольшая подборка частушек – наиболее живучего, динамичного жанра фольклора – даёт представление о характере современной частушки (преобладают среди них плясовые).

В основном корпус песен выявлялся по репертуару известных в крае фольклорных коллективов – ансамбля «Сударушка» (*Юрла*) и фольклорного ансамбля «Калинушка» из с. Пож (*Юрл.*), много записей получено от старожилов Мазеиной А.Ф., Мазеиной М.М., Чеботковой М.Ф. (*Юм Юрл.*), от знатока фольклорной традиции края, жительницы Бахматовой А.А. (*Миронова Юрл.*), Пикулевой А.М. (*Пож Юрл.*), Ивановой В.М. (*Сергеева Юрл.*), Подкиной М.Ф., Моисеевой М.М. (*Васькова Юрл.*), Чеклецовой З. И. (*Кукольная Юрл.*), Деткиной М.И. (*Келич Юрл.*), Могильниковой М.К. и Братчиковой Г.Л. (*Галечник Юрл.*), Пикулевой А.Д., Ивановой К. Е. (*Миронова Юрл.*), Бахматовой М.Д., Бугаевой М.М. (*Юрла*), Мельчаковой М. К. и Тарасовой Р. Н. (*Сенюшова Юрл.*), Невוליной К.И., Давыдовой А.В. (*Майкор Юсьв.*), Беляниной Л.Т., Деменевой П.Ф., Старцевой М.Н. (*Пожва Юсьв.*), Югриновой Н.Н. (*Сёйва Гайн.*).

НАРОДНАЯ ПРОЗА

Приводятся тексты библейских сказаний, легенды, связанные с географическими объектами. Интересной можно считать фиксацию в Юрлинском районе предания о Пера, который воспринимается не как мифический герой-первопредок коми-перяков, а как реальный исторический персонаж, связанный с временами освоения Прикамья Строгановыми. Аналогично у северных коми-пермяков, в зоне активного бытования сказаний о Пера-богатыре (север Коми-Пермяцкого округа – юг Республики Коми) фиксируется немало преданий о реальном Пера-Перше (ср. в записи из *п. Кебраты Гайн.* – «Дзоль была деревня, там Пера жил. Он пел, плясал еще, гармонщик был. Маленький был, жикетка, жилет. Толстый, ого-го. Боялись его. Он с палкой кодит. Избивал, чтобы у него место не занимали по речке да чё, покосы да что»).

Легенда о Ноевом потопе

«Нам иишо пятьдесят лет господь Бог отпустил. Когда-то была Ноева потоп, старики рассказывают, утонули сколько тамо, очень много народу. И на корабле один только спасся. Он читал книги и в Бога веровал, и он знал, что потоп-от такого числа будет, где, когда. Он там наложил все продукты, сделал плот, и на плоту сделал будочку. Всю тварь собрал с собой, ещё ворона, голубя. Ворон де летел далёко, летел и прилетел обратно на этот корабль, значит, земля нету. Поплыли они снова. Вода стала больше – дожди пошли, вода стала прибывать-прибывать, они стали подниматься. Все люди утонули, а он остался на корабле со своей семьёй. Он потом тожно уплыл далёко, голубя отпустил: «Ну-ко, голубь, близко ли земля»? Первым ворона-то отпустил, ворон прилетал обратно, а тожно второй раз ворон не вернулся, значит, земля близко. Голубя отпустил – тот улетел и обратно вернулся, значит, земля недалёко. И его на большую косогору здесь где-то приколотило. Всё разводить там стали, жить стали». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юр.).

Легенда об Адаме и Еве

Были Адам и Ева. Они жили у Господа Бога в раю. Пили, ели райскую пищу они. Сели под кусточек, к ним подкрался чёрт несчастный, сам злосчастный, он их стал соблазнять на сатонинскую веру, у него-то тоже вера, вера зла. Она злая и лукавая. Тут и Ева-то благодарит, говорит она Адаму: «Да ты Адамий, Адамий, давай съедим с куста, сорвём яблоко, сорвём яблоко и съедим. Тожно сами будем боги». Вот сорвали яблоко и съели и греха-то сотворили. Оказались нагие, стали друг друга стыдиться, Господа Бога бояться. Да Господь идёт по раю. «Дак, Господь, мы ведь здесь нагие, отчего стали нагие – мы сорвали с куста яблок, съели. Со проклятого дерева съели и греха-то сотворили». – «Вы за это запросто будете трудиться, будете шить рубашки, шить рубашки из травы да из листьев. Они стали шить рубашки. Они сшили, принадлеи, а Господь-то Бог идет по раю: «Где же, где же здесь да Адамий»? – «Господь Бог, мы ведь здесь, Адам с Адамею». – «Будешь ты из рая выгнанный, на свою на трудну землю, будешь ты в поту трудиться, будешь землю нарывати. И будешь землю присевати, да твоя-то жена Ева будет боли принимати, будет крови проливати, во пелёночках пеленати, на белых грудях питати». Тут Адам заплакал, его Ева разговаривает: «Ты не плачь, не плачь, Адамий, мы с тобой будем трудиться, на своей на трудной земле, будем землю нарывати, будем хлеба присевати. Нам от Бога милосердного мы посеём-то маленько. Господь Бог нам даёт давненько. Мы господного накрормим, напоим его, накрормим, а наного мы обуем и оденем. Мы де хворого зачем, мы с тобой его дозорим, да светлой водой умоем, Господь Бог даст полегче. А мы мертвого зачем и с тобой его отмоем. И обмоем, и снарядим, мы с тобой его проводим до Божьей церкви. Попы будут отпевати, грудь песочком по-

сыпати. А от Божьей от церкви по пути его проводим. По пути да по дорожке до широкой до ямы, до глубокой до могилы. В могилушку опустим тело белое. Жилы на съеденье, кости белые на предание. Да землей его зароем, да дёрном-то окладим же, скажем вечной памяти Аллилуйя». (*Зап. от Мазеиной А.Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.; пересказ духовного стиха, который нередко исполнялся на поминках*).

Легенды об Адовом озере

«Адово озеро. Искры идут оттуда. Там живёт нешадно большая щука. А воду в этом озере черти хвостами поднимают. Кто там ещё может воду шалить? Черти туда попали от бога, он их всех туда согнал, вот Адовым и прозвали место». (*Зап. от Лихачевой С.А., п. Сёйва Гайн.*).

«Адово озеро — большое озеро, опасное. На лодке кто поедет — обязательно перевернётся. Никто и не ездит. А плавают в нём большие рыбы, щуки. Искры выскакивают из озера, свет из его идёт». (*Зап. от Лихачёвой С.А., д. Монастырь Гайн.*).

Легенда о Пера

«Вот Пера — это по-пожински Перша Пикулев был, там волок был, на нём сосна стояла. На этой сосне он отметку сделал, буквы — Перша Пикулев. Когда землю Строгановым передавали, пожинцы не захотели отдавать. Мерщики ходили с цепью, а Перша такой сильный был, эту цепь перерубил и концы забросил. В лесу, в кварталах, говорят, все еще это место есть. Он потом и жил в лесу, не показывался, а жена ему еду туда носила». (*Зап. от Гусевой К.П., 1937 г.р., д. Сергеева Юрл.*).

Сказки

Сказочная традиция в крае до сих пор жива, свидетельством чему являются зафиксированные в последнее время развернутые сказки — волшебные, о животных, бытовые (их сюжеты в целом хорошо известны). Талантливые сказочницы края — Суворова А.И. (*д. Ефремова Юрл.*), Найданова М. К. (*д. Носкова Юрл.*), Никитина Т.П. (*д. Мухоморка Юрл.*). В их исполнении тексты сказок отличаются высокой диалектной насыщенностью, нередко в текстах сказок рифмованные вставки и песни (В сказке «Коза-дереза» — «Я коза-дереза, по лбу луплена, за три гроша куплена», в сказке про козу — «Иду на ногах, в красных сапогах, несусь-несу косу, тебе голову снесу»), зачины и особенно концовки («В озере-то велось — щука да элечь, и моей сказке конец»). В разделе приведен текст стилизованного под сказку пересказа известной песни о солдате, принявшем за жену свою дочь («Солдат и жена», в исполнении Суворовой А.И.). Как показывает материал, в крае заметно развита традиция бывальщин — шутливо-анекдотических историй, часто эротического характера.

Ваня Полешко

Когда-тоя жили старик со старухой, у их дети не были. Ну, взяли они полешко. Стали тесать и вычесали из полешка парня, Ванькой назвали. Ванька стал ходить и всё делать. А старики чё, радёхоньки стали, что, видишь, у нас Ванька появился. Ваньку стали везде уважать. Ванька любит, чисто всё в доме помогают. А тут речка недалёко, а на том берегу жила Баба-Яга, три дочери у её были. И вот они заманили парня: «Давай, ты иди сюда, к нам, мы тебя блинами, шаньгами накормим, иди сюды». А тятя парню говорит: «За речку не ходи, там Баба-Яга живет». А что потом? Он все равно уехал. Ванька. Лодку сделали старики, чтоб Ваньке ездить на лодке, рыбачить. Он уехал на лодке, а они его подманили, девки-дочери. А Баба-Яга говорит: «Я приду с работы, вы мне его поджарьте!» Очередну оставили дочь одну дома. Дочь здесь осталась, согласилась. Печку истопила жарко и говорит: «Давай, садись на лопату! Я тебя поджарю, мамка так велела!» — «Ну как я сяду? Как я сяду? Я ни разу на лопате не сидел! Как я сяду? Я не могу сесть!»! А та и говорит, девка-то: «Ну вот так да вот так!» — «Ну-ка, ты покажи, как сесть-то!»! Она села, ножки скорчила. Он ее в печку — раз! — толкнул, заслонку закрыл, подпором подпёр — всё, девка испеклася. Матерь приходит с работы, а на столе мясо. А он в подпол полез, и сидит там, под полом-то. Ага, девки две пришли с ей, с матерью, третья девка где-то нету. Куды-то убежала, наверно. Ну, убежала — убежала. Они едят, нажралися мясом-то и валяются на полу: «Покататься бы, повалиться бы на Ванькиных-то косточках!»! А он там в голбце кричит: «Покатайся, бл..дь, повалайся, бл..дь, на дочериных-то косточках!»! — «Ух, он, — говорят, — он дочь-то у нас испек!»! Ладно, завтра оставляют другую: «Ты сильнее, ты его испеки!»! — «Испеку!»! Опять так же испекла. На третий раз уже — третью дочь. Так же повторилось всё. Всех сожрала сама Баба-Яга. Тожно сама осталась. Осталась и говорит: «Сёдня я все равно пожарчей печку истоплю, его испеку и съем». Печку истопила. Бились, бились, он говорит: «Ну как я сяду, если я ни разу на лопате не бывал? Ты, бабушка, пожалуйста, сядь сама и покажи мне, и тожно испеки меня, шибко уж тебе охота моё мясо исть!»! — «Давай, вот так!»! Села сама на лопату и говорит: «Вот так, вот так укладывай руки!»! А у Бабы-Яги когти большие, она не может их укласть. Он и говорит: «Ну-ка, вот так, у меня не войдут». А он деревянный был — надо было тоже руки-ноги скласть ладом. Вот, сделала, только не обрubiла, он её только в печку — тур! — и испёк. Жердь приготовил, клин был, чтобы она не могла выбраться. Она кричала, кричала в печке, всё, испеклася. И всё богатство досталось этому Ваньке. Отец приезжают, ищут его: «Где ты, где ты, наш Ванюша?» — «Я Бабу-Ягу уже испёк, вы не бойтесь, и сейчас Бабы-Яги уже не будет, Баба-Яга нету за рекой!»! Шшука да елец — там сказке конец»! (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юр.).

Пердунок

Жили-были старик да старуха. У них не было детей. Они решили: «Давай, старичок, мы с тобой попердим в ступу. Может быть, у нас с тобой родится какой-нибудь Пердунок».

И вот старик пердел, пердел, старуха пердела, пердела; старик пердел, пердел, старуха пердела, пердела. И Пердунка выпердили. Мальчик родился у их, мальчик получился. Вырос мальчик. Саночки ему сделал старичок. Их (стариков) надо уважать. Они такие старенькие, а у них такой маленький мальчик появился. Ой, как хорошо! На горочке он у них катается.

Он катался, катался. А тут Егибича жила. У ней было три дочери, у Егибичи. И вот она каждый день блины пекла. Ездил в гости (к дочерям) каждый день тоже. Блины напекёт и сама тоже с дочерьми-то в гости уезжает. Он (Пердунок) катался, катался и исть захотел. На чистом воздухе-то катался, тоже исть-то охота. Он знал, что она блины пекёт. Он идёт к ней, блины из печки достанет, они намаканы в печке стоят. Принесёт сковородку на стол, блины съест, на сковородку насерет. Сам идёт опять играть. Потом раз так сделал, другой. Егибича приехала. Где блины? Нету блинов, блины съедены. В сковородке насрано. Они (Егибича с дочерьми) сразу загадали себе: Пердунок, наверно, так делает. Она (Егибича) решила оставить дочь младшую. «Мы уедем в гости (опять постряпала блиночки, в печку поставила), а ты оставайся, карауль его. Как придет этот Пердунок, ты его имай». А у ее (дочери) один глаз был, видно, у девушки-то у той. Он катался, катался, опять исть захотел. Пришёл, она спит. Он говорит: «Глаз спит, другой уснёт. Глаз спит, другой уснёт». И говорил, говорил, она уснула. Он опять блиночки достал, опять съел, и опять накакал, и опять убежал. Егибича приехала домой и заругалась:

– Почему ты не укараулила?

– Проспала.

Потом другую дочь оставила, среднюю.

– Завтра ты оставайся и обязательно его укарауль.

– Ладно.

Она (Егибича) блины настряпала, опять в печку поставила и уехала. Он опять остался кататься. Катался, катался, опять исть захотел. Она спит, дочка-то. Он опять: «Глаз спит, другой уснёт. Глаз спит, другой уснёт». Она опять уснула, усыпил ее. Достал из печки, опять на сковородку и убежал. Она (Егибича) опять приехала и заругалась:

– Почему не укараулила? Почему Пердунка не поймала?

Ну, проспала да и все.

На третий день она уж оставила старшую дочь, старшая все равно должна его поймать. А у старшой-то дочери были три глаза-те. Он катался, катался, опять исть захотел. Пришел, она спит. Он опять: «Глаз спит, другой уснёт. Глаз спит, другой уснёт». А третий глаз, видно, не заметил. Достал сковородку из печки, съел, стал какать-то, она его поймала и в голбчик поса-

дила. Старшая дочь его в печку-то посадила и хотела его сожгать, она сказала, чтобы он полез в печку.

— А каклезать-то?, — говорит Пердунок.

— А вот ложись на лопату, я, — говорит, — тебя брошу.

А он лег, руки так разделал, ноги разделал.

— А как? Я ведь в печку-то не лезу? Как лечь?

— Да к ты руки-то сложь.

— Да к я не умею. Ты научи меня.

Она легла, руки-ноги сложила, съежилась. Он раз её в печку-то бросил и сжёг. Испёк её, сжёг, и косточки у её собрал, положил на полати. Тожно сам в голбчик ушёл.

Потом Егибича-то приехала домой-гу, Пердунка-то нет и дочери-то нету. Полезла на полати и думала, что косточки-то лежат на полатях у Пердуника. И говорит: «Надо покаться, надо поваляться у Пердуника-то на косточках». А он ей там говорит: «Поваляйся, покатайся у своей дочери-то на косточках». (*Зап. от Никитиной Т.П., д. Мухоморка, Юрл.*)

Коточек и Петушок

Петушок жил, и жил Коточек. Они вместе жили в деревне. А чё, избушка небольшая была у их, окошки, как у меня же, на земле были. Петушок дома жил, а Коточек ходил на работу, на охоту, заготавливал исть, промышлял всё. Ну пошел и ему наказал: «Ты сёдня никуда не ходи, а то тебя Лиса скушает, Петушка». Он говорит: «Ладно, нет-нет, не пойду, никого не пушшу». Петушок подчиняется Коточку. Коточек и ушел со спокойной душой, топор за пояс и пошел. Ходит там, смышлет, чё ему надо. А Лиса всё подслушала, что Коточек ушёл, и кричит: «Петушок, Петушок, золотой грёбешок, выгляни в окошко, дам тебе горошку. А там ехали бояре, зерно рассыпали, иди-ко, посмотри-ко!» А тот думает: «Верно, там зерно, рассыпано». Петушку зерно надо кокать, он как выглянул в окно, а Лиса его цап-царап! И потащила. А он и кричит: «Котик-братик, несёт меня Лиса во тёмные леса, за зыбучи болота, за высокую гору, в тёмную нору, съест меня, отними!» Коточек слышит, что кто-то кричит: «Это Петушок, наверно, Лиса его стащила!» Давай бежать, топор за пояс и бежит за ём: «Сейчас у Лисы голову отрублю!» Прибежал до дороги, отобрал, исцарапал Лису, Лиса отпустила Петушка. Домой принес. Назавтра пошел, говорит: «Ты уж больше не подходи к окошку даже. Ходи по полу и никуда не ходи! По полу и все!» Он ходит по полу, Петушок: «Ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко-ко». А долгой день, Коток ушел далёко в этот раз. И вот опять Лиса обманула Петушка: «Петушок-Петушок, там бояра ехали, везли зерно да рассыпали, иди, собирай, я тебя не задену». — «Да ты меня не обманывай, сёдня я не буду в окошко глядеть!» — «Не задену!» Петушок не идёт. «Ну, как хочешь! Раз не хочешь, я уйду, не буду больше сидить под окошком, караулить тебя!» А сама в уголочек спряталась, быдто как ушла. Петушок поглядел-поглядел с того месту, с другого

месту, выглядывать стал на окошко: «Ку-ка-ре-ку!» – зрявкал. А Лиса – раз! – и поймала опять, поймала, потащила. Петушок так кричит, так кричит: «Котик-братик! Отыми меня, Лиса-та меня ташшит!»! Котик учул: где-то кричит Петушок, и бежать, бежал-бежал, устал. А Лиса Петушка уж в нору затащила, он вовсе на пласту лежит, жалобно здышет. Лиса чигунку поставила на печку, уже варить хотела, а Петушок лежит, уже плохо разговариват: «А! А!»! Только уже больше ничё у него уже нету, сил нету. Только «А» да «А». А потом чё – Коточек забежал, Петушка сгрёб, лисицу давай царапать: «Я тебя счас саму сварю!»! Лисица выскочила из норы, а там уж собаки были, они учули, что кричит уж шибко Петушок. Вот Лису за хвост и разорвали. А Коточек Петушка взял и домой пришел. Сейчас вместе живут! А у их под окном-то – озеро, а в озере-то – щука да елец, а кто слушал, молодец! А ишо в озере щука да рак, кто не слушал, тот дурак»!. *(Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.)*

Курочка Ряба

Жили-были старик со старушкой. У их детей не было. Дети не были, бездетные были. И вот они говорят: «Ну, что, где-то надо всё равно нам ребешка́ какого-то»! Старушка: «Я уже робить не могу, посуду помыть, в избе подмести»! Вот оне взяли Курочку Рябу. Видно, какая-та старушка принесла: «Вот, Курочка Ряба. Я вам дам». Ну, оне Курочку Рябу взяли. А как оне уйдут с дому-то, Курочка Ряба превращалась в девочку. Потом тожно хозяйка со стариком придут домой, у них везде всё прибрáное, на столе уже ужин готовый. Они своим глазам не верят: «Как это. Курочка на окошечке сидит, их дожидается: «Ко-ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко»! Радуетса им, старикам. Старуха и спрашивает: «Ну, как ты смогла сделать это? Как ты все делала»? А она отвечает: «Ко-ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко»! Назавтре опять идут. Вот думает старуха: «Дай-ко я подкараулю, узнаю, как она чё». И вот она ее подкараулила. В шилочку глядит, а эта вышла середь полу – фырк! Сделала, и перышки все отпали, так, шкуркой всё. И она в девочку, такую красавицу превратилась. «Вот ведь у нас какая радость-то дома»! – старику сказыват старуха. А эта девочка тожно говорит: «А почему ты, бабушка, в шилочку глядела? Вон ведь де как неплохо все было, я, – говорит, – ведь заболела. Болеть буду, если ишшо будешь глядеть. Ты понорови маленько, больше не гляди. Я сама превращусь потом, когда мне срок зайдет. Я де заколдованная, когда мне срок пройдет, я превращусь назад». А научили старуху: «Ты де ее поцелуй»! Она её поцеловала, старуха-та, старик поцеловал, и курочка в девочку превратилась. И до сих пор они живут. Всё старушку слушают *(Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.)*

Курочка Ряба

Вот жили-были дедушко с бабушкой, у их это была внучка маленькая-маленькая, а она всё говорила: «Бабушка, надо курочку нам завести». Вот

бабушка говорит: «А чё стоит, заведём и курочку». Вот они завели курочку, курочка рябая, ряба курочка, бегат по избе, ходит: «Ко-ко-ко, ко-ко-ко». Девочка интересуется этой курочкой, бабушка уйдут на работу, девушка эту курочку напоит, накормит, она вся это опять её уважает её курочку, а потом, когда дедушка с бабушкой придут домой, курочка раз яичко снесла, дак радуется это, снесла что яичко. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, они всё плачут. «Чё плачете»? – «А оно, яичко-то пало да разбилося, – внучка руками хлопает. – Ой-ой-ой, сломалось яичко». Она, курочка-то, и говорит: «Не плачьте, дед, не плачь, баба, не плачь, внученька, я вам яичко снесу не простое, золотое снесу». А под окном-то у них было озеро, в озере-то было шука да елещ, вот в озере-то велось шука да элещ, и моей сказке конец, а кто слушал – тот молодець. (*Зап. от Суворовой А. И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*)

Репка

Вот дед на голубнице садил репу. Выросла репа большая-пребольшая. Начал старик ее рвать. Старуху позвал. Старуха за старика, рвали, рвали, вырвать не могут. Позвали внучку. Дед за репу, бабка за дедка, внучка за бабку, рвали – не могут вырвать. Позвали собачку Жучку. Бабка за дедка, дедко за репку, внучка за бабку, Жучка за внучку – не могут вырвать. Позвали кошку. Бабка за дедка, дедко за репку, внучка за бабку, Жучка за внучку, кыса за Жучку – не могут вырвать. Позвали мышку. Мышка подъела корень – вот тогда и вырвали (*Зап. от Перишиной Е.Д., 1937 г.р., д. Таволожанка Юрл.*).

Коза-дереза

Жила старуха, у ней была коза. Вот старик с козой ходит, ходит. Бабушка подоит. Ну значит что, что-то она натворила. Старик давай с ней кожу снимать, с такой неумершей, она и убежала. Убежала и вбежала в избушку, в лес, к зайцу. Ну, она, значит, что:

«Я коза-дереза, по лбу луплена,
За три гроша куплена,
Топы-топы ногами, исколю тебя рогами,
Рожками заколю, ножками затопчу,
Хвостиком замету».

Испугался заяц и убежал. Дальше пошла коза опять это же самое: «Волк, пусти ночевать». Пустил, она опять:

«Я коза-дереза, по лбу луплена,
За три гроша куплена,
Топы-топы ногами, исколю тебя рогами,
Рожками заколю, ножками затопчу,
Хвостиком замету».

Испугался волк. Дальше пошла. Идёт петух. Она пришла к нему, на пещку полезла. Он её выгоняет: «Уходи и всё».

Она снова:

«Я коза-дереза, по лбу луплена, за три гроша куплена,
Топы-топы ногами, исколю тебя рогами,
Рожками заколю, ножками затопчу,
Хвостиком замету».

А петух ей:

«Я петух в сапогах, у меня шпоры на ногах,
Заколю козу, затопчу козу».

Испугалась коза и убежала.

(Зап. от Жениной Е.М., 1921 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

Сказка про козу

Рассказывали, как дед козу колол. Привязал её за верёвку, начал ей горло резать. Резал, резал, не мог отрезать, она верёвку порвала да убежала в лес в зайкину избушку. Зайка пришёл, его коза не пустила. Ему сначала попала лиса. Он ей говорит:

- В зайкину избушку зверь полез, пойдём, выгоним.
- Пойдём.

Пришли:

- Вылезай, зверь из зайкиной избушки.
- Я, коза, лубяны глаза, пол бока лупленная, за три гроша купленная.
Топу-топу ногами, заколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету.
Лиса убежала. Опять зайнька сидит, плачет. Идёт волк:

- О чём, зайнька, плачешь?
- Да вот, неслыханно-невиданно, в зайкину избушку зверьлез.
- Пойдём выгоним.

Пришли:

- Кто там в зайкиной избушке?
- Я, коза, лубяны глаза, пол бока лупленная, за три гроша купленная.
Топу-топу ногами, заколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету.
Ушли.

Попал медведь навстречу.

- О чём, зайнька, плачешь?
- Да вот, неслыханно-невиданно, в зайкину избушку зверьлез.
- Пойдём выгоним.

Пришли:

- Кто там в зайкиной избушке?
- Я, коза, лубяны глаза, пол бока лупленная, за три гроша купленная.
Топу-топу ногами, заколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету.
Ушли. Опять зайнька сидит плачет.

Идёт петух, на ногах в красных сапогах, на плечах несёт косу.

- О чём, зайныка, плачешь?
- В зайкину избушку зверь залез. Лиса гнала, не выгнала, волк гнал, не выгнал, медведь гнал, не выгнал.
- А я, зайныка, сейчас выгоню.
- Да где же нам, петушок, вместе с тобой?
- Пойдём, выгоним. Кто-кто в зайкиной избушке?
- Я, коза, лубяны глаза, пол бока лупленная, за три гроша купленная. Топу-топу ногами, заколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету. А петух говорит:
- Я иду на ногах, в красных сапогах, несу-несу косу, тебе голову сне-су, слезай, коза, с печи!

Коза убежала.

(Зап. от Вишняковой А.М., 1911 г.р., п. Пожва Юсёв.).

Лень да Отень

Лежат Лень да Отень в малиннике. Лень и говорит: «Вот бы упала бы мне в рот ягодка, я бы её съела». Отень долго молчала, а потом произнесла: «Лень ты Лень, как тебе и баять-то не лень?»

(Зап. от Гусевой К.П., 1937 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Солдатская помощь

Шел солдат с фронта с рюкзаком. Зашёл в одну деревушку, видит: вся деревня корову на баню вздыхают. Он глядел, глядел на их, подошел: «Чё вы тут делаете»? – «Да вот, на бане трава выросла, не знаем, как убрать. Пускай корова съест». Он сходил, где-то литовку нашел, полез, выкосил траву: «Вот чё надо делать». Ладно, сейчас пойдем за стол, будем кушать. Зашли, а он не идёт, ждёт, когда позовут. Ждал-ждал, время уж полдень, вечер близко, они вместе обедают, сидят. Заходит, смотрит – они одной ложкой едят. Один хлебнет и ложку на полати бросит. Кому надо есть, лезет за ложкой, потом другой. Вся деревня много ли наест одной ложкой, у их вовсе из чашки не убывает. Он достал, в рюкзаке у его были ложки – нате, возьмите, не ешьте вы одной ложкой... *(Зап. от Найдановой М.К., 1933 г.р., д. Носкова Юрл.).*

С того свету выходёц

Шел солдат со службы, зашёл в деревню, попросился к старухе ночевать. Старуха его пустила, напоила, накормила. Наутро он дальше пошёл. Спрашивает у старухи: «Бабушка, нету ли у тебя аршин холста. Я – молодец, с того свету выходец. У тебя там сын, он весь обносился, я отнесу ему этот холст». Старуха отрезала ему холст, солдат ушёл с холстом. Потом она людям сказывала: «Вот, шёл де солдат, молодец, с того свету выходец попро-

сил холст. Твой де сын там овец пасёт, весь обносился, просит, чтобы я послала ему холст на штаны».

Скоро сын приходит домой из армии. «А как ты домой попал? Я тебе ведь на тот свет холст послала, получал его, нет»? – «Какая ты глупая. Я ведь не был на том свете, я в армии служил». Пожил он сколько-то с матерью, говорит: «Ну, вот ты холст отдала. Пойду я по свету, может, чё-то где-то найду». Вот едет на лошаде, видит, барыня стоит на крылечке, улыбается: «Куда, добрый молодец, поехал»? – «А поехал – наша свинья замуж идёт, вашу свинью в гости зовет». А она уж не улыбается, а свинью караулит, с поросятами. «А когда свадьба»? – «Да вот завтра. Давай, погрузим свинью с поросятами. Наша свинья пестра – вашей свинье сестра». Погрузили свинью, поросят, он и поехал. Хозяин у барыни пришел домой, спрашивает: «Где свинья»? – «Вот, приезжал молодец. Ихняя свинья замуж идёт, нашу в гости зовет. Я и отправила на свадьбу». Ну он на лошадь сел и за мужиком. А мужик-от услышал, что за им гонятся, лошадь в лес загнал. Сам сел у пенёчка, шапочку положил на пенёчек, и сидит. Мужик у барыни подъезжает, спрашивает: «Не видел, молодец не проезжал со свиньей»? – «Да проехал, видел». – «Куда»? – «Вам не догнать, моя лошадь быстрее. Вы садьте, покараульте шапку, только не берите, там у меня сидит птичка, под шапкой-то, пока я подъеду». Мужик сидел, сидел, а солдат, значит, обманул всех, свинью домой вместо холста привел *(Осинка Юрл.)*.

Солдат и жена

Солдат служил, долго-долго-долго служил, двадцать пять лет служил, а чё, тогда это, служба-то далеко была, пешком ходили, вот он ушел там в армию и двадцать пять лет служил. Домой пошёл, шёл-шёл-шёл, а кончились продукты-то, сколь из армии давали продукты-то, кончились. Зашел к работнику там, это, к барину: «Ты меня прими на работу, я ведь идти пешком не могу, у меня продукты ничё, я у тя пороблю, ты мне уплотишь». Он говорит: «Хорошо, работай». Вот поработал солдатик, чё, работал, тот ему платил, дальше пошёл, шёл-шёл, шёл-шёл-шёл, опять кончились продукты, а чё, далеко видно служил, вот от Москвы попробуй идти, если в нашу деревню дак сколько-то верст? Вот опять шёл-шёл-шёл, опять нанелся работником, опять поробил-поробил и это опять, тот ему рассчитался и шагай. Тот ушел, опять всё ходил, ходил, шёл-шёл-шёл, далеко-то опять, думает, уж не дойти до дому будет наверно, женюсь, наверно, где-то де уже всё, сил не хватает идти. Двадцать пять лет служил, с двадцати-то пяти ушел, пиисят лет-то уже, старик уж идет-то, домой-ту, но всё равно ведь добрался до дому, пришёл домой, вышел, ко крылечку подошел, а она сама седая-седая, уже постарела как, вот он и говорит: «Ты что, – говорит, – это так без меня постарела, поседела»? «А я, – говорит, – это, не жена твоя, я, – говорит, – дочь твоя». Вот она поседела, сколько он шёл, поседела. Вот он тожно песни поет, песни пел, ну наливай вино де а вино де зелено, наливай. Он пьёт, стакан пьёт, другой,

опьянел, и так свою бабу вспомнил, какая она, а дочка на мать походила. А потом ушел на кладбище, узнал, что она лежит, мёртвая. Вот солдат не мог жену увидеть, а токо дочь видел, она состарилась, така старенька стала (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Сказка про солдата

Жил-был на свете купец. Была у него дочь на выданье. Однажды пришел в их деревню солдат. Так он понравился купеческой дочери. Решил их купец поженить. И стали они жить-поживать. Но недолго их счастье продолжалось. Возненавидела купеческая дочь своего мужа. Позвала она приказчика, велела солдата связать по рукам и ногам и бросить в реку. Приказчик так и сделал, только не связал солдата. А солдат плыл себе, плыл по реке, доплыл до берега. И так захотел есть. Вдруг увидел кусты. На одном – красные ягоды, на другом – синие, а на третьем – зелёные. Съел он красную спелую ягоду и почувствовал, что с ним что-то не то происходит. Посмотрел на реку и увидел в отражении, что у него на лбу вырос хвост. Съел синюю ягоду и увидел, что у него на спине вырос рог. Съел зеленую ягоду – и хвост отпал; вторую съел – рог отпал; третью съел – и красавцем стал. Решил он отомстить своей жене. Набрал ягоды в карманы, и услышал он тут клич, что купеческая дочь заболела. И купец решил наградить того, кто излечит его дочь. Много лекарей приходило, но никто не смог излечить. И явился к ним в дом писаный красавец. Стал лечить он купеческую дочь. Дал красную ягоду – вырос на лбу хвост, дал синюю ягоду – на спине вырос рог.

Потом велел истопить жарко баню и пошел туда с больной. Был этот красавец солдатом. Снял он свой солдатский ремень и начал лупить он свою жену и приговаривать: «Вот тебе! Худого мужа в речку бросать! Вот тебе! Худого мужа в речку бросать!»! Взмолилась жена, сказала, что будет любить и почитать солдата. Тогда солдат ей зелёную ягоду – отпал рог, дал вторую – отпал хвост, дал третью – стала жена писаной красавицей. И стали они жить-поживать и добра наживать. (Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., с. Усть-Зула, Юрл.).

Небылица про солдата

Это нам сказывали старухи. Так вот сядем колды, бывало, малолетки-те были. Да памяти-то у меня щас нету-ка. А то ведь они нам дришут да дришут, сказывают. Мы и рот распылим. Как у нас дедушка Пётро на фронте был. Он небольшой ростиком был, с меня тоже только. Он литовки отбиват, мы к ему седем: «Дядя Петр, Расскажи чё-нибудь, как воевал».

– Страшно воевал, ой, страшно воевал.

– А как страшно воевал?

– Да вот воюем, воюем. Раньше ведь не из ружья убивали, а саблями били. Саблей как дашь, голова отлётит. А если кто бойкий, дак схватят голо-

ву да прилепят на горячее-то место. Опять бежит, воюет, опять бежит, воюет.

– Дядя Петро, правда это?

– Прав, прав, прав. Дак один раз прилепили, дак голова попала не эдак, а туды головой-то, назад. Все равно бежит, все равно бежит, воюет (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова*).

Кузнец и молодая жена

Кузнец был молодой, ух какой славный, баской кузнец, ух. Куёт там всё-всё: и подковы, и плуги, – всё делат. А один тут сосед у кузнеца женился, взял молодую да красивую. Жена такая баская, кудрявая, работающая, ох, какая хорошая!

Жена как-то по воду пошла, кузнец у ворот стоит. Она воду черпат, а он: «Кха-кха». Она ничё не поняла, воду начерпала, домой. Спрашивает у мужика своёва: «Тамо кузнец, сосед, я воду черпаю, он давай кашлеть». Мужик-от понял, чё к чему. Научил жену: «Другой раз пойдешь, он скашлят – ты тоже кашлей». Так и сделали. Пошла по воду, мужик дома не был, кузнец увидел её и кашлят: «Кха-кха». Она ему то же самое: «Кха-кха». Он и понял, пошёл за ей.

Вот он к ей и пришёл, к жене. «А чё ты пришёл, Гришенька, у меня ведь хозяин дома нетука». – «Нету, дак и не надо. Мы с тобой посидим да поговорим». Ну, она это, на стол собирать. Угошшат его, брагу подаёт. Угостился, то да сё, она угошшат, чтоб дольше посидел. А тут уж её мужик обворачивается – забыл де взеть с собой *пеишорку* с обедом. «А чё ты, кузнец, здесь делаешь?» – «Да я так пришел», – кузнец испугался. «Чё ты пришел, хозяин нету дома, а ты к моей жене пришёл. Всё, никуда ты отсюда не пойдёшь. Если хочешь, чтобы в деревне никто про тебя не узнал, сейчас ты у меня будешь *заспу* на шти толкчи – шти надо хлебать (шти раньше варили из ячменя). Принёс ему мешок ячмень, ступу, пест кованый: «Толки. Если не истолкёшь мешок ячмень, я тебя продам на всю деревню, что ты к молодой жене у меня пришёл. А истолкёшь – никому не скажу, прошшу». Вот кузнец и толкёт. Всю ночь толкёт. Уж светат – ну чё, отпусти, там с ведро уж осталось. «Нет, толки до конца». Толкёт. Тут уж день стал, светло, ушёл кузнец. А баба его спрашивает: «Ты чё, пошто дома не ночевал?» – «Дак к друзьям ушёл да запировал, уснул тамо». – «Ну, ладно», – хозяйка поверила.

Потом спустя время жена снова по воду пошла. А мужик-от её научил: «Ты увидишь его, скоря кашлей. Ну-ко, чё он тебе ответит». Ну, она пошла, черпнула воду – он стоит, смотрит, а не кашлят. Тогда она сама закашляла: «Кха-кха». Кузнец-от услышил и говорит: «Чё, бл..дь, все шти-то выхлебали что ли»? На этом у их и дружбе конец (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

Сказка про сына-дурачка

Жили-были дед да бабка, у них сынок был, Иванушко. Он был вроде и умный, а в деревне рос. Бабушка с дедушкой говорят: «Отдать его надо к какому-то делу учить, ехать надо в город куды-то, на завод». Бабка им наготовила, наделала, напекла, белёе дала. Идут лесочком, попалися разбойники двое встречу, а на них ведь не написано, что они разбойники. Они спрашивают: «Ну, дедушко, куда ты повёл сыночка своего хорошего, молодого, красивого?» – «Да надо его какому-то ремеслу подучить». – «Ты отдай-ко нам его, мы его выучим, да не одному ещё ремеслу, да ещё хорошему». Старик вернулся домой. А разбойники жили в лесу, у них была сестра Наташа. Приходит ночь, они будят его: «Вставай». – «А чё, куды? Ещё ночь, я не выспался». – «Вставай, вставай на работу, обязательно надо сейчас, а то нам прогул поставят». Пошли к одному богатому дядьке. В чулан окошко достали да заставили его лезти. Он выбрасывал, выбрасывал чё надо, оне ему говорят: «Хватит, вылезай». А там был такой тулуп собачий, тёплый, большой, хороший. Ванюшка этот тулуп берёт себе, они говорят: «Ты сразу себе самую хорошую вещь, только пошёл в первый раз». А он: «Вы ведь не лазили, я ведь лазил». – «А кто рамку доставал?» – «Я сейчас пойду скажу хозяину, пусть он скажет». – «Да ты чё с ума сходишь, ну иди». – «А вы подслушивайте». Он ушёл туда, где богач спал в спальне, зашёл туда и тихонько говорит: «Барин, а барин, я во сне видел: у тебя воры полезли да у тебя тулуп-от взяли. Кому он должен: кто лазил, доставал? Тому? Или кто только рамку доставал да на улице носил?» – «Да уйди ты, дурак». Он опять: «Барин, а барин, да скажи». «Да ну как же не тому, конечно, кто лазил, доставал». И пришлось ему отдать. Отдали ему тулуп. На следующие дни ходили. А Наташа девушка была хорошая, сестра-то, она этого паренька полюбила. Она говорит: «Давай поженимся да уйдём к вам в деревню, к твоим родителям жить». Ну, он согласился идти к родителям. Братовьям сказали, оне не против. Братовья свинью растили и говорят: «Вот вы женитесь, мы вам в приданое отдаём свинью. А если мы придём в эту ночь, вы её сопрятайте. Если мы её не найдём, значит, она ваша. Если найдём, вы обратно к нам придите». Ну, эти согласились.

Вечер приходит, Наташа говорит: «Куда мы свинью девам»? Там мельница была. Они взяли, на свинью надели баушкино, одежду-то, насыпали зёрен, она ходит там кругом зернышки собирает, а разбойники-то пришли да и говорят: «Вот, видно, сватья-то нас сегодня караулит, не спится старой сватье». Ходили, искали, искали и не нашли. «Я, – говорит брат, – тихонько пойду, спрошу у Наташи. «А где наша свинья? Я забыл, куда мы её спрятали». «Да ты чё? Мы накрыли её баушкиной одеждой, она мелет там, зёрнышки собирает». Они побежали, свинью-то схватили, побежали с ей. Ванюшка спал, спал, пробудился, схватился, а свиньи-то нет. Уздечку лошадиную взял да побежал. Ночка тёмная была да задожжало как раз. Оне несли на

себе, пристали. Раньше угольные печи в лесу бывали, а им надо покурить. «Ничё, Иван нас не поймат, убежали уже...».

А он вымазлся весь, зубы оскалил, глаза вытаращил. А тот стал говорить: «А, попался. А другой испугался, повернулся, о подушку-то, о двери стукнулся да пал и кричит: «Брат, да здесь чёрт, побежали». Побежали и свинью оставили. А этот тоже взял, свинью не на себе понёс, узда у него была, и увёл его. Те домой пришли: «Вот, не Иванушке и не нам не досталось. Чё будем делать»? А Ванюшка прибежал домой и говорит: «Давай сходим к братьевым, там у нас ещё имение осталось, кое-чё. Ты там заberi и будем жить». А тожно пришли к этим разбойникам, те шары выставили: «Как так? Чёрт забрал свинью. А пошто она тебе досталась?»

(Зап. в с. Юм Юрл.)

Иванушко

Были дед да баба. У них был сыночек один. Но он маленько был недоразвитый. Иванушком звали. Ну и вот. Он подрос уж маленько, в школу начинал ходить, учился. Мать его повела в церковь. Он в церковь сходил, ему понравилось. А на следующий день праздник подошёл, матери некогда идти стало: «Ты, Иванушка, иди, в церковь сходи хоть, сёдня воскресение». Он пошёл в воскресенье в церковь и видит: мужчина пашут на полях. А он говорит: «Дай тебе Бог торицу да мертвицу, а не хлеб чтоб уродился. Сёдня воскресенье, надо в церкви Богу молиться, а ты пашёшь». А тот рассердился да его плёткой нахлестал. Он вернулся домой и идёт, матери говорит: «Чё ты ревьёшь? А вот там дядька пахал, я ему вот чё сказал». «Да дурак, да ты бы сказал – дай тебе Бог носить да не выносить, возить да не вывозить». «Ой, дак я, мамка, пойду сейчас скажу». Ушёл, несут опять покойника как раз, он им говорит: «Дай вам Бог носить, да не выносить, возить, да не вывозить». Его опять тут настукали.

Пришёл опять домой, ревёт. Мать опять спрашивают с отцом, он и говорит: «А вот ты как сказала, мамка, я так и сказал». «Да дурак, дурак, да ты бы взял бы поплясал, да песенки попел, дак тебе бы хоть конфетки дали да хоть бы пива налили. У них ликёр есть, и вино с собой». «Ой, мамка, мне беда охота, я пойду». Побежал – опять горит гумно, все бегают, а он-то побежал, давай бежать, песни петь. Думают, что он поджёт: «Что это, дурак, тут горит, надо заливать, а ты чё это делаешь»? Опять ему попало, этому парнишку.

Пришёл домой, опять мать спрашивает, он и говорит: «Дак вот чё». А она и говорит: «Дак ты бы взял ведро, да у кого-то попросил, да заливал бы воду-то, носил-да». «Ой, мамка, я возьму ведро из дому, пойду заливать, да помогу». Побежал с ведром заливать. Дядька опять свинью парит. Он пришёл с ведром туда – залил! Он опять его настукал. Опять идёт домой, ревёт. Пришёл домой, мать опять спрашивает. Она и говорит: «Да дурак, ты дурак, да ты бы сказал ему – да дай Бог тебе этим кусочком-то розговиться в Хри-

стов день». «Ой, мамка, я пойду скажу». «Ну ступай, так и скажи». Пошёл, дядька сидит на кокорке, выкладывает, а он и говорит: «Дай тебе Бог этим кусочком разговиться в Христов день». Тот опять его налупил, он опять домой приходит, опять ревёт, мать и говорит: «Да дурак, ты дурак! Да ты бы шёл, да плюнул только на него, не на него, да хоть прошёл маленько, да плюнул». — «Пойду, мамка, я пойду, плюну». — «Ну, ступай». Пошёл, вышли, служат молебен на полях. Он подошёл, на крест-то плюнул. Тот опять его крестом-то стукнул, он пришёл, опять ревёт. Мать говорит: «Да дурак ты, да ты бы перекрестился, да поцеловал». «Ой, мамка, я пойду, поцелую». Пошёл, лошадка стоит да писает, он взял да перекрестился, поцеловал, она как лягнёт его, тут его насмерть и убило (*Елизавета-Пожва Юсв.*).

О черте и мужике

В сказке слыхала, чёрт-то пришел к мужику, мясо деесть.

— А ты где мясо нажил?

Я де сам де у себя де вырезал яички.

А тожно черт:

— Ну-ка я попробую сделать так.

Мяса охота стало, значит, поисть. А мужик тоже видно неплох был и бабу-то свою нарядил под овином топить. Раньше овинники топили. И вот пришел черт:

— У тебя ниче не болело?

— Нет, — бает, — ничё.

Черт кряхтит. Едва заходит, под овин спускаться:

— Ну-ка давай кажи. У тебя рана болит-нет?

А чё, баба заголила, показала ему своё-то место. А чёрт сам себя обрехал, дак кряхтит, ходит. (*Зап. от Никитиной Т.П., д. Мухоморка Юрл.*).

Сказка для молодёжи

Три мужика жили, три соседа были. Вот одному сосед говорит: «Ты, — говорит, — знашь, что у тебя хозяйка гуляет — не гуляет»? — «Не слышал! У меня хозяйка хорошая». Второй ему то же говорит. Потом говорят: «Пойдёмте на охоту дня на два-три, раз они хорошие, пойдем на охоту». Пошли на охоту, а тут дождь, всё перемокло, спички перемокли. А раньше плащи не были. Они идут с ружьями, всё перемокло, огонь зажигать нечем. Ночь пристигла их в лесу. Потом увидели далёко-далёко огонь. Послали которого помоложе: «Иди, сбегай». Он пришёл — там старик седой, большой, здоровый сидит у костра, костёр большой горит. «Дедушко, дай нам огонь, мы там тоже расположились, у нас костёр, всё наложено, а спички замокли». — «А ты вот Расскажи, сынок, у тебя жена гуляет — не гуляет»? — «Да ну, не должно быть, я не знаю!» — «Ну вот, Расскажи». — «Нет, не гуляет». — «Не дам огонь! Убирась! Не дам огонь, не сказывашь про свою хозяйку!» А он, видно, нехо-

роший был, не сказал, не признался, что у него хозяйка хорошая. Второго послали. «У тебя жена не гуляет»? — «Нет, у меня жена хорошая! Я ее дома оставил». — «Убирайся, не дам огонь!» Третьего послали. Третий и говорит: «Что у меня жена? Я ведь в душу ей не лажу! Хороша или плохая? Я не знаю, чё она там делает без меня»? — «Вот, молодец! Ты все-таки справедливо говоришь! Дам я тебе огонь». И говорит: «Завтра пойдем вместе, я покажу тебе историю». Поночевали, старик уже утром к имя подошел и всех забирает с собой. В деревню идут, подходят к этому дому, которой говорил, что баба хорошая у меня, а этого мужика превратил в барана. Старик говорит: «Пусти, де, меня ночевать». Пустила эта хозяйка. А там мужикам он сделал лица, что не узнала их хозяйка, что мужики деревенские. «Дак чё, ходили-ходили, заблуждали да всё перемокли! Да барашек с собой». — «В конюшню запрём». — «Нет, мы его с собой берем, где ночуем сами». Под порог барана привязали. Сама лежит на койке, ее дружок уже здесь валяется — они ночью пришли дак. Поглядел, баран-от: «Ме-е!» Сердится. «Чужой, — говорит — с бабой спит». Он рогами как кырснет! А она полено взяла: «Какого барана привели»? Как даст барана по рогам-то, кровь побежала. Ладно. Старик говорит: «Не трогай, зачем ты барашка у нас бьёшь, ведь он хороший барашек». Он взял, превратил мужика в самого мужика: «Ты чё, кого била-то, барана де била — вот баран стал мужиком!»

Мужик баню заставил топить. Мужик бабу стал парить. А как парить? А старик научил его: «Ты баню жарко истопи, а есть трава татарник, такая высокая, цветок у нее розовый-розовый, как у шипицы». А взять-то ее нельзя, траву. Как кактус. Она баню истопила. Он: «Пойдем в баню, которой грех надо смыть с тебя». Он рукавички взял, татарника много набрал. И татарником стал парить: «Будешь ешо, нет? Будешь ешо, нет»? Она покаялася: «Больше так делать не буду». А мужика-то не отпарил, мужик сорвался, убежал. Вот, чтобы такое дело до вас не дошло, а то татарником отпарят! (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Катя и соловей

Девушка была одна, любила парня бедного, а родители у нее были богаты. Так вот и они хотели, чтобы она за богатого вышла. Девушку звали Катя, а его Рычарди. Она дома не спит, ворочается всячески — кавалера надо. Родители говорят: «Давай-ко мы её на балкон с койкой унесём, там прохладно, пусть слушает пенье соловья и хорошо спать будет на свежем воздухе». Устроили её на балкон. А она кавалера-то на веревке подняла на балкон, и спят спокойно. Утром встают родители и говорят: «Пойдем, посмотрим, как наша дочь спит». Заходят, а они голые лежат. И она поймалась за место-то, и так и спят. Отец говорит: «О, наша Катерина хорошо сегодня ночевала, не то, что слышала пенье соловья, а в руку его поймала». (Зап. от Чеклецовой З.И., 1926 г.р., д. Кукольная Юрл.).

Золотая пяточка

Зять ко теще в гости приехал. А спать их на полати положили. Ну, он поиграл с бабой со своей, спят. А в полатах-ту шиль была, он как-то повернулся, у его и повешался в шиль-ту. Ну, тёща идёт, думает, у ребенка нога свисилась. «У, матушка, золота моя пяточка!» – и поцеловала. Мужик-от проснулся: «О, тёща у меня целует!» Так мужика и прозвали – Золотая пяточка (*Зап. от Мелешкиной А.Г., 1925 г.р., д. Чужья Юрл.*).

Про муху и комара

Раз комар решил жениться. Муха бросила учиться. Вот муж и вот дом, на х.. теперь детдом? Муха весело живет, сладко ест и сладко пьет. Муж зарплату все приносит и отчёт деньгам не просит. Не таскается, не пьёт, только женушку с..т. Все для мухи тащит в дом. Родила ему сыночка. Те же крылья, тот же лоб, даже х.. и тот похож. Тили-тили-бом, валяются гости к мухе в дом посидеть, поговорить, да и водочки попить. Наша муху хороша – раскрасавица душа. Красавица сама, на свете поискать. «Что сидишь рядом с комарином дома? Мы все время на работе, в воскресенье на охоте. А тебе сидеть – комарику песни петь? Посмотри, мы как летаем, как играем, как танцуем и поклонников у нас целый про запас». Загрустила наша мушка, нашей мушке очень скучно, поиграть бы, порезвиться. Мушка срочно валит к соседке, с мужиком гулять идёт. Видимо она погуляла, и комарик не стал её пускать, она кричит в окошко: «Прости меня за все». – «Для чего теперь орать, из царицы стала б..дь». Жук её выгнал. Полетела она к таракану. Таракан седовласый прогнал её. Она полетела к муравью: «Ой, мурашек молодой, буду я твоей женой». – «Я работать – не гулять, на х.. такая блядь», – тоже отказал. К комару летит она. «Ой, пустите меня на работу». – «Здесь работать не бардак». И полетела, он её не пустил. А кто-то отраву вывалил, она её наелась и подохла. Мухе крышка – людям смех. Это присказка (*Юм Юрл.*)

ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ

Заговоры, как известно, включены в контекст магического ритуала, заговорные слова (в крае их часто называют *молитвами*) обычно сопровождаются то или иное ритуальное действие. Заговорная традиция в исследуемом регионе отличается хорошей сохранностью, публикуемые тексты отличаются тематическое богатство (заговоры от различных болезней, от воров, от суда, от курения, к печи, на дорогу, на рассаду и пр.).

В языковом плане тексты заговоров демонстрируют активное обращение к императивам (изгнание болезни при помощи слов типа «*становись сустав на сустав*», «*рак, иди с тела белого*», «*уроки, идите на болото*»,

«песьяк, исчезни, иссохни, изотли, измочи»). Нередки в них формулы, перифрастически обозначающие зону, в которую удаляется негативное качество (*«туда, где зимой пахнут, летом снег гребут», «под порог»*). В них активно используются формулы устрашения и угрозы болезней (*«зубами загрызу»; «уроки, вам вариться, кипятиться, под осиновый кол забиться»*) и, напротив, формулы задабривания (*«Уроки, идите на болото, там вам пиво наварено, вино накурено»*).

Нередко тексты заговоров напоминают иноговорение, ср. в заговоре от ожогов – *«Сиси-биси с переварою, ветла-ветлосты, лапа-лапосты, сыра-сыросты»*). Основная же масса текстов наполнена библейскими образами (хотя нередко и более древние образы – облегчения просят, в частности, у зорь алых). Лечит, одолевает нечистую силу, очищает Пресвятая Матерь Богородица, Матерь Божия Елена, Иван Креститель, заковывает руки и ноги, зубы и губы нечистой силе Николай Моршень (слово моршень самостоятельно используется в говорах для обозначения женского головного чепца, но определение святого Моршень, вероятно, связано не с ним, а с диалектным переносным *моршить* ‘уничтожать’). Любопытным представляется использование в заговоре от грозы и града ветхозаветного образа Иосифа Прекрасного. Чаще всего Иосиф Праведный встречается в общерусской традиции в заговорах на основание нового дома, и, скорее всего, наделение Иосифа способностью отгонять тучи связано с тем, что любимый сын Иакова, проданный братьями в Египет, в народном сознании соотносился с самим Христом (он предвосхитил судьбу Иисуса Христа, стал его прообразом; недаром в народе так почитаемы духовные стихи о Иосифе).

По структуре многие заговорные тексты исследуемого региона (как и в целом севера Прикамья) отличаются небольшим объемом, часто представляя собой краткую заговорную паремию (в заговоре от клещей: *«Я в лес, клещи из леса»*, в заговаривании грыжи – *«Шепоты-ропоты, дай Бог леготы»*). Тем не менее ряд текстов включает «обязательные» элементы – молитвенное вступление; зачин; основную часть (описание определенных обрядовых действий, действительных или символических), императив, выражение желания, приказа или просьбы; закрепку (*«Будь моё слово при тебе крепко и твёрдо. Век веком!»*) и «зааминивание» (любопытный пример развернутого зааминивания-концовки представляет текст заговора от уроков – *«Свят дух аминь, трить аминь, аминь, аминь, аминь, с легкой руки, с доброй души, во имя отца и святого духа, аминь»*).

Публикуемые тексты свидетельствуют о позднейшей трансформации заговорной практики. В текстах появляются «нетипичные» персонажи – *«за-ря Катерина, вторая Маргарина, третья Мария Ивановна», «Машечка-вода, очисти Марию-рабу»*). В тексты включаются названия современных реалий (в заговоре от крови – *«на престоле лежит белый аппаратный камень»* – очевидно, вместо Алатырь-камень), даже литературные реминисценции (в заговоре от грозы – *«Иди, туча, отсюда, куда тебя зовут, здесь*

тебе делать нечего, иди стороной, в сторону южную, цепью жемчужною, все мучи волоки за собой).

От уроков. «Сквозные уроки бывают, кто-то в нечистом состоянии взглянул сквозь окошко, человек и засыхает. Тогда бабушки лечат, словами» (*Дубровка Юрл.*).

«Встану раненько, умоюсь беленько, выйду из ворот в ворота, из дверей в двери, в чистое поле, под частые звезды, под светлый месяц. В чистом поле стоит храм, во храме Пресвятая Госпожа Богородица. Пресвятая Госпожа Богородица, пособи-помоги рабу божьему (имя рек) выжить уроки из костей, из печени, из ясных очей, от русских, от белых, от черных, от черемных, Заутренний урок, полуденный урок, северный, восточный. Читается три раза». (*Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., д. Васькова Юрл.*).

«Встану раненько, умоюсь беленько, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, из заворей в завори, под красное солнце, под частые звезды. Солнце повертявши, земля потряхавши, отговорюсь от девки от русалки, от бабы – долговолоски, от сыча – рысача. Отговорюсь от чёрного, от белого, от рыжего, от кудрявого, от красного отговорюсь. У младенца (имярек) 77 болезней, 77 суставов. Становись сустав на сустав, а болезни отвалитесь. На горе стоит деревня она стоит не простая, образами занятая. Уроки – переполохи, идите ко старому хозяину, ко старой хозяйке, идите на болото. Там для вас нажарено, наварено. Пиво наварено, вино накурено. Идите, уроки, туда». (*Зап. от Пикулевой М.В., с. Пож Юрл.*)

«Стану лицом на восток, задом на запад, помолюсь Христу небесному, Пресвятой матери Богородице, всем святым светителям, всем святым родителям, притчи, пороки, уроки, идите на болото. Там вам вариться, там вам кипятиться, под осиновый кол забиться, мохом-травой зарастить». (*Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., Юм Юрл.*).

«Слова на воду наговорить и брызгать на кончики ложек. Ложки обмыть и на место положить. Говорить слова «Свят – дух аминь, свят тридевять аминь, как на кончике вода держится (обмыть ложки), все пройдет! (Вымыть ложки). Свят дух аминь, трить аминь, как вода стекает, свят дух аминь, тридевять аминь, как не держится вода, так пусть уроки не держатся на таком-то (имярек). Свят дух аминь, трить аминь, аминь, аминь, аминь, с лёгкой руки, с доброй души, во имя Отца и Святого духа, аминь». (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.*).

Встану я утром раненько, умоюсь беленько, шёлковым полотенцем утрюсь, у отца, у матери благословлюсь, по солнцу повернусь. Пойду из дверей в дверь, в чистое поле, по злат месяц, в восточную сторону. В восточной стороне есть двери стеклянные, в этих дверях стеклянных есть Пресвятая мать Богородица. Я тебе помолюсь, я тебе поклонюсь, ты благослови раба владельца (имярек), полечить-поправить, по-старому поставить, от урока, от приплока, от цукучек, от шипучек, от долгого зуба, от длинных волос, от пьяных, от пошлых, от худых дум. (*Зап. от Перебатовой А.А., 1929 г.р., д. Миронова Юрл.*).

От бесов. Плакун, плакун! Плакал ты долго, а выплакал мало. Не ка- тись твои слёзы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покориться, утопи их в слезах, а убегут от твоего позорища, замкни ям преисподнее. Будь моё слово при тебе крепко и твёрдо. Век веком! (Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла). Наговаривают на плакун (т.е. кипрей).

«Если недобрый рядом, говорят: «Вокруг меня раба, каменна стена, железный тын. Тридевяť аминь, тридевяť, тридевяť аминь». (Зап. от Трушниковой А.С., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.). Говорят тихонько, чтобы человек не услышал.

От полуношницы. Зори чёшные, зори красные, зори алые, зори вы зори, нате вам хлеба и соли, зори мармяные, возьмите с моего ребенка бессон- ницу, дайте сон-угомон (Тиунова Гайн.). «Хоть себе да скажи. Боги-то чуют, что говорить будешь. Это надо говорить у стола вечером. И круг стола ре- бенка носишь».

От крови. Легу не благословесь, встану не благословесь, пойду из две- рей в двери на колодну-то речку, погляжу на частые звёзды. Будет ричка, ричку-то перейду, на берег-высоку гору взойду, на высокой горе есть еще высокая гора, там есть столбики и маковки церковные. В матушку-церкву зайду, там есть престол, на престоле лежит белый аппаратный камень, за сто- лом сидит Матерь Божия Елена, я у нее попрошу иголочку зашить раночку. Девка-усилачка унялась. Встань на кирпич, кровь, закрепишь, встань на ка-мень, кровь не кани (Тиунова Гайн.). «Бойко говоришь, дак еще три раза ска- зать надо».

Шёл мужик по угору, вел быка за обору. Обора порвалась, кровь уня- лась (Лобанова Юрл.).

От ожогов. Сиси – биси, пьсьте – лизьте, пазьте – лазьте! Тьфу – тьфу – тьфу (Зап. от Ивановой А. В., д. Сергеева Юрл.). Слова повторяются три- жды.

Сиси-биси с переварою, ветла-ветлости, лапа-лапости, сыра-сырости. (Зап. от Ивановой К.Е., д. Миронова Юрл.).

Железную иголку ткнула, шелковую нитку зашила, царевом крылыш- ком вымазала (Тиунова Гайн.). «Тоже надо много раз сказать».

Сначала перекреститься. Затем сказать три раза: «дай нам, Господь, поводитья с рабом (указать имя). Огненная Соломея опалила, доброй кожи покрой». Плюнуть на ожог. «Аминь». (Зап. от Ивановой М. Н., 1932 г.р., с. Усть – Зула Юрл.).

Огненная Соломея обожгла, обварила – приставь кожу нову (Зап. от Пикулевой А.Д., д. Миронова Юрл.).

От ячменя (песьяка). Песьяк, песьячок, сходи на базар, купи топорок, иссеки сам себя поперёк, чтоб не был ни в роду ни в племени, исчезни». (Зап. от Перебатовой А.А., 1929 г.р., д. Миронова Юрл.). При этом нужно постучать три раза по сучку. Слова говорятя трижды.

«Возьму в руки топорок, секу вдоль и поперек, чтобы не было ни роду и ни племени» (*Пож Юрл.*). «Песьяк лечат, дак *кукышкой* тычут и наговаривают».

Потыкать ячмень деревянным сучком, показать фигу, плюнуть и уйти с того места, где происходило лечение. При этом приговаривают: «Песячок, песячок, сходи на рыночек, купи топоричек. Расколись, рассекись вдоль и поперек. Исчезни, иссохни, изотли, измочи» (*Усть-Зула Юрл.*).

Лечат ячмень, показывая ему кукиш со словами: «Вот тебе кукиш, что надо купишь. Купи себе литовку, ссеки себе головку». (*Зап. от Ефимовой Т.Ф., п. Майкор Юсьв.*).

Песяк-песячок, на-ко топорок, изрубил себя напоперек (*Зап. от Ивановой К.Е., д. Миронова Юрл.*). При произнесении заговора чертить больное место указательным пальцем, согнутым в виде буквы Г, крест-накрест.

От «могильной кости». Скула-скулица, красна девица, тут тебе не стоять, костей не ломать, я тебя отговариваю от костей, от мощей, от буйной головы». (*Зап. от Мелешкиной А.Г., 1925 г.р., д. Чужья Юрл.*). Слова наговариваются, когда хлебным мякишем натирают больное место. Хлеб после этого скормливают собаке, смотря, чтобы масть собаки совпадала с цветом волос больного.

От рака. «Исповедывал Иван Креститель, очищал, лечил души, очистил и исцелил раба божия (имярек) от рака. Во имя отца и Сына, и Святого Духа, аминь» (*Юм Юрл.*). Наговаривают на воду, наговоренную воду пьют на утренней заре.

Как рак пятится, так и ты, рак, иди с тела белого, с раба божьего (имярек). Иди туда, где зимой пашут, летом снег гребут, где мертвые спят, там тебя, рак, ждут, слово мое лепко и крепко, аминь» (*Юм Юрл.*).

Как яйцо в курицу не вернется, как сухой сук дубом не станет, так рак от раба божьего (имярек) откачнется-отстанет, во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь (*Юм Юрл.*).

Надо пойти на кладбище (одному), сорвать с могилы (мужчины, если лечат мужчину, с могилы женщины — для женщины) землянику с листьями и корнями, принести домой, никому не показывая, заварить ее в 12 часов ночи со словами: «Взяла у покойной, и отдала покойной». Как прокипит, поят больного». (*Зап. от Мазеиной А.Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.*).

От всех болезней. Огради меня, Господи, огради меня, Господи, силою честнейшею, животворящим Господним крестом от злых людей, от напрасной смерти, от скромной болезни, спаси, сохрани. Аминь. (*Зап. от Трушниковой А.С., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.*).

От скорбей. Царица небесная, Владычица, Мать у неба, земли, услышь меня, грешную и недостойную, от скорбей-болезней меня защити. Трудно мне, грешной, терпеть искушение, коварный, лукавый смущает всегда. Лишь только с тобой я найду утешение, всегда призываю тебя. Царица небесная, святым омофором меня покрой. Какая я смрадная, какая я грешная, о, Мати

моя, меня успокой. Избавь меня, Мати, от вечных мучений, научи меня больше молчать. Дай мне смирение, веру, спасение, научи любить и прощать. Научи, царица небесная, наставь меня, Мати, на истинный путь. Сподоби услышать, Царица небесная, как ангелы Божьи на небе поют. Грехами опутана, сердце что камень, а слёзы не идут. О, как я предстану, великая грешница, на страшный Божественный суд, Богу какой дам ответ я, свой материн взор на меня обрати. Моли жен ты Сына Христа Вседержителя, на страшном суде меня защити. Ты — моя Мать и Царица небесная, ты мой покров, ты надежда моя, Если на сердце мне больно и горестно, с надеждой всегда призываю тебя (*Сергеева Юрл.*).

От грыжи. «Молитвами мать лечила. Вот мудышки грызет у маленького — грыжу отговаривала. Сучок вот — «Как ты, сучок, исчезаешь, также исчезни грыжа». Вот и все, бросат, не будет грысти. Там надо первого и последнего, двух человек надо, молитвы-те говорить. Один грызёт, а другой спрашивает: «Че грызешь»? — «Грыжу». У нас опять мама котка опять кастрировали да котка мудышками-те тёплыми мазали. Мудышки-те грызёт. И сорок убивали, кровью тоже мазать» (*Сергеева Юрл.*).

«Чертят ножом или шилом. Вначале чертят вон несколько три сучка, а потом тебя чертят. «Вытрешиша, повытрешиша, перетенишиша, не красней не колися, не расходися. Будь мое слово верно и крепко». Какой-то мизгирь, крупный мизгирь... Раздавят его и этим, мальчика особенно, мошонку ему чертят» (*Майкор Юсьв.*).

Шепоты-ропоты, дай Бог леготы (*Зарубина Юрл.*).

Зори вы, зори, первая Катерина, вторая Маргарина, третья Мария Ивановна. Как заря с зарей сходится, тухнет-потухает, чахнет-исчахнет, так чтобы у раба божьего (имя) грыжа сохла-иссыхала, чахла-исчахала, исчезла-исчезала. чтобы не было запитоники, от меня болики. Аминь, Аминь, Аминь.

Один загрызает у ребенка грыжу, как кусает, другой, старший который в семье, спрашивает: «Чё грызешь»? — Грыжу. — Ну, грызи, чтоб не было ни роду ни племени. (*Зап. от Лехановой Е.П., 1921 г.р., д. Сергеева Юрл.*).

От чирья. Печиной чертят, то сучком, то ногтем. «Чирий Василий, исчезни, извезни, уйди. Как ноготь ломатся, крошится, так и ты, чирий Василий, скопись, изломайся» (*Пожва Юсьв.*).

От зубной боли. Наговаривают на питье: «Месяц в небе, солнце в дубе, сгинь, червяк, в зубе». (*Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., д. Васькова Юрл.*).

Зубы болят — надо на хлеб, на крошку наговаривать. «Константин млад вместе с молодой на море не бывал, мертвого тела не видал. У мертвого зубы не болят, десны не сыпят, так и у рабицы зубы не болят, десны не сыпите» (*Майкор Юсьв.*).

Стоя у рябины, взять несколько ягодок со словами «Матушка рябина, я тебя не рву, не ломаю, так и ты не рви, не ломай мои зубы». После этого ягоды нужно разгрызть (*Пожва Юсьв.*).

Месяц млад, у тебя есть брат Филат, у него зубы не болели, кости не ломило, десна не воротило. Аминь, аминь, аминь (*Юрл*).

От бородавок. «Как у ёлки у лесины сук исчез, так и исчезни бородавка. При этом водить указательным пальцем, против солнца. Раз три надо сделать. Чирьи и ячмень точно так же (*Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсъя.*).

Бородавки надо суком чертить или громовой стрелой. И говорить: «Как сук сохни, так и бородавка сохни». Двенадцать раз почертить и двенадцать раз сказать. И тоже: «Аминь, аминь, аминь». И проходит. И чирый эдак-то (*Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., с. Пожва Юсъя.*).

Бородавки были, так я их жгла ляписом... горячим веретно вертела... Накалю веретно, горячим будет, поверчу, нитку завяжу над бородавкой, в садок закопаю. «Чтобы не было веки с-по веки» (*Майкор Юсъя.*).

От грозы, грозовой тучи. «Иди, гуча, отсюда, куда тебя зовут, здесь тебе делать нечего, иди стороной, в сторону южную, цепью жемчужною, все тучи волокити за собой». (*Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.*). Когда гребешь сено.

«Сохрани, Господи, хороминку нашу от всех бед». (*Зап. от Чеклецовой З.И., 1926 г.р., д. Кукольная Юрл.*). Когда гром гремит, говорят.

«Батюшка Бог, прекрати, град не вали» (*Кукольная Юрл.*). «Когда гром, град. Помело или лопату хлебную в окошко выбрасывают и приговаривают».

Иосиф Прекрасный, разбери морок самый страшный! Господи, помилуй нас (*Монастырь Гайн.*). «Иосиф Прекрасный – он спаситель от грозы, от града».

К бане. Парится, жарится раб божий человек на сон, на угомон, на божий покой. В бане реви, а в доме спи (*Зап. от Шостиной Л.Е., 1939 г.р., д. Мухоморка Юрл.*). Заговор исполнялся, когда ребенку делают первую баню.

Спасибо, банюшка-матушка, Соломея-бабушка. Тебе на стоеньице, нам на здоровьице. Спасибо тому, кто баню топил, кто воду носил. Дай добра, здоровья (*Пожва Юсъя.*). «Ете слова говори, когда из бани идёшь».

Господи, благослови помыться-побелиться, дай бог леготы (*Дубровка Юрл.*). «Перед тем как идти в баню, говорят».

Жар в бане, чад из бани, горесть из бани, благослови, Боже! (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*). «В баню проситься надо, как заходишь, егема словама».

Ножки, бегайте, бегайте, моего (имя ребенка) не роняйте (*Пожва Юсъя.*). «Ребёнка парят в бане с таким наговором».

Матушка банюшка, Соломия-Карпушка, пусти меня погреться, помыться, попариться, пусти меня Христом Богом (*Зап. от Кузнецовой К.А., 1921 г.р., п. Майкор Юсъя.*).

Тебе, баня, на стояние, мне на спасение. (*Зап. от Копытовой Д.Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.*). Говорят, выходя из бани. Хорошо вспомнить при этом по именам тех, кто строил эту баню и высказать им благодарность.

На сбор целебных трав. Матушка-травушка, землёю рожденная, рабу божьему человеку такому-то на здоровье дана. (Зап. от Черногузовой Н.А., п. Сёйва Гайн.). «Роса спадёт когда. Где-то в часов двенадцать, в час, к обеду как говоришь».

На выгон скота. Егорей батюшко Храбрый, спаси мою коровушку Бурёнушку от всякого зверя и будь жива-здорова, домой принеси (Тиунова Гайн.).

«Благослови меня, Господи, на седний день господний со скотом, животом, благодатным домом, семью – семеюшку, с малыми детками на доброе здоровье. А скотинушку-матушку Господь-бог береги. Святавлася святая, береги и храни, и паси»!. (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Выгоняя домашний скот, нужно говорить: «Суседушко-братанушко, любю мою скотинушку, коровушку-белавушку, пой-корми, бело води, на зелёную травку отпусти, в дом приплод принеси» (Шожва Юсьв.).

На сон. Христу – богу молюсь, никого не боюсь, верую, верую Господу – Богу, истинному Христу, пресвятой матушке Богородице, благодатной Марии. Иисус Христос, Господь – Бог со мной, крест на мне, крест во мне, крест сзади меня, крест спереди меня. крест по бокам у меня, крест взголовьях у меня, Пресвятая матушка Богородица – в дверях. Аминь, свят – дух аминь, тридевять аминь. Спать ложусь, на доброе здоровье, на сон грядущий». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Крест на мне, крест во мне, крестом крещусь, крестом гражусь. крестом отгоняю лихорадок, за три горы, за три каменные, за тремя горами есть Иисус Христос, у Иисуса Христа на престоле пресвятая богородица Мария, мученица Божья мать, муки-мучится за меня, за родителей, за (имярек) богу молится. Спаси, Господь – Бог, от всяких бед, от всяких лихорадок, от всяких врагов на тёмные ноченьки, на грядущий сон, благослови, Господи». (Зап. от Сакулиной К.Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.).

Ангель мой, ложись со мной, огради мою постелю, огради мои телеса на тёмную ночь, на грядущий сон. Хрест на мне, хрест во мне, хрестом молюсь. хрестом гражусь, оятную (нехорошую) силу отгоняю. к себе ангеля приближаю. Господи Иисусе Христе, аминь». (Зап. от Моисеевой М.М., 1930 г.р., д. Зарубина Юрл.).

Николай Моршень, Николай Чудотворец, Николай Угодник, пресвятая Богородица-матушка, Божья мать, помогите (Тиунова Гайн.). «Вот уголь положишь, три угля, если уголь утонет, брызгать надо и говорить».

Благослови меня, Господи, на тёмную ночь, на глухие часы, на грядущий сон (Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.).

Вокруг меня круг: чертила не сама – чертила Богородица сама, Ангел-хранитель Богом мне дан. Ты спаси меня от несчастного случая, охрани меня и спаси меня. Аминь, аминь, аминь (Миронова Юрл.).

Доброе дело, Господь, силы честны животворящи у Твоего креста. Сохрани меня от всякого зла. (Зап. от Перебатовой В.А., 1934 г.р., д. Миронова Юрл.).

Спать ложусь, хрестом хрещусь, хрест на мне, хрест во мне, хрест в правой руке, хрест в ногах. Иоанн-Святитель, хрест — небесная высота. Спасите меня, сохраните меня на тёмную ночь, на грядущий сон. Ангелы в окошках, Иисус Христос в дверях, святая Богородица во взголовьях, дайте мне сон (Зап. от Жениной Е.М., 1921 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

«Во имя Отца, и Сына, и Святого духа благослови меня, Господи, на сон грядущий, моих детонек, скотинок, животинок». Ангел, мой хранитель, Богом мне дан, ты спаси меня от несчастных случаев. Охраняй меня и спасай меня. Аминь, аминь, аминь (Зап. от Жениной Е.М., 1921 г.р., с. Усть-Зула Юрл.). «Спать когда ложишься».

Утренняя заря Марья, вечерняя заря Маремьяна, сходите за облака, за зыбучие за болота, за леса за дремучие, унесите у (имярек) бессонницу, а принесите сон-угомон с аленьких цветочков, со пшеницы яровой. Аминь, аминь, аминь (Зап. от М.Н. Старцевой, 1928 г.р., п. Пожев Юсьв.).

«Добрый сон-угомон приходи, худой уходи» (Пожев Юрл.). «Перекрестить все окна и двери с этими словами».

Благослови меня, Боушко, на тёмну ночку, на грядущий сон, с маленькими детками, со скотом-шебутом, с благодательством. Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь (Елога Юрл.).

Маленький плохо спит, наговори да брызни их водичкой, остальную на улицу вылить: «Откуда пришла, туды и ступай». (Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожев Юсьв.).

Если у ребенка бессонница, его нужно умыть водой, и говорить: «Чёрному, чёрёмному, пьяному, поганому семьдесят семь дорог, уроки, идите все под порог». (Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.).

После сна. «Господу Богу благословляюся, золотыми глазами умываюся, благословляюся. Золотым полотенцем обтираюся, благословляюся. Золотой водой умываюся, благословляюся. Золотой одеждой одеваюся, благословляюся. Золотым светом выхожу, благословляюся. Счастье, дела так, материны слова, помилуйте, благословя». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.).

Вокруг меня круг, чертила не сама — чертила Богородица сама, ангел-хранитель Богом мне дан. Ты спаси меня от несчастного случая, охраняй меня и спаси меня. Аминь, аминь, аминь (Усть-Зула Юрл.).

На дороге. Ангел на дороге да господь на пути. Николай Чудотворец, дорогу освяти. Богородица, будь со мной. Аминь (Зап. от Лихачевой С.А., д. Монастырь Гайн.).

Пресвятая Божья Матерь впереди, Господь — сзади, Ангелы — по бокам. Все святые со мной (Зап. от Черногузовой Н.А., п. Сейва Гайн.).

Иисус Христос впереди нас, а Пресвятая Богородица позади. Ангелы по бокам, и нету места врагам (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Я сегодня собираюсь идти, открой мне дороженьку, спаси меня, сохрани меня от аварийной катастрофы, от ветра буйного, от огня колючего (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Потеряешься в лесу – надо деревце разрезать долом и сквозь его пройти. Мы ходили по ягоды, заблудились, одна с нами была, взяла, ножом разрезала до корня осинку, сколь смогла – от ветки ну до корня, и прошла. «Идите все за мной – возле не ходите, только старайтесь все за мной» (*Май-кор Юсыв.*).

Если заблудился в лесу, нужно произнести следующие слова: «Покажи, Господь, дорогу, покажи, Господь, дорогу, ангел-хранитель, просит тебя раба божия (имя), покажи дорогу». (*Зап. от Лихачёвой С.А., д. Монастырь Гайн.*).

От Лешего – надо читать: «Да воскреснет Бог и расточатся враги его, бежат от мира сего. Так и бесы погибнут крестным пламенем, яко тает хвост от мира огня, так и бесы погибнут от Креста животворящего. Во веки аминь, во веки аминь, во веки аминь». (*Зап. от Теплового Р.П., 1935 г.р., с. Пожва Юсыв.*).

«Ангел — на дороге, Господь — на пути. Николай Чудотворец, дорогу освяти. Богородица, будь со мной. Аминь. Аминь. Аминь» (*Зап. от Лихачёвой С.А., д. Монастырь Гайн.*).

Ангел навстречу, Господь на пути. Мать Богородица, в пути помоги (*Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., с. Пож Юрл.*).

Дому. С молитвой со Христом, наша хороминка, дверёчки, окошечки, дырочки, шелочки, боковушечка, посудка, водичка, коровка, телушечка. Пусть ангел господний пасёт, хранит (*Елога Юрл.*). Говорили, уходя из дома.

Пускай какую нечисть не говори, пусть избушка-матушка не слушает, а суседушко-батюшко, братанушко, всё дом стереги. И молитву претворяешь: «Избушка-матушка, слушай всё дома, басни нехорошие не слушай. Лихие люди с лихостью, Господь-Бог с милостью»!. (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

С молитвой, со крестом у меня, изба, оставайся, меня Господь спасет, сохранит»!. (*Зап. от Трушниковой А.В., 1934 г.р., д. Тимина Юрл.*). «Куда уходишь, избу оставляешь».

Батюшко-Господь, святая иконка, спаси всех людей, спаси моих матерей, спаси моих внучков, спаси моих детонек, спаси скотинку, животинку, нашу хороминку, нашу избушку (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.*).

Печи. «Печка – матушка, топись, веселись, обогревай меня»!. (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

Доброе дело, Господь, силы честны животворящи у Твоего креста. Сохрани меня от всякого зла. (Зап. от Перебатовой В.А., 1934 г.р., д. Миронова Юрл.).

Спать ложусь, хрестом хрепшусь, хрест на мне, хрест во мне, хрест в правой руке, хрест в ногах. Иоанн-Святитель, хрест — небесная высота. Спасите меня, сохраните меня на тёмную ночь, на грядущий сон. Ангелы в окошках, Иисус Христос в дверях, святая Богородица во взголовьях, дайте мне сон (Зап. от Жениной Е.М., 1921 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

«Во имя Отца, и Сына, и Святого духа благослови меня, Господи, на сон грядущий, моих детонек, скотинок, животинок». Ангел, мой хранитель, Богом мне дан, ты спаси меня от несчастных случаев. Охраняй меня и спасай меня. Аминь, аминь, аминь (Зап. от Жениной Е.М., 1921 г.р., с. Усть-Зула Юрл.). «Спать когда ложишься».

Утренняя заря Марья, вечерняя заря Маремьяна, сходите за облака, за забучие за болота, за леса за дремучие, унесите у (имярек) бессонницу, а принесите сон-угомон с аленьких цветочков, со пшеницы яровой. Аминь, аминь, аминь (Зап. от М.Н. Старцевой. 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.).

«Добрый сон-угомон приходи, худой уходи» (Пож Юрл.). «Перекрестить все окна и двери с этими словами».

Благослови меня, Боушко, на тёмну ночку, на грядущий сон, с маленькими детками, со скотом-шебутом, с благодательством. Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь (Елога Юрл.).

Маленький плохо спит, наговори да брызни их водичкой, остальную на улицу вылить: «Откуда пришла, туды и ступай». (Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожва Юсьв.).

Если у ребенка бессонница, его нужно умыть водой, и говорить: «Чёрному, черёмному, пьяному, поганому семьдесят семь дорог, уроки, идите все под порог». (Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсьв.).

После сна. «Господу Богу благословляюся, золотыми глазами умываюся, благословляюся. Золотым полотенцем обтираюся, благословляюся. Золотой водой умываюся, благословляюся. Золотой одеждой одеваюся, благословляюся. Золотым светом выхожу, благословляюся. Счастье, дела так, материны слова, помилуйте, благословя». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.).

Вокруг меня круг, чертила не сама — чертила Богородица сама, ангел-хранитель Богом мне дан. Ты спаси меня от несчастного случая, охраняй меня и спаси меня. Аминь, аминь, аминь (Усть-Зула Юрл.).

На дорогу. Ангел на дороге да господь на пути. Николай Чудотворец, дорогу освяти. Богородица, будь со мной. Аминь (Зап. от Лихачевой С.А., д. Монастырь Гайн.).

Пресвятая Божья Матерь впереди, Господь — сзади, Ангелы — по бокам. Все святые со мной (Зап. от Черногузовой Н.А., п. Сейва Гайн.).

Иисус Христос впереди нас, а Пресвятая Богородица позади. Ангелы по бокам, и нету места врагам (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Я сегодня собираюсь идти, открой мне дороженьку, спаси меня, сохрани меня от аварийной катастрофы, от ветра буйного, от огня колючего (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Потеряешься в лесу – надо деревце разрезать долом и сквозь его пройти. Мы ходили по ягоды, заблудились, одна с нами была, взяла, ножом разрезала до корня осинку, сколь смогла – от ветки ну до корня, и прошла. «Идите все за мной – возле не ходите, только старайтесь все за мной» (*Май-кор Юсёв.*).

Если заблудился в лесу, нужно произнести следующие слова: «Покажи, Господь, дорогу, покажи, Господь, дорогу, ангел-хранитель, просит тебя раба божия (имя), покажи дорогу». (*Зап. от Лихачёвой С.А., д. Монастырь Гайн.*).

От Лешего – надо читать: «Да воскреснет Бог и расточатся враги его, бежат от мира сего. Так и бесы погибнут крестным пламенем, яко тает хвост от мира огня, так и бесы погибнут от Креста животворящего. Во веки аминь, во веки аминь, во веки аминь». (*Зап. от Теплового Р.П., 1935 г.р., с. Пожва Юсёв.*).

«Ангел — на дороге, Господь — на пути. Николай Чудотворец, дорогу освятя. Богородица, будь со мной. Аминь. Аминь. Аминь» (*Зап. от Лихачёвой С.А., д. Монастырь Гайн.*).

Ангел навстречу, Господь на пути, Мать Богородица, в пути помоги (*Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., с. Пож Юрл.*).

Дому. С молитвой со Христом, наша хороминка, дверёчки, окошечки, дырочки, щелочки, боковушечка, посудка, водичка, коровка, телушечка. Пусть ангел господний пасёт, хранит (*Елога Юрл.*). Говорили, уходя из дома.

Пускай какую нечисть не говори, пусть избушка-матушка не слушает, а суседушко-батюшко, братанушко, всё дом стереги. И молитву претворяешь: «Избушка-матушка, слушай всё дома, басни нехорошие не слушай. Лихие люди с лихостью, Господь-Бог с милостью»!. (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

С молитвой, со крестом у меня, изба, оставайся, меня Господь спасет, сохранит»!. (*Зап. от Трушниковой А.В., 1934 г.р., д. Тимина Юрл.*). «Куда уходишь, избу оставляешь».

Батюшко-Господь, святая иконка, спаси всех людей, спаси моих матерей, спаси моих внучков, спаси моих детонек, спаси скотинку, животинку, нашу хороминку, нашу избушку (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.*).

Печи. «Печка – матушка, топись, веселись, обогревай меня»!. (*Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.*).

От курения. Когда человек спит, ему над головой считают слова: «Стоит на базаре дьяк, суёт ему чёрт табак, на, дьяк, покури, черта повесели. Дьяк ему и говорит: «Мне моя вера не велит. Я табак не курю и рабу божью (имярек) не велю. Слава Отцу и Сыну и Святому духу, аминь, аминь, аминь» (*Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.*).

От пьянства. Растворяют в воде четверговую (четверёжную) соль со словами: «Как Велик четверг, так и слова мои велики и сильны. Как эта соль тает, так и желание твое пить. Сорок святых стоят, на тебя, раб божий (имярек) глядят, не сводят очи дни и ночи. Чтоб раб божий хмельного не пил, в руки чару не брал. Слово мое лепко-крепко, аминь». С этими словами бросают 40 раз крупинки соли в напиток. (*Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.*).

От воров. Посреди двора стоит Голгофина гора. На той горе три ангела, три архангела-хранителя, защитители наших долец. Пресвятая Матерь Богородица, выйди на Сиянскую гору, кликни в золотую трубу. Избери всех воров и зверей и всю нечистую силу. Закуй им руки и ноги, зубы и губы, карие очи, чтоб не видели ни дня, ни ночи (*Зап. от Бабиковой М. П., 1933 г.р., Пикулевой Н.Н., 1939 г.р., д. Сергеева Юрл.*). «Выходят рано, до солнышка, к воротам и читают, при этом поворачиваются, как солнце ходит».

От суда. «Надевают, когда надо идти на суд, одежду, в которой умирает покойник, нестиранную чтоб. Тогда не так засудят. Надо сказать: «Чур мое слово». (*Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.*).

Чтоб избежать строгого суда, когда идёшь на суд, нужно пинать все встретившиеся ступеньки и пороги. Свечка, которую жгли на похоронах, зашивается в маленький мешочек и носится с крестиком, на шею подсудимого (*Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.*).

От суда маком судью посыпают. Или тенета надо истолочь и в глаза судье бросить, он потом ничего сделать тебе не сможет. Покойничку иголку надо втыкать в одежду подсудимого» (*Юрла*).

Чтоб не засудили, надо сеять мак, чтоб только не заметили, туда, где судья сидит. И слова говорить: «Как рожь цветет, как мак цветет, как все цветочки цветут, алые, белые, так чтоб (имярек) был ал, мил и люб судье и заседателю» (*Юрла*).

На рассаду. Черви, идите за тёмны леса, в пустые места, где цветочки много, там ешьте. Цветочки жёлтеньки, красненьки, беленьки – все. А мою капустку не ешьте». Говоришь, когда первую капусту садишь (*Гайн.*).

Чтобы мошка не ела, наговаривам, нехорошее, не скажем. Садить капусту рассаду и говорить: «Мошка как задницу не видит, так чтоб мошка не видела тебя». Не задеват, не ест. Кучкой возьмем, поливам так всё три раз. Это рассадим, наберём, снова также (*Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.*).

Присушить. Как присушают – деву, которая внизу-ту пасется, вымоют, муню-ту, воду соберут и напойт мужика, вот он и отстать не может (*Тимина Юрл.*).

От курения. Когда человек спит, ему над головой считают слова: «Стоит на базаре дьяк, суёт ему чёрт табак, на, дьяк, покури, черта повесели. Дьяк ему и говорит: «Мне моя вера не велит. Я табак не курю и рабу божью (имярек) не велю. Слава Отцу и Сыну и Святому духу, аминь, аминь, аминь» (Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.).

От пьянства. Растворяют в воде четверговую (четверёжную) соль со словами: «Как Велик четверг, так и слова мои велики и сильны. Как эта соль тает, так и желание твое пить. Сорок святых стоят, на тебя, раб божий (имярек) глядят, не сводят очи дни и ночи. Чтоб раб божий хмельного не пил, в руки чару не брал. Слово мое лепко-крепко, аминь». С этими словами бросают 40 раз крупинки соли в напиток. (Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.).

От воров. Посреди двора стоит Голгофина гора. На той горе три ангела, три архангела-хранителя, защитители наших долец. Пресвятая Матерь Богородица, выйди на Сиянскую гору, кликни в золотую трубу. Избери всех воров и зверей и всю нечистую силу. Закуй им руки и ноги, зубы и губы, карие очи, чтоб не видели ни дня, ни ночи (Зап. от Бабиковой М. П., 1933 г.р., Пикуневой Н.Н., 1939 г.р., д. Сергеева Юрл.). «Выходят рано, до солнышка, к воротам и читают, при этом поворачиваются, как солнце ходит».

От суда. «Надевают, когда надо идти на суд, одежду, в которой умирает покойник, нестиранную чтоб. Тогда не так засудят. Надо сказать: «Чур мое слово». (Зап. от Мазеиной А.Н., 1927 г.р., д. Осинка Юрл.).

Чтоб избежать строгого суда, когда идёшь на суд, нужно пинать все встретившиеся ступеньки и пороги. Свечка, которую жгли на похоронах, зашивается в маленький мешочек и носится с крестиком, на шее подсудимого (Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.).

От суда маком судью посыпают. Или тенета надо истолочь и в глаза судье бросить, он потом ничего сделать тебе не сможет. Покойничку иголку надо втыкать в одежду подсудимого» (Юрла).

Чтоб не засудили, надо сеять мак, чтоб только не заметили, туда, где судья сидит. И слова говорить: «Как рожь цветет, как мак цветет, как все цветочки цветут, алые, белые, так чтоб (имярек) был ал, мил и люб судье и заседателю» (Юрла).

На рассаду. Черви, идите за тёмны леса, в пустые места, где цветочки много, там ешьте. Цветочки жёлтеньки, красненьки, беленьки – все. А мою капустку не ешьте». Говоришь, когда первую капусту садишь (Гайн.).

Чтобы мошка не ела, наговаривам, нехорошее, не скажем. Садить капусту рассаду и говорить: «Мошка как задницу не видит, так чтоб мошка не видела тебя». Не задеват, не ест. Кучкой возьмем, поливам так всё три раз. Это рассадим, наберём, снова также (Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.).

Присушить. Как присушают – деву, которая внизу-ту пасется, вымоют, муню-ту, воду соберут и напойт мужика, вот он и отстать не может (Тимина Юрл.).

Берут молодую незамужнюю девушку за косу, затем бьют по косе ребром ладони, приговаривая: «Расти коса до пят – женихи торопят» (*Зап. от Сабуровой А.А., 1936 г.р., с. В. Лобаново Юрл.*).

Чтобы присушить парня, нужно срезать с каждого пальца своих ног ногти, сжечь их. Затем, идя по следу того, кого хочешь присушить, посыпать их этим пеплом со словами – «Как я хожу за тобой, так и ты за мной» (*Майкор Юсвь.*).

Чтоб муж не ушел, брали горсть земли с одного берега реки и горсть с другого. Нужно смешать эту землю и перекинуть через мужа со словами – «Как берег от берега не отходит, и ты от меня не отходи» (*Лобанова Юрл.*).

От сглаза, уроков. Сбрызнуть (человека или животное) неожиданно («с ветру») и сказать: «Чёрному-чёремному соль в шары» (*Городище Юсвь.*).

Правой рукой по солнышку и говори: «Сук сохнет, и болезнь моя в ноге сохни. Месяц убывай, и болезнь убывай. Как луна исчезает, так болезнь исчезай. Во имя Отца, Сына и Святого духа аминь». (*Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожва Юсвь.*).

Когда нога болит, по часовой стрелке водить рукой по больному месту и приговаривать: «Как сук сохнет, так и болезнь сохнет; как луна убывает, так и болезнь убывает; луна исчезает, болезнь исчезает. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» (*Юм Юрл.*).

Детей от уроков сбрызгивают водой с угольком (из рта или рукой, обмывая затем лицо тыльной стороной ладони). При этом говорят слова «Семьдесят семь дорог, уроки, идите все под порог» (*Майкор Юсвь.*).

«Машечка-вода, как очищаешь берега, так и очисти Марию-раба от уроков, от призоров, от чёрного, от чёремного, от пьяного, от поганого. Аминь. И три раза брызнуть из рта» (*Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище Юсвь.*).

От бесов. Крест духовный, крест церковный, крест спаситель, крест хранитель. Крестом я ограждаюсь, раба Анна, на седнешний день, на понеделничек. Крест по праву руку, хрест по леву руку, крест на месте передо мной. Крест-небесна высота, крест-земная широта, крест-морская глубина. Крест-Иисус Христос, крест-Пресвятая Богородица (*Зап. от Ефимовой А.П., д. Демидово Юрл.*).

От колдуна, от нечистой силы. Крест постилаю, крестом укрываюсь, крест в ногах, крест в голове, кресты по бокам. Крестом ангела встречаю, крестом дьявола отгоняю. А ты, брат Сантана, отойди от меня – за сто сажень в землю, за сто сажень в воду. Ангелы хранители, храните мою душу. Аминь (*Зап. от Трушниковой А. С., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.*).

Колдун-колдун, колдуй сам себя (*Пожва Юсвь.*).

Как к покойнику ничего не пристает, так бы и ко мне ничего худого не пристало (*Усть-Зула Юрл.*).

Надо, увидев человека, которого считают колдуном, зажать фигу в кулаке, и говорить: «Колдун – веретник, не пей мою кровь, змеиное жало, чтобы рот зажалю» (*Пож Юрл.*).

БЫЛИЧКИ

Жанр былички известен и в современной фольклорной традиции – как тексты, содержащие специфические предписания «правильного» и «неправильного» поведения в пограничных и стрессовых ситуациях. Помимо дидактической направленности, былички используются и просто как средство развлечения. Глубинная информация быличек – древние культы, отражение веры в духов (различных локусов – лес, река, поле, дома и хозяйственных построек, календарных духов).

В разделе публикуются наиболее развернутые тексты (см. также тексты быличек в разделе, посвященном демонологии). Наиболее распространенный персонаж быличек – леший, который примечателен тем, что особенно почитаем у охотников.

Под лесного попала

«Как-то в лесу рублили, косили. Одна девка под лесного попала. Сказывала – говорит, кошу, кошу, раз, коса сломалась, мне другую дали. И эта сломалась. Я пошла к кустам, а вышла, там не кусты вовсе, а избушка у лесного. Зашла, там старуха старая сидит, у её маленький ребенок. Старуха мне говорит: «Счас хозяин придёт, будет тебя кормить, ты ничего не ешь, не задевай, только реви». Ладно. Пришёл хозяин, накрыл весь стол, велит есть, а я не ем, реву. Так три дня было. На третий день он сказал: «Ладно, иди отсюда, тебя уж давно ищут». Так я домой и попала. А есть-то бы зачала, дак уж домой-то бы не бывать...» (Келич Юрл.).

Лешай

А тут одна опять от нас два километра Зарубина деревня от Дубровки. Там тоже лесник жил в лесу, раньше охраняли лес. И он там и жил. Построил домик, у их детей не было, они и жили вдвоем с женой. А как уж она с им познакомилась, с этим лешаем? Муж-от уходил на день-то в лес, охранял, потому что рубили *крадкой*, дома себе строили. И он обходил эти все гектары. Уйдет да на целый день. Она ведь с лешаем стала жить, с этим, с недобрым-то.

Раз они пошли в гости, на Петров день, к родителям. Погостили, давай домой. Муж-от пока собирался, зашел по её, её нету. Ходил, кричал, Офросинья ее звали, Фрося. Вот ходил, кричал-кричал-кричал – нигде нету. Как в воду канула! И потом он пошел один домой. Приходит домой – она вся мокрехонька. Он с ней так работал, что она вся мокрехонька. Все на ней мокрое, вся в мокре, он её насиловал когда. А лешай-то говорил ей: «Если скажешь про меня, я тебя задую». И ей пришлось всё потом рассказать. Её не стали туда отпускать. Раньше всякие молитвы знали. Она рассказывала: «Он меня на себе несёт, я пешком не хожу. Мы выше леса летим».

Нашли такого человека, который знает отговаривать. И вокруг дома-то чисто все чё-то какие-то бумажки навтыкали, написано на них чё-то. Навтыкали, облили всё с наговоров. Он к ней домой-то ночью-то пришел, дак чуть крышу не снёс. Такой ветер, говорит, поднялся, такой ураган – это лешай. Такой ураган поднялся, то так и думали: всё, раскладёт по брёвешку. О, вот эти всякие наговоры-те помогли. Её напоили, стали её поить. Она ить бежит! Её держали, её караулили. Потом с неделку дома её держали, и она вошла в ум, говорит: «А где же у меня муж? Мы же к вам в гости шли». Её лечили долго бабушки. И всё он от её отошел. (Зап. от Бугаевой М.М., 1924 г.р. с. Юрла).

Леший на Сдвиженье

«Люся в лесу завалят, уж обязательно оставят ему ляху в лесу. Нечистой-от дух он не с добра, ему надо подарить. Охотники в Великий четверг несут в лес подарки лесному – вино, хлебушко. Вот был у нас рыбак, сейчас уж его нету. Рыбачил все по Косе, там стоянки до сих пор стоят, избушки. Вот он раз поехал и в одной избушке остановился спать. А рыба ему в тот день не попала. Заходит в избушку, а там дяденька сидит, ходил по бересту и заплутал. Вот они, два старика, сидят, разговаривают. Тут уж зачерняло, затемноло как. Заходит к им дедушка лесной: «Здравствуйте». – «Здравствуйте». Попросил у их закурить, а они оба некурящие. Ну, он спрашивает, чё и как. Один говорит – по берёсто ходил да заплутал. «Ну, ничего, завтра дорогу найдешь». Второй говорит: «Рыба не попала». – «Ну, ничего, завтра тебе попадет». – «А ты сам чё де делаешь»? – «А зверей гонёю. Идите, посмотрите». Старики вышли, а на улице как день, а хотя и ночь. И тут все: и зайцы, и лоси, и медведи. Он как это сосвистнет, да: «Ух! Ух!» – только *целкотня* по лесу пошла, раз – и никого нет. Это, говорят, такой день назначенный есть, в тот день нельзя в лес ходить, дедушка всех зверей в грудку собирает. Здвиженье это». (Зап. от Деткиной А.И., 1914 г.р. д. Келич Юрл.).

В гостях у лесного

«Дедушко называем мы его, лесной, он в лесу живет. Вот расскажу вам, чё было. Как-то ветер подул, и дует и дует, вот, смотри, вот так вот и вертит! А мужик был, сидел у окошечка и де ел, а ветер летат. И взял: «Давай-ко я его!» И ножом-то бросил, со стола взял. Потом ходил, искал нож-от, не нашёл. Уж после дрова поехал валить зимой, заехал, дрова наклал, домой надо ехать – дорога нету! Такая нёпогодь поднялась, такая пурга-метель. Не может выехать-то. Тёмно стало. до ночи дотянул, дороги нет, куда деваться? Он тожно испугался, мужик-от. «Гляжу де огонек горит, ну-ко, на огонёк пойду, деревенька поди недалёко!» Выехал – одна стоит изба среди лесу. Он заходит: «Можно»? – «Можно, чё ты тут издишь, де»? – женщина вышла. – «А дорогу спутал, не знаю, куда выйти». – «А ты дорогу без хозяина не най-

дѣшь. Пойдѣм, за стол посажу. Он будет угощать, только хлеб не ешь у него. Все ешь, а хлеб нельзя — останешься тут на всю жизнь!»! Вот и он не стал хлеб исть у него. А мужик, хозяин-от, хлеб-от режет ножом. Мужик-от глядит: ножик-от его, евонный ножик-от. Хозяин: «Чѣ де ты смотришь на ножик?» — «Да у меня такой же был, да я потерял его. Ветер де дул шибко, я и бросил в него». — «А, вот это ты его бросил, это твой ножик! У меня нога де столько времени болела, по ноге мне попал. На чѣ де бросаешь? И вот по ножик и приехал. Тебя никто бы не заманил». Ну, мужик все рассказал, а раз хлеб не ел, хозяин ему: «Поезжай домой и больше так не делай!»! У мужика волосы ежом, дыбом встали, как у ежа стали». (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Письма лесному

«А у нас в прошлом году у сестры Марии телѣнка стали выпускать, а тут он, не живѣт вместе-то, а так приходит, помогают, ну, приспѣшник, помощник-любовник. А он чѣ-то там: «Мать вашу!»! Во дворе, пришел пьяный. А она, Мария, заругалась: «Какой тебя лешак сюда наволоку де пьяного де во двор!»! А назавтре утром телѣнка стала выпускать, а телѣнка за веревочку-то внучек дѣржит. Когда она стала двери открывать-то, тут ворона налетела: «Ка-ар — ка-ар» только. Парня-то чуть не разволокла, чуть не расшибла. Он, телѣнок, испугался ворону, убежал. Дак больше недели искали телѣнка-то, убежал с версочкой, и всё. Сразу кинулись за теленком — и нигде нет. Потом по всем обошли, может, ко скоту бы вышел. Лошадь тут ходила, к лошади бы прибсжал. А не вышел. Тожно нашли, километра полтора от дома-то, в лесу. Там пень был, лесина была срублена, и округ пня он тут ходил. Замотался, тут бы и помер. Дак есть один мужик, письма пишет этому лесному, старик, в Тимина, знаткѣй. Кисель его прозывают, пряткий такой. И вот он написал письмо, на трёх бумажках. В письмах пишет наоборот, не узнаешь, как написано. Он только сказал: «Ищите скорей, а то он пропадѣт у вас. Он ничѣ не пѣт, не ест». И мы ушли на рѣстанье, на перепутье, три бумажки все расклали, испекли еще пирог маленький, из рыбы, наввысоко, на пень, положили. И на третий день нашли, у пня захомутался. Ворона-то и есть лесной, летел, в ворону превратился и закричал: «Кар!»! Испугал телѣнка-то специально, раз ругались во дворе-то. Нельзя во дворе ругаться со скотиной, идти с молитвой надо, говорить: «Благослови, Бог, в добрый час, во святое время!»! (Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., д. Ефремова Юрл.).

Черная собачка

«Бабушка родилась в деревне. Семья, видимо, была большая, и еѣ взяла в покормянки одна семья. Покормянки называли — это как приёмная дочь. Там, в деревне, еѣ звали Варвара, а в Юрлу приехала — стала Настя. Ну и вот там, в деревне, остался брат. У него было много детей. И вот, говорит, по-

следний ребенок, девочка, была такая беспокойная. Раньше, особенно в летнюю пору, надо было с шести часов утра выходить на работу. И до темноты все, особенно когда жнива начинается. А дело-то было не летом, зимой. Это она все к рождественским праздникам, видимо, подурочила. Говорит, ребенок плачет-плачет, и мать-то говорит: «Да хоть бы тебя чёрт забрал к себе». И видят, ночь-то ясная была, под окном беглит чёрная собачка, залезает к ним на крыльцо, начинает стучать. Какая собака будет стучать по-человечески! Она, значит, перепугалась. Это ее сноха. Потом начала по старинному обычаю все двери чистить, молитвы творить. Раньше же с раннего детства учили детей молиться. А когда петух пропел, с крыльца собака убежала. Потом прошло сколько-то времени. Эта девочка пошла за грибами в лес и потерялась. И вот, день нету, два. Вся деревня ищет. А на бересте писали письма. Значит, потеряется скотина, тем более человек, писали письма, просьбу помощнику человека. И оставляли эти грамоты на пнях. И вот девочку нашли. Она просто вышла на дорогу. «Где ты была?» — спрашивают. «Я, — говорит, — была у бабушки и из этого дома видела ваш дом». — «Что ты там делала?» — «Я помогала ему пасти зайцев». И вот зима прошла, летом её дедушка водил-водил, и летом вдруг она заболела и умерла, эта девочка. И всё, говорит, сноха себя ругала, что веку не дала я ей. Моя бабушка никогда не говорила «проклятый» и запрещала моей маме». (Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., с. Пож Юр.).

С лесным зналась

«Мы на кутор ездили тут из деревни-то, на куторе жили два домика. Это в тридцать четвёртом году еще. Тогда годы-те плохие были, тридцать четвёртом году *галоги* были. Я еще в школе училась, лет двенадцать было. Мама у нас боронила. Брат был старшим. Тогда токо колхозы-те эшэ образовались, те года. Они допоздна боронят, и домой-то не пришли. Мы на куторе как сами собой и спали токо ребята-те. Мы три сестры, еще брат был маленький у нас, Ванька. Утром, мы эшэ спим, прибежала соседка, девка тоже. У неё тоже были трое ребята-те, две сестры и парень. Отец у их дома не был уже. А мать-то боронила и домой пришла спать-то, а наши-те не пришли. Она прибежала и стукатся, говорит, открой ворота, открой. Я говорю, чё надо. Откроешь, говорит, дак скажу. Но мы ей открыли, пустили. Она говорит, мол, у нас мама убежала, повешалась на ёлку. Мы пошли с ей. Я никого не вижу, она видит, быдтьто мать-то висит. Тожно, говорит, ты иди, сюды деревню-то, и скажи матере, что у нас мама-то так получилось. Я пошла в деревню-то сказать, а водопо́ль была. А мама-то уж бежит домой к нам. Говорит, ночью-ту рёв был, поди де кто вас там пообидил, может, корову вывели. Зинкой звали женщину-ту. Я говорю, она вот повисилась. А вот, говорит, кто-то стонет тут логу-ту. Мы перешли с мамой-то. Она лежит в ричке, в луке. Не утонула. Лежит в воде, а на себе-то шабур, оно вся поднялася, без штанов, без всего, назад себя косы. Косы распушшены. Лежит. Я боюсь.

Она: а-а. а-а [вздыхает], — делат токо. Всё токо пена идёт как. Ойкат. Мама говорит, давай её вытащим за ноги, помоги. Мы её вытащили маленько дальше как из лужи. Она токо — ы-ы-ы — сфыркнула и тут и душу отдала. И вот быдто она зналась с лесным, эта женщина. Муж-то у неё сидел в тюрьме. Она быдто мужика-то ждала. Быдто пришёл вроде как муж. А то вот быдте лесной к ей кодил. Когда боронили, она женщине рассказалася. И вот не надо сказывать, что он ходит к ней. А она как рассказалась, и он быдто её уташил, бросил в воду-то. Потом косить стали. Ножнички она с собой взяла. И ножнички-те маме на литовку попалися. И она юбку потеряла, по логуту когда бежала. Может быть, правда он гнал её. И она дома-то так мучилась, как дочь-то рассказывала. Было у её колечко на руке. Она сняла, колечко бросила. И в окошко как смотрит, вроде как говорит с кем-то. Но оне-то нечё не понимают. Оне всё с ей мучились, мучились, не пускали её. А потом спать закотели, уснули, она убежала. Убежала, и вот покоронили потом». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

В бане

«В бане тоже, говорят, черти есть. Я никого не слыхала и не видала никаких чертей. У нас свёкор был, он в бога не веровал. Раньше бани ставили, счас эдь ставят вплоть прямо в ограду и всё, а раньше на *бобочкины* ставили, где огород кончатся. Далеко постройки были, от пожара. Он рассказывал один раз. Но он в бога не веровал. Он еще когда умирал, вот чтоб мне никакие свечки не делали, ничего — наказывал. Ходили они в баню. Он ходил с соседом одним. Он пришёл в баню один и ждал этого соседа, когда он ему придёт. И вот, говорит, жду, смотрю, заходит его жена, свету-то. Заходит и берёт меня за бородку, прямо в каменку толкат меня. Я, говорит, сопротивляюсь и ничего не могу сделать. И свет потух. Раньше ведь электричества не было, просто такая *шантавочка*. Шантавкой называли, может куда-нибудь сунут, сделают такую штучку, зажгут, там керосин нальют, и горит. Толкат, ничё не могу сделать, свет потух. Куда, говорит, не кинулся, везде стена и не могу дверь найти. Потом сказал: «Если бог есть, то двери откроются». Как, говорит, открылись, и меня прямо туда толкнул. И он так передбанник-от и пал. Точно прибежал домой. Сначала рассказывал, потом стал отпираться, не стал рассказывать, потому что мы не верим. Говорят, что в банях умирали. Всё говорят, черти задавили да что». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

Девка в бане

«Колды-ко ребята сбились об заклад, штобы сходить ноччу в баню по камень. Вот пошёл один парень по камень. В баню зашёл, и двери заперлись. Он тожно торкал-торкал — двери не отпираются. Там кто-ко держит двери и говорит ему: «Замуж возмёшь, дак отперу». Ну, он бился-бился и сказал:

Она: а-а, а-а [вздыхает], — делат токо. Всё токо пена идёт как. Ойкат. Мама говорит, давай её выташим за ноги, помоги. Мы её вытащили маленько дальше как из лужи. Она токо — ы-ы-ы — сфыркнула и тут и душу отдала. И вот быдто она зналась с лесным, эта женщина. Муж-то у неё сидел в тюрьме. Она быдто мужика-то ждала. Быдто пришёл вроде как муж. А то вот быдте лесной к ей кодил. Когда боронили, она женщине рассказалася. И вот не надо сказывать, что он ходит к ней. А она как рассказалась, и он быдто её уташил, бросил в воду-то. Потом косить стали. Ножнички она с собой взяла. И ножнички-те маме на литовку попалися. И она юбку потеряла, по логуту когда бежала. Может быть, правда он гнал её. И она дома-то так мучилась, как дочь-то рассказывала. Было у её колечко на руке. Она сняла, колечко бросила. И в окошко как смотрит, вроде как говорит с кем-то. Но оне-то нечё не понимают. Оне всё с ей мучились, мучились, не пускали её. А потом спать закотели, уснули, она убежала. Убежала, и вот покоронили потом». (Зап. от Ведерниковой П.К., 1922 г.р., д. Живые Кудымк.).

В бане

«В бане тоже, говорят, черти есть. Я никого не слыхала и не видала никаких чертей. У нас свёкор был, он в бога не веровал. Раньше бани ставили, счас эдь ставят вплоть прямо в ограду и всё, а раньше на *бобочкины* ставили, где огород кончатся. Далеко постройки были, от пожара. Он рассказывал один раз. Но он в бога не веровал. Он еще когда умирал, вот чтоб мне никакие свечки не делали, ничего — наказывал. Ходили они в баню. Он ходил с соседом одним. Он пришёл в баню один и ждал этого соседа, когда он ему придёт. И вот, говорит, жду, смотрю, заходит его жена, свету-то. Заходит и берёт меня за бородку, прямо в каменку толкат меня. Я, говорит, сопротивляюсь и ничего не могу сделать. И свет потух. Раньше ведь электричества не было, просто такая *шантавочка*. Шантавкой называли. может куда-нибудь сунут, сделают такую штучку, зажгут, там керосин нальют, и горит. Толкат, ничё не могу сделать, свет потух. Куда, говорит, не кинулся, везде стена и не могу дверь найти. Потом сказал: «Если бог есть, то двери откройтеся». Как, говорит, открылись, и меня прямо туда толкнул. И он так передбанник-от и пал. Точно прибежал домой. Сначала рассказывал, потом стал отпираться, не стал рассказывать, потому что мы не верим. Говорят, что в банях умирали. Всё говорят, черти задавили да что». (Зап. от Оняновой Н.А., 1928 г.р., д. Ракишино Кудымк.).

Девка в бане

«Колды-ко ребята сбились об заклад, штобы сходить ноччу в баню по камень. Вот пошёл один парень по камень. В баню зашёл, и двери заперлись. Он тожно торкал-торкал — двери не отпираются. Там кто-ко держит двери и говорит ему: «Замуж возмёшь, дак отперу». Ну, он бился-бился и сказал:

«Возьму». Так сказал – и двери ему отперла девка. Ну и полезла в баню. Села на полок, и оне назначили день, колды по её придёт. Он прибежал домой, и матери сказал про это. Мать чё, испужалась, а дичча некуды. Девка сказала: «Не придёшь, дак умрёшь». В назначенный день приехали оба с матерью, привезли ей платтё. Дефка одела платтё и приехала с имя. Тожно, это, стали оне жить вмисте. Жених и говорит: «Вот у других дак тѣшши есь, а у меня негу». А она бает: «У меня тожо есь». Поехали оне в гости, ехали далёко, приехали к домику ночью. Стукаются в избу. Их не пушшают. Она бает: «Отпирай, мама! Твоя дочь приехала». А баба из избы бает, што её дочь на пече. И правда, на пече лежит и хнычет дефка. Оказалось, што дочь переми-нённая» (Юм Юрл.).

Квашенка и щетка

«Как-то мамка рассказывала. Женихов девки в Святки гадали, какой жених мне попадет. Щётку де вешали под окном. А видимо только одна была дома, родители уехали или ушли куда-то. Щётка оборвалась и прибежала к ней на печку (она на печке спала). А на печку-то, говорят, они не полезают, нечисты-те. Сама щетка прибежала и прыгат, прыгат. Она увидела, что прыгат, и говорит ей: «Ты чё прыгаешь? Зачем ты прыгаешь»? Она не говорит, щётка-то, она просто время тянет, чтоб петушок-от не спел. А была квашонка дена печке-то творёная. Будто квашонка говорит: «Ты послушай, как я здесь живу, как меня обижают, и то я не прыгаю. Вот меня сначала посеют, потом я вырасту, потом ветер, дождь, мне так плохо. Потом меня убирают. Потом меня колотят, бьют. Потом меня веют. Потом меня на мельницу везут. Потом меня мелют. Мне так плохо, так плохо, я и то не прыгаю. А ты так прыгаешь, когда тебе ничё такого нет». Все так время тянула, тянула. Петушок спел, щётка упала. Так и волосы не расчесала и не узнала, какой жених. А если б не квашенка, он мог бы даже задавить её. Вот это было, говорят, раньше опасно» (Пож Юрл.).

Чёрная женщина

«У нас дед рассказывал, были [черти], когда слушаться пойдёшь. Я вот сама один раз слушаться ходила тоже. Я ребят уложила, сама убежала. Время было около двенадцати. Тут у нас как раз мельница была. И туда была росстань, сюда была, и туда. Я на эту росстань встала и стою. Стою и слушаю. Стояла, стояла. И слышу, как вроде кто-то идет с той стороны, так близко. Идёт, и снег-то хрустит, морозно было. Всё ближе и ближе, и ближе. Я не смею, глаза у меня закрытые. И всё поближе ко мне подходит и подходит, еще как вроде на санках. Я испугалась, завернулась и обратно домой. Домой прибежала, испугалась, легла прямо к ребятам в середину. Во сне вижу: вроде это бельё, которое постирала, повесила его. Во сне вижу – у меня это бельё висит, пришла какая-то женщина, такая чёрная, волосы длинные, и

бельё всё мое пачкает. Я говорю, ты что у меня пачкаешь, я только щас постирала, повесила. Она так раз встала в *межүток*-то, между бельем-то. Ой, проснулася. Проснулася и опять испугалась, чё-то не к хорошему. И вот я была в положении, 29 января я родила, и у меня ребенок неживой. И вот так у меня дед увез на санках». (*Зап. от Корюкиной М.И., 1932 г.р., с. Полва Кудымк.*).

Порча-лягушка

«Свёкор, свекровка поехали в Сольим покупать тёлку. И с вечера договорились с одной женщиной. Она была сама переселенка, татарка. Татарки, они знающие. Они очень знающие некоторые, колдуны. А там у нас жили тётки, у свекровки сёстры. Они к ним переночевать-то ушли, и сказали, что тёлка-та негодная, что бык задавил, негодная будет корова. Они решили другую тёлку купить. Когда уже тёлку повели домой поводом, эта татарочка-то, говорит, идёт и кричит как может: «Вспомните меня, вспомните меня»! Только домой пришли, тёлку привели, и свёкор заболел. Заболел, вот, говорит, давит, дышать не может. Вот совсем уже задыхаюсь. А в Пятигорах жил, у нас родственник тоже был он, дядя, у свёкра-то дядя. Он к нему поехал. Взял бутылку водки и к нему поехал. Дядя-то его вылечил. У него выскочила со рта лягушка, живая лягушка. По ветру, говорит, передала. Я, говорит, только зашёл к ним. Он говорит: «О, тогда, мыйлõ локтін. Матицаыс сайõ эн мун /О, знаю, зачем пришёл. За матицу не переходи/». Если за матицу перейдёшь, уже не действует, не будет лечить. «Мыйкõ ваин серат? /Что-то принес с собой?/». — «Я бутылку принёс». — «Ну-ко давай, щас тэкõt юамõ сйõ /сейчас с тобой ее выпьем/». Налил стопку, шептал, шептал, шептал, что-то ходил, молился, шептал. Кодит, кодит по дому, шепчет что-то, шепчет на крепко-то. «Ю. Да пондас рвота если, не берегись. Кытõн кутас, сэтчõ и бсõt /Пей. Начнется рвота, не берегись. Где схватит, там и выблевай/». Больше рвота его стала вызывать, он как каркнул, у меня, говорит, лягушка шлõп-шлõп. «Поймай, поймай», — говорит. Он быстро ушёл тогда к нему. Если, говорит, ты дольше бы продержал, прожил, она бы там выросла очень много и задушила». (*Зап. от Вяковой Ю.И., 1945 г.р., д. Несоли Кос.*).

Собака в бане

В 1957—1958 году сдружилась я с соседкой своей, тётей Валею. В гости к ней ходила, в бане вместе мылись. Зайдём, бывало, в баню, она жару поддаст и веником под полог брызжет да приговаривает: «Мойтесь, притки, мойтесь, еретики»! «Что ты делаешь»? — спрашиваю. А она смеётся только. Меня все вокруг спрашивают: «Как ты не боишься с ней ходить: нечистая она, колдунья». Я всё не верила. Да она меня как внучку любит, что, мол, она мне сделает. А как-то тётя Валя меня к себе позвала и сказала: «Завтра я в Горький уезжаю. Хочешь всё знать»? Я-то и согласилась. Она меня после 12

в баню завела и наказывала: «Помоешься — свечку потуши. Ты сковородку открой, там чёрная кошка, дохлая, лежит. Потом собака зайдёт, дак ты к ней в пасть и полезай». Удивилась я, но не помню, чтобы испугалась шибко. Помылась спокойно, затем рука моя сама к свечке потянулась и потушила. Каменка тут сама собой отворилась, и дверь в предбаннике стукнула. «Тётя Валя!» — крикнула. Но не было там её. Подумала, что парни посмеяться решили, молодая ведь была. Тут смотрю собака чёрная передо мной стоит, рот открыла, язык до пола свисает, а внутри — пламя ... Испугалась я — и домой прямо нагая выбежала. На следующий день она как на меня набросилась: «Ты что, дура глупая, убежала, я для тебя целую неделю кошку ловила». С тех пор не видела её боле. Тогда испугалась я, маленькая была, сейчас не испугалась бы» (*Сёйва Гайн.*).

МАЛЫЕ ЖАНРЫ

Местную речь отличает разнообразие выразительных средств, в том числе активное использование метких и образных речений, за которыми нередко стоят устойчивые местные культурные реалии. Так, выражение «*дорогой сырчик к Петрову дню*», имеющий примерно тот же смысл, что и выражение «дорого яичко ко Христову дню», отражает местное обыкновение готовить к Петрову дню особое творожное изделие *сырчик*. Выражение «*найётся по черту клобок, по Сеньке шапка*» о дружбе, связи в чем-то сходных людей, по словам местных жителей, мотивировано тем, что в старину здесь «носили какие-то клобуки на головах. Вот и говорят — найдётся де по чёрту клобок, по Сеньке шапка» (*Таволожанка Юрл.*). В других выражениях фигурируют сугубо местные слова: «*и в постный день поп колтыш пьёт*». Выражение шутливо комментирует относительность понятия праведности (слово *колтыш*, вероятно, от коми-пермяцкого *кольт кыш*, обозначает яичную скорлупу).

Многие местные выражения не имеют общеизвестных аналогов. Выражение «*липа всяко лист стелет*» (*Балда Юрл.*), например, характеризует сложность жизни, разнообразие жизненных коллизий: «Приехал один свататься, а сам уж женатый был. Lipa ведь всяко лист стелет, всяко бывает. вот и надо отказываться». Выражение «*артельный скот солому мнёт*» шутливо характеризует быстроту любого действия, которое выполняет человек не один, а вместе с другими (ср. также — «*у одного и каша во рту выстыла*»). Другие представляют любопытные варианты общенародных речений. Так, вместо распространенного в Прикамье выражения о перменчивости осенней погоды «*осень на семере ездит*» в Юрлинском крае говорят в рифму — «*осенью погода на семи подводах*».

Тематически разнообразие местного пословично-поговорочного материала может быть представлено в группах выражений о браке (*Крещение —*

девушкам решенье, хороший жених — петушок раностав, подольше в девках, покороше в бабах, замужество не красота, а только сердцу сухота, в замуж идти — по страшну рожу, по большу пузу); в суждениях о времени, судьбе и жизни: житьё не веревочкой связано, у Бога дни не с решето (т.е. жизнь ограничена), не столько смертей, сколько болезней (о необходимости в болезни сохранять оптимизм), жили не люди и умрём не покойники, день ото дня — к смерти поближе, годы не уроды, за годом — за морем. Выражения чёрт силен, да воли нет и крест да молитва — всему голова подчеркивают характер религиозного сознания обитателей края.

Поговорки затрагивают самые разные темы. Шутливые оценки старости высказаны в выражениях *когда смерть придет, не знаю, жду — дожидая, старость — не радость, сиди на печке, грей сердечко*. Иронические характеристики родни даны в коротких фразах типа *кум — большой ум, сватья — задупай платье, зять — нечего взять*. О беспокойстве скажут — *бьётся как муха в ухе, то тебе недосуг, то я на сук*. Некоторые темы местными поговорками разработаны особенно детально (супружеская жизнь, характер человека и пр.).

Помещенные в разделе пословицы и поговорки записаны от жителей д. *Ананькина* — Бахматова А.Е., 1898 г.р., Бахматовой Е.Е., 1894 г.р., Мелехиной А.Е., 1914 г.р.; д. *Миронова* — Бахматовой А.А., 1914 г.р., Суворова Т.Ф., 1898 г.р.; д. *Ловва* — Штейниковой О.Е., 1905 г.р., Штейникова П.Е., 1909 г.р. Много загадок получено от Сабуровой А.А., 1936 г.р., с. *В.Лобаново Юрл.*

Пословицы

О браке и семье

Гонись не за basiной, а за умом-разумом.

Ближняя невеста — с зарокотом, дальняя — с двумя да тремя.

Кто выбирается, тому задняя нога попадаетея.

Какие ласки, таки и глазки.

Нет ребят, так и старикам рад.

Жениться — не в крапиву ср..ть садиться.

О ремесле

Не клин да не мох, плотник бы сдох.

Хомут сзади не надевают.

О судьбе

Счастливый — к обеду, злосчастный — к обуху.

Век правдой не проживеешь, где-нибудь да скриульнешь.

С радости кудри вьются, со кручинушки секутся (выпадают).

О предусмотрительности

Что припасёшь, то и потрясёшь.

Будет день, будет и пища.

О наследственности

Каков дом — таков и тын.

Каков отец — таков и сын.

Какие сами — такие и сани.

Свинья гуся не родит.

О добре и зле

При худе худо, без худа еще хуже.

Не двум добрам место.

Об умеренности

Сладок мёд, да не горстью в рот.

О своем и чужом

Девки — чужие детки.

В своей голове ума нет, так в чужой не займешь.

Своя изба — молчанка, чужая — ворчанка.

Поговорки**О замужестве и браке**

То ли сеять, то ли жать, то ли замуж убежать.

Баска́ да слизка́ (говорится о красивой, но не лишенной недостатков девушке).

Не дыши тяжело — не отдадим далеко, хоть за Лыска да близко.

Тот же назем, да с издале привезен.

Невеста по нам, а если не по нам, то «гортэ мунам».

Запрягайте дровни — едьте ко своей ровне (ответ сватам при отказе).

Спереди молодка — сзади сковородка (иронически о неприглядной).

Прильнула к мужику, как муха к сметане.

Не договорилась на берегу, а побежала за реку.

Люди парами, а наш вертит шарами (о парне, который долго не женится).

Праздник — баба мужика дразнит.

О застолье

Хороша бражка, да мала чашка.

Пил бы крепко, да подают редко.

Напьемся — со всеми деремся, проспимся — свиньи боимся.

Ему подадут, так он, как Алёнушка, пьёт до донышка.

Выпьем — чуху вытрем! (Призыв выпить)

Девка пьяна, весела, в пагалёшки насясла.
Не мог отбиться, пришлось напиться.
Сладко — не досыта, горько — не допьяна.
Хлеб на столе — Бог на стене.
Спасибо миру — прокормили зиму.
Лишь бы хлеб был да капуста — вот и вся закуска.
Напекли пирогов, береги, тёща, зубов.
Подзакусим — меньше трусим.
Вставай с постели, пироги горячие поспели.
Зубы — на спичку, глаза — на вичку (о голоде).

Гостьба

Богатых с крыльца провожают, чтоб не упали, а бедных, чтоб не украли.
Пришли гости — соликамских две Федосьи (иронически о малозначимых гостях).
Поехали за орехами.
Ждём тебя, как Христов день.
Хопь не хопь, а поезжай в Пож.
Лобаново село — сыздале весело.
Шёл бы дале, да лишь бы дали.
Хорошая висть — в избу влизь.
Спасибо на фатере, на теплой постеле.

О недостатках

У нее в голове, как у петуха в заднице (о глупом).
Щёголь моду не теряет, в чём попало щеголяет.
С горя да с печали поравнялась шея с плечами (о растолстевшем).
Я Леонтьева из Сулаю, хочу — работаю, хочу — гуляю.
С тобой баять — язык маять (о том, кто непонятлив).
Дружба — таракан да жужга.

Прибаутки

Чё им от меня надо: ступу, лопату или корову рогату? (говорится, когда хотят выяснить, зачем пришли).
Севастьян не узнал своих крестьян.
Хотела в рай, да видно задницей о край.
Хозяин как хочет, так и ворочат.
Не торопись — не шаньги исть!
Таракан не поган, муха — от святого духа.
С плеч да в печь (об отсутствии запаса дров).
Тимошка — на подможку.
Уйди с дороги, кривые ноги.
Не ленись — подтянись.

Заяц косой, не ходи бороздой, ходи тропочкой, верти жопочкой!
Мишка — медведь, пойдем рюшек давить!
Посадили кузнеца на доску, повезли в Москву, разбивать тоску.
Из семи аршин дубас — это выплуде у нас, а из трёх аршин — нет морщин.
Не всем выть, хорошим быть, и уродине надо жить.
Если шаньги не есть, в деревне не бывать.
Тулупчик до пупчика.
Мужик хоть худенький, да свой, в очередь не стой.
Большой нос не укора, упадёшь, дак подпора.
Хлеб не баба, съестся.
Моя горница с Богом не спорница (говорится, когда тепло на улице).
Парень наш — как ему не дашь.
Не бери курицу со своей улицы.
Втора любовь хуже перцу.
Досыта пьянчужку вином не напоить.
Не молодостью живут, не старостью умирают.
Счастливый к обеду, злосчастливый к обуху.
Ушел посол по рассол.
Каков поп, таков и приход.
Каковы сами, таковы и сани.
Сытого гостя легче потчевать.
Отъелся, как поповская корова.
Ехал прямо, упал в яму.
Были бы кошки, а мышки будут.
Какой палец не укуси, все больно.
Не будет снега, не будет и следа.
Неизведанный друг нехорош для услуг.
Друга ищи, а найдёшь — береги.
Короткий счёт — длинная дружба.
Едешь на день, бери хлеба на неделю.
Жалит пчелка — жаль мёда.
Жаль молока — не видать кошки.
В темноте и гнилушка светит.
Кто бы дятла знал, кабы носом не стучал.
Лето собирает — зима съедает.
Вина голову клонит.
Око видит далеко, а мысль еще дальше.
Пирога ждать — не свши спать.
По снегу грибы не ищи.
В пустой избе замка не надо.
Руби дерево крепкое, гнилос само упадет.
Счастье без ума — дырявая сума.
Сказанное слово — серебряное, не сказанное — золотое.

Не скучай работой, а скучай заботой.

Тихий воз будет на горе.

Не море топит, а ветры.

Упустил гриву — за хвост не держись.

Быстро поедешь — медленно понесут.

Отец да мать да будет знать (о том, что ничего невозможного скрыть от родителей).

Пить так пить — чтоб пошатывало, бить так бить — чтоб отшалкивало (о жизни на всю катушку, на широкую ногу).

Когда работа своя, не пьют.

Господи, одну душу прости, другую на свет пусти (о роженице и ребенке).

Как год — так ребенок, как полтора — так два (о часто рожавшей женщине).

Баской урочит баского, небаской небаского.

Безо всякого Якова — без примудростей.

Ум да разум, толк да память (пожелание молодому поколению).

Милы ли воронушки не с нашей-то сторонюшки?

На чужой де сторонюшке дороги воронушки (свое всегда дорого сердцу, чужое — постыло).

Хороший будет поп! (о человеке, который в гостях выпить не отказывается).

Руками не машут, Бога от себя не отказывают (на поминках от угощений не отказываются).

Как дружок на дому — так самому.

В рай не попасть, но хоть бы в ад на самый зад.

От горя бегом, а горе всё передом.

-Чем умывался?

-Водой.

-А не видел п...с бородой? (В. Лобаново Юрл.).

Загадки

Был я на копанце, был я на хлопанце.

Был на пожаре, был на базаре.

Молод был — люди кормили,

Стар стал — пеленаться стал.

(Кринка, горшок)

Утка в море, хвост на угоре.

(Ковш)

Сам худ, голова с пуд.

(Молоток)

Хожу на голове, хотя и на ногах, хожу я босиком, хотя и в сапогах.

(Гвоздь в подошве сапога)

Его бьют — он не плачет, только ножку прячет.

(Гвоздь)

Залезла Варвара выше амбара, не ест, не пьет, глядит в небосвод.

(Труба)

Маленький, горбатенький, все поле проскакал, домой прибежал и целый год пролежал.

(Серп)

На улице рогато, в избе комоло.

(Угол сруба)

Крылья есть, а не летает, ног нет, а не догонишь.

(Рыба)

Что в сундук не закроешь?

(Солнце)

За двором-двором стоит блюдо с молоком.

(Месяц)

Бежит волчок, вырванный бочок.

(Залавочек — посудный шкаф в виде лавки на кухне).

В избе пильчики-пильчики, на улице хлопоты-хлопоты.

(Стирка в корыте и полоскание белья на реке с валиком)

Поля стеклянные, межи деревянные.

(Застеклённая рама)

Стоит дуб, на дубу клуб, на клубу семь дыр.

(Человек)

Сверху голо — внутри лохмато.

(Тулуп)

Гостя идёт — яички несет.

(Курица)

Четыре сестрички в одну утку глядят.

(Корову доят)

Пойду на гору-горушку, заколю телушку.

Кожу брошу, мясо брошу, только сальце одно съем.

(Березовый сок собирают)

Стоит на обочине дороги старикашка одноногий.

Кто за его касается, за каждого цепляется.

(Репей).

За стеной спит барашек молодой.

(Ребёночек).

Как у нас, так и у вас поросеночек завяз.

(Мох между бревен избы).

Сквозь стены прошла.

(Супонь).

Под гору тихонько, а в гору бсгом.

(Сопли под носом).

Возьму хохлушу, запихну голушу.

(Варежку надевают).

Круг поля вожжи хватает, вокруг себя не хватает.

(Глаза).

Без рук, без ног,

А сидит дышит.

(Тесто).

Голова большая, большая,

А полный рот зубы.

(Чеснок).

Фунт еды, фунт воды, фунт соли. а есть будешь – еще солить будешь.

(Едят варенные яйца)

Что ты смотришь на меня? Аль тебе охота?

Полезай-ка на меня, полежим до пота.

(Печь)

А по-за полю хожу, ебухальника ищу,

Ебухальника найду, ебухаться начну.

(Веник березовый)

Приметы

Примета в содержательном плане чаще всего представляет выверенное веками наблюдение человека за поведением животного, за явлениями природного мира, за собственным самочувствием. Большое число примет носит суеверный характер; суеверные приметы интересны прежде всего как рефлекс древнего мифологического сознания.

Суеверные приметы

Горб на носу, переносица чешется — к могиле, к покойнику.

Под носом или в носу чешется — к выпивке.

Чесать губы — целоваться.

Чесать правый глаз — целоваться, чесать левый глаз — реветь.

Чешется правая рука — получать, левая — отдавать.

Чешется правая нога — к хорошей дороге, левая — планы сорвутся.

Когда язык прикусишь — *побаеешься* с кем-то или разругаешься.

Собака валяется — пропадет скот.

Деньги вечером не дают, не считают и в долг не дают — не поведутся.

Нельзя волосы бросать на улицу — вороны на гнездо соберут, и тогда на голове будут коросты. Выкидывать волосы нельзя, потому что их сороки да вороны таскают и вьют гнезда, поэтому голова будет болеть (*Осинка Юрл.*).

Когда лёгкая рука стрижет — волосы быстро отрастают (*Кукольная Юрл.*).

Сразу не надо мыть за тем, кто уезжает, а то смываешь все это, их (*Ефремова Юрл.*).

Ящерица вещунья — если на человека заберётся, он заболит. «На которое место у человека полезет ящерка, это место и заболит» (*Шестина Юрл.*). «В

каком-то году я сидела с девочкой дома. Тут ящерица домой как-то попала, а скоро девочка и умерла. Я её не убила, вот и плохо» (*Кукольная Юрл.*).

«Белки перед войной много было, прямо в огороды шли, по крышам. Это к уросу» (*Юрла*).

«Перед войной небо сияло разными цветами, столбами свет ходил по небу» (*Юм Юрл.*).

Заморозки, холода посреди лета — к войне (*Ефремова Юрл.*).

«Перед войной был знак. Видели это старые старики. На небе видели как самолеты и золотые буквы. «Война, война будет!» — говорили». (*Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г.р., д. Осинка Юрл.*).

«В военные годы белки много было, зайцев, по деревне бежали прямо, по домам, прямо по огородам». (*Кукольная Юрл.*). «Говорят, если белка забежит в деревню, то будет пожар обязательно. Она огонь, мол, носит» (*Кукольная Юрл.*).

Первый раз слышишь, когда кукушка кукует в левое ухо — хулить будут, в затылок — умрешь (*Юм Юрл.*). Если левым ухом услышишь первый раз кукушку, то умрешь в тот год, если правым, то хорошо будешь жить, если в затылок, то реветь будешь (*Кукольная Юрл.*). Если в лицо три раза услышишь кукушку — весь год проживешь. Если в левое ухо услышишь первый раз — так просто жить будешь. А если в правое первый раз услышишь — хорошо жить будешь (*Лобанова Юрл.*).

Кукушка на крыше дома — к пожару. Кукушка — к худу, может дом сгореть (*Юм Юрл.*). Как-то кукушка в деревне куковала — вся деревня и вымерла (*Осинка Юрл.*).

«Змея всех вреднейшая. Как она укусит, старайся в воду бежать. Если змея раньше человека в воду пойдёт, то человек умирает. После укуса змеи всё опухнет, потом в голову ударит, пять дней проживёт человек и помрёт» (*Чуртан Гайн.*).

Медведь «человеческий, человеческого роду, и родня человеку».

Если курица запоёт, как петух, это не к добру: «или дом, или скотина пропадёт».

«Перед войной видели женщину на облаках. Она своей метлой подметала небо. Вот нас всех и повымели из домов, когда война началась. К войне — был сильный ураган, лес весь свалило, что пройти нельзя было» (*Сёйва Гайн.*).

«Перед войной всё небо было в красных полосках, длинных, и как будто бы люди по ним с ружьями ходили» (*Чуртан Гайн.*).

Когда солнышко садится, ребенок не спит, ревет, посинеет весь (*Плёсо Гайн.*).

О погоде

Если мороз будет сильный, лето будет теплое.

Свинья трётся о дерево — к плохой погоде.

Курица ощипывается — к дождю.

Если по земле сорока ходит — дождь будет.

Сороки на стену льнут — к дождю.

Гром если рано гремит весной — холод долго будет.

Если осенью гром долго гремит, еще тепло постоит.

Луну *обмоет* (после новолуния дождь) — тепло будет.

Если перед новолунием погода была плохая, значит, весь месяц будет таким.

Радуга пологая — к дождю, крутая — к теплу.

Зима теплая, значит, лето холодное.

В Петров день обязательно дождик.

В Ильинскую пятницу, перед 2 августа, всегда дождь с грозой.

Петух стоит на одной ноге — к плохой погоде.

Какой май, такой и июль.

Рыло кверху подняла кошка — к теплу.

Солнце *под морозь* садится и заря полная — к холоду.

Если 5 февраля буран, то 5 августа должна быть гроза.

Пятно на луне умывается — к холоду.

Солнышко баско садится, завтра ведро будет, тепло.

6 мая — Егоров день, разлив воды.

Грачи стаями летят и вдруг резко падают камнем на землю, значит, быть дождю.

Если весна грязная, то август сухой.

Если мороз будет сильный, лето будет теплое (*Зап. от Чеклецовых, д. Кукольная Юрл.*).

Хозяйственные приметы

Сеять можно тогда, когда у березы листья не с пяточок, а с двушку.

Первая ласточка прилетит — сеют горох. Самым первым в огороде горох сажают, потому что он долго спеет.

Если ласточка рано прилетит, то весна придет ранняя, хорошая.

«Птичка синичка попалась встречу первый раз, если она где-то сидит высоко, на ветке, на дереве, ох, лён у меня вырастет высокий, если на земле — ой, лён у меня маленький, коротенький будет» (*Шестина Юрл.*).

Если сухая осень, рябины и черёмухи не будет.

Если ветер поднимается, это к дождю. Потом радуга появляется, а ты смотри: если левая сторона появилась, то — не к добру, правая — к счастью.

Бруснику обычно начинали собирать с 10 сентября, клюкву — с 15 сентября, когда первый иней пройдёт.

Когда грибная пора, зверь не трогает человека; на скотину может напасть, а людей боится.

Приметы на сон

С пятницы по воскресенье снятся вещие сны (*Сёйва Гайн.*). Спать ложишься, скажешь: «Дай-то, Господи, уснуть и не проснуться, а в другой раз — дай-то, Господи, чтобы не болеть и бегать».

Вода. В мутной воде ходить — к горю.

Грибы. Если приснятся грибы, значит, что-то неприятное случится.

Ягоды. Красные ягоды снятся к слезам. В лесу ягоды берёшь, если их поешь, то где-нибудь ошибёшься. Если приснятся ягоды или грибы, значит, что-то случится.

Лошадь. Лошадь снится к лихорадке, к врагу. Сивая, белая — к смерти, к покойнику. Красная, карая — к лихорадке.

Корова. Рыжая корова — к рёву.

Лес. Лес видится, в лесу гуляешь — на чужую сторону кто-нибудь свои поедет или проездом будет. Лес — это чужая сторона.

Лук. Лук снится — горесть, неприятность.

Подсолнухи. Цветы подсолнухов снятся — к приятному.

Рыба. Рыба снится к слезам или к сплетням.

Одежда. Себя одетой видишь — перемена в жизни, голой — болезнь.

Баня. В бане моешься — обязательно переболеешь.

Праздник. Если видишь, что пьют где-то — удовольствие будет.

Драка. В драку лезешь — шум какой-то будет.

Покойники снятся к перемене погоды.

Дом новый снится к новостям.

Много народа снится к плохой погоде, к снегу.

Белка приснится — к покойнику.

Клопы снятся к утопленнику.

Ящерица приснится — к пожару.

Могила снится к покойнику.

Медведь снится к ребёнку.

Белка снится на крыше, значит, *перегорит* хозяйство.

Если снится, что *волк* кровь пьёт — к худому.

Вши снятся к деньгам; *куры* — неприятность; *покойник* — это хорошо.

Мышь если во сне в ведро упадёт, то обязательно покойник будет. Мышь вредная.

Ноги мыть — плохой сон, что-то с родственниками будет.

Выврут во сне *зуб с кровью* — из родни кто-то умрет.

Вещие сны

«Сны, бывает, вещие снятся. Со мной было, снилось. Плыла по реке, выйти не могла, хватаюсь за берег, он обваливается. Шла тут баба незнакомая, подала мне прутик, я и все же вышла. А через три дня у меня аппендицит, на тракторе увезли. А операцию мне делала баба, которую я во сне видела» (Пож Юрл.).

«Пришлось мне раз ночевать у старушки, прямо на голой лавке. И снится мне, что я по болоту гуляю. Вдруг зайчик попал. Я взяла его, подержала и бросила. Иду дальше — второй зайчик, маленький. Я его взяла, он

выпрыгнул из рук. Иду дальше — опять заяц попал, на руках умер. Четвёртый зайчик попал — подержала его на руках и отпустила — да ну его! Ну и что ж? Вся жизнь у меня в зайцах прошла: первый зайчик — я бросила его, второй зайчик, маленький — познакомилась я с молодым человеком, он тоже уехал, третий у меня на руках умер. Так и сбылись все зайцы» (Юм Юрл.).

«В 1963 г. я в больнице 6 суток без сознания пролежала. Помню, сон мне снился. Видела я свой огород, но дом мой почему-то новый, весь кахальный (кафельный) был и плитка внутри с узорами. Выхожу я в огород свой, а на моих грядках две женщины молодые и мужчина один работают и меня к себе зовут за работу. Ну, думаю, совсем обнаглели, на моих грядках с луком стоят и меня зовут. Проснулась только через 6 дней. Врачи всё спрашивают, что снилось. Я им рассказала всё, что видела. А за время, когда я лежала в коме, умерли пятеро, женщины молодые и мужчина один. Я присмотрелась на стены в палате, а на них та самая плитка с узором, что я во сне видала» (Сёйва Гайн.).

«Снится мне муж второй мой. Едет, на гору поднимается. Я ему: «Куда ты? Иди ко мне, Ваня, Ваня»! Но он всё шёл в гору и рукой махал, прощался видно. И удалился вовсе. Через год умер Ваня мой» (Сёйва Гайн.).

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Колыбельные

Бринь-бринь, дурочки, золотые струночки,
Где кума моя живет лисавьюшка, лиса да Ивановна?
У её было три дочери:

Одна чучулка, друга паччелка,

Третья — подай челночек.

(Зап. от Вилесовой М.М., 1919 г.р., д. Тимина Юрл.; «Наговаривашь маленькому, он только смеется»).

Перепелочка спать дехочет,

Фить-фирю, фить-фирю,

Спать пора, спать пора.

Баюшки-баю, жил татарин на краю.

Он ни беден, ни богат, у его много робят,

Все по лавочкам сидят.

Все по лавочкам сидят, кашку маслену едят,

Каша масленая, а сон хороший, слатенький.

Спи, мой хороший, спи, дорогой.

(Зап. от Суворовой А.И., 1932 г.р., Ефремова Юрл.).

Баю-баюшки-баю, сидит барин на краю.
Он не кучен, не богат, у его много ребят,
Все по лавочкам сидят, кашу маслену едят.
Каша масленая, ложка крапёная.
Ложка гнётся, кашка льётся, душа радуется.
(Зап. от Копытовой Д.Г., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.).

Сука-бука, не ходи, Ваню, Ваню не буди.
Сука-бука, иди на сарай, коням сено подавай.
Кони сено не едят, кони бражку пить хотят.
(Зап. от Сабуровой А.А., 1936 г.р., с. В. Лобаново Юрл.).

Баю, баю, баиньки, прискакали зайньки.
Стали прыгать и скакать, стали Ваню усыплять.
Ваня, баю-бай, Ваня, спи, Ваня маленький, усни.

Баю-бай, баю-бай, спи, коростенный бабай.
Баю-бай, баю-бай, Ваня, глазки закрывай.

Я качаю, зыбаю, дед ушёл за рыбою,
Мамонька пелёнки мыть, бабушка уху варить.
Чик-чёк, чик-чёк, закрывайся на крючок.

Ладушка-лада, чего тебе надо?
Ли лопату, корову рогату,
Овин с овсом, жеребца с хвостом.

Баю-баю-баю-бай, семерых Бог дай.
Пестунья готова, принеси восьмого.

Баю-баюшки-баю, колотушек надаю.
Колотушек двадцать пять, будет Ваня крепко спать.

Баю-баю-баю-бай, не ложись на край.
Тебя мышка съест, либо ящерка,
Либо старая старушка мотовилом забудёт,
Либо старый старичок топориком засечёт.
(Зап. от Осокиной А.И., п. Сёйва, Гайн.).

Баран

— Где же ты был мой чёрный баран, мой малый мальчуган?
— На мельнице, на мельнице.
— Что ты там делал, мой чёрный баран, малый мальчуган?

- Муку ель, муку ель.
 - Кто тебя обидел, мой чёрный баран, малый мальчуган?
 - Мальчик бидель, мальчик бидель
- (Зап. от Кудымовой Н.И., д. В. Лобаново, Юрл.).

Киса-Мурыса

- Киса-Мурыса, куда ты ходила? – К дедушке, бабушке.
 - Что пила, что ела? – Сыр да масло, яичко красно.
 - А мне-то оставила? – Оставила, там, на полчке.
 - Где же? Нету! – Черная собака съела.
 - Где собака? – В лес убежала.
 - Где лес? – Огнём сожгли.
 - Где огонь? – Водой залили.
 - Где вода? – Быки выпили.
 - Где быки? – За гору ушли.
 - Где гора? – Черви выточили.
 - Где черви? – Гуси выклевали.
 - Где гуси? – За хмельник ушли.
 - Где хмельник? – Девки выломали.
 - Где девки? – Замуж ушли.
 - Где мужья? – Померли.
 - Где могилы? – Травой заросли.
 - Где трава? – Коса выкосила.
 - Где коса? – Изломалась.
 - Где обломки? – Кузнец перековал.
 - Где кузнец? – На ёлку залез, пал да убился.
- (Зап. от Булычевой К.А., 1928 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

За околицей

- Он цыпленка унёс, он с ножами, он с сапожками.
Коршун-Моршун, во помощь (Поют)
- Коршун-Моршун, что делаешь? – Ямочки копаю.
 - А зачем тебе ямочки? – Чтоб камушки класть.
 - Зачем тебе камушки? – А иголки точить.
 - А зачем тебе иголки? – Чтоб мешочки шить.
 - А зачем тебе мешочки? – Соль сыпать.
 - А зачем тебе соль? – Чтобы девкам в глаза засыпать.
 - А зачем засыпать? – А они всю капусту порвали.
 - Как порвали? – Да вот так порвали.
 - А ты бы городила огород не такой, а вот такой!
 - А я вот такой и городила. Все равно порвали.
- (Зап. от Ивановой Н.И., 1940 г.р., с. Усть-Зула Юрл., Пиккулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож, Юрл.).

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

В разделе приводятся тексты песенного фольклора. Приведены зафиксированные в крае образцы песенного фольклора, связанного с семейной обрядностью (рекрутские песни и частушки, свадебные песни, похоронно-поминальная поэзия), календарный фольклор (в том числе и с описанием обрядовых игр), лирическая песенная поэзия. Полевые записи позволяют говорить о широко распространенной в крае свободной («импровизационной») манере исполнения песен, причитаний, даже духовных стихов.

Свадебные песни

Свадебные песни в основном приурочены к конкретным этапам свадебного обряда. Репертуар свадебной поэзии в местной традиции достаточно разнороден. Среди публикуемых текстов представлены в большом количестве свадебные плачи (исполнялись в основном на девичниках, при поездках просватанной по родне, при прощании с родителями и благословении), песни-величания (или *опевальные* — гостям, тысяцкому, друзьям, свахам). Зафиксированы также плясовые, шуточные и корильные песни, исполняемые на свадьбе, приводятся песни, сопутствующие таким этапам свадьбы, как выкуп невесты, её вывод к жениху, дары, окончание свадьбы, поездки к тёще на блины.

В основном тексты песен приведены в последовательности, отражающей логику самого свадебного обряда. Открывают раздел плачи (причеты), они в обряде исполнялись обычно до момента, когда жених приезжал за невестой, прощание с «красотой», символизирующей девичество и девичью волю. Наибольшим количеством представлены в сборнике плачи на прощание невесты с красотой, отдельные тексты иллюстрируют обрядовое мытьё в бане, причитания последнего дня в доме родителей — в утреннее бужение, расплетание косы, при появлении жениха.

Далее, в том числе и на пиру в невестинном доме обычно пелись величальные песни в честь гостей. Величания — один из самых ярких и красочных жанров народной поэзии, имеющий к тому же немало магических элементов, поскольку по своему происхождению он, как и другие жанры свадебного фольклора, заключал в себе моменты продуцирующей магии. В этих текстах словесно изображается богатство и добрые, идеальные качества величаемых — люди верили, что величание способно сделать человека счастливым и богатым. Поэтому величания обычно усложнены в языковом плане, в них обязательны архаические элементы (неслучайно некоторые исследователи считают, что в величаниях достаточно сильно не лирическое, а эпическое начало).

При том, что свадебный обряд на разных территориях обитания русских в Коми-пермяцком округе во многом сходен, в ряде случаев очевиден вполне самостоятельный аспект традиции. Свадьба русской части Юсьвин-

ского района, в частности, отличается наличием текстов, где появляются не вполне характерные для края мотивы. Это касается, например, величальной песни шаферам (заметим, что и сам термин *шафер* нетипичен для прикамского севера и фиксируется прежде всего на территории заводских поселений Прикамья, в Юсьве, на севере же он последовательно заменяется словом *дружка*). Здесь в ряде величальных текстов отмечено, например, пожелание жениху стать губернатором: «*Чтобы Бог его помиловал, государь чином пожаловал при губерне губернатором...*» (д. Елизавета-Пожва, Юсьвинский район – см. песню «Красавчик-кудрявичек»).

Стилистика свадебных песен в местной традиции достаточно колоритна. Тексты песен демонстрируют каноны фольклорной речи, уже мало сохранившейся в Прикамье – в них отмечается обилие традиционной фольклорной символики, устойчивых поэтических оборотов и формул. В частности, обращает на себя внимание разнообразие биномных сочетаний и постоянных эпитетов (*приступиться-пришатнуться, доступить-доручить, рыба-цучина, знать-ведать, нонче-теперича; красная красота, коса трубчатая, окошечка колодные, чулочки бумажные, свеча воскуяровая, калиновый ящичек и пр.*). В этом плане публикусмый материал представляет ссрьезный интерес для изучения фольклорной речи и вообще ресурсов русского изобразительного языка. Спектр изобразительных средств особенно разнообразен в величаниях. Помимо символических средств идеализации здесь широко и ярко используются украшающие эпитеты, для усиления изобразительного эффекта применяются тавтологические или синонимические повторы. И повторы эпитетов, и синтаксические повторы, например, активно используются в величании невесты: *У нее лицо белое, примени к снегу белому! У нее щечки алые, подлей маку алого, маку алого!* Большую роль в тексте играют уменьшительно-ласкательные суффиксы – глядит гостя на всех «*веселёшенько*», говорит «*вежливеёшенько*». То, что окружает величаемых, также названо уменьшительно-ласкательными словами и несёт на себе печать идеализации – это и *золотой веночек*, и *чарочка, травонька, цветики, устлана дорожка ковричком*.

Следует заметить, что, поскольку некоторые этапы обряда северной свадьбы дублируются по времени, многие песни не имеют жесткой прикрепленности к конкретным этапам самого обряда. Так, во всех исследованных зонах многие из величальных песен пелись и в обручение, в основной девишник (пир у невесты, который во многом был сходен со свадебным пиром), и непосредственно в свадьбу – уже в доме жениха.

Составители сборника стремились к адекватной передаче живой песенной традиции, поэтому многие тексты приводятся в разнообразных вариантах. В основном они иллюстрируют стилистические модификации текстов, вариантные формы традиции на разных территориях, в конечном счете – её современное состояние. К сожалению, сама свадебная традиция в том виде, в котором она была когда-то разработана, к нашим дням значительно вырож-

дена. Публикуемые тексты доносят до нас, тем не менее, былое величие традиционной русской свадьбы, свидетельствуют о поэтическом осмыслении одного из наиболее значимых проявлений народной жизни – жизни в семейном укладе.

Свадебные причитания

Ох, не вставай-ко, родимой батюшко

Ох, не вставай-ко, родимой батюшко, поутру, утру ранёхонько,
Не умывайся, родимой батюшко, ты белым-то, белым-то белёхонько,
Не зажигай-ко, родимый батюшко, свечи восковы, воскуяровы,
Не пропивай-ко, родимый батюшко, ты мою-то, мою косу русую,
Не отдавай-ко, родимый батюшко, на чужую меня на сторону.
(Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла; Плач, исполняемый в рукобилье).

Трою двою да сердце да юныло (I)

Трою двою да сердце да юныло,
Ой, как мила-та дочерь да народилась.
Как второй-от раз сердце да юныло -
Ой, как родна-та дочерь да на возрасте,
Как на возрасте да на отдаваньё.
Как третий-то раз сердце да юныло -
Как родна-та дочерь да во в замуж пошла,
Ой, да во в замуж-то пошла да молодёхонька,
Недорослая да в поле травонька,
Ой, да недоспелая да с кусту ягодка.
Ко чужому да свёкру да батюшку,
Ой, ко чужой да свекровке да матушке,
Ко чужим-то деверьям да братчикам,
Ко чужим-то золовкам-то да ко сестричам.
Как чужой да свекор да батюшко,
Ой, да он взглянет-ту да по-звериному.
Как чужая свекровка да магушка,
Ой, да она взглянет-ту да по-змеиному.
Как чужи-те деверья да братчики,
Ой, да словно вороны они чёрные,
Как чужие золовки да сестричи -
Да как сороки они вещицы,
Они с мосту на мост перелёгивают,
Ой, они весточки да перенашивают.
(Зап. от Пикуневой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Плач невесты).

Трою двою сердце уныло (II)

Трою-двою сердце уныло, трою-двою не одинаково.
Как первый раз сердце уныло – да моя-та дочи родилась.

Как другой раз сердце уныло — да мила-га дочи на возрасте.
Как третьей раз сердце уныло — да мила-га дочи в замуж пошла
На чужую дальнюю сторону, на чужую, незнакомую,
Ко чужому свекру батюшку, ко чужой-то свекровке матушке,
Ко чужим-то деверьям братчикам, ко чужим-то золовкам-сестрицам,
Ко чужому ко чуженину.

Как чужой свекор батюшко, он глядит-то по-звериному.
Как чужая свекровка матушка, она пышет по-змеиному.
Как чужи-те деверья братчики — ровно чёрные, чёрные вороны.
Как чужие-те золовки сестрицы — как сороки перевешицы,
Из избы в избу перелетывают, они весточки перенашивают.
Как чужой-от, чужой чуженин — ровно зимонька студеная.
Без морозу сердце вызябнет, да без ветру глаза выдует,
Без дождя-то лицо вымоет.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.; Плач невесты).

Не во поле шатёр стоит (I)

Не во поле шатёр стоит, во чистом бел-полотняной.
Ко этому ко бел-шатру да никто не приступится.
Да никто не приступится, да никто не пришатнётся,
Приступался-приступывался да удалой добрый молодец,
Да Михаилушко Юрьевич.
Да он ходил, будил девицу, да пробужал душу красную:
- Да уж ты стань, девица-дева, да я не пить-то, не ести пришёл,
Да пошутить-позабавиться, да поиграть-позамешкаться.
Да проиграла красавица да свою вольную волюшку,
Да свою дивью красотушку.
Да тожно догадалася, да кидалася, металася
Да во все четыре стороны, да во все четыре разные.
Она кинулась, бросилася да во леса во настоянники.
Да Михаилушка за нею да с князевьями, с боярыма,
Да всё со дружками-князевьями, да с топорами широкими.
Да уж мы вырубим, высекём, да ино все леса настоянники,
Ишшо белые березнички.
Да только доступим, доручим да всё душу красную девицу,
Всё Наталью Ивановну.

(Зап. от Моисеевой Е.И., 1930 г.р., д. Дубровка Юрл.; Плач, исполняемый во время поездок невесты по обедам по родне).

Не во поле шатер стоит (II)

Как не во поле шатер стоит, да в чистом бел-полотняный,
Да как ко тому белу шатру тут никто не приступится.
Приступался, пришатывался да удалой добрый молодец,

Николаюшко Иванович.

Он ходил-будил девицу, убужал душу красную:

— Уж ты встань, встань, проснись, дева, убудись, душа красная,

Да всё Мария Ивановна.

Я не пить-то, не есть пришёл, я пришёл поиграть да потешиться,

Да с добрым словом да со сватаньем.

Проиграла Мария-дева да свою волю вольную,

Из косы русы волосы, да семибисерну кисточку,

Да семикосную косоплёточку, со правой ручки злат перстень,

Со с мизиннова колечика.

Да што кисть рассыпается, бояра собираются -

Бояра Николаева, да молодые Ивановича.

Тожно Мария догадалася, она кинулась-бросилась

Да во в леса да в настойничные, да во в белы березнички,

Да во горьки осиннички, да во сладки малиннички.

Да Николаушка да её, да Иванович её

Он со молодцами удалыми, с топорами со вострыми:

— Уж я вырублю, вырублю все леса настойничные,

Белы березнички, горьки осиннички, сладкие малиннички.

Уж я доступлю дорогу душу красну девицу, да Марию Ивановну.

Она кинулась, бросилась во луга во зелёные, во цветы во лазоревые.

Да Ни́колушка за её, да Иванович за её

Да со молодцами удалыми, со косами вострыми:

— Уж я выкошу, выкошу луга зелены, все цветы лазоревы,

Я доступлю, доступлю душу красную девицу, Марию Ивановну.

Она кинулась-бросилась во море рыбой-щучиной,

Да Ни́колушка за её, Иванович за её,

С молодцами удалыми, с неводами широкима:

— Уж я выловлю всю рыбу щучину,

Уж я доступлю, доручу да душу красну девицу, всё Марию Ивановну.

Она кинулась, бросилась в куть за занавесу широку,

Да Ни́колушка за её, Иванович за её, с молодцами удалыми:

— Уж я достучил, доручил душу красну девицу, всё Марию Ивановну.

(Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл.; Плач невесты, исполняемый при поездках невесты по обедам).

Как во светлой во светлице

Как во светлой во светлице, в столовой белой горнице,

Тут сидят князья-бояра,

Выбирают боярина, самолучшего крестьянина.

Все из лучших-то лучшего, из хороших хорошего,

Из дородних дороднего.

Они выбрали боярина, самолучшего крестьянина,

Все Сергея Аркадьевича.

Похотели поженити со душой красной девицей,

Все с Галиной Анатольевной.

А Галинушка хитра была, Анатольевна мудра была.

Она кидалась-бросалась да на все четыре стороны,

Да на все четыре разные.

Она кинулась-бросилась во леса, во настояннички,

Во белые березнички.

А Сергеюшко за ей все с молодцами удалыми.

С топорами широкима.

Уж я высеку, вырублю все леса, все настояннички,

Все белые березнички.

Уж я доступлю, доручу

Я душу красну девицу, да Галину Анатольевну.

А Галинушка от его,

Она кинулась-бросилась во луга во в зеленые,

Во травы, травы шелковые, во цветочки лазоревые.

А Сергеюшко за ей.

С молодцами удалыми, со косами булатными.

Уж я выкошу, выкошу всю траву, траву шелковую,

Все цветочки лазоревые.

Уж я доступлю, доручу я душу красну девицу,

Все Галинушку Анатольевну.

А Галинушка от его.

Она кинулась, бросилась да во куть да занавесу,

А Сергеюшко за ей,

С молодцами удалыми, он со дружками, с боярами.

Тожно доступил, доручил он душу красну девицу.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.; Плач на девишниках).

Сидела девонюшка... (I)

Сидела девонюшка у переднего окошечка,

На белой брусчатой лавочке, на укатанном на войлочке.

Шила-брала шириночку, вышивала нагрудочку,

Уронила иголочку.

Посмотрела в окошечко — ино что в поле деется,

Ино что работаеся — не мои ли братья тешатся.

Они тешатся-нежатся, надо мной куверкаются.

А вы братья ли, братчики, вы сходите в лес-настоянничек,

Вы срубите по вершиночкам, вы свяжите по метёлочке,

Разметите скатну улочку да на все четыре стороны,

Да на все четыре разные.

А на пятую сторону вы поставьте высок терем,
О двенадцати углов, о тринадцати маковок.
Вы повесьте большой колокол, вы звоните в большой колокол.
Да донесите же весточку до родимую матушки,
Что ведут слугу верную, позаочь неизменную —
И во доме метельщицу, перед печкой стряпельщицу,
Ещё воду ношельщицу, ещё баню топельщицу.
Проиграла моя Анна-дева свою вольную волюшку,
Свою дивну красотушку, семибисерну кисточку,
Из русы косы алу ленточку, со правой руки злат перстень,
Со мизинного колечика.
Да тогда догадалась, вот тогда заметалась,
Она кинулась-бросилась да в леса, леса-настойнички,
Да во белы бсрезнички, да во горьки осиннички,
Да во сладки малинички.
А Иванушка за ней, Николаевич за ней:
— Уж я высеку-вырублю все леса, леса-настойнички,
Уж я доставлю-доручу все душу красну девицу,
Всё, мол, Анну Ивановну.
(Литухина Юрл.; Плач исполнялся в девишники).

Посидела девонюшка...(II)

Посидела девонюшка у родимого у батюшки,
Да у родимой у матушки, во любимом во местечике,
Да на белой брусчатой лавочке, у колодного окошечка,
У немецкого стеколышка.
Шила-брала шириночку, вышивала криулучку,
Да Ивану нагрудочку, да Андреевичу остебеньё.
Да потеряла иголочку, да поглядела в окошечко,
Да во чисто поле раздольиче — да ино что во поле диётся,
Ино что во поле диётся, да ино что удивляется?
Да не мои ли братья тешатся, они тешатся, нежатся,
Да надо мной издеваются, над моей-то русой косой.
Над моей-то русой косой, да над моей дивьей красотой.
Ой, вы, братья ли, братчики, вы, братья, ясны соколы,
Соколы перелётные, да молодцы пересезжие,
Да вы чего чули-видели?
— Мы дечули, чули, видели да серу утицу на заплеске,
Да красну девицу в занавеске.
— Ой, вы, братья ли, братчики, да вы пошто её не поймали?
— Мы поймать-ту не поймали, да право крылышко оторвали,
Право крылышко оторвали, да по чисту полю распустили,
Да собирай-ко, Настасьюшка, да себе на подушечки,

Себе на подушечки, на мягкие периночки».

(Зап. от Пикулевой А.А., 1937 г., с. Пож Юрл.; Причитание невесты на обедах у родственников).

Посидела девонюшка...(III)

Посидела девонюшка у переднего окошечка

На белой-то на лавочке, на укатальном-то войлочке.

Она шила шириночку, вышивала кривулечку всё Иванушку.

Поглядела во шшилочку, поглядела в окошечко -

Возле лесу, возле тёмного, ино чё в поле деется?

Не мои ли братья тешатся?

Ох, они тешатся, надо мной они ломаются,

Надо мной, красной девицей.

— Уж вы, братья, вы братики, вы сходите же в кузенку,

Вы же скуйте по топорiku, по булатному ножичку.

Вы бежите в лес, вы срубите по вершиночке,

Вы свяжите по метёлочке, разметите скатну улочку

На все четыре стороны, на все четыре разные,

Да на пятую сторону вы поставьте-ко высок теремь.

Вы поставьте-ко высок теремь,

Во тринадцатигловую, во тринадцативерховую.

Вы покройте его белым шатром, вы обейте частым гвоздём,

Чтобы дождичком не брызнуло, ветерочком не дунуло,

Красным солнышком не глянуло.

Вы поставьте-ко лесенку в двадцать два да ступеника,

Вы полезьте по лесенке, вы полезьте ко большу колоколу,

Ой, вы ударьте по колоколу, по престольному городу,

Ой, да ведут слугу верную, позавочь неизменную,

Её баню топельщицу, да скотом управельщицу,

В доме работницу, с мужем в баню ходельщицу.

(Зап. от Моисеевой Е.А., 1930 г.р., д. Дубровка Юрл.; Причитание на обедах у родни).

Посидела девонюшка...(IV)

Посидела девонюшка да у переднего окошечка,

Да она шила шириночку, да вышивала кривулечку,

Да Николаю на рудочку, да потеряла иглочку,

Да поглядела в окошечко, да во в то ведь во чисто поле.

— Ино чё в поле деется, да ино чё удивляется,

Да не мои ли братья тешатся,

Да они тешатся, нежатся, да надо мной они ломаются,

Да надо мной коверкаются.

Да вы, братья, вы, братья, да вы возьмите по топорiku,

Да по булатному ножичку.
Да вы сходите в лес-настойничек, да срубите по метёлочке,
Да разметите скатну улочку да на все четыре улицы.
Да в пятую сторонушку да вы поставьте высок терем,
Да о двенадцати углов, да о тринадцатой маковой,
Да повесьте вы, братцы, большой колокол,
Да ударьте вы по колоколу, по застольному городу.
Да несите батюшке весточку,
Что ведут, ведут слугу верную, слугу верную, да помощницу,
В баню топельщицу, воду носельщицу,
За скотом ходельщицу, за хозяином ухажельщицу.
(Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.; Причет при встрече жениха).

Восходимо красно солнышко

Ино да нет ли ведь это на небе восходимо красно солнышко,
Ой, ино есть ли ведь в этом тереме эй, да хозяин-от с хозяйшкой,
Ой, да со всей большой семейшкой.
Ой, солнышко, любезная крёстнушка, а отвори двери широкие,
Останови двери дубовые, а на пята, пята на хрустальную,
А на две скобочки железные.
О пришли, погли, ведь мои ноженьки и по мосту, мосту калинову.
А пришли, погли, ведь мои рученьки и ко скобе, скобе железной ведь.
Ох, солнышко, любезная крестнушка, а не морозь меня, горюшечку,
О хоть и я отроду у тя не в первой раз, а в дивьей красоте в последний раз.
(Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А., д. Зюздино Юрл.; Причет невесты при посещении крёстной матери в невестины обеды).

Спокутили, споженили...

Спокутили, споженили да удалого добра молодца,
Удалого добра молодца со душой красной девицей.
Всё де Аннушка хитра была, да Геннадьевна мудра была.
Она хитрилась-мудрилась, да во все стороны бросалась.
Она кинулась, бросилась во леса во в застойнички,
Во в белые березнички.
Да Михаил-от за её, да Николаевич за её,
С молодцами с удалыми, с топорами широкими:
Мы девырубим, высекем все леса, все застойнички,
Да таки её доручим, да таки её доступим.
Аннушка хитра была, да Геннадьевна хитра была,
Она хитрилась-мудрилась, да во все стороны бросалась.
Она кинулась, бросилась во колодцы дубовые,
А Михаил-от за её, да Николаевич за её,

С молодцами с удалыми, с пилами булатными, с топорами широкими.

– Да мы девырубим, выпилим все колоды дубовые,

Да таки её доступим, да таки её доручим.

Аннушка хитра была, да Геннадьевна мудра была,

Она кинулась, бросилась во синё море щучиной.

А Михаил-от за её, да Николаевич за её,

С молодцами удалыми, да с неводами шелковыми.

– Мы девыловим, поймаем во синем море щучину,

Да таки её доступим, да таки её доручим.

(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Плач невесты после про-
сватанья).

Как у ласточки...

Как у ласточки, у касаточки на лету крылья примахались,

Сизы пёрышки распушались.

Как у душечки красной девицы не было, не было да разуменья,

Поминанье того не было – во взамуж идти, запросвататься.

Запросватал родимый батюшка, завела родна матушка

Ради ближнего перепутьица.

Она в торг пойдёт – к дочери зайдёт, из торга пойдёт – ночевать зайдёт.

Станет спрашивать, каково житьё у чужих людях,

У чужих людях, во крепких руках.

– Ох ты, мамонька ты родимая, ты пойди, сходи да до синя моря,

Ты спроси, спроси у сера гуся, каково гусю супротив воды,

Супротив воды плавати – таково житьё во в чужих людях.

Во в чужих людях, во крепких руках.

– Ох ты, дитятко ты родимое, ты носи платье, не слаживай,

Терпи горя, да не сказывай.

– Ах ты, мамонька ты родимая, понося платье, оно сложится,

Потерпя горя, да горе скажется.

(Зюздино Юрл.; Невестин плач).

Я встаю же да молодёшенька

Я встаю же да молодёшенька на свои же да резвы ноженьки,

На чулочки бумажные, на башмачики сафьянные.

Я кого ищу-смекаю, я кого ищу, примечаю -

Своего батюшку родимого не могу найти-заувидети,

Жёсткого голосу слышати,

Сквозь тоску, тоску-кручинушку, сквозь слёзы да горючие.

Я едва его увидела, жёсткого голосу слышала,

Что стоит родимый батюшка среди полу дубового,

Среди новой горницы.

Он одет да не по-старому, не по-старому, не по-прежнему.

Повеся он да буйну голову, потупя он да очи ясные,
Во полы он во дубовые, что во мать-сыру землю.
Он не знать меня жалеючи, он не знать избываючи.
Я сама да знаю-ведаю, молодёшенька да догадалася,
Что жалеет родимый батюшка что меня же, молодёшеньку,
Ещё красную девицу.
Пред тобой, родимый батюшка, и берёзкой я шатаюсь,
И травую расстилаюсь, и водою разливаюсь.
Я шатаюсь буйной головушкой, расстилаюсь тоской-кручинушкой,
Разливаюсь горячими слезьми.
Я прошу, родимый батюшка – ни злата же, ни серебра,
Ни скатного жемчуга.
Я прошу, родимый батюшка, благословленица великого.
Благослови-ка, родимый батюшка, распусти мою дивью красоту,
Развязать да алы ленточки со кумами да со подружками,
Со сестрицами-голубушками.
Ты ещё же меня да благослови, мне твоё да благословленице
Не от старого, от малого на чужой дальней сторонushке -
Оборонушка великая.
Ты ещё же меня да благослови от желанья ретива сердца.
Мне твоё да благословленице из синя да моря вынесет,
Из темна да леса выведет.
Отступитесь, люди добрые, все соседи приближённые,
От стола, стола дубового.
Уж вы дайте пути-дороженьки, пешеходны мелки тропочки
Моим кумушкам-подруженькам, всем сестрицам-голубушкам.
Подойдите, мои подруженьки, ко столу да ко дубовому,
Ко столешеньке кедровой, ко мне же да молодёшеньке,
Ко моей же буйной головушке.
Потрудитесь, мои подруженьки, расплести мою дивью красоту,
Развязать да алы ленточки, алы ленточки атласные.
Во моей-то да дивьей красоте вплетено было два ножичка,
Два-те ножичка острые, две-те сабельки булатные.
Не обрежьте, мои подруженьки, что свои да ручки белые.
Не замажьте, мои подруженьки, что свои да платья цветные.
А моё платье кручинное, кручинное, что печальное....
(Елога Юрл.; Причет исполнялся в девичник, при расплетании невестинной косы).

Посмотри-ка, родима матушка...

Посмотри-ка, родима матушка, расплелась моя дивья красота,
Расплелась и не заплетётся не с-по будням да не с-по праздникам,
Не с-по светлым воскресеньцам.

Расплели косу трубчатую, расплели косу двойчатку,
Обвернут мою дивью красоту поверх буйныя головушки,
Поверх самого верховьюшка.
Призакроют дивью красоту схимой бабьей вековечною.
Не будет схи́ма красити, от часу да будет старити,
От минуточки печалити.
(*Пож Юрл.*; Песня пелась, когда невесте расплетали косу).

Я возьму свою дивью красоту

Я возьму свою дивью красоту на ручки да на белые,
Да на персты да на злачёные.
Поднесу свою дивью красоту поверх буйной головушки,
Поверх самого верховища.
Я спущу свою дивью красоту ниже шёлкового поясу.
Поднесу свою дивью красоту к свет-кумушке подруженьке,
Ко сестрице-голубушке, как и к первой моей подруженьке,
Что есть свет да Валентинушке.
Тут моей-то да дивьей красоте или не место, не местичко,
Не краса да не красованье — ей да будут сваты свататься.
Да просватает родимый батюшка, да заполучит родимая матушка,
Посадит в куть за занавесу, за торбу белую-полотняную,
Промеж кумушек-подруженск, промеж сестриц да голубушек.
Потеряю дивью красоту в тоске я да во кручинушке,
Во слезах да во горячих же.
Пошла моя дивья красота да по тарелочке серебряной,
Пошла моя дивья красота по столёшеньке кедровой,
По скатёрочке шитой-браной.
Но тут она остановилася, с красной девицей простилася —
Ты прощай, прощай, красна девица, прощай, умная-разумная.
Красна девица услышала, да в родовой стол ударила —
Ты прощай, дивья красота, украшённая, сбережённая.
Сберегла свою дивью красоту я от ветру да от вихору,
От частого мелкого дождика.
Не давала я дождю канути, не давала я ветру дунути,
Что плохим людям зинути.
Как и нонче-теперича одевали люди добрые,
Да все соседи приближённые, все мои кумушки-подруженьки,
Все сестрицы, все голубушки.
Пошла моя дивья красота, дошла до ограды церковной.
Пошла моя дивья красота по лесенке церковной,
По крылечку церковному.
Зашла в люди дивья красота побожиться в церковь-матушку.
Дошла моя дивья красота до престолу, до Божьей матери.
Зашла моя дивья красота за престол Божьей матери.

Заперлась моя дивья красота на три ключика серебряные,
На три замочика висячие.

Тут ей место и местечко, тут краса ей и красованье...

(Пож Юрл.; Песня пелась, когда красоту (ленты невесты) подносят её подругам. Чаще всего ленту-красоту оставляли после венчания в церкви – в тексте Евангелия).

Наглядись, моя дивья красота

Наглядись, моя дивья красота, на батюшков высок-терем,
На братьевы крылечики.

Наглядись, моя дивья красота, на улицы на широкие,
На дороженьки раскатные.

Наглядись, моя дивья красота, на батюшку свет месяца,
На частые звёздочки, на луга на зелёные,
На поля на широкие...

(Елизавета-Пожева Юсьв.; Пели при прощании с красотой, когда с невестой подруги шли в баню).

Добро жаловать, моя сестрица...

Добро жаловать, моя сестрица, в банюшку, в парушку -
Помыться, попариться, побелиться, порумяниться.

У нас банюшка-то новая, да добром только не утоженная,
На прекрасном месте ставленная.

У нас в банюшке три окошечка, три окошечка колодные.
В первом-то окошечке лежат мыла-те парные.

На другом-то окошечке лежит губа грецкая,

На третьем окошечке лежит зеркальце немецкое.

Щелока-то у нас неедучие.

Да и смоешь свою дивью красоту,

Что щелоками да едучима.

(Пожева Юсьв.; Пели невесте в баню).

Не заморочь-ка, родимая сестрица...

Не заморочь-ка, родимая сестрица, меня же да молодёшеньку.

Душу красную девицу, при последнем поре-времечке.

Прищипало ножки резвые по чулочикам бумажным,

По башмачикам сафьянным.

Прищипало лицо белое по слезам да по горячим.

Прищипало ручки белые ко перстням да ко злачёным.

Бог судья, Бог судья, обманула меня сестрица -

У нас банюшка не новая, на худом коне воженная,

Не на прекрасном месте ставленная.

У нас во банюшке одно окошечко, окошечко да не колодное.

Я смысла свою дивью красоту, щелока у тебя едучие.
Раскатись ты, наша банюшка, что на все четыре стороны.
Где банюшка стояла, тут и вырасти шипичьюшка,
Шипичьюшка колючая.
Где каменка стояла, туто вырасти крапивушка,
Крапивушка да жалючая.
(*Майкор Юсьв.*; Пели, когда в предбанник с невестой зайдут).

Уж вы сени, вы сенечки...

Уж вы сени, вы сенечки, никогда по вам ничё ни теряла.
Но нынче-теперечи потеряла три потерюшки.
Что первую потерюшку – родимого батюшку.
Вторую-то потерюшку – родимую матушку.
Третью-то потерюшку – свою да дивью красоту.
(*Елизавета-Пожва Юсьв.*; Пели, когда возвращаются после невестиной бани и заходят в сени)

Я-то вздыну, вздыну брови чёрные...

Я-то вздыну, вздыну брови черные, я взведу, взведу очи ясные,
Все по батюшкиной белой горенке да по матушкиной светлой светлице.
Ты доступись-ко, родимой тятенька, да Иванушко да Григорьевич,
Ко мне, ко горюшиче.
Благослови, родимой тятенька, да своей правой рученькой.
Хоть от роду и не в первой раз, к красной красоте последний раз.
(*Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыры Юрл.*; Причет невесты перед приездом жениха).

Сверху суденко бежало

Сверху суденко бежало, я на суденке сидела,
Сама гребцам говорила -
Вы, гребцы, не гребите, меня, молодой, сноровите,
По берёжку пригребите.
Вон моя мамонька плачет, ко бережку припадает,
О дочери причитает -
Ой, дитятко ты родимое, я тебя породила,
Смертный час принимала,
Дочерью называла
(*Зап. от Давыдовой А.В., 1924 г.р., п. Майкор Юсьв.*; Причитают, когда в доме невесты ждут свадьбу).

Я тожно скажу тебе, да крестной батюшко...

Я тожно скажу тебе, да крестной батюшко:
Да спасибо я скажу да великое да за рыбочку за белую,

Чем меня потчевать будут, горюшичу, на чужой дальней сторонuşке.

Я да скажу тебе, крёстна матушка, я скажу да спасибо тебе,

Я спасибо да великое.

Ты де стряпала да трудилася для моих-то богатых гостей.

Я де кушала да ела белу рыбочку да гуся серого.

Не осуди да, крёстна матушка, на моих здарьях малых.

Не сама ли я здарья делала, припасала да мне родима мамонька,

Помогали мне милые подруженьки.

(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.; Причитания невесты за столом при прощании с родными).

По полям-то полям...

По полям-то полям, да по частым полям,

Тут бежат-то, бежат кони борзые.

Наперёд-то бежит, бежит сивой конь,

Да на том жо коне да есть катан войлочек.

Да на войлочке есть седёлышко, у седёлышка есть стрёмёнышко,

Да во седёлышке добрый молодец сидит, его ноженьки да во стрёмёнышках.

В левой рученьке да есть шелковый повод,

В правой рученьке да есть нагаечка.

Левой рученькой принадлегивает, правой рученькой принастёгивает.

Ино сам-то коню да наговаривает:

«Ты бежи-ко, бежи да бежи, сивой конь,

До высокого ты до терема, да до терема да до Татьяниного,

До крылечика да до высокого,

Да до окошечка да до косяцетого».

Всё Татьяна-дева у окна сидела, у окна сидела, полотно ткала.

Полотно ткала да полушёлковые, посерёдке брала круги золоты,

По краям-то брала кони-соболи.

Круги золоты расплывались, кони-соболи разбегались.

(Зап. от коллектива исполнителей – Гусевой К.П., 1937 г.р., Копытовой Т.И., 1941 г.р., Лехановой А.А., 1946 г.р., Лехановой А.П., Пичулевой А.М., 1937 г.р., Трушниковой В.С., 1951 г.р., с. Пож Юрл.; Причет, исполняемый в ожидании свадебного поезда в доме невесты).

Уж вы, кумушки-подруженьки

Уж вы, кумушки-подруженьки, вы вставайте все ранёшенько,

Умывайтесь белёшенько.

Причешите буйные головы, заплетите трубчатые косы,

Привяжите алы ленточки, алы ленточки атласные.

Вы пойдёте-ка, подруженьки, что на ту ли гору крутую.

Раскатаем гору крутую, чтобы не взойти было, не взехати

Удалому-то добру молодцу, Николаю-то свет Ивановичу.

Николай-то свет Иванович, он ответ держал:

Я карету на себе взнесу, я коней-то в поводах сведу,

Я тебя и в санки посажу, душу красную девицу.

Во Божью церковь увезу, чтоб закон Божий принять

Со чужим со чужанином, со своим со обрученным.

(Зап. от Давыдовой А.В., 1924 г.р., п. Майкор Юсьв.; Этой песней жениха провожают от невесты в девишник перед свадьбой).

Не сама я выходила...

Не сама я выходила, выводил меня тятенька

Ко столу-то, столу дубовому.

Выводил меня тятенька за правую за рученьку.

На, говорит, зятюшка, твое сужено-ряжено,

Добрými людьми запросватанное, запорученное.

Ты владей, владей, зятюшко, у меня была добра, хороша -

У тебя пусть и лучше того будёт.

(Зап. от Югриновой Н.Н., п. Сёйва Гайн.; На вывод невесты к жениху — в обрученье, при приезде свадьбы).

Зайду ли я на три горочки

Зайду ли я на три горочки, на три высокие,

Увижу ли я, ещё кто вино пьёт?

Вот, батюшка, пей, да меня не пропей,

Пей-пропивай свой высок терем.

Ты его пропьёшь — его выкупишь, его выручишь.

Ты меня пропьёшь, да не выкупишь, да не выручишь.

Матушка, пей, да меня не пропей.

Пей-ко, пропей белу горницу.

Ты её пропьёшь, её выкупишь, её выручишь.

Ты меня пропьёшь, да не выкупишь, да не выручишь.

Взойду ли я на три горы, на три высокие,

Вижу ли я, мой-то батюшка пьёт, да родименький пьёт.

«Батюшка, пей, да меня не пропей,

Пей-ко, пропей ты рубашку с себя.

Ты её пропьёшь, её выкупишь, её выручишь.

Ты меня пропьёшь, да не выкупишь, да не выручишь.

Взойду ли я на три горы, на три высокие.

Вижу ли я, моя матушка пьёт, да родимая пьёт.

Пей-ко, пропей ты и платье с себя.

Ты его пропьёшь, его выкупишь, его выручишь.

Ты меня пропьёшь, да не выкупишь, да не выручишь.

Невеста в закутке сидит, её выводит крёстная.

Ты взойди, взойди, мамонька, во мою белу горницу,

Посмотри, родима матушка, хорошо ли я снаряжена,

Мне самой поглянулося, я бы век не рассталася.

Я ни с батюшкой, ни с матушкой, со своей дивьей красотой.

(Елизавета-Пожва Юсъя.; «Когда крёстна с невестой выходит к жениху, тут это поют. Невесту подвели к жениху, поднесут рюмочки молодым, и начинают эту песню»).

На море галица купалася...

На море галица купалася, в тереме девица снаряжалася,

В высоком красна снаряжалася.

Села на лавку, расплакалася, села на белу да растурыжилася,

Растурыжилася, растуресилася.

Батюшка, пей, да меня не проней -

Пей, пропивай свой высок терем.

Терем пропьёшь - его выручишь, терем пропьёшь, его выкупишь.

Меня пропьёшь - меня не выручишь,

Меня пропьёшь, меня не выкупишь,

Ни за сто рублей, ни за тысячу.

(Усть-Зула Юрл.; Плач в пропой невесты).

Взойду ли я, взойду ли я

Взойду ли я, взойду ли я на пригорок на привысокий?

Увижу ли я, увижу ли я, ещё кто вино пьёт, ещё кто вино пьёт?

Батюшко, пей, батюшко, пей, да меня не пропей, да меня не пропей.

Пей-ко, пропей, пей-ко, пропей свой высок терем, свой высок терем.

Ты его пропьёшь, ты его пропьёшь - его выкупишь, его выручишь.

Ты меня пропьёшь, ты меня пропьёшь - да не выкупишь, да не выручишь.

Матушка, пей, матушка, пей, да меня не пропей, да меня не пропей.

Пей-ко, пропей, пей-ко, пропей белу горницу, белу горницу.

Ты её пропьёшь, ты её пропьёшь - ты её выкупишь, ты её выручишь.

Ты меня пропьёшь, ты меня пропьёшь - да не выкупишь, да не выручишь.

Я бы век не расталася я ни с матушкой, я ни с батюшкой,

Я ни с матушкой, я ни с батюшкой, со своей дивьей красотой.

Со своей дивьей красотой.

(Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва Юсъя.; Пелась на пропой невесты. «Через стол подходят к невесте и выпивают. Вино подают жених с невестой, на подносе, жених наливает, держатся за поднос оба и оба подают. Сначала подходят мать и отец невесты, потом брат, сёстры, гости все. Это в обручение, на просватанье, на свадьбу тоже»).

Ох, среди двора...

Ох, среди двора, среди широкого, ох, не огонь горит,

Да не пламя пышет,

Всё не пламя пышет, да не мак цветет -
 Ох, расцвели кудри всё Николушкины,
 Завились кудри всё да Галинушкины.
 Батюшка, пей, да меня не пропей,
 Пей-ко, пропей воронова коня.
 Коня пропьёшь да еще наживёшь,
 А меня пропьёшь — не нажить будет.
 Матушка, пей, да меня не пропей,
 Пей-ко, пропей шелковую скатерть.
 Скатерть пропьёшь, да еще наживёшь,
 А меня пропьёшь — не нажить будет.
 (Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.).

Солнышко, любезная сестрица...

Солнышко, любезная сестрица, подойди ко мне близёхонько.
 Ой, ино сядь же да ты возле меня, а возле правую мою руку.
 Расплети мою русу косу, развяжи мои алы ленточки.
 А у меня-то ведь, у горяшечки, и обкоротали да белы рученьки,
 И не хватают ведь за русы косы, и не хватают до дивьей красоты.
 (Зюзино Юрл.).

Ой, жарко камню

Ой, жарко камню, жарко камню,
 На горе лежучи.
 Ой, тошно сердцу, сердцу батюшкину,
 Сердцу матушкину.
 Ой, милую дочь, ой, милую дочь со двора повели,
 Со двора повели.
 Ой, цветные платья в сундуках повезли,
 В сундуках повезли.
 (Зап. от Беляниной Л.А., п. Пожва Юсьв.; На отъезд невесты).

Величальные (опевальные) песни

Ягодка к ягодке катится

Ягодка к ягодке катится, золото к золоту сыплется,
 Злат перстень с рученьки спадывает,
 Жених ко невесте припадывает.
 Иван-от Ксению да спрашивает:
 — Скажи-ка мне, Ксеничка, кто тебе мил?
 — Мил мне, милёшенек батюшка,
 Свет же Пётр Алексеевич.
 — Это, душечка, неправда твоя,

Это, душечка, не истинная.

Своё сердце ты тешишь, моё ты гневишь.

– Мил мне, милёшенек ты, господин,

Свет же Иван Николаевич.

– Это, душечка, правда твоя,

Это, душечка, истинная.

(Зап. от Давыдовой А.В., 1924 г.р., п. Майкор Юсьв.; Песню поют, когда после просватанья садятся за стол).

Ой, у красного солнышка (I)

Ой, у красного солнышка лучи да морьевы,

Ой, да как у светлого, светлого месяца звездоньки частые,

Ой, ой, да как у доброго, доброго молодца кудри да чёрные.

Ой, ой, да кудри чёрные, кудри завивались,

Всё да на три статьи, ой, да всё на три статьи,

На три да разные.

Ой, ой, да на первую статью – из кольца в кольцо,

Ой, ой, да на вторую статью – чистым серебром,

Ой, да на третью статью – скатным жемчугом.

Ой, ой, да всё на каждом-то было волосочике всё по жемчужочiku.

Ой, ой да волосочки, волоса стрехнулись, жемчуги скатнулись,

Ой, ой, да по сырой-то земле, земле да матушке они раскатились.

– Ой, ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя спородил?

– Ой, ой, да спородила меня родная матушка.

– Ой, ой, да ино кто же тебя, добрый молодец, кто тебя споил, скормил?

– Ой, ой, да всё споил, скормил меня родный батюшка.

– Ой, ой, да ино кто же тебя доброго молодца, кто тебя обшил, обмыл?

– Ой, ой, да всё обмыл – то, обшил – родные сестричи.

– Ой, ой да ино кто же тебя, добрый молодец, кто тебя на коня садил?

– Ой, ой, да на коня садили родные братчики.

– Ой, ой, да ино кто же тебя, добрый молодец, кто тебя спо женил?

– Ой, ой, да спо женили меня да крестный батюшка да со крестной матушкой.

(Зап. от Гусевой К.П., 1937 г.р., Копытовой Т.И., 1941 г.р., Лехановой А.А., 1946 г.р., Лехановой А. П., Пикулевой А.М., 1937 г.р., Трушниковой В.С., 1951 г.р., с. Пож Юрл.; Песня, исполняемая во время поездки за невестой).

Ой, да как у солнышка у красного (II)

Ой, да как у солнышка-то было у красного, лучи были яркие,

Ой, да как у светлого месяца звёзды да были частые,

Ой, да как у доброго молодца кудри да чёрные,

Ой, да кудри чёрные, кудри завиваются – всё да на три статьи.

Ой, да на первую статью кудри завивались, всё из кольца в кольцо.

На втору статью кудри завивались, всё по жемчужочекy.

Ой, да на третью статью кудри завивались – всё по ветерочику.

Ой, кто тебя вспоил, доброго молодца, скормил?

– «Ой, да породила меня, доброго молодца, да родная матушка».

– «Ой, кто тебя споил, скормил, доброго молодца, кто тебя споил, скормил?»

– «Ой, да всё да меня, доброго молодца, мой-от да батюшка».

– «Ой, ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя споил, скормил?»

– «Ой, да всё да родная сестрица».

– «Ой, да и кто же тебя, да доброго молодца, кто тебя поженил?»

– «Ой, да поженили меня, доброго молодца,

Крёстные батюшка да крёстные матушка».

(Зап. от Баландиной В. А., 1925 г.р., Бахматовой М. Д., 1927 г.р., Бугаевой М. М., 1924 г.р., Мазеиной Л. И., 1933 г.р., Мехоношиной А. Н., 1927 г.р., Поребатовой Е. М., 1926 г.р., Сараниной Р. А., 1927 г.р., Светлаковой Ф. Ф., 1920 г.р., с. Юрла; Песня жениху).

Как у красного солнышка (III)

Как у красного, красного солнышка лучи моревы,

Ой, да как у светлого, светлого месяца звезды частые,

Ой, да как у доброго, доброго молодца кудри чёрные,

Кудри чёрные, кудри заивались, все да на три статьи,

Ой, да все на три статьи, на три разные.

Ой, да на первую статью кудри заивались – да из кольца в кольцо.

Ой, да на другую статью кудри заивались – чистым серебром.

Ой, да как на каждом- то было волосочике все по жемчужочику.

Ой, да волосочки тожно состряхнулись, жемчужки скатились,

Ой, да по сырой-то земле, земле-матушке они раскатились.

– Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя породил же -

– Ой, да породила меня доброго молодца мать да сыра земля.

– Ой, да ино кто же тебя доброго молодца, согрел – красное солнышко.

Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя обшил, обмыл?

– Ой меня обшили, обмыли, доброго молодца, частые звездоньки.

– Ой, да ино кто же тебя доброго молодца, кто тебя на коня садил?

– Ой, да на коня-то садили, садили доброго молодца ветры да буйные.

– Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя поженил же?

– Ой да поженил-то меня, доброго молодца, млад светел месяц.

Ой, да уж вы люди же, люди вы глупые, люди неразумные,

Ой, да породила доброго молодца родная мамонька.

Ой, меня споил-то, скормил доброго молодца родной батюшко.

Ой, меня обшили-обмыли, доброго молодца, родные сестрицы.

Ой да на коня-то садили, доброго молодца, родные братчики.

Поженил-то меня, доброго молодца, хрестной да батюшко.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

На ковре было, на ковричке

На ковре было, на ковричке, на ремесленном да на стуличке,
Ой, да на ремесленном стуличке, на укатанном войлочке.
Ой, тут сидел жо доброй да молодец, добрый молодец да еще он сокол,
И он, ясен сокол, да Иванушко, и он сидел да кудри расчёсывал.
Он сидел, кудри расчёсывал, и всё он Аннушке да наказывал,
Всё он Аннушке наказывал, всё Ивановне да навеливал.
Ты, мол, Анна, перевей кудри,
— Ох, захочу я да перевью, ой, я тепере не твоя,
Ох, я тепере, сударь, не твоя, ох, я не слушаю, сударь, тебя,
Ох, я отцовска, сударь, материнска, ой, на своем полу да у батюшка,
Ох, на своем полу у батюшка, ох, у родимой да у матушки,
Ох, у родимой-то у матушки.
Ох, когда буду, сударь, я твоя, ой, буду слушати, сударь, да тебя.
(Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., Тотьмяниной М.С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.; Песня молодым).

Соколы, соколы (I)

Соколы, соколы, соколы перелётные, да бояра переезжие,
Да вы куда, бояра, ездили?
— Да мы де ездили, споездили да с городу на город,
Да с терему на терем.
— Да вы кого-чули, видели?
Мы де чули, де видели да серу утицу да на песке.
— Вы пошто ее не поймали, вы пошто ее не привезли?
— Мы де чуяли, видели красную девицу за занавесом.
— Вы по чё ее не привезли?
— Мы де рады её привезти, у нее де русы косы расплетены,
По крутым плечам да разбросаны.
(Зап. от Моисеевой М.А., 1930 г.р., д. Таволожанка Юрл.; Песня, исполняемая, когда ехали за невестой).

Соколы, соколы (II)

Уж вы, соколы, соколы, да перелётные соколы,
Перелётные бояра, переезжие бояра,
Вы куда, бояра, ездили?
— Мы де ездили-споездили, мы де с городу на город,
Мы де с терему на терем.
— Вы кого чули-видели?
— Мы слышали-видели красну девку за занавесой.
Почему её не привезли?
Мы привезли, не привезли, у ней коса руса расплетёна,
Алы ленточки развязаны, по подругам раздаваны.
(Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла).

Не было ветру (I)

Не было ветру – вдруг надунуло, не было гостей – вдруг наехало.
Полон-от двор вороных коней, полна ограда золотых колец.

– Тёща божья, ты де выдай моё, ой, кое суженое, ой, кое ряженое.

Вынесли ему сундук полно добра – ох, это не моё да не сужено,

Ох, это не моё да не ряжено.

Вывели ему да быка за рога – это не моё да не ряжено,

Ох, это не моё да не сужено.

Ой, дай же моё, кое сужено.

Ой, вывели ему да коня со седлом.

– Ой, это не мое да не ряжено, да не сужено.

Ой, выдай моё, моё ряжено, моё сужено.

Ой, вывели ему красну девицу.

– Вот это моё, моё ряжено, моё сужено,

Ох, добрыми людьми запорученное да обрученное.

(Зап. от Бисеровой А.К., д. Дубровка Юрл.; Песня, исполняемая при приезде жениха к дому невесты).

Не было ветру (II)

Ох, не было ветру – вдруг надунуло,

Ох, не было гостей – вдруг наехало.

Ох, полон во двор вороных да лошадей,

Ох, полон в ограду всё в новых да кошевах,

Ох, полон во терем молодых князевей.

Ой, все гости сидят, всё князья да бояра.

Ой, один боярин, он де лучше всех.

Хороший из гостей – всё Иванушка весел,

Николаевич весел.

Ой, где-ко он сидит, там не надобно свеча,

Свеча восковая да воскуяровая.

Ой, светит у него да злат венец на голове,

Светят у него да чаши-бляши на груди.

Рукавки у него да барановые.

Ой, на ногах сапожки да всё сафьяновые,

Ой, шуба-то на нём сорока да соболей,

Шапочка на нём да туркменская.

(Зап. от Копытовой Т.И., 1941 г.р., Никитиной Г.А., Пикулевой А. М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Пелась при встрече жениха у дома невесты).

Не было ветру (III)

Не было ветру – вдруг наваяло.

Не было гостей – вдруг наехало.

Полон ограду золотых карет.

Полон во двор вороных да коней.
Ох, полон в ограду всё в новых да кошевах,
Ох, полон во терем молодых князевей.
Взрадовалось сердце у Антонидушки.
Сколыхнулось сердце у Антонидовой матери.
Все гости хороши, все князья да бояра.
Ой, один боярин, он де лучше всех.
Ох, хорошая изо всех,
Хороший из гостей всё Иванушка весел,
Ой, где-ко он сидит – там не надобна свеча,
Свеча восковая да воскуяровая.
Ой, светит у него да злат венец на голове,
Светит у него да чаши-бляши на груди.
Рукавки у него да барановые.
На ногах сапожки да лаковые,
Все да лаковые, всё леловые,
Шубочка на ём – сорока ли соболин,
Шапочка на ём – сорока ли куниц.
(Зап. от Андреевой В.Г., 1941г.р., д. Бадья Юрл.).

Не было ветру (IV)

Не было ветру – вдруг наваяло,
Не было гостей – вдруг наехали.
Полная ограда коней вороных,
Полный каретник карет золотых,
Полные сени кучеров молодых,
Полные залы гостей дорогих.
Расступили чару золотую,
Рассыпали мой скатен жемчуг,
Выпустили сокола из сада.
Стужилася красна девица:
– Кто мне состроит сени новые,
Сени новые с перекладами?
Кто мне сольёт чару золотую,
Золоту чару с афелистами?
Кто мне соберёт мой скатен жемчуг,
Кто у меня будет соловьём во саду,
Кто у меня будет молодым в зеленом?
Свет же Иван Васильевич
Он же тутто проговорил:
Свет же Ксения Ивановна,
Я тебе сострою сени новые,
Я тебе солью чару золоту.

Золоту чару с афелистами.

Я соберу твой скатен жемчуг,

Я у тебя буду соловьём во саду,

Я у тебя буду молодым в зеленом.

(*Майкор Юсвь.*; Пели в «обручине» жениху, когда соберутся гости).

Стой-ко, белая берёзонька (I)

Стой-ко, белая берёзонька, ой, стой да стой, не шатайся,

Стой-ка, бурая черёмуха, ой, стой, да стой, не бурсия,

Стой-ка, красная девонюшка, стой да стой, да не кручинься.

Да собирайся, девка, с нами, собирайся, девка, с нами, с молодцами,

С нами, с нами, с молодцами.

Да житья у нас приволье. всё житья у нас приволье.

У нас сусечки полненьки, домички-те у нас новеньки,

Домички-те у нас новы, крыши же у нас шатровы,

Окошки у нас колодны.

Под окошком-то бежит речка, бежит речка медовая,

По ней струйка золотая.

На обман девка сдалася, да с нами, с нами собралася,

С нами, с нами, с молодцами, всё с донскими казаками,

Всё житья у нас бедненько, у нас сусечики пустеньки,

Домики у нас стареньки, крыши- те у нас худеньки,

Окошки-те у нас маленьки.

Под окошком бежит речка, бежит речка слезенная,

По ней струйка кровяная.

(*Зап. от Гусевой К.П., 1937 г.р., Копытовой Т.И., 1941 г.р., Лехановой*

А.А., 1946 г.р., Лехановой А. П., Пикулевой А.М., 1937 г.р., Трушниковой В.С.,

с. Пож Юрл.; Песня исполнялась, когда жениху передают невесту).

Ой, белая берёзонька (II)

Ой, белая берёзонька, стой да не шатайся,

Ой, красная девонюшка, мойся, умывайся,

С нами собирайся.

С нами, бурлаками, дунскими казаками.

У нас, бурлакушков, домики да новы,

Домики да новы, крышечки да шатровы,

Амбарики новеньки, сусечики полненьки.

Под горой-то речка, речка непростая,

По ей бежит струйка, струйка медвяная.

Ой, красная девонюшка на обман сдавалася,

Да с нами собралася.

С нами, бурлаками, дунскими казаками.

У нас, у бурлакушков, ой, а житьё бедненько,

Домики стары, крышечки ан спали,
Анбарики стареньки, сусечики нростеньки.
Под горой-то речка, речка слезяная,
По ей бежит струйка, струйка кровяная.

(Зап. от Гусевой К.П., 1937 г.р., Копытовой Т.И., 1941 г.р., Лехановой А.А., 1946 г.р., Лехановой А.П., Пикулевой А.М., 1937 г.р., Трушниковой В.С., с. Пож Юрл.: Песня исполнялась при передаче невесты жениху).

Ох, Иванушко ходит по двору

Ох, Иванушко ходит по двору, да Иванович гулят с-по широку.

Он де Марьюшку водит за ручку, он Ивановну водит за праву.

Да он де Марьюшке баёт, баёт, говорит:

«Да принеси ты мне сына, сына сокола,

Да принеси-кося, Ивановна, дочь во в себя.

Да мы де выучим сына грамоту писать,

Да мы де выучим дочь шёлком шить,

Всё де шёлком-то шить да золотом садить.

Всё де золотцо с-по золотцу сыплется,

Всё де жемчужок с-по блюдечку катится,

Да всё Иванушко у Марьюшки допрашивается:

«Ино кто у тебя, Марьюшка, жил в родне?»

— У меня жил спомилёшенёк батюшка родной.

— Ох, Марья моя, неправда твоя,

Всё неправду ты баешь, не в быль говоришь,

Да всё де не в быль говоришь, моё сердце гневишь.

Всё де золотцо с-по золотцу сыплется,

Всё де жемчужок по блюдечку катится,

Всё Иван-от у Марьюшки допрашивается:

— Ино кто у тебя, Марьюшка, жил в родне?

— Мне мила-то-спомилёшенька матушка родна.

— Ох, ты, Марья моя, неправда твоя,

Неправду ты баешь, не в быль говоришь,

Не в быль говоришь, моё сердечко гневишь.

Всё де золотцо с-по золотцу сыплется,

Всё де жемчужок по блюдечку катится,

Всё Иван-от у Марьюшки допрашивается:

— Ино кто у тебя, Марьюшка, жил в родне?

— У меня жил спомилёшенек ты, мой дорогой.

— Эх, Марья моя, это правда твоя, правду ты баешь, в быль говоришь,

Всё де в быль говоришь, моё сердце веселишь.

(Зап. от Копытовой Т.И. 1941 г.р., Никитиной Г.А., Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.: Песня, которой начинали величания гостей).

Из кути по лавке

Из кути по лавке, да по всей середе всё гости сидят,
Всё князя да бояра, а один князь повыше всех сидит,
Он подороже всех.

Посадили Иванушка всех повыше, повыше всех, подороже,
Ещё мы на него поглядели, да Марии деве нахвалили:
«Мариинка, хорошенек, Ивановна, пригожен,
У него тело-то бело бумажное, борода-та подзолоченная,
У него косточки с пережьем.

Ходит Иванушко по двору, водит Мариюшку за руку,
Водит Ивановну за правую.

Он бает ей, да наказывает:

«Принеси-ко ты, Мариюшка, сына белоличенького,
Бассеньким во себя».

Мы выучим сына-то грамоте, а возьмём для сына князью дочь,
Ишо пусть наше дитятко князю зять.

(Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл.; Пели женатым гостям на свадьбе).

Розан (I)

Ино кто у нас хороший, ино кто у нас пригожий?

Розан мой, разодвинься. сад зелёный виноград.

Всё Иванушка хороший, да Иванович пригожий.

Розан мой, разодвинься, сад зелёный виноград.

Он де по полю ходит, к нему сивый конь подходит.

Розан мой, разодвинься, сад зелёный виноград.

Он де конюшку бает, перед ним конь щебенюкает.

Розан мой, разодвинься, сад зелёный виноград.

На коня-то он садился, под ним конь шевелился.

Розан мой, разодвинься, сад зелёный виноград.

Ко крылечку подъезжает, его родная мать встречает.

Розан мой, разодвинься, сад зелёный виноград.

Ох, ты, сын ли, мой сыночек, сын мой, ясный соколочек.

Розан мой, разодвинься, сад зелёный виноград.

(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.).

Розан (II)

Розан, мой розан, виноград зелёный.

Ино кто у нас хороший, да кто у нас пригожий?

Иванушка хороший, Васильевич пригожий.

По горнице ходит, манежно ступает.

Манежно ступает, каблук не ломает.

Каблук не ломает, сапог не марает.

В сени он выходит, сени шевелятся.
На крыльцо выходит, крыльцо колыбается.
Крыльцо-то колыбается, конь-то подвигается.
На коня садится, конь под ним резвится.
По улице едет, вся улица смотрит.
К луку подъезжает, луг-от зеленеет.
К речке подъезжает, речка в струй играет.
К лесу подъезжает, лес-от приклоняет.
К лужкам подъезжает, лужка зеленеют.
К саду подъезжает, сад-от расцветает.
По улице едет, вся улица смотрит.
К дому подъезжает, мамонька встречает.
Мамонька встречает, сыном величает.
Сын ты, мой сыночек, ясный соколочек,
Где ты, сын, бываешь, где ты, сын, гуляешь?
— Был я у девицы во светлой светлице.
— Что девица робит, робит, работает?
— Шьёт и вышивает, друга поджидает.
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Розон (III)

Кто у нас хороший, кто у нас пригожий -
Николай-то хороший, Иванович пригожий.
Он по сеничкам ходит, да сени колыбают,
Да розон, мой розон, виноград зелёный.
По синичкам ходит, он узду смекает,
Розон, мой розон, виноград зелёный.
Он узду смекает, он коня имаёт.
Розон, мой розон, виноград зелёный.
Он коня имаёт, коня обседлаёт.
Розон, мой розон, виноград зелёный.
Коня обседлаёт, стремен обступает.
Розон, мой розон, виноград зелёный.
Стремен обступает, во седлю садится,
Розон, мой розон, виноград зелёный.
Он ведь плёткой машет, конь-от под ём пляшет.
Розон, мой розон, виноград зелёный.
Он ведь плёткой машет, к речке подъезжает,
Розон, мой розон, виноград зелёный.
К речке подъезжает, пташечка летает,
Розон, мой розон, виноград зелёный.
К сениям подъезжает, женочка встречает,
Розон, мой розон, виноград зелёный.

Муж ты, мужёнёчек, ясный соколочек,
Где ты долго ездил – ездил по бояры,
Посмотреть товары...

(Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымк.; «Свадьбошная – по невесту
когда приедут, тогда поют»).

Розан мы, розан (IV)

Розан мы, розан, виноград зелёный,
Кто у нас хороший, кто у нас пригожий -
Иванушка хороший, Иванович пригожий.
Он по горнице ходит, манежно ступает,
Клобук не ломает, чулок не марает.
В сени он выходит, сени колыбает.
На крыльцо выходит, конь к нему подходит.
На коня садится, конь-от веселится.
Плёточкою машет, конь-от под ним пляшет.
По улице едет, все люди дивятся -
Чей это хороший, чей это пригожий.
К дому подъезжает, мамочка встречает,
Сыном называет
– Сын ли мой, сыночек, ясный соколочек -
Где ты был да спобыл?
– Был я у девицы во светлой светлице,
Играл я во скрипицу, забавлял девицу.
(Майкор Юсьв.; Песня для холостых гостей на свадьбе).

Как над речушкой, над рекою (I)

Как над речушкой, над рекою, над рекою, свет, да над рекою,
Как над матушкой над быстрою, над быстрою, свет, над быстрою,
Тут стоит дерево да кипариста, кипариста, свет, кипариста.
Как на тем дереве кипаристе, кипаристе, свет, кипаристе,
Сидят пташечки весёлые, весёлые, свет, весёлые,
Они песни поют заунывно, заунывно, свет, хитромудро.
Да кому же быть во боярах, во боярах, свет, во боярах.
Всё Иванушку быть во боярах, да Степановичу во в его же.
У него стёжки далёкие, у него молодцы удалые.
Они по три дня не едали, по четыре дня не пивали,
Всё ко городу приступали, всё ко городу да ко Ерхангельску,
Да ко терему Николая, ко крылечу Катерины,
Ко окошечку всё Галины, всё Галины, свет, всё Галины.
Всё Галина-свет по двору ходит, ко ларчу, ко ларчу да припадает.
Ты, лареч, да лареч, отоприся, свет мой, батюшка, пробудися,
Не прошу у тебя я придано, я прошу у тебя благословенье.

Благословеньиче да не лихое, ко Божьей-то церкви мне-ка съездить,
Да под злат-от венеч мне-ко встати, да закон-от Божьей мне принять.
(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.).

Эх, над речушкой, над рекою (II)

Эх, над речушкой, над рекою, над рекою уж ли над рекою,
Как над матушкой над быстрою, на быстрою уж, над быстрою,
Над быстрою-то стоит дряво, кипаристик, свет, кипаристик,
Да на том дереве кипаристе, кипаристе, свет, кипаристе,
Сидят пташечки весёлые, весёлые, весёлые, весёлые.
Ой, они песни поют заунывны, заунывны, свет, заунывны,
Словеса говорят хитромудро, ой, хитромудро, свет, хитромудро.
Кому это быть во боярах, во боярах, свет, во боярах.
Кому это быть во воеводах, во воеводах, свет, во воеводах.
Да всё Иванушку быть во боярах, во боярах, свет, во боярах,
Да Ивановну во воеводах, во воеводах, свет, во воеводах.
У его гребчи молодые, молодые, свет молодые.
Согребальчики веть удалые, удалые, свет, удалые.
Да гребут они, подгребают, подгребают, свет, подгребают.
Да поют оне, подпевают, подпевают, свет подпевают.
Да ко городу подъезжают, подъезжают, свет, подъезжают.
Да ко каменну приступают, приступают, свет, приступают.
Каменную стену прошибают, прошибают, свет, прошибают.
Всё, мол, Анну-деву доступают, доступают, свет, доступают.
Да Ивановну доручают, доручают, свет, доручают.
Да и с Ванею доступили, доступили, свет, доступили.
Да и с Ванею доручили, доручили, свет, доручили.
Да во саночки посадили, посадили, свет, посадили.
В сельсовет-то их заводили, заводили, свет, заводили.
В сельсовет-то их записали, записали, свет, записали.
(Зап. от Мусеевой М.М., 1935 г.р., Тотьмяниной М.С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.).

Как над Вишерою над рекою

Как над Вишерою над рекою, над рекою, свет, над рекою,
Да над матушкой над рекою, тут стоит дерево кипаристо.
Как на том дереве кипаристе сидят пташечки веселые.
Они песни поют заунывно, заунывно, свет, заунывно.
Словеса говорят хитро-мудро, хитро-мудро, свет, хитро-мудро.
Да кому это быть во боярах, да кому же быть во боярах.
Да кому же быть во воеводах в воеводах, свет, в воеводах?
Да Иванушку быть во боярах, да Васильевичу в воеводах.
У него гребцы молодые, молодые, свет, молодые,
Подгребальщики холостые, холостые, свет, холостые.

Они три дня не едали, не едали, свет, не едали,
По четыре дня не пивали, не пивали, свет, не пивали,
По неделюшке не сыпали, не сыпали, свет, не сыпали,
Да по городу подступали, подступали, свет, подступали,
Ко Архангельску подступали, каменную стену прошибали,
Прошибали, свет, прошибали.
Всё Людмилу-деву доступали, доступали, свет, доступали.
Да едва-не едва прошибили, прошибили, свет, прошибили,
Все Людмилу-деву доступили, доступили, свет, доступили,
Всё Ивановну доручили, доручили, свет, доручили,
На белы ручки получили, получили, свет, получили,
Как во саночки посадили, посадили, свет, посадили,
Ко божьей-то церкви подвозили, подвозили, свет, подвозили,
В божью церковь заходили, заходили, свет, заходили.
Все Людмила-дева по двору ходит, ко ларьцу, ларьцу припадает.
Ты, ларец-кованец, отоприся, ты, немецкий замок, развернися,
Шитой-бран положок, распахнися, встань-ко, батюшко, пробудися.
Не прошу у тебя я придано, я прошу у тебя благословенье,
Во Божью-ту церковь мне-ка ехать.
Под златой-от венец мне-ка встать,
Да Божьей-от закон мне принять.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Ой, сокол взрос

Ой, сокол взрос да во Муромском городе,
Ой, соколинка выросла да в московском городе.
Ох, да оне за одним столом сидят,
Да одной ложкой едят, да одной вилкой едят,
Да вино одно вместе пьют, одну думу думают:
— «Ой, как же будем, как семейку наживать?»
Ой, кыску заведём, заведём мы кысочку,
Ой, наживем собачку да пустолаечку,
Заведём корову да сухолобую,
Ой, наживем овечку всё бергунечку,
Ой, наживем мы свинку да вислоухую,
Ой, легем спать вдвоем, дак ишшо встанем втроем.
Ой, на поле пойдем да влятере да вшестере,
Ой, да с поля пойдем да всемере да восьмере.
(Зап. от Комаровой Т.С., 1924 г.р., д. Ананькина Юрл.).

Вьюн над водой

Вьюн на водой, ой, вьюн над водой, ой, вьюн над водой увивается.
Народ у ворот, ой, народ у ворот, ой, народ у ворот собирается,

Жених у ворот, ой, жених у ворот, ой, жених у ворот дожидается.
Вывели ему, ой, вывели ему, ой, вывели ему златогривого коня.
— Это не мое, ой, это не мое, ой, это не мое, это шурина мово.
Вынесли ему, ой, вынесли ему, ой, вынесли ему сундуки полны добра.
— Это не мое, ой, это не мое, ой, это не мое, это тестя моего.
Вывели ему, ой, вывели ему, ой, вывели ему свет-Настасьюшку.
— Это вот мое, ой, это вот моё, ой, это вот мое, Богом суженое.
Вьюн над водой, ой, вьюн над водой, ой, вьюн над водой увивается.
Жених со двора, ой, жених со двора, ой, жених со двора собирается.
(Зап. от Андреевой Н.П., 1972 г.р., с. Пож Юрл.).

За морем огонь добро-ясно горит

За морем огонь, за морем огонь добро-ясно горит, добро-ясно горит.
Зять едет в гости, зять едет в гости — земля дрожит, земля дрожит.
Зять у ворот, зять у ворот убивается, уколачивается,
Вострым копьем, вострым копьем подпирается, подпирается.
Тёщенька, стань, тёщенька, стань, отвори ворота, отвори широко,
Выведи мое, выведи мое, моё суженое, моё ряженое.
С добрыми людьми, с добрыми людьми
Да засватанное, запорученное.
Вывела тёща, вывела тёща быка за рога, быка за рога -
Это, тёща, не мое, это, тёща не мое, и не суженое, и не ряженое.
За морем огонь, за морем огонь, добро-ясно горит, добро ясно горит.
Зять едет в гости, зять едет в гости — земля дрожит, земля дрожит.
Зять у ворот, зять у ворот убивается, уколачивается,
Вострым копьем, вострым копьем подпирается, подпирается.
Тёщенька, стань, тёщенька, стань, отвори ворота, отвори широко,
Выведи мое, выведи мое, мое суженое, мое ряженое.
С добрыми людьми, с добрыми людьми
Да засватанное, запорученное.
Вывела тёща, вывела тёща свою милую дочь, свою милую дочь.
Это моё, это моё, моё суженое, моё ряженое,
С добрыми людьми, с добрыми людьми
Да засватанное, запорученное.
(Сейва Гайн.; На вывод невесты).

Во горенке во новой

Во горенке во новой стоит столик дубовой,
Да под скатёркой шалевой стоит чара золота,
Стоит чара золота, полна мёду налита.
Ишо кто чару наливал, да ишо кто да дополнял,
Петрованушко наливал, да Иванович дополнял,
Он Настасью вызывал:

«Да ты, Настасья, подь сюда, да ты, Ивановна, подойди,
Да выпей чару золоту, да полну мёду налиту».

— «Да не хочу я чару пить, я теперя не твоя.

Я теперя не твоя, я не слушаю тебя.

Когда буду я твоя, да буду слушати тебя».

(Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла).

Что горенка да нова...

Что горенка да нова, да нова,

Все четыре да уголка, уголка.

Да во горенке во новой, во новой

Да стоит дворик дубовой, дубовой.

Да на столике дубовом, дубовом

Лежит скатерка да шелкова, шелкова,

Да на скатерке шелковой, шелковой

Лежит бумага гербова, да гербова.

А на бумаге гербовой, стоит чара золота.

Иди к столу дубову, дубову,

Да выпей чару золоту, да золоту,

Да выпей чару налиту, налиту.

(Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., с. Усть — Зула Юрл.; Пели после выкупа невесты).

С-по бережку...

С-по бережку, да али-али,

По широкому, крутому, да али-али,

Да никто туда не ходит, да али-али,

Да никто и не гуляет, да али-али,

Только ходит да гуляет, да али-али,

Всё Микитушка ходит, да али-али,

Да Иванович гуляет, да али-али,

За собой паву водит, да али-али,

Паву водит золотую, да али-али,

Всё де Насню молодую, да али-али,

Он де водит да и баёт, да али-али:

«Да я ведь дам те волю, да али-али,

Ещё волю со приволей, да али-али,

Да я ведь дам те негу, да али-али,

Ещё негу со принегой, да али-али,

Слушай батюшка родного, да али-али,

Слушай матушку родную, да али-али,

Да куда пойдешь, спросися, да али-али,

Откуль будешь, скажися, да али-али,

Да ты де робь, не ленися, да али-али,
Ешь, пей, не стыдися, да али-али».

(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Плясовая. Нередко песню завершали шуточными строчками – «У котка муди отпали, да али-али, их де кошке привязали, да али-али»).

Ехе-хе, кабы на лугу...

Ехе-хе, кабы на лугу, на зелёном на лугу,
На лазоревых цветах, тут высок терем стоит,
Со с солоним со окном, со новыми со сеньми,
Во в новых-то во в сенях есть кровати жестковы,
Кровать гипсовая, вся исписаная,
Исполосована, изрисована,
Ножки точеные, подзолоченые.
Есть подушка перьева, есть перина пухова,
Одеяльшко тепло, тепло, смольно.
Красна девица лежит, она спит, не спит,
Пробудить её не смить.
Тут и мимо-то её свёкор батюшка идёт,
Шелковой плеткой трясёт,
Принатрахивает, приговаривает:
– Ты, Мария, встань, лебедь бела, разбудись,
– Не могу я встать, голова моя болит,
Ретиво сердце шумит,
Болит спина, голова, не об кумушков,
Не об батюшке, не об подруженьках,
Не об матушке, не об родимой стороне,
Об милом дружке, об Иванушке, об Михайловиче.
(Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл.).

Есть калиновый ящичек

Есть калиновый ящичек, я не год его копила,
Я де двадцать лет копила, да за один вечер раздала.
Я де свёкру де батюшку полотняны штанички,
Я свекровке-то матушке коленкорову рубашечку,
А деверьям де соколам де – им по тканой опоясочке,
А золовкам-то сестрицам, им по шелковой ленточке.
(Зап. от Осташовой К.П., 1924 г.р., д. Мухоморка Юрл.; Песня на дары).

Как по морю (I)

Как по морю корабль плывёт, ладу, ладу,
По синему морю, ладу, ладу,
Плыл удалый в этом во кораблике, ладу, ладу,

Да немножко, немало людей, ладу, ладу,
Только семьдесят семь человек, ладу, ладу,
Да восьмой корабельщик, ладу, ладу,
Да девятой подношельщик, ладу, ладу,
Да десятой удал молодец, ладу, ладу,
Удалой добрый молодец, ладу, ладу,
Да Григорий Григорьевич, ладу, ладу,
Он по караблю похаживает, ладу, ладу.
С ножки на ножку поступает, ладу, ладу,
Да сапог о сапог поколачивает, ладу, ладу,
И увидела теща его, ладу, ладу,
Из высокого терема, ладу, ладу:
– Да не мой-от ли зятюшка, ладу, ладу,
Подарить ему подарочек, ладу, ладу,
Шиту брану шириночку, ладу, ладу.
– Да не надо, мне не надобится, ладу, ладу.
Да ещё подарочек, ладу, ладу,
Свою милую доченьку, ладу, ладу,
Да Настасью Ивановну, ладу, ладу.
(Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла; Песня на дары).

Как по морю (II)

Как бы с-по морю кораблик плывёт, по синю морю легонький,
Как на этом корабле не много, не мало людей,
Только семьдесят семь человек,
Да восьмой корабельщик, да девятый направельщик,
Да десятый удал молодец, удалой добрый молодец,
Всё Иванушко Михайлович.
Он по караблю похаживает, с ножки на ножку постукивает,
Сапог об сапог поколачивает, рукавицами пощалкивает.
Рукавицы-то барашковые, за них денежки не плаченные,
Пятьдесят рублей не дадены, пятьдесят рублей не денежки:
– Мне ко надо красну девицу, всё Марию де Ивановну,
Марина-то магушка, она бойкая вострая,
Усмотрела, узорил с печки кирпичатые,
Через трубочку кладчатую,
Сквозь окошка околонна, сквозь стеколышка немецкова
Кабы этого молодца, Ивана Михайловича,
Его взять бы во в зятюшки, подарить бы подарочки,
Полотяные штанишки.
– Это мне не подарочки, это мне да не надобно.
– Я что бы раз подарила – шиту браную шириночку.
– Это мне не подарочки, это мне не надобно.

– Я ишо бы раз подарила душой красной девичей,
Своей милой дочерью, всё Марией Ивановной.

– Вот это мне подарочек, вот это мне и надобно.

(Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл.; Песня на дары).

Как с-по морю (III)

Как с-по морю корабль плывет, ладу-ладу,

По синю морю лёгонькой, ладу-ладу.

На том корабле да немножко, не мало людей, ладу-ладу.

По моёму счёту семьдесят семь человек, ладу-ладу,

Да восьмой кошевар кашу варил, ладу-ладу,

А девятой водонос воду носил, ладу-ладу,

А десятый сам удал молодец, ладу-ладу.

Он с-по кораблю похаживает, ладу-ладу,

С ножки на ножку поступывает, ладу-ладу,

Он сапог о сапог поколачивает, ладу-ладу,

Чёрны кудерцы расчёсывает, ладу-ладу,

Дорогим рыбьим гребешком, ладу-ладу,

К круту бережку причаливает, ладу-ладу.

Изувидела тёща его, ладу-ладу:

Да не мой-от ли зять у ворот, ладу-ладу,

Да не мой-от ли ласковый, ладу-ладу?

Повстречала, пожаловала, ладу-ладу,

Подарила подарочками, ладу-ладу,

Полотняными штаничками, ладу-ладу,

Трёхполосенной рубашечкой, ладу-ладу.

(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Пели, когда дарили подар-ки).

Как по морю (IV)

Как де по морю, как де по морю, по синю морю,

Ой, да Волынскому, радость ли ой да моя,

Тут де плавали, тут де плавали все серые малые утицы,

Радость ли ой да моя.

Они плавали, плавали, золотую струечку правили.

Наперёд – ту плавала, наперед-ту плавала все серая большая утица,

Радость ли ой да моя.

Она плавала, она плавала, золотую струечку правила,

Радость ли ой да моя.

Тут де надлетал, тут де надлетал все серой большой да селезень,

Он де сокнул, он де сорванул большую утицу.

Радость ли ой да моя.

Тутто склыкали, тутто склыкали все серые малые утицы.

Радость ли ой да моя.

У нас некому, у нас некому наперёд-ту будет плавати,

Радость ли ой да моя.

Тожно по полю, тожно по полю, по чисту полю раздолжицу

Радость ли ой да моя.

Тут де ходили, тут де гуляли всё де юрлински красные девицы,

Радость ли ой да моя.

Они ходили, они гуляли, путь дороженьку они торили,

Радость ли ой да моя.

Они торили, они торили, чеботами траву топтали,

Радость ли ой да моя.

Они топтали, они топтали, рукавами цветы ломали.

Тут де наезжал, тут де наезжал удалый добрый молодец.

Молодец, молодец, все Василий Леонидович.

Радость ли ой да моя.

Он де сохватил, он де сохватил самолучшую красну девицу.

Девицу, девицу, все де Аннушку да Аркадьевну,

Радость ли ой да моя.

Туто сплакали, туто сплакали все де юрлински красные девицы.

У нас некому, у нас некому путь-дороженьку будет торить.

Радость ли ой да моя.

Торити, торити, чеботами траву топтати.

Радость ли ой да моя.

Топтати, топтати, рукавами цветы ломати.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Как по морю (V)

Как бы с-по морю, морю синему, с-по синю морю,

Ох, там ведь плавали, плавали всё серые малые утоньки.

Ох, они ведь плавали, плавали, золотую струночку правили.

Ох, наперед-ту да плавала, плавала всех побольше серая утица.

Ох, тут ведь да сплывал всё большой да сер селезень.

Ох, он да сохватил всех побольше серую утицу.

Ох, и слышали все серые маленьки утицы.

— Ох, у нас ведь некому, некому на серёдку плывати.

Ох, по полю, полю, по чисту полю, ох, да ветры продули.

Ох, там ведь ходили, гуляли всё девушки красные.

Ох, они ходили, гуляли, путь-дороженьку торили.

Стоптали, стоптали дороженьку, радость, ох, да с моря.

Ох, тут ведь на серёдку да ходила, гуляла самолучшая красная девица,

Девица, девица, всё Матрёнушка Ивановна.

Ох, тут ведь тут да наезжал, наезжал удалой молодец,

Молодец, молодец, Петрованушка да Петрович.

Ох, потом ведь да сплакали всё кудымкарски красные девушки.
Ох, у нас ведь некому, некому на середку ходить, гулять,
Ходити, гуляти, путь-дороженьку торити.
Радость, ох, да с моря
(Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла).

Ино круг-то двора (I)

Ино круг-то двора да круг-то широкова
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Тут-то ездил, споездил удалой молодец.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Приворачивал коня ко широкому двору.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Ко широкому двору да ко точенному столбу.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Ко точёному столбу, да ко витому ко кольчу.
Притоптана трава, притолочена муровая.
Да он де скок поскок на крыто крыльцо.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Ино жаль, жаль. жаль золото крыльцо,
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Совстречай-ко, жена, свеличай, молода.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
– «Недосуг встречать, недосуг взвеличать.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я в одной становинке без дубаса,
Я в одной шамшурке без кокошника.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я де зыбочку качаю, себе сына де начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я де зыбочку качаю, себе зятя де начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я ведь сына-то качаю, себе сношеньку начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я ведь дочь-ту качаю, себе зятюшка начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я де сочни сочни да пирожки пеку.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Соченёчки пеку да пирожки пеку.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Пирожки пеку да зятя в гости жду».
(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Плясовая).

Ино круг двора (II)

Ино круг двора, круг широкого
 Приутоптана трава, приутоптана муровая.
 Туто ездил, поездил удал молодец,
 Да удал, да удал, да удаленький,
 Да удаленький, да сам маленький.
 Приворачивал коня ко широкому двору,
 Ко точёному столбу, ко витому ко кольцу.
 Ино бряк, побряк золото кольцо,
 Золотое, витое, серебряное.
 Он по лесенке бежал и ступенечки считал,
 Он ступенечки считал, сорок девять насчитал.
 – Ино дома ли жена, дома ль барыня моя?
 Встречай, жена, встречай молода.
 – Недосуг встречать, недосуг величать.
 Я в одной ведь пашмурке, без кокошника,
 В одной становинке, без дубасичка.
 Я де зыбочку качаю, тебе сношеньку начаю,
 Другу зыбочку качаю, тебе зятюшка начаю.
 (Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла; Плясовая).

Во тереме гусельчки лежали (I)

Во тереме гусельчки лежали, да э-хе-хе, ой, да лежали,
 Во высоком звончаты да лежали, да э-хе, ой лежали.
 Да некому гусельцы направить э-хе-хе, ой, да направить,
 Некому звончаты наладить, да э-хе-хе, ой, да наладить,
 Ивана – сокола да дома нету, да э-хе-хе, ой, дома нету,
 Ивановна да не случилось, да э-хе-хе, ой, не случилось,
 Да он у тестя, у тестя, он у тестя, у тестюшка
 Да за столами, да э-хе-хе, ой, за столами,
 У тёщеньки да за блинами, да э-хе-хе, ой, за блинами,
 Уже он-то сидит за винами, ой, за винами,
 Да тестенёк за дарами, да э-хе-хе, ой, за дарами.
 Тесть зётя почитает, да э-хе-хе, ой, почитает,
 Ещё зять он наряжает, да э-хе-хе, ой, наряжает,
 Ешь-ко, зять, да наедайся. да э-хе-хе, ой, наедайся,
 Пей-ко, зять, да напивайся, да э-хе-хе, ой, напивайся,
 Надсажат коня, да не шатайся, да э-хе-хе, ой, не шатайся,
 Дороженькой, ой, да не валяйся, да э-хе-хе, ой, не валяйся,
 Придёшь домой, да не ломайся, да э-хе-хе, ой, не ломайся,
 Наша-та дитя да не учёна, да э-хе-хе, ой, не учёна,
 Встретить – проводить да не умеёт, да э-хе-хе, ой, не умеёт,
 Тренать – целовать да не догонишь, да э-хе-хе, ой, не догонишь,

К сердцу прижимать да кого жо, да э-хе-хе, ой, да кого жо,
Ей земля-то не родима, да э-хе-хе, ой, не родима,
Одну деву да породила, да э-хе-хе, ой, породила,
Ивановну да вскормила, да э-хе-хе, ой, вскормила,
Ивана – сокола да надарила, да э-хе-хе, ой, надарила,
Ивановича да поженила, да э-хе-хе, ой поженила.
(Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., Тотьмяниной М.С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.); Песню исполняли во время поездок молодожёнов на блины к тёще).

Ещё в тереме гусельцы лежали

Ещё в тереме гусельцы лежали, да эхе-хе, да лежали.
Ещё некому в гусельцы играти, да ехе-хе, да играти.
Свет-Ивана да дома нету, он у тёщи да за блинами,
Да он у тестя да за столами, да у свояченицы да за скатертями.
Да ещё тёща да зятя угощала, да уж ты пей-ко, мой зятюшка, допьяна,
Да уж ты ешь-ко, мой зятюшка, досыта,
Да ты пойдёшь домой, да не валяйся, да над моею дочерью не величайся.
Да что моя дочь не учёна, да не сумеет она вас назвати,
Да не сумеет она вас да звеличати.
(Пожва Юсьв.; Пели при поездках к теще и в свадьбу для тещи).

Во тереме гусельцы лежали (II)

Во тереме гусельцы лежали, ехе – хе да лежали,
Во высоком звончаты лежали.
Некому гусельцы направить, некому звончаты наладить.
Сергеюшка дома нету, Аркадьевича не случилось.
Там-то ушел он уехал, он у тестюшка за столами.
Он у тёщеньки за блинами, у шурьев- то за винами,
У свестенек за дарами.
Тесть-от зятя почитает, тёща зятя наряжает.
Ешь-ко ты зять, наедайся, сядешь на коня, не шатайся.
Приедешь домой, не ломайся.
Наша-га дитя не учёна, не учёна она, не строжёна.
Встретить, проводить не умеет, трепать, целовать таково же.
Ко сердечик у прижать не догонит.
Наша-то земля не родима, Галину деву народила.
Сергеюшка наградила.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Тёща зятя да угощает

Тёща зятя да угощает:
Да уж ты ешь-ко, мой зятюшка, досыта.

Да ехе-хе, да ешь-ко, зятюшка, досыта.
Да ты уж, зятюшка, да пей да допьяна,
Да ты домой пойдёшь, да не махайся,
Да ехе-хе, да не шатайся,
Да в чёрной грязи не валяйся,
Да над моей дитей не издевайся,
Да ехе-хе, не издевайся.
Да что моё дитя да не учёно,
Да ехе-хе, что не учёно,
Да не учёно оно, не торёно.
Да научить её я не успела,
Наторить её да не случилось.
Да, ехе-хе, да не случилось.

(*д. Елизавета-Пожва. Юсвв.*; Пели на обручение тёще а также на Масленицу, в поездки на блины).

Как бы с-по мосту (I)

Как бы с-по мосту, да али, али по калинову частому,
Никто туда не ходит, не ходит, не гуляет.
Только Иванушко ходит, всё Михайлович гуляет.
Коней пару запрягает,
Коней пару вороную, каретушку золотую.
Во карете-то княгиня, всё княгиня-то Мария,
Она плачет и рыдает, её Иван-то унимает:
— Ты не плачь, не плачь, Мария, не рыдай же, лебедь бела,
Ещё дам я тебе волю, ещё волю со привольей,
Ещё негу со принегой.
— Я у батюшки жила, красовалася,
Пиала-ела, угощалася, ровно сыр в масле каталася,
Куда пойду, не спрошуся, откуль буду, не скажуся.
Спать ложилася я раненько, и вставала я поздненько,
Умывалася водою, всё водою ключевою.
На чужой дальней сторонущке спать ложуся я поздненько,
Поутру встаю раненько.
Умываюсь я слезами, утираюсь рукавами,
Куда пойду, я спрошуся, откуль приеду, я скажуся,
Это, чёрт, твоя неволя, это, чёрт, твоя не нега
(*Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл.*).

Как бы с-по мосту (II)

Как бы с-по мосту, мосточку, да али, али,
По калинову чистому,
Да никто туда не ходит, да никто же не гуляет.
Иванушка ходит, Иванович гуляет,

Коней пару запрягает, коней пару вороную,
Каретушку золотую.
Во карете — княгиня, всё княгиня удалая,
Всё моя Анна молодая.
Она плачет и рыдает, Иван её стюует.
— Ты не плачь, моя Анна, не тужи, лебедь бела,
Я ведь дам тебе волю, ещё волю со приволей,
Ещё негу со принегой.
Куда пойдёшь, ты спросися, откуль будешь, ты скажися.
— Это чёрт твоя не воля, это чёрт твоя не нега.
Я у батюшки жила же, не жила, а красовалась,
Пила, ела, потешалась, словно сыр в масле каталась.
Куда пойду, не спрошуся, откуль буду, не скажуся.
(Липухина Юрл.).

В огороде-то грядя (I)

В огороде-то грядя е-хе-хе, зеленым-то зелена, зеленёхонька.
Всё Мария-то дева молодым-то молода, молодёхонька,
На ней шуба-то нова, всё новёхонька.
Шуба дуется, надувается, Мария сердится, осержается:
— Уж ты, муж, ты мужик, ты поедешь на базар,
Ты купи мене товар, купи шубу лисячью,
Я сама же заплачу, сама выкуплю, сама выручу,
Сама денежки отдам, до копейки, до гроша,
Будет слава хороша.
(Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл.).

В огороде-то грядя (II)

В огороде-то грядя, да зеленым зелена, да зеленым-зелена, зеленёшенка.
Ек-ек, все де Марья молода да, все де Марья молода да, молодешенька.
Ек-ек, все де Мишенька сокол да, все Иванович весел да.
Ек-ек, свекор батюшка идёт да золотой казной трясет да,
Принатраживает, наговаривает.
Ек-ек, ино кто тут спит да, ино кто тут лежит да
Со милым дружкой, со Михайлушкой.
Она спит или не спит да, разбудить её не смить да,
Ты-ко, Марья, встань, ек-ек, ты-ко, Марья, встань,
Да, лебедь бела, пробудись да,
Мы поедем на базар.
Ек-ек, мы поедем на базар да, я куплю тебе товар да.
— Ек-ек, не могу я встать, да голова моя болит да,
Об отце, об матери, об родимой стороне.
(Юм Юрл.).

В огороде-то гряда (III)

Э-те, в огороде-то гряда да, э-те, зеленым-зелена да,
 Э-те, зеленехонька да.
 Э-те у нас Таня молода да, э-те, молодым-молода да,
 Э-те молодехонька да.
 Э-те у ё Витя-га сокол да, э-те, Николаевич сокол да,
 Он поедет на базар да, э-те, он же купит ей товар да.
 Э-те купит шубу ли парчу да, э-те повернется по плечу да.
 Э-те я сама заплачу да, э-те сама денежки отдам да
 Э-те никому носить не дам да
 (Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А., д. Зюздино Юрл.).

Во тереме свеченьки ясненько горят (I)

Во тереме свеченьки ясненько горят,
 Во высоком восковы притаивают.
 Все да Любушка по терему похаживает,
 Александровна по высокоу погуливает.
 Постелюшку стелет да ох, да переох.
 Зголовнице кладет да так да перетак.
 Одеялышко бросает да тонь да перетонь.
 Девушек Манюшек спать укладывает:
 – Девушки Манюшки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать да сосните на час.
 Мне-то будет, молодешеньке, всю ночь не сыпать.
 Всю ночь не сыпати да у ворот стоять.
 У ворот стоять у больших, распашных,
 У ворот-то стоять да Ивана ждать.
 Мало помалу Иван – от ко двору.
 Вышла Любушка встречать-величать,
 Вышла Матвеевна допрашивать.
 – Где же ты, Иванушка, был да побывал,
 Где же ты, Матвеевич, ночку ночевал?
 – Был я у тестюшка у ласковаго,
 Был я да у тёщеньки у приветливыё,
 Был я у шурьев, у ясных соколов,
 Был я у свестенёк у голубушек.
 – Чем тебя, Иванушко, тятюшко дарил?
 – Тятюшко меня дарил же да вороным конем.
 Тёща – та меня дарила да золотым ковром.
 Шурья меня дарили да зеркальным седлом.
 Свестеньки меня дарили да шитым браным положком.
 Любушка меня наградила самою собой,
 Самою собой, буйной головой.
 (Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Во тереме свечки ясененько горят (II)

Во тереме свечки ясененько горят, во высоком восковы притаивают.
Вот всё Еленушка по терему спохаживает.
Постелюшку всё стелет – тонь да перетонь,
Взголовьице кладёт – так да перетак,
Одеялышко бросат – ох да переох.
Девушек да Манюшек да спать укладывают:
– Девушки да Манюшки, ложитесь спать,
Мне-ту будет, молодёшеньке, всю ночь не сыпать,
Всё Ивана ждать.
Мало-с-по-малу Иван-ог ко двору:
– Выходи-ко ты, Еленушка, встречай, величай.
Выходила-ко она да спрашивала:
– Где же ты да, Иванушко, был-спобывал?
Где же ты да, Иванович, ночку ночевал?
– Был же я у тестюшка во честях, во гостях,
Был жо я да у тещеньки, волос ковылём.
(Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла; Молодых уводили на подклет, тогда пели»).

Золото с золотом совивалось

Золото с золотом совивалось, совивалось,
Свет, совивалось!
Жемчуг с жемчугом сокаталось, сокаталось,
Свет, сокаталось!
Да Иван-то с Марией сходились да, сходились да,
Свет, сходились!
За единый стол становились, становились,
Свет, становились!
Наше золото будет получше да, получше да,
Свет, всё получше!
Да и наш-еть жемчуг подороже, подороже,
Свет, подороже!
Да и Марья-то наша милее да, милее,
Свет, да милее!
И лицом-то она всех белее, всех белее,
Свет, всех белее!
У Васильевны очи пояснее, пояснее,
Свет, пояснее!
Ножки Вани за Машей ходили всё, ходили всё,
Свет, ходили всё!
Башмаков семь пар износили, износили,
Свет, износили!

Семь подошв они истоптала, истоптали,
Свет, истоптали!
Все до Машеньки доставали, доставали,
Свет, доставали!
Да Васильевну доручали, доручали,
Свет, доручали!
Да едва-не едва доставли, дотупили,
Свет, доставили!
Да едва-не едва доручили, доручили,
Свет, доручили!

(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла: Пели невесте, когда за стол ставят).

На Степанушке кудерушки

На Степанушке кудерушки, да-ту-усень,
Да не сами завивалися, да-ту-усень,
Завивала ему матушка, да-ту-усень,
Завала, приговаривала: да-ту-усень,
«Реки, озёра разольются, да-ту-усень,
А кудри пусть не разовьются, да-ту-усень,
Не ломай, да всё подавай, да-ту-усень,
Не трясина, да всё подноси, да-ту-усень,
Не пора ли, сударь, игриц дарить, да-ту-усень,
Не рублём, не полтиною, да-ту-усень,
Золотою гривною, да-ту-усень?

(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

На горе жернов крутился

На горе жернов крутился, душа, крутился!
Иван-от своей женой хвалился, душа, хвалился!
«Моя женочка молода, душа, молода!
Как и клюквенька омховая, душа, омховая!
Земляниченька боровая, душа, боровая»!
У Ивана жена — небылица, душа, небылица!
Она спит-лежит, как лосяца, душа, как лосяца!
За водой пойдёт — застоится, душа, застоится!
На ребяток она заглядится, душа, заглядится!
Она воду понесёт — обольётся, душа, обольётся!
За соломой пойдёт — волокётся, душа, волокётся!
За дровами пойдёт — разобьётся, душа, разобьётся!
А блины станет печь — обожгётся, душа, обожгётся!
Блинов напечёт — обожрётся, душа, обожрётся!

(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Уж ты вдовка ли, вдовка моя

Уж ты вдовка ли, вдовка моя, уж ты, вдовьюшка, прибранивашь меня,
Позаочь, вдовья, голыдьбой назвала.
Ты голытьба, голытьба моя, у голытьбы ни скота, ни живота,
У голытьбы есть ограда широка.
У ограды столбы точёные, вервеюшки подзолоченые.
Ворота были хрустального стекла, подворотенка чистого серебра.
Посреди двора бел камешек лежит, из-под камешка быстра речка бежит.
Вот бежит, бежит, пожурчивает, по той речушке гоголюшко плывет,
Выше бережка головушку несёт, выше леса крылья взмахивает.
Выше леса крылья взмахивает, калену стрелу направляивает.
Ты лети, лети, калёная стрела, ты пади, пади, каленая стрела,
Все не на воду, не на землю, серой утице под правое крыло.
Сера утица — есва моя. красна девица — невеста моя.
Будто Аннушка не пряля была, будто Аннушка не ткаля была.
Будто Аннушка не ткёт, не прядёт, будто Аннушка узоры не берёт.
Заводились у Аннушки кросна, ино тем кроснам девятая весна.
По-за ниченкам суметы нанесло, по-за бережку закуржавело.
По-за стану трава выросла.
Уж я эту траву выкошу косой, по ленивочке копейки свожу.
По ленивочке копейки свожу, на полатчиках зарод намечу.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.; Плясовая песня: исполнялась не только на свадьбах, но и на святочных и летних игрищах).

Красное солнце во лунах (I)

Красное солнце во лунах да во лунах,
Сокол-то Иван да во домах, да во домах,
Все Матрена дева во думах, да во думах.
То и есть да во думах.
Мы тебе, Матрёна, мы тебе, Матрёна,
Мы пытали, говорили, жить наказывали.
Не вставай, Матрёна, не вставай, Матрёна,
Ты поутру всех ранней.
Не ходи, Матрёна, по новым да по сеням.
Не слушай, Матрёна, Николаевы гусли.
У Николая гусли — гусельцы обманчивые, переманчивые.
Переманят гусли на чужу сторонку жить,
По чужу полу ходить.
На чужой сторонке по три воли в день дают.
Первая воля — тетива да таволга.
Другая воля — варовинная возжа.
Третья воля — всё ременная плеть.
Как же мне будет, мне свекра называть?

Свёкром называть, то бесчестьице мое.
Батюшком называть, того много будет.
Звать-то называть свекор батюшко – отец.
Как же мне будет, мне свекровку называть?
Свекровкой звать, то бесчестьице моё.
Матушкой звать, того много будет.
Звать-то называть свекровка – матушка родна.
Как же мне будет, мне деверьев называть?
Деверьями звать, то бесчестьице мое,
Братчиками звать, того много будет.
Звать-то называть деверья, брагчики мои.
Как же мне будет, мне золовок называть?
Золовками звать, то бесчестьице мое,
Сестрицами звать, того много будет.
Звать-то называть золовки – сестрицы родны.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Красное солнце во лунах (II)

Красное солнце да во в лунах, кои есть, да во в лунах,
Всё Иван-сокол да во в новых да в домах,
Ещё Мария-дева во в слезах, да во в слезах,
Кои есть да, во в слезах.
Мы тебе, Мария, мы пытали, говорили и наказывали:
Ох, не ходи, Мария, с-по новым с-по сеням,
И не слушай Мария, всё Ивановы гусли.
Ох, у Ивана гусельки и обманчивые, переманчивые,
Ох, переманят оне да в чужу сторонку жить,
По чужу полу ходить да.
Ить на чужой сторонке по три воли в день дают:
У первая воли – твердая таволга,
У другая воли – всё тасьмянная узда,
У третья воли – всё шелковая плеть.

(Зап. от Мазеиной К.К., с. Юрла.; Вариант концовки песни зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл. – «На чужой сторонке по три гульбы в день дают. Первая гульба – до лужечка зелена, другая гульба – круг широкого двора, третья гульба – до речушки матушки»).

Красное солнце во в лунах (III)

Красное солнце, красное солнце да во в лунах, да во в лунах,
То и есть да во в лунах.
Ох, Иванушка-сокол во в домах, да во в домах.
То и есть да во в домах.
А Мария-то дева, а Мария-то дева да во слезах, да во слезах,

То и есть да во слезах.

Ох, мы тебе, Мария, мы тебе, Мариюшка,

Пытали ведь да говорили,

Жисть наказывали -

Эх, не вставай, Мария, не вставай, Мария,

Эх, по утру да пораня, да, эх, по утру пораня.

Ох, не слушай, Мария, не слушай, Мариюшка,

Ивановы гусли, да все Ивановы гусли.

Ох, у Ивана гусли, да у Ивана гусли

Обманчивые да переманчивые.

Ох, переманят гусли, да переманят гусли

На чужу сторонку жить, да по чужу полу ходить.

Ох, на чужой сторонке, да на чужой сторонке

Да по три воли в день дают, да по три воли в день дают.

Ох, первая воля, первая воля — до широкого двора,

Да до широкого двора.

А другая воля, другая воля — до большого да до скота,

До большого до скота.

Ох, третья воля, третья воля -

До быстрыя до реки, да до быстрыя до реки.

Ох, на чужой сторонке, да на чужой сторонке

По три неги в день дают, да по три неги в день дают.

Ох, первая нега, первая нега — да шелкова нова плетть,

Да все шелкова нова плетть.

А другая нега, другая нега — боровинная лоза,

Да боровинная лоза.

Ох, третья нега, третья нега -

Все тасмянная узда, да все тасмянная узда.

Ох, со того Мария, со того Мария бегу дала,

Да она бегу дала.

(Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А., д. Зюздино Юрл.; Плясовая).

Ой, мы баяли... (I)

Ой, мы баяли Светлане, мы бы стали говорить

Да мы наказывали, наговаривали:

— Ой, вставай-ко, Светлана, поутру да всех раней,

Ох, не слушай, Светлана, Леонидовых гуслей.

Ох, Леонида гусли-те обманчивые да переманчивые.

Ох, переманят гусли на чужу сторонку жить.

На чужой сторонке по три воли в день дают:

Ой, первая воля — всё твердая таволга,

Ой, другая воля — всё ременная вожжа,

Ой, третья воля — шелковая плеточка.

Ой, как же мне будет во чужой сторонке жить?
Как же мне будет по чужу полу ходить?
Как же мне будет ко столечку подойти?
Как же мне будет мне-ко пить наливать?
Ой, как же мне будет мне-ко свекра называть?
Ой, как же мне звать, звать-то не звать
Да свекор, батюшка, отец.
Ой, как же мне будет мне свекровку называть?
Ой, звать-то не звать мне бесчестьице моё.
Ой, звать-то не звать свекровка, матушка родна.
Ой, как же мне будет мне деверьев называть?
Ой, звать ли не звать деверьев братчики родны.
Ой, деверьями звать, то бесчестьице моё.
Ой, звать-то назвать деверья, братчики мои.
(Зап. от Копытовой Т.И., 1941 г.р., Никитиной Г.А., Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Пелась во время угощения невестой гостей).

Ой, баяли мы...(II)

Ой, баяли мы Anne, мы пытали, говорили,
Мы наказывали да наговаривали:
Ой, не вставай ты, Анна, с-по утру всех раней,
Не слушай ты, Анна, всё Ивановых гуслей.
У Ивана гусли всё обманчивые да переманчивые,
Переманят гусли на чужу сторону жить,
Ой, на чужой стороне по три воли вдруг дают:
Первая воля – всё твёрдая таволга,
Вторая воля – всё ременная узда,
Третья воля – шелковая плеточка.
Приплыли надсады ко Иванову двору,
Ко Марьиному столбу,
Ох, не ступить, не ступить, да не ступить же будет,
Родного батюшку да прогневить же будет,
Родную матушку расслезить же будет,
Чужую матушку да взвеселить же будет.
(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.).

Нынешна весна (I)

Нынешна весна, нынешна весна прибывлая вода,
Круты бережочки принаполнилися,
Зелены лужочки призеленилися.
Приплыли надсады ко Иванову двору.
Ну-ка ты, Матрёна, выходи-ко на надсад,
Выступай-ко на зелен.

Не ступить-ступить, не ступить же будет,
Родимого батюшка прогневить же будет,
Лютого-то свекра взвеселить же будет,
Родимую матушку расслезить же будет,
Лютую свекровку рассмешить же будет.
Как же мне будет на чужой сторонке жить,
Как же мне будет по чужу полу ходить.
На чужой сторонке по три гульбы в день дают.
Первая гульба – до широкого двора,
Другая гульба – до большого до скота.
Треттяя гульба – до быстрою до реки.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Нынешна весна (II)

Нынешна весна, нынешна весна, прибыла весна вода.
Круты бережочки принаполнилися.
Зелены лужочки призеленилися.
Приплыли насады к Анатолеву двору.
Ну- ка ты Галина, выходи-ка на насад, выступи-ка на зелен.
Не ступить-ступить, не ступить же будет.
Лютого-то свёкра взвеселить же будет.
Родимого батюшка прогневить же будет.
Лютую свекровку рассмешить же будет.
Родимую матушку расслезить же будет.
Как же мне будет на чужой сторонке жить,
Мине свекра называть – свёкром назвать.
Свёкром назвать – то бесчестьице мое,
Батюшком звать, того много будет.
Звать-то назвать свекор, батюшка, отец.
Как же мне будет мне свекровку называть.
Свекровкой называть – то бесчестьице моё.
Матушкой звать, того много будет.
Звать-то назвать, свекровка, матушка родна.
Как же мне будет мне деверьев называть.
Деверьями их звать, то бесчестьице мое.
Братьями звать, того много будет.
Звать-то назвать деверья, братчики родны.
Как же мне будет мне золовок называть.
Золовками звать, то бесчестьице моё,
Сестрами звать, того много будет,
Звать-то назвать золовки, сестрицы родны.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Мать крёстная

Мать крёстная, прибывшая вода, все берега принаполнилися,
А все корабли принагрузилися.
Един корабль, един новой без нагрузу стоит.
Свет-то Незнай, свет-то Незнай,
Наступи на корабль да наступи на новой.
– Нет, не вступлю, нет, не вступлю.
Да вступить же будет родному батюшку,
Следить же будет чужому батюшку.
Заступить же будет вот родною матушке,
Следить же будет чужою матушке,
Веселить же будет свет Наталья Васильевна.
(Елизавета-Пожва Юсёв.; Родителям невесты и жениха).

На горе стоит ёлочка

На горе стоит ёлочка, под горой стоит светёлочка.
Во светёлушке девоньюшка сидит, всё девоньюшка Маланьюшка,
Лебедь белая Игнатьевна.
Она белится – румянится, хорошо ли снаряжается.
Хорошо ли право лучше всех, право лучше, право вежливее.
Кличет, кличет её батюшка домой, я нейду домой, не слушаю его.
Ночи тёмные, не месячны, леса частые, проходу нет.
Реки быстры, перевозу нет.
Во второй раз кличет матушка, я нейду домой, не слушаю её.
Третий раз кличет Саввушка, я пойду домой, послушаю его.
Ночи светлые и месячны, леса редкие, проходу есть,
Реки тихи, перевозки есть.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Гордёна (I)

Как бы у броду, броду, уреди, редила да моя,
У калинова мосту, уреди, редила да моя.
У ракитова кусту, уреди, редила да моя.
Тут стоят два комонья, уреди, редила да моя.
Два комонья под коврами, два комонья под седлами.
Да один конь не кован, он не кован, не седлан,
Да никто коня не дозорит, да никто коня не досмотрит.
Все Иванушко дозорит, Александрович досмотрит.
Ино пал коню в ножку, ино пал коню в праву.
Да в правое копытце.
Сослужи-ко, конь, службу, ино службу без нужды.
По горденушку съездить.
Да гордена горделива, да Надежда ломлива.

Как на эту гордену надо плетку семихвостку.
О семи-то хвостищей, о восьми хомутищей.
Как первый раз стегнёт, так горденушка вздрогнет.
Как другой раз стегнёт, горяча кровь пробрызнет.
Как третий раз стегнёт, так кусок мяса вырвет.
Так тожно покорила, свысока поклонилась.
Тожно скок на кроватку, башмачки под кроватку,
Да чулочки на спичку, да Иванушка на ручку,
Александровича на праву.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Гордёна (II)

У реди, реди, лада, у каменного мосту,
У реди, реди, лада, у ракитового кусту,
Тут стоят два поморя, два поморя под коврами,
Два коня под седлами.
Один конь не кован, он не кован, не сёдлан,
Иван круг коня ходит да по хрестьям колотит:
«Сослужи-ка, конь, службу, службу во дружбу,
По горденушку съездить.
А гордена горделива, всё, мол, Анна ломлива». —
Как на эту гордену взять бы плётку-семихватку,
Во семи-то хвостище, во семи-то плетище,
Во первый раз ударит, тут горденушка дрогнет.
Во второй раз ударит, ала кровь-та пробрызнет.
В третий раз он ударит, целый клок мяса вырвет.
Вот тогда покорила, свысока поклонилась.
Скок на кроватку, башмачки — под кроватку,
А Иванушка — на ручку, Николаевича на правую.
Она правую положит, она левой одёжит
(Липухина Юрл.).

Гордёна (III)

Да, ой, реди редила у ракитового кусту, да, ой, реди редила да моя,
Тут стояло три комонья, да, ой, реди редила да моя,
Под коврами, под седлами, да, ой, реди редила да моя,
Всё один конь не кормлён, да ой, реди редила да моя,
Он не кормлён, не поён, да ой реди редила да моя,
Еще кто коня дозорит, да ой, реди редила да моя,
Ино кто коня досмотрит, да, ой, реди редила да моя,
Всё Иванушко дозорит, да, ой, реди редила да моя,
Да всё Иванович досмотрит, да ой, реди редила да моя,
Он де ходит и баёт, да ой, реди редила да моя:

«Сослужи ко, конь, службу, да, ой, реди редила, да моя,
Да всё службу без нужды, да ой, реди редила да моя,
По горденушку съездить, да ой, реди редила да моя,
Та гордёна ломлива, да, ой, реди редила да моя,
Всё ломлива криклива, да, ой, реди редила да моя,
На мосточки не заходит, да ой, реди редила да моя.
На мостах-то грязеище, да, ой, реди редила да моя,
Она в избе не заходит, да, ой, реди редила да моя,
Во избе-то хламище, да, ой, реди редила да моя,
Она к печке не подходит, да, ой, реди редила да моя,
Перед печкой жареище, да, ой, реди редила да моя,
На кроватку не ложится, да, ой, реди редила да моя,
Да как на ету гордену, да, ой, реди редила да моя,
Надо плётку семихвостку, да, ой, реди редила да моя,
Во семи-то узлищах, да, ой, реди редила да моя,
Во семнадцати хвостеищах, да, ой, реди редила, да моя.
Как в первой-от раз стёгнет, да, ой, реди редила, да моя,
Горяча кровь пробрызнет, да, ой, реди редила, да моя,
Да как второй раз стёгнет, да, ой, реди редила, да моя,
Да кусок мяса вырвет, да, ой, реди редила да моя,
Да тожно скок на кроватку, да, ой, реди редила да моя,
Башмачки под кроватку, да, ой, реди редила да моя,
Да Коленьку на ручку, да, ой, реди редила да моя,
Да Ивановича на праву, да, ой, реди редила да моя,
Да тожно покорилась, да, ой, реди редила, да моя,
Свысока поклонилась, да, ой, реди, редила да моя,
Завела речь-говорю, да, ой, реди редила да моя,
Речь-говорю хорошу, да, ой, реди редила да моя.
Ох, вы, кумушки-подружки, да, ой, реди редила да моя,
Не живите крикливо, да, ой, реди редила да моя.
Как ломливо-то жити, да, ой, реди редила да моя -
На себе износить, да, ой, реди редила да моя.
(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Пели на свадьбе – «когда
плясать охота»).

Как у броду

Как у броду, у броду, ты реди-реди, радость,
У мелкого переброду, ты реди-реди, радость,
Тут стояла конюшня, ой, реди-реди, радость.
Что во той в конюшне, ой, реди-реди, радость,
Было тридцать три стойла, ой, реди-реди, радость.
Что в этих во стойлах, ой, реди-реди, радость,
Было тридцать три коня, ой, реди-реди, радость.

Они все под коврами, ой, реди-реди, радость,
Один конь под попоной, ой, реди-реди, радость.
Кто же, кто коня не любит, ой, реди-реди, радость,
Кто же, кто ненавидит, ой, реди, реди, радость?
Свет Иван коня любит, ой, реди-реди, радость,
Свет Васильевич навидит, ой, реди-реди, радость.
Он и вокруг коня ходит, ой, реди, реди, радость,
По крутым рёбрам треплет, ой, реди, реди, радость,
Уж ты, конь, ты, мой комонь, ой, реди, реди, радость,
Ты хорошая лошадь, ой, реди, реди, радость,
Сослужи мне три службы, ой, реди, реди, радость,
Три-те службы, три дружбы, ой, реди, реди, радость,
Как и первую службу, ой, реди, реди, радость,
Во Рязань по белила, ой, реди, реди, радость,
Как вторую-ту службу, ой, реди, реди, радость,
Во Казань по румяна, ой, реди, реди, радость,
Как и третью службу, ой, реди, реди, радость,
Во завод по невесту, ой, реди, реди, радость,
По хорошу Незнаевну, ой, реди, реди, радость,
По пригожу Незнаевну.
(Елизавета-Пожва, Юсьв.).

Да как под городом

Да как под городом, да как под Устюгом,
Ох, стояла сила, стояла сила — развеликая, развеликая.
Ой, кто в этой силе воеводою сидит.
Сидит воеводой разудалый молодец.
Он хвалится да похваляется:
«Я всю эту силу, всю конем растопчу,
Камену стену каблуком прошибу,
Красных девиц за бояр поберу,
Душечку Таню за себя ее возьму».
(Майкор Юсьв.).

Во саду было

Во саду было, во садичке, во зелёном виноградничке.
Тут ходил-гулял отецкой сын, сын отеческой, кунеческой.
Он чесал свои кудерцы, он чесал свои русые,
Чесал кудри, приговаривал:
«Прилегайте, мои кудерцы, прилегайте, мои русые,
Ко моёму лицу белому, лицу белому, румяному.
Привыкай-ка, красна девица, ко моёму уму-разуму
Да ко нраву молодецкому».

– «Мне ум твой да не глянется, мне понрав твой не нравится,
Мне глянется у батюшка, у своей родимой матушки»
(Зап. от Давыдовой А.В., 1924 г.р., п. Майкор Юсьв.).

Что во нонешнем, во прошлом году

Что во нонешнем, во прошлом году уродился виноград во саду.
Тут ходил добрый молодец, он сорвал с розы розовый цветок.
На цветочек он любитесь, красоте своей дивуется -
Чем я, молодец, разве не хорош.
Был я, молодец, в Казани, во Москве, не нашёл я там невесту по себе.
Разве, разве я в Майкор обращусь, на Божью я церковь богу помолюсь.
Всем угодникам молебен сослужу – создай, господи, невесту хорошу,
Душу красную девицу, отца-матери хорошего,
Братца-сестрицы богатого, роду-племени поклонливого.
(Майкор Юсьв.).

Подле реку, подле реку

Подле реку, подле реку, на крутом берегу
Стоял тут, стоял тут, стоял тут зелёный сад.
Во том во саду стоит клеточка, в этой клеточке висит веточка.
На этой веточке кинореечка.
Собирались к ней мелки пташечки, сели на ветку, раскричались -
Свет ты наша кинореечка, знать, нам с тобою не лёгивати,
Пшёнка с горошком да не клёвывати.
Подле реку на крутом берегу стоит-от нов-высок терем,
В том терему красна девица.
Сбиралися к ней красны девицы, сели на лавку, растуресилися,
Растуресилися да расплакалися.
Свет ты, наша красна девица, знать нам с тобой не сиживати,
Крепку думу нам не думывати, тайный совет не советывати.
Крепкая дума – Иван-молodeц, тайная дума – да Иванович
(Пожва Юсьв.).

Что да по сеням, по сенечкам

Что да по сеням, по сенечкам, по новым сеням кошетчатым,
Тут и ходила-гуляла молода наша боярыня.
Она будила-гаркала своего мужа-боярина -
Встань-ко, мой ласковый, пробудися,
Отвязался твой добрый конь от столба-то дубового,
От колечика серебряного.
Он сповылломал железный тын, он сповытоптал зелёный сад,
Высокие гряды морковные, низкие гряды огурешные
(Майкор Юсьв.).

Не разливайся ты, Дунай-река

Не разливайся ты, Дунай-река, не потопись ты зелены луга.
В этих лугах тут и ходит олень, ходит олень – золотые рога.
Езжал тут молодой удалец, стегнул он оленя плёткой,
Стегнул его он шёлковой.
– Не хлещи меня, молодой удалец, будешь жениться, я на свадьбу приду,
Всё твоё залю я рогами освещу, все твои столы копытом расшибу,
Всех твоих гостей я развеселю, невесту твою пуще всех,
Чтоб она не плакала, к батюшке не просилась,
К матушке не сподумала, чтобы да ей да не скучилось.
К родному матушке, к родному батюшке не схотелось.
(Зап. от Давыдовой А.В., 1924 г.р., п. Майкор Юсв.).

Не разливайсь, не разливайсь, наш тихой Дунай

Не разливайсь, не разливайсь,
Наш тихой Дунай, наш тихой Дунай.
Не затопляй, не затопляй зеленые луга, зеленые луга.
По этим лугам, по этим лугам
Тут и ходит олень, тут и ходит олень.
Возле ольня, возле ольня удалой молодец, удалой молодец.
Хлестнул ольня, хлестнул ольня он и плеточкой, он и шелковой.
Тут же олень, тут же олень, он и проговорил, он и проговорил:
«Не бей ты меня, не бей ты меня, удалой молодец, удалой молодец.
Будешь жениться, будешь жениться –
я на свадьбу приду, я на свадьбу приду,
Все твоё залю, все твоё залю
Копытцем расшибу, копытцем расшибу.
Всех твоих гостей, всех твоих гостей я развеселю, я развеселю.
Пуще всего, пуще всего я невесту твою, я невесту твою.
Чтобы она, чтобы она да не тужила, да не плакала,
К батюшке, к матушке не просилась бы, не просилась бы.
К батюшке, к матушке и не думала бы, и не думала бы.
(Зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., п. Майкор Юсв.; Величальная жениху.
Песня исполняется нередко без зачина «Не разливайсь...», со слов «Подле
реку на кругом берегу ходит олень золотые рога... »).

Бочка с мёдом катается

Бочка с мёдом катается, ой, зять у ворот увивается.
– Ой, тёща моя, да отпирай ворота.
– Зять ли мой, зять, зять, не запертые,
В подворотне да все, да все не вставленные.
Топни ногой – отворятся ворота, сужена твоя за занавесой сидит,
Ряжена твоя на столе вознесена, листья калины да ала, хороша.

Мать ей с сыном да наказывала, да говаривала -
- Едешь, дитя во чужи люди жить, подадут тебе рюмочку винца -
Вылей ты её ты коню в копыто, чтобы этот конь да поступишее шёл.
Вылей ты её коню в гриву, чтобы этот конь похрабристее был.
Вылей ты, дитя, на шелковую плетъ, чтобы эта плетъ да пощёлкивала,
Чтобы Аннушка да побаивалась
(Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва, Юсьв.; Пели в обручине, когда
выводят невесту из-за занавесы и ведут к жениху за стол).

Ой, из логу, логу вороны кони бежат

Ой, из логу, логу вороны кони бежат.
Ой, Сивушко космат, да всё вперёд забегат,
Ой, разлуку везёт с отцом-матерью,
Со сестрой, со братищем.
(Майкор Юсьв.).

Выкаталася жемчужинка

Вниз по блюдечку серебряному,
Да по другому да позолоченному
Да выкаталася жемчужинка,
Да выходила да красна девица.
Да не сама же собой выходила -
Да выводил же родимый батюшка.
Да среди полу да становилися,
Да все миру да поклонилися,
Да одному же да на особицу,
Да Ивану Васильевичу.
(Зап. от Вишняковой А.М., 1911 г.р., п. Пожва Юсьв.; «Как вывели невесту,
она кланяется средь полу — и поют»).

Через тихую воду

Через тихую воду, через синее море -
Тут лежало дерево кипарисово.
Никто через это дерево не ходит,
Никого за собой не переводит.
Свет-Василий переводит,
За собой душу-женщину переводит,
Свет Анну Иоанновну переводит,
Переведшего сам целует,
Со тою целовки сын будет -
Что попами-дьяконами крестити,
Князьям, боярам принимати,
Князовским жёнам пировати,

Нам, девицам, да тут песни пети.
Мы ведь, девушки, как картинки,
Нам на ленточки, на ботинки,
А нам, девушкам, песни пети,
Мы ведь, девушки, сладкоежки,
Нам на семечки, на орешки.
(Пож Юрл.).

Уж ты винная ягодка

Уж ты винная ягодка, виноградная веточка,
Налитой хорош яблочек, удалой добрый молодец -
Что ты долго не женишься, у тебя невеста-то выросла,
Приданое сподготовлено, в сундуках оно принаполнено,
Всё коленом да принадавлено.
(Пожва Юсёв.).

По меду, мёду, с-по сырчатому

По меду, мёду, с-по сырчатому,
С-по сырчатому, с-по крупитчатому,
Плавала чаронька золотая.
Кто же за эту чароньку примется, примется, принимается?
Подносил чароньку душе своей -
Душечка, ты, душа, радость, испей.
— «Нет, не пью, душа, нет, не хочу,
Нет, не пью, душа, нет, не хочу».
«Я тебе, душенька, сон расскажу,
Я тебе, душенька, сон расскажу,
Сон расскажу, по мыслям разложу -
Будто у нас на широком дворе
Выросла травонька шелковая,
Расцвели цветечки аленькие.
Аленьки цветички — дети у нас,
Голубы цветички — слуги при нас,
Слуги при нас, слуги верные.
Дети у нас, дети милые».
(Майкор Юсёв.).

Во бору сосенка зелёная

Во бору сосенка зелёная, зеленым-то она зеленая.
У Николая жена молодая, словно куколка увитая,
Словно ягодка налитая.
Она пеша к обедне не ходит, она в зимнюю пору на санках,
Она в летнюю пору во карете,

Что каретушка пробренчала, у Николая жена проезжала.
Под ней пара коней вороные, кучера-то у ей молодые,
А поводья в руках шёлковые, ой, шелковые,
Призапятнички золотые.
(Елога Юрл.).

Ой, в горнице...

Ой, в горнице по стульям бояра сидят, да бояра сидят,
Ой, все хороши, все хороши, да один лучше всех.
Ой, светят у него да златы кудри на главе.
Ой, реет у него да злат-обручальное кольцо.
Ой, в горнице по стульям боярыни сидят, да боярыни сидят.
Ой, все хороши, да одна лучше всех.
Ой, лучше-сполучше красна девица-душа.
Ой, светят у неё да златы кудри на главе,
Ой, реет у неё да злат-обручальное кольцо.
Ой, в горнице по стульям бояра сидят, да бояра сидят,
Ой, все хороши, все хороши, да один лучше всех.
Ой, светят у него да златы кудри на главе.
Ой, реет у него да злат-обручальное кольцо.
Ой, в горнице по стульям боярыни сидят, да боярыни сидят.
Ой, все хороши, да одна лучше всех.
Ой, лучше-сполучше красна девица-душа.
Ой, светят у неё да златы кудри на главе,
Ой, реет у неё да злат-обручальное кольцо.
(Пожва Юсьв; Величальная невесте).

Два же камня, два камушка

Два же камня, два камушка, да алмазные вставышки,
Полезите маленешко, докуль я молодешенька,
Молодая боярыня, у меня мужа дома нет,
Свет Алексея Ивановича.
Во пиру он пируючи, во беседушке сижучи,
Да всё женой похваляючи:
«У меня жена умная, жена умная, разумная,
Мимо пройдёт, утешит меня,
Слово молвит, обрадует,
Ещё толь не жена моя, ещё толь не боярыня,
Свет Наталья Ивановна.
(Зап. от Деменевой П.Ф., 1921 г.р., п. Пожва Юсьв.; Гостям).

Ивонька

Ивонька, ивонька, зеленый мой садок.
Пошто же ты, ивонька, невесело стоишь?

Что же ты, ивонька, невесело стоишь?
Ох, невесело стоишь и не лазорево цветешь?
А как же мне ивоньке веселою быть?
Ох, веселою быть да мне лазорево цвести?
Сверху меня ивоньку дождичком сечет,
Сбоку меня ивоньку солнышком печет.
Все под корень ключик, ключева вода течет.
Ох, сжали бояре из Новгорода,
Ох ссекли меня, ивоньку, под самый корешок,
Ох, сделали из ивоньки два новых кресла.
Ох, два новых весельца, третью лодочку нову.
Ох, сели в эту лодочку, поехали домой.
Уезжали, подхватили красну девицу с собой.
Ох, что же ты, девица, невесело сидишь?
Что же ты, девица, невесело сидишь?
Невесело сидишь и ничего не говоришь.
А как же мне девице веселою быть?
Ох, веселою быть, да и чего мне говорить?
Батюшка с матушкой не продают, живут.
Ох, младшую сестренку они замуж отдают.
Ох, младшая сестра зачем же лучше меня?
Младшая сестра зачем же лучше меня?
Ни пришить она, ни скать, ни узоры брать.
А только по горам да из ведра катать.
(Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А., д. Зюздино Юрт.).

По утру раненько на заре

По утру раненько на заре стояли комони на дворе.
Что про этих коней не знает никто,
Знает, познает красна девица душа.
По утру рано вставала она, вороных коней проводывала,
Лила хвалы им на место воды, сыпала пшена им на место овса,
Сама отошла, низко кланялася.
«Пейте вы, ешьте, кони мои, по утру рано отвезите меня,
Дальше, подальше от батюшки, от матушки,
Ближе, поближе ко свёкру во двор,
Свет Ивану Ивановичу.
(Пожва Юсёв.).

По улкам, по улочкам...

По улкам, по улочкам, по частым переулочкам,
Тут ездил, тут споездил удалой добрый молодец.
Увидали его девицы из высокого терема,

Из окошка кошатчатого.

Увидали, обрадовались, побросали из рук пялицы,

Поломали иголки, притеряли булабочки.

Нам не жалко иголочек-булабочек,

Только жаль удал молодца.

(*Пожва Юсьв.*; Пели дружкам).

Большой друженька хорош да хорош

Большой друженька хорош да хорош.

На коне дружка поезживает, ременный повод принадергивает,

Шелковой плеткой настегивает.

Ты бежи-ка, бежи, сивый конь, ко Лобановскому городу,

К Анатольеву ко терему, ко Галинину окошечку.

(*Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.*).

В огороде-то у нас

В огороде-то у нас не мак ли?

У нас дружка-то не дурак ли?

В огороде-то у нас не лук ли?

А наш дружка-то не глуп ли?

В огороде-то у нас не снег ли?

У нас дружка-то не слеп ли?

Посадите-ка дружку повыше,

На три скамеечки дубовы.

Не услышит ли вас друженька поближе?

Не увидит ли вас друженька подоле?

Поедет наш друженька жениться

На добром коне — на таракане,

За пушистыми зверями, за мышами.

(*Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла; Дружке корильная.*)

Красавчик, кудрявчик

Красавчик, кудрявчик,

Мой разудалый, добрый молодец,

Свет Незнай-от Незнаевич.

Да он и с тысячи на тысячу ступал,

Миллионами по городу бросал,

Он сирот из нужды выкупал.

Сиротинки красны девицы души,

Да вы молитесь Богу за меня,

За удала добра молодца,

Чтобы Бог его помиловал,

Государь чином пожаловал —

При губерне губернатором,
При сеноде заседателем,
При столице со девицею,
При компанье добрым молодцем,
Свет Незнам-то Незнаевичем.
(Елизавета-Пожва, Юсьв.; «Это шоферам поют»).

Ты князёй большой...

Ты князёй большой, свет дорогой,
Свет Незнай молодец да Незнаевич.
Любишь ли ты мать сыру землю?
Эта земля — всё гулянье моё.
Тысяцкой, ты князёй-большой,
Любишь ли ты кровать тесову да постель пухову?
Как не любить мне кровать тесову да постель пухову.
Тысяцкой, ты князёй-большой, ой, любишь ли ты возле себя жену?
— Эта жена вся забава моя.
(Пожва Юсьв.; «Тысяцкой кушает, а ему это поют»).

Тысяцкой, воевода

Тысяцкой, воевода, ой, воевода,
Да как и раньше воевал городами, ой, городами.
Да как и нынче воюет головами, ой, головами.
Да как и первой головой — у Таисьи, ой, у Афанасьевны,
Да как второй головой — у Ивана, ой, у Иваныча.
У Аннушки с головою, у Иванушки со русою.
(Юм Юрл.)

Переезжая свашенька

Переезжая свашенька, сваха гордая, спесивая,
Молодая, горделивая.
Она не ступя, ступала, не молвя, слово молвила.
Что не с батюшкой, не с матушкой, а со мной, красной девицей.
Собирайся-ко, умная, собирайся, разумная,
Что в Божью церковь ехать, что закон Божий принять
Со чужим со чужениным, со своим со обручником.
(Майкор Юсьв.).

Невестина сваха беляна

Невестина свата беляна, ой да беляна,
Она три года рубашечку белила, ой да белила,
На мутовочке её да сушила, ой да сушила,
Замуж ко к свахе снаряжалась.

Я не знала, не ведала, ко мне сваха наехала.
Хороша наша гостыюшка, хороша, немулавая.
Не ступя, она ступила, не молвя слово молвила.
Не со батюшкой, не со матушкой, не со мной, красной девицей.
(Зап. от Давыдовой А.В., 1924 г.р., п. Майкор Юсьв.).

Уж ты, сваха, ты, свашенька

Уж ты, сваха, ты, свашенька, сваха гордая, спесивая,
Ты куда, сваха, ехала?
— Уж я ехала, ехала я лугами зелёными.
Уж ты чем луга дарила?
— Уж я дарила, дарила я цветами лазаревыми.
О куда, сваха, ехала?
— Уж я ехала, ехала все лесами да темными.
Уж ты чем леса дарила?
— Уж я дарила, дарила я кунницами, лисицами.
Уж ты где, сваха, ехала?
— Уж я ехала, ехала я дорогой трактовою.
Ты кого, сваха, видела?
— Красну девицу, душу, во высоком терему.
Ты зачем её не привезла?
— Уж я привезла, не привезла, русу косу расплела
И невестой назвала.
(Юм Юрл.).

Сватушка, сватушка

Сватушка, сватушка,
Бестолкова сватушка.
По невесту ехали, в огород заехали,
Пиво бочку пролили, всю капусту полили,
Тыну поклонилися, верее молилися.
(Елизавета-Пожва Юсьв.).

Приезжала сваха...

Приезжала сваха неумыта,
Она в кринке рубаху мочила,
На печном столбе колотила,
На мутовке рубаху сушила,
На пироге рубаху катала,
Назад воротом её надевала.
Туда же на свадьбу спешила,
Ох и всех-то она насмешила!
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла; Корильная свахе).

Наша-то сваха богата

Наша-то сваха богата, богата,
Сватыюшка да дорогая, дорогая,
На ней шуба-то штофяная, штофяная,
По полу оборка золотая, золотая,
Как под нею сундуки дорогие, дорогие,
Под ней ларцы – золотые, золотые.
Ещё наша-то сваха богата, богата,
Как у свахи-то да три рубахи-то, три рубахи.
Ещё первая рубаха-то дубова, дубова,
Как вторая-то рубаха смолёна, смолёна,
Ещё третья-то рубаха крапивна, крапивна.
Дубова-то рубаха пяты бьёт, пяты бьёт,
Смолёна-то рубаха ко телу льнёт, ко телу льнёт,
А крапивна-то рубаха сваху жжёт.
Наша сваха на свадьбу слезила, слезила,
Она в кринке рубаху мочила, мочила,
В полотухе рубаху стирала, стирала,
В лохани рубаху полоскала да, полоскала да,
На мутовке рубаху сушила, сушила.
Наша сваха, наша сваха рохла,
Под печкою она сдохла, ох, сдохла.
Дружка там заглядает, заглядает,
Кочергой её выгребает, выгребает.
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Чарочка моя серебряная

Чарочка моя серебряная,
На золотом блюдице поднесённая.
Кому чару пить, кому выпивать –
Пить чару, выпивать чару
Всё Марие, Марие Григорьевне.
Ей на здоровье. ей на велико.
Закричали все: ура, выпить рюмочку пора.
(Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымк.).

Сколько мы песен не певали...

Сколько мы песен не певали, от Василия даров не видали.
Ты, Василий-молодец, догадайся, за шитой кошелёк сохватайся.
Ты, шитой кошелёк, шевелися, серебро на ребро становися,
Ко девицам в куть закатися.
Сколько мы песен не певали, ой, не певали,
Да жепиховое пиво не пивали, ой, не пивали.

Да уж ты, тысячкой, догадайся, ой, догадайся,
Да за берестяной бурак спохватайся, ой, спохватайся,
Да у нас горлышки пересохли, ой, пересохли...
(Зап. от Давыдовой А.В., 1924 г.р., п. Майкор Юсьв.).

Чуешь ли ты, Ваня (I)

Чуешь ли ты, Ваня, нам-то не жениться,
Мы не соловьи в саду — красны девки в терему.
Песенок поём, честь-хвалу воздаем.
Эта честь ненадолго далась:
На день, на денёк, на седьмой вечерок.
Иванушко, догадайся, Михайлович, domeкайся,
Да от нас от девушек откупайся.
Мы не рубь-то просим, не полтину, да одну гривену золотую,
Да другую серебряную,
Иванушко, шевелися, серебро на ребро становится.
(Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., д. Елога Юрл.).

Чуешь ли ты, Ваня (II)

Ох, чуешь ли ты, Ваня, да разумеешь ли того,
Ох, мы ведь про тебя, мы да песенок поём,
Да честь-хвалу да воздаём.
Ох, тебе честь да ненадолго дана -
Ох, только дана, только на три дня,
Ох, только со денёчком.
На единый на денёк, на сижанный вечерок.
Вот если ты не чуешь, уши сверлом просверлим.
Долотом- то продолбим.
(Зап. от Копытовой Т.И. 1941 г.р., Никитиной Г.А., Пикулевой А. М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Песня гостю. Если гость не благодарил или давал мало денег, допевали другие слова: «Да создай тебе, Господи, да жену-ту кикимору, да суку пещорскую, сыновей-то разбойников, дочерей заугольничей»).

Расхожая-разъезжая

Кому спать-ночевать -
Ты стелись да ложись,
Кому ехать домой -
Запрягай да езжай.
(Зап. от Вишняковой А.М., 1911 г.р., п. Пожва Юсьв.; Последняя песня, когда провожают гостей).

Рекрутские песни и частушки

Рекрутские плачи перекликаются в некоторых моментах то со свадебными, то с похоронными, притом, что рекрутский обряд, более поздний по своему возникновению, не имел столь разработанного ритуала. Современные записи показывают лишь прощание рекрута с родными, с домом и семьёй, близость рекрутских песен к причитаниям относительна....

В основном тексты рекрутских песен (к нашим дням фиксируется лишь малое их количество) строится как детальное, последовательное описание того, как парня «забывают». При этом обычно упоминается распространенное в крае обрядовое действие – сохранение волос рекрута за иконами (*«вы свяжите кудри в узелочек да покиньте тожно в узелочек»*). В основном же на современных проводах звучат обычные песни военной тематики.

Уж вы, лесы, вы ли да лесочки (1)

Уж вы, лесы, вы ли да лесочки,
Лесы серые ли да борочки.
Ничего в лесах и да не видно,
Ничего в серых и да не слышно.
Только видно, скажем, только слышно,
Зародился, скажем, сын – мальчишка,
Да сын – мальчишка, тожно некрутишка.
Он вспоился, тожно воскормился,
Во солдаты парень пригодился.
Да я солдатства, скажем, не боюсь,
Казной-деньгой тожно откуплюся.
Казна-деньга, скажем, не помога,
Добру молодцу да путь-дорога.
Путь – дорожка, скажем, непростая,
Столбовая, скажем, трактовая.
Да уж вы братья, скажем, мои братья,
Да уж вы братчики мои родные,
Да запрягайте коня вороного
В каретушку, скажем, золотую.
Каретушки, скажем, дома нету,
Каретушка, скажем, на базаре,
На базаре, скажем, во Казани.
Вы садитесь, братчики, на козлы,
Вы берите, скажем, в руки вожжи,
Во правую руку, скажем, плетку,
Да вы везите меня прямо в город,
Прямо в город, скажем, во в приёмну.
Да посадите-ко меня на стулик.
На полу-то ой лежат дорожки,
Все дорожки, скажем, ковровые.

Во приёмной, скажем, стоят стулья,
Стоят стулья, скажем, непростые,
Стоят стулья ой да дубовые.
На их лежат сукна дорогие,
Дорогие сукна, непростые.
Как на сукнах, скажем, лежат бритвы,
Лежат бритвы, бритвы золотые.
Ой вы, братчики мои родные,
Вы берите бритвы, скажем, в руку,
Да вы сбрейте тожно мои кудри,
Да и свяжите тожно в узелочек,
Да покиньте тожно в передочек,
Да малым детонькам да на поминоку,
Да молодой жене да на поглядку.
По плечам русы кудри валятся,
По лицу слезы, слезы катятся.

(Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., Тотмяниной М.С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.)

Уж вы, лесы, вы ли да лесочки (II)

Уж вы лесы ли, лесочки, лесы серые были борочки.
Как во этих было во лесочках, заводилась было девченокка.
У девчонки было три сыночка.
Один сын был, сын был Иванушка,
Другой сын был, сын был Степанушко,
Третий сын был, сын был вор-мальчишко,
Вор мальчишко, скажем, негодишко.
Никуда-то парень не годился, во солдаты парень пригодился.
Я солдатства, скажем, не боюся, казной-деньгой, скажем, откуплюся.
Казна-деньга, скажем, не помога, добру молодцу-ту путь — дорога.
Путь — дорога, она широкая, широкая, скажем, столбовая.
Уж вы братья, скажем, мои братья, запрягайте-ко вы коней пару.
Коней пару, скажем, вороную, каретушку, скажем, золотую.
Вы садитесь, братчики, на козлы, вы возьмите — ко да в руки вожжи,
Вы везите меня в Перемь-город, заведите меня во приемну,
Посадите — ко меня на стулик, вы возьмите — ко да в руки бритву,
Уж вы сбрийте-ко да мои кудри, брейте, брейте кудри, не жалейте.
По плечам, плечам кудри валятся, по щекам, щекам слезы катятся.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.)

Как во городе во Питере

Как во городе во Питере, по крестьянской славной улице
Тут де шел, прошел полковничек, все полковничек наборщикек.

Набирает он некрутиков, все некрутиков – солдатиков.
Мне кого будет в солдатушки отдать,
Мне большого сына жалко отдать, мне среднего не хочется.
Малый сын у нас малешенек, умом – разумом глупёшенек.
Посмотри, мати, в окошечко, там некрутики катаются.
На них шапочки мелькаются, алы ленты развиваются.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

За лесом солнце закатилось

За лесом солнце закатилось, там чёрный ворон прокричал.
Слеза на грудь мою скатилась, последний раз «прошай» сказал.
Последний нынешний денёчек гуляю с вами я, друзья.
Завтра рано, чуть светочек заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сёстры, заплачет мать и мой отец,
Ещё заплачет дорогая, с которой три я года жил.
С которой три я года жил, с которой под венец ходил.
Тележка к дому подъезжает, колёса о землю стучат.
В коляске старший отвечает: «Готовьте сына своего».
Крестьянский сын давно готовый, семья вся замертво лежит.
Лежат все братья мои, сёстры, лежит и мать, и мой отец.
Ещё лежит и дорогая, с которой три я года жил.
(Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.).

Вдоль по улице, вдоль по Питерской

Вдоль по улице, вдоль по Питерской,
Вдоль по Питерской, по дороженьке.
По дороженьке едет миленький,
Едет миленький сам на троечке,
Сам на троечке, на пятерочке,
На пятерочке, на вороненькой,
На вороненькой с колокольчиком,
С колокольчиком, с позвоночником.
С позвоночником мне-ка весть везет,
Мне-ка весть везет, весть не радостну,
Весть не радостну, невеселую.
Про солдатчину, про мила дружка,
Про мила дружка, про Иванушка.
Ты миляшка, размиляшка, будь заветная моя.
Тебя замуж отдадут, меня в солдаты увезут.
Во солдатах жить привольно, воле-вольное житье -
В Николаевских служить.
Николаевски солдаты все назначены в поход.
Из похода шли солдаты, три девицы с плакали.

Вы не плачьте-ка, девицы, вы с-по нам, с- по молодцам.
То не ваши косы режут, наши головы стригут.
Кудри бреют – не жалеют и стригут – не берегут.
Вы валитесь, желты кудри, во беленький во платок.
Завяжите мои кудри во пряменький узелок.
Отошлите мои кудри ко миляшке моей.
(*Пож Юрл.*).

Ты гулянье, гулянье мое

Ты гулянье, гулянье мое, до чего меня гулянье довело.
Довело меня гулянье до конца, повезли меня в солдаты молодца.
Не зато ли в новобранны рекруты?
Уж ты, матушка, родимая моя, подбери-ка русы кудри у меня,
Завяжи-ка их в платочек, узелок, положи их на божницу в уголок.
Во солдатах горе – горькое житье, горе – горькое кукушечье!
Припилися нам болютная вода, прихлебалися нам постные щи,
Нам приелися ржаные сухари!
(*Зап. от Боталовой А.А., 1930 г.р., п. Пожва Юсъя.*)

Провожала мать сыночка

Провожала мать сыночка, крепко-крепко обняла.
Не утерла глаз платочком, горьких слез не пролила.
Горевать ей не пристало, ведь я не туту родилась.
Отправляйся, сын армейный, на великие дела.
Я дарю тебе платочек, утирай им пот и кровь.
В тот платочек-узелочек завязала я любовь.
Как герой с врагом сражайся, все отдай за край родной.
К нам с победой возвращайся, мой сыночек дорогой.
(*Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А. д. Зюздино Юрл.*)

Частушки о рекрутах

Машину чёрную, чугунную ругать буду, ругать.
Увезла моего милого, два года не видать.

Милый в армию поехал, мне строго наказал,
Чтобы с улочки на улочку никто не провожал.

Кабы-кабы не ухабы, я бы покаталася.
Кабы-кабы не война, с милым не рассталася.

Запрягай-ка, тятя, тройку, во серёдоčku Серка,
Провожай, родима мамонька, в солдатики меня.

Я своего милого на самолете видела.
Бросил маленьку записочку: «Воюю, милая»!

У меня миленок есть, в армии находится.
Кто бы горяшку помог, гулять с ним не приходится.

Коля, Коля, Переколя, посмотри, какая рожь.
Если красная солома, Коля, в армию пойдешь.
Если белая солома, Коля, дома проживешь.

Увезли меня в солдаты как невесту из ворот.
Я запел такую песенку, заплакал весь народ.

Милый в армию поедет, рви платок напополам.
Это первая примета – ты скучать не будешь там.

Уговаривала девушка военных докторов:
«Отпустите мне миленочка, скажите, что здоров».

Милый в армию поехал, я кричала: «Воротись»!
По вокзалу раздавалось: «Если любишь, то дождись»!

Милый в армию пойдешь – надень рубашку белую.
Хоть и раненый придешь, изменушки не сделаю.

Некрута-некрутики ломали в поле прутики,
А прутья вересовые, некрута веселые.

Ты машина-чертовщина, ты куда торопишься?
А на тебя народ насядет, ты не поворотишься.

Пойдёмте туда, куда приходят поезда.
Не пришел ли паровоз, который милого увез.

Похоронно-поминальная поэзия

Духовные стихи

Зафиксированные в крае духовные стихи с традицией духовного народного песнопения соотносятся достаточно своеобразно. Как известно, духовные стихи направлены на воспевание божественного идеала «вечного и радостного бытия» (вне которого земная жизнь человека представляется

лишь как юдоль страданий), в эстетических категориях излагают основные понятия христианской веры и этики. Исполнение стихов приурочено обычно к «постным» дням, к воскресениям и предстаёт как «душеспасение». Особенно принято в староверческой среде.

Целый ряд приведённых в разделе текстов лишь условно может быть отнесен к духовным стихам — в них не очевиден сюжет (часто содержатся лишь упоминания тех или иных христианских персонажей, особенно в разнообразных текстах о двух ангелах), религиозная идея выражается косвенно. Во многом это связано с размытым характером старообрядческой традиции в регионе — она фиксируется лишь по некоторым деталям. Характерная почти для всех публикуемых текстов приуроченность к похоронно-поминальному обряду свидетельствует о трансформации этого жанра народной поэзии в особую разновидность погребально-поминальной поэзии. В большом количестве исполняемые до сих пор на похоронах и поминках, стихи выступают как средство выражения чувства живой связи с предками, неразрывного духовного родства с ними в обряде.

Чрезвычайно популярным в крае является широко распространенный в России сюжет о сне Пресвятой Богородицы (в сборнике представлено несколько вариантов стиха, зафиксированных в разных селах Юрлинского района). Стих, если его рассматривать в проекции на похоронный обряд, своеобразно проводит параллель между муками, смертью, последующим воскрешением Христа и судьбой поминаемого, подчеркивает идею греховности земной жизни и вечной жизни на том свете. Стих «Зеленая кедра» (приведены два варианта; стих известен в других старообрядческих традициях) выражает идею ослабления веры молодого монаха. Приуроченность его к похоронной обрядности объясняется, очевидно, необходимостью подчеркнуть важность обращения к Богу в трагической ситуации.

Использование воспоминания об изгнании Адама и Евы из рая за преступление Божьей заповеди в похоронной традиции (стих «Адамы и Ева») может быть мотивировано необходимостью актуализировать в ритуале идею прожитой человеком жизни как греха — в фольклоре грех явственно воспринимается прежде всего как сексуальный контакт (кстати, подчеркивает в тексте стиха идею греховности самого человека то, что его соблазнителем выступает «чёрт несчастный-злосчастный»). Развёрнутое представление человеческой жизни как рождение и «питание» детей, обрабатывание земли, «присевание» хлеба, жизнь по нравственным законам («Мы голодного слышим, мы накормим и напоим, и мы нагого-то завидим — мы оденем и обуем...») дополнительно вводит параллель с содержанием жизни умершего.

Стилистика публикуемых духовных стихов разнообразна. Ранние тексты имеют определённые черты эпической поэзии, строфическую форму композиции. Чаще всего они лишены рифмы. Поздние стихи отличаются лирико-философским содержанием и оформлением в куплеты. Тексты стихов обильно «инкрустированы» диалектными формами. Это прежде всего диа-

лектные слова и выражения (*речь-говорюшка, крушкой* крупный, *детный* имеющий детей, *дозаривать* ухаживать, *покинуть* положить, *чуть* слышать *здися* здесь, *тожно* сейчас). Встречаются архаизованные формы («Млад-от месяц, ой да залуднеёт»; очевидно, глагол *залуднееть*, не отмеченный в свободном обращении, здесь имеет значение 'приобрести цвет олова, заблестеть', ср. у В. Даля *лудеть* – слепить блеском), ряд сложных слов окказионального характера (птички *златоносые-златоустые*). Широко отмечены трансформации заимствований (особенно применительно к библейской топонимике – *Рыдань-река* вместо Иордань, *город Русаим* вместо Иерусалим, *гора Егофа* вместо Голгофа, *горы Саянские* вместо Соинские).

Много в текстах форм, обусловленных диалектной фонетикой (труба *золезна*, т.е. железная; стяженные формы типа *река огненна, большо моленё*). Активно включаются в строй предложения разнообразные частицы – *эть* ведь, *ле* ли, постпозитивная согласуемая частица *-то* («*святы-те ангелы*», *второй-от раз*). Из грамматических особенностей особенно часто встречается использование диалектных надежных форм («*Поясами да миткалиныма*»; «*Церквы со иконыма*»), рассогласование существительного и прилагательного в сочетаниях типа *до ямочки, ой, до глубокие* (из архаической формы *глубокия*). Активно используются как средство стилизации под книжную речь деепричастные формы – «*евреи поймали, посадивши на Егофу гору водили, крест пригвоздили, руки ноги растягавши, гвоздями пригвоздивши, святое лицо одевавши...*»).

Многие тексты приводятся в вариантах. Широкая их вариантность во многом связана с тем, что жанр разрушается, и носители традиции в наше время «перенимают» их друг от друга с голоса, «по напевке».

Ой вы, вы рабы ли, рабы

Ой вы, вы рабы ли, рабы ли, рабы, вы да рабы да грешные,
Молитесь да Богу со слезами.

У нас да Антикрист да по сырой да земле ходит.

Нам да живаться Кристом да Богом.

Вы да рабы ли да, вы да рабичи,

Ды да за друга, за друг друга постоит,

Божью да веру да не бросайте.

Под ал-конец-ту будет да ой житьё коротко,

Красное солнышко да потемнеёт,

Млад-от месяц, ой да залуднеёт,

Часты да звёздоньки да с небёс да скатятся.

Да не будёт ни дождя да ни росы.

Темны леса-те, ой да же поблэкнут,

Быстры да речушки, да ой, оне иссохнут.

Да не будет да белой да жизни, только да будут да ой лихи собаки,

Будут да ой да ой, сороки-вещицы.

Да Михаил-от да, ой, Архангел со небёс да спустится
Да прозвенит трубой золезной.
Да сыра-та земля да матушка стрясётся.
Живые да мёртвые станут да на ноги.
Правельники станут на правую сторону,
Грешники станут на левую сторону.
Пре- да святая, ой, да наша Богородица
Возьмёт да, ой, прутья железные,
Да погонит да грешных да грешников
Все за реку-ту, да реку да огненну.
Суд придет да страшный, да Крестос сказал да,
Там будут дегрешные и негрешные.
За ребра-те грешные, за ногу негрешные.
Много да детные да ой усы небретыё.
Вы да кидайте да невода шелковые,
Вы тяните, ой, да того народа.
А на суд, да на суд-то Божьей.
(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.).

На белом свете человек как трава растет

На белом свете человек как трава растёт,
Как трава растёт да разрастается,
Как цветок цветёт да распускается.
Как вчера да молода да во беседушке была.
Во беседушке была, во ряду сидела.
Во ряду сидела да речь-говоряшку вела.
Речь голосную, речь хорошую.
Со полуночь человек да приступаться стал.
Его резвы ноженьки подсекались,
Его белые рученьки опустились.
Его ясные очи помутнились,
Буйная с плеч да головка повалилася,
Ретиво сердечко становилось.
Понесли ино раба всё на лавочку,
Всё на лавочку да на скамеечку.
Пред иконой святой да свечка теплится,
Обмывать раба хотят да снаряжать ладят.
Снаряжать раба ладят, огроблять хотят.
Огроблять раба хотят да провожать ладят.
Провожать раба пришли да дети родные,
До путинушки, до дороженьки,
До дороженьки до широкие,
Всё до ямочки, ой, до глубокие,

До глубокие, ой, до могилочки.
Тело белое червям на съедание,
Кости грешные да на предание.
Душа грешная, она в ответ пойдет,
Ой, в ответ пойдет, на собрание,
На собрание, ой, на всемирное.
Ты куда, душа, спешишь, ты куда летишь?
Не туда, душа, летишь да не туда спешишь,
Где огонь-от горит, разгорается,
Где смола-та кипит, раскипается,
Где черви шипят да расползаются.

(Зап. от Копытовой Т.И., 1941 г.р., Пиккулевой А.М., 1937 г.р., Трушниковой Г.А., с. Пож Юрл.; Стих исполнялся при обмывании, обряжении, положении умершего в гроб).

Земля, земля матина...

Земля, земля матина, ино что же земля спородила.
А спородила земля много лесу, лесу всякого, лесу превсякого,
Всякого звания, всякого прозвания,
Лесу хвойного да лесу лисьяного, лесу крупного и мелкого,
Мелкого лесу, да его больше всех.
А у Анниной души того больше грехов.
Ино Господи, прости Аннину душеньку
Во больших-то грехах, во худых-то делах.
Да спородила земля много грибочиков,
Есть крушкие, есть и мелкие,
Всякого звания, всякого прозвания,
Ино мелких грибочков-то больше всех.
А у Анниной души того больше грехов,
Ино господи прости душеньку Аннину
Во больших-то грехах, во худых-то делах.
Ино спородила земля много травоньки
Всякого звания, всякого прозвания,
А на травоньках много цвету цветет,
Цвету белого, цвету желтого, цвету синего,
Ино синего цвету больше всех,
А у Анниной души того больше грехов.
Ино Господи, прости Аннину душеньку
Во больших-то грехах, во худых-то делах.
Ино есть на земле много речушек,
Есть большие реки, есть и мелкие.
В мелких речушках много галечек,
Есть крушкие галечки, есть и мелкие,

А у Анниной души того больше грехов.
Ино Господи, прости Аннину душеньку
Во больших-то грехах, во худых-то делах.
Ино есть в реках много рыбочек,
А на рыбочках есть чешуечки,
Есть крушкая чешуя, есть и мелкая,
Ино мелких чешуечек больше всех.
А у Анниной души того больше грехов.
Ино Господи, прости Аннину душеньку
Во больших-то грехах, во худых-то делах.
Ино есть на небе много звездочек,
Есть крушkie, есть и мелкие,
Ино мелких звездочек больше всех.
А у Анниной души того больше грехов.
Ино Господи, прости Аннину душеньку
Во больших-то грехах, во худых-то делах.
Ино кто с неба спускается,
Аннина душа испугалася,
Не по мою ли по грешную душеньку?
Вот спустилися две птички,
Носы долгие, когти острые,
И сохватили душу, потащили ее
Да за три горы Троянские.
Притащили же душеньку
Ко темной темнице-подземельнице.
А у той темницы двери открытые.
Завели душу в темную темницу,
Завели ее, двери заперли.
На правой-то руке печка топится,
На левой-то руке смола кипит, колесо вертит,
На колесе сидят да души грешные,
Где рука, где нога, где буйна голова.
Уж мамонька родимая, на что меня породила,
Где бы ты породила, там бы и растоптала,
Не видать же мне свету белого,
Не слышать же будет слуху аллилуйского,
Ох, родимая мамонька, аллилуйя...
(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.; Стих исполняется во время проводов умершего и на поминках).

Ты земля, земля-матушка

Ты земля, земля-матушка, народила ты, земля. много лесу тёмного,
Народила ты, земля, много кустики ракистовы.
Народила ты, земля, много грешников-беззаконников.

Народила ты, земля, много речки быстрые,
Народила ты, земля, много бережочки крутые, лужочки зелёные.
Народила ты, земля, много ключики холодные.
Как у реченьки да по быстрине, туто плавали утицы серые.
«Мы не утицы, мы не серые, мы ангелы, ангелы господние».
Как по бережку, по крутому ходит душенька, да она богу молится,
Она молится, сегодня домой просится:
«Ох, вы, ангелы, вы, господние, отпустите вы меня в божью церковь».
Отвечают ангелы, отвечают господние:
«Да была-то пора, было времечко да сходить богу помолиться».
Как по бережку, да по крутому ходит душенька да богу молится,
Да она просится, отпрошается: «Ох, вы, ангелы, вы, господние,
Отпустите вы меня в родимый дом, хоть перекреститися».
Отвечают ангелы, отвечают господние:
«Ты перекрестилася, когда легла вдоль по лавочке,
Вдоль по лавочке, вдоль да по скамеечке».
(Юм Юрл.).

Солнце праведное

Солнце праведное, ой да на закат пошло,
На закат солнце пошло да закаталось.
Закаталось солнце, ой да сомеркалось
И да на правой-то руке и стоят два ангела,
Два-те ангела, да два господние.
На левой-то на руке и стоят два дива,
Два-те дива, а два заклые.
У Константина у раба, а да вынимали душу.
Вынимали душу, душу грешную,
На востром копье, на большом ноже.
А в сырую землю, туда душу брякнули.
Соскочила душа а да сохватилася
Все за ангела а да за господнего.
Ты уйди-ко, уйди, а душа грешная,
Душа грешная, а не покаённая,
Не покаённая, не исповеданная.
Ты не нам же душа, а да веровала,
По утрам-то душа а рано не вставывала,
Свечку Господовую утром не затешливала,
Правы а слова а ты да не пускивала,
Ты во Божий да крам ой да не захаживала,
Со слезами богу ой да не молилася.
(Зап. от Копытовой Т.И., Никитиной Г.А., Пиккулевой А.М., с. Пож Юрл.;
Стих «Солнце праведное», в котором говорится о выимании души, пели в

момент, когда умерший предан земле, Зачин стиха соотносится с зачином многих вариантов стиха об Адаме и Еве («Праведное солнце в раю воссияло, весь рай осветило, все райские кущи»).

Пресвятая Богородица (I)

Пресвятая наша Богородица, а где ты спала да ночевала?
Где спала да ночевала — а я де в городе да Расуиме,
Во Божьей церкви на престоле, во Божьей церкви на престоле.
Ты кого ночесь да приносила? — Приносила я Христа, сына Божьего.
Пеленала его в пеленочки, в пеленочки-те шелковые.
Поясами да миткалиныма.
И стали Христа, Христа крестити.
Принесли Христа крестити во большую реку Рыдань.
Христа крестил Иван Креститель,
Кум-от был Илья пророк, кума-та была да Катерина Мучельница.
Стали же Христа да пеленати, и го увидели да идолы недобрые,
Стали Христу ой в глаза плевати, желтым песком да ой в глаза бросати.
Исус да Христос, да возносятся всеми силами небесными.
Он да вознесся да он на небеса да при святой ой да Богородице.
Пресвятая ой да Богородица, она плачет, возрыдает.
Ты не плачь-ко, не плачь, да я оставил на сырой земле да церкви новыё.
Церкви да новыё да со образами да со иконамы.
Я да йоставил да грёх да трех грешничей.
Перва-та грешнича, да ой да грешнича
Из квашни-то да спорину да воровала,
Воровала йона да добывала.
Той де да душеньке не будёт ей прощеньичё,
Будет да будет ей мука вечная.
Друга-та грешная да ой грешнича
Во утробе младенча задушала.
Той де да душеньке не будёт ей прощеньичё.
Будет да будет ей мука вечная.
Третья-та грешная да грешнича
С кумом да блуд да сотворяла.
Той де да душеньке не будёт ей прощеньичё,
Будет ей да мука вечная.
(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыры Юрл.; Исполнялась в том числе и на поминках).

Пресвятая Богородица (II)

Пресвятая Матерь, Матерь-Богородича,
Где ж ты спала же, спала-ночевала?
— Я спала-то же, спала-ночевала

Я во в Божьем-то, я да все во в доме,
В Божьем доме-то, доме, на престоле.
Я де мало спала, много во сне видела.
Я де видела я да сновиденьё.
С пресвятым-то духом я да поношалась,
И родила я дитю я да я господнева.
Я брала да дитю а на белы рученьки,
Во бумажные я да я во перстички.
Я во белы пелена, пелен-пеленала,
Я шелковым поясом, пояс-поясала.
Я несла же дитю ой я на Ирдан-реку.
Во Ирдане во в реке я дитю крестила,
И крестил же дитю всё Иван креститель.
Все де крестной-от был да Егорей храбрый.
Все де крестная была все да Парасковья,
Парасковья была, а Девята пятница.
Все недобры-те а да увидали,
Увидали оне, а да набежали.
Оне стали дитю во в глаза плевати,
Все желтым-то песком все в лицо бросати.
В небе звёздонька а да сосияла,
И вознёсся дитя а да на поднебесья.
Слезно плакала а родима мамонька,
Пресвятая Матерь, Матерь-Богородича.
Ты не плачь же, не плачь, а родима мамонька.
Скоро будёт на земле а большо моленё.
Люди будут на земле а Богу молиться.
Они будут тебя а да поминати,
Поминати, а да повторяти.
Оставляю на земле а я три грешничи.
Всё первая-та а была грешнича —
Из квашни спорину она воровала,
Воровала она, она убавляла.
Горё будёт на земле а ведь той грешниче,
Горё-горькоё, а смола кипуча.
Всё другая-та а была грешнича —
Во утробе она дитё загубляла,
Загубляла она, а да убивала.
Горё будёт на земле а ведь той грешниче,
Горё-горькоё, а смола кишуча.
А третья-та а была грешнича —
Она с кумом-то блуд ох да соблудала.

Горё будёт на земле а ведь той грешнице,

Горё-горькое, а смола кипуча.

(Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., Пикулевой А.М., 1937 г.р., Стамиковой А.П., 1928 г.р., с. Пож Юрл.; В процессе пения стиха в обряде «Проводы души» на сороковины подающий милостыню и принимающий милостыню совершают крестное знамение. Принимающий милостыню крестит милостыню и целует ее. Во время исполнения стиха хозяйка дома подает милостыню (конфеты, печенье, носовой платок, носки).

Пресвятая Богородица (III)

Пресвятая Богородица, где ты спала-ночевала?

— Я спала-ночевала в Иерусалиме,

В Божьем доме, на золотом престоле.

— Мати ты моя, мати, возлюбленная моя мати,

Пресвятая Богородица, какой ты сон видела?

— Чадо ты моё чадо, чадо ты моё дорогое,

Сын ты мой возлюбленный, Иисус Христос

Святейший про тебя я сон видела.

Чудный-престрашный, будто тебя евреи поймали,

Посадивши, на Егофу гору водили, ко кресту пригвоздили,

Руки-ноги растягавши, гвоздями пригвоздивши,

Святое лицо одевавши, палатином ударявши,

Укусом напоивши, копьем бок пробудавши.

Вышла крови вода ради грешников, на кресте Христос страдавши.

Со креста Христа снимали, пеленою пеленали,

Новый грех породили, плащеницей прикрыли,

Камнями придавливали, печать приложили, сразу постановили.

Солнце, месяц потемнели, часты звезды потухли.

Церковная занавесь сверху донизу разорвалась,

Земля-матушка потряслась, тяжкие камни рассыпались.

Но во гробу отверзлись новоправедные души -

Мария Магдалина, Мария околила, Соломея.

Они ко Христову гробу подходили.

Ангел, сидящий на камне, Богу молился.

Что вы плачете, нетленные? Да передайте ученикам его:

Христос воскрес, Господь воскрес, ушёл Христос во в архив (sic!),

Ад сокрушайся, ад сопригайся, ад, наполняйся нечистым духом.

Надевает Христос шелковую ризу и поезжает Христос по синему морю.

Прилетят ангелы, вымут эту душеньку тихо и смирно,

И понесут эту душеньку Господу Богу на поклонение, аминь.

(Зап. от Ефиловой А.П., д. Делидово Юрл.).

Две вдовушки

А и жили же две вдовушки, да одну-то они думу думали,
Да один-то совет советовали – ну как же мы будем жить-поживать,
А мы как же будем детей питать,
Мы пойдем же с тобой к Господу Богу на прощеньице, на благословленьице,
Не завелит ли нам Господь замуж идти, замуж идти во вторые венцы.
Вот пошли они дорожками мелкими, дошли они до речушки быстрые.
Тут нету переходчика, нету перевозчика,
Они сели же на крут бережок, на зелененький лужок.
Вдоль с-по речушки плывет кораблик, против вдовушек останавливался,
Во кораблике сидит да Иисус Христос:
«Уж вы вдовьюшки вы, вдовы, да вы куда пошли, куда потекли»?
– «Да мы пошли же, пошли на прощение, на прощение, на благословление,
Не завелит ли нам Господь замуж идти да другие венцы одеть».
– «Ох вы, вдовьюшки, вдовы, благоверные души,
Как первые венцы – светлы светлицы, а другие венцы замедены,
А третьи венцы темней тёмной темницы.
А первые дети – птички-пташечки, а другие дети – словно голубчики.
А третьи дети – черны вороны.
Ох вы, вдовьюшки, вдовы, вы бежите домой да к малым детонькам,
А возьмите их на белы рученьки, посадите их на коленочки
Да прижмите их к ретивому сердцу, к ретивому сердцу, ко белому лицу.
Будут они сытые, будут одетые, будут поёные, будут кормленные»,
Аллилуйя. Серафим. Серафим, слава тебе Господи. Бог наш.
(Юрла; Исполнялась на поминках. Вдовицы – отдельный класс верующих,
поскольку жизнь в скорбях, аскетическая жизнь в молениях является показате-
лем «чистого и непорочного благочестия пред Богом». Иисус Христос на-
ставляет их не отказываться от вдовства).

Кости-те грешные земле да на предание

Кости-те грешные земле да на предание.
Душеньку грешную да Богу на ответ ведут,
На ответ ведут да тожно на собрание,
На собрание, да тожно на всемирное.
На первой-от ступень да душенька ступила,
Тут да увидела да она пятьдесят бесов.
Пятьдесят бесов, они обрадовались.
На другой-от ступень да душенька ступила,
Тут да увидела да беса да старого,
Беса да старого да беса лукавого.
На третьей-от ступень да душенька ступила,
Тут да увидела да столы да крашеные.
Как да на тех на столах лежат книги бесовские.

Эти да книгушки да сами раскрывались,
У Петрована раба грехи-те открывались.
У Петрована у раба да грехи, грехи тайные,
Были да тайные да стали они явные.
(*Усть-Зула Юрл.*; Исполнялся на поминках. На сорочинах в перерыве между пением стихов подается сусло, пиво, квас. «Душа» с котомкой выходит на улицу. Хозяйка выносит угощение. «Душа» крестится на красный, восточный, угол избы, вновь выслушивает прощальные слова и наставления и уходит вверх по дороге, не оборачиваясь).

Сёдне праздничек да поминальной день

Сёдне праздничек да поминальной день.
На могилочке душа повертывается,
Она ждет-поджидает двух-то ангелов,
Двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два ангела, два-те ангела господние.
Душа ангелам молится: «Уж вы аьнгелы вы господние,
Отпустите меня на поминальной третий день».
— «Мы отпустим тебя на три часочика».
На могилочке душа повертывается, она ждет-поджидает двух-то ангелов,
Двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два аьнгела, тут два аьнгела, два господние.
Душа аьнгелам молится:
«Отпустите меня на поминальный девятый день».
— «Мы отпустим тебя на весь денечек».
На могилочке душа повертывается.
Она ждет-поджидает двух-то ангелов, двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два аьнгела, тут два аьнгела, два господние.
Душа аьнгелам молится:
«Отпустите меня на поминальный двадцатый день».
— «На двадцатый день нету отпуска».
Тут душа да слезно сплалака.
На могилочке душа повертывается.
Она ждет-поджидает двух-то ангелов, двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два аьнгела, тут два аьнгела, два господние.
Душа аьнгелам молится:
«Отпустите меня на поминальный сороковой день».
— «Мы отпустим тебя на круглые суточки,
Соберется у тебя весь род-племенье,
Будут богу молить, твою душеньку будут вымаливать».
Тут душа и возрадовалась, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Богу нашему.
(*Юм Юрл.*; Стих исполняется в сорочины).

Эти да книгушки да сами раскрывались,
У Петрована раба грехи-те открывались.
У Петрована у раба да грехи, грехи тайные,
Были да тайные да стали они явные.
(*Усть-Зула Юрл.*; Исполнялся на поминках. На сорочинах в перерыве между пением стихов подается сусло, пиво, квас. «Душа» с котомкой выходит на улицу. Хозяйка выносит угощение. «Душа» крестится на красный, восточный, угол избы, вновь выслушивает прощальные слова и наставления и уходит вверх по дороге, не оборачиваясь).

Сёдне праздничек да поминальной день

Сёдне праздничек да поминальной день.
На могилочке душа повертывается,
Она ждет-поджидает двух-то ангелов,
Двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два ангела, два-ге ангела господние.
Душа ангелам молится: «Уж вы аьнгелы вы господние,
Отпустите меня на поминальной третий день».
– «Мы отпустим тебя на три часочика».
На могилочке душа повертывается, она ждет-поджидает двух-то ангелов,
Двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два аьнгела, тут два аьнгела, два господние.
Душа аьнгелам молится:
«Отпустите меня на поминальный девятый день».
– «Мы отпустим тебя на весь денечек».
На могилочке душа повертывается,
Она ждет-поджидает двух-то ангелов, двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два аьнгела, тут два аьнгела, два господние.
Душа аьнгелам молится:
«Отпустите меня на поминальный двадцатый день».
– «На двадцатый день нету отпуска».
Тут душа да слезно сплалака.
На могилочке душа повертывается,
Она ждет-поджидает двух-то ангелов, двух-то ангелов, двух господних.
Налетели тут два аьнгела, тут два аьнгела, два господние.
Душа аьнгелам молится:
«Отпустите меня на поминальный сороковой день».
– «Мы отпустим тебя на круглые суточки,
Соберется у тебя весь род-племенье,
Будут богу молить, твою душеньку будут вымаливать».
Тут душа и возрадовалась, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Богу нашему.
(*Юм Юрл.*; Стих исполняется в сорочины).

Сидит раб божий у воротчиков

Сидит раб божий у воротчиков, слезно плачет.
Богородица его спрашивает: «О чем ты, раб, плачешь?»
– «Да как же мне не плакать, как мне не горевать,
Я оставляю все свое богатство, все свое хозяйство.
Оставляю дом свой благодатный,
Печку теплую, сени новые.
Оставляю я скотинку-животинку.
Коровку рогатую, свинку рюшку,
Овечек, курочек, уточек.
Оставляю я чашки-ложки и поварешки.
Это все со мной да не положат,
Это все со мной да не покинут.
Только со мной положат,
Только со мной покинут господню милостинку,
Нежаленную, неубавленную,
От своих трудов праведных,
От своего поту теплого.
Еще положат мне свечку восковую да ладанок...
(Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., с. Юм Юрл.; Исполняется на поминках).

Растянулся раб по лавочке

Растянулся раб по лавочке, на прямой соломошке.
Прилетели тут два ангала, два архангала.
Носы длинные, когти острые.
Стали они душеньку добывать.
Они что пилой пилили, душеньку добывали.
Душеньку добыли да схватили.
Схватили да потащили что на три горы Саянские.
Как ведь первая гора – гора высокая.
Грешна душенька испужалася, да за ангелов сохвatalася:
«Не оставьте меня на эту муку грешную».
Потащили ее на вторую гору.
Как втору-то гору черви точат.
Грешна душенька испужалася, да за ангелов сохвatalася:
«Не оставьте меня на эту муку грешную».
Потащили ее на третью гору.
Гора темная, подземельница.
Тут стоят двери закрытые, висят же замки висячие.
У дверей стоят два притворничка, два ключника.
Грешна душенька ждет, что ей будет.
Отворились замки висячие,
Распахнулись двери двустворчатые.

Завели душеньку в темну темницу,
В темну темницу, подземельницу.
Тут стоит же печка двучельная,
Она стоит же да топится.
С правой стороны топка топится,
С левой стороны котлы стоят.
Что котлы стоят, в них смола кипит,
В их смола кипит, колесо вертит.
А в котлах-то грешны душеньки,
Где рука, где нога, где буйна головушка.
Грешна душенька не успела оглянутися,
Не успела повернуться,
Как исчезли ангелы господние,
Закрылись двери двустворчатые,
Повесились замки висячие.
Вздохнула тут грешная душенька:
«А-люли-люли, родима мамонька,
И зачем ты меня породила,
На эту муку меня оставила.
Не видать мне больше свету белого,
Не слышать стихи алилуйские».
(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.; Стих исполняется во
время проводов умершего и на поминках).

Лежит раб на лавочке

Лежит раб на лавочке, на прямой соломинке,
Протянул же раб свои резвы ноженьки
Да сложил же свои белы рученьки на свою же грудь исхудалую.
Вы де, ангелы господние, вы куда летали-сполетали,
Вы де что же чули, видели?
— Мы летали, полетали по всему свету белому,
Мы де чули де, видели, лежит раб на лавочке.
Подлетели тут два ангела, стали душеньку ему добывать.
Дав два копыя острые, они добыли эту душеньку грешную,
Подхватили ее, потащили ее да за три горы Троянские.
Потащили ее да до первой-то горы, душенька грешная испугалася,
Пресвятая Мать Богородица до пояса в окно оглянулася.
Ой вы ангелы, ангелы господние, почему де к нам вы не заглядываете?
Почему же де к нам не приворачиваете?
У нас в царстве-то весело, у нас жить-то ведь некому.
Эти ангелы, они господние, подхватили они эту грешну душеньку,
Потащили ее до второй-то горы.
Да на второй-то ох на той горе, тут червей кипит.

Да грешна душенька испугалася, да за ангелов она ухватилося:
Ой вы, ангелы господние, не оставьте меня, да мою душу грешную.
Подхватили ее да ангелы господние, поташили ее до третьей-то горы.
Да на этой-то горе темна темница, да на веки заключница.
Подлетели тут де два ангела, да ворота-те были закрытые,
Да замки-то были повешены.
Тут стояли да два подключника, два подключника, два предвратника.
Попросили их ангелы господние, вы де откройте да двери широкие,
Вы откройте замки всячие.
Да открылися двери широкие, да зашли же туда два ангела,
Завели же они душу грешную.
На правой-то руке печка топится, на левой-то руке тут смола кипит,
Смола-га кипит, колесо вертит.
На колесе-то сидят сами души грешные,
Где рука у них, где нога у них, где буйна голова.
Грешна душенька, да она испугалася, да за ангелов ухватилося.
Ой вы ангелы вы господние, не оставьте меня в эту муку вечную.
Не успела душа повернуться, не успела она оглянуться,
Как закрыли двери широкие да навесили замки всячие.
(Зап. от Мазеиной А.Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.).

О непокаенной душе

.....
У Петра у раба да на правой руке.
На правой-то на руке стоят два ангела.
Два-те ангела, да два господние.
На левой-то на руке стоят два ангела, два-те ангела, да два-те ангела.
Да два заклятые.
У Петра у раба да вынимали душу, вынимали душу да душу грешную,
Во сыру землю да душу спрятали.
Соскочила душа да ухватилося всё за ангела да за господнея.
Ты войди-ко, войди да душа грешная, душа грешная, непокаённая.
Непокаенная, не исповедалая.
Ты не нам жо душа же, уверовала, не Христу жо душа да молилася.
Свечку восковую да не затепливала,
Со слезами душа не молилася.
Свечку восковую да не затепливала.
Со слезами душа богу не молилася
(Усть-Зула Юрл.).

Два-те ангела шли

Два-те ангела шли, да два господниё,
За собою вели да душу грешную.

Мимо раку-ту шли, да мимо светлого.
Тут стоит дерево да кипарисовое.
На ем птички сидят, да птички райские,
Златоносые да златоустые,
Златопёрые да златокрылые.
Оне песни поют да херувимские,
Херувимские да серафимские.
А под этем древом да столы крашеные.
На их скатерти да шелковые.
Да на них-то ества да всё медяные.
Да на них-то пиття да всё сахарные.
Грешная душенька обрадовалася -
Вот теперь-то понить да будет есть чего.
Ты не радуйся, да душа грешная,
На белом-то свету все съела-выпила.
Не оставила да хлеба крошечки,
Не оставила да пиття капельку.
Ты де нищих-то да ты не кармливала,
Ты де алчных-то да и не паивала.
А нагих-то да не одёвывала.
Ты босого-то да не обувывала.
Ты больного-то да не дозаривала.
Ты де мертвого да не обмывывала.
Жо могилушки да не проваживала.
Ты во Божий-от крам да не захаживала,
Свечку господнюю да не затепливала,
Со слезами-те да Богу не молилася.
(Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., Пикулевой А.М., 1937 г.р., Стамиковой А.П., 1928 г.р., с. Пож Юрл.).

Уж вы ангелы

Два-те ангела, да два были господние,
Вы да куда жо, куда да летали, сполетали?
— Мы-ту да летали да летали, сполетали
По всему всему-ту, да всему свету белому.
Ох, же да по матушке, да матушке сырой земле.
— Ино да че жо вы че да че видели?
— Мы-ту да были жо да были на росстаньюшке.
Мы-ту да чули да жо да мы-ту да видели,
Как да Петра душа с телом расставалася,
Расставалася, да слезно расплакалася.
Ты да прости, попросай, да тело мое белое,
Да тебя-то, тело, да понесут на лавочку.

Все да на лавочку, да все да на скамеечку.
Обмывать-то будут тебя да снаряжать будут.
Снаряжать-то будут да тебя отправлять будут.
Отправлять-то будут да тебя провожать будут.
Провожать-то пришли да твои да детоньки,
(Сергеева Юрл.).

Два ангела

Два ангела, да два были господние.
Вы да куда же, куда да летали-сполетали?
Да мы летали-сполетали да по свету да белому,
Да по всей-то матушке, да матушке сырой земле.
Мы туда были же да на расстанушке.
Ино че же где да чули да видели?
— Да мы ведь да видели, мы-ту да чули же,
Как да душа да с телом белым расставалася.
Расставалася да слезно расплакалася.
Ты-ко прости да прощай, тело мое белое.
Тело белое да понесут на лавочку,
Все да на лавочку, все да на соломоchку.
Тело-то белое тожно обмывать будут,
Обмывать будут, да тожно снаряжать будут.
Тожно огроблять будут, до тожно кадить будут,
Кадить-то будут, да тожно провожать будут.
Провожать-то идет да милая ладушка,
Провожать-то идут да малые детоньки,
Провожать-то идут да братья да сестрицы,
Да все родные да племяннички.ю
Провожать-то идут да дяди да тетушки,
Провожать-то идут да сродные братаннички,
Провожать-то идут да сваты да сватьяшки,
Провожать-то идут да кумы-кумушки.
Провожать-то идут да ближние суседушки.
Провожать-то идут да все друзья-товарищи.
Провожают раба да тожно до дороженьки.
До дороженьки да тожно до распутинушки до широкие,
Да тожно ведь до ямочки до глубокие.
Да тожно до могилочки.
Тело-то белое да червям да на съедение.
Кости грешные земле да на предание,
А меня-то, душу, да душеньку грешную,
Душу грешную, да тожно непокаённую,
Непокаённую да тожно неисповеданну

Все на суд отведут, да меня на собрание.
На собрание да тожно на всемирное.
На первую ступень да душенька ступила,
Тут да и увидела да она пятьдесят бисей.
Пятьдесят бесей, да они возрадовалися.
На другое ступень да душенька ступила,
Тут да и увидела да беса да старого.
Беса старого, беса да лукавого.
На третьё ступень да душенька ступила,
Тут да и увидела да столы да крашены.
Как на тех на столах лежат книги бесовские.
Эти книгушки да сами открывалися,
У Петра у раба да грехи выявлялися.
У Петра у раба да грехи были тайные.
Грехи тайные, да стали они явные.
(Зап. от Пикулевой А.А., 1928 г.р., д. Тимина Юрл.).

Ангелы вы господние (I)

Уж вы ангелы да вы господниё,
Да куда же вы-ся да ангелы, летали?
Мы де летали, да мы сполетали
Да по всему же ся да свету да белому,
Да по всей же ся России да матушке.
Да кого же ся вы чули да видели?
— Мы де чули же да мы де да видели —
Ино гроб-от лежит да он да на лавочке,
На прямой-то на белой он да соломочке.
У во ноженьки, они отрупелыё,
Белы рученьки у во, они околелыё,
Да на белую грудь ручки да сложены.
Да пришла же к ему да страшная смёртонька,
С топорами-те она с широкима,
Со косами-те она да со вострыма,
Да с всякими мелкими пилочкима.
Подкосила она да резвые ноженьки,
Подрубила она да белые рученьки,
Подпилила она да кровные жилочки.
Прилетели же тут да ангелы господниё,
Подхватили оне да грешную душеньку.
Потащили её за три горы высокиё.
За первой-то горой, горой да высокою,
Ино тамо же кишат червы жалючийё.
За другой-то горой кипит смола кипучая,

За третьё-то горой да стоит киленка.
Как у етой-то у киленки
Ино три двери, двери да железныё.
Да на тех-то дверях висят замки всячиё.
Отвалилися да все замки всячиё,
Отворилися да все двери железныё.
Затащили туда да грешную душеньку.
Аллилуйя, да слава тебе, Боже нас.
Уж вы ангелы да вы господниё.
(Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., д. Васькова Юрл.)

Ангелы вы господние (II)

Ангелы же вы господние, вы куда это ангелы вы летали?
Мы летали, да мы сполетали да по всей-то России-матушке,
Да по всему-то же да свету да белому.
Вы кого же ся-то чули, видели?
Мы де чули же де, мы тожно да видели,
Да лежит раб да на лавочке.
У него же ся глазки призакрытые,
Да на белую грудь да у его ручки сложены
Да пришла же к ему смерть да лютая
Со всем-то, со всем да инструментиком,
Да со пилкимя она со острымя.
Да с топорами-то да со широкими.
Подпилила она да резвые ноженьки.
Подрубила она да крылые крыльчика....
Ангелы же ся да господнюю душеньку
Спотасили же за три горы высокие.
Да на первой горе, горе да высокой же,
Тут кипят котлы да чугунные.
Испугалась да грешная душенька,
Да за ангелов она да поймалася.
Потасили ее да ангелы господние,
Да тожно грешную-ту да, грешную душеньку
Да на другу-ту гору да на высокую.
Неа другой-то горе, горе высокой же,
Там кипят же ся котлы кипучие.
Испугалась же да грешная душенька,
Да ко ангелу-ту она поймалася.
Потасили же да грешную душеньку
Да на третью гору, гору да высокую.
Там стоит же кильечка закрытая,
Да на трех да замках, замках да висельчатых.

Да замочки тожно приоткрылися,
Ворота-те чугуны отворилися.
Заташили же да грешную душеньку,
Ворота-те призатворилися,
Да замочки-те тожно да закрылися.
(Зап. от Моисеевой У.А., 1930 г.р., д. Дубровка Юрл.).

Уж вы ангелы...

Уж вы ангелы да вы тожно господниё,
Да вы куда же, куда, ангелы мои, летали.
— Мы де летали да, мы тожно полетали
По всему-ту же да свету да белому.
Да по всей же ся да Россие-то матушке.
Вы кого же ся тожно чули-видели.
Мы де чули же да мы да мо видели -
Да лежит же раб да он да на лавочке.
На прямой же он да тожно да соломочке,
У его же ся да глазки принакмурены,
Да на белу грудь да руки да сложены.
У его же ся да руки отрупелыё,
Тожно ноженьки, оне отропелыё.
Да пришла же к ему да тожно смерть-та лютая.
Дак со всем же ся да мелким инструментиком.
Да со всеми же пилкия со вострыма,
Да со всемя же топорами широкня.
Подпилила она да тожно жилки кровныё,
Подрубила же да она топорами да широкня -
Тожно резвыё да ножки подрубленныё.
Поташили ее, да грешную-ту душеньку,
Да за три те горы, горы да высокиё.
Как на первой горе, да горе высокой же,
Тут кипят же ся да черви кипучиё.
Испугалася да грешная душенька,
Да за аьнгелов-ту она да поймалася.
Поташили ее, да грешную душеньку,
На другу-ту гору, гору да высокую.
На другой-то горе, горе да высокой же,
Там кипят же ся котлы да чигунныё.
Испугалася да грешная душенька,
Да за аьнгелов она да поймалася.
Поташили её, да грешную душеньку,
Да на третью гору, гору да высокую.
Там стоит же ся да кильечка,

Да на трех-то замках, да замках висечих же.

Дак замоки-те да, оне открылися,

Чичунные ворота-те отворилися.

Заташили же да грешную душеньку.

Ворота притворилися, да замки-те же, да оне закрылися.

Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе Боже нас.

(Зап. от Моисеевой Е.А., 1930 г.р., д. Дубровка Юрл.; Исполнялся в том числе в поминки).

Жили Адамий и Ева

Жили Адамий и Ева, оне жили, оне были.

Оне жили, оне были у Господа Бога в раю.

У Господа Бога в раю, сли-пили райскую пищу.

Ели-пили райскую пищу, оне сели под кусточек.

Оне сели под кусточек, под кусточек под раковый.

Под кусточек под ракуту, к ним подкрался черт несчастной.

К ним подкрался черт несчастной, черт несчастной, сам злосчастной.

Черт несчастной, сам злосчастной, он и стал и вопрошати.

Он и стал соблазнять на сотонскую на веру.

А сотонская-та вера, она злая и лукавая.

Тут и Ева-то глаголит, говорит она Адамею:

Говорит она Адамею — ты, Адамей, Адамей,

Ты, Адамей, Адамей, давай сорвем с куста яблок.

Давай сорвем с куста яблок, мы сорвем и яблок съедем.

Мы сорвем и яблок съедем тожно будем сами боги.

Вот сорвали яблок, съели и греха-то сотворили.

И греха-то сотворили, оказались они наги.

Оказались они наги, они стали друг друга стыдиться.

Оне стали друг друга стыдиться, Господа Бога стали бояться.

Господа Бога стали бояться, а Господь Бог идет по раю.

А Господь Бог идет по раю, а Господь Бог — мы ведь наги.

А Господь Бог — мы ведь наги — отчего вы стали наги?

Отчего вы стали наги — и не сорвали ль с куста яблок?

Не сорвали ль с куста яблок, не сорвали и не съели?

Не сорвали и не съели, и мы сорвали яблок, съели.

Мы сорвали яблок, съели, и греха-то сотворили.

И греха-то сотворили, и вы за этот за проступок

Вы за этот за проступок будете вы шить рубашки.

Будете вы шить рубашки, из травы и да из листьев.

Из травы да из листьев оне стали шить рубашки.

Оне стали шить рубашки, оне сшили, принадлеи.

Оне сшили, принадлеи, а Господь Бог идет из раю.

А Господь Бог идет из раю, где же здесь Адам и Ева.

Где же здесь Адам и Ева — а Господь Бог, мы ведь здесь.
А Господь Бог, мы ведь здесь, ты Адамей, Адамей,
Ты, Адамей, Адамей, ты из раю будешь выгнанный.
Ты из раю будешь выгнанный на свою на трудную землю.
На свою на трудную землю, будешь поту проливати.
Будешь поту проливати, будешь землю нарывати.
Будешь землю нарывати, будешь хлеба присевати.
Будешь хлеба присевати, а твоя жена-та Ева,
А твоя жена-та Ева будет боли принимати.
Будет боли принимати, будет крови проливати.
Будет крови проливати во пеленочки пеленати.
Во пеленочки пеленати, белыми грудьми питати.
Белыми грудьми питати, тут Адамей-от заплакал.
Тут Адамей-от заплакал — его Ева отговариват.
Его Ева отговариват — ты не плачь, не плачь, Адамей.
Ты не плачь, не плачь, Адамей, будем мы с тобой трудиться.
Будем мы с тобой трудиться, будем землю нарывати.
Будем землю нарывати, будем поту проливати.
Будем поту проливати, будем хлеба присевати.
Будем хлеба присевати, а Господь Бог милосердной.
А Господь Бог милосердной, мы посеем-то маленько.
Мы посеем-то маленько, Господь Бог нам даст дивненько.
Господь Бог нам даст дивненько, мы голодного заслышим.
Мы голодного заслышим, мы накормим и напоим.
Мы накормим и напоим, и мы нагого-то завидим.
Мы нагого-то завидим — мы оденем и обуем.
Мы оденем и обуем, мы больного-то заслышим.
Мы больного-то заслышим — мы с тобой его дозорим.
Мы с тобой его дозорим да святой водой умоем.
Да святой водой умоем, Господь Бог ему даст полегче.
Господь Бог ему даст полегче.

(Зап от Мазеиной А.Ф., 1923 г.р., Овчинниковой К.Е., Шитовой Л.Н., с. Юм Юрл.).

Шел рабель из пустыни

Шел мо рабель из пустыни, он идет и слезно плачет.
Он идет и слезно плачет, ему аьнгели навстречу.
Ему аьнгели навстречу — ты о чем же, рабель, плачешь.
Ты о чем же, рабель, плачешь — как мине, рабу, не плакать.
Как мине, рабу, не плакать, остаётся у меня всё хозяйство.
Остаётся всё хозяйство, остаётся у меня дом.
Остаётся у меня домик, его эдь со мной не положат.
Его эдь со мной не положат, не положат, не покинут.

Шел мо рабель из пустыни, он идет и слезно плачет.
Он идет и слезно плачет, ему ангели навстречу.
Ему ангели навстречу – ты о чем же, рабель, плачешь.
Ты о чем же, рабель, плачешь – как мне, рабу, не плакать.
Как мне, рабу, не плакать, остаются у мя эдь детки.
Остаются у мя детки, остаются у мя внуки.
Остаются у мя внуки, их со мной ведь не положат.
Их со мной ведь не положат, не положат, не покинут.
Шел мо рабель из пустыни, он идет и слезно плачет.
Он идет и слезно плачет, ему ангели навстречу.
Ему ангели навстречу – ты о чем же, рабель, плачешь.
Ты о чем же, рабель, плачешь – как мне, рабу, не плакать.
Как мне, рабу, не плакать, остаются кумушки-подружки.
Остаются кумушки-подружки, остаётся весь свет белой.
Остаётся весь свет белой, хватит, на ем я погулял же,
Хватит, на ем я погулял же, на белом свете погрешил же.
На белом свете погрешил же да людей-то посмешил же.
Да людей-то посмешил же, были глазки завидуши.
Были глазки завидуши, белы ручки загребуши.
Че мо глазоньки завидят, то и рученьки заграбят.
То и рученьки заграбят, утонули глаза в яму.
Утонули глаза в яму, белы ручки стали грабли.
Белы ручки стали грабли, да ниче боле не надо.
(Зап. от Митрофановой Е.В., 1928 г.р., Чащиной Е.И., 1926 г.р., д. Березова Юр.).

Пресвятая Елениа

Пресвятая Елениа слезно плакала, рыдала, Христа Бога поминала.
Христа Бога поминала, по всему свету летала.
По всему свету летала, по всей матушке сырой земле.
По всей матушке сырой земле, ино вышла на дорогу.
Ино вышла на дорогу и пошла жо по дорожке.
И пошла жо по дорожке, попадают ей навстречу
Попадают ей навстречу неприятель неприемной.
Неприятель неприемной, а не вы ль Христа убили?
А не вы ль Христа убили да не вы ли потребили?
– Да не мы Христа убили да не мы и потребили.
Да не мы и потребили, всё убили наши деды.
Всё убили наши деды, потребили наши старцы.
Пресвятая Елениа повернула в чисто поле,
Повернула в чисто поле, чисто поле не малое.
Чисто поле не малое, не малое, занятое.
Не малое, занятое, занятое погребями.
Занятое погребями, тут стоят-то три-те древа.

Тут стоят-то три-те древа, как первое было древо.
Как первое было древо — стоит белая береза.
Стоит белая береза, а другое было древо.
А другое было древо — тут стоит зелена кедра.
А третее было древо — тут растет да куст малиновой.
Тут растет да куст малиновой, этот кустик непростой.
Этот куст-то непростой же, непростой же да занятой же,
Тут стоит церква господняя.
Эта церковь непростая, непростая-занятая.
Занята да она под гробами.
Как во первом-то было во гробе, тут лежит Иван Креститель.
А в другом-то было во гробе, тут лежит Иисус Христос.
А в третьем-то было во гробе, тут лежит Дева Мария.
Как на первом-то на гробе тут де свечки теплятся.
На другом-то было гробе — тут Евангелы читают.
А на Марие-то на Деве, тут сидят дети сиротские.
Они песни поют, песни херувимские.
Аллилуя, аллилуя, да слава тебе, Боже.

(Зап. от Андреевой М.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.; В преданиях палестинских христиан (первые века христианства) говорится о том, что святая царица Елена построила в Иерусалиме храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В стихах она предстает как дающая людям Христово имя (см. также стих «Шла Елена по дорожке...»).

Шла Елена по дорожке

Шла Елена по дорожке, шла Прекрасна по широкой,
Шла она пеньями-кореньями да болотами зыбучими,
Да лесами дремучими, выходила она во чисто поле.
В чистом поле стоят три дрява.
Первое дерево — белая береза, второе дерево — горькая осина,
Третье дерево — куст ракиты.
Под ракитой сидят малы детоньки, они плачут-рыдают.
— Вы о чем же, дети, плачете?
— У нас мамоньки нету.
— Вы не плачете, малы детки, ваша мамонька родимая
Вас родила, счастье не просила, Богу не молилась.
Я дала бы вам мушную гору, я дала бы вам медову воду —
Отберут у вас богаты мужики.
Тут будет много убийства, тут будет кровопролитие.
Я вам дам Христово имя.
Выходите с крылечка на крылечко, с лесенки на лесенку,
Вы де двери отворяйте, вы Христа не забывайте,
Будете вы сыты, будете вы кормлены, поены и согреты
(Юм Юрл.; Исполнялась на похоронах и поминках).

Дочь Еленушка

У Владимира была дочь Еленушка,
Приезжали ко ей много сватальчишков.
Много сватальчишков, много мальчишков.
Не хотелось да ей да взамуж идти,
И сказала: «Дайте мне котомочку,
Положите в её да свечу восковую,
Положите в её да святой ладаночикок,
Положите в её да хлеба краюшочку,
Положите в её да чашку, ложку, кружочку,
Положите в её да мене переменочку».
И пошла жо она во путь – дороженьку,
Ино шла жо она полями широкама
Да лугами – те шла она да зеленыма,
Да лесами – те шла она да дремучима,
Да болотыма шла она да топучима,
Да по круичкам шла она да вертучим жо.
Ино шла она, дошла да до киленки.
«Уж, киленка, уж да матушка,
Да пусти – ко меня да тожно поквартировать»!
– «Уж ты, матушка, да я бы да рада,
Я бы рада бы да пустила,
Ино нет жо у мя да хлеба да крошочки,
Ино нету у мя воды да капочки».
Пошла жо она тогда да, Ленушка,
Ровно тридцать лет она да три годочика
Ино питалась она гнилой да колодиной,
Да пила жо-й она да воду болотную,
Обросла жо-й она да мохом зеленым жо,
Жила жо-й, она жила да нажилася жо.
И пошла жо-й она к дому да родительскому,
Ино шла жо-й она по кочечкам вертучим жо,
Да болотыма шла она да топучима,
Да лесами–те шла она да дремучима,
Повстречала она да злых охотников:
«Вы, охотники, да вы да, разбойнички,
Вы не бейте меня да ой, да не стреляйте меня,
Я не зверёк да я да не пташочка,
Ино я жо была да дочь да Владимира»!
И пришла жо-й она к дому да родительскому,
У ворот жо стоят да стража да верная,
Не пускают оне да в дом да Еленушку.
И заставил их отец да Владимирушко:

«Вы пустите её, да тожно заведите её,
Заведите её да тожно да под полицом»!
А наутром жо да пахнуло ладаном,
Да пришла жо с ей да стража верная.
У её в левой руке да была свеча да восковая,
Во правой-то руке была да записочка,
Не дала жо-й она эту да записочку,
Подошел жо к ей отец да Владимирушко,
Отдала жо-й она эту да записочку.
А в этой записочке было написано:
«Ино я жо твоя дочь Еленушка».

Одолели его слезы да горячие,
Алилуйя да слава тебе, боже наш!

(Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., Тотмьяниной М.С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.; Исполнялся как причёт по дочери).

Зеленая кедрa (I)

Ой, зелсная кедрa, ой подле той под кедрой,
Подле той под кедрой, ой сидит монах да в черной ризе.
Сидит монах в черной ризе, он и плачет, возрыдает.
Он и плачет, возрыдает, к ему пришел да монах да в черной ризе.
– Ты об чем же, монах, плачешь?
– Ой, потерял я божью веру, я зачем рано постригся.
Потерял я божью книгу, потерял ключи от рая.
Ему сказал да монах в черной ризе:
Ты сходи-ко в божий храм, к Пресвятой да Богородице.
Отпери двери дубовые, она даст тебе да книгу нову.
Она высушит да сине море, она выбросит ключи на берег.
(Зап. от Суворовой, Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.).

Зелена кедрa (II)

Как во поле при долине да тут стоит светла зелена кедрa,
Тут стоит свята зелена кедрa.
Да как под той святой зеленой кедрой да тут сидел монаше в черной ризе.
Да тут сидел монаше в черной ризе, да он сидел и слезно плакал.
Он сидел и слезно плакал, да во в слезах заснул он крепко.
Во в слезах заснул он крепко, да как приснился ему аныгел.
Да как во сне да ему аныгел, ангел да тоже в черной ризе,
Ангел да тоже в черной ризе, да он и спрашивал монаха.
Он и спрашивал монаха – да ты о чем, монаше, плачешь?
Ты о чем, монаше, плачешь – да ино как мене не плакать,
Ино как мене не плакать, да очень рано я постригся.
Очень рано я постригся, поимел я мирску славу.
Поимел я мирску славу, потерял книгу священну.

Потерял книгу священну, да утопил ключи во в море.

— Да ты не плачь, не плачь, монаше, да ты возьми ключи-те новы.

Да ты возьми ключи-те новы, отпери двери дубовы.

Отпери двери дубовы, да ты взойти во крам во Божий.

Ты взойди во крам во Божий да к Пресвятой-то Матерь-Богородице.

Да к Пресвятой-то Матерь-Богородице, да со слезами Богу помолися.

Да Пресвятая Матерь-Богородица, да она выпишет же книгу нову.

Да она выпишет же книгу нову, да она высушит же сине морё.

Да она высушит же сине морё, да она выбросит ключи на берег.

Она выбросит ключи на берег, да море устлано листьями...

Да море устлано листьями, да изукрашено оно цветами.

(Зап. от Андреевой А.А., 1931 г.р., Пикуневой А.М., 1937 г.р., Стамиковой А.П., 1928 г.р., с. Пож Юрл.).

Мы живем на белом свете...

Мы живем на белом свете и не думаем ни о чем.

Наша жизнь все ближе к смерти с каждым часом, с каждым днем.

Все старались украсить свои грешны телеса,

А об этом не мечтали, куда пойдет наша душа.

Чем мы душу украшаем, что для нее мы припасли

И какую же угоду мы для Бога принесли?

Вот настанет это время, вот настанет страшный час,

И от ангелов небесных из трубы услышим глас.

Все живые и мертвые будут где-то там стоять.

Все мы встанем пред престолом, нас Господь придет судить.

Только праведные души будут радостно вздыхать,

А мы грешные, несчастные, тяжело будем вздыхать.

Будем мы просить у Бога, чтоб Господь послал для нас

Для души на покаянье помолиться один час.

А Господь тогда ответит — Поздно, поздно вы хватились,

Были вам года свободны, почему вы не молились.

Раньше вы меня не знали, теперь я не знаю вас,

Вы получите в награду, кто чего себе припас.

Только праведные души встанут в праву сторону,

А налево вы идите, утешайте Сатану.

К ней с скрежащими зубами прочь идите от меня,

Вы за божье непочтение не минуете огня.

(Юм Юрл.).

Спи, наша милая мама

Спи, наша милая мама, в глубокой могиле сырой,

Окончилась жизнь, дорогая, Господь стал твоею судьбой.

Никакие земные тревоги не нарушат твой вечный покой,

Только будут шуметь над тобою деревья зелёной листвою.
Куда мы теперь не поедem, куда мы теперь не пойдem,
Тебя, наша мама родная, нигде никогда не найдem.
Все заботы об нас отложила, и больше их нет впереди,
И сердце твоё материнское остыло в холодной груди.
Не спались тебе тёмные ночи, не знала покоя по дням,
И хлеба последнюю крошку делила ты нам пополам.
При тебе, наша мама родная, солнце нас грело теплей,
Радостней было на сердце и в комнате было светлей.
Нам в жизни никто не заменит родную, любимую мать,
Так больше никто не приветит, не сможет никто приласкать.
Рано ли, поздно, родная, придём мы к могиле твоей,
Посадим цветы на могиле, польём мы слезою своей.
Кончилась жизнь земная, все силы угасли в груди,
Прощай, наша милая мама, вечная память тебе.
(Юрла; исполняется на могиле).

Скоро, скоро день прескорбный...

Скоро, скоро день прескорбный, скоро к чаше подойдёт,
Скоро ангел мой хранитель душу с телом разведёт.
Разведёт он душу с телом, а душе он даст приказ -
Ты иди же к Христу-Богу, он потребует сейчас.
Ой, как страшно и ужасно ко Христу-Богу итти,
Да еще-то того страшнее все грехи с собой нести.
Подхожу я к Христу-Богу, на престоле он сидит,
За грехи мои велики на меня он не глядит.
Горько плачу и рыдаю, а уж поздно здесь рыдать.
Добрых дел я не имела, царство божье не видать.
(Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфёново Кудымк.; Исполнительница прокомментировала стих: «Я этот стишок каждый день пою, сама про себя, чтобы не забыть»).

Молитва Пресвятой деве

К тебе, о Дева Пресвятая, пришла я, грешница, с мольбой,
И пред тобой стою, благая, открою скорбь мою с тобой.
Как я томлюсь, как я страдаю под тяжким бременем грехов.
Тебя, владычица, взываю прими меня под свой покров.
Путеводительницей будь же на тяжком жизненном пути.
К твоим стопам я припадаю, все скорби в радость преврати.
Тебе я каюсь во грехах, тебе я жизнь свою вручаю,
Благословенья в сердце, в жилах я у тебя прошаю.
Исправь меня, о, раковница (?), ты можешь грешницу спасти.
(Сёйва Гайн.).

Научи меня, Господи

Научи меня, Господи, славить тебя,
Научи меня, Боже, молиться,
Научи исполнять твою волю, любя,
Дай силы на пользу трудиться.
Дай стряхнуть греховое бремя своё,
Дай исполнить всё пред тобою,
Дай помощь, святейшее имя твоё,
Без тебя я не справлюсь с тобою.
Без тебя я ничтожна, как червь на земле,
Без тебя мне жизнь не в отраду,
Без тебя, Бога, погибну во тьме,
Без тебя я буду жертвою ада.
Иисусе святейший, помилуй меня,
Как творец над творением сжался,
Как спаситель спаси от гиены огня
И как врач моих ран не гнушайся.
Исцели, излечи мою бедную душу скорей,
Прими во грехах покаяние.
О, слышишь, мой Боже, я здесь у дверей
Твоей милости жду.
(Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва Юсьв.)

Я устал, иду к покою

Я устал, иду к покою. Боже, очи мне закрой.
Ты с любовью будь со мною, будь, хранитель верный мой,
И сегодня без сомненья я виновна пред тобой.
Дай душе грехов прощенья,
Телу – сон, душе – покой.
(Майкор Юсьв.).

Незаметно жизнь проходит

Незаметно жизнь проходит, видно, стариться хочу,
Стал я старой, стал я седой, и совсем я побелел.
Мои глазоньки не видят, сквозь очки только гляжу.
Мои ручки опустились, меня ножки не несут.
Прошайте, детоньки сердешны, умирать, видно, хочу.
И не жалко все именнё, мне жалко белой свет,
Мине жалко белой свет, расстаюсь я с ём навек...
(Зап. от Андреевой А.В., 1927 г.р., д. Демидово Юрл.; Исполнялся на поминках).

На церкви солнце светит

На церкви солнце светит, на меня уже нет.
Я лежу во гробе и не вижу свет.

Ты божишься, ты крестишься, ты помилуй нас.
Святы Боже, святы крепки, святы бессмертны, помилуй нас.
Уснула я навеки непробудным сном.
Сердце уж не бьется и не слышит звон.
Не ходи, прохожий, не топчи мой прах.
Я-то уже дома, а ты еще в гостях.
Я к вам не вернусь, а вы ко мне придете.
(Зап. от Ведерниковой Е.А. и Ведерниковой Т.А., д. д. Зюздино Юрл.).

Благодатная моя судьба

Благодатная моя судьба, ты награду мене не дала.
Без награды да во печали мене тошно жить.
Во печали мене тошно жить.
Со печали да пьяный пьяница и я хожу, пьяный пьяница хожу.
Со печали так и таю, я, свеча, так и таю, таю я, свеча.
Собираюсь со родных прекрасных мест,
Со родных прекрасных мест.
Знаю, знаю, да меня некому будет жалеть, меня некому будет жалеть.
Знаю, знаю об мне некому и слезы лить, об мне некому и слезы лить.
Я неласковая, неласковая была, не до старых да не до малых ребят,
Не до маленьких и я ребят.
Породила да меня мамонька такую меня, меня мамонька такую меня,
Воспитал да надзирал меня родной отец.
Надзирал меня родной отец.
Велел, велел да век и плакать и мене тужить.
Век и плакать и мене тужить,
Велел, велел да век горячие слезы лить.
(Сергеева Юрл.).

Все вы братья мои, сестры

Все вы братья мои, сестры, вы сидите за столом,
А моя душа прегрешна обитает за углом.
Все я вижу, все я слышу, обо мне помин идет,
А мои уста закрыты, Господь воли не дает.
Все вы сродники родные, помолитесь обо мне,
Помолитесь обо мне, о моей грешной душе.
А ты, ангел мой, хранитель, что стоишь возле меня?
-А я ангел твой, хранитель, не могу хранить тебя.
Жил ты, жил на белом свете и добро ты не творил,
И своей душе прегрешной ты ничем не угодил.
Все вы сродники родные постарайтесь о себе,
Постарайтесь о себе, о своей грешной душе.
(Зап. от Мазеиной А.Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.).

Причитания

Поминальные трапезы в традиции выглядят как совместное застолье живых и умерших (в крае до сих пор в ряде мест принято поминки третьего дня проводить до отъезда на кладбище («при живом покойнике» – *Базуева Гайн.*). Плачи выступают как способ ритуального оформления человеческого горя, связанного с потерей близкого, одновременно – и как средство связи между земным человеческим миром и потусторонним миром. Фиксируемые в крае современные причитания демонстрируют большую долю индивидуального творчества воплениц (отсюда такое большое количество текстов с одинаковым зачином).

Сам поминальный день в традиционной культуре осмысливается как праздник умерших, живые становятся их гостями, а поминальное застолье на могиле – совместной трапезой. Отсюда обилие уподоблений поминок «праздничку». Как отражение культа умерших, в текстах причитаний отмечается большое количество идеализирующих форм – *столы кедровые, ска-терти браные, есва сахарные.* Для эмоционального усиления используется большое количество уменьшительных и увеличительных суффиксов, повторов, вопросительных предложений. Традиция причети демонстрирует своеобразный поэтический стиль, способный выразить предельное трагическое напряжение чувств плачей.

Вот какой же у нас праздничек

Вот какой же у нас праздничек,
Невеселый он да он не радостной.
Да пришли к нам да гости званые,
Гости званые да гости жданные.
Да сидят они да все по лавочкам,
Все по лавочкам да по скамеечкам.
Да сидят они да не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему.
Да повесили они да головушки,
Да прижали жо они да белы рученьки
Ко горячему да ко сердечикю,
Опустили они да буйные головушки.
У Петрована душа по горенке похаживает,
Собирает жо ведь она себе котомочку.
Да кладёт жо она белую скатёрочку,
Да кладёт жо она чисто полотенчико,
Да кладёт жо она себе переменочку.
Да кладёт жо она святу честную милостыню.
Да кладёт жо она да чашку да ложечку.
Да кладёт жо она да свечу восковую.
Да кладёт жо она да воскова ладану.

Да кладёт жо она свое моельничю.
Да кладёт жо она свое благословельничю.
Во святом угле да богу помолилася,
Да во все-то углы да низко поклонилася.
Собирается да в путь да дороженьку.

В путь-дороженьку да всё да незнакомую
(*Усть-Зула Юрл.*: Во время исполнения этого плача-стиха собирается котомочка (холщевый мешок) с пищей (угощениями), одеждой и бытовыми принадлежностями умершего (вплоть до бритвенного прибора). Родственники покойного сидят за поминальным столом, «душа» также занимает место за столом. Она молится вместе с прощающимися (совершаются крестное знамение и поясные поклоны), затем все встают на колени и совершают три «простых» (поясных) поклона. После этого «душа покойного» встаёт перед поминальным столом, обращаясь лицом к иконе (не произнося ни слова на протяжении всего обряда). Все присутствующие в порядке родственных связей и старшинства прощаются с «душой умершего», обнимают и целуют её, падают в ноги («душа» за плечи приподнимает их).

Господи, прости, помилуй

Ино да кто жо моей душе поможет?
Ино кто жо моей душе пособит?
Ино да где жо ль у меня да милая душа,
Все де Нинушка, да все Ивановна?
Ино да где жо у меня да милы детоньки?
Александрushко, ой, да Петрованович,
Все да Еленушка, да Петровановна,
Все Ольгиныushка, да Петровановна.
Ино да где жо у меня душе помогут жо?
Со святою, честной да доброй милостыней.
Всё да святою, честной, неужалимою.
От своих-то трудов да трудов праведных.
Ино где жо мои грехи убавятся?
Ино да где жо моя душа облегчится?
Ино, Господи, прости, помилуй.
Да кто жо моей душе поможет жо?
Все поможет моей душе, пособит?
Ино да есть жо у меня да внучики.
Ино есть жо у меня да мои затюшки.
Ино да есть у меня да моя сношика.
Ино есть жо у меня да мои сестрицы.
Всё де Аннушка да все Максимовна.
Всё де Нинушка да все Ивановна.
Ино да есть жо у меня да и племянницы.

Ино есть жо у мя душе помогут.
Все да помогут моей душе пособят жо.
Со святою честной милостыней,
Со святою честной неужалимою.
От своих-то трудов, да трудов праведных,
Ино чем жо мои грехи убавятся.
Ино да чем жо моя душа облегчится.
Ино, Господи, прости, помилуй.
Ино да кто жо моей душе поможет жо?
Ино да есть жо у мя да мои сроднички.
Ино есть жо у мя да сваты, сваттюшки.
Ино да есть жо у мя да кумы, кумушки.
Ино есть жо у мя ближны соседюшки.
Ино да чем же они душе помогут жо?
Все помогут моей душе, пособят.
Все да святою честной христовой милостыней,
Все святою честной, неужалимою.
От своих да трудов, да трудов праведных.
Ино да чем жо мои грехи убавятся?
Ино чем же моя душа облегчится?
Ино да, Господи, прости, помилуй нас.
(Усть-Зула Юрл.).

Все словечико, да все ретивое

Говорила я да всё словечико, да всё ретивое,
Всё ретивое да жалостливое.
Уж ты, солнышко, родимый братик жо,
Мы ведь были у тя любые гостюшки.
Ты встретишь нас да ты проветишь нас.
Уж промолвишь ты с нами словечико.
Теперь не стало у нас родного братика.
Не встретишь нас да не проводишь нас,
Не промолвишь ты с нами словечико.
Всё словечико, да все ретивое,
Всё ретивое да жалостливое.
Не увидим жо твою походочку,
Не почуем жо твое словечико.
Уж ты, солнышко, да право крылышко,
Мы ведь жили с тобой да красовались,
Да одну мы с тобой да думу думали,
Да один жо совет с тобой советовали.
Ты ведь для нас наша заставушка,
Ты берёг жо наш всё от злых людей,
Всё от злых-то людей да от худых людей.

Не давал жо нас да ветру дунути,
Ветру дунути да дождю брызнути.
Час оставил меня да сиротинушку.
Ой, я горькая да я горяшечка,
Я с-по дням-то сижу да я одним-одна.
Все одним-то одна да, ох, горяшенка,
Спать ложуся я да все позднѣшеньно,
Поутру да я встаю да я ранешенько,
Умываюся я да горькими слезьми,
Вытираюся да со кручинушкой.
(Усть-Зула Юрл.).

Ты прости-ко прощай, да мила матушка

Ты прости-ко прощай, да мила матушка,
Не хотели мы с тобой росстатися.
Не хотели мы да разлучатися.
Разлучила нас сыра земелюшка
Да на веки да веки вечные.
Не видаться будет да веки с-по веки.
Вы простите-ко, да мои детоньки,
Мои детоньки, мои сердечные.
Вы прости-ко прощайте, мои доченьки,
Мои доченьки, мои сердечные.
Не хотели мы росстатися, не хотели мы да разлучатися.
Да пришли жо нам с тобой росстанюшки,
Нам росстанюшки, да нам тяжелые.
Вы простите-ко, да милы внучики,
Мои внучики, да мои сердечные,
Не видаться будет да веки с-по веки.
Не увидите мою походочку, не услышите мое словечико.
Всё словечико, да все ретивое, всё ретивое да жалостливое.
Ты прости-ко, да моя сестрица, моя сестрица, моя любимая.
Не видаться будет да веки с-по веки.
Не увидите мою походочку, не услышите мое словечико,
Всё словечико да всё ретивое.
Вы простите-ко, да мои зятюшки.
Вы простите-ко, мои племянницы.
Не видаться будет да веки с-по веки.
Ты прости-ко прощай, да моя свестюшка,
Не видаться будет да веки с-по веки.
Ты прости-ко прощай, моя сношенька,
Не видаться будет да веки с-по веки.
Не увидимся да не совстретимся.
Вы прости-ко, мои сватьюшки,

Вы простите-ко, да люди добрые,

Люди добрые, люди хорошие.

Не видаться будет да веки с-по веки.

Вы простите-ко, друзья, товарищи,

Не видаться будет да веки с-по веки.

Вы простите, прощайте, мои племянники,

Не видаться будет да веки с-по веки.

Ты прости-ко меня, ближна соседушка,

Не видаться будет да веки с-по веки.

Ты прости-ко ся, да моя тётушка,

Не видаться будет да веки с-по веки.

Вы простите-ко, да люди добрые,

Люди добрые, люди хорошие.

Не видаться будет да веки с-по веки.

(Усть-Зула Юрл.; «Душе умершего» передают подготовленную котомочку.

Перед этим ей говорят: «Вот тебе от нас надел. Ты к нам не ходи, мы к тебе сами придём». Человек, воплощающий душу умершего, должен помолиться во все четыре угла дома, начиная с красного угла, с этого момента исполняются причеты, в которых умерший прощается с домом).

Ты прости-ко, прощай...

Ты прости-ко, прощай, да моя горенка, моя горенка, моя веселая.

Ты прости-ко, прощай, печка тёплая, печка тёплая, печка сугревная.

На печушке да мне не лживать.

Вы простите-ко, мосты калиновы, ты прости-кося, да моя лесенка.

Мне по лесенке больше не хаживать, у окошечка больше не сиживать.

Вы простите-ко, мосты калиновы, я по вам да много хаживал.

Много хаживал да много гуливал, мне теперь больше не ходить будет.

Вы прости-те ко, поля широкие, я на вас, поля, да много рабливал.

Вы прости-те ко, леса зелёные, я по вам, леса, да много хаживал.

Грибы, ягоды да я собиравал.

Вы прости-ко, луга зеленые, я по вам, луга, да много хаживал,

Много хаживал да много кашивал.

Вы прости-ко, да реки быстрые, реки быстрые да хоботистые.

Вы простите-ко, да люди добрые, люди добрые, люди хорошие.

Не видать будет да веки с-по веки, не увидите мою походочку,

Не учуете мое словечико, всё словечико да все ретивое.

Всё ретивое да жалостливое.

(Усть-Зула Юрл.).

Да прощается Нина душенька

Да прощается Нина душенька со своим-то любезным батюшком,

Со своей-то родимой мамонькой.

Вы простите меня, благословите меня на житье идти да на приветное.
Мне ведь с вами будет больше не видеться, век-с-по веки не слыхатися.
Нам на лавочке будет не сиживати, речь-говоряшку не говаривати.
Да прощается Нина со милыми братьями,
Да прощается Антоновна с любезными сестрами,
Да прощается Нина со племянничками,
Да прощается Антоновна со соседushками,
Да прощается Нина со белой лавочкой –
Мне-то будет на лавочке не сиживати.
Да прощается Антоновна со окошечками –
Мне-то будет в окошечко не глядивати.
Да прощается Нина с печкой-матушкой –
Мне-то будет на ей больше не лёживати,
Да прощается Антоновна со своей скатной улочкой –
По тебе я много хаживала, со своими друзьями-подружками...
(Юм Юрл.)

Как у Анны да сёдне праздничек

Как у Анны да сёдне праздничек, сёдне праздничек да развеселой день.
Собрались у неё да гости званые, гости званые, гости жданные.
Ино все гости сидят по лавочкам, все по лавочкам, по скамеечкам.
Все веселые гости, все радостные, а у Анны душа невесёлая,
Всё невесела душа да нерадостна.
Она ходит по белой по горенке, она ходит же, спохаживает,
Да на своих гостей она поглядывает,
Ино все ли гости подчеванные.
Подходит она к любезной ко ладушке:
Солнышко же ты, родимая мамонька,
Не спалася тебе тёмна ноченька, не лежалось тебе да утро раннее,
Ты вставала же раным-ранехонько, умывалась горячими слезьми,
Утиралась тоской-кручиною.
Зажигала ты свечку восковую, распускала ты дьямянского ладана,
Ты молилась за душу грешную, творила молитву Иисусову,
Выходила да на крылечико, на свою да на скатну улочку,
Забирала же дров беремечко, заносила же в свою белу горенку,
Затопляла же ты печь кирпичную.
Ты де стряпала да трудилася, отстояла же свои белые ноженьки,
Отмахала же свои белые рученьки,
Да нажарила ты да лицо белое, наскорбила ты очи ясные.
Подносила же на столы дубовые, на столешницы да на кедровые,
На скатерти да шиты-браные, подносила да низко кланялась:
Вы поешьте, гости, гости мамыны, у меня же что-то прилучилося,
Что у меня да приготовлено, что же у меня да принастряпано,

Не осудите, гости званные, да спасибо вам, спасибо великое,
Все за ваши труды, труды праведные
(*Пож Юрл.*; Исполнялся на поминках).

Ты прости-ко, прощай, да моя горенка

Ты прости-ко, прощай, да моя горенка, моя новая, моя весёлая.
По тебе мне будет не хаживати.
Ты прости-ко, прощай, да печка теплая, печка теплая да сугревная,
На тебе мне будет не сиживати, да в окошечко будет не глядывати.
Вы простите-ко, мосты калиновы, мне по вам больше не хаживати,
Ты прости-ко, прости, моя лесенка, моя лесенка мелкоступчата,
По тебе мне больше не ступывати.
Ты прости-ко, прости, широкая улица, по тебе мне больше не хаживать,
Зелену траву больше не таптывать.
Ты прости-ко, прости, дорога торная, по тебе мне больше не езживать,
Вы простите-ко, поля широкие, я на вас, поля, много рабливала.
Вы простите-ко, леса тёмные, ты прости-ко, прости, речка быстрая,
Вы простите-ко, люди добрые, люди добрые, люди хорошие,
Мне со вами уж да не видеться, мне со вами уж да не встретиться.
(*Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.*).

Ох ты, солнышко да моя ладушка

Ох ты, солнышко да моя ладушка,
Ведь мы прожили девять денёчиков,
Показалось девять годочиков.
Да куда же ты у нас девалася,
Да куда же ты да затерялася,
Не в лесу ли ты да заблудилася,
Не с подружками ли застоялася,
Ох ты, солнышко да моя женушка,
Не видаться нам будет да веки с-по веки...
(*Зап. от Андреевой А.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.*; Исполнялся в девяти-
ны).

Собирай-ко котомочку

Собирай-ко котомочку, иди в дальну вечну сторонушку,
Клади же со стола скатёрочку, со стены полотенышко,
Клади же чайну ложку да еще кружечку.
Клади свечу восковую, клади вересовый ладаночичек,
Клади же ниточку-иглочку, клади божью милостину...
(*Юм Юрл.*; Упоминаемая в тексте милостыня — хлеб, или поминальная
стряпня; см. также более полный вариант плача — «Собирается душенька...»,
«Уж какой же праздничек...».)
(*Юм Юрл.*)

Закатилось да красно солнышко

Закатилось да красно солнышко
За леса дремучие, за болота зыбучие,
Да за горы высокие, да за стены каменны.
Прощай, ай да белая горенька,
По тебе-то не будет хаживать,
По тебе не будет гуливать.
Ты прости-ко, прощай ты, дороженька,
По тебе-то мене будет не хаживать,
Вы простите, прощайте все мои грехи, соседушки,
Мене-то с вами будет больше не видеться
Да не на работушке, да не на праздничке,
И не в божьей церкви не будет меня.
(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл.; Исполняется во время про-
водов покойника).

Уж какой же праздничек...

Уж какой же, какой у Петрована праздничек,
Невеселой он да не радостной.
Да пришли да пришли да гости да званые,
Гости да званые, да гости да жданные.
Да сидят же гости да вдоль да по лавочке,
Вдоль да по лавочке, да вдоль да по скамеечке,
Не по-старому да оне да не по-прежнему.
Да прижали они да белые рученьки
Ко ретивому они да ко сердечiku.
Да свисили оне да буйные головушки.
У Петрована душа по горенке похаживает,
Собирает душа себе она котомочку,
Да кладёт же она да белую скатёрочку,
Да кладёт же она да чисто полотенчико,
Да кладёт же она да росного ладану,
Да кладёт же йона да свечку да восковую,
Да кладёт же йона святу честну милостинку,
Неужаленную, неопаренную,
Да кладёт же йона свое да моленьице,
Да кладёт же йона свое да благословленице,
Кладёт она чашку, ложечку, духовой ладан...
(Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., с. Пож Юрл., [2002]; Исполняется перед
тем как гости сядут за стол).

Сёдни праздничек...

У Григория сёдни праздничек, у Федоровича развеселой день.
Сбиралися гости званые, гости званые, гости жданные.

Все гости сидят по лавочкам, все по лавочкам, да по скамеечкам.
Все гости радостные, у Григория душа да не радостна, не весела.
Она ходит по своей-то светлой горенке,
На своих-то гостей она поглядывает.
Все милой моей ладушке не спалося,
Тёмною ноченькой не лежалось.
Она вставала раным-ранешенько, умывалась да горячими слезами.
Утиралась тоской, кручинушкой.
Зажигала да свечку воскову, свечку воскову да воску ярову.
Распускала-то да демьянского ладану,
Да молилася Господу Богу.
Выходила-то да на крылечко, да на поскотину, да все на улочку.
Заносила-то да в свою светлую горницу полешики,
Затопляла печки решётчаты.
Она стряпала да торопилася,
Отстояла-то да свои резвые ноженьки, отмахала-то да свои рученьки,
Принажарила да белое личико, принаскорбила да очи ясные.
Подносила она да ества разные на столы-те, столы-те на дубовые,
На столики да на кедровые,
На скатёрочки шиты – браные, шиты – браные да полотняные.
Вы де ешьте, гости, угощайтесь.
(Юм Юрл.; Исполнялось в сорочины, во время застолья).

У Аннушки да сегодня да праздничек,

У Аннушки да сегодня да праздничек, сегодня праздничек да развеселый.
Собралися у её да гости да званые, гости званые, да гости да жданные,
Все гости сидят да по лавочкам, все по лавочкам, да гости по скамеечкам.
Все веселые да гости да радостны, а у Анны душа да невеселая.
Она ходит же по белой да горенке, на своих гостей поглядывает:
Все ли да гости да потчеваны, все ли гости чествованы.
Подходит она да к милой доченьке, все Татьяна-то Геннадьевне,
Да подходит она да к милому внуку, Владимиру да Николаевичу.
«Не спалася да вам да тёмная ноченька видалось да утро да раннее,
Вставали да ранехонько, умывалися да горячими слезьми,
Утиралися тоской да кручинушкой.
Зажигали вы да свечку да восковую, распускали вы демьянского ладану,
Вы вставали Богу да молилися, вымаливали да мою душу грешную,
Выходили вы на скатную улочку, забирали дров да поленичков,
Заносили вы да в белую горенку, затопляли вы да печь да кирпичную,
Вы де стряпали-ка вы да трудилися, отстояли вы да резвые ноженьки,
Отмахали вы да белые рученьки, наскорбили да вы свои очи ясные,
Выносили вы да на столы дубовые, на столешенки да на кедровые
На скатерочки да шиты, да браные, шиты, браные, да оне полотняные,

Подносили вы да низко да кланялись:

«Вы поешьте-ко, да мамины гостеньки.

Ино что же у нас да прилучилося, ино что же у нас да приготовлено,

Ино что же у нас да принастряпано, не осудите меня да мамины гостеньки.

Да спасибо вам , спасибо великое, все за ваши же труды да труды да правые.

Алилуйя, Алилуйя, да Слава тебе, Боже наш!

(Юм Юрл.; Стих исполнялся на поминках).

Собирается душенька во путь, во дороженьку

Собирается Григорьева душенька во путь, во дороженьку,

Просит свою милую ладушку Анну Ивановну:

«Собирайте мне котомочку, в эту котомочку кладите

Складенёчек, со спички белый рукотельничек,

Со стола белую скатёрочку.

Положи в котомочку полотенце со стеночки, скатёрку со стола.

Положи чашку, ложку, поварешечку, положи свечку, положи ладану,

Да ещё кладите честную милосленку,

Не убавленную, не укоренную».

(Юм Юрл.; Исполняется при сборах души).

Милой Господи...

Милой Господи, ты прости-помилуй.

Ино кто же, ой, моей душе поможет,

Ино кто же, ой, моей душе пособит.

Ино есть же у меня а да мила ладушка,

Ино есть же у меня а да малы детоньки,

Ино есть же у меня а да братья-сестрицы,

Ино есть же у меня а сродны братанчики,

Ино есть же у меня а да сваты-сватьюшки,

Ино есть же у меня а кумы-кумушки,

Ино есть же у меня а близки соседушки.

Ино чем же оне да душе помогут –

Всё святою, честною, ой, крестовой милостиной.

Ой, не устали они от трудов да праведных,

От своёва-то да поту теплого.

И на том да мои и грехи убавятся,

И на том-то моя, ой, душа облегчится,

Ино Господи, ты прости-помилуй нас.

(Зап. от Пикулевой А.А., 1928 г.р., д. Тилина Юрл; Стих-причет исполняется после поминок, когда выходят из-за стола и раздают милостыню).

Ох ты солнышко... (I)

Ох ты солнышко, право крылышко.

Ты прости-ко меня, душу грешную,

Не видаться будет веки-с-по веки,
Не видаться будет, не встречаться будет.
Вы простите-ко, мои детоньки,
Не увидите вы мою походочку,
Не услышите вы моего голосочика.
Вы простите-ко, люди добрые,
Люди добрые, люди хорошие,
Не видаться будет веки с-по веки,
Не увидите вы мою походочку,
Не услышите вы моего голоса.
Вы простите-ко, все сваты-сватьюшки,
Сваты-сватьюшки, ближны соседушки.
Вы все простите меня, грешную,
Простите меня, люди добрые,
Не видаться будет веки с-по веки.
Вы простите-ко, дома шатровые,
Вы простите-ко, зелены улочки,
Вы простите-ко, леса дремучие,
По лесам-то мне уж не хаживать,
По рекам-то уж мне рыбу не лавливать,
Милых детонек мне не кармливать.

(Зап. от Андреевой М.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.: Плач на проводы души в сорочины).

Ох ты солнышко... (II)

Ох ты солнышко, да моя женушка,
Да моя женушка, да Нинушка Макаровна,
Да куда же ты у нас девалася,
Да куда же ты да затерялася,
Ведь мы прожили сорок денечиков,
Показалось да сорок годочиков,
Да нигде мы да не увидели,
Да нигде мы да не слышали,
Да куда ты у нас девалася,
Не с подружками ли застоялася,
Да не в лес ли ты ушла да по яголки,
Да не в лес ли ты ушла да по губочки.

(Зап. от Андреевой М.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.: Исполняется на со-роковой день).

Ох ты солнышко (III)

Ох ты солнышко, да моя сношенька, да построили тебе домичек,
Построили без окошечек, без дверчиков и без печушки-матушки.

Ино как же ты там будешь жить да без коюшки, без постелюшки,
Да без стулика, да без столика, без матраца да без простыни.
И как же ты там будешь жить, не видаться нам будет веки с-по веки...
(Зап. от Андреевой М. П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.; Плач по снохе).

Ох ты солнышко (IV)

Ох ты солнышко, родимая мамонька, ой, ты была у нас ласкова,
Ой, ты была у нас приветлива,
Теперь не к кому нам приступить, ой, у нас не с кем слово молвити.
Ой ты солнышко, родимая мамонька, ты была у нас гора каменна,
Не давала на нас ветру дунути, ветру дунути, дождю канути.
Не суди ты нас, родима мамонька, не учёны мы на эти почести,
Не осуди ты нас, нас горюшечек, за все наши хлопоты, за наши почести.
И желаем мы тебе, родима мамонька, во житье-то жить в поднебесном,
Да во царстве-то жить во господнем.
(Юм Юрл.; Плач по матери).

Ох ты солнышко (V)

Ох ты солнышко, родима мамонька,
Куда же ты у нас снаряжаешься, куда сподобляешься?
Во какую же во путь-дороженьку?
Снарядилась в путь-дороженьку, неизгаленную, неизъезженную.
Что из той-то пути-дороженьки нет ни весточки, ни грамотки,
Нет ни выхода, нет ни выступу.
Зарастет сюды путь-дороженька частоколами, буреломами,
Суметами высокими.
Зарастет она крапивой жалучей да щипицей колючей...
(Зап. от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р., с. Юм Юрл.; Исполнялась в поминки и особенно в похороны).

Ой ты солнышко (I)

Ой ты солнышко, о, да моя сношенька,
Нарядилась ты, да куды же у нас сподобилась,
Улететь хочешь белым лебедем,
Улететь хочешь сизым голубем
На ту-то сторонушку незнакомую.
На той-то сторонушке нету ни ходу, ни выступу,
Не пошлешь ты нам ни вестку, ни грамотку.
Не взойдет же к тебе да красно солнышко,
Не взвоясят тебе да частые звездоньки,
Не посветит тебе да благ месяц...
(Зап. от Андреевой М.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.).

Ой ты солнышко (II)

Ой ты солнышко, мила ладушка,
Ты оставила да своих детенок,
Почему же ты да так сделала?
Так ты сделала, не подумала -
Оставила свое право крылышко,
Оставила ты нас среди полношка,
Среди полюшка, среди нёбушка,
Недорослые будто ягодки,
Недозрелые будто ягодки.
Ты оставила право крылышко
Среди морюшка среди широкого.
Не знат он, куда приплыти,
Ко какому берегу пристати.
Да была ты у нас стена каменная,
Да была же ты у нас гора высокая.
Развалилася стена каменная,
Раскатилася гора высокая,
Сейчас-топери ветер дует-то,
Сейчас-топери дождик брызгает-то...
(Зап. от Андреевой М.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.).

Ой ты солнышко (III)

Ох ты, солнышко, моя Нинушка, ты оставила своих детенок,
Своих детенок на обидушку.
Держи же ты их у сердечика у ретивого,
Не давай же ты на них ветру дунути,
Не давай же ты на них дождю брызнути.
Ох ты солнышко, моя женушка,
Ты ведь много ходила, много гуляла,
По лесам-то ты, по болотам-то ты,
По полям-то ты да по широким-то,
И по лугам-то ты и по зеленым-то.
Сейчас-топери зарастут твои дороженьки
Они ельничком, они березничком,
Они ельничком, горьким осинничком,
Зарастут они, все дороженьки, все тропиночки.
Не бывать тебе больше по лесам же да по дремучим-то.
Пропадают твои ягодки, пропадают твои губочки,
Что же ты наделала, милая женушка,
Сейчас-топери мы не знаем, какую работу работать...
(Зап. от Андреевой М.П., 1931 г.р., д. Пестерёва Юрл.).

Да прощается душенька

Да прощается Григорий душенька
Со своей-то любимой ладушкой, с Анной Ивановной:
«Ты-ко прости меня, благослови меня
На житье-то идти на правечное, вековечное.
Нам с тобою больше будет не видаться, не слышаться,
На лавочке не сиживать, в окошечко не поглядывать.
Ты живи-ко, живи помаленечку,
Ты расти-ко своих деточек потихонечку,
Ты держи их в теплой пазухе, у ретивого сердца».
Всё прощается Гришенька-душенька
Со своим-то милым сыночком, с Егором Григорьевичем:
«Ты прости-ко меня, благослови-ко меня
На житье правечное, всковечное.
Ты живи-ка, милый сынушка, слушай свою матушку
(Юм Юрл.).

Сидят гости невеселы

Сидят гости не веселы да буйны головы повесили,
Руки к сердцу к ретивому да плаксивому
Да в праздник, да не в весёлый, не в радостный.
У Клавдии душа да подпрыгивает,
Она просится домой на праздничек:
– Отпустите меня домой да на праздничек.
– Отпустили тебя да на три денёчка.
– Спасибо вам, не забыли вы про мой праздничек,
Спасибо тебе брат и сестра.
– Выходили мы на улицу да на широкую,
Смотрели, не идёт ли милая сестрица,
Не увидели, не услышали.
Затопили печку, брали дрова да из поленицы,
Настряпали мы дастряпню хорошую,
Накрывали столы дубовые,
Накрывали на столешницы кедровые
Скатёрочки да самобраные.
Вы садитесь, гости жданные, званные,
Попитайтесь дастряпнёй хорошей
Попейте не забудьте воды,
Вспомните наши душеньки грешные
(Зап. от Андреевой А.В., 1927 г.р., д. Демидова Юрл.).

Ой, у Петрованушка да сёдни да праздничек

Ой, у Петрованушка да сёдни да праздничок,
Сёдни мо праздничок да поминальной день.

По избе-то он да похаживат, на гостей то же он да поглядывают.
Ой, гости созданы, ой, гости да созданы,
Ой, дак и по лавочкам сидят, ой и по скамеечкам.
Ой, дак эть Аннушке да не спалася ночка тёмная,
Ой, и не лежалося утро-то раннёе.
Ой, и да вставала она раным да ранехонько,
Ох, умывалась она белым да белёхонько.
Ой, ей же не надо же да ключевой воды,
Ой, она умылася да горечьми слезьми.
А ей же не надо же было полотеничо,
А утерлася тоской да кручинушкой.
Тожно снаряжалася гладным да гладнехонько,
Ой, надевала она да плате да тёплое,
Ой, плате-то теплоё да платтё-то легкоё.
Ой, выходила же да на крылечико,
Ой, да спускалася. ой, да по мелким ступенечикам,
Выходила же а на скатную улочку,
Ой, да глядела же во все четыре стороны.
Ой, да не идёт ле мой да мой-от да ладушка,
Ой, дак не с которой же он да сторонущи,
Ой, да не с сивера, ой, дак и не с юга-та,
Ой, дак не с запада, ой, не с востока же.
Ой, забирала же, ой, дров да беремечко,
Ой, заносила же ой, в светлую горенку,
Ой, затопляла же ой, печь да кирпичату,
Тожно стряпала да для моёва сёдни праздничка,
Ой, приотопала, ой, да резвые ноженьки,
А приотмахала она, ой, да белые рученьки,
А принажарила она своё-то бело личико,
Ой, принахмурила свои-то очи ясные.
Тожно-то стряпала есьвы-те вкусныё,
Есьвы-те вкусныё, есьвы-те сладкиё.
А подносила же да на столы дубовыё,
А на сукатьерти тожно да шелковыё,
Ой, подносила же, да низко да кланялась –
Ой, вы поешьте-ко да есьвы-те сладкиё,
Ой, есьвы-те сладкиё, есьвы-те вкусныё.
(Зап. от Моисеевой Е.А., с. Дубровка Юрл.).

Вот какой же у нас праздничек

Вот какой же у нас праздничек,
Невеселый он да он нерадостной.
Да пришли к нам да гости званые,
Гости званые да гости жданные.

Да сидят они да все по лавочкам,
Все по лавочкам да по скамеечкам.
Да сидят они да не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему.
Да повесив они да головушки,
Да прижав жо они да белы рученьки
К невеселому да ко сердечикю.
У Матрёны-то душа по горенке похаживает,
Собираг ведь она себе котомочку.
Да кладёт жо она белу скатёрочку,
Да кладёт она полотенчико,
Да кладёт жо она себе переменочку.
Да кладёт жо она святу честну милостыню.
Да кладёт жо она кружку, чашку, ложечку.
Да кладёт жо она да нитки с иголочкой.
Да кладёт жо она да ладану Демьянского,
Да кладёт жо она да свечу восковую.
Да кладёт жо она свое молельничю.
Да кладёт жо она свое благословельничю.
Среди людей-то, ой, да Богу помолилася,
Да во все-те углы да она поклонилася.
(Зап. от Ивановой В.М., 1941 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Ох ты, солнышко, родима мамонька

Ох ты, солнышко, родима мамонька
Ох ты, солнышко, родима мамонька.
Ох ты солнышко, любая бабушка.
Ты была у нас, ах, да ты родимая.
Ты была у нас, ах, да ты любимая.
Да пришла жо тебе да пришла смертонька.
Да неожиданно да недеянно.
Да пришли жо нам с тобой росстанюшки.
Нам росстанюшки да нам тяжелые.
Нам тяжелые да нам нерадостны.
Ох ты, солнышко, родима мамонька,
Ох ты, солнышко, любая бабушка,
Ты была жо у нас гора высокая,
Ты была жо у нас стена каменна.
Да держала нас всех под крылышком,
Не давала жо на нас дожду брызнути,
Не давала жо на нас ветру дунути.
Раскатилася гора высокая,
Развалилася да стена каменна
(Зап. от Ивановой В.М., 1941 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Ты прости-ко прощай, да светла горенка

Ты прости-ко прощай, да светла горенка,
Была светлая, была весёлая.
Ты прости-ко, прощай, да печка тёплая,
Печка тёплая, печка сугревная.
На тебе-ту я да много сиживала,
На тебе-ту я да много ляживала.
Мне теперь будет да на тебе не сиживать,
Мне теперь будет да мне не ляживать.
Вы простите-ко, да мост калиновой,
Мост калиновой, ой, да лесенка высокая.
Я по вам, мостам, да много хаживала
И на лисенке да много сиживала.
Вы прости-ко, да улочки скатные,
Я по вам, улочки, да много хаживала,
Много хаживала да много гуливала.
Вы простите-ко, леса дремучие,
Я по вам, лесам, да много хаживала,
Грибы, ягоды да я собиравала.
Вы простите-ко, поля широкие,
Я на вас, полях, да много рабливала.
Вы простите-ко, луга зеленые,
Я на вас, лугах, да много кашивала.
Много кашивала да много грабливала.
Вы простите-ко, да люди добрые.
Люди добрые, люди хорошие.
Не видать будет да веки-сповеки.
Не увидите мою походочку,
Не учуете мое словечико.
Всё словечико да всё ретивое,
Всё ретивое да жалостливое
(Зап. от Ивановой В.М., 1941 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Хожу, хожу вокруг я дома

Хожу, хожу вокруг я дома, родные видят ли меня?
Войду, войду я в дом родимый, войду и Богу помолюсь.
Здесь обед мене готовят, хотят меня тут помянуть.
Зажгут лампаду они в доме, будут канун мене читать,
Зажгут свечи восковыё, меня тут будут поминать.
Прощайте, все мои родныё, прощайте, все мои друзья,
Хоть с вами я уже простилась, но смертный час ко мне пришёл.
Обитель мне давно готова, Господь и ангелы стоят.
Они за ручку меня взяли, ко престолу повели.

Спаситель спросит, вопрошает про мои добрые дела.
Как же я буду бояться, как же буду я стенать,
Прощайте, все мои родные, прощайте, вся моя семья
(Юм Юрл.; Исполняется на поминках).

Налетите, птички-пташечки

Налетите, птички-пташечки, разгребите сыру зелененьку,
Налетите, ветры буйные, распахните белы саваны.
Стань-проснись (имярек), сядь-расскажи же мне
Про свое житье-бытьё, про бытьё красное.
Расскажу же я тебе да про свое житьё, про своё-то житье-красованье.
Встану я одним-одинешенька, погляжу же я в окошенько.
Да ни с которой со сторонюшки ты не придёшь.
Да ни с которой сторонюшки не видать, не с кем мне думу думати,
Не с кем же мне словечко молвити...
(Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., с. Усть-Зула Юрл.; Исполнялся в семик на кладбище).

Сяду, сяду я на высок бугорок

Сяду, сяду я на высок бугорок, на сыру земельку, на могилушку,
Ко родимой моей мамоньке.
Налетите, ветры буйные, ветры дутые,
Всё со всех же сторонюшек, всё со северной да со южной же,
Со восточной да и с западной.
Разнесите вы тот высок бугорок хоть по горсточке, по щепёточке.
Полети-ка ты, туча грозная, налети-ка ты, громова стрела,
Расколи-ка ты гробову доску.
Налетите-ка, птички-пташечки, все заморские мои касаточки,
Вы расклюйте-ко белой саван хоть по ниточке, по шажочику.
Ох ты, солнышко, родима мамонька,
Ох, раскройтесь вы, очи ясные, распрямитесь, руки резвые,
Растворитесь, уста сахарные,
Поднимись-ка ты, родимая мамонька, на свои же резвы ноженки.
Ты промолви-ка с нами словечико, расскажи-ка про свое житьё-бытьё,
Про житьё-бытьё во сырой земле.
Расспроси-ка нас, нас горюшечек, как живём мы без тебя, горе мыкаем
(Юм Юрл.; Плач по матери, исполняемый в семик, на могиле).

Ой, сяду я ...

Ой, сяду я, сяду, ой, да на сыру землю,
Ой, на сыру землю, да землю да матушку.
Ой, подынися же, ой шум да погодушка,
Ой, разнеси-ко же ты мать да земелюшку.

Ой, подыняся же, ой шум да погодушка,
Ой, тожно же туча же, да туча да грозная.
Ой, ты мо разбей-ко, разбей, ой, гробову доску.
Ой, дак мо встань-ко ты, встань на резвые ноженьки,
Ой, на бумажные же, ой да же пальчики.
Ой, Расскажи-ко же, там да ой како да життё,
Ой, да как же живешь ты там, ой да красуешься.
Ой, да сколько мы гаркали, ой, сколько мы кликали,
Ой, не могли же мы ой да докликаться,
Не смогли же ся мы ой да догаркаться.
Ой, не подал же нам ой, голосочику,
Ой, не рассказал же ся нам, да как же красуешься
(Зап. от Моисеевой Е.А., с. Дубровка Юрл.).

Хороводные и игровые песни

Публикуемые в разделе песни можно рассматривать как наглядную иллюстрацию хорошо развитой в крае в прошлом хороводно-игровой культуры. Среди хороводных песен представлены песни рождественские и троичские, вообще летние, игрищенские. В ряде мест в крае (*Пож Юрл.* до сих пор жива традиция игр шеренгами – типа «А мы просо сеяли»).

Притом что многие зимние песни, которые «игрались на полу», совпадают с летними, заметно отличие и в репертуаре, и в манере их «играния». В весенне-летних хороводах больше неторопливых движений, этикетности. В тех и других доминирует брачная тематика. И рождественские, и летние отличает драматургичность (хороводы делятся нередко на две переговаривающиеся половины (например, в известной песне «А мы просо сеяли»).

Если в весенне-летних хороводных («круговых») песнях обычно разыгрывались сцены из супружества, комически представляли мужанеровнюшку, то на беседах в зимних хороводах происходило своеобразное, часто комическое разыгрывание самой свадьбы. Святочная беседа в крае, как и вообще на русском Севере, представляла собой разыгрывание свадебного ритуала по определенной схеме: выбор пары — сватовство, хождение попарно — сведение «молодых», припевание пар — благословение на брак. Нередкими в этих случаях были и пародийные венчания. В целом же песенный фольклор региона характеризуется сглаживанием внутрижанровых границ, контаминированием песенных сюжетов, их изменением на содержательном, эстетическом, композиционном, образно-символическом уровнях; заметна тенденция постепенного замещения обрядовой поэзии необрядовой лирикой.

Я бегу, бегу по поженке...

Я бегу, бегу по поженке, добегаю до часовенки.

Да на часовенке два голубя сидят, один голубь не поёт, не воркуёт.

Один голубь не поёт, не воркуёт, да другой голубь разговаривает.
 Да завтра праздничек — гулящий день, да мой-от миленькой гулять пойдёт.
 Мой-от миленький гулять пойдёт, меня, девицу, с собой поведёт.
 Меня, девицу, с собой поведёт, да душу красну за собой поведёт
 (Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., Митрофановой А.С., 1930 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

По бережку млада...

По бережку млада, ой, да ходила, ой, да гуляла.
 Из рукавья семена, ой, сеяла, ой, сеяла.
 Ой, сколь невсхожи семена, ой, семена, ой, семена,
 Ой, сколь неласкова семья, ой, семья, ой, семья.
 Ой, да сколь неласковый мой муж, ой, мой муж, ой, мой муж.
 Да я постелю постелю, ой, тверду, ой, тверду,
 Да изголовье накладу, ой, низко, ой, низко.
 Да одеяло одежу, ой, холодно, ой, холодно,
 Да ко сердечiku прижму, ой, нелюбо, ой, нелюбо.
 Изругаю семена, ой, семена, ой, семена,
 Сколь невсхожи семена, ой, семена, ой, семена,
 Ой, сколь неласкова семья, ой, семья, ой, семья.
 А для милого дружка, ой, дружка, ой, дружка
 Я постелю постелю, ой, мягку, ой, мягку,
 Одеялом одежу, ой, тепло, ой, тепло,
 Ко сердечiku прижму ой, люблю, ой, люблю
 (Зап. от Ивановой М.Н., 1932 г.р., Митрофановой А.С., 1930 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

При сидянке в вечеру

При сидянке в вечеру, при сидянке в вечеру
 Сидят девки бравые, волоса кудрявые.
 Коса мелко плетена, в три рядочка ведена,
 В три ряда рядовые, в три ряда рядовые.
 Алой лентой увита, в косе лента голуба,
 В косе лента, в косе лента, в косе лента голуба.
 Не сама ленту брала, не сама ленту брала —
 Мне друг мил её дарил, мне друг мил её дарил.
 Он дарил и говорил, он дарил и говорил:
 «Сядем, милая, в рядок, сядем, милая, в рядок,
 Запоём песню в ладок, запоем песню в ладок,
 Мы не сами про себя, про донского казака»
 (Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

На лугу, на лугу

Е-хе, как бы на лугу, на лугу, да, е-хе, на зелёном на лугу
 Да, е-хе, есть трава да мурава, да, е-хе, на траве да мураве

Да, е-хе, тут высок терем стоит, да, е-хе, со высоким со крыльцом.
Да, е-хе, во высоком терему да, е-хе, есть кровать тесова,
Да, е-хе, на кроваточке тесовой да, е-хе, есть перина перьева.
Да, е-хе, на перине перьевой да, е-хе, есть подушка пухова,
Да, е-хе, на подушке пуховой да, е-хе, одеялышко тёпло.
Да, е-хе, под одеялышком тёплым да, е-хе, красна девица лежит
Да, е-хе, она спит, не спит, да, е-хе, свёкор-батюшко, идёт,
Да, е-хе, шёлковой плёткой трясёт,
Да, е-хе, принатраживает, да э-хе, приговаривает:
Да, е-хе, «Ты, моя юла, встань, да, е-хе, лебедь бела, пробудись».
– Да, е-хе, не могу я встать, да, е-хе, голова моя болит,
Да, е-хе, ретиво сердце щемит да, е-хе, об отце, об матери,
Да, е-хе, об родимой стороне, да, е-хе, о кумушках, о подруженьках,
Да, е-хе, о милом дружке, да, е-хе, Александрушке
Да, е-хе, Николаевиче
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Я по бережку...

Я по бережку похаживала, я по крутому погуливала.
Калина, малина моя, в саду ягода малинка моя.
Я по крутому погуливала, красну ягоду заламывала.
Красну ягоду заламывала, со воды гусей соганивала.
Кишьте, гуси, кишьте, серые, домой, вам пора, гуси, наплаваться.
Вам пора, гуси, наплаваться, мне, младёшеньке, наплакаться.
Заплакала, зарыдала молода: «Прожила я своё девичье житьё.
Прожила я своё девичье житьё, прожила и молодущее житьё.
В молодухах я три года прожила, три я года, три я горя нажила.
Перво горе — вышла замуж молода, второ горе — за старого старика.
Третье горе — не отпустит стар гулять, хоть отпустит, наперёд меня пойдёт.
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Вечер, вечер с вечерочка

Вечер, вечер с вечерочка пали два следочка,
Они пали. призапали, ветром призадулись.
Ветерочком призадулись, погодой замялись,
Вон не мой-от ли милёнок по саду гуляет?
Он по садику гуляет, с Катюшей играет,
Катю хватит, Катю бросит, Катю поцелует.
А старушка Варварушка из окошка смотрит,
Из окошечка смотрела, мальчика бранила:
«Ох, ты, мальчик-расканальчик, девушек обманщик,
Обманул парень девицу как родну сестрицу,
За две шубки, за две юбки, за две синегривки»
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Как у Саши, у Саши

Как у Саши, у Саши, как у Саши, у Саши,
Разгорелось лицо, разгорелось лицо,
Хай, лю-ли, вот лицо, разгорелось горячо.
Как шипичный алый цвет, не скосить, не сорвать.
Не скосить, не сорвать, его серпом не сожаты.
Подарил милой кольцо, я не знаю, куда деть,
Если на руку надеть, будет мамонька бранить,
В коробейку положить — будет миленький тужить.
Пойду с горя на реку, брошу кольцо во в реку.
«Ты тони, кольцо, до дна, я у милого одна.
Я у милого одна ненаглядная была.
Хай, лю-ли, вот была, хай, лю-ли, вот была»
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Ты ле, вдовка, ле, вдовка моя

Ты ле, вдовка, ле, вдовка моя, слышно, вдовушка прибраниват меня.
Ты, гольтыба, гольтыба моя, у гольтыбы ни скота, ни живота.
У гольтыбы ни скота, ни живота, у гольтыбы есть ограда широка.
У ограды столбы точёные, вервешки подзолоченные.
Ворота были из чистого стекла, подворотинка из злата-серебра.
Под воротинкой сырой камень лежит, из-под камешка быстра река бежит.
По той речушке гоголюшка плывёт, выше бережка головушку несёт.
Выше бережка головушку несёт, выше леса крылья взмахивает.
Да вот бежит, бежит удалый молодец, он тетивушку подергивает.
Он тетивушку подергивает да калену стрелу направляет,
Да ты лети, лети, каленая стрела, выше леса, выше тёмного,
Да выше садика зеленого.
(Зап. от Чеклецово́й З.И., 1926 г.р., д. Кукольная Юрл.).

Не велят Марше за реченьку ходить

Не велят Марше за реченьку, вот за реченьку ходить, вот ходить.
Не велят Марше молодчика, вот молодчика любить, вот любить.
Молодой парень-любитель, вот любитель дорогой, дорогой,
Он не чувствует любви, вот любви никакой.
Какова любовь на свете хороша, хороша,
Есть у Марши призаплаканы глаза,
Вот глаза у лебёдки принатерты, вот принатерты.
От мила дружка побои, три побоя приняла.
Всё со этих трёх побоев три недели лежала,
На четвёртую неделю выздоравливала,
А на пятую неделю гулять с милым пошла.
Мимо роши, мимо дома, мимо зелена сада,
Пролегла туда дороженька, путь-дороженька торная,

Всё торным она торнёхонька, испробита она до дерна.
Ино кто эту дороженьку торил – молодой парень ко девице ходил.
Он ко девице ходил да ходил, много злата, много серебра сносил.
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Как на горке, на горе

Как на горке да на горе, как на горке да на горе
Ой, люли да на горе, ой, люли да на горе.
Да приходил сосед ко мне, приходил сосед ко мне.
Ой, люли да вот ко мне, ой, люли да вот ко мне.
Просит и муку да просит и хмель.
Ой, люли да вот и хмель, ой, люли да вот и хмель.
Да хмель – весела голова, хмель – весела голова.
Ай, люли, да голова, ай, люли да голова.
Да не ходи, сосед, сюда да не прокладывай следа.
Ой, люли, да вот следа, ой, люли, да вот следа.
Да путь да дорожку да не тори, худу славу да не носи.
Ой, люли, да не носи, ой, люли, да не носи.
Да худа славушка пройдет, худа славушка пройдет.
Ой, люли, да вот пройдет, ой, люли, да вот пройдет.
Да никто взамуж не возьмет, никто взамуж не возьмет.
Ой, люли, да не возьмет, ой, люли, да не возьмет.
Да ни боярин да ни купец, ни господский да молодец.
Ой, люли, да молодец, ой, люли да молодец.
(Зап. от Бугаевой М.М., 1924 г.р., Юрла).

Посеяла баба конопель

Посеяла баба, посеяла баба, посеяла баба конопэль.
Ой, да конопэль, конопэль, пэль-пэль-пэль, конопэль, пэль-пэль-пэль.
Конопэль, пэль-пэль-пэль, конопэль, ой, да конопэль.
Як туды повадився, як туды повадився, як туды повадився журавель.
Ой, да журавель, журавель, вель-вель-вель, журавель, вель-вель-вель.
Журавель, вель-вель-вель, журавель, ой да журавель.
Я ж тебе пивмаю, я ж тебе пивмаю, я ж тебе пивмаю, журавля.
Я ж тебе в клеточку, я ж тебе в клеточку, я ж тебе в клеточку посадо
(Зап. от Панкратовой Л.М., 1942 г.р., с. Юрла).

Как пойду я на улицу...

Как пойду я на улицу, разыграю хоровод,
Разыграю хоровод у батюшкиных ворот.
Ой, лили, ой лили, да у ворот.
У ворот притворчатых да вырастала травушка,
Вырастала травушка, травушка зеленая.
А я млада, игралива, из воротив выходила.

Из воротив выходила, все наряды выносила.

У ворот батюшка стоит, на мою игру глядит.

Он глядит-поглядывает, а мне воли не давывает.

Как пойду я на улицу, разыграю хоровод.

Разыграю хоровод у батюшкиных ворот. 2р.

(Зап. от Панкратовой Л.М., 1942 г.р., с. Юрла).

В саду девки, в саду красны

В саду девки, в саду красны ходили да гуляли, ходили да гуляли.

Одна девка, одна красна, говорила, баяла, говорила, баяла:

«Кому же, кому же, кому я достануся, кому я достануся?

Достануся, достануся, достануся старому, достануся старому.

Уж как буду, уж как буду про стара постелю слать?

Три ряда, три ряда, три рядовые, три ряда рядовые,

Первый ряд, первый ряд — шипицу колючую,

Второй ряд, второй ряд — крапиву жалючую,

Третий ряд, третий ряд — калину калёную.

Что взголовки, что взголовки — чурочку еловую, чурочку еловую.

Чем одежу, чем одежу — шубою ежовою, шубою ежовою.

Чем утреплю, чем утреплю — дубиной еловою, дубиной еловою.

Спи, старой, спи, старой, от свету и до свету

(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Пошли девушки

Пошли девушки в лес по калину, ой, ли-лю, ай, ли-лю-шицы,

В лес да по чёрную да по смородину,

Ой, ли-лю, ай, ли-лю-шицы, да по смородину.

Ино все девки да принабрались, всё одна девка да не набралася,

С молодцом она да застоялась, застоялася да призамешкалась,

Призамешкалась да призабаялась.

«Ох, вы, девушки, милы подруженьки, помогите-ка набрать наберочку,

Хоть по горсточке да по щепоточке, по малой горсти да по пригоршенкам.

Всё у вас, девки, да отцы, матери, у меня, младой, злая мачеха,

Я домой приду и дома что скажу — скажу матушке, голова болит,

Скажу батюшке: буйна с плеч валит, скажу братику: я замуж пойду,

Как понравится, я де жить буду, не понравится, я домой приду».

(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Пошли девицы да в лес по калину

Пошли девицы да в лес по калину, ай, люли-люли, да в лес по калину.

В лес по черную да по смородину, ай, люли-люли, да по смородину.

Ино все девки да принабрались, ай, люли-люли, да ай люлюшечи.

Всё одна девка да не набралася, аАй, люли-люли, ай люлюшичи.

С молодцом девка да застоялася, ай, люли-люли, ай люлюшичи.
Да ой, вы, девушки, да вы подруженьки, ай, люли-люли, ай люлюшичи.
Да помогите мне собрать по горсточке, ай, люли-люли, ай люлюшичи.
Да все у вас, девки, да отцы-матери, ай, люли-люли, ай люлюшичи.
У меня младой да злая мачеха, ай, люли-люли, ай люлюшичи.
Да злая мачеха догадается, ай, люли-люли, ай люлюшичи.
Да догадается, да заругается, ай, люли-люли, ай люлюшичи.
(Зап. от Мазеиной А.А., 1937 г.р., с. Юрла).

Купался бобёр

У ключа, ключа, да у кипучего, ой люли, люли, да у кипучего,
У колодчика, да у глубокого, ой люли, люли, да у глубокого,
Купался бобёр, да купался сизой, ой люли, люли, да купался сизой.
Он не выкупался, только измазался, ой люли, люли, да только измазался.
Взошёл на гору, да взошёл на круту, ой люли, люли, да взошёл на круту.
Отряхивался, отмахивался, ой люли, люли, да отмахивался.
Шубочка боброва – девка черноброва, ой люли, люли, да девка черноброва.
Девка черноброва, ты любишь иного, ой люли, люли, да ты любишь иного.
Ты любишь иного, парня не худого, ой люли, люли, да парня не худого.
Парня не худого, бравого такого, ой люли, люли, да бравого такого.
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Я из горенки

Я из горенки во горенку ходила, из гостиной я в любимую гуляла,
Трои золоты ключи носила, окованную коробочку отпирала.
Из бокальчиков бокальчик выбирала, на серебряный подносик становила,
Пополнее сладко пиво наливала, своему дружку Ивану подавала:
Кушай-кушай, друг Ванюша, веселися, на меня, на красну девку, наглядися.
А я, красна девица, озорная, развесёлая, у мамы дорогая.
Да кому же это мной да владовати – владовати мной да дружке любезному,
То Ванюше, что младая завлекала, золотым резным колечком дарила.
Не за то ли меня маменька бранила, не за то ли государыня журила.
Она бранить-то она не бранила, говорила: «Ты куда кольцо девала?»
«Я девать-то не девала, потеряла, укатилось колечко под крылечко,
Укатилось золотое под крутое, засыпалось колечко мелким сором».
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Молодая, молода недогадливая

Молодая, молодая, недогадливая, бабеночка игрливая, разговорчивая.
Пойду в огород, меня горе берет, огородная беда – по колено лебеда.
Пойду, побреду по колено в лебеду, выйду ль я, выйду ль я на гору крутую.
Пошла в огород лебеду свою полоть. Оглянулася назад, позади стоит казак.
Казак, казачок, казак, миленький дружок, ты почаще ходи да ты побольше
носи.

Когда рубль, когда два, когда рубля полтора, когда гривенничек, семигри-
венничек.

Молодая молодушка нагулялася, в огороде лебеда вся осталася.

(Зап. от Панкратовой Л.М., 1942 г.р., с. Юрла).

На речке

На речке, на речке, на тонкой дощечке

Девка платье мыла, громко колотила.

Громко колотила, туго выжимала.

Туго, туго выжимала, дружка поджидала.

Дружка поджидала, дружка Иванушка.

Вон милёнок ўдёт, вон милёнок ўдёт,

На вороном коне, в синем балахоне.

Он везёт подарки, он везёт подарки,

Синюю бумажку, синюю бумажку,

Ситец на рубашку, ситец на рубашку,

А ещё колечко, ласково словечко.

(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Как на горке, на пригорке

Как на горке, на пригорке тут стоит деревня нова.

Она нова Щесколова, в ней всего четыре дома.

Тут живет вдова вдовица, у вдовицы три девицы.

Одна Дарья, другая Марья, третья дочь была Катюша.

У Катюши друг Ванюша, часто Ваня к Кате ходит.

Понемногу денег носит — когда рубль, когда полтину,

Когда золотую гривну, когда синюю бумажку,

Когда ситец на рубашку, когда шелковый платочек.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., Пикулевой А.Д., 1932 г.р., д. Миронова Юрл.).

Воробейушко по улице полетывает...

Воробейушко по улице полетывает, калина моя, малина моя.

В часты-мелки подворогины залётывает.

Еще все мои подруженьки на игрище ушли.

Как меня же, молодешеньку, не отпустили.

Меня заставил свекор-батюшко работу работать,

Ох, тяжелую работушку — овин сушить.

Я до сердца дойду — весь овин сожгу,

В ретивое зайду, сама на игрище пойду.

Я всю ночь проиграю, на свету домой приду.

На свету домой приду, сама послушаю,

Сама послушаю, что про меня говорят,

Про меня говорят, милу ладушку бранят.
Милу ладушку бранят, поучить жену велят.
Ты побей-ка жену, поучи молоду,
Чтобы смолоду жена не погуливала,
Не погуливала, не попрыгивала.
(Зап. от Мазеиной А.Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.).

По улице мостовой

По улице мостовой шла девица за водой.
За холодной ключевой, за ей парень молодой,
Да кричит: «Девица, стой, да лебедь бела, обожди.
Лебедь бела, обожди, ручки к сердцу подожми».
— «Уж ты, парень, паренек, мол, не кричи во весь роток,
Да со сторон люди глядят. хочут мамоньке сказать.
Хочут мамоньке сказать, да тятке родному сказать,
Да Наталья миленька, да рубашонка беленька,
Да дубасочек синенькой, да поясочек гарусной,
Да всё платочек — первый сорт, да не глядел бы всякий черт».
(Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., Тотьмяниной М.С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.).

Ты зоря ли наша зоренька

Ты зоря ли наша зоренька, да зоря утрення-вечерняя,
Утрення-вечерняя зоря, да по тебе, зоря игра прошла.
Пошли девушки на игрище, да души красные на возыгрыше.
Да одна девка наперёд-ту идёт, да во руках-то соловейку несет.
Соловешко высвистывают — красны девушки возыгрывают,
Да говорят, что нонче праздник годовой,
Нонче девушки обманчивые, души красны переманчивые,
Да насаказали, будто замуж не пойдём.
Да мы пойдем, пойдем за купщица, за хорошего приказщица
(Зап. от Моисеевой М.М., 1935 г.р., д. Васькова Юрл.).

Утка шла по бережку

Утка шла по бережку, серая шла по крутому,
Детонек вела за собою.
Детоньки, постойте, да малые, обождите,
С я схожу да недалечко, за двор, за дворечко,
За красно крылечко.
Украли у утки утенка,
Немало, большого, среднего, меньшого...
(Зап. от Подкиной М.Ф., 1941 г.р., д. Васькова Юрл.; При соответствующих словах играющие «крадут», игра и песня начинаются снова, когда перекрадут всех «утят»).

Как бы с-по морю

Как бы с-по морю, как бы с-по морю, как с-по морю, морю синему
Плывёт лебедь, плывёт лебедь, плывёт лебедь с лебедатыма.
Со малыма, со малыма, со малыма со дитятыма.
Плывши лебедь, плывши лебедь, плывши лебедь, окунулася.
Под ней вода, под ней вода, под ней вода всколыхнулася.
По бережку, по бережку, по бережку добрый молодец идет,
Ушиб, убил лебедь, ушиб, убил лебедь, ушиб-убил лебедь белую.
Он де кровь, он де кровь точил, он де кровь точил во сине во море,
Он де пух пушил, он де пух пушил, он де пух пушил по под небесам.
Он де перышки, он де перышки, он де перышки по крутым бережкам.
С неё перо, с нее перо, с нее перо разлетелся.
С-по бережку, с-по бережку, с-по бережку красна девица идёт.
Сбирает перо, собирает перо, собирает перо лебединое.
С-по бережку доброй молодец идёт, с-по бережку доброй молодец идёт:
«Божья помощь, божья помощь, божья помощь, красна девица душа
Зачем перо, зачем перо, зачем перо лебединое?»
– «Нам с маменькой, нам с маменькой, нам с маменькой на здоровьичо,
Нам с маменькой на здоровьичо,
С милым дружком, с милым дружком, с милым дружком на зголовьичо,
С милым дружком на зголовьичо.
С малым детонькам, с малым детонькам, с малым деткам на перину пухову,
С малым деткам на перину пухову».
– «Зачем перо, зачем перо, зачем перо лебединое, зачем перо лебединое?»
На то девица, на то девица, на то девица ответа не дала.
«Спесивая, спесивая, спесивая, непоклончивая
Обожди, девка, обожди, девка, обожди, девка, покаешься.
Пошлю сватов, пошлю сватов, пошлю сватов, засватаю за себя.
Стоять будешь, стоять будешь, стоять будешь у кровати тесовой,
Держать будешь одеяло надо мной».
– «Я ведь думала, я ведь думала, я ведь думала, не ты, милой, идешь,
Я ведь думала, Никола городской».
(Зап. от Подкиной М.Ф., 1941 г.р. д. Васькова Юрл.; Рождественская, играли
парами).

Уж ты Дуня, Дуня

Уж ты Дуня, Дуня, уж ты Дуня, Дуня,
Не велика, не мала, не велика, не мала.
Со иными гуляла, со иными гуляла.
Своего дружка решила, своего дружка решила.
Я за то его решила, что неверно со мной жил.
Что неверно со мной жил, не одну меня любил.
Стали Ваню женить, Дуню замуж выдавать.
Дуню замуж выдавали, полтора года издержали.

Полтораasta издержали, Дуню в тереме держали.
Дуня в тереме ходила, своего Ваню будила.
Стань, Иван, стань, Иван, стань, удала голова.
Стань, удала голова, к нам приехала родня.
Отойди, жена немила, вся родня твоя постыла.
Дуня заплакала, завывала, своим братьям говорила.
Уж вы братья, мои братья, поезжайте, не поздайте,
Поезжайте, не поздайте, в темном лесу не ночуйте.
Всем родным по поклону, только мамоньке нет.
Оттого ей нет, рано замуж отдала.
Рано замуж отдала, не за милого дружка.
Она обзарилаcь на деньги, на высокие хоромы.
На высокие хоромы да на медны самовары.
Сколь я чаю не пила, больше слез пролила.
(Лобанова Юр.).

Собиралися голубки

Собиралися голубки на синее море, умывалися голубки из моря водою.
Умывалися голубки из моря водою, утиралися голубки травой – муравою.
Размолоденький мальчишко трех девчонок любит,
Любит Сашу во Казани, Машу во Сибири.
Манюшеньку-раздушеньку в Нижнем Городочке,
Уж я этим трем девицам куплю по подарку.
Куплю Саше алу ленту, Маше голубую,
Манюшеньке-раздушеньке золото колечко.
Ты носи, Маня, колечко, носи да не хвастай,
Если будешь похвляться, полно со мной знаться.
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла; Рождественская).

За двором, за двором

За двором, двором, за двором дворечиком,
Там трава, там трава, там трава расстилалася.
Здесь вода, здесь вода, вода разливалася.
Кто эту воду, кто эту воду, эту воду выпустил.
Выпустил, выпустил, был лебедь с лебедушкой.
Лебедь-от, лебедь-от, лебедь-от Иванушка,
Белой-от, белой-от, белой-от Степанович.
Лебедка, лебедка, лебедка Настасьюнка.
Белая, белая, белая Ивановна.
Та ровня, та ровня, та ровня сравнялася,
Есть люди, есть люди, есть люди сдивовалися.
Безлюдье, безлюдье, безлюдье рассмеялися.
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла; Рождественская).

Как у пана-пана

Как де у пана-пана, у панских было ворот.

Остров мой, да зелен мой.

Там четыре пани ходят и разыгрывают.

Остров мой, да зелен мой.

Ещё паня у пани выпрашивает.

Остров мой, да зелен мой.

Ещё ты-то, паня, да за кого замуж пойдёшь.

Остров мой, да зелен мой.

— Ещё я-то, пани, да за пахаря пойду.

Остров мой, да зелен мой.

Пахарь будет пахать, я кокоры собирать.

Остров мой, да зелен мой.

А ино ты-то, пани, за кого замуж пойдёшь?

Остров мой, да зелен мой.

— Ино я-то, пани, я за нищего пойду.

Остров мой, да зелен мой.

Нищий будет просить, а я сухарики сушить.

Остров мой, да зелен мой.

А ино ты-то, пани, за кого замуж пойдёшь?

Остров мой, да зелен мой.

— Ино я-то, пани, я за писаря пойду.

Остров мой, да зелен мой.

Писарь будет писать, а я чернильницу держать.

Остров мой, да зелен мой.

А ино ты-то, пани, за кого замуж пойдёшь?

Остров мой, да зелен мой.

— А ещё я-то, пани, я за купчика пойду.

Остров мой, да зелен мой.

Купчик будет торговать, а я денежки считать.

Остров мой, да зелен мой.

(Зап. Макаровой К.Т., с. Юрла; «Ходят восемь по парам. Восемь парней ходят навстречу восьми девкам»).

Ехал пан

Ехал пан, ехал пан, ехал пан из пира пьян.

Сронил пан, сронил пан свою шляпу чёрную,

Свою шляпу чёрную, чёрную, пуховую.

Кликал пан, кликал пан свою панью милую -

Подь-поди, подь-поди, моя милая паня.

Подними, подними мою шляпу чёрную,

Мою шляпу чёрную, чёрную, пуховую.

Принадень, принаеь на мою головушку,

Поклонись, поклонись, поклонись низёхонько!
Поцелуй, поцелуй, поцелуй милёхонько!
Шла панья, шла панья, шла панья из горницы.
Сронила, сронила, сронила свою шаль шёлковую.
Кликала, кликала, свово пана милого,
Подь сюда, подь сюда, подь сюда, мой милый пан,
Подими, подними мою шаль шёлковую,
Принадень, принадень на мои на плечики,
Поклонись, поклонись, поклонись низёхонько,
Поцелуй, поцелуй, поцелуй милёхонько.
(Зап. Макаровой К.Т., с. Юрла).

Как по синему морю

Как по синему морю три корабличка плывут.
Что и первый да корабличек со сукнами да немецкими.
Что и второй-то да корабличек да со шелками да турецкими.
Что и третий-то да корабличек всё со добрыми, со добрыми молодцами.
Ты позволь мне, да моя матушка, тот кораблик да удержать,
Да тот кораблик удержать — молодцев в терем позвать!
Корабель-то к терему пристаёт, молодец в терем идёт,
Молодец в терем идёт да меня за руки берёт,
Душой-девицей да зовёт да и подарки раздаёт.
Перстень на руку надел, поцелуя захотел.
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Как на дубчике голубчики ...

Как на дубчике голубчики сидят, меж собою разговаривают,
Ой вы, розы, розы алые мои, меж собою разговаривают.
Меж собою разговаривают, добра молодца выхваливают.
Ходит Ваня, улыбается, на тросточку опирается.
Ой вы, розы, розы алые мои, на тросточку опирается.
Его тросточка серебряная, часы новы, подзолочены,
Голова его кудрявая, походочка смелобравая.
Ой вы, розы, розы алые мои, походочка смелобравая.
Много Ванюшка в народе побывал, много Ванюшка деньжонок добывал.
Ой вы, розы, розы алые мои, много Ванюшка деньжонок добывал,
Из неволюшки сироток выкупал.
Ой вы, розы, розы алые мои, из неволюшки сироток выкупал.
(Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г.р., с. Юм).

По улице рамада (II)

По улице рамада, по улице рамада, по улице рамада, -мада, -мада, -мада,
-мада.

Жена мужа продата, жена мужа продата, жена мужа продата, -дала, -дала, -дала, дала.

За три гроша серебра, за три гроша серебра, за три гроша серебра, -ебра, -ебра, -ебра, -ебра.

Закупить бы мне коня, закупить бы мне коня, закупить бы мне коня, мне коня, мне коня, мне коня, мне коня,

Распахать бы три поля, распахать бы три поля, распахать бы три поля, поля, поля, поля.

Перво поле под овёс, перво поле под овёс, перво поле под овёс, овёс, овёс, овёс, овёс,

Друго поле под ячмень, друго поле под ячмень, друго поле под ячмень, -чмень, -чмень, -чмень, -чмень,

Третье поле под рожь, третье поле под рожь, третье поле под рожь, под рожь, под рожь, под рожь, под рожь,

Сделаю я солоду, сделаю я солоду, сделаю я солоду, -лоду, -лоду, -лоду, -лоду,

Наварю я пивушка, наварю я пивушка, наварю я пивушка, -ушка, -ушка, -ушка, -ушка,

Созову я всех гостей, созову я всех гостей, созову я всех гостей, гостей, гостей, гостей, гостей.

(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

По юлице рамада (I)

По юлице, по юлице рамада, мода, мода

Жена мужа продал, жена мужа продата,

Продата-дала-дала-дала.

За три гроша серебра, серебра-ребра-ребра.

Закушить бы мне коня, мне коня, коня, коня,

Распахать бы три поля, три поля.

Перво поле — под овёс, под овёс, овёс.

Другое поле — под ячмень, под ячмень, ячмень.

Третье полношко — под рожь, всё под рожь, под рожь.

Сделаю я солоду, солоду, солоду-лоду-лоду,

Наварю я пивушка, пивушка-ушка, ушка,

Созову я всех гостей, всех гостей, гостей...

(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Как под яблонькой

Лёли-лёли, как под яблонькой, лёли-лёли, под кудрявою,

Лёли-лёли, тут келья стоит, лёли-лёли, в келье старица сидит.

Лёли-лёли, перед ней чернец стоит, лёли-лёли, таки речи говорит:

«Лёли-лёли, ах ты, душенька, встань, лёли-лёли, да спасена, подымись!

Лёли-лёли, чу, к обедне звонят, лёли-лёли, чу, часы говорят!»!

– «Лёли-лёли, уж я, право, не могу, лёли-лёли, уж, ей-богу, не могу!
Лёли-лёли, права рученька болит, лёли-лёли, лева ножка отнялась»!
Лёли-лёли, как под яблонькою, лёли-лёли, под кудрявою,
Лёли-лёли, тут келья стоит, лёли-лёли, в келье старица сидит.
Лёли-лёли, перед ней чернец сидит, лёли-лёли, таки речи говорит:
«Лёли-лёли, ах ты, душенька, встань, лёли-лёли, да спасена, подымись.
Лёли-лёли, что во гусли-то играют, лёли-лёли, во свирели говорят».
– «Лёли-лёли, уж как встать было мне, лёли-лёли, поплясать было мне.
Лёли-лёли, права ручка не болит, лёли-лёли, лева ножка зажила.
Лёли-лёли, я весела, молода»!
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Как по тропке, по тропинке

И как по тропке, по тропинке, ой, по тропинке,
А бежал лёгонький детинка, ой, да детинка.
Он не в шубке, не в кафтане, ой, не в кафтане,
В однорядном да камзоле, ой, камзоле.
Зелен камзол нараспашку, ой, нараспашку.
За ним бежит красна девка, ой, красна девка,
Кричит: «Молодец, попляшем, ой, да попляшем,
Разудалый, потанцуем, ой, потанцуем».
Ихни ноженьки заплясали, ой, заплясали,
Головушки закивали, ой, закивали,
Очи ясные замигали, ой, замигали,
Резвы ноженьки заступали, ой, заступали.
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Кадриль в коленях

1 часть.
Ох вы сени, мои сени, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые.
Еще знать-то мне по сеничкам не хаживати,
Да милого за ручку не важивати.
Выходила молода за новые ворота,
За новые, кленовые, за решетчатые.
Выпускала сокола из правого рукава.
На отлётике соколу наказывала:
Ты лети, лети, соколик, высоко, высоко,
Сколь высоко и далеко – на родиму сторону.
На родимой на сторонке родный тятенька живет.
Он грозён и грозён, много милостливый,
Много милостливый, много жалостливый.
Не отпустит молоду да поздно вечером одну.

Не послушаю отца, распотепу молодца.
Да за то его потешу, что один сын у отца.
Он один сын у отца, уродился в молодца.
Зовут Ванюшею-пивоварушею.
Пиво-то варил, зелено вино курил,
Зелено вино варил, да к себе девушек манил.
Вы пожалуйста девицы на поварню на мою,
На мой-то на поварне много пива да вина.
Много пива да вина, сладкой водки два ведра.

2 часть.

Ой, где ж мы со миленьким не хаживали,
Ой, где мы со хорошеньким не гуливали.
Были за морем глубоко, за горами высоко,
Да в чистом поле далеко.
Сошлись мы с миленьким во садичке,
Сорвали да с хорошеньком по яблочку.
Разрушили, да вместе скушали.
Разошлись, поклонились, поздоровались.
Ты здорово, черноброва, здравствуй, ягода моя,
Попелуй, сказал, меня.

3 часть.

Ох, со вечера рябину дождиком мочило,
Да с полуночи кудряву ветром развивало.
Ветер дует, солнце греет, рябина алеет,
Рябина алеет, милый мой далее.
Милый мой далее, да меня не жалеет -
Да не со мной танцует.
Не танцует он со мной, со девицей молодой.

4 часть.

Ой, с пола голуба вода с песком,
Ой, с пола зеленова, золота струя бежит.
Ой, струйка за струйкой
Сама лебедь плывет.
Ох, белая лебедушка-девушка.
А ясный соколик удалой молодец.
Ох, где его не вижу,
Об нем жить не могу.
А где его увижу сердце взрадуется,
И кровь по лицу сплонируется.
Золоты соперники рассыпаться хотят,
Рассыпаться хотят, целоваться нам велят.

5 часть.

Чижи́чек, чижи́чек, маленький воробушек.

Да у чижи́чка на руках лежит красавица.

Видит чижи́чка во сне улыбается.

Что за радость, да веселье

Пошли дамы танцевать,

Пошли дамы танцевать,

Стали чижи́ка играть.

Чижи́чек, чижи́чек, маленький воробушек.

Да у чижи́чка на руках лежит красавица.

Видит чижи́чка во сне улыбается.

(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Солдатские и казацкие песни

Солдатские песни, песни о войне — значительная и чрезвычайно любимая в народе часть песенного репертуара. В них человек предстает в минуты сильнейшего душевного напряжения, когда проявляются его лучшие качества. Публикуемые в разделе песни разнообразны по тематике — это песни о сражениях, песни семейные, любовные и даже шуточные. По большей части в них отражены трогательные воспоминания солдата о родной стороне, о доме.

На возморье мы стояли

На возморье мы стояли, на германском берегу.

На возморье мы смотрели, как волнуется волна.

Не с моря туман поднялся, сильный дождичек пролил.

Из-за этого тумана враг германец выходил.

Врешь ты, врешь ты, враг — германец, тебе неоткуль прийти

Как у русских войско много, русский любит угостить.

Угостим свинцовой пулей, на закуску штык стальной.

Штык стальной четырехгранный грудь немецкую пронзил.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

О чем задумался, служивый

О чем задумался, служивый, о чем горюешь молодой?

Разве служба надоела, заболел твой добрый конь?

Конь болезни не боится. Здоров он, весел, громко ржет.

Коню на месте не стоится, копытом землю грозно бьет.

Скажи, товарищ, здесь нас двое, иль ты красотку полюбил?

Не люблю я той красотки, и не по ней скучаю я.

Люблю я сторону родную, и улетел бы соколом.

Взялся, взялся бы высоко и увидал бы далеко.

Вижу новое селенье, стоит там старая изба.

Перед иконою святою стоит старушка — мать моя.
Она об сыне сомневалась, что сын далече от неё.
Не успела слово молвить, сын ступал через порог.
Здравствуй, тятка, здравствуй, мамка,
Здорово вся моя семья!
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Вы поля ли поля

Вы поля ли поля, вы широки поля,
Как на тех на полях урожай-от нема.
Только тот урожай — кучерява верба,
Как под тою вербой солдат битый лежит.
Он и бит и побит, весь израненный.
Голова у него вся иссеченная,
Бела грудь у него вся израненная.
На груди у него крест золотый лежал,
А в ногах у него конь вороный стоял.
Уж ты конь, ли мой конь, конь, товарищ ты мой,
Ты бежи — ко, мой конь, во в Россию домой.
Не скажи — ко, мой конь, что я битый лежу,
А скажи — ко, мой конь, я женатый хожу.
Оженила меня пуля быстрая, обвенчала меня сабля острая.
Все невеста моя — гробовая доска.
Все де теща моя — мать сырая земля.
Все де тестюшко мой — крест дубовый стоит.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Мамашенька бранится

Мамашенька бранится, о чем дочи грустна?
Сама про то не знала, кого ж я любила.
Люблю дружка смертельно. люблю я всей душой.
Как он меня не любит, смеется надо мной.
Не смейся, друг любезный, не смейся надо мной.
Господь тебя накажет несчастного судьбой.
Несчастливого, злосчастной неверною женой.
Не в поле ветер свищет, военный гром гремит.
Никто так не страдает, как мой мил на войне.
Пришло письмо печально, что мой милой убит.
Убит и не схоронен среди поля лежит.
Шинель его, фуражка на кустике висит.
Сюртук и опояска под кустиком лежит.
Была б я птичкой — пташкой, слетала бы к нему.
Все косточки собрала, во гробичек склала.

Во гробичек бы склала, цветами уклала.

Цветами бы оклала, слезами б улила.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Не ветер в поле свищет

Не ветер в поле свищет, военный гром гремит.

Никто так не страдает, как мил мой на войне.

Пришло письмо печально, что мой милой убит.

Убит и не схоронен, среди полей лежит.

Шинель его, фуражка на кустике лежит.

Была бы птичкой-пташкой, слетала бы к нему.

Все косточки собрала, цветами оклала.

Цветами бы оклала, слезами улила.

(Усть-Зула, Юрл.).

Маруся

Здравствуй, милая Маруся, здравствуй, цветик голубой!

Мы приехали обратно с Красной Армии домой.

По глазам тебя я вижу, что меня ты не ждала,

Кари очи опустила, сердце бьется у тебя.

Я писал тебе, Маруся писем двадцать от себя,

А ты, милая Маруся, мне ответа не дала.

Упрекала ты на это, что неграмотная я.

Позвала бы кого-либо, написал бы от тебя.

А ты думала, Маруся, что убит я на войне

И зарыты мои кости в чужой дальней стороне,

Пуля меткая пробила шинель серую мою.

И поэтому вернулся я на родину свою

Не страшна была мне пуля, не боялся я штыка,

А страшна была мне слава, негодяйка, про тебя.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

В чистом поле, под раkitой

В чистом поле, под раkitой, где клубится по ночам туман,

Там лежит в земле зарытый, там схоронен красный партизан.

Я сама героя провожала в дальний путь, на славные дела,

Боевую саблю подавала, вороного коня подвела.

Партизан отважный, непокорный, он изъездил тысячи дорог,

А себя от мести чёрной, от злодейской пули не сберёг.

На траву да на степную он упал прострелянный в бою,

За Советы, за страну родную отдал жизнь геройскую свою.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Жил на свете красивый парнишка

Жил на свете красивый парнишка.
Для девчат он был просто гроза:
Кудри чёрные, чёрные брови,
Голубые большие глаза.
Вот настало суровое время,
Над страной прогремела гроза,
Взяли в армию милого друга,
Голубые большие глаза.
До вокзала его провожали:
Я, подруга и старая мать.
Он уехал далеко, далеко,
Он уехал на фронт воевать.
Дни за днями идут чередой,
Месяцами слагается год.
Только парень чего-то не пишет,
Даже девушке адрес не шлёт.
Вот я помню, числа-то такого,
Утром рано, весенней порой
Кто-то робко в окно постучался.
Это парень вернулся домой.
Мама, мама, вернулся обратно.
Может, в этом я вовсе не прав.
Только вместо руки его правой
Как-то странно болтался рукав.
Мать взглянула, его не узнала:
Этот парень был вовсе другой,
Кудри чёрные наголо сбиты,
Пулей выбитый глаз голубой.
(Поэж Юрл.)

Уеду, уеду...

Уеду, уеду из края родного, уеду совсем, навсегда,
Живи, моя Шура, живи, дорогая,
Живи, наслаждайся одна.
Такие-сякие, теперь люди злые
Зачем объявили войну.
Злодейка да пуля меня поразила
И с ног я на землю упал.
Под руки недаром меня подхватили,
И быстро снесли в лазарет.
Лежу в лазарете. лежу я, болею,
Наверно, я скоро помру.
Подайте чернила, перо и бумагу,

Я Шуре письмо напишу.
Пускай моя Шура письмо прочитает,
Что я в лазарете лежу.
(Пожва Юсьв.)

Поехал казак на чужбину далёку

Поехал казак на чужбину далёку на добром коне на своём вороном.
Он край свою родину навеки покинул, ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая все утро и вечер на север глядит,
Все ждёт-поджидает с восточного края, откуда мой милый казак прилетит.
Казак умирает, друзей умоляет насыпать курганчик ему в зголовья.
На этом курганчике выросла калина, и разными цветами она расцвела.
Там за горами метелицы вьются и сильны морозы весною трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели, казацкие кости под снегом лежат.
(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.).

Поехал казак

Поехал казак на чужбину далекую,
На добром коне, на своем вороном.
Ой, край, свою родину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая,
Все утро и вечер на север глядит.
Все ждет, поджидает с восточного края.
Откуда мой милый казак прилетит.
Казак умирал, друзей умоляет,
Насыпать курганчик ему взголовья.
На этом курганчике выросла калина,
И разными цветами она расцвела.
Там за горами метелицы вьются.
И сильны морозы зимой трещат.
Где сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Казацкие кости под снегом лежат.
Поехал казак на чужбину далекую
На добром коне. На своем вороном.
Ой, край, свою родину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
(Усть-Зула, Юрл.).

Бежит речка-невеличка

Бежит речканевеличка, с бережками ровна.
Как за этою за речкой казак волю просит.
Отпустите, отпустите вы меня на волю.
— «Я бы рад бы отпустил, да ты долго не будешь.

Ты попей воды холодной, милочку забудешь».

Пил я воду, пил холодну, пил я, напивался,

Любел девку черноброву, ею любовался.

Любовался, развлекался, померла Надежда.

Тут остался конь вороный, сбруя золотая.

Коня ведут, меня несут, конь голову клонит,

Молодая каторжанка, она платье мыла.

Она мыла, колотила, туго выжимала.

Выжимала, уронила золото колечко.

С кем баяла-говорила, не молвил словечко.

(Липухина Юрл.).

Из-за Дону-то, Дону тихого

Из-за Дону-то, Дону тихого, из-за крутого бережочка.

Из-под синего камешочика вытекала река, река быстрая.

Речка быстрая, хоботистая, хоботистая омутистая.

По названью река – речка Жеженка.

Как по той реке плывет лодочка, лодка новая, лодка черная.

Лодка черная, лодка смоленая.

Как во той лодке есаул с веслом, есаул с веслом, атаман с ружьем,

А в корме – то у них красная девица

Атаманская полюбовница.

(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Шёл казак на побывку домой

Шёл казак на побывку домой, шёл он лесом, дорогой прямой,

Обломилась доска, подвела казака, искупался в реке ледяной.

Он зашёл на крутой бережок и костёр над рекою разжёл.

Мимо девушка шла и к нему подошла:

«Что случилось с тобою дружок»?

Отвечал ей казак молодой: «Осетра я ловил под водой.

Буйна речка быстра – не поймал осетра,

Зачерпнул я воды сапогом»!

Говорила казачка ему: «Не контись, дорогой, на дыму,

Уходить не спеши, сапоги просуши, разведём мы костёр на дому».

Тот казак был совсем молодой да к тому же ещё холостой.

Эх, дощечка, доска подвела казака, не дошёл он домой холостой.

(Юм Юрл.).

Гудела степь Донская

Гудела степь Донская от ветра и огня.

Казачка молодая садилась на коня.

Веселая девчонка с наганом на боку

Садилась, говорила седому казаку:

«Прощай, отец мой родный,
Прощай, старушка-мать,
Я еду за свободу, за жизнь воевать».
Сказала и промчалась по ветренной пыли,
А ей вослед шумели донские ковыли.
(Зап. от Невотиной К.И., 1923 г.р., п. Майкор Юсьв.; Исполняется на мотив
«На Муромской дорожке»).

Неверная жена

Один из казаков, друтой из донских
Третий из калужских сбирались на бой.
Три года на битве сражался с врагом,
На четвертый годик поехал домой.
На плечах погоны, на грудях кресты,
Посреди дороги родитель попал.
«Здравствуй мой папаша, здорова ль семья?»
— Вся семья здорова, случилась беда,
Женка молодая родила дитя.
Сын отцу ни слова, сам сел на коня,
К дому подъезжает, к родительскому.
Мать сына встречает с иконой святой,
Братья его, сестры с бутылкой вина,
Женка молодая с малюткой на руках.
Закипело сердце в солдатской груди
Заблестала сабля в могучей руке,
Повалилась с плеч головка с неверной жены.
Вышел за ворота людей созывать:
«Собирайтесь, люди, жену хоронить.
Жену во могилу, меня в кандалы,
А маленьку малютку в воспитательный дом.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Вечер опустился

Вечер опустился в тёмной синей дымке,
Солнышко за лесом спряталось давно.
Бережком холмистым ехали танкисты
На ночевку в ближнее село.
Молодых танкистов девушка встречала.
«Не видали, хлопцы, моего дружка?
Парень он плечистый, всех он голосистей,
Крепко бьёт в сражении врага».
Отвечали хлопцы: «Все мы здесь плечисты,
Все мы голосисты, крепко бьём врага,
Парни молодые, хлопцы удалые,

Крепко бьём в сражении врага».
Девушка смутилась: что же им ответить,
Посмотрела вдаль и говорит:
«Вдоль реки едет, едет Ваня милый,
Орден красный на груди горит».
(Юрла)

Вечер вечерееет

Вечер вечерееет, солдата сердце мрет.
Берет ружье, патроны, дозором в ночь идет.
Сидит он до полночи в окопчике сыром,
А немец то и делает: он фруэн всё поет.
А в первый день от Пасхи письмо я получил.
А в том письме мне пишут: Колчак отца убил.
А два брата упали в деникинском бою.
Но кто ж теперь прокормит родную мать мою?
На третий день я Пасхи письмо домой пишу:
«Мамаша, не печалься, я скоро отслужу».
На пятый день я Пасхи письмо домой пишу:
«Родимая мамаша, я раненой лежу.
Но рана небольшая, по локоть нет руки,
Другая не опасна — лишился я ноги»
Лежу я в лазарете на коечке своей,
Два доктора с сестрицей ухаживают за мной.
Доктор поит лекарством, сестра касторку льет.
За что вы нас стубили, младую нашу жизнь?
Быть может, я виновен, но мать моя причем?
Распрокляты немцы убили кирпичом.
(Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А., д. Зюздино, Юрл.)

Вы поля ли поля ой вы широки

Вы поля ли поля ой вы широки
Поля да как на снег на поля
Эх, урожай-от не мал.
Как на тех на полях — эх, урожай-от не мал.
Только тот урожай — ой, кучерява верба.
Только тот урожай — кучерява верба.
Да как под тою вербой, ой, солдат битый лежал.
Как под тою вербой солдат битый лежал
Да он ведь бит испобит, ой весь израненной.
Он ведь бит испобит и весь израненной
Да голова у него ой вся иссеченная,
Голова у него ой вся иссеченная,
Да бела грудь у него ой вся израненная.

А в ногах у него ох конь вороной стоял
Ох ты, конь ли мой, конь вороненькой.
Ох ты, конь ли мой конь, ты товарищ мой.
Да ты бежи-ко, мой конь, ой во Россию домой.
Ты бежи-ко, мой конь, ой во Россию домой
Да не скажи же, мой конь, ой, что я битый лежу.
Не скажи же мой конь, что я битый лежу.
А скажи же мой конь, что женатой хожу.
А скажи жо мой конь, что женатой хожу,
Да оженила меня ой пуля быстренькая.
Оженила меня ой пуля быстренькая
Да обвенчала меня ой сабля да остренькая.
Обвенчала меня ой сабля остренькая.
Да тут невеста моя ой гробовая доска.
Тут невеста моя ой гробовая доска.
Да тут де теща моя ой мать сырая земля.
Тут де теща моя ой мать сырая земля.
Да тут и тестюшко мой, ой крест сосновой стоял.
(Зап. от Невотиной К.И., 1923 г.р., п. Майкор Юсьв.).

Ну-ко, эй по дороге, эй по дороге

Ну-ко эй, по дороге, эй, по дороге,
Эй, по дороге, войско красное идет.
По дороге войско красное идет.
Эх, оно стройно да ну да эй оно стройно.
Оно стройно песню звонкую поет.
Оно стройно песню звонкую поет.
Эх, мы сражались да ну да эй мы сражались.
Мы сражались за народ за трудовой.
Мы сражались за народ за трудовой.
(Зап. от Невотиной К.И., 1923 г.р., п. Майкор Юсьв.).

По деревне тихой днём бродили гуси

По деревне тихой днём бродили гуси,
Солнце разливалось, затопив сады,
Где росли в деревне Вася да Маруся,
А ещё Иван да Марья — жёлтые цветы.
И над тихой Русью день проходит с грустью.
И над небом виснут чёрные кресты.
Провожала Ваню девушка Маруся,
А ещё Иван-да-Марья — жёлтые цветы.
Злая вражья пуля выследила Ваню,
Помутнилось небо, падая в кусты,
Обагрился кровью белый одуванчик,

А ещё Иван-да-Марья — жёлтые цветы.
Раннею весною возвратились гуси.
«Неужели, Ваня, не вернулся ты»?
Где упали слёзы девушки Маруси,
Там цветут Иван-да-Марья — жёлтые цветы.
(Юм Юрл.).

Там при долине

Там при долине, ой, да там при долине,
При долине, да при широкой долине,
При долине, при широкой долине.
Ой, да эх да летели, эх, да летели
Там летели сизокрылые орлы,
Там летели сизокрылые орлы.
Эх, они сели, да, ох, они сели,
Они сели у вдовьюшки в огород,
Они сели у вдовьюшки в огород.
Эх, встань, проснися, ох, да, эй, встань, проснися,
Встань, проснися ты, вдовьюшка молода,
Встань проснися ты, вдовьюшка молода.
Там при дороге, ой, да там при дороге,
При дороге рота-ротушка идет,
При дороге рота-ротушка идет.
Эх, твова мужа, да, ой, да, эх твова мужа
Во повозочке ведут, твоово мужа во повозочке везут.
Там при долине, да, ой, да там при долине,
Да схоронили да молодого казака, схоронили молодого казака.
Ой, да там посадили, ой, до там посадили,
Посадили черновую калину, посадили черновую калину.
Эх, расти, расти, да, ой, да, эх, расти, расти,
Расти, расти, черновая калина, расти, расти, черновая калина.
Эх, гуляй, гуляй, да эх, гуляй, гуляй,
Гуляй, гуляй, молодая вдовьюшка,
Гуляй, гуляй, молодая вдовьюшка.
(Зап. от фольклорного ансамбля «Калинушка», с. Пож Юрл.).

Поля ли поля

Поля ли поля,
Вы широки поля.
Да как на тех на полях
Урожай немал.
Да только тот урожай —
Кочевая верба.
А трава, да как на той на траве

И солдат битой лежит,
Как на той на траве
И солдат битой лежит.
Он и бит, и побит,
Весь израненной.
Он и бит, и побит,
Весь израненной.
Да прошила ему грудь
Пуля острая,
Подкосила его
Сабля острая.
Да возль него стоит
Конь вороненькой.
Ой, ты, конь, ты, мой конь,
Ой, конь вороненькой,
Ты, леги, конь, мой конь,
Ой, вороться во Россию домой,
Ты беги-то, мой конь,
Во Россию домой.
Расскажи-ка, мой конь,
Что я битый лежу,
Расскажи-ка, мой конь,
Ой, что я битый лежу, да и побитый.
Ой, меня пуля быстрая
Побила меня,
А пуля быстрая.
Да покосила меня
Сабля острая.
Я ж помру, я ж помру.
Похоронят меня,
Да и родные не узнают,
Где могилка моя.
На мою на могилку,
Знать, никто не придет.
Да только ранней весной,
Ой, да соловей пропоет.
Да только ранней весной,
Ой, да соловей пропоет.
Он пропоет и просвищет,
Он пропоет и просвищет
И опять улетит домой.
А бедная могилка одинока.

(Зап. от Жениной Е.М., 1921 г.р., с. Усть-Зула Юрл.).

Ехали солдаты

Ехали солдаты со службы домой,
На плечах погоны, на грудях кресты.
К дому подъезжают, родительскому,
Видят, по дорожке родитель идет.
— Здравствуй, мой папаша!
— Здорово, сын родной.
Расскажи, сыночек, про службу, сына». —
— Служба, слава Богу, убавилася.
Служба, слава Богу, убавилася.
— Расскажи, папаша, про семью мою.
Расскажи, папаша, про семью мою.
— Семья, слава Богу, прибавилася.
Молодая жёна сына родила.
Сын отцу ни слова, сел на коня.
Эх, подъезжали к дому родительскому.
Мать стоит с улыбкой, жёна во слезах.
Эх, мать сына просила:
— Прости, сын, жену.
— Тебя, мать, прощаю, жёнку никогда.
Заблестела сабля в правой руке,
Слетела головка с неверной жены.
Боже, ты мой, Боже, что я наробил,
Жёнку я зарезал, сам себя сгубил.
Жёнку похоронят, меня заберут,
Маленьку малютку в приют отдадут.
(Зап. от Мышкиной К.А., п. Чуртан Гайн.).

Ох, женился наш князь лет двенадцати

Ох, женился наш князь лет двенадцати.
Он себе жёнушку взял, ох, лет пяти годов.
Он себе жёнушку взял, ох, лет пяти годов.
Он с женою-то жил ровно три года.
Он с женою-то жил ровно три года.
На четвертый год на войну пошел.
Прослужил ровно семь годков,
На восьмой-от он год он домой-ту пошел.
На восьмой-от он год он домой-ту пошел.
Он домой-то пошел, встречу встретили.
Он домой-то пошел, встречу встретили.
Встречу встретили две монашечки.
Встречу встретили две монашечки.
Две монашечки, ох, чернокнижечки.
Ох, ты князь ли наш князь, молодой ты князь,

У тя дома-то, князь, ох, не по-старому.
У тя дома-то, князь, не по-старому.
Не по-старому, ох, не по-прежнему.
Молода-то жена стала гульная,
Стала гульная, ох, очень вольная.
Стала гульная, стала вольная.
Ох, новы платьицы все изношены.
Новы платьица все изношены,
Кони-соболи, ох, все изъезжены.
Кони-соболи все изъезжены,
В новой спаленке, ох, колыбель висит.
В новой спаленке колыбель висит.
Рассердился наш князь, ох, он разгневался.
Рассердился наш князь, он разгневался.
Он ведь сел на коня, ох, сел на быстрого.
Он ведь сел на коня, сел на быстрого.
Подъезжает он к дому к отцовскому.
Подъезжает он к дому к отцовскому.
Молода-го жена, ох, вышла, встретила.
Молода-то жена вышла, встретила.
И на семь же годов, ох, солнца не было.
И на семь же годов солнца не было.
На восьмой год, ох, высоко взошло.
На восьмой-от же год высоко взошло.
Рассердился наш князь хуже прежнего.
Рассердился наш князь хуже прежнего.
Он ведь снял тут с плеч головушку.
Он ведь снял тут же с плеч головушку.
С плеч головушку, с плеч невинную.
С плеч головушку, с плеч невинную.
Побежали во двор кони-соболи.
Побежали во двор кони-соболи.
Ох, по колен в грязи.
Кони-соболи по колен в грязи,
По колен-то в грязи они не езжены.
Он и в спаленку зашел, колыбели нет.
Он и в спальню зашел, ох, колыбели нет.
Сундучки посмотрел — цветны платьица.
Цветны платьица все не ношены.
Цветны платьица все не ношены.
Рассердился тут князь на монашечек.
Он догнал только их, ох, чернокнижичок
(Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А., д. Зюздино Юр.).

Эсминец

На море на рейде эсминец стоял,
Матросы с родными прощались,
А море таило покой красоты
И где-то вдали исчезало.
А там, у садочка, где пел соловей,
Он пел свою песню, играя,
С девчонкой прощался моряк молодой,
Надолго её покидая.
Он обнял девчонку, подружку свою,
Она как дитя зарыдала.
Два сердца слились как будто в одно,
И сразу дышать легче стало.
На палубе боцман стоял и смотрел,
Как будто над ними смеялся.
Раздалась команда поднять якоря,
Свист боцмана резкий раздался.
Он снял бескозырку, махнул ей рукой,
Прощай, дорогая Маруся,
Вот скоро возьмём Севастополь родной,
К тебе дорогая вернуся.
У моря на рейде эсминец стоял,
Матросы с родными прощались,
А море таило покой красоты
И где-то вдали исчезало.
(Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва Юсьв.)

В лесу затихли пташки

В лесу затихли пташки, не слышно голоса,
В лесу затихли пташки, не слышно голоса,
Сидят тихи пташки, не слышно голоса.
Два смелых партизана оружием гремят,
Входят они в избу, садятся на кровать.
А бедная козяйка в чулане слезы льет.
Один из них заметил, другому говорит:
«Козяйка, ты, козяйка, о чем ты грустишь?»
Козяйка, ты, козяйка, о чем ты грустишь?»
«Ну, как же мне не плакать? Ну как мне слез не лить?»
Мне не плакать? Ну как мне слез не лить?»
(Зап. от Сабуровой А.А., 1936 г.р., с. В. Лобаново Юрл.).

Листья выпадают

Листья выпадают сикось-накось —
Пришла весенняя пора,

Сентябрь месяц, аль октябрь, сама слякоть — непонятно.
Ребят всех в армию забрали — хулиганы, челки набок,
Пришла и очередь моя, головаря.
Пришла повестка на бумаге, тертой, мятой, туалетной,
И вызывают в военкомат.
Маманя в обморок упала, к стенке задом.
Сестра сметану пролила — коту на рыло,
Вот, скотина, тыщу сорок раньше было.
А я молоденький мальчонка,
Лет семнадцать, двадцать, тридцать,
На фронт германский, прямо к немцам, через горы.
Летят по небу самолеты-бомбовозы
Хотят засыпать нас землей — али навозом,
Самым гадким, первым сортом.
А я молоденький мальчонка,
Лет семнадцать, двадцать, тридцать,
Лежу с оторванной ногой,
Глаза в кармане, челюсть рядом, притворяюсь, будто больно.
Сестра Маруся мне сказала: «Дай, перевяжу»
Да хоть канатом, хоть веревкой.
Бежит по полю Ефросинья, юбка синя,
Морда тоже — с перепоею,
И со спидометром в зубах.
А на спидометре сто двадцать.
Идет по полю Афанасий, семь на восемь,
А сам в кирзовых сапогах — на босу ногу...
(Зап. от Андреевой Н.П., 1972 г.р., Никитиной М.Д., 1976 г.р., с. Пож
Юрл.).

Тюремные песни

В народной среде немало встречается тюремных песен. Вероятно, любовь к ним связана с тем, что здесь всегда высокий накал страстей, а главное — непосредственное, прямое выражение страдающей души. Среди них встречаются и тексты, отмеченные высоким лирическим подъёмом. Строки, рожденные страданием, муками согрешившей души, очень часто обретают свойства наивной, но чистой поэзии. Среди публикуемых — песня-парафраз на тему пушкинского «Сижу за решеткой» («Сижу я в неволе...»), песня балладного характера «Как на Московском на суду», «тюремный» вариант широко известной любовной песни «Мил по садику гулял».

Не спится мне и не лежится

Не спится мне и не лежится, и сон на ум нейдёт.
Приди же, приди, дорогая, приуспокой меня.

— Не раз я, не два приходила к тюремным воротам.
Все камеры были закрыты, и стража по местам.
— Ой, врешь же ты, врешь, дорогая, не раз ты не была.
Все камеры были открыты, и стража вся спала.
Уж выйду я, выйду на волю, жестоко отомстю,
Все кости тебе приломаю, все жилки перерву.
Живую в могилу зарюю, и сам в тюрьму пойду.
(Зап. от Подкиной М.Ф., 1941 г.р. д. Васькова Юрл.).

Солнце низко, вечер близко

Солнце низко, вечер близко, моему да сердцу, ох, мол, тяжело.
Пройдет зима, настанет лето, в полях да цветочки, ай, мол, расцветут.
Да меня, бедного мальчишку, в железные цепи, ой, да, мол, закуют.
Да закуют меня, завяжут с головы до самых резвых ног.
Да назовуся я бродягой, не помню я родину, ой, да свою.
Час двенадцатый пробил, часовой обед да несет.
Да несет чашку, ох, несет ложку, несет да блюдо, ой, мол, кислых штей.
Да посмотрел я в это блюдо, там де да полно червяков.
Да вспомнил тятку, вспомнил мамку, вспомнил я родину, ой, да свою.
(Зап. от Отеговой Н.Д., Штейникова М.А., д. Титова Юрл.).

Пройдёт зима

Пройдёт зима, настанет лето, в полях цветочки зацветут,
Пройдёт и лето, настанет осень, в полях цветочки пропадут.
Меня же, бедного мальчишка, в железны цепи закуют.
Назовуся я тогда бродягой, не помню я родину. верно, свою.
Не помню тятку, не помню мамку, не помню брата и сестру.
Вейся, вейся, чёрной ворон, до двенадцати, верно, часов,
А в двенадцать вдоль по коридору повар ужинать несёт,
Хлеба чёрствого да супа, да супа полно червяков.
Вспомню тятку, вспомню мамку, да вспомню родину свою,
Вспомнил мягкую постелю да свой да соломенный, верно, матрас.
(Липухина Юрл.).

Сижу я в неволе, в неволе такой

Сижу я в неволе, в неволе такой,
В неволе такой.
Пишу я записку своею бедной,
Своею бедной.
Пишу я другую, бросаю в окно,
Бросаю в окно:
«Товарищ, товарищ, давай полетим,
На синее морё, за тёмны леса,
Где солнце не греет, не светит луна,

Где люди не робят, где праздник всегда.

(Липухина Юрл.).

Мил по садику гулял

Мил по садику гулял,

Мил по садику гулял да много трав он притоптал,

Много трав он притоптал.

Много трав он притоптал, да ворона коня имал.

Ворона коня имал.

Ворона коня имал да на обротку обротал,

На обротку обротал.

На обротку обротал да во седёлышко седлал,

Во в седёлышко седлал.

Во в седёлышко седлал да во в стремёнышки вступал,

Во в стремёнышки вступал.

Да уж ты, конь мой вороной, уж ты, конь мой вороной,

Уж ты, конь мой вороной да увези меня домой,

Увези меня домой.

Увези меня домой да к отцу, к мамоньке родной,

К отцу к мамоньке родной.

Уж ты, мамонька моя, да выручай-ко ты меня,

Выручай-ко ты меня.

Выручай-ко ты меня да из неволи, из беды,

Из неволи, из беды.

Из неволи, из беды, да из проклятой из тюрьмы.

(Зап. от Бугаевой М.М., 1924 г.р., с. Юрла).

Как на Московском на суду

Как на Московском на суду своими видел я глазами —

Судили девушку одну, она дитя была годами.

И вот объявлен этот суд, и зал заполнился народом.

Она просила говорить, и судьи ей не отказали.

«Я в вора влюблена была и воровать за ним ходила,

Ушла от матери, отца, о, судья, его убила.

Перед своими он друзьями он часто хвастался другой,

Меня он, судьи, презирал, не дорожил он, судьи, мною.

И вот во сквере небольшом я отомстить ему решила.

Вонзила нож ему в грудак, о, судьи, я его убила.

(Юрла)

Здравствуй, мать

Здравствуй, мать, прими привет от дочки,

Пишет дочь тебе издалека.

Я жива, но жизнь моя разбита,

Одинока и нищенски горька.
Пить, курить я рано научилась,
Воровать я тоже врань пошла,
Пила-курила все ночи до рассвета.
Про тебя забыла, мать моя.
Вспомни, мать, играла я на сцене,
Веселила рабочий весь народ,
А часто-часто, дорогая,
Дожидала ты дочку у ворот.
Жаль, что брата больше не увижу
И сестру, которую люблю,
А тебе, моя родная мама,
Я на прощанье крепко руку жму.
(Зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., п. Майкор Юсвь.).

Что с тобою, мой миленький мальчик

Что с тобою, мой миленький мальчик?
Если болен, врача позову.
Мама, мама, мне врач не поможет,
Я влюбился в девчонку одну.
У нее, мама, русые косы,
Голубые, как небо, глаза.
Юбки носит в фасон чарльстона,
И веселая, как стрекоза.
Знаю, знаю, мой миленький мальчик,
Я сама таковая была.
Поллюбила отца-хулигана
За его голубые глаза.
(Зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., п. Майкор Юсвь.).

Любовные песни

Представленные в разделе любовные песни, бытующие в крае, разнообразны по песенным сюжетам. Они посвящены ожиданию любимого, встречам и свиданиям, но по большей части – осложнениям любовных отношений, изменам и разлукам. Включены в раздел и редкие в настоящее время семейные песни (чаще всего – песни о муже, см. напр. песню «Лучина»). Относясь к бытовым песням, любовная песня является одним из наиболее богатых и хорошо сохраняющихся разделов народной поэзии – поэтому так много встречается здесь вариантов текстов.

Пути формирования репертуара бытовой народной лирики разнообразны. Так, песня «Соловей кукушку уговаривал», восходя к исторической балладе о завоевательных походах Ивана Грозного на Казань, стала сюжетом о любовных взаимоотношениях парня с девушкой.

Любопытная особенность здешней песенной традиции — введение в тексты песен разнообразных «украинизмов» (ср. в песне «Взойди, солнце, за оконце» — «Будем спаты на кровати», в песне «А за лугом зелененьким» — «Бросил косу на дубреньку, а сам пишел до доменьки»). Мотивированное общефольклорной тенденцией (стремление фольклорный язык противопоставить повседневному, бытовому), явление, безусловно, усилено тем, что на территории округа в свое время было выслаано немало украинцев.

Зеленая веточка (I)

Зеленая веточка, ты куда, ветка, плывешь,
Ни краю, ни бережка, ветка в море, право, пропадешь.
Что мне за причинушка, моя жизнь недорога,
На горе высокой два креста новых стоят,
Под доской дубовою два дружка милых лежат.
Могила, могилушка, нет ли дружка здесь моего?
Могила ответила: «Не бывало здесь его».
Под горой высокою сырой дубичек стоит,
На этом на дубичке новая клеточка висит.
Во этой клеточке соловей — пташка сидит.
Соловей, соловушка, что ты корму, корму не клюешь,
Повесил головушку, звонких песен, песен не поешь?
Клевал бы я зернышки, да клёвушки нет,
Пел бы я песен, да голосу нет.
Золотая клеточка сгубила меня.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Зеленая веточка (II)

Зеленая да веточка, ой, ты да куда, ветка, плывешь?
Ты да куда, ветка, плывешь — к берегу да несчастному.
Ох, ветка, да в море пропадешь.
Что мне за причинушка — ой, жди да в несчастной дальней стороне.
Что мне да за неволюшка ох, любить да милого дружка.
Любить милого дружка.
Да на горе высокой ох, две да могилушки лежат.
Две могилушки лежат, спрошу я да у первой -
Ох, нет ли да друга здесь моего?
Нет ли друга здесь моего?
Могила да ответила: «Ох, нету да нету здесь его».
Нету да нету здесь его».
Спрошу я да у второй — ох, нет ли друга здесь моего?
Ох, нет ли друга здесь моего?
Могила да ответила: «Ой, полно да думать тебе про него».
(Зап. от Бугаевой М.М., 1924 г.р., с. Юрла).

Соловей кукушку уговаривал

Соловей кукушку уговаривал:
Полетим, кукушка, во дальние края,
Ох, полетим кукушка во дальние края.
Мы соведем, кукушка, себе гнездышко,
Ох, мы соведем, кукушка, себе гнездышко,
Выведем, кукушка, двух детенышков.
Выведем, кукушка, детенышков,
Тебе кукушонка, а мне соловья,
Ох, тебе кукушонка, а мне соловья,
Тебе куковати, а мне воспевать».
Парень девуку сватал, уговаривал:
«Поедем, девчонка, в Казань-город жить,
Казань-город славный, на горе стоит.
Речушка Казанка мёдом протекла,
Мелки ручеечки со сладкою водой».
«Врёшь ты, врёмь, мальчишка, врёмь, обманывашь.
Город Казань грязный, под горой стоит.
Речушка Казанка кровью протекла,
Мелки ручеечки горячими слезьми».
(*Зап. от Сабуровой А.А., 1938 г.р., д. Лобанова Юрл.*)

Потеряла я колечко

Потеряла я колечко, потеряла с миленьким любовь,
Я об этом об колечке буду плакать день и ночь.
В поле аленький цветочек, всю долину украшал.
Коля миленький дружочек, он словами улещал.
Улестил Коля словами, сам уехал далеко.
Он уехал, меня бросил, спит малютка на руках.
Я отдам сестре малютку, сама в море утоплюсь.
Сколько раз в море тонула, не могла я дно достать.
Своими белыми руками пригребалась к бережкам,
Своими русыми косами устилала по волнам,
Своими зоркими глазами увидала рыбаков.
Рыбаки вы, рыболовы, закидайте невода,
Заловляйте рыбу щуку, красну девицу меня.
(*Лобанова Юрл.; В других вариантах концовка — «Зарыбачьте мне, рыбаки, свежу рыбу судака», зап. от Бугаевой М.М., 1924 г.р., с. Юрла.*)

Скучно, грустно мне на сердце

Скучно, грустно мне на сердце, без милого без дружка.
Вы идите, приведите, кого верно я люблю.
Полюбила я Ванюшу с кучерявой головой.
С кучерявой, сам он бравый, его кудри в три ряда.

Расчесал он свои кудри, сам по девушкам пошел.
Мостик, мостик, мостовинка, вплоть до милкиных ворот.
Мостовина подломилась, милый в речке утонул.
«Эх, вы, хлопцы-рыболовы, закидайте невода.
Закидайте, заловляйте моего мила дружка».
Трудно, трудно в синем море мелки камешки собирать,
А ещё того труднее — думу на душе держать.
Где мои младые годы, где мои семнадцать лет?
Утонули в сине море, и нигде на свете нет.
Тонет, тонет тройка коней, тонет мой миленочек,
Вы тоните, тройка коней, выплывай, миленочек.
(Зап. Бахматовым А.А. в д. Лобанова Юрл.).

На зеленой луговине

Ох, на зеленой луговине горит да печальная луна.
Не слышу я голоса родного, не слышу я песен ямщика.
Ох, ямщик да песенек пропевши, да пробил да тройку, ох, лошадей.
Ох, тройка борзая несется да со несчастным ямщиком.
Ох, со несчастным, со прекрасным, да с молодыми некрутьми.
Ох, пролегла та тор-дорожка, да тор- да дороженька торна.
Ох, когда на этой тор-дорожке да тут высок терем стоит.
Как же во в этом теремочке да красна девица сидит.
Она сидит и слезно плачет, да слезы льются, ох, из очей.
Ох, первая канула слезинка да на шиичный, ох, алой цвет.
А другая канула слезинка да на мою печальну грудь.
(Зап. от Мазеиной А.А., 1937 г.р., с. Юрла).

Нигде милого не вижу

Нигде милого не вижу, ни в деревне, ни в селе.
Только вижу я милого тёмной ночью в сладком сне.
Тёмной ночью в сладком сне, на патрете, на стене.
Патрет на стеночке висит, на меня, младу, глядит.
Пойду, выйду на крылечко, вижу, милый мой идет.
Не зови меня дружочком, я теперя, чур, не твой.
Я женился, перменился, не по нраву жену взял.
Я не буду, я не стану во согласи с ею жить,
Ой, только буду, только стану старопржежную любить.
(Зарубина Юрл.).

Взойди, солнце, за оконце

Взойди, солнце, за оконце, прикатися на восток.
Приди, приди ко мне, милый, хоть немножко, на часок.
Будем спаты на кровати, расскажу я тебе сон.
Сон про тебе, сон про мене, сон про нашу любовь.

Как ты клялся, зарекался, говорил- будешь моя.
А теперь ты покидаешь со малюткой на руках.
Как возьму ж я ту малютку, отнесу к сестре родной.
Ты, сестрица дорогая, воспитай моё дитя.
— Рада б, рада б воспитаты, да мамаша не велит.
— Ты поверь, сестра родная, я весь век будут бранить.
Я соперницу зарежу, преступление совершу,
А сама я, молодая, себе в каторгу иду.
Долго шлялась по Сибири, каторжаночкой была,
Тебя я, милый, вспоминала, а соперницу кляла.
А все курочки на шестах, одного петушка нет.
А все хлопцы на гулянье, моего милого нет.
(Зап. от Бугаевой М.М., 1924 г.р., с. Юрл.)

Сидит красotka у окна

Была вечерняя погода, ой, сидит красotka у окна,
Сидит и маму умоляет: «Пусти, родима, погулять».
Сегодня милый уезжает, и я должна его встречать».
«Иди, иди, да ненадолго, ворот не буду закрывать».
И только вышла за ворота, и видит: милый идёт,
Идёт, идет, совсем не весел, и тихо песенку поёт.
«Родные мне велят жениться, а брать тебя мне не велят».
(Юм Юрл.)

Ох, распроклятая девчонка

Ох, распроклятая девчонка, ох, распроклята зла судьба.
Ой, у девчонки было сердце злое, сердце злое было, ретивое.
Ни да чего да сердечико не знало, да не да тоски да оно тожно не кручины,
Не да тоски да оно тожно не кручины, ой, не да великие тожно печали,
Да сидели девки под садами, под гумажными, ох да, цветами...
(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.)

А за лугом зелененьким

А за лугом зелененьким брала вдова лен древненький.
Она брала, выбирала, тонкий голос подавала.
А там Вася сено косит, тонкий голос переносит.
Бросил косу на дубреньку, а сам пишел до доменьки.
За дубровый стол садился, чашкой-пашкой зажурился.
Из комнаты вышла мати, стала Василя пытати.
Что ты, Вася, зажурился, что ты не пьешь, не гуляешь?
— Дозволь, мати, вдову братии, так забуду пить, гуляти.
— Не дозволю вдову братии, вдова будет чаровати.
А я чары не боюсь, я на вдове оженюсь.
(Титова Юрл.)

На горюшке

На горюшке вербушка стояла. стояла, стояла,
Под горюшкой дороженька лежала, лежала, лежала.
По дороженьке-то свет Марьюшка бежала, бежала, бежала,
Вербовую веточку она срывала, срывала, срывала.
Да в быстру реченьку она её бросала, бросала, бросала.
«Да не тонет ли вербушка на воде, на воде, на воде,
Да не тужит мой батюшка по мне, по мне, по мне,
Да не дали мне русу косу дорастить, дорастить, дорастить,
Да не дали алу лент доносить, доносить, доносить.
– Не горюй, Марьюшка, у тебя сестра есть, сестра есть, сестра есть,
Она свою русу косу дорастит, дорастит, дорастит,
Она свою алу ленту доносит, доносит, доносит.
(Из записей Макаровой К.Т., с. Юрла).

Ох, мил по садичку гулял

Ох, мил по садичку гулял, да красны да яблочки милой щипал.
Ой, милой яблочки щипал, тожно на белое блюдо клал.
На белое блюдо клал, да тожно на серебряной да поднос.
На серебряной поднос, да тожно во высок терем тожно занес.
Во высок терем занес, да красным девушкам, девкам поднес.
Ой, девкам поднес, и те да девки, девки все берут.
Все-те девушки берут, да одна девка тожно не берет.
Одна девка не берет, со бела блюда бросат.
Одна девка не берет, сподарёна она да наперед.
Мил да с-по городу, милой прогнал, мил да по садичку милой гулял.
Он по садичку гулял да, ворона коня имал...
(Зап. от Суворовой Т.Р., 1916 г.р., д. Булдыри Юрл.).

На плоту-то, плоту

На плоту- то, плоту девка мылася, девка мылася, колотилася.
На угор девка зашла, оглянулася.
Туту муж-от жену бил, молоду колотил.
Ты не бей-ко, муж. жену рано с вечеру.
Ты тогда ее побей, когда детоньки уснут.
Успокоятся, угомонятся.
Все больша-та сама дочь, не спала она всю ночь.
Не спала она всю ночь, да все-то слышала.
Все она слышала, все увидела.
Понутру она встает да в кухне трудится,
В кухне трудится, да отирается
«Уж ты, тятенька наш, да где мамонька у нас?»
– «Ваша мамонька во темном лесу, во темном-то лесу, во сыром бору,
Губки-ягодки берет, в коробеечку кладет».

— «Уж ты, тятенька наш, не обманывай нас,
Наша мамонька во в сырой земле, во сырой земле, в гробовой доске.
В гробовой она доске, да в белом саване».
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Лучина

Лучина, лучина берёзовая,
Что же ты, лучина, не ясно горишь?
Не ясно горишь, не светло светишь?
Будто ты, лучина, в печке не была,
В печке не была, жару не дала?
— Зла, лиха свекровушка щами залила,
Щами залила, пеплом загребла.
— Сын ли. мой сыночек, сын любезный мой.
Что жену не учишь, людям не велишь?
Взял со спицы плетъ, повёл жену в клетъ,
Стегал по стене, сказал — по спине.
Стегал по пазам, сказал — по глазам.
Стегал по полену, сказал — по колену.
Стегал по перине, сказал — по Орине.
Сын мать утешил, жену не гневил.
Жена его плачет, губы надувает,
Губы надувает, всю родню ругает:
— Будь ты проклята, ваша семья,
Вся ваша семья — несогласная!
(Из записей Макаровой К.Т., с. Юрла).

Ночка

Ты ночка ли ночка, ночка темная,
Ты заря ли, заря, заря вечерняя.
Ты Москва ли Москва, Москва каменна.
Москва каменна, белокаменна.
Ино что же в Москве, в Москве деется.
Не мамашенька ль сынка породила,
До семнадцати лет его поростила.
Восемнадцати лет его поженила,
Завела-то сноху некорыстную,
Некорыстную, своебышнюю.
Молода-та жена мужа не любила,
Со кроваточки его содвинула,
Острым ножичком да зарезала.
На ноже-то, ноже кровь-та стрепескалася,
Молода-та жена испугалася.
В погребную яму его бросила, да сырой землей призасыпала.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Кругом, кругом осиротела

Кругом, кругом осиротела, кругом осталась сиротой,
Было счастье — улетело и не воротится назад.
Не идёт, не идёт мой ненаглядный, не идёт, не любит он меня.
Он не любит и не хочет, знать, другую полюбил.
Он другую любить хочет, любить подруженьку мою.
Гуляй, гуляй, моя подруга, гуляй, подруженька моя,
В твоих годах любить опасно, и ты повянешь, как трава.
Когда цвет розы расцветает, то всяк старается сорвать.
Когда цвет розы процветает, то всяк старается стоптать.
Когда девчонка молодая, то всяк старается любить.
Когда девчонка пожилая, то всяк старается забыть.
(Юм Юрл.)

Кругом обсиротела

Кругом обсиротела, кругом осталась одна.
Без милого счастье ой да улетело, да не воротится ой да назад.
Вернись, вернись мой да ненаглядный к бедняжке-то девушке да ко мне.
В полях-то розы да ой да расцветут, да каждому её хочется да сорвать.
Да красной девка ой да вырастает, да всяк старается ой да просмеять".
(Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымак.).

Времецко прожито, мне уж двадцать лет

Времецко прожито, мне уж двадцать лет.
Жизнь моя разбита, в жизни счастья нет.
Засияли люстры, осветился зал,
Заиграла музыка, и начался бал.
Пара идет за парой, милый мой с другой.
Сердцу стало больно — зачем он не со мной.
Милый мой танцует, крепко руку жмет,
Сам про то не знает, что сын его растет.
Вырастет сыночек, спросит, где отец.
Я ему на это печальный дам ответ:
«Папы у нас нету, милое дитя».
У самой невольно покатится слеза.
Мужчины, вы мужчины, коварные сердца,
На словах вы любите, сердцем никогда.
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., Овчинниковой Н.П., Сараниной Р.А., с. Юрла).

Подруги вы, подруги

Подруги вы, подруги, вам счастье, а мне нет.
Не лучше бы мне было живой в могилу лечь.
Жива в могилу лягу, скажите, померла.

Нейдет, псйдет мой милый, пойду к нему сама.
Иду, а ветер дует, едва на след гляжу,
А сердце так и ноет чем ближе подхожу
Зашла я на крылечко и дернула звонок,
И тут передо мною отомкнулся крючок.
Служанка выходила, мне двери отперла
И с гордостью, надменной по комнатам вела.
Все комнаты закрыты, одна лишь отперта.
Зашла я в эту залу и вижу пред собой -
Любезный друг мой милый целуется с другою.
С другою, любезною подругою моёй.
Подруга ты, подруга, соперница моя,
Не влюбляйся в друга, обманет он тебя.
(Майкор Юсьв.).

Сегодня воскресенье (I)

Сегодня воскресенье, мой милый не пришёл,
Наверно, рассердился, с другой играть ушёл.
Вхожу я в перво зало, всем руку подаю.
Сыграйте мне «Разлуку», что милый не пришёл.
Наверно, рассердился, с другой гулять ушёл.
Вхожу я в второ зало, что вижу пред собой:
Мой милый на диване целуется с другою.
Подруга, ты, подруга, соперница моя,
Зачем отбила друга, и друга от меня.
Огонь горит, пылает, любовь так горяча.
Огонь зальёшь водою, любовь ничем нельзя.
Отдай моё колечко, возьми свою любовь.
Ты высушил сердечко и выпил мою кровь.
(Зап. от Мышкиной К.А., п. Чуртан Гайн.).

Сегодня воскресенье (II)

Сегодня воскресенье, мой милый не пришел,
Наверно, наверно, с другой гулять пошел.
Гуляли до полночи — пора идти домой.
Что я буду говорить маменьке родной.
Пришла я на крылечко, стучу, стучу в окно,
Мамаша отвечает: «Не сплю, дочка, давно.
Ох, ты, моя Дуня, чем же ты грустна?
Твои глаза заплаканы, распущена коса».
— «Ой, ты, моя мама, всю правду расскажу:
Я с милым раставалася в вишневом во саду.
Он делал мне подарки, дарил он мне платок,
А он уезжает на Дальний на Восток.
(Зап. от Сабуровой А.А., 1936 г.р., с. В. Лобаново Юрл.).

Как на главном Бахмурском вокзале

Как на главном Бахмурском вокзале станционный смотритель смотрел,
На скамейке под серой шинелью капитан приуныло сидел.
Перед ним чуть спустясь на колени стоит дева младая краса.
Она нежно его целовала, милым другом его назвала.
Милый, милый, что стало с тобою? На меня ты совсем не глядишь.
А, наверно, ты любишь другую, что-то злое на сердце таишь.
- Верю, верю, моя дорогая, что по-прежнему любишь меня.
Я ведь должен послушать начальство и навеки оставить тебя.
Прогудел тут гудок паровоза, пассажиры с перрона сошли.
Ее труп, принакрытый шинелью, санитары в носилках несли.
(Зап. от Бугаевой М.М., 1924 г.р., с. Юрла).

Не вечерний дождичек...

Не вечерний дождичек заливной идет.
На меня на девицу есть горе – печаль
Третий день тоскую – забыл мил меня.
Забывать он не забудет, другую полюбил,
Другую любезную подруженьку мою.
Милая подруженька, чем лучше меня,
Ростиком не больше, лицом не белей,
Тем только получше, ходит пободрей.
Больша сестра меньшую звала на бережок.
Пойдем, пойдем, сестрица, на крутой бережок.
Чем он этот берег, чем он украшен -
Украшен он, украшен красною весною.
Красною весною, да белою пеной.
Больша сестра меньшую толкала во реку:
«Тони, тони, сестрица, до самого до дна.
Дам тебе колечко своего жениха.
Носи, сестра, колечко, носи, не утеряй.
Если утеряешь, потонешь в реке.
Рыбачили рыбаки в осенню темну ночь
Зарыбачили рыбаки царевну малу дочь.
Царевна мала доченька всех лучше была,
Всех она красивей, всех она белей.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Сад ли мой садочек

Сад ли мой садочек, сад зелененькой такой.
Мил ты мой милочек, разбессовестный такой.
При народе, при компанье стал девчонку целовать.
А девчонке стыдно стало, стала плакать и рыдать.
Ты не плачь, не плачь, девчонка, не плачь, душица моя.

Скоро буду я жениться, возьму замуж за себя.
Твой-от тятенька богатый, не позволит бедну взять.
Твоя мамонька гордячка, не поедет по меня.
Твои братья гимназисты, все будут меня смеять,
Твои сестры грубиянки, не пойдут со мной гулять.
(Поэж Юрл.).

Ой, кого дома сѣдня, кого нет...

Ой, кого дома сѣдня, кого нет,
Ой, да он да уехал, милой мол далеко,
Ох, на поминочки милой оставил
Да с правой да ручки ой да перстенёк.
Ой, да на рученьке колечико носила,
Да, ой, к ночи в зголови кольцо-то клала.
Ой, были да были две пуховые подушки,
Ой, оне потонули, ой, тожно во в слезах.
Ой были да было у меня теплос одеяло было
Ох, оно не согрело мою белу грудь,
Ой, оно не согрело, оно тожно не пригрело
Да ой без милого тожно дружка.
(Зап. от Моисеевой М. М., 1935 г.р., Тотмяниной М. С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.).

Уж ты, Васенька

Уж ты, Васенька, Васенька – Васюточка,
Ой, побывай–ко, Вася, да ты на час ко мне.
Ой, ты да на часок ко мне да на минуточку,
Ой, проотведай, Вася, житьё моё.
Ой, все да житьё моё да не прекрасное,
Все житьё – то мое да не корыстное,
Ой, не корыстное да не богатое.
Ой, я уж да днем–то сижу одна – молода,
Ой, вечерочиком да с огонёчиком
С полу–то ночи со причётыма,
Ой, со причётыма, со начётыма.
Ой, с поутру–то встаю я ранёхонько.
Ой, умываюся да я белёхонько.
Ой, вытираюся да я сухохонько,
Ой, одеваюся да я басёхонько.
Ой, одеваю да я платье тёплоё,
Ой, платье тёплоё, да платье лёгкое.
Ой, выхожу жо я да на крылечико,
(Зап. от Моисеевой М. М., 1935 г.р., Тотмяниной М. С., 1932 г.р., д. Васькова Юрл.).

Я вечер в лужках гуляла

Я вечер в лужках гуляла, грусть хотела разогнать.
Я цветочки там искала, чтобы к милому послать.
Всё цветочки находила, одного лишь не нашла.
Долго, долго я ходила, погасал уж солнца свет.
Шла домой с душой унылой, недалеко от ручья
Вижу вдруг цветочек милый, и его я сорвала.
Сорывала я цветочек, слёзы капали на грудь,
Я срывала и сказала: «Не забудь меня, мой друг».
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

За рекой, где играет луч солнца...

За рекой, где играет луч солнца и вблизи протекает река,
Поселились гурьбою цыгане, и живет беззаботно орда.
За реку, где селились цыгане, часто русский ходил паренек.
Полюбил он цыганочку Зайду и открыл всю любовь перед ней.
Зайда долго с любовью боролась, побороть же ее не могла,
И красивому русскому парню она клятву женой быть дала.
Но у русских бывает измена, изменил также Зайде и он,
И в одну из темнеющих ночек Зайда встретила парня с другой.
Та была некрасивее Зайды, но отличной блондинкой была,
И сошлись две соперницы рядом, в этот миг появилась луна.
Зайда к милому другу подходит, вынимает серебряный нож.
«Знай, любовь у цыган вот такая!» – и вонзила изменщику в грудь.
А блондинке, красивой и гордой, она громко сказала тогда:
«Поищи для себя ты другого, а цыганам не делай вреда».
И сказавши, она побежала к быстрой речке, что рядом текла,
И бросавшись, она говорила: «Не любите цыган никогда».
(Зап. от Мазеиной А.Ф., 1923 г.р., с. Юм Юрл.).

Скрылось солнце за горою

Скрылось солнце за горою, утихли песни соловья.
С прелестной девой чернобровой прощался парень навсегда.
Прощай, карелка дорогая, служба кончилась моя.
Теперь я еду в край далекий, где ждет родимая семья.
Я признаюсь, ждет невеста, которая мною влюблена.
Карелка в обморок упала и от измены померла.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Катенька-Катюша

Катенька-Катюша, купеческая дочь,
Где же ты гуляла все темную ночь?
Утром на рассвете ложилася спать,
Катенька-Катюша, пора уж вставать.

Пришли пароходы тебя забирать.
Один парус белой, второй голубой.
Один матрос старой, второй молодой.
Катенька-Катюша, поедem со мной,
За крутые горы, за темны леса,
Катенька-Катюша, поедem туда.
Катенька, Катюша, ты будешь моя,
Будешь ты моею женой навсегда.

(Зап. от Базуевой Т.И., 1931 г.р. д. Базуева Гайн.; В одном из вариантов концовка песни – «поедем туда, Где солнце не всходит, луна никогда, где все люди пируют, а мы никогда. Купим мы пол-литра, ты будешь моя», зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Раз девчонки...

Раз девчонки во лесочек гурьбой собрались,
И дошли до чащи леса, все поразбредлись.
Они ходят и гуляют, топчут там траву,
И по лесу раздаётся весело «ау».
А одна из них девчонка, притаясь, стоит,
И грибов не собирает, и цветов не рвет,
Об одном она мечтает, скоро ль он придет.
Тут пред ней красивый парень молодой стоит.
«Ждешь ты, ждешь меня, милая!» – ласково сказал
И привлек ее в объятья, нежно целовал.
«Не целуй меня, друг милый, душу не губи,
Ты другую, городскую лучше сполюби,
Меня бедную крестьянку позабудь скорей!»
«Нет, тебя я не забуду, милая моя,
Когда отбуду срок военный, возьму за себя,
Когда буду я жениться, возьму за себя!»

(Зап. от Бабиковой М.П., 1933 г.р., Пикулевой Н.Н., 1939 г.р., д. Сергеева Юрл.).

Как на кладбище Митрофановском

Невеселую, не печальную я вам, граждане, песню спою –
Как на кладбище Митрофановском отец дочку зарезал свою.
Отец с матерью жили весело, разлучила их злая судьба.
Он нашёл себе, жёну новую – Надя, Надя, вот будет вам мать.
Неродная мать ненавидела малолетнюю крошку сперва,
Но ни в чём её не обидела, только мужу задачу дала:
Ты убей её иль в приют отдай, только сделай всё это скоря.
А не сделаешь – я уйду от вас, мне одной будет жить веселей.
Мысли зверские вопли в голову, перестал отец дочку любить.
Он её позвал как-то вечером в сад зеленый цветочки собрать.

Она думала – на могилочку, маме надо цветочки набрать.
Отец крикнул: дочь, иди ко мне, ты мешаешь на свете мне жить.
Как достал он нож палача отца, и зарезал тут дочку свою.
(Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымк.).

Я в мире красива родилась

Я в мире красива родилась и в мире как роза цвела.
Как стало мне лет восемнадцать, так что же случилось со мной.
Гуляли мы с милым по роще, а сердце терзала любовь.
Упала пред ним на колени, сказала: друг милый, люби.
Домой я пошла торопливо, а дождик мне резал лицо.
Смочила я белое платье, покамест пришла на крыльцо.
Тихонько я в дом пробиралась и тихо во спальню вошла.

Снимала я белое платье, в постельку ложилась одна.
Поутру я раненько встала и милого Шуру ждала,
Нечайно в окно я взглянула, а Шуру везут от венца.
Невеста не выше, не краше, нисколько не лучше меня,
А только прилично одета, наверно, богаче меня.
Прошу вас, подруги, придите, как буду лежать на столе,
А только прошу, не судите, заройте мой труп в тишине.
Кусточки уныло шумели однажды осенней порой,
А гроб опускали в могилу, в нем труп с отравленной душой.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Любила меня мать, уважала

Любила меня мать, уважала, а я, ненаглядная дочь,
Со милым дружкой убежала в осеннюю темную ночь.
Бежала я лесом дремучим, бежала я рощей густой.
На небо взглянула, вздохнула, увидела свет голубой.
На што мене рощи зеленой, на што мене свет голубой,
Заслышу я милого речи, зальюсь горячей слезой.
Беглянка жизнь надоела, я вспомнила дом свой родной.
Десяток коробочек спичек в горячей воде размочу,
А в этом стакане взболтаю, запруся я в спальню одна.
А долго я думать не стану, я выпью отраву до дна.
Назавтра, подруги, приходите, я буду лежать на столе,
А только, прошу, не судите, заройте мой труп в тишине.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Скрылось солнце за горами

Скрылось солнце за горами, сидит казачка у окна.
Сидит, душою приуныла, и слезы льются из очей.
Ты о чем, казачка плачешь, о чем горячие слезы льешь?
Ну как мне, девице, не плакать, ну как горячих слез не лить.

Одна печаль меня смущает, велят мне милого забыть.
Но я вовеки не забуду, и он на родину придет.
Живой на свете меня не будет, в могиле он меня найдет.
Мамаша дочке говорила: «Ну это что тебе не жених?
Ведь красив, с тобою кстати, его же можно полюбить».
Буду я мамоньке покорна, исполню волюшку ее.
Пусть будет мамонька виновна, когда несчастна буду я.
Утром рано со слезами ведут казачку под венец.
Она дрожащими руками и придала себе конец.
На другое утро рано ее на кладбище несут.
Гроб, усыпанный цветами, за ним старушка — мать идет.
Назавтра подруги приходите, как буду на столе лежать,
А только прошу не судите, заройте труп мой в тишине.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юр.).

При бурной ноченьке ненастной

При бурной ноченьке ненастной скрывался месяц в облаках.
На ту зеленую могилу ко мне красавица пришла.
Она пришла на край могилы, головой на памятник легла,
Своими белыми руками мою могилу обняла.
Своим прелестным голосочком будила друга своего.
«Ты встань, проснись, мой друг любезный, мне стало скучно без тебя».
И вдруг могила задрожала, из гроба голос раздался.
«Уйди, уйди с моей могилы, теперь уж ты мне не нужна».
Девушка слезно зарыдала и от могилы прочь пошла.
Зачем, зачем было влюбляться, зачем златым кольцом дарить.
Нам лучше было б обвенчаться и вечно друг друга любить.
Золото твое колечко, оно в коробочке лежит.
Мое ретивое сердечко всегда об миленьким болит.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юр.).

Любила меня мать, уважала

Любила меня мать, уважала, что я, ненаглядная дочь.
Со милым дружкой убежала в осеннюю темную ночь.
Бежала я лесом дремучим, бежала я рошей густой.
На небо взглянула, вздохнула, увидела свет голубой.
Засышу я милого речи, залюсь горячей слезой.
Беглянская жизнь надоела, я вспомнила дом свой родной.
Десяток коробочек спичек в горячей воде размочу,
И в этом стакане разболтаю, запрუსя я в спальне одна.
А долго я думать не стану, я выпью отраву до дна.
Назавтре, подруги, приходите, как буду лежать на столе.
А только прошу, не сидите, заройте мой труп в тишине.
Кусточки уныло шумели однажды осенней порой.

А гроб опускали в могилу, в нем труп с отравленной душой.
Я слышал, в толпе говорили: «Жених неприятный такой,
Напрасно девицу сгубили», и вышел я вслед за толпой.
Зачем ты, безумная, губишь, зачем заставляла любить.
Неужели того ты не знала, как тяжело любовь позабыть?
(Усть-Зула Юрл.).

Цветочки мои полевые, зачем вы рано расцвели

Цветочки мои полевые, зачем вы рано расцвели?
Подружки мои дорогие, зачем вы сироту привели?
Подружки мои дорогие, зачем вы сироту привели?
Пошла в леса по малину, малину я там не нашла.
Нашла я светла могилу, которая травой обросла.
Пала я к ней на колени и громко плакать начела.
Упала я к ней на колени и громко я плакать начала.
Мамаша спишь ты, не слышишь, горюет сиротка твоя.
Мамаша спишь ты, не слышишь, горюет сиротка твоя.
Мамаша громко отвечает: не плачь-ко, сиротка моя.
Возьмут тебя люди чужие, и будешь ты им как своя.
Копайте, копайте могилу, копайте в зелёном саду.
Заройте меня молодую, без мамы я жить не могу.
Заройте меня молодую, без мамы я жить не могу.
(Зап. от Анферовой М.Г., д. Парфеново Кудымк.).

В саду зеленом я гуляла (I)

В саду зеленом я гуляла, цветочки алые брала.
Семнадцать лет мне миновало, я полюбила старика.
Старик был старый – престарелый, а я как розочка цвела.
Мы долго – долго с ним гуляли, не знал отец, не знала мать.
Отец узнал, из дому выгнал: «Иди – иди прочь от меня»!
А я пошла по той дороге, которая к линии вела.
Иду, иду я той дорогой и повстречала старика.
«Старик, старик, теперь твоя я»! Старик толкнул меня рукой.
«А разве ты про то не знала, что я старик, а ты млада»!
Я слышу, слышу – скорый поезд, и я на линию легла,
Хотела жигу свою покончить из-за седого старика!
(Зап. от Андреевой В.Г., 1941 г.р., д. Бадья Юрл.).

В саду зеленом я гуляла (II)

В саду зеленом я гуляла, цветочки алые рвала.
Семнадцать лет мне миновало, я полюбила старика.
Старик был старый, черноокий, а я как розочка цвела,
Старик дарил мне подарки, дарил кольцо, дарил бруслет.
А я как глупая девчонка его подарочки брала.

Мы долго-долго с ним гуляли, не знал отец, не знала мать.
Отец узнал, прогнал из дому, а мать навеки прокляла.
И шла я узенькой аллеей и повстречала старика.
К нему упала на колени: «Старик, старик, теперь твоя».
Старик толкнул меня рукою: «Иди, иди прочь от меня».
И шла я узенькой тропинкой, и скорый поезд я ждала.
Вот мчится, мчится скорый поезд, и я на линию легла.
Хотела жизнь свою покончить из-за седого старика.
(Тимова Юрл.).

Шуточные песни

Шуточные песни в регионе широко распространены, при этом ряд из них практически не фиксировался на других территориях Прикамья. Так, песня «Шуравей, муравей» — пример бытования в крае так называемых корильных песен о деревнях. Эти песни (сходные, впрочем, с частушками) строятся на перечислении прозвищ жителей населенных пунктов, относящихся к одному селенческому кусту. Хорошо известные фольклористам (их называют дразнилками, географическими песнями), они исполнялись во время различных молодежных посиделок, игрищ¹.

Ряд шуточных песен строится на абсурдистском намеренном выворачивании «наизнанку» привычных понятий (*«плыла баба в решете»*, *«попадья за им пешком, да подпоясалась мешком»*, *«подпоясался дубиной, опирался на кушак»*). В текстах немало звукоимитаций музыкальных инструментов (*«транты-буранты»*), известных плясовых припевов (*«каalinka-малинка»*), ритмизированных звукокомплексов (*«кали-малин менам»*, *«рито, мато, римати»*). В основном такого рода песни исполнялись как плясовые на взрослых праздниках (отсюда и частое обращение к непристойностям).

Я полю, полю лучок

Я полю, полю лучок, перепалываю.
Через тын-огород перебрасываю.
Я пойду к терему да послушаюся.
Ино что в терему свекор бает, говорит.
Не добро говорит, не добрые словеса.
Своего сына бранит, моего мужа журит:
«Ино бей-ко жену, ты учи молоду.
Чтобы смолода жена не попрыскивала,
Под старость жена не поморговала».

¹ См. подробно: Дранникова Н.В. Прозвищный фольклор: состав и проблематика исследования // Народная культура Русского Севера. Вып. 2. — Архангельск: ПГУ, 2000; Иванова А.А. «Географическая песня» в фольклорном репертуаре Пинежского района // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 3: Материалы науч.-практ. конф. — М., 1999.

Привязал к нитке соломку, три раза меня стегнул.
Три раза меня стегнул, три ребра переломил,
Тожно с этой немочи съела хлеба три печи,
Пять пудов толокна, девять ведер молока.
Всё теленка лонышака, жеребенка третьяка.
Дочку супоросу, овцу яловицу.
Вот тожно наша Настасья приоправилася,
Пошла к Сидору по сито, по частое решено.
Нет у Сидора ни сита, ни частого решета.
Одна руслена тряпица из мешочика сошита.
(Зап. от Бахматовой А.А., 1914 г.р., д. Миронова Юрл.).

Растворила я квашонку

Растворила я квашонку,
Положила ничего, поставила во чело.
Ино кисни, квашня, сама в гости ушла.
Три недели квашня кисла, не выкисла,
На четвёртую неделю стала пениться.
А на пятую неделю стала мягоньки катать.
По залавочкам катала, на лопате в печь садила,
Положила в коробок, повезла я в городок.
Никто мягоньки не купит, никто денег не даёт.
Никто денег не даёт, никто даром не берёт.
У соседа была сивая свинья, была сивая, покасливая.
Она мягоньки не ела, только рыло замарала,
Три недели похворала, на четвёртую пропала.
Хоронили на угоре, вспоминали бабье горе.
(Пож Юрл.).

Заставил меня муж

Заставил меня муж жарку банюшку топить,
То-то лё-ли, то-то лё-ли, то-то лёшеньки мои.
Вокруг банюшки хожу да заслонку колотю.
Я в заслонку колотю, будто щёлок щелочу.
Заставил меня муж как-то мяконьки месить,
Замесила на дрожжах, не удержишь на возжах.
Три недели тесто кисло да не выкисло.
На печи в углу пекла да поджаривала.
Муж лепёшки не ест да не думает.
Я лошадку запрягала, в городочек уезжала.
В городочек уезжала, на базаре торговала.
Никто мяконьки не купит, никто даром не берёт.
(Пожва Юсыв.).

Затворила баба квашню

Затворила баба квашню да поставила на башню.
Три недели квашня кисла, на четвертую укисла.
Стала мяконьки катать, по завалинкам валять.
Пока в печку-то сажала, вся в золе их обвалила.
Коколюкой доставала, потащила на базар.
Никто мяконьки не купит, никто даром не берет.
Как у нашего соседа была сивая свинья.
Эта сивая свинья пакостливая была.
Она мяконьки хватала, себе чуху обмарала.
Три недели прохворала, на четверту умерла.
Положили свинью в гроб, ударили палкой в лоб.
Вот попы идут читают, а монашки причитают.
(Зап. от Боталовой М.П., п. Пожва Юсьв.)

Как по речке, по реке

Как по речке, по реке да плыла баба в решете.
Веретёнами гребла, юбкой парусила,
Юбкой парусила, ногой тормозила.
Как надумал родной батюшка да взамуж выдавать,
Всё ко свёкру в дом да ко свёкрушке,
Ко деверьюшкам да ко золовушкам.
Как де свёкор говорит: «Нам медведицу ведут».
А деверья говорят: «Нам непряху ведут».
А золовки говорят: «Нам неряху ведут».
Шесть недель прошло, да говорить можно:
«Разрешь-ка, свёкор-батюшка, по горенке пройти.
Что по горенке пройти, слово вымолвити.
Медведица-то, батюшка, во тёмном лесу,
Людоедица-то, матушка, во сыром бору.
Вы, деверья-соколы, ваши жены таковы.
Вы, золовушки, белые лебедушки,
Взамуж выйдите, таковы же будете».
Муж на лавке сидит, на жену косо глядит.
«Ты косись, не косись, не боюсь я тебя,
Не боюсь я теюя, не ударишь ты меня,
Заявляю вам, семья: хозяйкой в доме буду я.
(Зап. от Бахматовой М.Д., 1927 г.р., с. Юрла).

Осиново полено, по заморю летело

Осиново полено, по заморю летело,
По насту, по кусту, по белому свету.
Туп-туп-туп, потерял мужик тулуп,
Искал — не нашел, ко черемному пошел.

У черемного спросил — чем ты бороду красил.
Я на солнышке лежал, кверху бороду держал.
Ванька бурку запрягал, по вино-то уезжал.
Сколь вино-то привозил — помочан поил.
Помочана-то не пьют, под окошко льют.
Одна девка посмеля сороковку выпила!
(Зап. от Копытовой Н.М., 1915 г.р., с. Юрла).

Зять на теще капусту возил

Ах, вы Сашки-милашки мои.
Разменяйте две бумажки мои,
Две бумажечки новенькие
Двадцатипятирублёвенькие.
Зять на теще капусту возил,
Молоду жену в пристяжку води.
Ну-ка, ну-ка, ну-ка, теща моя,
Тпру! Стой, молодая жена.
Воз теща с капустой везёт,
Молода жена во следом идёт.
Ну-ка, ну-ка, ну-ка, теща моя,
Тпру! Стой, молодая жена.
Вот дорожка под горку лежит,
Пристяжная веселей бежит.
Ну-ка, ну-ка, ну-ка, теща моя,
Тпру! Стой, молодая жена.
Еле-еле теща с возом бредёт,
Молода жена проход не даёт.
Ну-ка, ну-ка, ну-ка, теща моя,
Тпру! Стой, молодая жена.
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Шуравей, муравей

Шуравей, муравей — да это Мельникова,
Да вот и калина, да вот и малина.

Большебрылы мужики — да все дубровские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Шапки заячьи — да то исаковчи,
Да вот и калина, да вот и малина.

Чужedomы мужики — да то копытовчи,
Да вот и калина, да вот и малина.

В Кобыляках-то паленина, мужики-те зырянине,
Да вот и калина, да вот и малина.

Драчуны да матькуны — да то зарубинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Богомолы мужики — всё де подкинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Таки-сяки мужики — да то васьковские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все плешаты мужики — это корминчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все разумны мужики — да то паньковские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Баские мужики — да все сулайские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Широкая пашня — это титовчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Ославлять да охаять — это зюздинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Наперед кончи — то это лопвинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

А назад кончи — это юрлинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Самодуры мужики — всё саранские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все де пьяны мужики — это чужьинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все богаты мужики — то де келицки.
Да вот и калина, да вот и малина.

Широка дорога — там де кукольчи
Да вот и калина, да вот и малина.

Большая гора — то де юмская
Да вот и калина, да вот и малина.

Грязная дорога — это Черная
Да вот и калина, да вот и малина.

Все де белые штаны — таволжански мужики.
Да вот и калина, да вот и малина.

Плохое название — это шестинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

То де белы шабуры — то трошковски мужики.
Да вот и калина, да вот и малина.

В Кладовой то угоры — мужики де тамо воры.

А широки рукава — то елогская шпана.
Да вот и калина, да вот и малина.

На Мысу растут пиканы — мужики-те хулиганы.
Да вот и калина, да вот и малина.

Чусовские мужички — алкоголички.
Да вот и калина, да вот и малина.

Неумои мужики — все ивановчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Крутой косогор. то лобановчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Отдаленное село, то де зулинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

(Зап. от Копытовой М.Ф., д. Кырова Юрл., Коротаевой М.Т., 1940 г.р., с. Юрла; В песне обыгрываются шутливые прозвища жителей упомянутых в ней деревень, манера одеваться, особенности местности и пр).

Транты, буранты

Транты, буранты мои, потерялись у Маланьи бобы.
Приходились две солдатки молоды,
Мясо солью посаливали, пирожки маслом помасливали.
Вы ребята-ребятушки, вы поешьте-покушайте,
Наши речи послушайте.

У нас девушки ласковые, на вечерки приманчивые,
Пойте, пойте все песенки, пойте все, веселитесь.
Вы парами паритесь. все кругами сходитесь,
Отца-матерь не стыдитесь.
Уж пришло тако времечко, да пришло ваше времечко
Погулять да потешиться на зелёных поляночках,
На лугах да на травушке.
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Ох, кали-малин менам

Ох, кали-малин менам да мали-малин менам,
Да по московской улочке да ехал поп проулочком.
Кали-малин менам да мали-малин менам.
Попадья за им пешком, да подпоясалась мешком да,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
Подпоясалась мешком да подпиралась батожком да,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
Подпиралась батожком, да «ее» чешет гребешком да,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
Гребешок-от не берет, с «её» волосы дерет,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
Ты чешися, Оленька, пока она вся голенька,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
Как затянет волоском, да не учешешь гребешком,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
А на колхозной да полосе мы ё видели в овсе,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
Она рыжа без волос, сидит нахлестыват овес,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
А как под яблоней-сосной лежали свекор со снохой,
Кали-малин менам да мали-малин менам.
(Зап. от Ведерниковой А.А., Фоминой Е.А., д. Зюздино Юрл.).

Растатуриха телегу продала

Растатуриха телегу продала, на те деньги балалайку завела.
Балалаечка новенькая, двадцатипятирублёвенькая.
Балалаечка наигрывает, Растатуриха попрыгивает,
Растатуриха красуется, сердце молодца волнуется.
Никогда я не угаривала, голова моя не баливала.
А сегодня угорела, не могу, целый день я пролежала на полу.
Растатуриха пирог пекла, угорела, под порог легла.
Не хотела я сегодня угореть, начала моя головушка болеть.
Вот болит-болит, побаливает, милый мой пирог нахваливает.
Да меня ему не с чуточку не жаль, съел пирог и домой убежал.

У милого я невестою слыла, будто умная-разумная была.
Что жена будет покорная, на работушку проворная.
(Из записей Макаровой К.Т., с. Юрла).

Хмелинка

Ой, калина моя, ой, малина моя!
Проняла девку хмелинка, полюбил баской детинка.
Ой, калина моя, ой, малина моя!
Он богатый купец, у нас Иван-от молодец.
Ой, калина моя, ой, малина моя!
Взял он Машу, подхватил, на кораблик посадил.
Ой, калина моя, ой, малина моя!
Тонкий парус распустил, по быстрой реке пустил.
Ой, калина моя, ой, малина моя!
(Зап. от Макаровой К.Т., с. Юрла).

Настя ретечку садила

Настя ретечку садила, пестик выставила,
Я которого любила, того высмотрела.
Я которого любила, того высмотрела.
Из-за лесу, из-за гор выходила туча, гром.
Из-за лесу да из-за гор да выходила туча, гром.
Выходила туча, гром да со чистым мелким дождем.
Выходила туча, гром да со чистым мелким дождем.
После этого дождя да стала улица грязна.
Стала улица грязна да неутоптанная,
Неутоптанная да неужезженная.
По той улице грязной да шел детина молодой.
Он де с ножки на ножки поступает.
Он де с ножки на ножки поступает.
Он сапог о сапог да поколачивает.
Он сапог о сапог да поколачивает,
К Окулине-сироте приворачивает.
К Окулине-сироте да приворачивает.
Окулина-сирота, отпирай ворота.
Окулина да сирота да, отпирай ворота,
Бери золоты ключи да отпирай сундуки.
Бери золоты ключи да отпирай сундуки.
Он в кабак-от идет да ровно мак цветет.
Он в кабак-от идет да ровно мак цветет.
С кабака-то идет да ровно липочка гола.
Ровно липочка гола, да меня мама родила.
Меня мама родила да на зеленом на лугу.
На зеленом на лугу ходят девицы в кругу.

Одна девица маленька, на личико басенька.
Одна девица маленька, на личико басенька.
Она пляшет, ручкой машет удалому молодцу.
Она пляшет, ручкой машет удалому молодцу.
Удалого молодца да разыгралися глаза.
Удалого молодца да разыгралися глаза.
Разыгралися глаза да кудри завилися.
Кудри завилися, да девки зарилися.
Перестали кудри виться, стали девушки смириться.
Перестали кудри виться, стали девушки смириться.
Не пора ли нам смирится, за бутылочкой послать?
Не пора ли да нам смирится, за бутылочкой послать?
Нам бутылка нипочем да мы за четвертью пошлем.
Нам бутылка да нипочем да мы за четвертью пошлем.
Нам де четверть нипочем да мы ведерышком пошлем.
Мы ведерышком пошлем, нам ведерко нипочем.
Да мы де флягою пошлем.
(Зап. от Ивановой В.М., 1941 г.р., д. Сергеева Юрл.)

Ходит Ванька

Ходит Ванька по деревне, он играет гармонею.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
Подпоясался дубиной, опирается на кушак.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
То что же ты, Ванька пригорюнился, накатилась слеза.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
По щеке она скатилась прямо в валяный сапог.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
Сквозь подметку просочилась и упала на песок.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
На песке она валялася, пока дворник не пришел.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
Дворник с рыжею бородкою, вышел дворник подметать.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
Как увидел он слезинку, и метелкой ее хватъ.
Ну, я, ну я, ну я, ну-у.
(Усть-Зула Юрл.)

Шел Олешка

Шел Олешка, шел Олешка,
Шел Олешка да по дорожке.
Шел Олешка по дорожке.
По дорожке, по дорожке
Да во сафьяновых саложках.

Во сафьяновых сапожках, во сапожках.
Во сапожке три горошка,
Во сапожке три горошка.
Три горошка, три горошка.
Съела Катенька горошек,
Съела Катенька горошек.
Вот горошек, вот горошек.
Со горошка брюшко дует,
Со горошка брюшко дует.
Брюшко дует, брюшко дует.
Брюшко дует, содувает.
Брюшко дует, содувает.
Содувает, содувает.
На кого брюшко сказать?
На кого брюшко сказать?
Да вот сказать, да вот сказать.
Все на батюшка сказать,
Да все на батюшка сказать.
Да вот сказать, да вот сказать.
От бела света отстати.
Да вот отстати, да вот отстати.
Все на деврюшка сказать,
Все на деврюшка сказать.
Да вот сказать, да вот сказать.
К деверю в гости не быватьи,
К деверю в гости не быватьи.
Да не быватьи, да не быватьи.
(Зап. от Сабуровой А.А., 1936 г.р., с. В.Лобаново Юрл.).

Песня про комара

Что там за шум сочинился?
Там комар-то на мухе поженился.
Он не взял себе жену невеличку,
Не умеет шить и прясть человечко.
Не умеет шить и прясть, ши варити,
Не умеет с комариком добро жити.
Полстел и наш комар через то поле,
Через тое поле, зелено, дуброво.
Вот и сел и наш комар на дубочек,
Свешал свои ноженьки на листочек.
Тут откуда ни возьмись шура-бура,
Она того комарика с дуба сдула.
Вот упал и наш комар на том месте,
Поломал, потрепал ребра в тесте.

Тут откуда ни возьмись санитары,
Они того комарика поковали.
Чай и пал генерал, чай полковник?
(Базуева Гайн.).

Про жука

Возле почки, возле пня да после солнечного дня,
Да на поляне, у реки всполошились жуки.
Старый, хитрый чёрный жук да порешил жениться вдруг
Да на сверчихе молодой, хотя сам был с бородой.
Чтобы не было греха, да сваха, старая блоха,
Да познакомила тайком молодуху с женихом.
Вот и свадьба. Все жуки, да таракашки, пауки
Да собратись вокруг стола, сваха речи завела:
«Хорошо вам век прожить да малых деток выводить,
Да возвеличить славный род, жить на свете целый год».
Речь понравилась, блоха да уважала жениха,
Да и за это ей был дан с петухами сарафан.
Вдруг случилась беда да разлучить их навсегда.
Да, быстроногий, как волчок, подбегает к ним сверчок.
Несмотря на то что мал, да закатил большой скандал.
— Да как ты смел из наших мест воровать чужих невест!
И впеллся он в жука, да так намял ему бока,
Да что жених воскликнул «ох», дрогнул ножкой и подох.
А сверчок во всей красе да объявил, чтоб знали все:
«Если стар ты и седой, не женись на молодой».
(Пожва Юсёв.).

Я возьму, возьму кудельку

Я возьму, возьму кудельку на полтинку, на полтинку.
Я положу кудельку на поличку, на поличку.
Ты лежи, лежи, куделька, неделечку,
Ты лежи, лежи, куделька, неделечку
До хорошие до пряльи, до хорошие до пряльи.
Я по пятницам, по средам не пряла,
По субботам родителей поминала,
Воскресенье пировала,
В понедельник с похмелья пролежала.
Во вторник ранёхонько-то ставала,
Три я ниточки потихоньку напярала,
Три мозоли кровяные наvertsела.
Милому дружку показала.
«Не пряди-ка ты, прядеюшка, не майся,
До лазоревых цветочков добивайся.

Расцветут цветы лапушкой,
Мы сошьем сарафанчики,
Сарафанчики да раздуванчики».
(Майкор Юсьв.).

Тонкопряха

Пряла наша Дуня нетонко, нетолсто,
Дуня, Дуня, Дуня, тонкопряха,
Потоньше колена, потолще полена,
Дуня, Дуня, Дуня, тонкопряха.
Стала наша Дуня в огороде ткати,
Весь забор соткала, колом прибавала,
Стала наша Дуня холстину белить,
В речку опускала, речку осушала.
Стала наша Дуня доставать холстину,
Из реки тащила, берег своротила.
Стала наша Дуня рубашечку кроить,
Топором наставит, молотком ударить.
Стала наша Дуня надевать рубашку,
Семеро держали, трое надевали.
Десять лет носила, смену не просила,
Смену не просила,
Дуня, Дуня, Дуня, тонкопряха.
(Зап. от Беяниной Л.Т. 1941 г.р., п. Пожва Юсьв.).

Ох, ты, бабушка преленка

Ох ты, бабушка преленка, ты какая рукоделенка,
Топором сено кашивала, рукавичкой воду нашивала.
Старичонка на вечерку приходил, полон пазухи парёнки приносил,
Нам парёнки есть-то хочется, старика любить не хочется.
Молодого не находится, старика любить приходится.
Ох, ты, бабушка Сидоровна, ты куда ноги закидывала?
Не ходила по сохе, по бороне, не давала ни взади, ни впереди.
Дала дьячку сбочку, пономарику навypучку.
Я сама себе хорошою кажусь, подле каждого крепёного ложусь.
Я сама себе потачку взяла, посреди поля в стоячку дала.
Это где было слуханное, да еще где было виданное -
Поросёночек яичко снёс, на пече мужик ребёночка принёс.
Трое суток маялся, бл.ть больше закался.
Ой, какая была вежливая, она дубинкой принаезживала,
Ой, как была охотница плясать, словно ласточка по воздуху летать.
Ой, чёртова перешница, лешакова табакеришница,
Скоро солнышко туманом занесёт, скоро милого лешак принесёт.
(Пожва Юсьв.)

Лаптище

Зипунище-то на ем, ем, ем — рито, мато, римати.

Эх ну, да ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну де, ну да.

А шаптище-то на ем, ем, ем что воронье гнездо.

Эх ну, да ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну де, ну да.

Поленище-то на ем, ем, ем — что кобыиный хвост.

Эх ну, да ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну де, ну да.

А лаптище-то на ем, ем, ем — черт по месяцу плел.

Эх ну, да ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну де, ну да.

(Зап. от Кудымовой Н.И., с. В. Лобаново Юрл.).

У солдата на покосе девка воду носит

У солдата на покосе девка воду носит,

Да вот и калина да вот и малина.

Захотелось солдату эту девку просмеять,

Да вот и калина да вот и малина.

Ишо что у тя, девчонка, между ножками черно?

Да вот и калина да вот и малина.

— Швечи были, шубу шили, лоскуток пришили,

Да вот и калина да вот и малина.

Ишо что у тя, девчонка, в лоскутке-то дырка?

Да вот и калина да вот и малина.

— Мыши были, гнезда вили, дырку провертили,

Да вот и калина да вот и малина.

Ишо что у тя, девчонка, в дырке-то красненько?

Да вот и калина да вот и малина.

— Гуси были, воду пили, язык позабыли,

Да вот и калина да вот и малина.

Захотелось той Варваре так морковку увидеть,

Да вот и калина да вот и малина.

Все базары обошла да той морковки не нашла,

Да вот и калина да вот и малина.

Заглянула за ворота, там солдат домой идет,

Да вот и калина да вот и малина.

— Ты, Варвара, не тужи, да у меня морковка есть,

Да вот и калина да вот и малина.

У меня морковка есть, да половина вершков шесть,

Да вот и калина да вот и малина.

Я морковку буду парить да тебя по брюшку гладить.

Да вот и калина да вот и малина.

(Зап. от Панкратовой Л.М., 1942 г.р., с. Юрла).

Ой, со вечера, да с полночи

Ой, со вечера, да с полночи девица гуляла,

Девица гуляла.

Не слыхала, не видала, как парень подкрался,
Как парень подкрался.
Он крадался – подкрадался, он крадался – подкрадался,
За плечо имался, за плечо имался.
Ой, за плечико рукою, ой, за плечико рукою,
За груди другою.
Они взялись-ухватились, они взялись-ухватились,
Во лесок спустились, во лесок спустились.
Во в лесочек под кусточек, во в лесочек под кусточек,
Сели посидели, сели посидели.
Они сели, посидели, они сели, посидели,
Легли, полежали, легли, полежали.
Они часу не лежали, они часу не лежали,
Оба задрожали, оба задрожали.
У молоденькой девчонки, у молоденькой девчонки
Стало прибывати, стало прибывати.
Как родная её мать, как родная её мать
Стала замечати, стала замечати.
«Ой, ты, дочь моя родная, где же ты гуляла, где же ты гуляла»?
– «В саду была, горох ела, в саду была горох ела,
Червяточку съела, червяточку съела.
Оказалась червяточка, оказалась червяточка
С ручками, да с ножками, с ручками, да с ножками.
Да с ручками, да с ножками, да с ручками, да с ножками,
Да с буйной головою, с буйной головою.
Все де с буйной головою, все де с буйной головою,
Настоящий милый мой, настоящий милый мой.
(Зап. от фольклорного ансамбля «Калинушка», с. Пож Юрл.).

Чудный месяц плывёт над рекою

Чудный месяц плывёт над рекою,
Соловей заливался вдаль.
Ты сказала, потрянув головою:
«Хоть на лодке меня прокати».
Лодка в волны бесшумно врезалась,
Звёзды сверху глядели на нас,
Я сидел и мечтательно думал,
Сколько стоит мне лодка за час.
Вдруг сказала ты, брови нахмутив:
«Какой ветер холодный настал».
Я пиджак на тебя свой накинуд,
А сам громко зубами стучал.
Так на лодке мы с ней долго катались,
Незаметно так время текло,

Они гребли, а они ж целовались,
И куда-то уплыло весло.
И пока она так целовала
Без отрыва четырнадцать раз,
А весло между тем уплывало,
Далеко уплывало от нас.
Чтоб отвагу и промах загладить,
Я решился на подвиг такой,
Снял штаны и на парус приладил,
Сам остался в одних лишь трусах.
Изменилась внезапно погода,
Ветер дунул с другой стороны
И унёс штаны мои в воду,
Мировые в полоску штаны.
Лишь на утро на берег попали,
И ушла она молча, без слов.
А я в лодке печальный остался,
Без неё, без весла и штанов.
(Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва Юсьв.).

Ой, вставала я ранешенько

Ой, вставала я ранешенько,
Умывалася скорешенько,
Повязала свою голову платком
И в больницу побежала я бегом.
Калинка- малинка моя!
И в больницу побежала я бегом!
До чего моя головушка болит,
До чего моя головушка трещит.
Спасу нет – ночами мучает живот,
Ох, работушка на ум не идет!
Что-то стало под лопаткой поднывать,
Зубы, видно, тоже скоро заболят,
Ухо правое стреляло всю ночь,
Ох, работать мне никак не в мочь!
Скоро надо уж картошку убирать,
Нету моченьки мне на ноги вставать,
Всю-то ноченьку кололо мне в боку,
Ох, работать я никак не смогу.
Походила по больницам, по врачам,
Побывала в кабинетах тут и там.
Меня стукали и слушали врачи,
Никакой во мне болезни не нашли.
А под вечер побежала ко врачу,

И кричу я, и ногами топочу,
На врача пустилась в рукопашный бой,
Дай мне справку, не то сам будешь больной!
А за эти рукопашные дела
Двадцать суток мне милиция дала.
И пилила, и колола я дрова.
Не болела ни спина, ни голова!
И такие я пилюли приняла,
Словно в Сочи на курорте побывала.
И забыла, что болела голова,
Словно мама меня вновь родила.
Калинка-малинка моя,
Словно мама меня вновь родила!
(Зап. от Андреевой Н.П., 1972 г.р., Никитиной М.Д., 1976 г.р., с. Пож Юрл.).

Частушки

Среди публикуемых текстов – частушки о любви и связанных с ней коллизиях – измене, соперничестве в любовных ухаживаниях, частушки, сатирически представляющие ухажеров. В раздел помещен также ряд текстов эротического характера (озорные, или «картиношные») – эта тема в частушках представлена еще полнее, чем в шуточных песнях). Для публикации отобраны тексты, наиболее интересные по языку, символике, эмоционально-психологическому заряду; отражающие общую тематику частушечного творчества (частушки, с которых начинали петь и плясать, частушки о гармонисте, о милом, о замужестве; о колхозах).

В частушечных текстах немало местных слов (*метляк* – бабочка, *обраковать* – не принять, *своянка* – свояченица, *переводы* – балки, *радеть* – любить, *баско* – красиво). Очевидно и активное использование новообразований (*золотомехая гармошка*, *тараторочка* – соперница), обращение к звукописи («*Все подружки шьют подушки, а я кружево вяжу...*»; «*Я под тополем потопаю...*»), использование не вполне традиционной рифмы (*поленом – кавалером*), особая суффиксальная инструментовка текста («*Посажу рябинушку во поле на глинушку. Высушу детинушку в нынешнюю зимушку*»). Немало текстов ориентировано на традиционную символику (сближение *гора – горе* в тексте «*Ой, не с той ли горы катится колечко?*»), содержит развертывание метафорических образов («*Напишу письмо слезами, запечатаю тоской*»).

Ряд текстов отражает бытовавшие в прошлом обычаи. Так, частушка «*Я свои перчаточки отдала на святочки, я на то надеюсь – пойду плясать, согреюсь*», вероятно, соотносится с бытовавшим в прошлом обычаем дарить будущему жениху *знамя*, предмет, символически обозначающий согласие на брак.

И кричу я, и ногами топочу,
На врача пустилась в рукопашный бой,
Дай мне справку, не то сам будешь больной!
А за эти рукопашные дела
Двадцать суток мне милиция дала.
И пилила, и колола я дрова.
Не болела ни спина, ни голова!
И такие я пилюли приняла,
Словно в Сочи на курорте побывала.
И забыла, что болела голова,
Словно мама меня вновь родила.
Калинка-малинка моя,
Словно мама меня вновь родила!
(Зап. от Андреевой Н.П., 1972 г.р., Никитиной М.Д., 1976 г.р., с. Пож Юрл.).

Частушки

Среди публикуемых текстов – частушки о любви и связанных с ней коллизиях – измене, соперничестве в любовных ухаживаниях, частушки, сатирически представляющие ухажеров. В раздел помещен также ряд текстов эротического характера (озорные, или «картиношные») – эта тема в частушках представлена еще полнее, чем в шуточных песнях). Для публикации отобраны тексты, наиболее интересные по языку, символике, эмоционально-психологическому заряду; отражающие общую тематику частушечного творчества (частушки, с которых начинали петь и плясать, частушки о гармонисте, о милome, о замужестве; о колхозах).

В частушечных текстах немало местных слов (*метляк* – бабочка, *обраковать* – не принять, *сваянка* – свояченица, *переводы* – балки, *радеть* – любить, *баско* – красиво). Очевидно и активное использование новообразований (*золотомехая гармошка*, *тараторочка* – соперница), обращение к звукописи («*Все подружки шьют подушки, а я кружево вяжу...*»; «*Я под топодем потопаю...*»), использование не вполне традиционной рифмы (*поленом – кавалером*), особая суффиксальная инструментовка текста («*Посажу рябинушку во поле на глинушку. Высушу детинушку в нынешнюю зимушку*»). Немало текстов ориентировано на традиционную символику (сближение *гора – горе* в тексте «*Ой, не с той ли горы катится колечко?*»), содержит развертывание метафорических образов («*Напишу письмо слезами, запечатаю тоской*»).

Ряд текстов отражает бытовавшие в прошлом обычаи. Так, частушка «*Я свои перчаточки отдала на святочки, я на то надеюсь – пойду плясать, согреюсь*», вероятно, соотносится с бытовавшим в прошлом обычаем дарить будущему жениху *знамя*, предмет, символически обозначающий согласие на брак.

Любопытным примером местной частушечной поэтики может служить текст о милёнке — «У меня милёночек на четыре буквы, В да О да В да А — милый Вова у меня». Это напоминает распространенное в подростковой субкультуре превращение имени в условную аббревиатуру. Фактически же за приёмом стоит «углубленное» восприятие имени любимого, любование не просто звучанием имени дорогого человека, а каждым его звуком.

Частушки собраны во всех исследованных территориях, наибольшее количество их получено от следующих исполнителей: Сабуровой А. А. (с. В. Лобаново Юрл.), Ведерниковой А. А., Фоминой Е. А. (д. Зюздино Юрл.), Жениной Е. М. (с. Усть-Зула Юрл.), Лихачёвой С. А. (д. Монастырь Гайн.), Полюшковой М. К. (п. Сейва Гайн.), Искан Р. И., Хомяковой О. П. (п. Чуртан Гайн.), Андреевой Н. П. (с. Пож Юрл.), Батиной А. М., Невוליной К. И. (п. Майкор Юсьв.), Мильчаковой С. Г. (с. Пож Юрл.), Беляниной Л. Т. (п. Пожва Юсьв.), Подкиной М. Ф. (д. Васькова Юрл.), Чеклещовой З. И. (д. Кукольная Юрл.), Деткиной М. И. (д. Келич Юрл.), Макаровой К. Т. (с. Юрла).

Для выхода в круг (начальные)

Вот и я, вот и я, вот и я и вышла,
На высоких каблуках, сама некудышна.

Разрешите поплясать, разрешите топнуть.
Неужели подо мной переводы лопнут?

Рассыпайся, горох, по зелёной грядке,
А я выйду, попляшу на седьмом десятке.

Поплясала я, да мало на мою забавушку,
Моя бабка не плясала, попляшу за бабушку.

Запевай, моя подруга, запевай, мой самолёт.
Кроме нас с тобой, хорошая, никто не запоет.

Запевай, подруга, ты, если ты весёлая.
Никому не надо сказывать, что жизнь тяжёлая.

Подпевай, подружка песню, первую, начальную.
Не могу развеселить головушку печальную.

Девяносто песен знаю, сёдни все перепою.
В каждой песне по разочку ягодину вспомяну.

Ой, как мне песенки не петь, что не веселиться?
А у меня нету никого, никто не забранится.

Попляшу, потопая по маминому по полу,
Я еще годочка два на маму поработаю.

Растяни гармошку шире, пусть девчата подпоют,
Чтобы знали во всем мире, как на Юрле-то живут.

Ох, топни нога правая и левая,
В революцию родилась – я девчонка смелая.

Я свои перчаточки отдала на святочки,
Я на то надеюсь – пойду плясать, согреюсь.

Эх, топни нога, топни правенькая,
Все равно ребята любят, хоть и маленькая.

Запевай, подружка, песню, я люблю, как ты поешь.
Я люблю твоего милого, а ты не отдаешь.

Ох и петь-то я, и плясать-то я,
На работушку я – болит головушка моя.

А я плясала, топала, себе искала сокола,
Вот такого сокола, красивого, высокого.

Мы не вашего села, не вашего селения.
А не по-вашему поем, просим извинения.

Об отчаянной

У меня милёнка три, три и полагается,
Один бьёт, другой ругает, третий заступается.

Может, я и некрасива, мне не надо краски,
Был бы разум в голове да весёлы глазки.

Ах, пол, провались, потолок, провались,
На доске остануся, с милым не расстануся.

Что ты, милый, задаешься – я хорош да я хорош.
У меня таких хороших – восемь на восемь помножь.

Не ругайте вы меня, ругайте мою мамку.
Она спорóдила меня, такую хулиганку.

У меня миленка два, два и полагается.
О обоих волоса кудрями завиваются.

Мама, бей, мама, бей осиновым поленом.
Начинаю я гулять с красивым кавалером.

Говорят, говорят, говорят, гуляю.

Я еще молоденька, любовь не понимаю.

Я иду, я иду, я иду и встану.

Через ворожеечку тебя, милой, достану.

Дорогой, дорогой, я тебя дороже.

На четыре годика да я тебя моложе.

Я цыганка молодая, по ночам люблю гулять.

Когда нечѐ воровать, научилась хохотать.

Говорят, что я бойка, я не отпираюся,

Алименты получать я не собираюся.

Говорят: мала, мала, а я мала да удала,

Я сама его, высокого, до слез довела.

Посажу рябинушку во поле на глинушку.

Высушу детинушку в нынешнюю зимушку.

Говорят про меня, что я ростом мала,

Не калина, не малина, не повяну никогда.

О гармонисте

Гармонист такой красивый, я в него влюбилась,

Кабы я была стеклянна, пала бы, разбилась.

Пой, пой, подпевай голубиным свистом.

Подзывайте, девушки, к себе гармониста.

Ты играй, играй, гармошка, ты золотомехая.

Моя милка с той гармошкой на козе проехала.

Гармониста полюбила, гармониста тешила,

Гармонисту на плечо сама гармошку вешала.

Гармониста полюбила, наругала меня мать.

Не ругай меня, мамаша, развеселый будет зять.

Гармошка ревет на четыре тона.

Наших девок берегут на полатах дома.

Хорошо гармонь играет, только холодно рукам.

Поиграй повеселей, я перчаточки отдам.

Гармонист в белой рубахе, поиграй-ко для меня.
Может быть, когда-то буду ухажорочка твоя.

Гармонисту нашему надо премировочку,
На пальто и на костюм, еще на поллитровочку.

Гармонщик-орел, до чего меня довел.
Говорила раньше: проводи подальше.
А теперь и раньше уматывай подальше.

Хорошо игрок играет, только ручкам тяжело.
Кабы я играть умела, заменила бы его.

Полюбила гармониста, и теперь не маюся.
Как услышу – заиграет, словно повидаяюся.

Гармонист какой хороший, сердце беспокоится.
Разрешите гармонист с вами познакомиться.

Я плясала на полу, плясала на полянке.
Ой, спасибо игроку, спасибо и тальянке.

Гармонь сто рублей, а меха на двести.
Всю неделю с милым врозь, в воскресенье вместе.

Гармониста любить – надо чисто ходить,
Надо пудриться, румяниться и кудри наводить.

Все пою, все пою, а плясать боюсь,
Подумаю, подумаю, может, разойдуся..

Раздайся, народ, чернобровая идет.
Чернобровая – бедовая, нигде не пропадёт.

Я плясала на полу, плясала на порожке,
Ой, спасибо игроку, спасибо и гармошке.

Вот спасибо игроку, да я уж наплясалася.
Ваши рученьки устали, да и мне досталось.

Не по-нашему играют, не по-нашему поют,
Не по-нашему девчоночки ногами топают.

Разрешите поплясать на вашей территории.
У меня миленка два, они меня расстроили.

Ой, девки, беда, потеряла брошку.
До смерти люблю, кто играт в гармошку.

Ты почаще, почаще, почаще играй,
Почаще на ноги поглядывай, штаны не потеряй.

Ты игрок, ты игрок, посмотри на потолок -
Не твою ли косолапую котенок уволок?

Гармонист, гармонист, мы уж припотели,
А по совести признаться, сикать захотели.

Гармонист, гармонист, лаковы сапожки,
Не тебя ли гармонист обосрала кошки.

Гармонист, гармонист, как тебе не стыдно?
У тебя штаны дырявы, помидоры видно.

Гармонист сидит на стуле, у него болтается.
Интересная пичулька, чем она питается?

О милом

Коля, Коля дрова колет, Коля песенку поет.
Его розова рубашка, его солнышко печет.

Я у Коли-то была, стояла под полатями,
Не боялась я его, боялась его матери.

Коля, Коля, Колистый, какой ты разговористый,
Кабы Коля не родня, полюбила бы тебя.

Не ходи, Коля, по полю, по овсяным полосам.
Я и так тебя узнаю по кудрявым волосам.

Коля, Коля, ты отколе – Коля из Оханова.
Напоили девки Колю из ведра поганого.

Я любила Колю-дрюлю, величала Николай.
А теперь, такая сволочь, на глаза не попадай!

Ваня, Ваня, поиграй в балалайку новую,
Мы частушки пропоём про судьбу тяжелую.

Ваня, Ваня, я за вами, вы все удаляетесь.
По какому интересу за двумя гоняетесь?

Я любила Ванчика – поила из стаканчика.
А тепере Ванчику пуля из наганчику.

Ваня, Ваня, Ванчик, хороший Ваня мальчик.
Без лучины, без огня сердячко выжег у меня.

Ехал Ванька на пеганке через долгий-долгий мост.
Спел он песенку важненько, донял милочку до слез.

Эх, Сашку бьют и рубашку рвут.
А я лягу на него – не бейте Сашку моего!

Я любила Гришу-ту за рубашку вышиту,
А теперь я Санечку за его тальяночку.

То ли, то ли из-за Толи, то ли из-за Шурочки
Налетели на меня четыре девки дурочки.

Мой-от милый Степочка, где пройдет, тут тропочка.
Куда ступит – ямочка, не вырастет поляночка.

У меня миленочек на четыре буквы,
В да О да В да А – милый Вова у меня.

Вы не ешьте, девки, редьку, редька горька, солона.
Не любите, девки, Федьку, Федька чистой сотона.

На качуле я качалась, под качулей чурка.
Меня двое завлекают: Алексей да Юрка.

Я сидела, вышивала на окошке метляка.
От своёва дорогова не слыхала матюка.

Вон идёт, вон идёт, вон шевелит брюки.
Это милого походка – по карманам руки.

Я не ужинала, не обедала,
Милый ехал-понаехал — позабедовала.

У моёго милого волосы волнисты.
Я его не променяю на горы золотисты.

Ягодинка целовал, губоньки прикусывал,
Как же я не догадалась, что меня присушивал.

Я рвала, рвала травиночку под самый корешок.
Я ждала, ждала миленочка под самый вечерок.

Голосочек хриповатый, я не виноватая.
Виноватый милый мой, ходил по холоду со мной.

Нынче редечку садила, кустик вырастила,
Я которого любила, того высмотрела.

Милый пашенку пахал, не сохой, а трактором.
Не гонюсь за красотой – гонюсь за характером.

Хорошо, хорошо, хорошо в тумане
Ягодиночка мой летит на эроплане.

У миленочка в дому стояла под полатами.
Я за то его любила – один сын у матери.

Милый брось, милый брось из руки железну трость.
Хватит, пожили мы вместе, поживем теперь и врозь.

Неужели серый конь от столбика отвяжется,
Неужели милый мой от меня откажется.

Все пришли, все пришли, все по лавкам сели,
Моего миленка нет, видно он в постели.

Уговаривал мальчоночка девчоночку свою:
«Не надейся, ненаглядная, на совесть на мою».

У меня миленка три, да за которого идти?
Один мал, другой велик, а третий немо говорит.

Что ты милый задаешься со своею красотой.
Разве лучше не найдется тебя, гадины такой.

Глазки черные не смоешь и платочком не сотрешь.
Если любишь, то не скроешь, провожать меня пойдешь.

Не ходи, не ходи, тебя никто не просит.
Ты отдай моё кольцо, пусть другой поносит.

Кудри вилися, валилися на шёлковую шаль.
Мы гуляли, нас не пара, и расстались – не жаль.

Сатирические о миле

Полюбила дорогого, говорит, что генерал.
Посмотрела я наутро – он бутылки собирал.

Мой милёнок не теленок, не корова, не бычок.
Как оденешь колпачок – настоящий дурачок.

Милый мой, картовна шаньга, шанешка немазана,
Ты скажи, картовна шаньга, чем ты не уважена.

Посмотри-ка ты, подружка, как красив миленок мой.
Глаза круглые, большие, нос квадратно-гнездовой.

До чего красив залетка, до чего же он хорош.
Он на чижика, на пыжика, на ёжика, на тузика,
На шарика, на Тобика, на Бобика похож.

Мой-то милый не стрижется, вот так положение.
К нему надо применить электрострижение.

У моёго милого шляпа из велюра.
А под шляпой ничего, только шевелюра.

Ты зачем ко мне ходил, зачем подарочки носил?
Из-за тебя, мой крокодил, ко мне никто не подходил.

У миленочка ограда из двенадцати жердей.
У миленочка скотина – таракан да воробей.

У меня миленок лысый, так куда же его деть?
Если зеркала не будет, буду в лысину глядеть.

Все пришли-то при галошах, все пришли-то при часах,
Мое чучело горохово приперлось в сапогах.

Вон идут, вон идут наши ухажеры:
Половина дураки, половина воры.

О сопернице

Эх, рожь, колосись, и овёс, колосись,
Развесёлая сударушка, красой не заносись.

Ты, кукушка, не кукуй, куковать не надо.
Ты, подружка, не ревнуй, ревновать не надо.

На окошке сидит кошка белолापенькая.
Моёго милого подружка косолапенькая.

Говорила я миленку, говорила я не раз:
Ты не пей у тараторочки ни воду и ни квас.

Вот она, вот она, вот она отбила,
Хорошо и сделала – меня освободила.

Милый, тополь ли осина, на меже которая?
Милый, я или своянка — по душе которая?

О измене

Дорогой, забудь, забудь из нас которую-нибудь.
Дорогой, забудь меня, пускай в измене буду я.

Поухаживал да мало, стал по-своему учить.
А не хочешь ли, миленочек, измены получить.

С неба звездочка упала и другая упадет.
Тебе, милый, за измену косолапа попадет.

Изменил милый на совесть, я ему на двадцать пять.
Он нашел себе неряху, а я мальчика на «ятъ».

Мой-от мил нечистой дух, в одной деревне любит двух.
Кабы через полюшко, не так бы брало горюшко.

Девушки, внимание, девушки внимание.
Он нашел, и я нашла, идет соревнование.

А мне милый изменил, я не поперечила,
Я другого завела через четыре вечера.

Изменил, не расцветает, я не вяла без тебя.
Я нашла себе такого, не сменяю на тебя.

Изменил мил на неделю, а я думала на век.
Всю неделю проревела, бестолковый человек.

Изменяешь, изменяй, печатку мыло покупай.
Свою черную цыганочку до бела промывай.

Я измену и любовь по реке отправила.
Измена скоро утонула, а любовь всё плавала.

Я иду, а милый пашет черную земелюшку.
Я прошла и говорю: «Запаши изменушку».

Изменил, потом подходит: «Разрешите подойти».
«Разрешаю, ягодиночка, сторонкой обойти».

Я под тополем потопаю, под липой попляшу,
Да я у старого миленочка измены попрошу.

Мене милый изменил, думал, что посохну.
Я сначала поскучала, а теперь не охну.

Меня милый изменил, теперь я измененная,
Да неужели я повяну, как трава зеленая?

А изменена, изменена, изменена, брошена.
Пожелаю тебе, миленький, всего хорошего.

Говорят, что осень, осень, а трава зеленая,
Говорят, что милый бросил, а я все веселая.

Изменил да еще спрашивашь: «Гуляешь каково?»
А я с улыбочкой ответила: «Получше твоего».

Изменил, изменил, изменил холера.
Неужели не найду себе я кавалера?

Кабы знала в речке омут, я бы не купалася.
Кабы знала друга совесть, век бы не влюблялася.

Изменил мене милёнок, я ему сказала так:
«Ты осёл, козёл, дубина, разгильдяй, балда, дурак».

О печали, разлуке

Не всё горюшко приплакать, не всё горе притужить,
Я решила своё горюшко на радость положить.

Скоро будет Троица, березки листом кроются.
Скоро миленький приедет, сердце успокоится.

Ох и я, ох и я, ох и я отчаянна.
Не повешу голову, не буду я печальная.

Напишу письмо слезами, запечатаю тоской,
Пусть читает, разбирает мой милёнок дорогой.

Ухажорила подруга, ухажорила и я,
Да того доухажорила – осталася одна.

Ухажёров было пять, не умела завлекать.
А теперь научилась – ухажера негде взять.

Гармошка ревет, я куда деваюсь,
Милый в городе живет – я в деревне маюсь.

Я любила его, меня ругали за него,
Больше разу не увидите меня возле него.

Я иду, иду, иду, встану да подумаю,
Он поди меня не любит, а я дура – думаю.

Ой, не с той ли горы катится колечко?
Неужели у милого не болит сердечко?

Что ты, милый, редко ходишь, в две недели один раз?
Если кажется далёко, приходи, живи у нас.

Дождь идет, дождь идет, с крыши вода льется.
Рассердился мой миленький, да не признается.

У кого глаза большие, тот счастливый человек.
У меня, как у коровы, почему же счастья нет?

Я иду – гора гориночка, иду гора – горой.
Я сама-то сиротиночка, гуляю с сиротой.

Рассердился, разгневился мой миленький на меня,
А я знаю, сердце вянет у него и у меня.

Говорила мене мати, повторяла часто:
Не влюбляйся в карие очи, ой, будешь несчастна.

А я мати не слушала, сама понимала.
Полюбила карие очи, в больницу попала.

Вот лежу я во больнице, головой качаю.
Приди, приди, мой миленький, по тебе скучаю.

- Хоть я приду, хоть не приду – ничем я не поможу,
Только, моя дорогая, сердце растревожу.

Я хожу в красивом платье, когда дождь, когда роса.
Не дождусь, когда приедешь, милый, карие глаза.

Как и как и расстанутся, как расстанья делают.
С горя ноженьки не ходят, рученьки не бегают.

Я иду, иду и встану среди поля сжатого.
Привыкай, голубушка, ходить без провожатого.

Мы с миленочком расстались и пошли по сторонам.
Он запел, а я заплакала, легко ли было нам.

Светит месяц высоко, не достанешь палочкой.
Мой миленок далеко, не походишь парочкой.

Много горя у меня, много и печали.
Вся веселая хожу, чтоб не замечали.

Он пошел, а я осталась на пригорочке стоять.
Небольшого росту девушка, заставила страдать.

Отходила и отпела во зеленом камыше,
Отлюбила того милого, который по душе.

Все прошло и прокатилось времечко веселое,
А теперь наступило самое тяжелое.

На что мать меня родила на такое горюшко?
Положила бы в корзинку, увезла бы в морюшко.

Сядь-ка, сядь-ка, милый рядом, плечико о плечико.
Всё изныло, изболело о тебе сердечико.

Ты досада не рассада, не раскинешь по грядам.
И кручина не лучина, не сожжёшь по вечерам.

Милый пишет письмецо, спросит: «Носишь ли кольцо»?
Я пишу ему в ответ: «Потеряла, больше нет».

Ой, куда я залетела, канарейка, в темный лес
Не сама я залетела, залетел мой интерес.

О кавалерах

Картошку копать – руки пачкаются.
С кавалерами гулять – шибко матькаются.

Времечко уже двенадцать, без пятнадцати минут.
Посулились ухажёрики – не рано, да придут.

Ой, мальчишки, вы мальчишки, что это за нация?
По двадцать девочек любить – это спекуляция.

Девушки, поверьте, все ребята черти.
Любят и ласкают, а потом бросают.

Раньше были рюмочки, а теперь бокалы.
Раньше были мальчишки, а теперь нахалы.

Раньше были табуретки, а теперь-то стулики.

Раньше были ухажеры, а теперь-то жулики.

Их, ух, ох, ох, делают не ладно.

Из-за девок любят баб, девушкам досадно.

Девки, пейте вино, не спивайтесь.

Что ребята говорят, не сдавайтесь.

О женитьбе, замужестве

Ох, девки, беда, за кого я вышла.

По колен борода, широки голенища.

Перед зеркалом стояла, сама себя видела,

Молодых ребят радела, мужа ненавидела.

За цыгана выйду замуж, хоть родная мать убей.

Карты в руки, шаль на плечи, и обманывать людей.

Не ходите, девки, замуж, бабья проклятая жизнь.

Не отпустит на вечерку, скажет, рядышком ложишь.

Я качалась не боялась, дома пели петухи.

Я в которой дом хотела, не попала во снохи.

Я хотела выйти замуж, мать корову не даёт,

А жених такой нашелся, без коровы не берёт.

Не ходите, девки, замуж: только скука и печаль.

Через год будет ребенок — только охай и качай.

На стене висит пальто, меня не сватает никто.

Выйду в поле, закричу: «Караул, замуж хочу»!

Попляшите вы, ботиночки, вам больше не плясать.

Выйду замуж — буду плакать, вы на полочке стоять.

Кабы знала, кабы знала, где мне замужем бывать,

Пособила бы свекровушке рассаду поливать.

Все подружки шьют подушки, а я кружево вяжу.

Все подружки вышли замуж, а я в девушках хожу.

Я на бочке сажу, бочка катится,

Никто замуж не берёт, а замуж хочется.

Меня сватать призывали с позолоченной дугой.
Когда кудрилась, румянилась, уехали к другой.

Меня сватать приезжали на худой кобыле.
Всё добро мое забрали, а меня забыли.

Меня сватали сваты, сваты были богатые.
У меня придано было: два кота лохматые.

Меня милый уговаривал за каменной стеной.
Давай, милочка, жениться, будешь ты моей женой.

Девки стоят три копейки, а ребята стоят руб.
Как задумают жениться — трехкопеечных берут.

Женим, женим долгу спину, женим, женим дурака.
Привезем ему невесту из Перми, из барлака.

Местные

Скоро, скоро я уеду, Титова останется.
Интересно бы узнать, кому милой достанется.

На Чуртан-то идти — ямочки да ямочки.
Как я буду забывать чуртановски гуляночки?

По Кудымкарской дороге катятся арбузики.
Это не арбузики — парни-карапузики.

По деревне-то Паньковой прокатилось блюдо.
А на паньковских-то ребят поглядеть-то любо.

На Осановском пруду кукушка куковала.
У миленочка мать меня обраковала.

Как по Каме по реке ходили пароходики.
Очень быстро, девочки, уходят наши годики.

Вы, девки-пожевяночки, на щёчках у вас ямочки,
Вы для нас частушки спели да сплясать ещё хотели.

Мужские

Мой конь вороной, грива золотая.
Садись, прокачу, мила дорогая.

Девчонки, девчонки, девчонки на ять.

Ваши юбочки коротеньки, коленочки видать.

Думал, думал: жить нельзя, передумал — можно,
По вечерочкам ходить надо осторожно.

Чернобровая с кудрями — это милочка моя.

Её все ребята любят, не один мальчишка я.

Завивай, милашка, кудри на моей головушке,
Чтобы девушки любили на чужой сторонушке.

Не расчесывай расчески, чернобровая моя.

За твои такие расчески бьют молодчика меня.

Я по этой тропочке износил подметочки.

Только новые подбил, товарищ милочку отбил.

Ёлочки, сосёночки, боюсь уколюся я.

Жалко гой девчоночки, с которой расстаюсь я.

Шел я лесом и горой, нес тальянку под полой.
Проступился в ямочку, сломал свою тальяночку.

Нам хотели запретить по этой улице ходить.

Стены каменны пробьем, по этой улице пойдем.

Вдоль по улице идем, не сердитесь, тетушки,
Дочерей мы ваших любим, спите без заботушки.

Хороши девчонки, отбили мне печенки

Я хоть без печеночек люблю я тех девчоночек.

Дом большой, окошек много, крыша вся железная.

В этой хате на кровати спит моя любезная.

Вы зачем меня женили, пару коней маяли

Вы зачем такую брали, кою люди хаяли.

Мою милку сватали, меня под лавку спрятали.

Я под лавочкой лежу, милашку за ноги держу.

Мою милку сватали, меня в чугунку спрятали.

Сковордой прихлопнули — чуть шары не лопнули.

Ты цыган, я цыган, оба мы цыгане.

Ты воруюшь лошадей, я ворую сани.

Девки ух, бабы ух, на какой нам черт старух.
Надо девок берегчи, старух под берег волокчи.

Оторвали, оторвали, оторвали, оторвём,
Мы нигде не пропадали, и нигде не пропадём.

Ох, ох, не дай Бог старому жениться —
Молодая не пойдёт, стара не годится.

Ой, теща моя, неполюбленная,
Становина три аршина неподрубленная.

Нонче новые права — старых девок на дрова,
Двадцати пяти солить, лет семнадцати — любить.

А мы нигде не пропадали и нигде не пропадем.
Каму в лодке переедем, Косу бродом перейдем.

О колхозах

На колхозную работу мы не торопимся.
Шаг вперед и два назад, да и заворотимся!

Сирота я, сирота, нету матери, отца,
Родила меня лохматая колхозная овца.

Колхоз большой, две бригады пашут.
Остальные не меже сербиянку пляшут.

В колхоз пошла — юбка новая.
Из колхозу пошла — ж.. голая.

Мы в колхозе поработам — по галошам заведем.
Председателя полюбим — и до валенок дойдем.

Девки, пейте брагу, мы в колхозе робим.
Неужели мы с тобой на брагу не заробим?

Бригадир по полю ходит, балалайка трень да брень.
Штаны снимет и покажет: «Вот вам, бабы, трудодень»!

С неба звездочка упала бригадиру на сажень.
Кто грибовницей накормит, тому пишет трудодень.

Озорные

Сроду меду не едала, то ли сладко, то ли нет.
Сроду с парнем не сыпала, то ли баско, то ли нет.

Просил — помню, обещала — помню,
А давала или нет, хоть убей, не помню.

И дать — говорят, и не дать — говорят.
Лучше дать чем не дать — пускай говорят.

Отчего и почему юбочка не сходится.
Оттого и потому — маленький заводится.

Кому горе, кому смех, мне опять забота.
Шевелится в животе милого работа.

Отчего и почему стала юбка узка?
От того, и потому — от милого нагрузка.

Ох, в девках я была очень интересная.
В девках девку родила, замуж вышла честная.

Я на печке спала в белой кофточке,
Я кудрявую свою держала в горсточке.

Девки ухали, орали у попа на помочё.
Приходили за расчетом — рассчитал их на пече.

Позабыл, в какой деревне одна девка мне дала
Коромыслом по затылку — затрещала голова.

По деревне мы идём, всем подарки раздаём.
Кому сына, кому дочь, надо девушкам помочь.

Я на тракторе работал и права не получил.
Заволок Матаню в баню и четвёртую включил.

Радиатор, трансформатор и коробка скоростей,
Пойдём, мила, потрясёмся для развития костей.

У монгола ж.. гола, у монголочки пушок.
Засадил монгол монголочке по самый корешок.

Как задумал я жениться, думал: сёдня оженюсь.
Девки в озере купались, я увидел и боюсь.

Я на печке спала, шубой укрывалася,
А под шубой шуры-муры с Шурой занималася.

Как задумал я жениться числа двадцать пятого.
Мать женилку отрубила и куды-то спрятала.

Восемь девок, один я, куды девки, туды я.
Девки в лес по малину, я залез на Катерину.

Акулина родила Настю косолапую.
Ну и мать ее ети, ей не в армию идти.

Пошла плясать шелупиною назадь,
Чернобровой наперед, да никто замуж не берет.

Меня пьяну напоили, не могу домой идти.
Свою кунку потеряла, не могу ее найти.

Милый мой идет хохочет, мою куночку волочет.
Я иду, иду, реву: отдайте куночку мою.

Кунарила, кунарила, перестала кунарить;
До того докунарила – стала кункой говорить.

Как на нашем на базаре новы титьки продавали.
Не надо силиконные – есть свои законные.

Я на горке была и Егорке дала.
Не подумайте плохого, хлеба корку дала.

Самолеты, самолеты повороты делают.
Человек на человеке человека делают.

Завершающие

Мы «косупки» петь кончаем и садимся в решето.
Уезжаем в Пож-деревню за частушками еще.

Я частушки петь кончаю, я уже напелася.
У меня миленка нет, на ваших нагляделася.

Ох, запели петухи, закричали куры.
Не пора ли нам домой, юрлинские дуры.

Песня вся, песня вся, песня кончилась.
Нам бы браги туесок – побежал бы голосок.
Нам по рюмочке винца – спели песню до конца.

Научное издание

**Анатолий Андреевич Бахматов
Татьяна Геннадьевна Голева
Иван Алексеевич Подюков
Александр Васильевич Черных**

**Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор.
Материалы и исследования**

Технический редактор *Е. Н. Свалова*
Компьютерная верстка *С. В. Архаров*

Подписано в печать 10.11.2008. Бум. ВХИ. Формат 60х90 1/16
Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе. Усл. печ. л. 31,4.
Тираж 300 экз. Заказ 842.

Издательско-полиграфический комплекс «ОТ и ДО»
614094, Пермь, ул. Овчинникова, 19; тел./факс: (342) 224-47-47